

АЛЕКСЕЙ ПОВОРОВ

ИМПЕРИЯ

РОМАН

Шел 9 год нашей эры. Римская империя, расширяя свои границы, захватывала и покоряла новые народы. Давно на востоке возшла и погасла звезда, а волхвы принесли дары спасителю. Темные силы разыгрывают свою партию в поисках человека, который взойдет на престол великой империи, чтобы погубить мессию...

Глава 1 ТЕВТОБУРГСКИЙ ЛЕС

Квинтилий Вар, верни мне легионы!

Октавиан Август

Германия. Где-то близ города Ализо, в расквартированных летних лагерях римской армии, у горящего костра сидели солдаты под навесом из звериных шкур и мохнатых еловых веток и горячо спорили о чем-то давно надоевшем. Мелкая изморось и прохладный ветер пронизывали их тела до костей. Кутаясь в плащи и подкидывая дрова в огонь, они пили вино и снова и снова что-то обсуждали. Дым наполнял уютившее их подобие укрытия густым и плотным туманом, который, пробиваясь через крышу шалаша, устремлялся куда-то вверх — к кронам огромных деревьев, чьи ветви, казалось, никогда не пропустят к земле лучи солнца.

Вскоре из чащи послышался хруст веток и брань людей. Солдаты продолжали свой разговор, и лишь один из них, вытащив копье из земли, кинул его молодому на вид парню со словами:

— Дементий, походи посмотри, что за шум.

Несмотря на то, что встав с нагретого места, солдат пошел в сторону, откуда доносился звук, который между тем становился все громче и четче.

— Кто там шляется? Кого нелегкая принесла? — недовольно пробормотал он.

В ответ послышалась тирада отборной ругани, и из леса показались три человека в римской одежде. Двое из них тащили на плече копье, к которому была подвешена туша кабана.

— Свои, опусти оружие! Будь проклято это место! — отряхиваясь от хвои и листьев, проревел тот, что возглавлял процессию.

— Я гляжу, вы не зря сходили на охоту, нам сегодня будет, чем поживиться! — радостно воскликнул Дементий и в знак восторга поднял чашу с вином, выказывая тем самым уважение к пришедшим.

— Это да, здоровый кабан попался. После того, как мы его подстрелили, эта животина еще полчаса гонялась от нас, пока не истекла кровью и не испустила дух! — сбрасывая тушу к костру, ответил один из охотников.

— Кто же тот счастливчик, которому улыбнулась удача завалить такого зверя? Неужто снова Ливерий?

— А то кто же? Никогда не видел, чтобы он промахивался. И как он только в него попал в этих непроходимых лесах? Каждый раз удивляюсь его меткости. Может, секрет откроешь, а? — приступая к разделке туши, ответил Кристиан.

— Брось, это просто везение. Хотя стреляю я и правда отменно. Что есть, того не отнять, — наливая в чашу вина, с улыбкой на лице похвастался Ливерий и, положив лук и колчан, присел поближе к костру.

Вскоре, разделав мясо и нанизав его на вертел, воины принялись готовить на огне дары природы, которые им преподнесли эти леса. Через несколько минут воздух наполнился запахом жареного мяса, который заставлял людей жадно сглатывать голодную слюну и нетерпеливо ждать ужина.

— Какая же мерзкая погода! Сколько можно стоять здесь без дела?

Я скоро сам одичаю и превращусь в такого же дикаря, измазанного краской и поклоняющегося своим умалишенным друидам. Мне рассказывали, что их жрецы приносят людей в жертву, дабы склонить богов на свою сторону. Говорят, что они не щадят никого: ни детей, ни женщин, и что пьют человеческую кровь и получают от этого наслаждение, которое приводит их в бешенство и дает им огромную нечеловеческую силу.

— Не преувеличивай! — послышался чей-то голос. Пригибаясь под навесом, к костру подошел человек в форме центуриона римского легиона. Солдаты, сидевшие в кругу, быстро встали и сделали жест приветствия.

— Не стоит, здесь все свои, — сняв шлем и повесив его на крючок, продолжил центурион. Я гляжу, у вас хорошая добыча — неплохой вас сегодня ждет ужин. Запах стоит такой, что скоро сюда приползут все караулы, — усмехнулся он.

— Вина, Корнелий?

— Не откажусь, — принимая чашу и усаживаясь поудобнее у костра, ответил центурион. — Так кто отличился на этот раз? Неужели вас снова кормит лук Ливерия?

— Так точно, Корнелий. Если бы не я, эта свора жалких головорезов уже бы подохла с голоду. Они настолько ожирели, ничего не делая в этих лесах, что стали похожи на женщин! — рассмеявшись, отрапортовал Ливерий.

— Ой-ой-ой! Кормилец, пока мы выгоняли на тебя этого кабана, ты прятался в кустах, а мы полдня топтались по этим мерзким лесам.

— Так я же про то и твержу. Как говорится, кто на что учился. Кому-то стрелять, — поглаживая рукой тетиву, ответил Ливерий, — а кому-то топтать грязь, как тебе! Я же не виноват, что у тебя руки не под то заточены!

Солдаты рассмеялись, а Ливерий, подмигнув глазом собеседнику, дал понять, чтобы тот не обижался.

— Корнелий, а ты как думаешь, друиды существуют?

— Ну, раз про них знают, значит, стало быть, существуют. Только преувеличений не надо, а то станете германцев бояться еще больше, чем сейчас. А на счет того, что они безжалостны к своим врагам, так мы тоже добротой-то не славимся. Тем более, за что они нас жалеть будут? Не они к нам пришли, а мы к ним.

— Ты хочешь сказать, что мы тут попросту теряем время? Гнием в этих лесах ни за что?

— Я ничего не хочу сказать. Раз мы здесь, значит, так надо. Империи нужны земли, и этим все сказано. Единственное, что меня тревожит, так это то, что вместо Тиберия наместником сюда назначили Вара. Его действия не приведут ни к чему хорошему. Он думает, что поставит германцев на колени так же, как склонил народ в Африке и Сирии. Но нет, здесь все будет иначе. Эти варвары не так просты, как кажется. Чует мое сердце: случится что-то неладное...

— Да брось! У нас здесь три имперских легиона. Да что эти дикари могут сделать? Закидать нас камнями?

— Не стоит недооценивать врага, мой друг! Тем более Корнелий редко ошибается, — сурово сведя брови, ответил Кристиан.

За Рейном администрация императора Августа обустроивала управление новой провинцией — Германией. Очередная область Римской империи была создана на землях,

отвоеванных у германских племен. Управлял регионом римский наместник Публий Квинтилий Вар. Этот человек явно не церемонился с местным населением, считая коренных жителей дикарями, которых нужно, словно животных, выдрессировать и обучить — обучить римскому праву. Как ему казалось, единственно верному. Наместник Вар открыто потворствовал произволу римских чиновников, насаждал повсюду судебные разбирательства и судил германцев по своим законам. Опираясь на три легиона, стоящих в Германии, он возомнил себя богом.

— Да с чего ты решил, что местные племена готовят восстание? Даже если и так, то их вожди никогда не смогут противостоять нам! — сплевывая в сторону, проговорил солдат.

— Я не решил, я просто делаю выводы из того, что вижу и слышу. Вар слишком легко верит тем, кого сам же и принижает. Он думает, если вождям дать римское гражданство и привилегии, то они станут покорными. Только вопрос в том, зачем им наше гражданство, если они и так свободны на своей земле? Вот для чего он приблизил этого молокососа Арминия к себе? Тот постоянно требует у Вара отряды для усмирения населения.

— Ну, ведь если не усмирять местных, они смогут объединиться, и тогда их будет гораздо тяжелее подавить, не так ли? — подойдя поближе к Корнелию, проговорил Кристиан.

— Да, ты прав. Болезнь лучше лечить на ранних стадиях, чем запустить до летального исхода. Но неужели требуется столько отрядов для усмирения? Сам посуди: разводя войска по уголкам провинции, он ослабляет нас. И если что-то случится, то в его распоряжении останутся только основные силы, а вспомогательные отряды не успеют подоспеть вовремя, поскольку этот «малыш» раскидал их по всей Германии.

— Но, Корнелий! Он же воевал на нашей стороне, и сам император причислил его к сословию всадников. Что же ты думаешь, он будет убивать своих, чтобы потом спасти их? По-моему, это бред. Тем более, я видел его в деле: он храбрый воин.

— Я хотел бы ошибаться, но что-то мне подсказывает: этот парень еще покажет свою змеиную натуру. А насчет того, что ему оказали почести в Риме, так поверь мне, если бы я был на его месте, то освободителем своего народа я бы хотел прославиться гораздо больше, нежели получить подачку со стола врага. Ладно. Пустой разговор. Наше дело малое. Ну, что там с мясом? Запах прекрасный, да и вид зажаренной корочки тоже, по-моему, говорит сам за себя.

— Да, кабан поспел, — проговорил воин, срезая дымящийся кусок жареного мяса с вертела и передавая его центуриону.

— Чудный сегодня денек, даже несмотря на эту гадкую погоду. Что еще нужно воину для полного счастья?

— Ну, бабу бы не помешало! — тут же ответил Ливерий, оттяпывая шмат от кабана. После этих слов все, кто находился у костра, рассмеялись. Затем поднялся Корнелий и, держа свою чашу в руках, произнес:

— За императора Августа! За нас! За наш девятнадцатый легион!

После этого все поднялись и повторили тост. Но как только он прозвучал, сзади послышалось фыркание лошади, и чей-то голос монотонно произнес:

— Центурион девятнадцатого легиона Гай Корнелий Август кто будет из вас?

Стоящие под навесом резко обернулись, некоторые схватились за оружие, так как никто не мог понять, как всадник так неожиданно оказался рядом с ними и почему его никто не смог заметить и услышать еще на подходе. Но Корнелий жестом руки успокоил своих солдат

и, выйдя вперед и прищутив один глаз, спросил:

— И кому я потребовался?

Перед ним находился всадник в темном военном плаще на черном, как ночь, коне. Его лицо скрывал капюшон, с которого мелкими каплями стекала дождевая вода. Конь фыркал и, переступая с ноги на ногу, чавкал копытами в размокшей земле.

— Так кому я нужен? — повторил свой вопрос Корнелий.

Конь всадника поднялся на дыбы и громко заржал, но наездник одернул поводья и, усмирив скакуна, произнес:

— Меня зовут Сципион. Я послан своим хозяином, дабы увидеться с наместником провинции Публием Квинтилием Варом. Мне известно, что вы отвечаете за здешние гарнизоны, а потому прошу вас провести меня до места встречи. Сами понимаете: обстановка беспокойная, и гонцу не стоит бродить по ночному лесу в одиночку.

— Вы правы, здесь не безопасно. Но почему вас послали без сопровождения и не сообщили мне о вашем прибытии?

— Я всегда передвигаюсь один: так легче не выделяться и скрыться в случае чего. А вас не предупредили потому, что мое донесение очень важно и никто не должен знать о моем прибытии до того момента, пока я не найду вас, — Сципион вытащил из-за пазухи свернутый папирус с императорской печатью и протянул его центуриону.

Развернув его, Корнелий вдумчиво и медленно прочитал послание, после чего вернул его гонцу. Он тут же сделал жест приветствия и, молча зайдя под навес, задумчиво остановился. Потом быстро надел шлем и произнес:

— Ливерий, Кристиан, берите оружие и следуйте за мной! Аврелий, возьми еще пятерых с заставы у реки — встретитесь с нами у большой горы. Нужно провести этого человека в резиденцию Квинтилия Вара в целостности и сохранности.

— Ну вот, пожрали вкусного кабанчика, — поправляя пояс и беря оружие, чуть слышно пробормотал Ливерий. — Ладно, мужики, не скучайте. Мы скоро. Оставьте хоть косточки обглодать, — продолжил он, выходя из-под навеса, где уже вовсю лил дождь. Посмотрев вверх, он недовольно вздохнул, так как не увидел ничего, кроме густого черного неба и проливного дождя, который окатывал его холодным потоком. Оставшиеся у костра провожали уходящих воинов взглядом, пока те не скрылись в темноте ночного леса. Затем они подкинули дров в огонь и принялись снова обсуждать свою нелегкую солдатскую жизнь.

Уже поздней ночью солдаты во главе с центурионом оказались у резиденции наместника. Когда они подошли к воротам, из-за которых доносились звуки веселья, путь им преградила стража.

— Стой! Чего надобно? Кто такие?

— Центурион девятнадцатого легиона Гай Корнелий Август! Сопровождаю гонца со срочным донесением наместнику Германии Публию Квинтилию Вару!

Воины Корнелия остановились, а он сам подвел за уздцы коня гонца поближе, чтобы посланник вручил грамоту стражнику. Прочитав ее, караульный скомандовал:

— Впустить! — и жестом головы показал, что прибывшие могут пройти внутрь.

Миновав ворота и оказавшись на территории виллы наместника, Корнелий приказал своим людям остаться у выхода. Сципион ловко соскочил с седла и передал поводья солдату. Он тут же отряхнул с себя дорожную грязь, после чего скинул плащ и бросил его на седло своего скакуна. Лишь тут Корнелий увидел его лицо: перед ним стоял молодой человек красивой внешности с пронзительно карими глазами, почти черными и очень яркими. Его

взгляд резал, словно нож, казалось, его глаза источали яркий солнечный свет, на который было больно смотреть. Гонец был обычного роста, физически крепок, с черными волосами до плеч и явно военной выправкой. Его лицо было лишено эмоций и казалось застывшим. Взглянув единожды на такого человека, его уже не забудешь. Корнелий сразу понял, что гонец прибыл сюда не просто так. Что после того, как Сципион поговорит с Варом, что-то произойдет, что-то обязательно случится. В этом человеке он увидел огромную силу, и коварный страх прокрался в его сердце. Странный холодок пробежал по спине центуриона, предательски шепча:

— Бойся его.

Но бывалый воин быстро откинул эти мысли в сторону и спрятал их где-то глубоко в душе.

— Пойдемте. Нас уже ожидают, — проглотив ком в горле, спокойным голосом проговорил центурион.

— Я знаю, но нужно подождать еще мгновение.

Корнелий только уважительно склонил голову, давая гонцу понять, что как тот скажет, так оно и будет. Через некоторое время ворота распахнулись и через них на полном скаку один за другим подлетели к вилле и мгновенно спешили несколько всадников. В одном из них Корнелий признал Арминия, остальные, видимо, были его приближенные друзья. Они быстро передали лошадей прислуге и поспешно направились вглубь виллы.

— Ну вот, теперь можно идти.

— Конечно, — и центурион с гонцом направились вслед за прибывшими.

Оказавшись в доме, где уже полным ходом шло веселье, Корнелий и Сципион остановились в дверях. Из толпы к ним вышел уже подпитый наместник и, радостно обняв путника, воскликнул:

— Как я рад тебя видеть! Наверное, боги милостивы ко мне, раз ты все-таки явился!

— Я не мог по-другому. Мой господин прислал меня к тебе с вестью.

— Ах, дела, дела. Давай о них чуть позже. А пока проходи. Поешь, попей. Небось, устал с дороги? Эй, как тебя там? Центурион!

— Да, наместник Вар.

— Ступай, ты свободен! А хотя нет, сначала поешь, а потом иди. Я сегодня добрый. Лучшие друзья в сборе. Жалко, что Марк не смог прибыть. Зато Арминий здесь.

— Да, я видел его, — ответил Сципион, удаляясь от Корнелия.

Развязав плащ и сняв шлем, Корнелий подошел к столу, взял кубок с вином, жадно испил его до дна, после чего оторвал кусок курицы и вышел на улицу.

Обеды, в том числе и торжественные, Вар устраивал частенько. Во время пира происходило не только принятие пищи, но и обсуждение военных и административных вопросов. Как правило, трапеза оканчивалась спорами, похвалами и руганью, а потому Корнелий избегал подобных приглашений. Он никогда от них не отказывался, но оставался в стороне. Да и зачем ему, воину, слушать то, как бывшие германцы лижут пятки своему новому хозяину, словно преданные псы, льстя ему и ублажая его самолюбие враньем о том, какой он гениальный правитель и военный талант. Центурион стоял, жуя курицу, и наблюдал, как рабы сопровождали хозяина на торжественный пир, неся с собой его парадную одежду и обувь, в которую знатные римляне переодевались перед едой. Корнелий уважал Тиберия, с которым воевал, и сейчас откровенно недолюбливал Вара за то, что тот приблизил к себе этих германских лжецов. Только вот одного он не мог понять: откуда

взялся этот странный человек и почему он выжидал время, пока не прибудет этот «змееныш» Арминий, которого Корнелий ненавидел всем сердцем? Почему, он и сам не знал, но верил, чуял каким-то шестым чувством, что от него стоит ждать беды. Вдруг в темноте кто-то прошмыгнул мимо него и скрылся за кустами. Центурион, выбросив обглоданную куриную кость, с каким-то не свойственным ему любопытством направился в ту сторону, где мелькнул человеческий силуэт. Тихо подкравшись, он услышал, как в сумерках разговаривают двое. Они вели беседу почти шепотом, озираясь, прислушиваясь к каждому шороху и то и дело опасливо прерывая разговор. Корнелий замер затаившись. Непролазный кустарник скрывал его, но заодно прятал и от его глаз тех, кто вел беседу. Он только слышал их разговор:

— Теперь уже все готово. В ближайшее время они двинут легионы в чащу леса.

— А вдруг он все-таки пойдет другой дорогой, что тогда?

— Не пойдет, он верит, что наш народ глуп, а их военная машина непобедима. Тем более лучшего времени и не придумаешь: их основные силы оттянуты в Понтию. Хотя восстание там подавлено, Тиберий вряд ли успеет перегруппироваться так быстро, чтобы подоспеть сюда со своими легионами. Да и потрепали их там серьезно.

— Но три легиона — это тоже немалая армия. Вдруг все пойдет не так, как надо?

— Все пойдет именно так. На нашей стороне не только вожди племен, но и некоторые могущественные люди из Рима.

— А зачем кому-то из вечного города помогать нашему делу?

— Какая разница? Враг моего врага — мой друг. Тем более, если у этого друга много денег и связей. Он все организовал и сделал.

— Мне одно не понятно: для чего все это?

— Для того, — послышался голос третьего, и этот голос Корнелий бы не спутал ни с чьим другим. Это был Сципион.

— Для того, что мой хозяин хочет, чтобы Рим узрел то, что позабыл, чтобы люди поняли, что они не так уж и беззащитны, что римская непобедимая армия все же может проиграть и проиграть с позором, да с таким, который запомнят на века. Да, наместник Вар кое-что обещал моему господину, но позабыл о данном слове, а мой господин не прощает невежества. Все будет именно так, как задумано. Выйдя из летнего лагеря близ Миндена, римская армия должна будет направиться на зимние квартиры в Кастра Ветере, но, по совету Арминия, она пойдет обходным путем, который и приведет ее к холму Калькризе. Там-то вы ее и уничтожите.

От услышанного у Корнелия помутнело в глазах, а в горле пересохло. Дрожащей ладонью он закрыл глаза, и в его голове застучала мысль:

— О, боги! Три легиона и вспомогательные отряды будут вырезаны! Как? Почему? Нужно предупредить. Кого? Кого предупредить? Публия Квинтилия Вара? О том, что его приближенные и лучшие друзья хотят предать его? Не поверит, он никогда в это не поверит. Убить их! — рука центуриона сама потянулась за мечом, но вовремя остановилась. — Их трое, и среди них этот подлый Сципион. Лживая, двуличная тварь.

Если бы Корнелий не разбирался в людях, то без колебаний кинулся бы в бой сразу с тремя. Но этот незнакомец пугал его. Решение само пришло в его голову:

— Спасти хотя бы своих. Не сможет же он, Гай Корнелий Август, бросить своих воинов. Но все равно нужно предупредить Вара. Может, он послушает. Должен послушать.

Корнелий медленно попятился назад, но в темноте не заметил сухой ветки. Ее треск под

его ногой поразил тишину, подобно грому. Троица заговорщиков умолкла. Центурион ясно слышал, как медленно скользили по ножнам лезвия доставаемых мечей. Он уже приготовился к битве, но ее так и не последовало. Пятясь назад и радуясь тому, что еще жив, Корнелий устремился к наместнику Германии. Устремился для того, чтобы хоть как-то постараться убедить его в нависшей над всеми опасности.

— Почему ты не дал убить его? — проговорил один из заговорщиков, вкладывая меч обратно в ножны.

— Зачем устраивать шум на пире у наместника? Убив его, мы привлечем к себе слишком много внимания, — сухо ответил Сципион.

— Но он расскажет о наших планах, и тогда все, что мы подготавливали столько времени, обернется прахом.

— Кому и что он расскажет? Простой центурион будет клеветать на лучших друзей наместника, которого поставил сам император? Кто ему поверит? Глупцы. Рожденному ползать летать не суждено. Ступайте и приготовьтесь. Ваше дело выполнять, а не думать, — проговорил Сципион и, развернувшись, растворился во мраке.

Влетев в зал, где продолжалось пиршество, весь мокрый от пота и непогоды Корнелий схватил кубок с вином и, осушив его, швырнул в сторону. После чего шатающейся походкой, то ли от вина, то ли от мыслей в голове, он поспешил вперед. Расталкивая людей, центурион, словно слон, ломился к своей цели, устремив бешеный взгляд на наместника, по правую руку которого, пристально наблюдая за приближающимся Корнелием, сидел Сципион. С левой стороны от Вара, рассказывая ему что-то, пил и смеялся Арминий. Увидев эту картину, Корнелий замер от удивления.

— Что же это? Как же это так? Каким образом он оказался здесь? Я же... Я же.... Не успел. Но где этот предатель обогнал меня? А как скалится этот змееныш! Наверное, предвкушает то, что скоро случится! — мгновенно пронеслось в голове.

Видя замешательство Корнелия, Сципион дождался, когда тот поймает его взгляд. Глядя прямо в глаза центуриону, он поднял кубок со стола и, встав, произнес:

— За императора! За наместника Германии Публия Квинтилия Вара! За легионы Рима за преданных и верных друзей! — улыбнувшись и подмигнув Корнелию, гонец залпом выпил вино до дна. Толпа взревела, ликуя и выкрикивая слова лести наместнику. Корнелий стоял, шатаясь и не осознавая, что происходит. Он понимал только одно: Вар никогда не поверит ему. Зная о предательстве, теперь центурион и сам становится предателем, так как не мог ничего изменить.

После того, как народ утих, Квинтилий Вар встал со своего места и произнес:

— Я хочу поднять бокал за верных и преданных друзей, за Арминия, храброго воина и надежного товарища!

Затем он повернулся к Сципиону и добавил:

— За тебя, и за Марка, который не смог прибыть. Я пью за вас!

Арминий и Сципион, встав, выпили вместе с хозяином дома, после чего, поклонившись, вновь опустились на свои места. Видя это, Корнелий молча развернулся и побрел к выходу. В его голове остался один шум, мыслей уже не было. Он понимал, что вскоре ему придется стать свидетелем катастрофы и что предотвратить ее он не мог. Оставалось только одно — спасти свою центурию, своих людей, а для этого он должен пойти с ними. Пойти туда, куда поведет их Вар. А поведет он их на верную гибель. Забыв о том, что его солдаты остались ждать его у ворот, он прошел мимо них. Не слыша окриков, Корнелий даже не заметил того,

что воины пошли за ним, неся его плащ и шлем. Они следовали тихо, понимая, что их командир то ли пьян, то ли чем-то встревожен, и из уважения к авторитету Корнелия молчали до самого лагеря, где тот завалился спать.

Утро выдалось ясным и теплым, и от этого еще больше не хотелось просыпаться. Открыв глаза, Корнелий потянулся. Увидев себя в обмундировании, он нехотя встал и стал снимать кожаные доспехи, которые до кровавых мозолей натерли плечи и бока. Скинув все ненужное, он вышел на улицу и, подойдя к чану с холодной водой, стал умывать лицо и тело, которое все ломило от боли. Но как только первые капли попали на его кожу, в голове прозвучало:

— Арминий, Сципион, Вар! Моя центурия, мои люди!

И тут же, словно по роковому совпадению, прибежал — не пришел, как обычно, а именно прибежал — солдат из личной охраны наместника:

— Гай Корнелий Август, центурион девятнадцатого легиона, вас срочно ждут у наместника Публия Квинтилия Вара!

Корнелий медленно повернулся — прибывший был один.

«Значит, я не арестован, — подумал про себя центурион. — Впрочем, могут прикончить и на месте. Эта лживая парочка, наверное, уже все продумала, пока ты спал. Хотя ведь они могли зарезать и ночью... Нет, ночью не могли, — видя у палатки своих людей, мысленно рассуждал он».

— Скажи, скоро буду!

— Приказано сопроводить!

«Боятся, что сбегу! Тогда почему только один стражник?» — размышлял Корнелий, осматривая воина.

— Ну что ж, хорошо! Сейчас оденусь и пойдем! — швырнув полотенце в сторону, буркнул он.

Они добрались до резиденции наместника уже в полдень, когда тучи снова отвоевали небо у солнца и пролили на землю свои первые слезы. По стоящим на привязи лошадям Корнелий понял, что его пригласили сюда не одного. И явно не для того, чтобы прикончить. От сердца немного отлегло, хотя он и не знал, что будет дальше. Пройдя в комнату, где собрались все командиры легионов, и поприветствовав присутствующих, он присел на отведенное ему место. Рабы внесли еду и вино, и, расставив съестное за столом, удалились. Корнелий понял, что речь пойдет о чем-то важном, и был почти уверен, что им сообщат о необходимости выступить в поход. Враги начали расставлять свою мышеловку. Теперь оставалось только ждать, когда она захлопнется. Через полчаса в зал в сопровождении охраны вошел наместник. Он отдал воинское приветствие, присутствующие ответили тем же. Сев на ременчатый стул, Вар произнес:

— Я собрал вас здесь не случайно. Недавно мне стало известно от моих верных сторонников, что в регионе между Висургием и Ализомом вспыхнули разрозненные очаги беспорядков, которые вылились в открытое восстание против Рима и нашего императора. Мною было принято решение подавить этот очаг сопротивления до зимы. Мой верный друг и сторонник Рима Арминий знает дорогу и эти леса, как свои пять пальцев. Он со своим отрядом поведет нас через чащу в стан неприятеля. Неожиданным ударом мы уничтожим их и вернемся на зимние квартиры до наступления холодов. Есть вопросы?

— Но господин! — встав, проговорил один из центурионов, — отправляясь в зимний лагерь, мы должны будем взять с собой полный обоз с женщинами и рабами, а также

продовольствие и выючный скот. А пробираться со всем этим добром через незнакомую местность, да еще и в осеннее время... Мы растянем свои силы и замедлим марш армии.

Корнелий слушал и не вступал в спор. Он тоже думал об этом, но наперед знал ответ Вара.

— Это пустой разговор, Арминий проведет нас через лес. Да, нам придется взять все с собой. Да, это ослабит нашу маневренность. Но я не собираюсь возвращаться сюда во второй раз после того, как раздавлю этих жалких варваров! Тем более Арминий вышел с передовым отрядом загодя, дабы обеспечить безопасность маршрута.

Корнелий сжал зубы, его желваки заходили ходуном, к горлу подступил ком. Он медленно поднялся, сжав кулаки, и, стараясь не сорваться, произнес:

— Господин, но, если нас будет ждать засада на пути, мы не сможем противостоять противнику. Воины обучены сражаться на открытой местности. Да и легкой пехоты у нас практически нет. Мы отправили ее почти всю для усмирения местного населения. Если враг нападет, мы будем не в силах сражаться в замкнутом пространстве леса. Мои воины, как и большинство легионеров, набраны в средиземноморской части империи. Они не приспособлены и не обучены вести действия в лесистой местности.

— Что ты этим хочешь сказать центурион?! — поднимаясь со стула, гневно прошипел наместник Германии.

— Я хочу сказать, что нам нужно отложить поход до того, как подойдут части вспомогательной пехоты, а Тиберий приведет свои легионы из Италии, — бесстрашно глядя в бешеные глаза Вара, проговорил Корнелий.

— Ты думаешь, что ты вправе учить меня?! Или, может быть, ты сомневаешься в преданности людей императора?!

— Я оглашаю факты, о великий наместник, — склонив голову, проговорил Корнелий.

— Я не позволю сомневаться в могуществе нашей армии! Я не позволю такому червю, как ты, порочить доблестные имена сынов Рима! Ты думаешь, что наши войска слабы и не справятся с какими-то жалкими германцами?!

— Я не говорю, что наша армия слаба, я... — но Вар, не дав ему договорить, прокричал:

— Заткнись! Пошел вон!

— Да, повелитель, — поклонившись, произнес Корнелий и вышел из-за стола.

Но тут же поднялся легат девятнадцатого легиона Публий Мартин Сатурн:

— Позвольте возразить, великий наместник! Я знаю Корнелия много лет, он служил под моим началом еще солдатом и храбростью добился звания центуриона. Его люди не раз показывали доблесть и смелость в сражениях. Отстранить его от похода было бы непростительной ошибкой. Боюсь, солдаты не поймут вашего решения, и я не ручаюсь за моральное состояние своего легиона, в котором к нему относятся как к легенде. Он принимал участие во многих походах и не раз доказывал свою смелость.

Корнелия остановили у выхода и дали ему распоряжение готовить своих солдат в поход. Выступление легионов должно было начаться через три дня, а до этого всем было поручено привести солдат в боевую готовность.

Все это время Корнелий был мрачнее тучи, почти не спал, не разговаривал и постоянно уединялся, а на вопросы своих солдат отвечал резко и грубо, словно его подменили. По несколько раз в день он строил центурию, лично проверял амуницию и оружие. В последний день он вызвал к себе Ливерия и Кристиана. Зайдя в палатку Корнелия, они увидели, как он, сидя на стуле, пристально всматривался в отблеск лезвия на своем мече, словно хотел

увидеть в нем что-то иное, а не просто блики начищенного металла.

— Звал, Корнелий? — остановившись в проходе, проговорил Кристиан.

— Звал. Садитесь.

— Да ладно, постоим, мы привыкшие, — с улыбкой ответил Ливерий, но центурион глянул на него таким холодным взглядом, что тот, хлопнув по плечу друга, поспешил выполнить то ли приглашение, то ли приказ командира.

— Завтра на рассвете выступаем.

— Но это понятно, не впервой, солдатам уже сказано отдыхать.

— Это хорошо, отдых нужен. Уставший воин — мертвый воин. Хочу сразу предупредить вас. Я долго думал и решил все-таки сказать вам, ведь у вас должен быть выбор. В походе нас ждет засада и, скорее всего, поражение: мышеловка захлопнется и все погибнут. Я воевал с вами не в одном сражении. Я многим обязан вам и поэтому предлагаю вам остаться здесь, с караульным отрядом. Соответствующие бумаги я подготовил, — центурион протянул Ливерию и Кристиану грамоты, и те удивленно приняли документы.

— С чего ты это взял, Корнелий? Мы же пойдем по землям верных херусков. Арминий их вождь, он предан Вару. А кто сможет напасть на нас на подконтрольных землях наших союзников? Не Арминий же, — усмехнулся Ливерий.

Корнелий снова поднял на него глаза: они горели огнем то ли от ярости, то ли от бессилия.

— Брось, не может этого быть. Скажи мне, что я ошибаюсь.

— Арминий предаст нас вместе со своими лживыми сородичами.

— Откуда ты это знаешь?

Корнелий встал и, вложив клинок в ножны, рассказал товарищам все, что видел и слышал в тот роковой вечер, когда сопровождал Сципиона в резиденцию к Вару.

— Вот это новость, — тяжело вздыхая, пробормотал Кристиан. А Вар в курсе? Хотя... Все и так ясно.

— Конечно, все ясно. Арминий — его лучший приятель, правая рука в провинции, герой, помощник Рима! Он распнет нас за такой донос, и это в лучшем случае, — согласился с ним Ливерий.

— Я пытался предупредить, но меня не послушали. Я бы давно, наверное, уже болтался на воротах в лагере, как трус и клеветник, если бы не Публий Мартин Сатурн.

— Я думаю, солдатам об этом знать не стоит, — тихо произнес Ливерий.

— Это точно, — тут же поддержал его Кристиан. — Кстати, спасибо, конечно, за заботу, но я думаю, Ливерий поддержит мое мнение на счет того, чтобы бросить тебя с отрядом одного. Кто ж тебе прикроет спину, если не мы? — он тут же порвал свою грамоту и бросил ее на пол. Как всегда, с улыбкой на лице это сделал и Ливерий.

Скупая слеза скатилась по щеке центуриона. Стиснув, что есть сил, зубы, он прикрыл глаза, после чего отдал им приветствие, ударив себя в грудь и подняв руку вверх. Его друзья сделали то же самое.

— Спасибо. Скажите солдатам, что мы выступаем на рассвете.

— Да, центурион! — ответили они в один голос и поспешно удалились.

Любой из нас когда-нибудь задумывается о том, что чувствует человек, когда умирает, или как он будет вести себя, когда за ним придет эта вездесущая с косою. Однако никто не сможет понять этого прежде, чем наступят тот роковой день, час, минута, секунда, когда перестанет биться сердце и внутри еще теплого тела попадет последний поток кислорода.

Однако рано или поздно нам всем представится возможность испытать это на себе.

Корнелий спал плохо. Пот ручьями стекал по спине центуриона. Ему снилось, что он идет по лесу. Холодный дождь льет стеной. Он один. Со всех сторон до него доносятся крики умирающих, но дождь такой сильный, что он не может никого увидеть. Судорожно сжимая в руках меч, он с яростью рубит все вокруг себя, словно за стеной воды есть кто-то или что-то. Что-то страшное и непонятное. Двигаясь вперед, он внезапно останавливается и сквозь ливень видит очертания человека. Тот стоит неподвижно и вдруг произносит:

— Спасай детей! — после этих слов почва словно уходит из-под ног. Корнелий падает и оказывается в воде, тяжелые доспехи тянут его вниз. Его охватывает паника от того, что он не сможет выбраться на поверхность. Беспорядочно и судорожно барахтаясь, он старается вдохнуть хотя бы еще один глоток воздуха, но вскоре, устав и обессилив, уходит под воду. Он слышит, как громко и четко пульсируют удары сердца в висках и снова раздается голос:

— Спасай детей! — на этих словах Корнелий вскочил с постели. Он услышал звук трубы, который будит лагерь на построение, а к нему в палатку залетел Ливерий, объясняя, что центурия уже построена и ждет его, а легион готовится выдвинуться. Корнелий быстро оделся, и уже через некоторое время легион покинул лагерь, выдвинувшись туда, куда повел их наместник Германии Публий Квинтилий Вар.

Так три легиона направились напрямиком в ловушку, роль которой была уготована Тевтобургской долине близ холма Калькризе. После переправы через реку колонна вошла в труднодоступный, гористый, поросший деревьями и густыми кустарниками регион, называемый Тевтобургским лесом. Погода резко ухудшилась, пошел затяжной дождь. Дорога стала скользкой и ненадежной. Легионерам предстояло форсировать наполнившиеся водой овраги, речки и болота. Солдаты растянулись среди телег и вьючных животных.

— Корнелий, — подбежав к центуриону, обратился к нему Кристиан и, отдышавшись, продолжил. — Мы не выслали разведку, и при этом только наша центурия идет боевым строем. Легионы растянулись на несколько километров, создавая ощущение, что просто прогуливаются здесь. Наши солдаты спрашивают, почему только мы маршируем в боевом порядке?

— Вели им сохранять строй и скажи, чтобы были начеку. Да, и пускай шлемы никто не снимает.

В этот момент на холме послышался крик германцев и из кустов, словно жужжащий улей, взметнулись вверх дротики и стрелы, которые через мгновение дождем обрушились на римлян. Вслед за ними с холма с бешеным криком ринулись раскрашенные боевой краской воины.

— Засада! Центурия, сомкнуть ряды, приготовится к бою! — словно зверь, прорычал Корнелий.

Через мгновение воины сошлись в рукопашной, началась рубка. Шедшие в боевом порядке бойцы Корнелия, успели достойно встретить врага и оттеснить его обратно, не понеся потерь. Остальных изрядно потрепали. Германцы как неожиданно появились, так неожиданно и отступили. Подобрав раненых, римское войско двинулось дальше, однако по мере продвижения противник делал небольшие быстрые вылазки. Не втягиваясь в бой, германцы наносили молниеносный удар и тут же отступали, пользуясь тем, что прекрасно знают местность. Возможности преследовать их не было. Кавалерия и вспомогательные отряды шли где-то впереди. Командиры растянувшегося войска уже не ориентировались в происходящем. С каждым часом давление со стороны восставших усиливалось. И хотя

германцы проигрывали по численности и выучке римскому войску, они умело создавали перевес в тех местах, где легионеры были меньше всего защищены. Все это время Корнелий тщетно пытался хоть как-то организовать растянутые войска, которые были поблизости от него и потеряли своих командиров. Ему приходилось действовать на свое усмотрение, так как беспорядок в разрозненном войске был ужасающий. Все это бедствие усложняла отвратительная погода: обложной дождь размывал дороги, воины и обоз вязли в глубокой грязи.

— Корнелий! Корнелий! — подбежав к центуриону, прокричал окровавленный Ливерий.

— Что случилось?! Ты ранен?!

— Нет! Слава богам, это не моя кровь! — чему-то радуясь и улыбаясь, продолжил Ливерий. — Корнелий, ты не поверишь! Кристиан пленил интересного варвара. Похоже, не из простых воинов. Сражался как животное, убил троих наших, прежде чем мы его скрутили.

— Отлично! А чему радуешься-то?

— Как чему? Что живой еще! — рассмеялся снова Ливерий.

— Смотрите, не убейте его раньше времени, я скоро подойду, нужно вытрясти из него все, что сможем. Пускай Аврелий займется этим варваром: мне необходимо знать то, что знает он. Пусть хоть на ремни его режет, но выяснит, где они готовят основной удар. Да, и смотрите в оба: они попытаются его отбить, если он действительно такая важная птица, как ты говоришь.

— Да, командир, все сделаем!

— Постой! Что у нас с потерями?

— Трое убиты, восемь ранено, двое из них тяжело — скорее всего, помрут, до вечера не дотянут. Потери незначительные по сравнению с остальными, и это благодаря тебе. Шли бы, как все, вразвалочку, давно бы половина центурии осталась. А так, держимся! Эх, хотел бы я посмотреть на наместника Вара, когда об этом узнает император, если конечно доживу! — снова улыбаясь, ответил Ливерий.

— Доживешь! Надо дожить! — сухо обмолвился Корнелий.

Вскоре поступили хорошие вести: дошел слух о том, что голова колонны, то есть восемнадцатый легион, сразу после нападения принялся разбивать лагерь под прикрытием семнадцатого легиона. Как только эта информация стала известна Корнелию, он тут же подозвал к себе Кристиана.

— Оповести всех, скажи, что двигаемся к Черной топи. Там наши разбили лагерь!

Медленно продвигаясь под постоянным обстрелом, войска вскоре добрались до укреплений. Не успел центурион войти в ворота, как к нему подбежал префект лагеря и сообщил о том, что весь командирский состав ждет у себя Квинтилий Вар.

Наместник Германии ходил по военной палатке чернее тучи. После того, как войско попало в засаду, он словно постарел на глазах, как-то высох, и теперь нервно дергал шей и, потирая руки, что-то бормотал себе под нос. В этот момент в палатку зашел Корнелий. Как оказалось, состав командиров изрядно поредел. Германцы что есть силы старались вырезать именно тех, кто командует солдатами, и это было правильно с их стороны. Внезапно Вар побагровел, вены на шее набухли и он, ударив по лицу легата восемнадцатого легиона, проревел:

— Безмозглые, тупые ублюдки! Как я могу полагаться на вас, если вы не в состоянии дисциплинировать мое войско?! Вы не смогли организовать легионы на марше и дать отпор

этим дикарям!

— Позвольте, но мы остались без прикрытия! Где была конница Арминия и шесть когорт вспомогательной пехоты?! — внезапно выдвинувшись вперед, проговорил Корнелий. Вар перевел взгляд на него и небрежно произнес:

— Не говори мне об этом варварском вырожденке! Я не желаю слышать его имя в моем присутствии.

Центурион еще не знал, что Арминий предал их, точнее сказать, он знал, что Арминий — предатель, но не ведал о том, что его конница зашла в тыл и уничтожила вспомогательную пехоту, оставив римлян совсем без прикрытия. Когда ему сообщили об этом, Корнелий, прикрыв глаза и сняв шлем, проговорил:

— Господин, нам нужно отступить. Пока еще не поздно, пока еще есть такая возможность.

В палатке воцарилась тишина. Все понимали, что сейчас центурион, хоть и многоуважаемый, но центурион, просит Вара отступить, то есть сдаться.

— Что еще ты мне посоветуешь, Корнелий?! Может, тебя поставить на мое место? А? Кто еще так думает?!

Все, кто находился в палатке, потупили глаза, пытаясь не смотреть на Вара, который трясся от злости и от понимания того, что Корнелий прав. Был прав еще тогда, когда говорил о необходимости дождаться Тиберия. Но разве может он, Квинтилий Вар, признать, что какой-то простолюдин прав, а он нет? Что он, убаюканный красивыми речами Арминия, повелся на эту авантюру и попал в ловушку? Что тот, кому он верил больше жизни, предал его, а этот Корнелий прав, прав, как всегда? Видимо, не зря ценил его Тиберий, не зря...

— Так кто еще так считает?! Видишь, Корнелий, все за то, чтобы продолжать движение! Или ты не веришь в нашу победу?! А может, ты сомневаешься в силе Рима и его императора?! Когда закончится этот поход, я лично вышвырну тебя из легиона! И никто тебе не поможет! А теперь приводите войско в порядок, лишние обозы сожгите. Завтра выдвигаемся!

В душе Вар понимал, что не прав. После предательства Арминия он и не надеялся подавить мятеж, но хотел хотя бы добраться с войском до зимних квартир в целости и сохранности.

— Безумец! Упрямый выскочка! Глупец! Не понимает, что тянет всех в бездну! — ругаясь, подходил Корнелий к своей центурии.

— Гляжу, все как обычно. Вот я удивляюсь, почему он тебя не отравит или не убьет? Ведь ты у него поперек горла, а все живой. Не понимаю! — рассмеявшись, сказал Ливерий. Казалось, что этот человек всегда пребывал в хорошем настроении. Корнелий иногда думал, что даже смерть, наверное, сумеет его насмешить. — Я так полагаю, Вар ведет стадо на скотобойню?

— Ты прав, хорошего мало.

— Отнюдь! Мы тут часок поработали с нашим гордым варваром, так он захотел тебя видеть. Говорит, что слышал о тебе. Дурь, правда, несет всякую, ну да ладно. Пойдем, сам слушаешь, а то, не ровен час, Кристиан с Аврелием еще перестараяются с допросом. Сам знаешь, им только волю дай. Тем более, после сегодняшнего-то дня.

Когда Корнелий увидел пленника, тот лежал на земле избитый и истерзанный. Присев, центурион схватил его за шиворот и произнес:

— Как зовут?!

— Эдгар, — сплевывая кровь и закашливаясь, ответил германец.

— Говори, где вы готовите основной удар? Что задумал ваш предводитель Арминий? Какие племена принимают участие в восстании и кто его организатор?

— Я буду говорить только с тобой наедине!

— Ах ты мерзкое животное! — прокричал Аврелий и с силой ударил пленника ногой в живот. Эдгар скрючился и застонал. — Еще условия свои ставить будет!

— Постой. Успокойся. Если он что-то знает, пусть скажет. Оставьте меня с ним, послушаем, что ему известно и почему он хочет пообщаться именно со мной.

— Как прикажешь, — презрительно плюнув на пол, ответил Аврелий и напоследок еще раз ударил пленника.

Оставшись наедине с плененным германцем, Корнелий молча смотрел на него, а тот, хотя и стонал от боли, все-таки набрался сил, чтобы тоже взглянуть в глаза своему мучителю.

— Что? Ненавидишь нас?

— Вас все ненавидят. Вы приходите в чужие земли, отбираете жилье, кров, убиваете! А все потому, что думаете, что вы лучше других. Считаете остальных дикарями. А сами? Сами утонули в разврате и похоти! Вы сами дикари и звери!

— Все сказал?

Эдгар презрительно смотрел в глаза центуриону, не отводя взгляда.

— Почему ты хотел видеть именно меня?

— Потому что, когда Арминий привел великого человека к нам, он говорил о тебе. А когда твои воины пленили меня, я услышал твое имя и захотел посмотреть на тебя.

— Зачем?

— Желал увидеть того, с кого начнется падение вашей империи!

— Кого привел Арминий? Отвечай!

— Я не видел его раньше. Говорили, что он римлянин. Только вот не знаю, почему он тогда вас так ненавидит? Хотя, наверное, вы уже дожили до того, что стали ненавидеть сами себя! Скоро вы испытаете наш гнев. И люди будут передавать из уст в уста, как мы сокрушили вашу гордыню и веру во вседозволенность! Больше я не скажу тебе ничего! Знай: скоро час расплаты! Не знаю, почему Сципион говорил, что все начнется с тебя. Ведь ты простой центурион, даже не знатного рода. Что ты можешь, римлянин?

— Сципион? Ну, конечно! Арминий бы не додумался до такого сам! — тут же воскликнул Корнелий и серьезно задумался. — Кто же ты такой, раз смог обвести вокруг пальца всех и вся, и для чего тебе нужно погубить столько народу?! Почему не убил меня там, на вилле? И Вара? Слишком много вопросов...

— Что ты можешь, римлянин?! Что ты можешь?! Теперь вы бессильны и не способны ничего с этим поделать! — снова закричал пленник.

— Ты прав! Вот тут ты абсолютно прав. Аврелий! Аврелий! Избавь его от мучений, — спокойно проговорил центурион и пошел прочь от варвара.

Он только услышал, как скользнуло лезвие по ножнам, а после — глухой крик и тихий стон. Пленник был обузой, даже если бы он и рассказал все, что знал. «Старый» воин не оставил бы ему жизни: хороший враг — мертвый враг. Так было всегда. И Корнелий понимал это не хуже других.

Вскоре к нему втайне от Вара пришли командиры других легионов. Он был ниже их по званию, но, к своему прискорбию, они вынуждены были признать, что этот воин знает свое

дело и что к его мнению прислушиваются не только солдаты, но и сам Тиберий. Они знали, что Корнелий состоял в легионе преемника императора и не пошел с ним в поход лишь потому, что был ранен. Вар открыто ревновал к военному мастерству центуриона и всячески препятствовал ему во всем. У него давно был приказ возвести Корнелия в примипилы, подписанный самим Октавианом Августом. Но наместник решил попросту забыть о нем, считая, что простолюдин не может иметь такое высокое военное звание. Выслушав пришедших, Корнелий поделился своим мнением об этой операции и дал командирам несколько дельных советов. Обсудив планы на утро, они решили действовать вопреки приказам Вара и идти боевым строем вплоть до места дислокации. Корнелий не сказал им ничего о том, что слышал от пленника, равно как и о том, что знает о предательстве Сципиона. Хотя, кто такой этот странный незнакомец, он не знал. Он прекрасно понимал, что будет, и сознавал, что уже не в силах остановить то, что началось. Теперь нужно было просто дойти до конца. Корнелий устал от глупостей наместника, от причуд его приближенных. Единственное, чего он хотел, — это хоть как-то спасти тех, кем он командует.

На рассвете легионы вышли из лагеря со всеми предосторожностями, как и было решено накануне. Как ни старался Вар ускорить продвижение, как ни приказывал, командиры все как один находили какую-либо причину сохранить боевой порядок и двигаться максимально слаженно всем войском. Путь их пролегал по открытой местности, и подкрасться к идущим колоннам было весьма затруднительно. Но и теперь не обошлось без некоторых потерь, хотя нападения германцев случались явно реже.

— Ох, гляди, Корнелий! Если все пройдет, как надо, проболтаются они, что это ты их надоумил. Ну а там, сам знаешь, сожрет он тебя вместе с дерьмом и не подавится. Давно он на тебя виды имеет, а успех себе припишет, как обычно, — шагая рядом с центурионом, проговорил Кристиан.

— А что, глянь, как они хвосты-то поприжали, почти и не видно никого. Эй, твари волосатые! Что, попрятались крысы лесные?! — проорал, как всегда, с каким-то веселым задором, Ливерий.

— Тише. Не стоит радоваться раньше времени.

— Да брось, доберемся до места расквартировки, дождемся Тиберия с легионами и перебьем этих дикарей, как псов паршивых, — сплевывая в сторону, буркнул Аврелий.

— Они не нападают, потому что у них нет хорошей кавалерии, которая очень пригодилась бы в данный момент, пока мы на марше. А Арминий сейчас, скорее всего, со своими всадниками уже мчится сюда им на помощь. Так что радоваться особо нечему.

— Слушай, Пророк, вот умеешь ты все-таки поднять настроение, утешить, так сказать, своих подчиненных. Мог бы и промолчать.

— А что, Ливерий? Тебе от моего молчания легче бы стало?

На второй день римляне выступили так же осторожно, тесно сомкнутыми рядами. После двухмильного перехода, уже под вечер (утро ушло на безнадежные попытки разведать силы противника), авангард подошел к Дэрскому ущелью, покрытому густым лесом. По его периметру отчетливо просматривались германские силы, которые явно не собирались уступать дорогу.

По римским военным законам нельзя было начинать какое-либо сражение, не обезопасив войска укреплением, за которым в случае нужды можно было бы укрыться для перегруппировки или просто для обороны. Поэтому Вар по совету высших командиров

решил разбить лагерь, дабы войско смогло отдохнуть и поесть. А на следующий день, опираясь на него, Квинтилий Вар собирался пробить себе путь через ущелье, приказав всем командирам ударить в лоб, в надежде на численный перевес и лучшее вооружение солдат. Лишь только несколько отрядов он предполагал отправить в обход, да и то через горы, которые имеют слишком пологий склон.

Почти под утро, весь грязный и промокший, шатаясь, к костру, где сидели центурион, Ливерий и Аврелий, подошел, а точнее, добрался на полусогнутых, Кристиан. Упав на колени, он схватил котелок с водой и стал жадно пить. Затем вытерся и, отдышавшись, произнес:

— Жопа! Полная жопа! Ты как в воду глядел. Они готовят там западню для нас. Это ущелье в горах, в самом узком месте, образует проход шириной примерно шагов в двести пятьдесят — триста. Это так, на глаз. Высоких деревьев там нет, только вереск. Рядом течет маленькая речушка. Повсюду болота и топи. Дорога через ущелье раздваивается и пролегает по двум сторонам по склонам гор. Ширина в триста шагов, в принципе, дает возможность для удара, но песок до предела затруднит движение и все равно заставит пробираться по склонам гор. Кроме того, эти твари заранее понаставили засеки в узких местах ущелья.

— Ясно. Значит, все-таки Арминий перехитрил нас. Молодец! Хвала ему и уважение! И что больше всего меня пугает, скорее всего, к утру он будет здесь со своей конницей. Как бы он не зашел к нам в тыл. А где их основные силы?

— Германцы расположились на подступах к ущелью, на песчаных дюнах и на склонах гор.

— Значит, как только мы углубимся туда, они захлопнут мышеловку. Начнем отступать — Арминий преградит путь кавалерией. Как все чудно складывается! Для полного счастья не хватало еще дождя завтра, что бы уж полное дерьмо было. Чтоб если уж вляпаться, так по шею!

— Ну, а что ты предлагаешь?

— Ничего. Надеюсь на грубую силу нашей армии. На то, что нам все-таки удастся продавить их лобовой атакой. Когда туда войдем, слушайте меня. Только меня. А сейчас отдыхаем. Кристиан, там мясо лежит и немного оливок — поешь и отдохни. Ты молодец, но скоро бой, и тебе нужно набраться сил.

С рассветом войско вышло из лагеря и, построившись в боевой порядок, приготовилось к атаке, все ждали только приказа Квинтилия Вара. Сам наместник появился чуть позже. Не спеша, он сел на коня и, оценив ситуацию, подъехал к собравшимся командирам. Раздав приказы, он нехотя махнул рукой. И тут же в разные стороны побежали центурионы, примипилы, трибуны и другие командиры войска, стараясь быстрее отдать приказ своего господина. Прямо на глазах армия, минуту назад казавшаяся бестолковой толпой, начала принимать боевой вид и строй, делясь на центурии, когорты и манипулы. Практически мгновенно, сомкнув ряды, легионы протрубили о готовности начать бой. Публий Квинтилий Вар, сидя на гнедом жеребце, радостно смотрел вперед. Скакун танцевал под ним, поднимаясь на задние ноги, фыркая, трясая гривой — предвкушал битву. Знал ли наместник Германии и бывший пропретор Иудеи, друг самого императора Августа, что это последний день его жизни? Что после мгновения, когда он отдаст приказ атаковать, его имя проклянут в веках, а его самого нарекут самым бездарным полководцем Рима? Что его вычеркнут из манускриптов, а всех, кто принимал участие в битве, предадут забвению? Знал ли, чувствовал ли он это? Никому неизвестно... Но вот роковой час пробил. Рука наместника

поднялась вверх и резко опустилась вниз. И мгновенно по воле одного человека тысячи людей пошли вперед. Еще веря в победу и надеясь на успех, под звуки труб и барабанов легионы двинулись в бой.

Первая лобовая атака оказалась удачной. Натиск тяжелой пехоты был настолько стремительным, что легионеры взяли штурмом песчаные холмы у входа в ущелье, наголову разбив германцев. Но постепенно бой принял затяжной характер. Примерно километр от входа в узкую часть ущелья римляне продвигались с боем, тесня германцев.

— Держите строй!!! Не растягивайтесь, они только этого и ждут! — орал во все горло Корнелий, но легионы продолжали ломать боевой порядок, теряя строй и все дальше и дальше втягиваясь в лощину.

Между тем германцы, дождавшись, наконец, когда некогда сомкнутые ряды противника полностью развалились, стали спускаться с гор и буквально нависать над оголявшимися флангами ведущих бой легионеров.

— Вверх! Смотрите поверх гор! Ливерий! Кристиан! Наверху!

Ливерий мгновенно забрался на холм и, спрятавшись за камнем, принялся стрелять из лука, ловко попадая в цель. Кристиан развернул шеренгу центурии и прикрыл тыл ведущих бой спереди.

Германская конница во главе с Арминием, от которой было мало пользы в горах и в лесу, осталась на равнине. Предугадав обход Вара, Арминий атаковал колонны римлян и, разбив их, зашел в тыл основным силам противника.

Сверкнула молния, и первые раскаты грома повергли Корнелия в ужас. Он поднял голову и беспомощно посмотрел на густые свинцовые облака, из которых, словно из решета, полетели первые холодные капли, через мгновение обернувшись проливным дождем.

— О, боги! Только не это, — упавшим голосом пробормотал центурион.

Тем временем погода только ухудшалась. Воинам, штурмовавшим песчаные дюны, дождь был не страшен: песок хорошо пропускал воду и даже становился более удобным для передвижения. Но как только солдаты попадали в заросли по склонам гор, почва под их ногами становилась скользкой и ненадежной. Легионеры поскользнулись и, падая, катились пластами к разъяренным германцам, которым оставалось попросту добивать их, беспомощно лежащих. Проливной дождь действовал угнетающе и подавлял боевой дух, одежда намокала и становилась тяжелой, катастрофически быстро нарушалось руководство войсками. Сила натиска ослабела, авскоре атака и вовсе захлебнулась. Войско оказалось запертым в ущелье. Нужно было перестроиться и продолжить атаку. Но в этот момент Вар отдал приказ отступить и перестроение сделать у лагеря, а продолжить позже.

— Как отступить?! Мы почти закрепились у выхода! Перестроиться можно на месте! Он погубит всех! Что он творит?! — узнав о приказе, проорал Корнелий. И в тот же момент увидел, как вырвавшиеся вперед когорты стали возвращаться к основным силам. Напрасно пытался их остановить центурион. Боевые порядки римлян смешались. Тогда германцы, видя беспорядочное движение врага, разом пошли в атаку. Особенно сильным был удар с фланга, который нанесла конница Арминия. Не выдержав натиска, вместо того, чтобы выполнить перестроение у лагеря, солдаты в панике кинулись внутрь укрепления. Центурия Корнелия, выйдя с боем из ущелья, видела, как конница легата Валы Нумония ускакала прочь, даже не попытавшись прикрыть бегущих воинов от удара Арминия.

— Трусливая сука! Назад! Будь ты проклят! Назад! Они же их всех перережут! — тщетно орал Корнелий командиру кавалерии.

Надежда на спасение была потеряна: германский отряд с криком ринулся на центурию Корнелия, чтобы уничтожить отступающих.

— Сомкнуть ряды! Приготовиться к обороне! Держать строй! Держать строй! Аврелий — ты рядом со мной! Кристиан, Ливерий — вы с правой стороны! Не дайте им разрушить боевой строй!

В этот миг на римлян хлынула людская лавина. Началась нешуточная резня. Яростный взгляд глаза в глаза, хриплое прерывистое дыхание, кровь и отборная ругань. Бойцы с обеих сторон добивались друг до друга, затаскивали противника к себе в строй, добивали его, ломая мечи и копья, доставали кинжалы и резали, резали, резали друг друга. Корнелий пятился назад, отступая по трупам, и все еще пытался удержать строй. И вот в одно мгновение повалили Аврелия. Его крик, донесшийся через шум боя, словно гром, прогремел в ушах Корнелия. Он сразу понял: убили! Обернувшись, он увидел, что от его центурии осталась лишь половина. Половина тех, кого он так берег, берег, словно детей. Обезумев от ярости, он бросил щит, схватил второй рукой меч, лежавший у ног убитого Аврелия, и со звериным рыком кинулся в гущу шевелящихся тел, рук и острого железа. Он без устали рубил и крушил противника, ломая щиты и пробивая доспехи и головы германцев. Его несколько раз ранило, но боли он не чувствовал. Поваленный, он моментально вскакивал и снова кидался в мясорубку. Сбил с ног какого-то огромного германца, который вскользь рассек ему правую сторону лица, и принялся топить его в жиже из грязи и крови, затем долго рубил кинжалом пока тот не раскинул беспомощно руки и не перестал шевелиться. Корнелий стоял на вдавленном в грязь теле, качаясь от усталости и слепнув от заливающей его лицо крови. Он тяжело дышал, и вместо выдоха из его груди вырывались хрипы. Его окружили и прикрыли щитами свои солдаты, и, сбившись вместе, они стали понемногу отступать. Центурион понял, что они отбили атаку. Теперь оставалось надеяться только на себя и попробовать самостоятельно пробраться через горы, чтобы выйти из ловушки. Поднявшись на вал, центурион обернулся и ужаснулся тому, что увидел. Повсюду лежали римские солдаты, войско было уничтожено. Кто-то из выживших бежал лесом, где становился легкой добычей противника, кто-то — назад по дороге, кто-то (немногие) сдавался в плен. Германцы сгоняли живых и раненых в кучу, словно скот. Чуть выше, на ровном холме Корнелий увидел двух всадников. Это были Арминий и Сципион. Хотя они стояли далеко от него, центурион сразу узнал их. Сжав зубы, он поднял вверх окровавленный меч и что есть мочи заорал. Заорал, словно умирающий зверь, так, что его крик заглушил на секунду все вокруг. Германцы обернулись на центуриона и хотели было кинуться вдогонку, но Сципион остановил их:

— Стоять всем! — гаркнул он, а потом, понизив голос, спокойно проговорил Арминию: — Пускай уходят.

Улыбнувшись, он вытащил меч и в знак не то уважения, не то насмешки поднял его так же, как сделал Корнелий. Увидев это, центурион хотел рвануться к ним, но Ливерий и Кристиан стащили его с холма и увлекли в гущу леса, туда, в темноту, подальше от смерти.

— Почему ты остановил моих воинов?! — сведя брови и нахмурившись, злобно прошипел Арминий.

— Сделай лицо попроще, вождь варваров. Ты хотел освободить свой народ от римлян? Ты сегодня сделал это. Ты жаждал мести? Так посмотри вниз: у твоих воинов есть мясо для развлечения. Я думаю, им хватит всем, чтобы утолить свою жажду крови. А на этого центуриона у нас свои планы. Если бы мы хотели его смерти, она постигла бы его еще на

пиру. Радуйся, что этим походом командовал Вар, а не он.

— Если ты думаешь, что сможешь управлять мною, ты ошибаешься! И своему хозяину скажи, что ваша заслуга лишь в том, что вы смогли отослать Тиберия. А так, мои воины разгромили бы римлян и без вашей помощи! — ударив коня в бока и тронув поводья, проговорил Арминий.

— Я передам. Ты освободил свой народ от захватчиков, теперь попробуй сохранить независимость Германии от своих же собратьев. И помни, вождь варваров, ты дал клятву моему господину. Боюсь, он не поймет твоей гордыни и измены данному слову.

— Скажи ему, что у меня свои боги, а его бредни я слушать больше не собираюсь!

— Боги у всех одни, Арминий. Ты скоро поймешь это. Вар думал так же, как и ты, но от обещания уйти нельзя, от него можно избавиться только через смерть, — тихо проговорил Сципион и, развернув коня, скрылся в чаще леса.

Почти сутки воины Арминия казнили и пытали захваченных пленников. Прежде всего, германцы принесли в жертву Тору и другим своим богам центурионов и трибунов. Пленных вешали на деревьях, отрезали им головы и прибивали их к вековым дубам. С особой жестокостью варвары расправлялись с захваченными римскими судьями. Почти всем воинам они отрубили ноги, дабы те после смерти не смогли добраться в мир духов и обрести покой. Арминий наслаждался победой: все племена ликовали, празднуя освобождение от римского ига, и он стал для них символом сопротивления завоевателям и был провозглашен королем Западной Германии. Он получил все, что обещал ему тайный хозяин Сципиона. Но, как известно, за все нужно платить. А пока он был на коне и радовался жизни и своей славе.

Корнелий пробирался по лесу с остатками своих солдат и теми немногими, кто присоединился к нему, вовремя увидев, что его центурия отбила атаку и стала уходить. Чудом прорвавшись через кольцо германцев, через четыре дня они, уставшие и измученные, вышли к Рейну и, перейдя реку, вошли в ближайший гарнизонный лагерь, где их встретили свои. Уже позже Корнелий узнал, что Квинтилий Вар покончил с собой, бросившись на меч, дабы избежать позора плена. Что его примеру последовали все приближенные офицеры. Что Арминий, обнаружив труп своего бывшего «друга», в злости отсек ему голову и в качестве подарка направил римскому императору. Что в том злосчастном лесу было уничтожено три легиона отборных воинов. Что всех выживших предали забвению, лишив почестей и наград, выплат и обещанной ветеранской пенсии. Что он, отслуживший столько лет на благо империи, оказался выброшен на ее задворки, как вещь, которая вдруг стала ненужной. Он также пока еще не знает о том, что дома при родах второго сына умерла его любимая жена Оливия. Что хозяйство держится на честном слове оставшихся рабов, которых он привел с прошлых походов и которые трудятся на него из уважения и человеческой преданности к своему хозяину. Все это он узнает потом, а сейчас он лежит на кровати, и лекарь вычищает его раны. Его лихорадит от простуды и полученных увечий. Он не узнает никого вокруг себя, и его жизнь, кажется, висит на волоске. Хриплое дыхание иногда вырывается из его груди, и тогда Ливерий или Кристиан, которые по очереди дежурят у его постели, смачивают ему губы водой и меняют холодную повязку на лбу. В бреду он бормочет лишь одно:

— Сципион, будь ты проклят.

По блестящему мраморному полу, в котором можно было видеть свое отражение, шли сенаторы и знатные люди Рима. Шли, минуя залы, шли и дрожали от той вести, что несут своему божественному императору. Шли, перешептываясь, и все никак не могли решить, кто

из них первым сообщит о том, что произошло в Тевтобургском лесу. Среди них был и всеми уважаемый сенатор и один из богатейших людей империи Клавдий Марк Нерон. Он держался с краю и ни с кем не разговаривал, лишь оглядывал идущих людей, которые трепетали сейчас от одной мысли о взгляде того, к кому они направляются. И вот преторианцы расступаются перед делегатами. И вот уже они видят, как он сидит, опершись на руку, на своем ложе. Рядом с ним его любимые псы. Рабы обмахивают его тело опахалом. Он смотрит на них пристальным, великим и мудрым взглядом. Ждет. Ждет того, о чем сам боится подумать, хотя вести уже летают черной птицей по вечному городу, а люди, преувеличивая произошедшее и пугая сами себя, запасаются продовольствием, зная о том, что предатель Арминий уже выслал страшный подарок их императору. Октавиан опускает глаза и произносит:

— Ну, так что хотят сказать мне мои уважаемые сенаторы, мыслители и полководцы? Что привело вас ко мне? Почему на ваших лицах я вижу ужас и страх? Разве так подобает выглядеть людям, которые правят миром?

Все стоят, словно статуи, с бледными лицами, с глупыми, растерянными глазами. Немую сцену прерывает Марк, он, словно тень, медленно выходит из-за спин остальных и будто бы невзначай говорит:

— Вар разбит, семнадцатого, восемнадцатого и девятнадцатого легионов больше не существует, Арминий предал вас, и мы больше не контролируем земли Германии.

Октавиан меняется в лице. Раб, который опахалом создавал прохладу императору, пригибается и, трясясь, пятится назад. Преторианцы опускают взгляды в пол, чтобы, не дай бог, не встретиться взглядом с Августом. В огромном дворце наступает тишина такая, что слышно, как по нему, жужжа, летает муха, невольно оказавшаяся в этот момент где-то под сводом потолка. Октавиан Август привстает и, шатаясь, подходит ближе к сенаторам. Те, словно шавки при виде волка, стараясь не смотреть на него, пятятся назад. На месте остается только Марк, который с любопытством, причины которого известны лишь ему самому, всматривается в императора. Один из пришедших хотел было открыть рот, дабы сказать что-то путное, но тут же получил жесточайший удар от своего повелителя и, схватившись за кровавленный нос, нагнулся и нырнул в толпу. Октавиан показал жестом, чтобы все молчали, после чего отвернулся и тихо спросил:

— Как?

Но присутствующие боялись и слово вымолвить. Боялись не на шутку, зная, что это не игра и что император сейчас в гневе и способен на все. Что он не посмотрит на их заслуги, чины и родовитость. Повернувшись к ним, Август схватил за шиворот первого попавшегося и проорал, брызгая слюной, красный от гнева, со вздувшимися венами на шее и лице, с дергающимися желваками:

— Как?! Как такое могло произойти?! Как?! Как?! Как такое могло произойти?!

А ведь действительно — как? Таких серьезных поражений римляне не знали последние шестьдесят лет, с тех пор как парфяне при Каррах в далеких краях за Евфратом уничтожили экспедиционный корпус Марка Лициния Красса. А за 36 лет единоличного правления Августа Рим и вовсе привык к одним лишь победам, покоряя новые земли: Египет, северо-запад Испании, Аквитанию, Альпы, Далмацию и вот, наконец, Германию. Понятно, почему боялись и дрожали пришедшие сенаторы. Понятна была и реакция самого Октавиана Августа. Единственным, кто не боялся, был Клавдий Марк Нерон, и он снова, подойдя к своему господину, ответил:

— Сейчас нужно думать не о том, как и почему это произошло, а о том, что делать, раз это случилось. Я предлагаю вам приказать немедленно распустить своих телохранителей-германцев, так как вы окружили ими себя, не ведая о той опасности, которая от них исходит. Всех галлов нужно выселить из Рима, так как я боюсь, что после такого страшного поражения Галлия может восстать и присоединиться к германцам. И, как я уже говорил, вам нужно собрать личный гвардейский легион и начать его обучение. Для него, конечно, понадобится полководец, и я постараюсь подобрать его для вас. Прикажите начать отбор детей в данную гвардию. Назовем ее Черным преторианским легионом. Я уже советовал вам принять данное решение, но вы отказали мне, ссылаясь на то, что в том нет необходимости. Теперь, как показала практика, необходимость появилась.

Август выслушал Марка и, склонив голову, подошел к дверному проему. Его тело горело и зудело, чесалось так, что хотелось сорвать с себя кожу. Внезапно для всех Октавиан рассмеялся, затем разодрал на себе тогу и стал биться головой о притолоку двери, восклицая: «Публий Квинтилий Вар, верни мне мои легионы! Будь ты проклят, Вар! Верни мне мои легионы! Вар, верни мне мои легионы!». Успокоившись через какое-то время, он подошел к Марку и проговорил:

— Делай так, как надо, но держи меня в курсе всего, что задумал. Я верю тебе, ты не подводил меня никогда, в отличие от этих столпившихся баранов.

— Конечно, мой император, — поклонившись, ответил тот.

До конца дней своих Август будет облачаться в траур в годовщину поражения. А сейчас он согбенный, опирающийся на своих рабов, идет в спальню. Бредет туда, чтобы прилечь и подумать над тем, что произошло, а может, над тем, что ему посоветовал Марк.

Сципион стоял у выхода из дворца, рассматривая, почти не моргая, мраморную статую бога войны Марса, когда к нему подошел Марк.

— Как все прошло? — не поворачиваясь к собеседнику, проговорил он.

— Прошло так, как и задумано. Он согласился на то, что я ему предложил. Осталось найти полководца. Кстати, как там наш подопечный?

— Жив. Почва подготовлена, нужно теперь ждать, когда взойдет урожай. Только вот меня смущает одно.

— И что может смущать тебя, Сципион? Или лучше называть тебя Абигор?

— Не имеет значения. Ваше право называть меня так, как вам заблагорассудится. А смущает меня вот что: не захочет ли он, когда подрастет, славы большей, чем мы ему дадим? И не выйдет ли он из-под нашего контроля? Сами понимаете, что оплошность будет дорого нам стоить. Ваш брат вряд ли одобрит то, что мы затеваем.

— Слава, мой друг Абигор, — штука коварная. Вар хотел славы, он ее получил: теперь о нем знает весь Рим. Мало того, он, сам о том не ведая, прославил свое имя в веках. Разве не о такой славе он мечтал? Я исполнил его желания. По заслугам и награда. А об остальном не думай. Ты воин. Тебе ли думать о таких мелочах?

Продолжение на...www.alexporovov.ru

ПОЛНОСТЬЮ ВСЕ КНИГИ ЦИКЛА МОЖНО ПРОЧЕСТЬ Т
WWW.ALEXPOROVOROV.RU

<https://rutube.ru/video/a741d79393f5a65ab4986558265ec62a/?ref=search>

Глава II

Прошло три месяца с того момента, как Рим узнал о страшном и позорном поражении. Поражении от того, кто должен был пресмыкаться при одном только слове, да что там слове — при одной только мысли о вечном городе. Многие изменилось за это время в империи. Но мог ли знать об этом Корнелий, который в беспамятстве, болтаясь на волоске между жизнью и смертью, провел это время на койке под присмотром тех, кого смог вывести из проклятого Тевтобургского леса?

Что может быть важнее для хороших командиров и воинов, чем слава, успех и вкус победы? Наверное, ничего, не считая благородной смерти на поле боя за правое дело во имя Рима. Только вот сейчас для Корнелия все обстояло немного иначе. Предательство и осознание того, что он, зная все это, не осмелился послушаться Вара и повел на гибель своих людей, не давало ему покоя. Не такой участи он хотел для своих солдат.

«Ну, вот до чего довело тебя твое самолюбие, мерзкий ублюдок! И сам подход, ничтожная самоуверенная скотина, и людей погубил! Я говорил, что надо было дожидаться подкрепления. Привел бы Тиберий свои легионы, мы бы не угодили в эту западню! Да и вряд ли бы он позволил тебе командовать войском!» — думал Корнелий. Не в его силах было что-либо изменить, и из-за этого ему было тошно от самого себя. Из-за этого он не мог смотреть в глаза тем, кто сейчас был рядом с ним.

Корнелий вместе с небольшим количеством выживших солдат из своего легиона шел назад, отказываясь верить в то, что случилось. Но чем старательнее он пытался об этом забыть, тем больше ему хотелось остаться бездыханным там, а не идти сейчас здесь и не видеть ничего вокруг себя. Если бы он мог выменять свою жизнь на жизнь павших, он безоговорочно сделал бы это. Но он не мог. Он также понимал, погибни он тогда, никого бы не удалось спасти. Он шел с остатками своего отряда, таща на себе раненого солдата, который время от времени стонал и хрипел. Всех их выкинули, как щенков, из военного лагеря вместе с тяжелоранеными и еще неокрепшими людьми. Все хотели избавиться от них. Рим думал по-своему: что стоит жизнь человека, когда подорвана репутация непобедимой военной машины? А они? Они просто попали под эти жернова и теперь должны были исчезнуть, как и те три уничтоженных легиона, о которых сразу попытались забыть, словно их и не было вовсе.

Погрузившись в свои мысли, Корнелий не скоро заметил, что тот, кого он тащил на себе, перестал подавать признаки жизни. Центурион остановился. Медленно встав на колени и придерживая солдату голову, он бережно положил его на землю, словно отец, который кладет в колыбель свое уснувшее дитя. Корнелий закрыл глаза и, стиснув зубы, глубоко вздохнул, по его щеке скользнула слеза. Он вспомнил, как этот солдат еще совсем недавно улыбался и веселился, сидя на перевалочной базе у костра около этого злосчастного леса. Как он бесстрашно сражался, не давая страху ни единого шанса поселиться в его душе. После непродолжительной паузы Корнелий закрыл глаза солдату. Закопав тело, воины направились дальше. Путь домой был не близок. Так закончилась жизнь трех легионов великого Рима.

Вот она — родина, куда так спешил Корнелий, куда так звало и тянуло его сердце. Ожидание томило его: он мечтал наконец-то встретиться с семьей, обнять жену, уткнуться лицом в ее густые волосы и вдыхать аромат молодого тела, прижимая ее к себе все сильнее и сильнее. Но сначала нужно было прибыть в военный лагерь, чтобы уладить оставшиеся дела. Родная земля не встретила их с распростертыми объятиями. Они ощущали непонимание со стороны жителей и, проходя мимо людей, чувствовали озлобленность и презрение, которое читалось в их глазах. Казалось, даже воздух был пропитан ненавистью к ним — единственным, кому удалось выжить. Переглядываясь и не понимая, что происходит и почему мимо проходящие люди как-то с пренебрежением и отвращением смотрят в их сторону, бойцы брели по пыльной дороге к своей цели, еще не ведая, какой прием ожидает их там, в конце пути. Приблизившись к воротам лагеря, они увидели солдат, стоявших в карауле, и чем ближе к воротам они подходили, тем более настороженно вели себя караульные, которые сначала долго с опаской смотрели на чужаков, а потом и вовсе кинулись им навстречу.

— Ну вот, наконец-то мы и добрались, — произнес Кристиан.

— Да уж... Не нас ли бегут встречать? — кивнув на солдат, посмотрел на Корнелия Ливерий.

— Ага, нас. Вид только у них не очень-то приветливый. Не похоже, что нам тут дюже рады, — сплюнув на землю, буркнул Корнелий.

И действительно: поравнявшись с ними, солдаты мгновенно скрутили всех, добавив при этом:

— Будете дергаться, разделите участь тех, кто пал смертью храбрых, а не сбежал, как вы, предатели и трусы! Ну же! Только дайте повод, и вы умрете как бездомные собаки! — приставив к горлу Корнелия острие меча, проговорил один из солдат.

— Вот тебе и радушный прием, — сквозь зубы прошипел Корнелий и продолжил: — Понять бы еще тогда, в чем моя вина, а сейчас...

Но, не дав ему договорить, солдат со всего маху ударил центуриона рукояткой гладиуса по затылку. В глазах Корнелия потемнело. Последнее, что он услышал, были слова охранника:

— Всех в железо и в подвал. Ну а этого, как и приказывали...

Откуда-то издали послышался голос, который становился все четче и громче. словно гул, он нарастал в ушах, пока Корнелий уже ясно не услышал:

— Э-э-э! Слышь, ты?! Ну что, очнулся?! — спросил начальник охраны, облив Корнелия водой и пнув его ногой, чтобы тот быстрее пришел в себя. Открыв глаза, Корнелий увидел перед собой человека, который стоял над ним, подобно коршуну, парящему над добычей. Это был его старый знакомый — Помпей, с которым он начинал службу.

— Какого хрена здесь происходит?

Но вместо ответа Корнелий получил от начальника охраны удар ногой в живот, захрипел и начал кашлять.

— Здесь вопросы задавать буду я! — улыбнувшись, проговорил тот. — Поверь, я не очень рад делать то, что делаю. Но ведь ты сам понимаешь: предатель — не человек. Помнишь, чему нас учили в легионе? — рассмеявшись, произнес Помпей и тут же продолжил: — Ну, давай рассказывай, Пророк, как же тебе удалось уцелеть одному из немногих? Причем из командиров и вовсе только ты и выжил. Я уж не говорю про простых солдат, которые сами ничего сделать не могут! Между прочим, Вар бросился на меч, и почти

все командиры поступили так же. Почему ты не последовал их примеру?! Отвечай! — расхаживая над полулежащим на полу Корнелием, словно сторожевой пес, и не сводя с него взгляда, вел допрос начальник лагеря.

— Ты всегда был тыловой крысой, Помпей. Выслужился все-таки. Я помню, как ты положил в Парфии свою когорту ради того, чтобы первым взять крепость. А сам наблюдал издали. Ты никогда не вел солдат, только отдавал приказы. Не помоги я тебе тогда, ты бы... — не успев договорить, Корнелий тут же схлопотал по лицу.

— Победителей не судят, Пророк! Посмотри, где я и где ты! А теперь отвечай!

— Что отвечать? Ты и сам знаешь не хуже меня. Гонцы уже доложили обо всем, что случилось. Нас предали. А из-за слишком высокого самомнения Вара и его глупой уверенности в том, что мы в любом случае одержим победу, так как перед нами всего лишь варвары, все обернулось совсем не так, как он рассчитывал, и пошло не так, как он ожидал.

— То, что предали, я знаю.

— Так что же ты меня допрашиваешь, тупой ублюдок?! — гневно проорал Корнелий.

— Как я вижу, у тебя нет чувства самосохранения! Язык бы тебе подрезать! — подойдя к Корнелию, произнес Помпей и наградил своего «приятеля» ударами по лицу, разбив еще не зарубцевавшийся шрам, из которого тут же начала сочиться кровь.

— Почему ты не умер, Пророк? Ну почему ты такой упрямый? Почему? Почему не остался на поле боя и не дрался до конца, как это сделал Вар? Почему от тебя всегда одни проблемы? Ты ничего не делаешь, как все. Тебе обязательно было нужно спасти людей, да? Для кого, для чего ты это сделал? Умри ты там, тебя бы похоронили с почестями, может быть. А сейчас? Сейчас... — произнес Помпей, глядя в глаза Корнелия.

— Извини дружище, я не могу стать другим. Уж я такой, как есть. А Вар? Вар он совсем как ты. Тебе дай власть, и ты поступишь так же. Ты и сейчас делаешь то, что тебе говорят, а не то, что нужно. Я его за несколько дней предупредил о предательстве! Еще до того, как мы выдвинулись с перевалочной базы! Только кто я такой, чтобы слушать меня? У него своя голова на плечах, и он больше верил Арминию, который ему в глаза улыбался, а за его спиной выстраивал свой коварный план, — не отводя глаз, монотонно, но твердо проговорил Корнелий и тут же продолжил: — Арминий и сукин сын Сципион все это подстроили и договорились с германцами! — проорал он так, что на шее у него вздулись вены, а глаза налились кровью, словно у быка, увидевшего красную тряпку. — Я же пытался спасти то, что осталось от отряда! При чем тут люди?! Из-за глупца вожака не должно страдать стадо! И в этом мое предательство?! Вы обвиняете меня в том, что я спас людей, которые храбро сражались?! Сражались за вас! За такое говно, как ты, которое может только исполнять, а не мыслить... — тут снова последовал удар, и еще, и еще. Помпей бил Корнелия, пока у того не зазвенело в ушах и не помутнело в глазах. Он остановился, лишь увидев, что еще немного и его пленник потеряет сознание. Тогда Помпей подошел к ведру с водой и стал смывать кровь с рук.

— Сципион, говоришь? Интересно. Может, тогда и самый уважаемый человек в Риме — Марк тоже замешан в этом?! Может, подпишешь себе смертный приговор, а? Давай расскажи мне, что здесь замешан сенатор Марк, да и покончим с этим? — с легкой улыбкой проговорил Помпей.

— Я не знаю, замешан ли сенатор или нет. Я говорю лишь о том, что слышал. Только я вижу, слушать-то меня тут никто не собирается. Кому теперь нужна правда? Но если и есть тут предатель, то это уж точно не я. Почему меня обвиняют в этом — ума не приложу. Иначе

зачем бы мне было приходиться сюда?! Ответь мне!

— Пророк, ты слишком хороший стратег, может, даже слишком хороший. Тут твой дом, семья. Не приди ты сюда, тебя бы скрутили в любой провинции. У тебя же нет грамоты, а только документы о том, что ты центурион легиона. А какого легиона, так теперь каждая собака знает. Так что тебе некуда было идти, да и новостей ты, видимо, не знаешь. Сенат издал указ лишить всех привилегий и почестей тех трусов и предателей, которые бежали с поля боя. А еще отказать им в пенсии и отменить выплату ветеранских. Ты ведь пришел сюда именно для этого, не так ли? Ты хотел получить то, что тебе полагалось за двадцать пять лет службы. Ну, так вот теперь ты это и получаешь. Ты рассчитывал откопать клад? Но нет, ты вырыл себе могилу и сам же в нее и прыгнул!

Тут в полуподвальное помещение, в котором происходил допрос, открылась дверь, и в нее вошел сенатор Терентий. Помпей, который разошелся, и, повернувшись, хотел было выгнать вошедшего, узнав в нем сенатора, лишь склонил голову в знак уважения.

— Что здесь происходит? — смотря на Помпея, произнес Терентий.

— Да вот... Задержали центуриона Корнелия. Вернулся все-таки в родные края. На родину потянуло! Пришел ветеранские оформить и право на землю получить. Да место своему гаденышу маленькому, небось, в легионе застолбить собирался. Про указ не слышал. Так мы его тут и взяли с его дружками. Командир центурии, а живой почему-то оказался. Еще наглости набрался прийти требовать положенное по закону. Вот, утверждает, что ни в чем не виноват и просто спас от неминуемой гибели остатки своего отряда. Герой, мол, он, а не трус и предатель, — спокойным голосом проговорил Помпей.

Терентий подошел к Корнелию и, присев на корточки, посмотрел на него. Пророк, смотревший в этот момент в пол, даже не стал поднимать свой взгляд на него.

— Слышь, ты! Скотина! Ты что, совсем страх потерял?! — подбежав к Корнелию, проорал Помпей и, схватив его за волосы, задрал ему голову так, чтобы тот видел, с кем будет общаться. — Смотри, тварь, и не смей отворачиваться, когда к тебе обращаются такие люди! Или ты не видишь, кто к тебе подошел?! — крикнул Помпей, посмотрев на Терентия в надежде получить от него знак одобрения. Однако сенатор, встав с корточек, презрительно произнес:

— Пошел вон отсюда!

Помпей растерялся, не поняв, что сделал не так и почему его выгоняют. Но ему оставалось лишь поклониться Терентию и спешно удалиться без лишних слов, злобно взглянув на Корнелия.

— Гай Корнелий Август, посмотри на меня, — спокойно проговорил сенатор. Корнелий поднялся с пола и встал, держась за живот. Лицо его было сильно разбито. Сенатор молча оглядел его, после чего они несколько секунд пристально смотрели друг на друга. Затем Терентий слегка улыбнулся и произнес:

— Я верю тебе. Не волнуйся. Тебя никто не тронет. И тех, с кем ты пришел сюда, тоже. Но ты должен понимать, что после того, что случилось, ты легко отделался, потому что другим так везти, как тебе, не будет. С предателями разговор короткий обычно бывает, как ты знаешь. Я тоже не всесилен, хотя и имею некоторый вес, даже у императора Августа. Ты должен понимать, что я подвергаю очень большой опасности себя и людей, которые хотят знать правду. Правду о том, кто спланировал все это. Вряд ли у Арминия хватило бы мозгов и средств для того, чтобы подготовить такое. Тут требуются огромные ресурсы и хитрость полководца. А я слышал, стоя за дверью, что ты упоминал о Сципионе. Говорят, он гений

военного дела и служит одному очень влиятельному и очень хитрому человеку. Но сомневаюсь, что Сципион отправился в Германию по собственной воле. Расскажи мне все, что ты знаешь, а я помогу тебе и твоим друзьям выбраться отсюда. Но большего я дать тебе не смогу.

— Почему я должен тебе верить? — тихо спросил Корнелий.

— Потому, что я верю тебе и Силан верит тебе. Да и выбор у тебя не большой. Как я понял, Помпей очень хочет остаться с тобой наедине. Или, быть может, мне уйти? Как ты думаешь, сколько ты проживешь, если я не помогу тебе? Я знаю, у тебя есть семья, и ты видел их в последний раз больше года назад. Думай, центурион, думай. Выбор за тобой, — с легкой иронией в голосе проговорил Терентий.

— Я гляжу, тут все умеют убеждать.

Когда Корнелий со своими друзьями вышли на волю, они практически всю дорогу молчали. Кристиан и Ливерий переглядывались между собой, но потом не выдержали и практически в один голос произнесли:

— Почему?

— Что почему? — держа окровавленный лоскут ткани у лица, спросил Корнелий.

— Почему они считают нас трусами и предателями?

— Потому что так кое-кому выгодно. Не знаю, кому точно, но дело пахнет большими деньгами и влиятельными личностями! — рявкнул в ответ Корнелий, все сильнее прижимая тряпку к разбитому лицу. — Мы дерьмо, парни, вот и все! Сдохли бы там, и все было бы нормально. Но жизнь, сука, коварная. Слава богам, что у таких сильных мира сего, как сенатор Терентий и как этот, как его... Марк!... свои распри. Только поэтому мы сейчас с вами и наслаждаемся жизнью. Откуда только они так быстро все узнают?! Хотя все хорошо, что хорошо кончается. Не очутись я там и не услышь тот разговор, давно бы болтались на воротах лагеря.

И опять среди трех идущих по городу людей воцарилось молчание. Каждый из них думал о чем-то своем, но в одном их мысли сходились: той жизни, которая была у них прежде, больше не будет. Они не обращали внимания даже на косые взгляды презрения со стороны горожан, которым напели про них то, что кому-то было выгодно.

— Надо посетить дом Аврелия и сообщить известие его жене. Хуже уже не будет, — проговорил Корнелий без всяких эмоций.

Кристиан и Ливерий лишь молча кивнули в знак одобрения.

Всю дорогу они шли и думали о том, что же теперь будет с ними и как сказать жене приятеля о его гибели, принести ей страшную весть о том, что теперь она может рассчитывать лишь на себя. Подойдя к ее дому, они какое-то время стояли напротив, не решаясь приблизиться к двери и постучаться. Они смотрели друг на друга, и в их глазах читалась неловкость из-за чувства вины за то, что Аврелий не стоит сейчас рядом с ними. Но больше всего Корнелия терзало чувство той беспомощности, охватившее его в момент сражения рядом с бесстрашным другом и прекрасным солдатом, которого он не смог прикрыть. На него вновь нахлынуло откуда-то изнутри осознание того, что уже ничего не поправить, и горло в момент пересохло так, что он закашлялся и тяжело вздохнул.

Пока они стояли в нерешительности около дома, к ним со спины подошла молодая женщина с маленьким ребенком. Малыш крепко сжимал руку матери, стараясь поспеть за ее быстрым шагом. Увидев пришедших, она замерла и долго смотрела на них. Ее глаза словно остекленели из-за наполнивших их горьких слез, а ноги ослабели и стали ватными. Присев

на скамейку, она дрожащей рукой прикрыла рот и негромко всхлипнула. Все трое обернулись.

— Сам скажешь или мне? — тихо, еле слышно проговорил Ливерий.

— Сам, — глядя в сторону, сквозь зубы ответил Корнелий и направился к девушке.

Подойдя, он присел рядом.

— Аврелий... он жив? — чуть слышно спросила она, посмотрев Корнелию в глаза не моргая.

Корнелий опустил голову и тихо произнес:

— Мне очень жаль...

— Почему ты не спас его? Почему?! — кинулась она на него, стуча руками по его груди, и слезы ручьем полились из ее глаз. — Почему, я тебя спрашиваю?! — продолжала она. Маленький мальчик зарыдал и обхватил ногу матери со словами:

— Мама, мама, не плачь. Почему ты плачешь? — взхлеб ревел паренек.

Корнелий сидел и ничего не мог ей ответить, только молча мотал головой, пытаясь не смотреть на нее.

— Прости нас, Ливия. Прости, — повторял он чуть ли не шепотом, пока на его лицо и тело обрушивались женские удары. И ему казалось, что они намного больнее ранят его, чем все его шрамы, полученные за долгую службу. Он сидел и даже не пытался сопротивляться. Кристиан и Ливерий осторожно оттащили от него обезумевшую от горя женщину и проводили ее с малышом домой. Успокоив вдову, они через некоторое время вышли обратно к Корнелию.

— Она справится. Она сильная женщина. Ей просто нужно сейчас побыть одной, — тихо проговорил Кристиан. — Завтра мы навестим ее, а то у нее ребятишек полон дом, как бы не сотворила чего с собой и с ними с горя-то... Бабы, они ведь народ непредсказуемый.

— Вот поэтому кто-то должен остаться, присмотреть за ней. Мы виноваты. Я виноват. Но оставлять ее в таком состоянии не нужно. Мало ли что она может выкинуть?

— Ты зря коришь себя. Никто не застрахован от смерти. Ты сам прекрасно знаешь, что на месте Аврелия мог быть каждый из нас. Просто к нам судьба оказалась более благосклонна, вот и все.

— Я останусь, а вы ступайте. Помогу чем смогу. Он был и останется нашим другом. Теперь мы должны помочь его жене справиться с теми трудностями, которые ей предстоит пережить, — как-то немного нервничая и переживая, проговорил Кристиан.

— Да, ты прав. Если мы не поможем ей, то она пойдет по миру, — тихо сказал Ливерий.

— Хорошо, оставайся, Кристиан. Завтра все соберемся у нее и решим, как быть дальше, — одобительно хлопнув по плечу друга, произнес Корнелий.

Но трудности поджидали не только жену Аврелия и ее детей, но и всех тех, кто выжил в той мясорубке.

Всю дорогу до дома Корнелий винил себя в том, что не выступил тогда и не обвинил Арминия в предательстве. В том, что мог протянуть время до прихода Тиберия с легионами, но не сделал этого. В том, что мог предпринять хоть что-нибудь, но не предпринял.

Теперь же, по воле богов, ничего исправить уже было нельзя: никто не в силах исправить то, что уже совершено.

Подходя к дому, он увидел настораживающую картину, которую сначала принял за обман зрения и результат усталости, не дававшей ему покоя в связи с последними

событиями. Но чем ближе он подходил, тем больше он убеждался в реальности своего видения. Вскоре его заметил один из рабов по имени Леонид. Корнелий всегда оставлял его за старшего и верил ему, как себе. Никогда этот раб не подводил его.

— Хозяин! Господин Корнелий! — подбегая к нему, громко кричал Леонид, который был почему-то в оборванной и потрепанной одежде.

— Леонид? Что здесь случилось?! — громко и как-то обреченно проговорил Корнелий и, не дожидаясь ответа, спешно и с некоторой опаской прошел мимо раба, который встал как вкопанный.

— Где моя жена? Где мой сын? Где все остальные? Почему все разрушено?

— Господин, мы ничего не смогли сделать, — тихо произнес Леонид.

— Луций, сын мой! Оливия, жена моя! Где вы?! — заорал Корнелий на весь дом.

На его голос откликнулся Луций, который играл во дворе и, забегаая на веранду, радостно зашумел:

— Папа, папа вернулся! — кричал он, подбегая к отцу. Корнелий в один миг подхватил сынишку, со счастливым криком поднял его и сделал несколько оборотов вокруг себя. Он крепко прижал ребенка к себе и лишь после этого поставил на пол.

— Как же я рад тебя видеть! Как ты вырос! А где мама? — с улыбкой проговорил он, трепля сына по волосам.

— Мама уехала, но оставила мне братика Маркуса. Леонид сказал, что его так зовут, только он совсем маленький и со мной не играет, а постоянно плачет. Пап, а что у тебя с лицом? Почему оно в болячках? Тебе очень больно?

— Уехала... — рука Корнелия опустилась, в ушах зазвенело, тело бросило в холодный пот. Он посмотрел на сына и продолжил:

— А где твой братик?

— Да он спит вот в той комнате, — показывая пальцем, проговорил Луций.

— Хорошо, Луций. Иди, поиграй пока. Я скоро к тебе подойду, — стараясь улыбаться, ответил Корнелий.

— Папа, а ты больше не уйдешь? Ты же не уедешь, как мама? — с опаской проговорил он и посмотрел на отца.

— Нет, сынок, я с тобой. Теперь до конца с тобой. Обещаю, — ответил Корнелий сыну, глядя в его не по-детски серьезные глаза, и снова повторил: — Я обещаю, Луций.

Дождавшись, когда паренек убежит играть, он направился в комнату, где мило спал его младший сын. Тихо, почти не слышно, он подошел к колыбели и заглянул в нее. Там, сопя и насасывая палец, лежало то, что оставила ему его любимая жена — Маркус, младший сын. Его сын.

— Так значит, тебя зовут Маркус, — тихо произнес Корнелий, боясь разбудить малыша и глядя на него, словно замороженный. Сердце воина дрогнуло, из его глаз непроизвольно потекли слезы. Решительно смахнув их рукой, он пошел к Леониду.

— Леонид! — выйдя на улицу, чуть на повышенных тонах произнес Корнелий.

Раб вздрогнул и направился к хозяину, смотря на него испуганным взглядом.

— Да, господин? — тихо произнес он.

Корнелий подошел к полуразломанной скамейке и присел на нее. Обхватив голову руками, он закрыл глаза, и, подумав немного, произнес:

— Оливия, моя жена, она... — но не осмелился произнести то, что боялся услышать.

— Мне очень жаль, господин. Это самое большое горе, которое могло случиться, —

тихо проговорил Леонид.

— После того, как страшная весть достигла Рима, и все узнали о том, что случилось, о том поражении... — пытаюсь подбирать слова, немного заикаясь и не глядя на своего господина, говорил раб, — по городу поползли нехорошие слухи. В гневе император издал указ о том, что все выжившие в битве больше не являются гражданами Рима и на них не распространяются законы. Мы думали, что вы погибли. Все так думали. Даже ближайшие соседи, с которыми мы были в отличных отношениях, пришли грабить нас, узнав об этом нелепом указе. Все хотели урвать свой кусок. Катон увел лошадь и корову и прихватил с собой двух рабов. Еще троих убили, поскольку они пытались отстоять ваше добро. Птолемей разворовал амбар и забрал подготовленное на посев зерно, так что мы в этот год жили впроголодь. Слава богам, мы были такие не одни и помогали друг другу. Любой, кто знал дома оставшихся без кормильца и защиты императора Августа, мог попросту грабить нас, наживаясь на нашем горе. Мы ничего не могли поделать. Их было слишком много. Они оставили нас в покое, лишь когда уже совсем нечего было взять. Вскоре указ отменили, но утраченного уже не вернуть. Солдаты начали наводить порядок, но от этого стало еще хуже. Они грабили нас не меньше других. Когда они пришли, я спрятался в погребе с вашей женой и сыном. Мы вылезли под покровом ночи, только после того, как убедились в том, что все позади. Двое ваших слуг были убиты: солдаты ради развлечения приколотили их строительными скобами к яблоне. Хорошо еще, что остальным я приказал спрятаться в овраге. Хозяйство было окончательно разграблено. Все, что осталось, — это пара коз да десяток кур. Плюс еще то, что осталось на полях. С земли они ничего не взяли, хотя и пожгли многое. Хорошо, что урожай на тот момент не созрел. Впрочем, и это не самое важное. Главное, что после всего пережитого у вашей жены начались схватки, и я понял, что дело плохо. Я побежал по соседям и ближайшим лекарям, чтобы найти хоть кого-то, кто бы помог вашей жене, но никто так и не откликнулся. Когда роды закончились, и я радостно сообщил Оливии о том, что у нее родился сын, она улыбнулась и произнесла его имя: она назвала его Маркус. Ваша жена дала жизнь этому ребенку, расплатившись за нее своею. Как ни печально, но это так. Простите меня, я сделал все, что мог. Я с радостью отдал бы свою жизнь за хозяйку, но это не в моих силах. Сейчас уже все поутихло и позабылось. Мы с оставшимися слугами потихоньку поднимаем хозяйство. Я рад, что вы вернулись, и искренне счастлив, что вы живы, господин, — опустив голову, окончил свой печальный рассказ Леонид, встал на колени и замер, боясь пошевелиться.

Дослушав раба, Корнелий еще какое-то время сидел неподвижно. Для него это был огромный удар, но только скупые слезы выдавали его чувства. Они иногда капали на сухой песок, стекая по его щекам и оставляя на земле почти незаметные следы, быстро испарявшиеся на полуденной жаре. Центурион сидел и не мог поверить в происходящее. Ему казалось, это был страшный сон. Сон, который теперь всю жизнь не будет давать ему покоя.

В воздухе стояло такое напряжение, что от него можно было сойти с ума. Окружившая их зловещая тишина так давила на голову, что казалось, еще чуть-чуть, и она лопнет.

Что-то словно надломилось в душе Корнелия. Просто хрустнуло и сломалось, как ломается сухая ветка под ногой — легко и непринужденно. Жить ему не хотелось. Он думал о том, почему не кинулся на меч тогда, в том лесу. Почему живет сейчас, когда все вокруг презирают его. Государство оставило его без защиты, несмотря на то, что он отдал ему столько лет службы, и никто не мог укорить его в трусости или назвать плохим воином. Теперь же каждый имел право плюнуть ему в лицо, и он ничего не мог с этим поделать.

Если уж соседи, бок о бок с которыми его семья прожила всю жизнь, не постеснялись надругаться над его домом, то что и говорить об остальных.

Корнелий открыл глаза и посмотрел на Леонида, который все еще стоял перед ним на коленях. Затем он перевел взгляд на веревку, болтавшуюся на обгоревшем сарае, и на дерево, на котором были убиты его слуги. Центурион недобро усмехнулся. Он встал и направился уверенным шагом к сараю, не обращая внимания на изумленные глаза своего раба, обошел его и поспешно зашагал к яблоне. Но тут из-за угла дома выскочил Луций и, увидев отца, прокричал:

— Папа! Ты куда-то уходишь? Ты же обещал мне, что больше не оставишь нас!

Затем он вцепился в руку Корнелия, крича:

— Ты же обещал! Ну ты же обещал!

Центурион встал, словно вкопанный, уставившись на яблоню, которая так непринужденно шумела своей листвой. Сын дергал его и что-то говорил, но он уже ничего не понимал. Его трясло, словно от холода, и вдруг он увидел мальчика, который вышел из-за дерева. Он был не старше его сына. Корнелий присмотрелся, а малыш строго поглядел на него, показал пальцем на Луция и неодобрительно покачал головой. Корнелий закрыл глаза, а когда открыл их снова, услышал детский плач и увидел Леонида, стоящего рядом в растерянности.

— Папа, ну ты же обещал! Не уходи! Папочка! — не унимался Луций.

Корнелий вздрогнул, его рука разжалась и из нее на землю выпала веревка. Смотря на сына, он ужаснулся тому, что замыслил сделать, тяжело задышал, затем прижал сына к себе и, немного успокоившись, произнес:

— Ну что ты, сынок. На кого же я вас отставлю? Вас теперь двое. Вон мамка какого помощника еще нам подарила. Мы теперь вместе. Вы теперь мой смысл жизни. Ничего, ничего. И похуже дело было.

— Леонид! — неожиданно обратился к рабу Корнелий, отчего тот вздрогнул и немного отшатнулся назад, не зная, чего ожидать от хозяина.

— Леонид, — снова проговорил Корнелий. — Ты оглох? — не отрывая взгляда от сына, спокойно, но одновременно четко и громко проговорил он, стараясь сдержать эмоции.

— Простите меня, хозяин. Я вас слышу, — немного придя в себя, ответил раб.

— Почему ты не ушел и не сбежал? Ведь ты же мог? Мы тебе не родня, в конце концов. Почему ты остался? Ответь мне, — полушепотом произнес Корнелий: из-за того, что в душе у него все сдавило, ему было тяжело говорить.

— Хозяин, я не ушел потому, что для меня вы были лучшим из тех, у кого мне доводилось работать. Да и ваша жена ко мне хорошо относилась. Я не мог предать вас и вашу семью. Своей у меня никогда не было, а вы всегда были ко мне очень добры по сравнению с теми, у кого я раньше жил. Да и Луций всегда со мной играл, и я ему вроде нравился. К тому же вы всегда доверяли мне, и я видел, как вы относились к рабам: мы всегда оставались для вас людьми. Вот поэтому я и остался, — после этих слов он снова упал на колени.

— Встань, — сказал Корнелий и сам помог ему подняться.

Леонид выпрямился и посмотрел в глаза своему господину, чтобы попытаться понять, что сейчас будет, и вновь опустил глаза, когда центурион пристально и с непонятым выражением посмотрел на него.

— Пошли со мной. А ты, Луций, поиграй здесь, — проговорил он и направился в дом.

Не понимая ничего, Леонид направился за ним.

Подойдя к столу, Корнелий произнес:

— У нас есть что-то, на чем можно писать?

— Да, господин. Я спрятал пергамент в укромном месте.

— Неси его сюда.

Леонид послушно выполнил просьбу хозяина.

Отвернувшись от раба, Корнелий принялся что-то писать. Через несколько минут он протянул сверток Леониду со словами:

— Теперь ты свободен и можешь завести свою семью и детей, не боясь того, что тебя кто-то может использовать как раба. С этой минуты ты вольный человек! Уходи! И передай остальным, кто остался, пусть тоже зайдут ко мне, я освобождаю всех вас.

Взяв дрожащей и неуверенной рукой вольную, Леонид посмотрел на нее, и из глаз его потекли слезы.

— Господин, мне некуда идти, и здесь мой дом! Если позволите, я останусь с вами, — тихо промолвил он.

Корнелий взглянул на него исподлобья.

— Что ж, ты вольный человек, поступай, как знаешь. Я тебя не держу. Ты вправе теперь делать то, что ты хочешь, а не то, что тебе говорят. Твоя вольная — это моя благодарность за твою преданность.

— Благодарю Вас, хозяин...

Но Корнелий тут же перебил его:

— Я тебе больше не хозяин, так что избавляйся от этой привычки. С сегодняшнего дня ты вольный человек, теперь привыкай к этому.

Леонид смущенно посмотрел на Корнелия и произнес:

— Мой дом здесь, и если позволит хозя... — но, тут же опомнившись, он быстро продолжил свою мысль другими словами: — Я хочу быть вашим другом, если ж на то пошло, и помогать вам, в том числе по хозяйству и в присмотре за детьми, если вы, конечно, мне это позволите и доверите.

Корнелий улыбнулся от того, как старательно Леонид пытался походить на свободного человека. После многих лет рабства трудно в один момент сменить привычки. Но, с другой стороны, слова Леонида трогали сердце воина. Преданность того, кто всю жизнь только и делал, что прислуживал и унижался, вызывала у него уважение и теплоту, но вместе с тем и один вопрос: «Но почему?».

— Хорошо, мой друг! — произнес Корнелий и протянул ему руку в знак одобрения. Леонид в свою очередь неловко подал ему свою, и они скрепили их в дружеском рукопожатии.

— Спасибо тебе, Леонид.

— Спасибо вам, Корнелий.

— Леонид, так как ты теперь свободен, твой труд должен оплачиваться, но сейчас я не могу тебе это обеспечить, как ты понимаешь. И остальным тоже, — спокойным голосом проговорил Корнелий.

— Ничего страшного. Ведь мы же друзья, а с друзьями платы не берут. Я думаю, остальные поймут это тоже, — с легкой улыбкой проговорил бывший раб.

А бывший господин в знак уважения и понимания кивнул ему головой и направился к кровати, чтобы немного отдохнуть после всего пережитого. Сделав несколько шагов, он

повернулся и сказал:

— Да, и еще. Присмотри за детьми, пока я немного посплю. Я что-то очень устал за эти дни. Как только его голова коснулась мягкого ложа, усталость дала о себе знать и он сразу же уснул.

Центурион спал, и ему снились последние события нескольких дней. Он ворочался и что-то бормотал, иногда подергиваясь всем телом. Ему виделось то, что должно было случиться лишь здесь, в стране снов, но никак не стать явью. Казалось, пробуждение должно было расставить все на свои места и оставить этот кошмар игрой больного воображения в воспаленном от усталости мозге. Но этому видению было суждено обернуться жестокой реальностью. В своем сне Корнелий вновь бежал сквозь лес, покрытый пеленой тумана, раздвигая ветви кустарников и хлюпая по болотистой почве. Тяжело дыша, он стремился куда-то вперед, ускоряясь, пытаясь найти хоть какую-нибудь лазейку, чтобы покинуть это злосчастное место, но не мог. Он бежал и бежал, словно по кругу, словно белка, посаженная в колесо на потеху своему хозяину. Задыхаясь от усталости и бессилия, он останавливался, понимая, что уже ничего не сможет изменить и исправить. Оставалось и дальше бежать вперед, как та несчастная белка, бежать назло всем, назло самому себе, стараясь не сорваться в пропасть под названием отчаяние.

— Хозяин! Корнелий! — с беспокойством и каким-то испугом, теребя его за плечо, говорил Леонид. — Проснитесь!

Резко оттолкнув Леонида, Корнелий вскочил с кровати, толком не проснувшись и не осознавая своих движений и поступков. Он автоматически, повинувшись рефлексам военной подготовки, мгновенно выхватил нож из-под подушки и принял позу, свидетельствующую о его полной боевой готовности. Леонид с испугу выбежал из комнаты, закрыв за собой дверь.

От такого внезапного пробуждения Корнелий некоторое время стоял неподвижно, крепко сжимая нож и тяжело дыша, а капельки пота медленно стекали со лба вниз по его лицу. Потребовалось некоторое время на то, чтобы сознание вернулось к нему и тот кошмар, который ему снился, отпустил его разум, и он начал осознавать реальность. Центурион обвел взглядом то место, где находился, и только после этого, глубоко вздохнув, разжал руку. Нож с глухим звуком упал на деревянный пол, а Корнелий присел на угол кровати, обхватив голову руками. Массируя виски, он что-то бормотал, перебирая шепотом какие-то имена. Посидев так некоторое время и оправившись от того, что мучило его сознание, Корнелий позвал Леонида, который с опаской приоткрыл дверь и, просунув в нее голову, молча посмотрел на своего бывшего хозяина.

— Леонид, извини меня, я не хотел... — тихо пробормотал центурион, и продолжил: — Заходи, не бойся.

Леонид, молча и с опаской, медленно открыл дверь и прошел в комнату, где сидел Корнелий.

— Хозяин, то есть Корнелий, я вам принес поесть, а то вы уже сутки, как спите. Вот я и решил вас разбудить. Вы очень плохо спали, ворочались и то и дело что-то кричали. Луций боялся заходить к вам, и лишь сидел у дверей, пока я не отвел его в комнату. А между тем вы же ничего не ели, как пришли. Вот я и подумал, что вам не помешало бы подкрепиться и набраться сил. Да и крики ваши уже стали пугать всех нас. Думали, мало ли что с вами может произойти. Вот и пришлось вас потревожить. Вы уж простите меня.

— Не извиняйся. Спасибо тебе, Леонид, — тронутый такой заботой, проговорил Корнелий. Ты прав, поесть совсем не помешает, хотя, если честно, кусок, наверно, в горло не

полезет.

— Да, я вас понимаю. После всего пережитого вами оно и не удивительно, и все же надо попытаться что-нибудь съесть, — участливо сказал Леонид.

— Да, согласен, надо, так что, если тебя не затруднит, принеси мне еду сюда, я что-то неважно себя чувствую.

— Конечно, — Леонид развернулся и уже собирался уйти, но его остановил голос Корнелия.

— Спасибо тебе и еще раз извини меня за то, что напугал тебя.

Бывший раб, повернувшись в пол оборота, посмотрел на Корнелия и с легкой улыбкой понимания кивнул ему головой, после чего вышел и закрыл за собой дверь.

Так прошел первый день одного из солдат Рима, вернувшегося домой. Но и у других судьба была не сладкой и даже местами хуже, чем у Корнелия. Кто-то был силен и выдержал испытание, кто-то сломался и пустил свою жизнь под откос, не стал бороться с теми сложностями, которые свалились им на голову. И в этом не было их вины. Они особо заслуживали низкого поклона за свое нечеловеческое терпение. И за стойкость характера, который все же не дал таким, как Корнелий, сложить руки, смириться и плыть по течению жизни, пока она не сбросит их водопадом в бурлящую пучину людского презрения и непонимания, не утянет на самое дно в водоворот отчаяния без права выбраться на поверхность. На дно, где они, лежа под грузом прошедшей жизни, будут захлебываться от его тяжести, не имея возможности реабилитироваться и вернуться к прежнему существованию. И таких, отчаявшихся, было больше, чем тех, кто, подобно Корнелию, смог выбраться. Человек слаб, слаб перед лицом проблем, которые встают у него на пути непроходимой чащей. Он может быть силен в бою и храбро, смеясь смерти в лицо, идти вперед. Может тащить непосильный груз, работать день и ночь без устали, но сдать перед простыми бытовыми проблемами, глупыми чиновниками, всеобщим непониманием — перед страной, которая выкинула его на задворки жизни, хотя он для нее сделал гораздо больше, чем любой сенатор или наместник. Однако страна, которая не любит свой народ, не уважает простых людей, но кормит власть, которая служит лишь себе самой, разворовывая то, что ей попросту и не принадлежит, неизбежно катится к закату. Пока Рим был в своем зените, он не замечал, не хотел замечать тех, кто обеспечивал ему его могущество. Тех, кто тогда не пал в германских лесах и вернулся в родные края, ставшие для них чужими и враждебными. Все последующее время на протяжении своего долгого жизненного пути Корнелий и большинство других воинов, у кого остались семьи и дети, были обречены влачить жалкое существование. Они обивали пороги тех, кому раньше служили верой и правдой, в надежде за былые заслуги хоть как-то помочь своим детям. Они ходили, унижаясь перед глухими к их горю чиновниками, и, словно нищие, требовали себе подачек и взяток у людей, которые отняли у них все. Ходили, ходили и надеялись на будущее. Нет, не на свое будущее — им было уже все равно. Они ходили ради своих детей и верили в их судьбу, которая, по воле судьбы и богов, еще не была определена. По крайней мере, им так казалось. Так всем кажется. Но, по роковой воле случая, иногда за нас решают обстоятельства. И эти обстоятельства уже отметили для себя тех, кто приведет человечество к его закату.

Глава 3 ДУШУ ОН ОТРАВИТ СЕБЕ САМ

Год подошел к концу. Он выдался для Корнелия, как и все предыдущие, малоудачным. После того, как римская армия потерпела сокрушительное поражение в Германии и новая провинция показала «кукиш» своим, так называемым, хозяевам, все у бывшего центуриона девятнадцатого легиона шло наперекосяк. Когда-то он служил Риму и надеялся, что его великая страна даст ему на старости лет военную пенсию, отступные и землю. Он жил, воевал и убивал ради того, чтобы его дети могли вырасти достойными людьми и продолжить дело, начатое их прадедами. Но, как оказалось на практике, обещания остаются обещаниями, а Рим, этот вечный город, быстро забывает своих героев.

Корнелий стоял и смотрел, как солнце скатывается за горизонт, расплываясь по небу красным кровавым закатом. Его взгляд был направлен в никуда, его мысли были далеки. О чем он думал? Скорее всего, о том, что завтра будет новый день, что его два сорванца пойдут учиться, что ему надо будет платить за школу, покупать им одежду и восковые таблички для письма. А еще нужно будет дать подарок учителю, и для этого снова и снова ходить к своим, унижаться перед бывшими друзьями, с которыми он некогда воевал, пил и веселился, прежде чем проклятое поражение не изменило все в его жизни. Корнелий не мог отделаться от ощущения, что это он виноват во всем случившемся. И, самое главное, все его винят за то, что он остался жив, за то, что он единственный командир, который хотя бы наполовину спас свою центурию, выведя ее из той мясорубки, в которую их привел Вар. Да, быстро забыли его те, кто клялся ему в дружбе с детства. Единственные люди, которые остались ему верны и сами прошли через все эти испытания — Ливерий и Кристиан. И как ему не хватает этого грубоватого, безжалостного и неотесанного Аврелия, который мог выполнить любую грязную работу, наплевав на нравы и обычаи и не страшась ничего. На которого всегда можно было положиться и спокойно сражаться в битве, зная, что он за спиной... Теперь все это в прошлом. А в настоящем будет новый день, и ему снова и снова придется ходить, выпрашивать и умолять. А ведь он — воин и большую часть жизни посвятил своей стране. Почему же теперь ему приходится кланяться тем, кто знает походы и сражения лишь по рассказам таких, как он? И снова ему придется смотреть в их унылые лица и равнодушные глаза, в которых будет написан надоевший вопрос: «Почему же ты не умер там, в том лесу, в далекой и неизвестной Германии?». И снова ему придется слушать бесконечное «подождите, мы все уладим». Корнелий думал об этом, опираясь на трость. Старые раны давали о себе знать и с каждым годом тревожили его все больше и больше. Когда ты молодой, все заживает на тебе, словно на собаке. Теперь же все было иначе. Он вспомнил, как в прошлом месяце у него прихватило спину и, если бы не старший сын Луций, он вряд ли бы смог добраться до постели самостоятельно. Да, дети — единственное, что у него осталось. А значит, и завтра, и послезавтра, и после послезавтра, и вновь, и опять он будет унижаться, льстить и заискивать. Все ради них. Пусть виноват, что не умер, что вывел, что спас. Но причем здесь дети, над которыми, словно дамоклов меч, повисло презрение и ненависть людей, и знать не знавших о том, что на самом деле произошло в Германии. Ненавидят, потому что ненавидят другие. Презирают, потому что презирают все. Говорят

так о них, потому что весь Рим говорит так. И все этому Риму верят, верят беспрекословно, как будто по-другому и быть не может. А должно быть именно по-другому. Не так Корнелий представлял свою будущую жизнь в молодые годы, рвась в бой, чтобы храбростью и смелостью завоевать почет и уважение в обществе. Он стоял, и по его щеке текла скупая мужская слеза. Нет, не от боли. От бессилия, от осознания того, что он ничтожная крупинка, которой никак не совладать с этим прожорливым бюрократическим римским аппаратом.

К Корнелию не спеша, словно на цыпочках, подошел Леонид, в прошлом его верный раб, которого он захватил в далеком походе и который уже давно стал членом семьи, как и четверо остальных рабов в его хозяйстве. Корнелий даровал им всем свободу после возвращения, но ни один из них не покинул его. После смерти жены многие слуги сбежали, других силой увели соседи, видя, что в отсутствие хозяина вряд ли кто-либо вступится за его имущество. Остались лишь они, самые преданные.

Леонид был по происхождению то ли грек, то ли македонец — он и сам точно не знал. Попад в плен к центуриону, он особо не огорчился. Ведь воевал он как невольник, по приказу своего предыдущего господина, который был намного хуже Корнелия, как потом оказалось. Прожив почти всю жизнь в имении своего теперь уже бывшего хозяина, он зарекомендовал себя хорошим помощником, и Корнелий без опасений оставлял на него свое некогда большое хозяйство. А Леонид по совести присматривал за всем. Теперь же он нянчится с сыновьями центуриона. Он и еще четверо бывших рабов, а ныне свободных работников, имеют пай у Корнелия и работают за плату, возделывая и его, и свою землю и помогая вести теперь уже общее хозяйство, с которым Корнелию было все труднее и труднее справляться.

— Господин?

— Я много раз просил не называть меня так, зови меня по имени.

— Хорошо, господин Корнелий, — услышав это, центурион улыбнулся.

— Что ты хотел?

— Я пришел от имени всех нас узнать, как вы хотели бы отметить праздник в честь завершения сельскохозяйственных работ?

— Ах да, праздник, — вытирая слезу, чтобы никто не заметил этот признак слабости, произнес Корнелий.

В конце года, когда все работы заканчивались, для земледельцев наступало недолгое время веселья и отдыха. Люди приносили жертвы богам за хороший урожай и молились о том, чтобы следующая весна вновь порадовала их обильными всходами. Эти празднования длились неделю и назывались Сатурналиями. Существовало поверье о том, что когда-то очень давно миром правил бог Сатурн. Правил он справедливо и честно, и не было на земле ни бедных, ни богатых, ни рабов. А теперь только в этот праздник, который праздновался в Риме, рабам и позволялось свободно шутить и веселиться наравне с их господами, пировать за хозяйскими столами и даже выбирать своего шуточного царя. Хотя в доме у бывшего центуриона давно уже не было рабов, а все слуги получили грамоты о свободе, их многолетние привычки остались прежними, и каждый год они просили Корнелия устроить им праздник, на что их бывший хозяин охотно соглашался.

— Ну, что ж, традициями мы живем. Не мы их придумали и не нам их отменять, — кашлянув, радостно произнес Корнелий. — Собирай всех за стол, неси вино и съестное. Гулять, так гулять.

— Господин... — произнес, было, Леонид, но тут же исправился, назвав наконец-таки

Корнелия по имени:

— Корнелий, Маркус уснул. Мне его вести завтра в школу, а Луция я позову. Кстати... — почти уже уйдя, остановился Леонид и добавил: — Его опять избили соседские мальчишки. Вы бы поговорили с ним. Он наверху. Скорее всего, опять смотрит на ваши военные доспехи.

— Конечно, — немощно вздохнул Корнелий.

Он не понимал, почему грехи отцов ложатся на спины сыновей. Иногда он хотел задушить собственными руками тех, кто принижает его семью, но не мог. Знал, что он у детей один, и без него они пропадут. Оставалось терпеть и ждать. Ждать, когда боги снизойдут до его семьи и озарят ее своим божественным светом — может, тогда все наладится. С годами пылкость его пропала, воинственность ушла, осталась только заботливость и мысль о том, что сыновья все же будут жить лучше, чем он, что они добьются того, чего не достиг он. Возможно, они пройдут в лучах солнца и славы, осыпаясь лепестками роз, через арку победителей в самом Риме, и звуки труб и баранов огласят их триумф. Может, все же увидят они то, чего не увидел он. И кто-то из толпы, показывая на них пальцем, скажет:

— Вон там, впереди колонны в почетной когорте чуть позади полководца, идут два брата, Луций и Маркус. Их отец, центурион девятнадцатого легиона Гай Корнелий Август все же добился своего и сделал из них настоящих граждан Рима.

Когда-нибудь позже это, возможно, и случится. А сейчас нужно подняться к сыну, нужно отметить праздник, нужно подготовить Маркуса к школе. Все было нужно, и Корнелию на все это не хватало ни денег, ни сил.

Поднявшись наверх, он застал Луция сидящим на полу и смотрящим на старые отцовские доспехи, которые сначала висели, а теперь попросту валялись в углу пыльного чердака. Он не спеша подошел к сыну и, потрепав его за волосы и кряхтя от боли, сел рядом с ним. Они молча смотрели на груды металла, которая раньше спасала жизнь центуриону в боях, принося победу и славу своему владельцу. Корнелий не мог выдавить из себя ни единого слова. Хорошо, что Луций первым произнес:

— Почему все так сложилось, отец?

Корнелий снова посмотрел на сына. Он не заметил, как тот вырос и возмужал. А теперь, сидя рядом с этим юношей, он понимал, что Луций давно перестал быть ребенком. Тринадцать лет прошло, тринадцать долгих лет пролетели, как одно мгновение, с того момента, когда родила его мать. И вот перед ним уже крепкий молодой человек, с умным взглядом и приятной внешностью, которая досталась ему от матери. Маркус, наоборот, походил на Корнелия: грубоватый, рослый не по годам, не обделенный силой, но доверчивый и несамостоятельный. А этот юнец обладал умом его покойной матери. Огромной силой, конечно, природа не одарила его, хотя постоять за себя он всегда мог. Но вот умом и настырным характером он был в мать, это Корнелий знал точно. Луций смотрел пристально в лицо отца. От заходящего солнца и надвигающихся сумерек оно казалось усталым, каким-то неживым, совсем прозрачным. Только огромный и уродливый шрам говорил сам за себя. Говорил о том, что перед ним тот самый воин, центурион девятнадцатого легиона, к которому прислушивался сам Тиберий.

— Я не знаю, сын, — тихо вздохнув, ответил Корнелий. — Может, потому, что боги отвернулись от меня, может, я чем-то прогневал их? А может... — прикрыв глаза, хотел что-то сказать Корнелий, но его перебил Луций.

— Помнишь, мы были с тобой на охоте прошлой весной, я тогда еще натолкнулся на волка, и он, оцетинившись, бросился на меня?

— Конечно, помню.

— Тогда я испугался и выронил свой лук, а ты мгновенно убил его, заколов копьем. Я видел твоё лицо, ты не боялся, ты был спокоен словно бы ничего и не происходило.

— К чему ты ведешь этот разговор, Луций?

— Почему ты не испугался волка, а боишься всех этих людей, которые оскорбляют нас и тычут в тебя пальцами, обзывая трусом и предателем?

— Человек не волк, Луций, человек... — но он так и не смог найти, что ответить. Леонид, поднявшись по скрипучим ступеням, позвал их к столу, и Корнелий, погладив сына по голове, повел его вниз. Спускаясь, Луций произнес:

— Когда я вырасту, я верну тебе твою славу!

— Обязательно, — улыбнувшись, ответил Корнелий.

И вот после праздника и вкусного застолья настало утро. По небу побежали первые лучи солнца, а трава покрылась росой. Затих соловей, который пел свои песни почти до утра, потихоньку приступали к своим обязанностям работники. Маркус в тот день проснулся очень рано. Шутка ли, сегодня он первый раз должен будет идти в школу. Ведь вчера, перед тем как его уложил спать Леонид, он слышал, как они разговаривали об этом с отцом:

— Я понимаю тебя, Корнелий, ты думаешь, что его ждет то же самое, что и Луция. Что они станут его унижать и издеваться над ним. Но ты не сможешь нанять учителя, чтобы он занимался на дому. Твой старший сын пережил это, и его скоро надо будет пристраивать в армию. Маркус — крепкий мальш, он сумеет постоять за себя. Не отдашь его учиться — сам понимаешь, будет в солдатах ходить, если вообще кому-то будет нужен.

О чем они говорили, Маркус не понимал, но ему очень хотелось туда, к чему-то новому, чему-то такому волшебному и пока неизвестному. Он быстро соскочил с постели и затопал босыми ногами по полу, направляясь к своему брату.

Луций тоже не спал, но на то у него были свои причины. Он думал, как пережить очередной день в школе, точнее, обратный путь из нее, когда он пойдет домой через овраг. Он планировал, как ему нужно будет снова объединиться с Ромулом, Мартином и Понтием, чтобы снова отбиваться от Клементия и его шестерок. Как же ненавидел их Луций. Он мечтал лишь об одном: скорей бы закончилась учеба и отец записал его в легион. Он лежал на кровати, и поход в школу не казался ему таким приятным делом, как его младшему брату.

— Я сегодня в школу иду! — радостно прокричал Маркус, забираясь на постель к Луцию.

— Чему ты так радуешься? — даже не глядя в его сторону, спросил Луций. — Вот узнают, что наш отец... — продолжил было он, но тут же замолк.

— Что узнают? Что отец? — словно галчонок, с любопытством вытянув шею, начал расспрос Маркус.

— Ничего! Убирайся с моей кровати! — сердито ответил Луций, спихивая брата на пол.

Топот и возня в их комнате привлекла внимание Леонида, который тут же уgomонил обоих, распахав их по разным углам.

За завтраком, во время которого дети сидели за отдельным столом, Корнелий сказал, что Маркуса отправят учиться в соседнее селение, в школу, которую содержит друг Ливерия. Пускай она и не престижная, но знания там дают нормальные, и прожить с ними в будущем можно, да и плата там сносная, не то, что в школе Луция. К тому же отношения там другие,

мало кто будет знать о том, кто его отец. Маркус сидел и слушал, как отец разговаривает с Ливерием и Кристианом, которые завтракали в тот день у них дома. Затем детвору под присмотром Леонида отправили грызть гранит науки. Проводив старших ребят, Леонид отправился с Маркусом, который радостно бежал рядом и которому все было интересно. А его, так сказать, воспитатель шел рядом и нес подарок его новому учителю. Что поделаешь? Так уж заведено: как подмажешь, так и поедешь. И Корнелий знал это не хуже других, поэтому и завернул в платок серебро, которое получил, продав рано утром те самые доспехи, на которые еще накануне любовался его старший сын.

Вскоре они подошли к одному из деревянных бараков — это и была школа Маркуса. Передав нового ученика учителю, Леонид с улыбкой протянул ему сверток и, отведя в сторону и мило улыбаясь, о чем-то долго разговаривал с ним. Потом учитель, которого звали Герот, отвел Маркуса в класс и посадил на стул, после чего начался образовательный процесс. Учитель начал беседу, подняв одного из учеников:

— В одном денарии содержится четыре сестерция или шестнадцать ассов. Сколько медных ассов содержит в себе монета ценой в один сестерций?

Все это было пока не понятно Маркусу: считать сестерции и денарии, чертить буквы, слушать какую-то «Илиаду», которую написал когда-то какой-то Гомер, но все это было интересно. И он, словно замороженный, слушал учителя и вникал в то, о чем идет речь.

В то время, пока дети были заняты учебой, и никто не мог мешать разговору, в доме у Корнелия собрались его товарищи. Сидели они за столом, на котором стоял кувшин с мультсомом[1], сыр, хлеб, оливки и немного фруктов. Беседу вели о том, что детей пора пристраивать в армию и выводить их во взрослую жизнь.

— Я прекрасно тебя понимаю, Корнелий. Луций — крепкий парень. И Мартин с Понтием тоже. А вот мой Ромул, он ведь слаб телом, да и духом. Не в меня пошел. Видать, в деда по материнской линии, будь он неладен. Какая ему служба, если он с утра до вечера то тумаки в школе получает, то чертит что-то, изобретатель хренов. Да за книгами сидит. Я его хотел бы в служители Юпитера отдать, так с нашим-то прошлым кто его туда возьмет? Туда рекомендательное письмо нужно. Впрочем, как и в легион. А кто нам даст эту злосчастную бумажку? Уже столько лет правды ищем. Нужно было там, у Дэрского ущелья, на меч кинуться, чтобы позора этого сейчас не видеть!

— А что не кинулся-то? — отпивая из чаши, спросил Кристиан.

— Что, что... Жить хотел! — отворачиваясь, ответил Ливерий, который очень сдал за это время. Не было его прежней улыбки, не было насмешек и шуток — все кончилось, словно их и не было вовсе. Сейчас он был седой и больше походил на старика, чем на прежнего бесстрашного и не унывающего воина. Время смяло его, как подмяло под себя всех, кто сейчас сидел за этим столом и решал судьбы своих детей, думая, как устроить их в этой жизни. Они рассуждали о том, как вывести их в люди и отпустить в плаванье по бескрайнему морю, которое называется жизнь.

— Ладно вам, что-нибудь решим и с Ромулом. Надо подумать и о Мартине. У его матери нет средств даже на его обучение.

— Мы и так платим совместно за него.

— Я не про это. Нужно будет скинуться и купить ему все необходимое для службы. Его мать и так тянет еще троих. Покойный Аврелий не только мечом мог лихо рубить, как мы видим.

— Ага, четверых жене нарубил, — усмехнулся Кристиан, и все сидящие за столом

громко рассмеялись, после чего молча подняли чаши за павшего друга. Потом они долго спорили о том, куда и как устраивать своих отпрысков и где достать нужные рекомендации, затем ругались и снова спорили. Время шло, но до сих пор было неясно, куда и в какой легион определить парней, хотя бы даже не в легион, а во вспомогательный отряд на крайний случай.

— Ладно, на том и порешим. Я на днях поеду в Рим и повидаюсь со старыми друзьями, если их еще можно так назвать. Попробую достать рекомендательные письма. Может, есть все же в них хоть что-то человеческое, — сухо, без особой надежды промолвил Корнелий.

— С тобой поехать? Может, помочь чем?

— Не стоит, сам как-нибудь.

Было уже далеко за полдень, когда кончились занятия. Маркус в сопровождении Леонида возвращался домой, уставший, но очень довольный и необыкновенно оживленный. Он скакал вокруг Леонида и постоянно что-то у него спрашивал. Убегал вперед, снова прибегал, хватая своего воспитателя за руку. Леонид, не скрывая радости за малыша, честно и непринужденно улыбался во весь рот. Своих детей боги ему не дали, поэтому он искренне любил этих двух сорванцов.

— Я буду много учиться и стану очень умным! А потом я заработаю много денариев и сестерциев, и мы все будем жить богато, как император Тиберий[2].

Леонид снова усмехнулся, после чего произнес:

— Ты мыслишь, как взрослый. Никогда не забывай, что тот, кто не хочет учиться и постигать науку, никогда не сможет стать ни полководцем, ни государственным деятелем. Более того, неуч не сумеет попросту заработать себе на хлеб. Таких полно в Риме, ждущих подачек на праздники и клянчащих у проходящих богачей себе еду.

— Леонид, я буду учиться и стану умным и смелым, как мой отец или, например, как ты, — Маркус остановился и посмотрел на Леонида щенячьими, по-детски невинными глазами, отчего у бывшего раба дрогнуло сердце. Он подхватил парня на руки и, улыбаясь, понес его домой, повторяя:

— Конечно, будешь. Конечно. Все у тебя получится, вся жизнь впереди.

По оврагу неслись мальчишки. Впереди всех бежал Ромул. Луций, Понтий и Мартин мчались за ним. Задыхаясь, черные от пыли, они перескакивали через сухостой, который здесь навалило в прошлом году, когда прошел сильный ураган.

— Мартин, не отставай! — кричал Луций, видя, что его друг все дальше и дальше отрывается от них.

— Я больше не могу! — держась за бок и присев на корточки, прокричал Мартин.

Все остановились и подбежали к нему.

— Все, не могу больше! Пускай лучше опять излупят! Что я им заяц, что ли, по полям скакать! — чуть ли не плача, бормотал он.

— Луций, делать-то что? — тихо спросил Ромул.

— Ничего! Как всегда, будем получать тумачи. Понтий, сложи таблички для письма, чтобы не разбить их, а то дома нам за них тоже наваляют, а не хотелось бы.

Понтий поспешно собрал все школьные принадлежности и засунул их под стоящий рядом пень. Не прошло и минуты, как из-за поворота выскочила толпа разъяренных от бега и преследования подростков. Их было человек пятнадцать. Увидев, что те, кого они так долго догоняли, стоят и ждут их, парни остановились.

— Ух! Трусливые девки! — облокотившись на своего друга и тяжело дыша, сказал Клементий.

— Они драпают, как их отцы! Слышь, Луций, ты, наверное, предводитель этих трусов? — смеясь, подхватил оскорбления Кассий.

— Да брось! Их семейная порода такая! Постоянно бежать от опасностей! А, впрочем, чему удивляться? От трусливого пса рождается не менее трусливый щенок! Правильно я говорю, парни? — крикнул Публий, и толпа захохотала.

Луций со своими друзьями стоял, молча насупив нос. Они не говорили ни слова, понимая, что этой своре дай только повод. Впрочем, обычно для Клементия и его шайки особого повода не требовалось. И вдруг не выдержал тот, от которого меньше всего этого ожидали. Ромул, схватив камень, швырнул его в толпу с криком:

— Сам ты сучий выродок! А твоя мать — подстилка для варваров!

Камень просвистел над головой Клементия и попал какому-то парню в голову. Тот взвизгнул от боли и повалился на землю, прижимая рукой рану, из которой потекла кровь.

— Ах ты, гаденыш! — сжав зубы, прошипел, словно змея, Клементий и тут же добавил: — Тебя, дохляк, я лично отметелю так, что ты забудешь дорогу в школу!

И с этими словами он бесстрашно ринулся на обидчика, и вся толпа тоже последовала за ним. Подходя ближе к Луцию, он рассчитывал, как обычно, оттолкнуть его, но тот неожиданно для всех схватил палку с земли и со всего размаха ударил Клементия. Удар пришелся вскользь, и вся его сила обрушилась не на голову, как рассчитывал Луций, а на плечо соперника. Тот отшатнулся и замер, явно неготовый к такой наглости. Боль сковала его тело, и он смотрел явно напуганно на Луция, который с обезумевшими, мокрыми от обиды глазами сжимал в руке деревяшку. Придя в себя, Клементий с криком накинулся на него и повалил на землю. Мартин, Понтий и Ромул бросились на Клементия. В свою очередь толпа стала бить их. Завязалась нешуточная драка, и неизвестно чем бы все это закончилось, если бы по счастливой случайности рядом не оказался Клавдий Марк Нерон, который прогуливался со своей свитой неподалеку. Его привлек крик мальчишек и отчаянная брань, которая была слышна издалека. Остановившись на вершине оврага, он и Сципион молча смотрели на то, как молотят друг друга эти ребята. Затем он дал понять, чтобы его прислуга оставила их, а сам вместе со своим верным помощником спустился вниз. Они подошли к драчунам почти вплотную, но никто из мальчишек не обратил на них внимания. В облаке пыли, ругаясь и отталкивая друг друга, они то вставали, то снова падали. Бывало, кого-то одного принимались бить сразу несколько человек, но затем к нему подбегал кто-то из прежде отесненных и кидался в толпу, пытаясь помочь товарищу.

— Как ты думаешь, Абигор, стоит ли прекращать данное избиение или мы с тобой все-таки досмотрим этот спектакль до конца?

— По-моему, все тут и так ясно, если, конечно, не произойдет какого-либо чуда. Хотя даже если чудо и произойдет, я не уверен в том, что можно победить вчетвером столько народу. С другой стороны, я знал одного человека, который творил чудеса на поле битвы только за счет своего нестигаемого характера.

— Да, ты прав. Но порой отвага, Абигор, возникает из-за страха. Думаешь, они бы стали сражаться, если бы смогли убежать? Страх сделал их сильными. Трусливый пес, зажатый в угол, всегда кинется первым. Поэтому, мой друг, разум должен владеть телом в любой ситуации.

— Разум без отваги — свойство женщины! — сплюнув презрительно в сторону,

обмолвился Сципион. Марк без эмоций глянул на него и ответил:

— Отвага без разума — свойство скотины. Ступай, прекрати этот балаган. А то мы дождемся того, что парней и впрямь покалечат не на шутку.

Сципион быстрым шагом подошел к толпе и стал, как котят за шкуру, распихивать всех по разным сторонам. Последним он оттащил Клементия, который сидел сверху на лежащем на земле Луции и продолжал упорно наносить ему удары. Утомив участников драки, он пристально обвел их взглядом. Подростки стояли, тяжело дыша, в рваных и грязных туниках, утирая кровавые сопли. Кто-то светил сизым заплывшим глазом, у кого-то была разбита бровь или губа. Единственным, кто еще лежал на земле, был Луций. Первым к нему подбежал Ромул. Он долго тряс его за плечи и бил по щекам, испугавшись, что того убили, а затем тихо зарыдал, опустившись на колени у неподвижного тела друга. Но тут его оттолкнул в сторону Сципион и, подняв Луция, сильно встряхнул. Луций открыл глаза. В полном тумане и с жутко болевшей головой, парень отрешенно смотрел на человека, который стоял перед ним и держал его за грудки. Размазанное очертание черного пятна с какими-то огромными птичьими крыльями за спиной было у него перед глазами. Луций зажмурился и, тряхнув головой, снова открыл глаза. Теперь он ясно видел, что перед ним стоит какой-то человек в военной одежде и, тряся его, о чем-то говорит. Луций прислушался. В ушах у него звенело, но он отчетливо услышал, как тот спрашивает его о самочувствии.

— Все нормально, — еле шевеля губами, ответил Луций. После этих слов Сципион отпустил парня, но вдруг стоявший в стороне Клементий с бешеными глазами вновь кинулся на противника. Однако не успел он сделать и пары шагов, как его горло сжала стальная, нечеловеческая хватка Сципиона, который, приподняв парня над землей, отшвырнул его в сторону со словами:

— Довольно! Не смей!

Клементий вскочил, словно ошпаренный, с налившимися кровью глазами от обиды и от стыда перед друзьями за то, что его, сына сенатора, как какого-то простолюдина, отшвырнул в сторону какой-то непонятный солдафон. Клементий тут же проорал:

— Ты знаешь, кто мой отец?! Ты, деревенщина!

Сципион медленно повернулся к нему спиной и сурово произнес:

— Я знаю, кто твой отец. Прекрасно знаю, кто он и что он. И поверь мне, малыш, мне плевать на него. А если ты сейчас же не закроешь свою пасть, то я вырву тебе язык, а затем запихаю его так глубоко в глотку, что твой папаша замучается доставать его из собственного сына. Сципион сказал это с такой жестокостью и таким равнодушием, что Клементий и его друзья, молча, отшатнулись назад. Без лишних слов они стали собирать раскиданные и поломанные школьные вещи. Но Марк, до этого безучастно стоявший рядом и безмолвно наблюдавший за происходящим, вдруг словно очнулся. Он расцвел в улыбке и, словно хитрый лис, поспешил к Клементию.

— Клементий, стой.

Тот остановился, утирая глаза от обиды и унижения. Марк обнял парня и ласково произнес:

— Не слушай этого солдафона, вечно он у меня защищает всякую падаль. Держу его из-за того, что он хороший телохранитель, а мозгов что у курицы. Здорово вы их отметелили! Правильно поступили — слабый должен знать свое место и ничего страшного, что вас больше было. Победа она и есть победа, а, как ты знаешь, победителей не судят. Чего бы

наша страна достигла, если бы мы соблюдали какие-то там правила чести, тем более, в войне с варварами.

Клементий шмыгнул носом и радостно улыбнулся. Марк потрепал его по волосам, одобрительно хлопнул по плечу и, достав несколько монет, вложил их в руку мальчишки.

— Идите с друзьями и купите себе что-нибудь. И не забудь передать привет отцу от Марка. А с этим военным истуканом я разберусь, когда мы окажемся дома. Думаю, с десяток розог хватит ему, чтобы он понял, как нужно вести себя с приличными людьми.

Клементий после ласковых слов, денежной премии и ликования от мысли, что его позор будет смыт розгами, гордо поднял голову и брезгливо посмотрел в сторону Сципиона, который так и продолжал стоять к нему спиной. Затем он крикнул:

— А с тобой, Луций, мы еще пообщаемся. И с твоими подругами тоже!

После этого мальчишки с шумом и хохотом, хвалясь меж собой, кто, кому и сколько навешал, скрылись за поворотом дороги.

— Позже. Всему свое время, — похлопав по плечу Сципиона, проговорил Марк. Затем он подошел к Луцию и тихо спросил:

— Ты меня слышишь?

— Да, — еле шевеля губами, ответил парень.

— Прекрасно, — ответил Марк и посмотрел на его друзей, которые были потрепаны чуть меньше своего приятеля. — Ну, я вижу, храбрости вам не занимать, раз вы решили подраться со столькими сразу. Не знаю даже, глупость это или отвага.

— Достали они уже. Если бы один на один, а то они, вон, кучей всегда, — вытирая разбитый нос, проворчал Понтий.

— Да, жизнь штука такая, справедливости в ней мало. Впрочем, не мне вам об этом говорить, вы и так на своей шкуре это поняли. Ну, будет вам. Да, хочу представиться. Меня зовут Марк, а вот этот милый парень, который спас вас от этих бездарей, — мой хороший друг и верный помощник Сципион. Мало того, он отличный воин и храбрый солдат. Бьюсь об заклад и готов спорить на что угодно, что бойца лучше него нет и не будет. Кстати, если вы хотите, я попрошу его вас кое-чему обучить, чтобы вы могли драться чуть получше, чем сейчас. По крайней мере, хотя бы защищать себя научитесь, а то на вас смотреть жалко. Правда, это все позже, а теперь ребята позвольте мне отвести вас к своему лекарю. Все же вид у вас ужасный.

Сципион, поддерживая шатающегося Луция, повел его к носилкам, которые держали восемь крепких рабов. Они стояли, словно титаны, все как на подбор, крепкие и угрюмые. Луций и его друзья повидали разных невольников за свою жизнь, но таких еще не видели ни у кого. Их головы скрывал какой-то головной убор, похожий на чалму и прятавший лицо полностью, лишь маленькая щелка для глаз была оставлена для того, чтобы эти гиганты могли видеть дорогу. Из одежды на них были штаны длиной чуть ниже колен. Тела их были разукрашены татуировками в виде каких-то непонятных символов. Положив Луция на подушки и усадив рядом его друзей, Марк и Сципион устроились напротив. Почти всю дорогу они молчали. Мальчишки, словно загипнотизированные, рассматривали богатую отделку носилок, украшенных резьбой, шелком и позолотой. Луций полуприкрытыми глазами осматривал Сципиона, голова у него все еще кружилась, все тело болело, его немного подташнивало и ему хотелось закрыть глаза. Но вид строгого воина не давал ему расслабиться. Черные кожаные доспехи Сципиона были отделаны серебром, а серая тога по краям обита черным бархатом. Ничего лишнего не было в его одежде. А его меч! Чего стоила

одна ручка из слоновой кости, украшенная на конце головой змеи, глаза которой были инкрустированы темно-синими сапфирами. Карие холодные глаза Сципиона смотрели куда-то в пустоту, будто сквозь всех находившихся рядом с ним. По одному его виду можно было понять, что этот человек храбр и силен физически. Было очевидно, что он побывал во многих битвах и убил много врагов. От него так и веяло холодом, и Луций невольно натянул на себя шелковое покрывало, по его телу прошел озноб.

Прибыв на место, все вылезли и увидели небольшой дом обычной постройки, как у простого люда. Парни еще долго смотрели на носильщиков, этих странных рабов, которые ввосьмером умудрялись без особых проблем нести такую громадину, да еще и с пассажирами внутри.

— Ну что, вы подождите здесь, а я провожу вашего друга внутрь, пока он не потерял сознание. Ох, как же вас отделали-то, — качая головой и поддерживая Луция, проговорил Марк и скрылся за дверью.

Оказавшись в темном помещении, где свет пробивался лучами через верхние открытые ставни окон, Луций почувствовал странный запах, напоминающий протухшие яйца.

— Ну и вонища, — словно догадавшись о его мыслях, ответил Марк. — Опять Велиал что-то готовит из снадобья.

Он посадил парня на кушетку, а сам прошел куда-то вниз по лестнице, которая вела в темный подвал, и позвал своего лекаря:

— Велиал! Велиал! Ты куда пропал? Тебя тут пациент ждет.

Луций полулежа ждал какого-то лекаря, сам не понимая, зачем и для чего поехал с этими людьми, хотя они, можно сказать, спасли ему жизнь. «А, впрочем, бил его Клементий не раз и ничего, отлеживался. И снова получал, и снова ничего. А в этот раз и действительно, сильно их поколотили, прав этот Марк. Не надо было Ромулу камень бросать. Да и сам хорош, зачем Клементия палкой огрел? А если б в голову попал? Тогда его отец сгноил бы всю семью заживо за своего сынка», — продолжал думать Луций, рассматривая развешенные по стенам пучки сушеных трав. На полках стояли банки с непонятной жидкостью, в которой плавали пиявки и всякие черви. Чучела разнообразных животных висели в ряд под потолком. Огромные шкафы были заставлены различными книгами. Все это напоминало ему больше дом колдуна, а не жилье лекаря. Через некоторое время из подвала появился Марк, а за ним шел человек. Выглядел он молодо, имел красивые черты лица, пронзительный взгляд. Одет он был в тунику из грубой материи. Да, не так представлял Луций лекаря. Он думал, что сейчас к нему выйдет старик с трясущимися руками, от которого будет нести травами, а может быть, и этим неприятным запахом, который ударил ему в нос, когда он оказался в его жилище.

— Вот этот боец, — кивая головой на Луция, проговорил Марк.

Велиал быстро подошел к парню и взял его обеими руками за голову. Его руки были настолько ледяными, что Луций даже вздрогнул от такого прикосновения. Покрутив голову парня в разные стороны, Велиал осмотрел его зрачки, затем ощупал руки и ребра. Затем он молча отошел к столу, отщипнул от пучков понемногу разных трав, сложил все в ступу и начал перемалывать, добавляя в снадобье каких-то порошков.

Различные заболевания традиционно лечили лекарственными растениями, поэтому у Луция эти манипуляции не вызвали никакого подозрения или вопросов.

— Ну, вот видишь, Велиал — отличный лекарь. Поверь мне, в Риме нет лучшего врача, чем он. Он может практически все, — улыбаясь, проговорил Марк. — Я знаю его очень

давно, и он не раз выручал меня своим умением, да и не только меня. Он сам готовит все снадобья и лекарства и даже ездит специально на остров Крит, так как считает, что именно там растут лучшие травы и корни. Хотя на моей вилле есть целая оранжерея, и я не раз предлагал ему брать растения оттуда, но он у нас старых привычек: ни в какую не соглашается! А если бы ты видел, как он лечит боевые раны! Он просто мастер поднимать на ноги даже самых безнадежных. Ну, надеюсь, это его умение тебе никогда не пригодится.

— У парня сильное сотрясение, пара серьезных ушибов и ссадины, — не поворачиваясь к своим посетителям, промолвил Велиал. Затем он подошел к Луцию, протянул ему стакан воды и вложил в руку непонятную смесь.

— Прими это и запей водой. А вот это... — положив сверток рядом. — Это будешь принимать на ночь три дня подряд, и тебе станет лучше.

— Спасибо, — выпив снадобье, вежливо поблагодарил лекаря Луций.

— На здоровье. А теперь ступай и не завязывай драку, если не уверен в победе. Если что, Марк знает, где меня найти.

— Благодарю тебя, Велиал. Ну что, Луций, тебе стало легче?

Как ни странно, Луций и впрямь порозовел, у него перестала болеть голова, прошли слабость и тошнота, боль в теле куда-то отступила. Он улыбнулся и в знак согласия кивнул головой.

— Ну и прекрасно.

Выйдя на улицу, Луций увидел своих друзей, которым что-то рассказывал помощник Марка, и они, словно замороженные, слушали его, открыв рты.

Заметив, что Луций вышел, похорошев лицом и улыбающийся, они бросились к нему с расспросами о том, как и что с ним делали, что он видел у лекаря интересного, чем таким тот его лечил и было ли лекарство вкусным или нет.

— Так, молодежь, все вопросы по пути домой. Нам тоже пора делать свои дела. Все же милосердию тоже есть предел. Так что идите, а то вас теперь ищут по проулкам.

Парни отблагодарили Марка и Сципиона и помчались домой, расспрашивая друг друга и делясь впечатлениями о пережитых приключениях, словно они провели этот день порознь. Хвалились Луцию, что воина зовут Абигор и что он обещал научить их сражаться, как настоящих воинов, что он рассказывал легенды о походах и сражениях, каких-то крылатых существах, которых он называл архангелами. Луций в свою очередь поведал им о странном лекаре и о том, что видел внутри дома. Естественно, никто из них не рассказал своим родителям о том, что с ними произошло. Дома за то, что их искали всеми возможными средствами, так как они пришли, когда уже стемнело, каждому всыпали по десять палок, отправив ночевать на стойло. Затем их заставили убирать за скотиной, помогать по хозяйству и не пускали гулять почти неделю. В школе Клементий смотрел на них с яростью, но не трогал, а домой их теперь провожал Кристиан, встречая каждый день сорванцов у ворот.

Марк и Сципион долго смотрели на убегающих мальчишек, затем Сципион произнес:

— А если мы не сможем совладать с ним, вдруг они не пойдут за ним? И все будет утеряно?

— Мы должны помешать тому, что задумал мой брат. Нельзя допустить, чтобы они вышли чистыми из воды. А насчет того, что они могут не пойти за ним, можешь не волноваться. Он пастух, а стадо всегда идет по велению пастуха. И запомни, Абигор, из человека всегда можно сделать животное, а вот из животного сделать человека пока не

удавалось никому. Да, кстати, нужно будет поговорить с отцом этого Клементия, пускай он оставит парней в покое.

— Может попросту...

Но Марк не дал договорить Абигору:

— Не стоит. Это можно сделать всегда. Нам нужен хороший стимул для соперничества, и Клементий со своими друзьями вполне сгодится для этого. Мы будем двигать его тоже. Пускай зависть и желание быть первым только разгораются в Луции. Нам нужен совершенный воин и правитель. А как можно добиться этого без соперничества за власть и стремления стать лучшим? Сейчас наша задача — присматривать за ним и направлять его в нужное русло, а свою душу он отравит себе сам. Власть отравляет любого, закрывая глаза даже мудрейшему из мудрейших.

[1] Древнеримский винный напиток с медом.

[2] После смерти Августа правителем Рима стал его преемник Тиберий.

Вы можете иметь в жизни все, чего вы хотите, если вы просто поможете другим людям получить то, чего хотят они.

Зиг Зиглар

Рассвет только вступал в свои права, и яркое солнце еще готовилось к своему пробуждению, а на улицах и в переулках города, которые вели в храмы, на рынки и к сенату, было уже многолюдно. По мощеной дороге, проложенной через форум к Капитолию, шли не спеша два человека. При встрече с ними горожане отходили в сторону, чтобы уступить им дорогу. По их внешнему виду можно было понять, что это люди высшего сословия. Мало того, все знали, куда они идут: сенаторов еще по-прежнему уважали и почитали.

Сквозь их полупрозрачные плащи, сотканые из тонкой шерсти, просвечивали туники с широкой пурпурной полосой, которая проходила от плеча вниз. На ногах были надеты сапоги из дорогой, хорошо выделанной кожи с несколькими ремешками, скрепленными меж собой серебряной пряжкой. Такую обувь могли позволить себе только очень богатые люди. Оба сенатора вели спокойный разговор, не обращая ни на кого вокруг себя никакого внимания:

— Ради всех богов, что за спешка? Интересно, почему нашему императору потребовалось назначить заседание на столь раннее время? — говорил стройный пожилой человек с породистыми чертами лица и красивыми руками, украшенными перстнями. — Обычно о заседаниях сената объявляют заранее на форуме, а в этот раз ко мне прямо ночью пришел гонец с посланием от Тиберия. Представляешь, Марк? Я возмущен. При покойном Октавиане такого не было. Чтобы знатных людей дергали без всякого предупреждения, тем более, ночью. Я вчера лег поздно, когда солнце уже давно погасло на небе. Мой сын Клементий вернулся изрядно побитый, и я долго вел с ним беседу. Он говорил, что твой слуга Сципион оскорбил меня и моего сына. Но, как сказал мой мальчик, ты пообещал проучить своего простолюдина. Смотри, Марк, твой пес должен получить по заслугам. И я не пойму, почему мне нужно идти до сената вместе с тобой. Я знаю, ты опять будешь вести разговор о своем легионе, который якобы должен спасти нас от всяких бед, но уверен, что почти все поддержат меня в том, чтобы не позволить тебе создать его. Хватит нам и преторианской гвардии. Или ты думаешь, что мы безумны и не понимаем, что отборный легион воинов может влиять на политику империи? И что воины всегда благосклонны к тем, кто им покровительствует? Святейший Август в пылу отчаяния дал тебе надежду на воплощение твоих планов, но, слава богам, у Тиберия хватило разума остановить тебя.

— Не ворчи, Силан. Тем более мы уже почти пришли, и я не вижу смысла ссориться. У нас будет еще не одна возможность оскорбить друг друга. А насчет твоего мнения, так лучше обсудить его после того, как мы узнаем, для чего нас собирают в такую рань, — ответил Марк.

— Может, ты и прав, но поверь: я своих взглядов не поменяю.

— Никогда не говори так. Жизнь, мой друг, — очень странная штука. Ни ты, например, ни я не знали, что сегодня встретимся в столь ранний час, но случилось именно так, хотя мы и предполагать вчера этого не могли. Посмотри вперед, Силан. Здание, где мы заседаем, уже видно, — проговорил Марк, глядя на роскошное строение с узорчатыми колоннами, украшенными богатой резьбой. Вдоль ведущей к нему дороги стояли статуи богов и великих людей, два фонтана взмывали вверх и, плавно опуская свои струи в мраморные чаши, орошали все вокруг себя водяной пылью. — Когда несколько веков назад люди возвели это здание, они рассчитывали на то, что мы будем обсуждать здесь важные вопросы, приходя по ним к согласию. Ты ведь понимаешь, что от наших решений зависят судьбы многих. Ты ведь помнишь о далеких временах, когда между римскими гражданами и сенаторами не было раздоров.

— Времена изменились, Марк! С теми временами ушло в прошлое и бывшее согласие. Теперь мы живем по принципу «каждый сам за себя и для себя». Выгода и деньги, Марк, — вот что теперь движет людьми.

— Я думаю, твои слова будут неопровержимы до скончания веков. Жадность и стремление к выгоде, Силан, — в этом сущность людей, здесь ты прав. Совсем недавно я объяснял одному своему приятелю, что люди предадут любого ради собственного благополучия, выгоды и, конечно, богатства. Представляешь, он убеждал меня в обратном.

— Скажи своему приятелю, что он безумец. Скорее всего, он лишен рассудка, раз считает так. Любой нормальный человек, если хочет жить в достатке, должен получать выгоду из своих действий. Иначе он обречен на нищенское существование.

— Да, стремление к выгоде всегда управляет людьми.

— Может, твой приятель к тому же считает, что и люди должны быть все равны? Что нельзя разделять их на свободных и рабов, богатых и бедных?

— Представь себе, именно так он и рассуждает. Говорит, мол, что все люди братья.

Услышав эти слова, Силан рассмеялся и, смахнув с глаз выступившие на них слезинки, продолжил:

— Тогда мы жили бы как стадо глупых животных.

— А мы и так живем как животные во главе с вожаком. А не кажется ли тебе, Силан, что большинство людей ведут себя намного хуже животных? Из всех земных существ только человеку было дано богами сознание, но он упорно им не хочет пользоваться. Он не развивается, а иногда и вовсе не контролирует свои действия. Зато почему-то ценит себя очень высоко.

Эти слова для хитрого лиса Силана были словно пощечина. Он прекрасно понял, что имел в виду Марк.

Зашли в сенат они порознь. Силан явно презирал Марка и, в общем-то, не считал нужным скрывать этого. К его великому сожалению, его шпионы не могли собрать о Марке никакой информации, словно этого человека и не было вовсе. И хотя его знал весь Рим, он посещал пиры и театры, участвовал в дебатах и был сенатором, никто не мог назвать его род. Все как один говорили, что знают его давно и что он из знатного семейства, а вот из какого — не могли припомнить, ссылаясь на других, мол, они-то точно знают. Но те тоже не могли сказать ничего дельного, кроме того, что кто-то когда-то познакомил их с Марком. Этот кто-то, в свою очередь, также указывал на какого-нибудь общего знакомого, который их свел, и так до бесконечности. И вся эта неопределенность пугала Силана. Он знал все и про всех, а

подноготную своих политических соперников и вовсе изучил досконально. На каждого у него было собрано целое досье из пергаментов и папирусов. Все их черные делишки были у него на виду, и он, словно кукловод, мог манипулировать ими. А те, кто не подчинился его воле, попросту исчезали вскоре после того, как к императору на глаза попадал тот или иной свиток. И это в лучшем случае. В худшем тело непокорного висело на кресте возле главных ворот Рима. И вот теперь этот Марк, непонятный и пугающий своей бесконечной пустотой, словно он и не человек вовсе, а призрак, застрял в мыслях у Силана, точно заноза, попавшая под кожу и начавшая потихоньку нарывать, принося пока еще маленькую, но все же боль. Сколько он ни пытался подсылать к этому хитрому змею своих людей, в том числе самых красивых женщин, способных вскружить голову любому, никто так и не смог добыть для него никаких сведений. Более того, все эти люди, как проклятые, либо исчезали бесследно, либо становились жертвами каких-то непонятных болезней. От этого Силан еще больше ненавидел Марка. Ненавидел за то, что тот был не подвластен ему и вел себя явно хитрее. Понимание этого съедало Силана изнутри. Как он, потомок великого рода, богатый и знатный, не может усмирить этого относительно молодого выскочку, которому все последние годы удается планомерно двигаться к своей цели, отстраняя его, Силана, с его марионетками на второй план? Да еще и делая это так умно, что и не придерешься, словно они сами хотят уступить ему дорогу, а не он их к тому вынуждает.

«Слава богам, что Октавиан Август скончался, так и не дав ему завершить то, что он задумал. Ах, как хитро и, самое главное, вовремя преподнес он идею о создании Черного легиона. Но Тиберий пока под моей властью, и уж я постараюсь уничтожить этого хитрого змея!» — проходя вглубь помещения, думал про себя Силан.

Вокруг здания толпился простой люд. Видно было, что сегодняшнее заседание явно его интересовало. На ступеньках, у выхода и по периметру стояли вооруженные римские преторианцы. А раз они были здесь, значит, и сам император, скорее всего, уже находился внутри.

«И откуда эта голытьба все узнает, да еще и с такой скоростью?» — с недоумением глядя на все прибывающую чернь, подумал Силан.

Дойдя, наконец, до зала заседаний, он увидел, что место императора покрывают красным бархатом, а раз так, Тиберий точно будет присутствовать здесь и обсуждаться будут довольно серьезные вещи. Место правителя делило зал на две равные половины, уставленные длинными деревянными скамьями. Сенаторы постепенно заполняли их, рассаживаясь, кто где хотел. Здесь никто не имел определенных мест, кроме Цезаря.

Вот почему Силан даже не понял, как оказался рядом с тем, с кем меньше всего хотел соседствовать. По какому-то злому року или дурному стечению обстоятельств они расположились на одной из скамеек вместе с Марком. Старый сенатор аж фыркнул от возмущения и хотел было пересесть, но в это время в толпе собравшихся у дверей людей началась какая-то непонятная суэта. Проход быстро освободили, и по нему до кресла прошел высокий человек с гордо поднятой красивой головой. Все сенаторы тут же встали, приветствуя вошедшего в зал императора Цезаря Тиберия Клавдия Нерона. Показав жестом, что тоже рад всех видеть и что они могут сесть, он опустился на свое место, обвел присутствующих внимательным взглядом и произнес:

— Для процветания и блага народа римского вот обращение мое к вам, сенаторы, — печально и негромко начал Тиберий, нерадостно глядя на собравшихся. — Тревожная весть заставила меня созвать вас сегодня сюда в столь ранний час. Недавно мне стало известно о

том, что подстрекаемые нашими врагами...

Тиберий, и правда, не знал, кто эти враги. У Рима их было столько, что можно было подумать на каждого. Император опустил взгляд, затем резко поднял свои пронзительные глаза и, пристально посмотрев на сенаторов, продолжил:

— Скорее всего, я никого не удивлю тем, что после смерти Августа я еще не окреп на своем месте. Этим-то и воспользовались мои недоброжелатели, взбунтовав самое дорогое, самое ценное — мою силу, мою опору, мои легионы! Злые слухи о моей беспомощности прокатились по легионам Пононии! А самое печальное, что после разгрома и предательства в Германии восстали и рейнские легионы, словно их ведет чья-то невидимая рука! Позором для нас было поражение, которое мы потерпели в этой варварской стране, но страшнее всего то, что армия, в которую я верил, повернулась против меня. Сегодня я прошу вас решить участь не жалких смутьянов, бунтовавших на улице ради куска хлеба, не участь рабов и не участь врагов, против которых мы ведем войны. Нет, измена проникла в самое сердце империи! Более того, предателям, согласно поступившим ко мне донесениям, помогают люди из сената. Те, кому я должен безоглядно верить, оказываются двуличными лжецами. По совету Марка я послал своего сына Друза в Пононию с двумя когортами преторианцев. Да, этого мало для того, чтобы усмирить силой войско. Но я рассчитываю на мудрость и волю богов, которые помогут нам в решении данной проблемы.

Силан слушал и не верил своим ушам. Как? Как опять этот Марк опередил его? Почему ему никто не сообщил о восстании армии? Он бы сам поехал в Пононию вместе с сыном Тиберия, чтобы усмирить солдат. Он прекрасно понимал, что император надеется не на мудрость и не на ничтожные две когорты преторианцев. Марк все рассчитал и правильно уговорил Тиберия послать туда императорского сына — скорее всего, с деньгами для выплаты жалованья восставшим и удовлетворения их требований. Сын самого властелина Рима будет просить их о примирении, да еще и лично одаривать их. Разве это не высшая награда для воина? А затем он попросит солдат присягнуть Тиберию, и они внемлют этому призыву — и все, мышеловка захлопнется, и они никуда больше не денутся. Получив то, что хотели, они выдадут империи самых рьяных борцов за справедливость, и все вновь вернется на круги своя. Смутьянов, которые были зачинщиками восстания, сенат приговорит к смерти, после чего все надолго успокоится. Останется только проблема с легионами, которые стоят вблизи Рейна. Отличную паутину сплел этот Марк. Силан сделал бы то же самое, узнай он об этих событиях первым, но теперь ему придется играть по чужим правилам. Пристально и злобно смотрел Силан на этого довольно улыбающегося мерзавца.

«Да-да, еще есть легионы у Рейна, и можно посоветовать Тиберию направить туда Германика. Он любимец войска. Надо дать ему своих денег и притом много. Пускай он успокоит их, и тогда мы будем квиты с тобой, змееныш. Нужно только выгадать время и переговорить с императором с глазу на глаз», — размышлял Силан.

И действительно, вскоре Тиберий повел разговор о преступниках, которые были виноваты в том, что восстали легионы:

— Я хочу показать вам сейчас свору шакалов! Тех, кто сегодня будет ждать вашего решения о своей участи. Они долгие годы сидели здесь, рядом с вами, носили сенаторскую одежду, занимали высшие государственные должности. Их преступления настолько гнусны и тяжки, что я прошу вас решить их судьбу! Побуждаемые жадностью, эти люди желали перебить нас всех, помутнив разум солдатам легионов. Они стремились свергнуть меня! Меня, законного правителя! Хотели тайно открыть ворота восставшим и поджечь город. И,

наконец, самое ужасное — они хотели убить своего Цезаря! Теперь прислушайтесь к голосам богов и своей совести и определите справедливое наказание за столь отвратительные преступления!

После слов Тиберия сенаторы взревели, по залу разнеслось бурное обсуждение случившегося, перемежаемое догадками о том, кто те мерзавцы, которые осмелились покушаться на жизнь самого Цезаря. Но император призвал всех к тишине. Вслед за этим солдаты ввели в зал пять закованных в колодки и кандалы, сильно избитых и потрепанных людей. Звеня цепями по мраморному полу, они прошли вперед и остановились почти у того места, где находился сам Тиберий. Повисла минутная пауза, а потом, словно змеиное шипение, по рядам прокатилось перешептывание людей, которые стали узнавать в изувеченных и избитых пленниках своих теперь уже бывших коллег. И снова Силан испытал немалое удивление. Он знал их всех. И он прекрасно понимал, кто замешан в их избличении. На прошлом заседании, когда умер Август, они все критиковали Марка за то, что тот в обход сената хочет создать легион в своем непосредственном подчинении. Тогда им удалось убедить преемника Октавиана в необходимости отменить решение почившего императора. Как хорошо, что в тот злополучный день Силан решил не вступать в дебаты, а занял нейтральное положение. А то, кто знает, может, иначе и он бы стоял сегодня среди этих несчастных. При взгляде на них в его душу начинало закрадываться сомнение, стоит ли вообще ставить палки в колеса этому хитрому, как змей, человеку. Словно хамелеон, он менял свои личины, и, пожалуй, одним богам были известны все его тайные мысли и задуманные действия. Раз даже он, Силан, столько всего переживший и отправивший на тот свет не один десяток политических врагов, теперь боялся этого человека.

После опроса свидетелей, которые все как один обвиняли несчастных во всех мыслимых и немыслимых грехах, в зале появился Сципион. Он подошел к обвиняемым, отдал приветствие Цезарю и начал отвечать на его вопросы, рассказывая о том, что видел и слышал, будучи заранее посланным своим господином в лагерь восставших.

— Я был отправлен туда сразу же после того, как мой господин узнал о готовящемся заговоре. Я прибыл в лагерь под видом торговца и лично видел, как предатели поднимали мятеж, унижали и оскорбляли Цезаря. Они давали войскам нелепые обещания и делали все возможное, чтобы ввести солдат в заблуждение.

— Что? Что именно они говорили?! Они лично давали эти обещания?! — слышались голоса с трибун.

— Нет, те мерзавцы, которые действовали от их лица, уже мертвы! Но они были лишь исполнителями, а планировали заговор эти, — показывая пальцем на бедолаг, проговорил Сципион. — Я слышал, как они будоражили людей такими словами: «Зачем вы повинуетесь, словно рабы, этим центурионам и небольшой кучке трибунов? Когда вы осмелитесь потребовать себе более достойного императора? Нужно свергнуть еще непрочно сидящего Цезаря при помощи оружия! Мы и так слишком долго поклонялись тирану Августу в надежде на перемены. Но нет: на его место пришел его пасынок! Их преторианская гвардия никогда не остановит вас. Они слишком малочисленны и трусливы! Они подчиняются только денариям, а не своему повелителю!». Вот, что я слышал. А потом я видел, как обезумевшие от призывов и обещаний солдаты бросались на центурионов. Повалив их на землю, они избивали их палками, причем каждого центуриона били около шестидесяти человек. Затем, изуродованных и истерзанных, а большей частью уже мертвых командиров солдаты сбрасывали перед окопом лагеря. Радостно крича, они поднимали на руки

заговорщиков и обещали им идти на Рим, чтобы свергнуть своего законного правителя.

От услышанного сенаторы снова пришли в негодование. Некоторые из них даже накинулись на обвиняемых, но солдаты сдержали разъяренных людей. Сам Тиберий, встав, лично призвал их к порядку.

Наклонившись к Марку, Силан шепотом произнес:

— Я знаю, что за всем этим стоишь ты. Я даже знаю, для чего тебе потребовалось раскрыть все подробности этого нелепого заговора. Ты боялся, что они помешают тебе достичь своей цели, как в тот раз, и ты решил избавиться от этих влиятельных людей и, в первую очередь, претора Терентия, который так рьяно выступал против тебя. Своими лживыми обвинениями ты сумел добиться такой популярности у находящихся здесь, что Тиберий не решится теперь перечить тебе. После обличительной речи твоего пса никто не посмеет заступаться за этих надуманных изменников и заговорщиков. После таких обвинений никто не помилует их. Я гляжу, ты умеешь вести дела во благо себе. Из-за распущенных тобою слухов о готовящихся заговорах в других легионах почти все сенаторы и знатные люди города отвернутся от них. Ты дал понять всем, что преторианцы беззащитны перед армией. Ты посеял в душах людей страх перед теми, кто должен оберегать их. Bravo, Марк, bravo. Я знаю, что настоящей душой заговора был не Терентий, а ты и твой пес Сципион.

— Милый мой друг Тацит Юний Силан, лес рубят — щепки летят. Разве я могу обвинить невиновных? Раз их схватили, значит, на то имеются свои причины, а у их вины есть доказательства.

— Доказательства со слов твоего Сципиона? — прошипел Силан в гневе, брызгая слюной.

На это Марк только улыбнулся и продолжил:

— Не волнуйся, я думаю, найдутся еще свидетели, которые знают даже больше, чем Сципион. Да, и, кстати, каким образом этот пес, как ты его называешь, мог поднять легионы на восстание? Ты обвиняешь меня в заговоре безосновательно, а это, дружище, уже клевета. Я считал тебя своим другом, поэтому я пропущу мимо ушей твои намеки и оскорбления. У тебя нет ни единого доказательства этому, лишь слепое убеждение в том, что я в чем-то замешан. А все потому, что я оказался немного удачливее и дальновиднее тебя. Признай это, и ты поймешь, что глубоко ошибаешься на мой счет. Не стоит портить отношения из-за глупой, навязчивой фантазии. Сейчас ты обвиняешь меня, а что потом? Станешь подозревать судей во взятках и несправедливых решениях? А наместников провинций в сокрытии налогов? Или, быть может, самого императора в безразличии к своему народу? А что касается моей идеи создать Черный легион, так ты сам видишь, как малоэффективны преторианцы и как беспомощны мы перед собственными гражданами, а уж тем более перед армией. Нужна хорошая дубина, которую мы сможем противопоставить кулаку. Или ты жаждешь повторения Тевтобургского леса? По-твоему, мало было потерять три легиона в этой варварской Германии — нужно было еще и дожидаться гибели всех остальных, и только из-за того, что кто-то возомнил благодетелей врагами, а врагов — благодетелями? Август осознал, как важно империи иметь надежное воинское подразделение, и мы бы уже давно создали его, если бы не такие бюрократы, как ты, убежденные лишь в том, что вокруг одни враги и только они, избранные, могут позаботиться о государстве. И теперь ты хочешь обвинить меня в предательстве? В то время как я всеми силами пытаюсь защитить наше отечество?

Силан молча смотрел на Марка. Его красные, налитые кровью глаза сверлили соперника, желваки ходуном ходили под кожей, выдавая еле сдерживаемый гнев, руки инстинктивно сжимались в кулаки.

«Удавить мерзавца! Привязать к позорному столбу на форуме и запороть розгами! Или лучше бы сразу прирезать здесь, как свинью, на глазах у всех!» — думал он про себя, представляя всевозможные пытки для неугодного собеседника. Но возраст и силы его были уже не те, да и он прекрасно понимал, что Марк в этой партии превзошел его. Оставалось только попробовать отыграться на Германике, ведь Тиберий именно его пошлет усмирять рейнские легионы — никто лучше племянника императора с этим не справится.

Римский сенат в это время состоял приблизительно из шестисот сенаторов, занимавших в прошлом высшие государственные должности. В нем также заседали знатные чиновники из завоеванных провинций — с некоторого времени это стало для них возможным. А еще — бывшие преторы и квесторы. Словом, вся элита римского общества того времени собиралась в сенаторской ложе. Тогда императоры все еще прислушивались к их мнению и без совещания с ними не могли вынести важных решений.

Между тем, слова Марка о вероятном наличии свидетелей не были пустыми. После того, как Сципион окончил свою речь и ответил на вопросы собравшихся, в зал стали заходить люди разных профессий и занятий, знатные вельможи и простые граждане. Все как один они обвиняли несчастных в измене и подстрекательстве легионов к бунту. Те понуро молчали в ответ, и только Терентий пытался как-то оправдаться, однако на все его попытки вставить хоть слово толпа реагировала шумом и свистом, не давая ему ни малейшего шанса. Цезарь не препятствовал происходящему, и Силан понял, что решение уже давно принято, а весь этот цирк разыгран лишь затем, чтобы пустить пыль в глаза присутствующим. И за всем этим стоял, словно тень, Марк. Вдруг Терентий выкрикнул из последних сил:

— Тацит Юний Силан, выскажи и ты свое мнение! — после этих слов все затихли. По рядам снова прокатился недобрый шепот, а Тиберий беспокойно заерзал на месте. Все знали Силана, и его мнение обладало достаточным весом. Понимал это и Марк, который сидел рядом с отрешенным видом, словно он был не в зале, а где-то далеко отсюда.

— Тацит Юний Силан, выскажи и ты свое мнение! Я служил с тобой много лет. Неужели и ты думаешь, что мы виновны в том, о чем говорят эти люди?! Ты знаешь меня с юности, наши семьи общаются годами, наш род идет от одного предка, а наши дети играют вместе! Все эти обвинения — ложь одного-единственного человека! Марк! Это он замутил ваш разум, это он хочет власти над всеми вами! Он жаждет править Римом! И теперь вы, подчиняясь его замыслу, обвиняете невиновных граждан во всех смертных грехах!

После этих слов в зале опять поднялся шум. В адрес Терентия полетели оскорбления и обвинения. Цезарь сидел, дергая шеей от злости и нервно почесывая ладони рук. Но, пересилив себя и совладав с гневом, он успокоил сенаторов и произнес:

— Тацит Юний Силан, говори! Выскажи свое мнение!

Все пристально посмотрели на озиравшегося по сторонам Силана, который ерзал на скамейке, словно уж на сковородке. Но так как пауза затянулась, он медленно привстал и возвысился над сидевшими. Сенатор осторожно, одним пальцем, почесал свою седую голову, стараясь не испортить тщательно уложенной модной прически. Затем кашлянул в кулак, все не решаясь начать речь. И тут Марк, по-прежнему глядя в пустоту, тихо произнес — так, чтобы это мог услышать только Силан:

— Не глупи, и я добьюсь, чтобы твой сын возглавил Черный легион. Не стоит

продолжать их муки: ты и сам знаешь, что их судьба решена. Ты только оттянешь неизбежное. Они — прошлое. Я — настоящее. Думай и выбирай, с кем ты.

От этих слов в голове Силана зашумело, а в глазах помутилось. Стало как-то дурно от всего, что здесь происходило, и даже воздух показался ему спертым и противным, каким-то зловонным. Он с трудом сглотнул слюну и шире раскрыл ворот туники. Словно ошпаренное кипятком, его тело покрылось потом. Он уже определил для себя, что именно он скажет. Богатство, признание и жажда власти оказались для него выше дружбы.

— Ты обещаешь? — опутив голову и еле шевеля губами, промолвил он.

— Я обещаю тебе, что Клементий сыграет не последнюю роль в Черном легионе.

Силан тяжело вздохнул, обвел всех взглядом и, пытаясь не смотреть на Терентия, стал говорить:

— Меня поражает, — воскликнул он, — что предыдущие ораторы, знатные и уважаемые члены сената, говорили о милосердии, решая виновны эти люди или нет! Да, я знаю всех обвиняемых так же, как и вы, и я не стесняюсь говорить об этом вслух. Да, я вел с ними дела, а с Терентием я знаком почти с детства. Но позвольте, разве мы должны вспоминать о дружеских связях, когда речь идет о безопасности нашего государства?! Терентий уверял нас на прошлом заседании, что сейчас нам не грозит никакая опасность, а если она и исходит, то только от Марка! Да, мы все поверили ему тогда. И теперь он снова пытается уйти от ответственности, переложив ее на другого, даже притом, что все факты свидетельствуют об их вине! И поэтому я сейчас говорю не как его друг и не как ваш приятель — я говорю как сенатор Рима! И чем больше я слышал выступлений, тем больше у меня появлялось оснований остерегаться этих заговорщиков, если даже такой человек, как Терентий, который был нашим другом и соратником, оказался волком в овечьей шкуре! Он и сейчас призывал меня убедить вас в его невиновности, но мое сердце и долг гражданина не позволят мне избавить преступников от ответственности! Данный момент требует, чтобы мы немедленно уничтожили злодеев. В наше тревожное время нельзя быть уверенным в том, что они не сумеют ускользнуть от стражи и поднять мятежи в легионах! Может быть, уже сейчас у их сторонников подготовлен заговор с целью выволить их и снова посеять зерно раздора в нашем государстве, сталкивая нас лбами! Чем большую твердость мы проявим, тем скорее империя избавится от грозящей ей опасности. Необходимо применить к этим преступникам смертную казнь по обычаям наших предков. Как мне ни прискорбно это говорить, но это единственно верное решение! Терентий восклицал, что они граждане Рима, но, став врагами римского государства, они утратили этот статус. Нужно отделить зерна от плевел и вычеркнуть этих мерзавцев из нашей памяти.

Силан был в ударе, речь будто бы сама лилась из его уст. Он сам иногда не понимал, что говорил, — словно кто-то вел его за руку по коридору красноречия, завладев его сознанием и волей. Мысли, казалось, были надиктованы ему извне, а он послушно произносил их вслух. Осознавал он только то, что сейчас, вот именно сейчас, он губит жизни ни в чем не повинных людей, включая своего давнего друга, а также что предает свою совесть и честь. А все из-за того, что он жаден до власти и понимает, что Марк теперь на коне и лучше в данный момент сидеть рядом с ним, а не стоять там, внизу, закованным в железо. Тем более у него есть сын. И если действительно они с Марком объединятся, то их влияние на императора может стать безграничным. А когда Клементий окажется во главе Черного легиона, Марка можно будет и подвинуть.

Когда сенатор замолк, зал встал с овациями. Все было кончено. Силан сел на место,

вспоминая слова Марка, которые тот проговорил ему утром: «Никогда не говори так. Жизнь, мой друг, очень странная штука». И действительно, он оказался прав. Слишком уж часто в последнее время он бывает прав... Сев на место, Силан увидел улыбающееся лицо Марка, который положил руку ему на плечо. Но сенатор с омерзением отстранился от нее резким движением.

— Смерть не является карой или наказанием. Она закон природы, неизбежный к исполнению для всех. Мужественные люди встречают ее охотно, — произнес Марк так, что по спине Силана пробежал озноб.

Речь Тацита Юния Силана воодушевила сенаторов. Все присутствующие превозносили и восхваляли его за непреклонность и твердость духа. Говорили о нем как о настоящем гражданине Рима и истинном патриоте, утверждая, что на таких, как он, и держится их империя. После его речи желающих высказаться больше не нашлось. Да и обвиняемые уже не произносили ни слова. Через некоторое время, обсудив детали обвинительного заключения, сенаторы приступили к голосованию, но в данном случае оно, по большому счету, и не требовалось: решение о смертной казни было принято единогласно.

Все еще бледный и испуганный от того, что он совершил, а также от осознания бесповоротности принятого решения, Силан сидел молча, лишь изредка кивая головой в ответ на поздравления и одобрение коллег. Вскоре Тиберий выразил всем свою благодарность и провозгласил конец заседания:

— Отцы-сенаторы, моя опора и подмога в трудных решениях! Я вас больше не задерживаю.

Толпа заседавших устремилась к выходу. Позади не спеша шел Марк в сопровождении Сципиона. Едва они отошли в сторону, как Марк негромко сказал:

— Жаль, конечно, бедняг. Терентий — умный и честный человек. Я бы хотел видеть его в рядах своих сторонников гораздо больше, чем этого скользкого сенатора. Но, к сожалению, он сделал неверный выбор. Я предлагал ему то же, что и Силану, но он предпочел дружбу. Что ж, сам виноват. Вера в людей всегда губила самых лучших и талантливых. На этот раз все опять будет по-нашему. Остается уладить кое-какие дела с Германиком, а после того, как он успокоит рейнские легионы, ничто не помешает нам создать Черный легион. Тиберий уже готов принять мое предложение. Мы показали ему, как слаба его власть и как ненадежна существующая армия. Тиберий и сам понимает, что в случае чего на преторианцев рассчитывать ему не придется, а его собственная армия состоит по большей части из бедных людей. Вольноотпущенники и рабы хоть и хорошо обучены, но не сильно спешат защищать интересы императора. Я же предложу ему новый вид войска, который мир еще не видел и не знал. Во главе с нашим воспитанником. Я покажу Тиберию, на что способны люди. В этом мире захватить власть может любой человек, правда, конечно же, с опорой на армию, а армию я ему предоставлю.

Силан молча прошел по своей вилле, не обращая внимания на почтительно склонявшихся перед ним рабов. Подбежавший к нему Клементий отшатнулся от отца, понимая, что к нему лучше сейчас не обращаться. На вопрос жены «Что случилось?» сенатор лишь отмахнулся рукой. Дойдя до небольшого, постоянно подогреваемого бассейна, в котором он любил нежиться после трудных переговоров или заседаний в сенате, Силан не раздеваясь, вошел в него. Погрузившись в теплую, благоухающую ароматическими маслами воду, он немного посидел, закрыв глаза, а затем стал умываться. Взглянув на свои руки, он

схватил пемзу и начал тереть их ею с такой яростью, что вскоре на них выступила кровь. С ненавистью отшвырнув покрасневший камень, Силан обхватил руками голову и застонал. Кусая губы и сжимая кулаки, он выполз из бассейна. Могущественный сенатор корчился на полу и кричал, словно рыба, безмолвно открывая рот, чтобы не привлечь внимания слуг и родни. Распластавшись на мраморе и трясаясь больше от нервов, чем от холода, он вскоре заснул. Силан понял, как глупо он проиграл Марку и насколько быстро и безвозвратно наступило его поражение. Предав всех, он надеялся обрести больше, чем имел, а получилось так, что он попросту развязал Марку руки. Нет, он не переживал из-за грядущей смерти своих друзей и коллег, которых казнят на рассвете. За многие годы интриг и хитрых козней он свыкся с предательством, обманом и клеветой. Это стало для него нормой, частью повседневной жизни. Единственным, о чем он страдал, было понимание того, что его так легко обвели вокруг пальца, пообещав сыну должность в еще не существующем легионе. Он почему-то поверил этому призрачному посулу и внутренне сам признал свое поражение. Он привык выбирать сторону сильнейшего, а ведь мог повернуть все в свою пользу. Теперь же его задвинули на задворки политической жизни, как ненужную мебель в сарай. А ведь еще утром он шел в сенат с полной уверенностью в том, что прилюдно растопчет Марка и добьется того, чтобы этого змея с позором вышвырнули из зала заседаний. Силан проделывал это не раз со своими врагами, но почему сегодня все пошло не так, он и сам не мог понять. Еще несколько часов назад он смотрел на Марка свысока, не видя в нем опасности. Как он ошибался. Зачем он произнес эту речь, зачем? Ведь он готовил ее для Марка и никак не предполагал обвинять Терентия. Все произошло как-то не так, не по его воле, словно он был в каком-то дурмане. Мало того, он лично признал при Цезаре правоту Марка, а ведь совсем недавно он в числе прочих обвинял его во всех бедах, и тогда Тиберий внял их речам, наложив запрет на многие начинания Марка, которые так охотно поощрял Октавиан Август. Теперь все обернулось иначе. Старый хитрый лис осознал, для чего он был нужен Марку: все в сенате чтили Силана, и теперь, раз он поддержал этого мерзавца, никто не сможет тому перечить. Сенат поверил Марку, Цезарь поверил Марку, и теперь он, Силан больше не нужен. С этого момента Марку больше незачем выполнять обещание или прислушиваться к его мнению. Им воспользовались, как продажной девкой, и теперь, получив от него все, что нужно, постараются от него избавиться. А в том, что от него захотят избавиться, Силан не сомневался. Он и сам поступил бы так же.

Вдали от суеты повседневной жизни, в загородном имении императора, по мощеной дороге, которая, извиваясь, словно змея, огибала большой, источающий прохладу водоем, шли Тиберий и Марк.

— Я был поражен выступлением Силана. Его мнение о тебе резко изменилось, а я верю ему, как себе. Странно, не в его правилах отказываться от своих слов. Даже не знаю, как тебе удалось его переубедить. Также я поражен, как быстро и рьяно ты принялся за дело этих бунтовщиков. Я бы никогда не подумал на Терентия, но твой слуга Сципион привел много свидетелей и сам провел отличное расследование. Я был несправедлив к тебе. Этот волк в овечьей шкуре сумел настроить меня против тебя. Я искренне сожалею о наших прошлых разногласиях, Марк, но ты сам понимаешь: это политика. Покойный Август не зря дал тебе свое согласие на формирование нового войска. Но сейчас, если честно, мне не до этого. Как тебе известно, мой сын Друз усмирил восставших в Пононии, но меня больше волнуют легионы, стоящие рядом с Рейном. Мы и так потерпели там позорное поражение, а теперь

эти заговорщики настроили против меня мою же армию.

— Именно по этой причине я и хотел с вами встретиться и поговорить, — склонив голову и преданно улыбаясь, учтиво произнес Марк.

— Как неожиданно, — посмотрев на него, с удивлением произнес Тиберий. — Твоя дальновзоркость не перестает удивлять меня. Я собирался побеседовать об этом с Силаном, но, коли он так лестно отозвался о тебе, я, наверное, выслушаю тебя, как выслушал бы его. Тем более что в последнее время в твоей правоте не приходится сомневаться.

— Спасибо, Цезарь. Ваши слова благодарности есть наивысшая награда для меня.

— Будет тебе, Марк. Не стоит лести, я устал от нее. Лучше посоветуй, как поступить в сложившейся ситуации.

— Тогда, с вашего позволения, я перейду прямо к делу, — Марк немного задумался, потом сдвинул брови и произнес: — Итак, что касается усмирения легионов на Рейне. Кого вы думаете туда послать?

— Может быть, да и скорее всего, я пошлю туда Пизона. Я доверяю ему: он хороший руководитель и не раз выручал меня. Я бы отправил на Рейн своего сына Друза, но он не успеет вернуться из Пононии, а дело не требует отлагательств.

— Пизона? — почесывая подбородок и смотря куда-то вверх, задумчиво произнес Марк.

— Ты не одобряешь мой выбор?

— Нет, отнюдь. Он хороший чиновник и политик, но, увы, мой Цезарь, он не военный, а легионеры не будут слушать того, кто не ходил с ними в походы и не переносил лично все тяготы службы. К тому же после того, как мы казнили заговорщиков, они вообще вряд ли будут кого-то слушать, хотя...

— Хотя что? И кого хочешь предложить ты? — нервно крутя перстень на пальце и уже повышая голос, произнес Тиберий.

— Туда надо послать Германика, вашего племянника. Если хотите обойтись малой кровью и не довести до гражданских столкновений.

— Что?! Германика?! Никогда!

Тиберий знал, что Германик справится с этим заданием, но он не хотел отпускать его из Рима, особенно к его любимым легионам. Цезарь постоянно видел в своем племяннике не только талантливого полководца, но и первостепенную угрозу своей власти, так как, в отличие от самого Тиберия, Германика обожали и армия, и народ. Его популярность была высока даже в преторианской гвардии, которая, по сути своей, была в прямом подчинении у самого императора. Это был еще один удобный повод для Марка напомнить Тиберию о необходимости создать особое подразделение, почва для формирования которого уже была более чем готова.

— Нет! Нет! Нет! И еще раз нет! Мой племянничек спит и видит, как займет мое место а ты хочешь отправить его к бунтовщикам для того, чтобы он их возглавил?! Или, быть может, ты просишь его туда отправить, потому что ты с ним заодно?! — нервно подергивая шейю, проорал Тиберий почти в лицо Марку, так что тот невольно отпрянул назад.

— Мой Цезарь, если бы я был с ним заодно, то Терентий уже привел бы своих сторонников к воротам Рима. А что касается вашего племянника, так вам незачем бояться его. После того, как он выполнит то, что должен, мы отправим его подальше от вечного города куда-нибудь на восток. Тем более, вы же не хотите оставить позор Августа неотомщенным? А справиться с германскими племенами может только он. При всем уважении к вам, я советую прислушаться к моему мнению. Германик не только любимец

армии, но и отличный полководец, и вы должны это признать. К тому же вспомните: когда он получил письмо о смерти Августа, я был рядом с ним.

— Да, я помню, он был в это время в Галлии, а ты как раз и передал ему эту новость. Но причем здесь это?

— Как причем? Обсудив со мной дела, он по моему совету сразу же привел к присяге на верность вам племена белгов и секванов. Разве бы мы стали делать это, имея мы злой умысел против вас?

— Но Галлия — это одно, а Германия — совсем другое. Там открыто заявляют, что хотят видеть императором Германика, а не меня!

— Доверьтесь мне! Я уже устал доказывать, что хочу вам только добра. Пошлите его туда, и он успокоит восставших без кровавых карательных операций. Ведь люди нам понадобятся для отмщения за позор. Поверьте, никто лучше него не справится с этими варварами. Неужели вы бы послали во главе легионов Пизона воевать с германцами?

— Да, — усмехнулся Тиберий. — Тут ты снова прав. Пизон не годится для этого. Он и вправду хороший чиновник, но не воин. Ну что ж, Марк. Я доверюсь тебе, как это сделал Силан. Но если... Запомни: если хоть что-то пойдет не так, не будет для тебя земли, где ты сможешь укрыться от меня! Я придумаю для тебя самую извращенную пытку! Ты понял меня?!

— Вам не придется этого делать, великий Цезарь. Все пройдет отлично, как я вам и обещал, — поклонившись, ответил Марк.

— Ступай к Германику и поговори с ним от моего имени.

— Как прикажете.

Марк встретился с Германиком тем же вечером на заднем дворе его виллы. Он не зря выбрал именно это место, подальше от людских глаз. Двор был окружен с трех сторон сплошным высоким забором, за которым располагались фруктовый сад, фонтан и пруд. Марк тихо беседовал с хозяином дома, когда к ним подошла жена Германика Агриппина. Она мило улыбнулась и поинтересовалась, не желает ли гость пройти в дом и присоединиться к ужину вместе с их семьей, так как стол уже накрыт, и они с радостью примут его у себя.

— Спасибо, моя дорогая, — приветливо улыбаясь, ответил Марк. — Но мне нужно переговорить с вашим супругом и потом спешно вернуться к нескончаемым делам. В другой раз я обязательно останусь у вас. Тем более Германик говорил мне, что вы прекрасно готовите жареного фазана и подаете к нему вино, привезенное из Греции.

Агриппина очаровательно улыбнулась и, покраснев от комплиментов, удалилась, скрывшись за забором.

— Милая у тебя жена.

— Это да, она самое дорогое, что у меня есть.

— Красивые женщины редко бывают одни, но часто бывают одиноки. Ей повезло с тобой. В последнее время я все реже встречаю преданные друг другу пары. Люди несовершенны, но почему-то некоторые убеждают меня в обратном.

— Каждый живет, как хочет.

— Каждый должен жить, как надо, — неожиданно холодно произнес Марк, но тут же поменял интонацию: — Ну да ладно, я пришел сообщить тебе о том, что Тиберий велел послать тебя в Германию к восставшим легионам, дабы успокоить их.

— Быть не может. Как ты уговорил моего дядю пойти на это? Я думал, что он сгноит

меня здесь, не подпуская к армии. После того, как он взошел на престол, он все чаще видит во мне врага. А тут на тебе. Открой мне секрет, Марк, как ты так ловко находишь подход к людям? — усмехнулся Германик.

— Пока рано радоваться. Если ты усмиришь их и приведешь к присяге так же, как в Галлии, я обещаю тебе добиться того, что именно ты возглавишь новое вторжение в Германию. А ты ведь всегда мечтал об этом. Ты же сам, насколько я помню, говорил, как сильно желаешь отомстить варварам за поруганную честь римских легионов.

— Я ушам своим не верю, Марк. Неужели это правда?!

— Разве я похож на шутника? Но у меня будет к тебе одна просьба.

— Все, что угодно. Ты сделал для меня то, о чем я уже и мечтать не мог. Проси все, что в моих силах, — я с радостью исполню это для тебя.

— Мне нужно будет, чтобы ты написал рекомендательные письма для нескольких ребят и причислил их к своему легиону. Мало того, ты должен будешь потом взять их с собой, когда отправишься на покорение германцев.

— Разумеется, Марк. Скажи мне их имена, и я напишу тебе хоть сто писем и заверю их у знатных людей.

— И еще одно...

— Говори.

— Мне нужно, чтобы ты поставил одного из этих парней во главе центурии и пообещал, что его друзья останутся при нем.

— Поставить неопытного воина центурионом? Ты шутишь? Он погубит и себя, и людей. Где это видано, Марк, чтобы мальчика ставили во главе подразделения?

— Где это видано, чтобы племянник императора, отстраненный от армии, снова взялся за любимое дело? Ты сделаешь это, Германик, потому что я так сказал. Да, и пусть тебя не беспокоит его неопытность. Он будет подготовлен на славу, и центурия его будет состоять не из твоих людей, а из тех, которых пришлю я. Ты понял меня?

— Ты умеешь убеждать людей, Марк, — с наигранной улыбкой ответил Германик. — Ну так что? Ты останешься поужинать с нами?

— Извини, дела. Постарайся передать мне письма как можно скорее, вот имена ребят, — протягивая собеседнику папирус, ответил Марк.

После того, как он получит рекомендательные письма, подписанные самим племянником императора Тиберия и еще десятком влиятельных чиновников, Луцию и его друзьям будет открыт путь в любой легион, который они выберут. Но Марк все уже решил за них. А Германик с врученными ему Марком деньгами вскоре прибыл в расположение нижнерейнских легионов. Там он выслушал претензии солдат и провел разбирательства. Как и говорил Марк, возможности подавить мятеж силой не представилось. Да и необходимости в том тоже не было. Германик выплатил солдатам жалованье из денег все того же Марка и по его же совету и от имени императора пообещал удовлетворить все их требования. После этого беспорядки прекратились. Плацдарм для мести был подготовлен, оставалось уладить еще кое-какие дела, но они требовали чуть больше времени.

Корнелий пришел домой за полночь, когда дети уже спали. За столом сидел только задремавший Леонид. От звука открывающейся двери он вздрогнул и, увидев хозяина, быстро вскочил. По виду центуриона было понятно, что его день прошел впустую. Корнелий упал на стул и, обхватив голову руками, закрыл глаза. Леонид поднес ему чашу с вином и сел

рядом. Центурион залпом осушил налитое.

— Так и не удалось поговорить с Силаном?

— Он даже не принял меня. Его раб сказал, что у него был сложный день в сенате и он никого не желает видеть. А ведь я когда-то спас ему жизнь, когда его хотели зарезать на улице его противники. Помнишь, Леонид, как он потом пришел к нам и одарил меня, говоря, что я могу всегда рассчитывать на его помощь? — хмелеющим и уставшим голосом пробормотал Корнелий. Его бывший раб кивнул в ответ. — А сегодня он даже не захотел меня слушать. Меня, того, кто сохранил ему его ничтожную жизнь! Так-то забываются дела и поступки!

Леонид снова налил вина, и Корнелий снова опустошил чашу.

— У вас тоже был трудный день, ступайте спать. Я провожу вас.

— Ненавижу их всех! — с силой ударив по столу кулаком, прокричал Корнелий. — Ненавижу!

— Пойдемте, пойдемте, — помогая хозяину подняться и уводя Корнелия в спальню, бормотал Леонид.

Александр, стройный высокий молодой человек в дорогой одежде с длинными, до плеч, волосами и небольшой щетиной на лице уже давно внимательно разглядывал рослого германца, приказывая ему то сжать кулаки, то напрячь бицепсы. Он щупал его мышцы, заставлял бегать и прыгать, приказывал ему отжиматься. Раб с тяжелой одышкой выполнял любую прихоть покупателя, пот обильными струями сочился по его спине, а лоб покрылся испариной. Ноги, которые рабам обмазывали мелом, стали черными от пыли, венки упали на землю и валялись под ногами Александра.

Неподалеку, закованные в железо, находились его соплеменники и товарищи по несчастью, уже отобранные Александром и подготовленные к продаже. У всех головы были покрыты венками, а ноги покрашены толстым слоем мела, смешанным с пылью и больше походившим на грязь. По римским правилам торговли окрашенные ноги раба давали понять покупателю, что этот товар продается, венки же свидетельствовали о том, что людей захватили на поле боя с оружием в руках. Представленный товар был как на подбор: рослые, крепкие мужчины с жалким, потухшим взглядом, выдающим смирение со своей судьбой.

Рядом, разбитые на небольшие группы, находились другие рабы. Их разнообразие было велико: Рим уже раскинулся на огромные территории, превратив разные страны в свои провинции, с которых и шел поток живого товара на невольничьи рынки. Азиаты, негры, скифы, греки, германцы, сарматы — кого здесь только ни продавали. Среди них было немало женщин, в том числе с маленькими детьми, которых можно было приобрести и отдельно. Рабы, словно скотина, молча принимали волю покорившего их народа. У большинства на шее висели небольшие дощечки, на которых было написано, откуда данный раб, каково состояние его здоровья и чего вообще от него можно было ожидать. Головы нескольких невольников были закрыты мешками, и это значило, что продавец не ручается за их состояние и поведение. Они стояли отдельно от остальных и продавались за бесценок. Если их никто не брал, таких рабов отправляли на арены и использовали для развлечения толпы, затравливая без особой жалости дикими зверями.

Измученные ожиданием, голодом и побоями невольники отрешенно смотрели на толпы шнырявших вокруг них людей. На покупателей, которые то и дело осматривали живой товар, на запыхавшегося германца и на Александра, который все продолжал озадачивать несчастного упражнением. Участок рынка, где промышляли работорговцы, был огорожен по всему периметру высоким частоколом. Посередине возвышался помост, на который выводили, выпихивали, а иногда вытаскивали рабов поодиночке или целыми партиями. Глашатаи наперебой расхваливали товар, говоря о его достоинствах, крепком здоровье и невысокой цене. Время от времени кто-нибудь подымался вверх и забирал понравившегося невольника, расплачивался с продавцом и уводил покупку с рынка по длинному, казалось, практически бесконечному коридору, сплетенному из прутьев.

Торговля людьми шла в римской империи практически повсеместно. Работорговцы заполонили товаром не только сам Рим, но и его провинции. Оно и немудрено: империя владела почти всем известным людям миром. Немного поторговавшись, Александр купил

себе всю партию отобранных им рабов, включая несчастного германца, которого он так долго и изнурительно испытывал. Работорговец Антоний тщательно спрятал полученные от него деньги за пазуху и тут же произнес с самодовольной улыбкой:

— Клянусь богами, ты не пожалеешь! Такой товар здесь еще надо поискать. Даже если они тебе не подойдут для гладиаторских игр, ты всегда сможешь их перепродать с большой выгодой для себя, хоть здесь, в Риме, хоть на Сицилии, хоть в Египте. Сегодня же вечером они будут доставлены под охраной в твою усадьбу. Если бы я не купил их у солдат прямо после сражения, я бы не уступил их тебе так дешево. Да, и скажу тебе по секрету: я слышал, что скоро Германик снова двинет свои легионы в Германию, чтобы отомстить за случившееся в Тевтобургском лесу. Точно тебе говорю! Люди шепчутся, что Тиберий уже подготовил все необходимое для этой кампании. Так вот поэтому-то я и продаю этих рабов по бросовой цене. Сам понимаешь, нужно спешить за легионами, чтобы скупать товар на месте боев. Солдаты отдают отличных рабов практически даром.

— Ты слишком осведомлен для работорговца, — мило улыбнувшись, произнес Александр.

— Кто владеет информацией, владеет деньгами, мой друг.

Александр снова улыбнулся и хотел было уходить, как ему на глаза попался странный раб, стоявший отдельно ото всех. Ноги его были закованы в железо, а голова и руки находились в деревянной колоде. Его русые волосы блестели на солнце. В голубых, словно небо, глазах читались ярость и ненависть ко всем. Взгляд его был упрям и непокорен. Когда смотришь на такого человека, понимаешь нутром, что его не сломить и не удержать в железе. Даже в кандалах он все равно чувствовал себя свободным. Его мощное, сильное тело, словно вытесанное из гранитной скалы, неподвижно возвышалось в стороне. Он стоял прямо и гордо, будто все вокруг него были рабами, но не он сам. Такого можно было резать прямо здесь и сейчас, а он бы смеялся над болью, показывая свое презрение к смерти.

— Что за раб? — пристально всматриваясь в невольника и подходя к нему ближе, спросил Александр.

— Какой? — не сразу понял работорговец, но, сообразив через мгновение, о ком идет речь, тут же произнес: — Ах, этот! Мерзкое животное! Не стоит твоего внимания.

— Я задал тебе вопрос и жду ответа, а ты не решаешь за меня, что стоит моего внимания, а что нет. Так что за раб? — повторил Александр и посмотрел на торговца живым товаром так, что у того будто что-то сжалось в груди. Он невольно потянулся рукой к области сердца, после чего глубоко вздохнул и произнес:

— Мне его продали на Сицилии. Хотя, как сказать, продали, — навязали почти даром. Меня привлекло его дюжее здоровье: парень крепок, как бык, и силен не по-человечески. Но оказалось, что от него очень много хлопот, поэтому и приходится держать его в железе. Пару раз расковывали, так чтобы скрутить его обратно, требовалось пять человек. Убить тварь, так жалко потраченных денег. Продать никому не могу, уже и кормить почти перестал, а он, зараза, все равно что каменный. Откуда только силища такая у него берется? Хотел в гладиаторы продать, так он морды всем моим помощникам набил, пока его угомонили. А как покупатели пришли смотреть, он сел на песок и стал насвистывать глупость какую-то. Говорит, не буду под вашей волей ходить, лучше убейте. Довел до белого каления. Отдам его на травлю зверям, так хоть что-то за него выручу.

— Что ж не убил его?

— Так говорю же: думал, продать смогу выгодно, а с мертвого-то вообще ни сестерция

не получишь.

— Ты жадный до денег, Антоний. Вот в чем твоя проблема.

— А кто ж не жадный-то?! — усмехнулся работорговец.

— Откуда он хоть, знаешь?

— Говорили, что он родом из Скифии, из далеких северных лесов. Прошлый владелец сказывал, что он из знатного рода. Сам себя называет русичем. Хотя, что это за народ, не ведаю, да и знать не хочу. Он мне настолько опостылел, что я его видеть уже не могу.

Александр подошел почти вплотную к закованному в цепи невольнику и, глядя ему прямо в глаза, сурово спросил:

— Как твое имя? — на что русич лишь нагло ухмыльнулся и презрительно сплюнул.

Антоний замахнулся было на него плетью, но Александр, перехватив его руку, остановил наказание. Повисла немая пауза, но через несколько секунд Александр громко рассмеялся, повернулся к продавцу и произнес:

— Я его покупаю! — и, сунув деньги торговцу, даже не поинтересовавшись ценой, добавил: — Приведешь его со всеми остальными сегодня вечером ко мне, но оставишь у надсмотрщика, остальных же загонишь в сарай под присмотр моей охраны.

— Вы, как всегда, самый лучший мой покупатель, — заискивая и льстя, сыпал комплиментами работорговец.

Александр, вдоволь насытившись похвалой и подобострастием, распрощался с продавцом и направился к выходу. Здесь он и встретил Марка, который, словно тень, стоял неподвижно под навесом лавки, торгующей разными амулетами и травами, и начищал до блеска руками яблоко.

— Ты купил хороший товар. Как обычно, ты сделал правильный выбор: работорговец не обманул тебя с качеством. Хотя он бы этого не смог сделать, даже если бы очень хотел, — произнес Марк, после чего надкусил с хрустом сочный бок румяного фрукта.

Александр склонил голову в знак уважения, затем ответил:

— Я рад вас видеть, но какими судьбами вы оказались здесь? Я думал, мы должны встретиться у вас через месяц?

— Думать, Александр, всегда хорошо. Человек тем и отличается от животного, что он наделен способностью мыслить. Я стал волноваться: у меня нет информации о нашем общем с тобой знакомом. О коем, как тебе известно, я могу узнавать только от тебя. А ты занимаешься тем, что покупаешь себе живые игрушки. Сила, богатство, красота и власть даны тебе не для того, чтобы ты уподоблялся простому народу и предавался свойственным ему забавам. Или ты забыл, кому обязан всем этим?

— Как я могу? — склонив голову, словно наказанный мальчишка, проговорил Александр. — Я прекрасно помню, кому и чем обязан, и никогда не забуду того, что для меня сделали.

— Тогда я внимательно тебя слушаю.

Александр подошел ближе и еле слышно стал говорить:

— Я присутствовал в храме в Иерусалиме, где он общался с мудрейшими людьми, и они прислушивались к его мнению. Он говорил, и они дивились ответам его. С возрастом его сила растет. Я не понимаю, чего мы ждем. Не проще ли избавиться от него сейчас? Никто из нас не может его контролировать. Не в моих силах предвидеть, что будет дальше, но с каждым днем я ощущаю его все возрастающее величие. Наше братство, созданное мною, уже не в силах скрывать слухи о нем. Нужно принимать решение, или будет поздно.

Марк снова откусил от яблока, посмотрел на Александра исподлобья и промолвил:

— С каких это пор ты стал говорить мне, что делать? Ты думаешь, я хочу его смерти? Или, быть может, ты позабыл, кто есть я и кто ты? Запомни, мне не нужна его смерть. Он хочет доказать, что Он прав, а я ошибаюсь. Это последний крик Его души. Он оторвал кусок от себя и передал его вам. Ты думаешь, что я подниму на него руку? Нет, никогда. Пусть те, в кого Он так верит и кого так любит, расправятся с самым дорогим, что у Него есть. Мало того, я покажу Ему, на что способно Его любимое творение, если пообещать ему власть над миром.

Александр стоял, молча слушая Марка. Холодный пот выступил на его спине, в глазах помутнело.

— Запомни, Александр. Его должны погубить люди, и только они.

— А вдруг они вознесут его и последуют за ним?

— Они слишком завистливы и самолюбивы. Ты думаешь, те, кто считает себя наместниками богов на земле, позволят кому-то усомниться в их учениях? Их особо-то и уговаривать не придется. Любая вера для людей, которые ею прикрываются, — это всего лишь способ обогащения. А для тех, кто истинно верит, храмы и жертвоприношения не требуются. Разве нужны будут искренне поверившим в него посредники между ними и им? Сомневаюсь. А вот остальное большинство будет податливо, и мы легко убедим их, что они не нуждаются в собственном спасении.

— А вдруг Он захочет отомстить за свое творение?

— Ради мести я и замыслил все это. Мой брат слишком полюбил тех, кого создал. Они приравняли себя к нам, не сознавая того, что ничем не отличаются от остального живого мира. Я говорил Ему о том, что это неправильно, но Он оставался глух ко мне. Я доказал Ему еще на тех первых людях, которые вкусили яблоко раздора, что они не будут блюсти Его законы. После того, как я изгнал их из нашего мира, я думал, Он отвернется от них. Но нет, Его любовь к ним была слишком сильна. Мне пришлось последовать сюда за ними и жить среди этих созданий, постоянно доказывая Ему, что они не заблуждаются, что они действительно ведают, что творят. Я убедил многих Его архангелов в том, что люди не есть те существа, которым стоит уделять любовь, и они последовали за мной. Долгие тысячелетия я эволюционировал вместе с ними, впитывал их пороки и следил за ними, жил среди них, был их частью. Я видел, как Он прощает им то, что прощать нельзя, — их земные грехи. И дает им все новые и новые учения и знания, которым они не хотят следовать. Я поражался Его терпению и любви к ним. Но довольно. Я создал для них чистилище на замену райским садам. Ввел наказание для их душ, поскольку им неведомо раскаяться. Я обрек их на страдание вместо любви, раз они не хотят слушать Его. А Он все равно ставит всех нас ниже их. Я создал ад и теперь буду бороться за каждую грешную душу, которая не желает жить по законам Его. Я уподоблюсь им. За убийство одного я буду уничтожать всю семью, за насилие буду карать насилием. Я установлю законы, законы, по которым они будут жить и которые будут воспринимать как свои собственные. Скотина, не понимающая слов, очень хорошо понимает плеть. После того, как я столько выстрадал, чтобы достичь своей цели, остается одно — найти человека, который покажет всему миру, на что способны люди. А главное, он покажет это Ему самому, и тогда Он наконец-то прислушается ко мне. И вот теперь, когда почти все уже готово, Он посылает сюда свою плоть и кровь! Для чего?!

— Я... Я не знаю... — дрожащим голосом проговорил Александр, стараясь не смотреть на Марка.

— Он пытается дать им себя, показать им в живом теле то, что они не хотят воспринимать, не видят. Он знает, что я не посмею обидеть высшее существо. Он знает о том, что случилось бы, не пошли Он сюда своего мессию. Ну, ничего, Он всего лишь отодвигает во времени то, что неминуемо произойдет. Теперь, когда создано место, куда по праву должен направиться каждый из них, теперь, когда я нашел того, кто поведет к пропасти людей, — теперь Он услышит меня. Теперь я узаконю свои права на те черные стороны их души, которые Он раньше не замечал в них. После всего этого душа их должна будет принадлежать не только ему, но и мне. Скоро я восстановлю свою утраченную силу, которую растерял, создавая место их будущего пребывания. А до того момента ты будешь моими глазами и ушами. Абигор и остальные не смогут действовать открыто — Он не позволит. А ты, ты один из них, тебе Он не сможет воспрепятствовать.

— Повелитель, но куда тогда попаду после смерти я, ведь никто не может быть вечным, кроме высших существ? — осознав все, что сказал ему только что Марк, испуганно прошептал Александр. На это Марк лишь прищурился, улыбнулся и произнес:

— Того раба, которого ты купил, — ты узнал его?

— Какого раба? — растерялся Александр.

— Того, что привлек тебя своей гордыней и непокорностью. Ты ведь понял, кто это?

— Я не мог не узнать его, мой повелитель.

— Смотри, Александр, он нужен мне. Однажды ты уже упустил его, и теперь для того, чтобы он послужил нам, придется подготовить его, а сломить его гордость и независимость будет не так-то просто. И следи, чтобы он ничего не заподозрил. Пусть пока сражается, чтобы не потерять сноровки. Он нам еще пригодится. Но не показывай его в самом Риме: не стоит привлекать к нему слишком много внимания. В нем есть то, что утратили многие люди, — в нем есть преданность. Сломать силой его не получится, поскольку такие, как он, презирают боль. Он воин, каким нужно родиться. Сыграй на его чувствах, он ведь до сих пор мечтает отомстить за своего отца. Я думаю, это сработает. Ты обещал, что сможешь добиться его преданности еще тогда, но потерял его. Не подведи же меня снова. Ты понял?

— Да, повелитель, — склонив голову, ответил Александр.

Они шли к выходу, когда Марк внезапно остановился и ухватил за руку проходящего мимо парня, который от неожиданности отпрянул и озлобленно посмотрел на сенатора.

— Привет, Луций. Какими судьбами ты оказался здесь? — улыбнувшись, проговорил Марк.

Мальчишка узнал Марка, улыбнулся в ответ и воскликнул:

— Как же вы меня напугали!

— Ну, ты уж меня прости, я не хотел. Кстати, познакомься, — указывая кивком головы на своего спутника, проговорил Марк. — Это Александр, знатный человек в Риме и не только. Кстати, имеет одну из лучших гладиаторских школ.

— Очень приятно, — смущенно ответил Луций.

— И мне. Друзья Марка — мои друзья. Если захочешь посмотреть, как тренируются или сражаются гладиаторы, я всегда буду рад показать тебе это.

— Благодарю вас, но сейчас прошу меня простить, мне, действительно, некогда.

— Конечно, конечно. Ступай, — снова мило улыбнувшись, ответил Марк.

— Еще раз спасибо за то, что помогли нам тогда.

— Да брось ты, сущие пустяки. Ты обещал, кстати, посетить мое имение вместе со своими приятелями, но что-то так и не собрался. Тем более, насколько я понял, вы хотели,

чтобы Сципион начал готовить вас к военной службе, не так ли? Или вы уже передумали?

— Простите, Марк... — Луций запнулся, явно не зная, как продолжить обращение к нему, но собеседник быстро выручил парня, проговорив:

— Зови меня просто Марком, не нужно лишних формальностей. Их и так довольно в разговорах с напыщенными чиновниками. Не хватало еще, чтобы мои друзья звали меня по полному имени.

Луций расцвел в улыбке. Ему никогда не приходилось общаться с человеком старше себя как со своим сверстником, да что там общаться — даже просто по-дружески его называть. К тому же его собеседник был из сословия всадников и состоял на сенаторской службе. А если бы Луций еще хотя бы догадывался, что Марк лично знает самого императора, его восторгу и вовсе не было бы предела.

— Так что ты хотел мне сказать?

— Прости нас, но сейчас слишком много работы: мы помогаем нашим родителям продавать урожай, собранный за сезон. А о службе в армии, похоже, придется забыть. Отец так и не смог достать рекомендательных писем, а без них нам не видать службы как своих ушей. С прошлым отца и его товарищей нас вряд ли возьмут даже во вспомогательные войска. Так что придется учиться продавать зерно и оливки, да ковыряться в земле вместо того, чтобы стремиться к славе Геракла или Ахиллеса, — ответил Луций, и в его глазах заблестела юношеская обида.

— Так ты здесь помогаешь своему отцу торговать?

— Угу, — тихо кивнул Луций.

— А что вы продаете?

— Зерно и оливки. А еще у отца есть свой виноградник, и он утверждает, что его вино — лучшее в этих краях. Но, к большому сожалению, покупателей на него нет. Отец с друзьями уже третий день стоят со своим товаром на пристани Эмпбриуме у подножия Авентинского холма. Я с ног сбился, бегая с друзьями в поисках покупателей, чтобы поскорее покинуть это место, от которого нас уже тошнит, но все безуспешно. Торговля мелким товаром — разве это дело для настоящего римлянина и мужчины? Неужели мне так и придется заниматься этим всю свою жизнь и прожить ее, как мой отец, который опустил руки и не хочет даже обучить меня военному делу? А ведь он был воином... Вот что сейчас стало с ним?! Второй день они пьют вино, которое привезли на продажу, и уже забыли, наверное, зачем они тут. Хорошо еще, хоть Леонид меняет товар на шкуры и орудия для земледелия! Почему некоторым все, а другим ничего?! Почему Клементий так удачно родился и живет в семье богатого сенатора, а я загниваю здесь, на этом поганом рынке, среди мерзких торгашей?! — с какой-то холодной ненавистью выплеснул свою обиду Луций. Марк и Александр переглянулись, после чего Марк произнес:

— Послушай, Александр, ты же только что говорил мне, что планируешь закупить вино, хлеб и оливки для своего хозяйства. Так зачем что-то искать? Не лучше ли поинтересоваться товаром у отца Луция? Я думаю, после того, сколько они проторчали здесь, он даст тебе хорошую цену.

— В принципе, мне нет разницы, где покупать продукты. Если они действительно хороши, я могу приобрести их и у него, — невозмутимо развел руками Александр, показывая всем своим видом, что готов к сделке.

— Ну, так что ты скажешь, Луций? Ты не будешь против, если мой друг посмотрит ваш товар?

Парень от удивления раскрыл рот, после чего широко улыбнулся и, залившись ярким румянцем, удивленным, но радостным голосом произнес:

— А вы не шутите?

— Мы разве похожи на шутников? — сдвинув брови, спросил Александр.

— Нет, нет, что вы! Просто я не верю своему счастью, я уже и не надеялся, что хоть кто-то хоть что-нибудь у нас купит... Просто... Понимаете... — нервно, не находя слов от радости, начал щебетать Луций, но его перебил Александр:

— Подожди, не тараторь. Мне нужно еще успеть на скотный двор. Давай лучше по дороге поговорим.

Луций с готовностью кивнул головой. Все трое направились вдоль реки Тибр по мощеной многолюдной улице в сторону, где торговали животными. Вскоре они вышли на большую площадь, которая раскинулась у набережной. Повсюду теснились овощные лавки. Торговцы наперебой предлагали оливки, капусту, лук, чеснок, виноград, сливы, каштаны. Пробившись через толпу, заполнявшую площадь, Луций и его спутники выбрались, наконец, к Эмилиеву мосту. Перейдя по нему реку, они вскоре добрались до скотного двора, посреди которого стоял на возвышенности бронзовый бык.

Повсюду слышалось мычание, бляенье и хрюканье многочисленного скота, пригнанного сюда на продажу и на забой. Рядом с загонами стояли покупатели. Продавцы выводили к ним животных, раскрывали им пасти, давали ощупывать бока, всячески доказывая, что товар здоров и покладист. Многие выбирали скотину для жертвоприношений. Такие покупатели отличались особой придирчивостью, поскольку жертвенное животное должно было соответствовать целому ряду критериев.

— Для чего мы здесь? — поинтересовался Луций у Марка.

— Александр хочет преподнести в дар своему хорошему приятелю животное, чтобы тот принес его в жертву. Хотя по мне жертвоприношение не имеет никакого смысла. Пустая трата времени, какое-то варварское занятие, недостойное человека.

— Почему? — изумленно произнес Луций.

— Понимаешь, Луций, я бы объяснил тебе свою точку зрения, но для этого нужно время и подходящее место, коим скотный двор никак не является. Но я постараюсь изложить тебе свои взгляды, когда ты посетишь мое имение, если, конечно, тебе это будет еще интересно.

Александр подошел к загону, где находились животные, предназначенные для жертвоприношений. Он тщательно осмотрел весь предложенный продавцом товар и, неожиданно для Луция, выбрал самого черного и, по мнению парня, страшного козла, после чего расплатился с торговцем и приказал доставить покупку в дом сенатора Силана.

— Разве у этого уважаемого человека есть родственники, находящиеся на смертном одре? — изумленно поинтересовался продавец. Черного козла приносили в жертву богу загробного мира для того, чтобы искупить грехи умирающего, а потому, услышав, кому предназначается животное, торговец очень удивился.

— Вы правы, в доме сенатора Тацита Юния Силана и впрямь есть умирающий. Это сам Силан. Боюсь, он не переживет этой ночи. Поэтому постарайтесь доставить животное до вечера. Мы ему многим обязаны, и я не мог отказать приятелю в этой последней просьбе.

Александр обернулся к Луцию и, не обращая никакого внимания на изумленного продавца, произнес:

- Ну вот, теперь я свободен, и мы можем заняться товарами твоего отца. Что ж, веди нас. Посмотрим, что вы привезли на продажу.

После этих слов они пошли туда, где торговал Корнелий со своими друзьями. Миновав несколько кварталов, они вышли на Велабрум. Здесь располагались мастерские кожевников, плотников, гончаров и других ремесленников, которые тут же продавали свои изделия. Везде ходили водоносы и лотошники, торгующие различным съестным товаром. Повсюду стоял людской гомон. Где-то вдалеке орал раб, расчищая дорогу носилкам своей госпожи. Кто-то, матерясь и сквернословя, понося всех и вся, во весь голос кричал о том, что его обокрали. И вот уже в переулке толпа поймала вора, которого от неминуемой расправы спасли вовремя подоспевшие солдаты, следившие за порядком. Везде громко бранились, бились об заклад, клялись, торговались, покупали и продавали. Марк свысока смотрел на происходящее. Обратившись к Луцию, он произнес:

— Посмотри на это человеческое скопище, Луций. Как такой сброд можно называть людьми? Нет занятия более презренного и недостойного свободного человека, чем ремесло и мелкая торговля! Настоящий мужчина должен проявлять себя в ратном деле и брать себе то, что захочет, силой, а не торговаться, словно старые женщины. Торгаш не знает чувства чести, он продаст даже мать, если ему предложат за нее хорошую цену. В твоих глазах я вижу силу и стремление к большему, нежели участь земледельца или продавца. Я вижу, как брезгливо ты смотришь на этих людей, непрерывно галдящих и ругающихся из-за мелочного заработка. Я чувствую, что ты не хочешь прожить свою жизнь так, как они. Я сразу узнаю тех, в чьем сердце горит пламя. В твоих жилах, Луций, течет кровь воина, а не торговца.

Луций слушал Марка и внимал его голосу, который, словно прекрасная музыка, проникал куда-то в глубину его души и там раздавался сильными барабанными ударами, от которых закладывало уши и по всему телу разбегались мурашки. Разум подсказывал ему, что Марк вроде бы и не прав, ведь отец учил его другому, но сердце юноши рвалось к этому едва знакомому человеку. Пересилив себя, Луций все же возразил:

— Мой отец считает иначе. Он всегда говорит, что любое занятие достойно уважения. И его друзья думают иначе, чем вы.

— Это потому, что он уж очень сильно пытается забыть свое прошлое. Я знаю, кем был твой отец, Луций. И пускай меня привяжут к позорному столбу на форуме, если я признаю его торговцем или земледельцем. Он воин, Луций. Очень хороший воин, и поэтому ему не дано продавать товары на рынке. Воин должен воевать, а не бежать от своей судьбы, — ответил нравоучительно Марк. — Если ты хочешь чего-то достичь в Риме, ты должен быть хорошим полководцем. Твоего отца незаслуженно отодвинули на задний план, и это несправедливо. Может быть, когда ты вырастешь, ты сможешь отомстить тем, кто это сделал. А ремесло, торговлю и земледелие, Луций, следует предоставить рабам.

— Я бы многое отдал за то, чтобы доказать всем, что поражение в этой проклятой Германии не было виной тех, кто остался в живых. Мой отец — герой! А об него вытирают ноги! — злобно сжав кулаки, со слезами на глазах прошипел Луций. Посмотрев на парня, Марк и Александр улыбнулись, и Марк произнес:

— Все начинается с мечты, мой друг. Если у человека есть мечта, он ее обязательно исполнит. А я постараюсь помочь тебе в твоём стремлении.

Разговаривая, они вскоре подошли к месту, где торговал Корнелий со своими товарищами. Александр и Марк обнаружили их за планомерным уничтожением привезенного на продажу вина. Здесь же были и друзья Луция. Как объяснил Ромул, их отцы начали гулять уже с раннего утра, ссылаясь на то, что все равно товар не расходуется. Луций,

стесняясь вида своего отца, кое-как оторвал его от игры в кости и разъяснил, что к нему пришли покупатели, которые хотят забрать весь товар. Корнелий еле встал, затем, пошатнувшись, подошел к Марку и Александру. Дыхнув на них перегаром, он произнес:

— Выбирайте! Товар отменный!

Кристиан и Ливерий в один голос стали подтверждать, что продукты, действительно, хороши и, поднеся потенциальным покупателям чашу с вином, пытались навязать им ее для пробы. Луций и его друзья, сбившись в кучу и опустив глаза, наблюдали за постыдным поведением своих родителей, которые не умеючи и неуклюже, да еще и спьяну, пытались что-нибудь продать. Но, как и говорил Корнелий, товар и впрямь был отменный, а вовремя подоспевший Леонид оформил все должным образом, и потому Александр, оставшийся довольным сделкой, удалился с ним для дальнейшего обсуждения дел. Кристиан и Ливерий, радуясь тому, что наконец-то все продано и можно отправляться домой, принялись собирать пожитки и запрягать лошадей в путь.

— Сын вас привел? — вытирая испарину со лба и пошатываясь, проговорил Корнелий, глядя на Марка. Тот, хитро щурясь, с улыбкой, кивнул в ответ головой.

— Меня зовут Марк, — протягивая руку Корнелию, представился он.

Корнелий смерил взглядом собеседника и, обратив внимание на пурпурную полосу на его одежде, протянул руку со словами:

— Сенатор?! Мое почтение. Не многие в последнее время протягивают мне руку, а уж из вашего-то сословия и подавно. Чем обязан такой честью?

— Ну, не многие и знают вас так, как я.

Корнелий, не отпуская руки, пристально посмотрел в глаза Марку, силясь понять, что тот имеет в виду.

— Дементий, — произнес Марк и, видя, что это имя еще больше озадачило собеседника, добавил: — Он служил под твоим руководством в Германии.

— Дементий? Ну, конечно, я помню его. Но причем здесь он? — отпуская руку сенатора, ответил Корнелий.

— Это мой дальний родственник, он отзывался о вас с большим уважением. И он поведал мне обо всем, что произошло в том злополучном лесу и что вы сделали для солдат в целом и для него в частности.

— Да, прошло много времени. Много воды утекло. Как он?

— К сожалению, он умер, лихорадка не дала ему шанса. Я привез к нему лучших врачей, но было уже поздно. На смертном одре он вспоминал о вашем подвиге и просил по возможности помочь вам. Но все как-то, если честно, не было времени, пока случай не свел меня с вашим сыном.

— Да, жаль, хороший был человек, — качая головой, ответил Корнелий. — Время и болезни не щадят никого, кроме богов. А я-то думаю, откуда мне так знакомо ваше имя, словно я его где-то уже слышал?

— Конечно, скорее всего, в разговорах он упоминал обо мне, в то время я как раз помог ему перевестись в Германию. Думал, служба там поспособствует его продвижению по карьере. Но, к сожалению, все обернулось не так, как я рассчитывал. Кто ж знал, что этот самонадеянный болван Вар так опозорится и погубит столько людей?

— Да, все получилось не так, как мы хотели, — с грустью ответил Корнелий.

— Может, зайдём в таверну? Здесь неподалеку есть одно место, вполне приличное. Я угощаю.

Корнелий обернулся к друзьям и махнул рукой, давая понять, чтобы те его не ждали. Затем он обратился к сыну и строго проговорил:

— Бери остальных, и ступайте, помогите Леониду с отправкой товара. И скажи ему, пусть проследит, чтобы все было сделано, как положено, я не хочу краснеть перед людьми!

Проследив, что все его распоряжения начали выполняться, Корнелий отправился с Марком. Они прошли несколько дворов и, свернув в переулок, оказались в достаточно большой таверне. Марк и тут оказался прав: таверна была явно не для бедняков и всякого сброда, которому продавали только скисшее вино да оливки в уксусе. Корнелий уже и забыл о том, что есть такие заведения, где столы не липкие от грязи, полы не загажены и мухи не ползают по упившимся в хлам посетителям, от которых несет дешевой брагой. Здесь же яркий солнечный свет, проникая через многочисленные окна, освещал огромный, заполненный хорошо одетыми людьми зал. Стены были облицованы разноцветным мрамором и покрыты красивой росписью. Марк практически втолкнул внутрь растерянного Корнелия, который буквально на глазах протрезвел и, стесняясь своего скромного вида, как-то неловко сел за стол, на который ему указал его новый приятель. Им тут же принесли кувшин с вином, жареного гуся, сыр, фрукты, свежеиспеченный хлеб.

— Ну, за знакомство и за удачную сделку! — разливая по чашам хмельной напиток, провозгласил тост Марк.

— Да, уж. За сделку! Если бы сын не привел вас, мы бы, наверное, вряд ли что продали. Представляешь, мы привезли сюда отличный товар, — тяжело вздохнув и сделав глоток вина, продолжил Корнелий. — Хорошее вино, зерно, оливки, да и другое. Мы весь сезон работали, словно мулы: пахали землю и следили за садом и огородом. Слава богу, год был удачный, и боги даровали прекрасный урожай. И вот мы привезли его сюда, заплатили огромные пошлины за право торговать на рынке. И что? Ведь ты же сам видел, какие у нас оливки и зерно, какого они высокого качества! Так нет же, рядом с нами стоял еще один торговец, у которого товар был куда хуже, но купили у него сразу и все! И зачем только я послушал советов Ливерия и Кристиана, убеждавших меня ехать продавать все выращенное лично. Нужно было отдать продукты перекупщикам. Да, заработали бы не так много, зато быстро и наверняка. Но нет, они настояли на том, что торговать через посредников невыгодно. Они, мол, никогда не дадут настоящую цену. А что в итоге? Потеряли тут столько времени! Представляешь?! Вот уже три дня, как мы выгрузили свой товар на рыночной площади. Три дня мы ничего не могли продать!

— Но боги улыбнулись тебе. По-моему, мой приятель Александр приобрел у тебя отличный товар и остался доволен. Насколько мне известно, он не торговался с тобой, хотя мог урезать твою цену вдвое. Ты ведь был уже готов к этому.

— Конечно, был готов! Не могли же мы сидеть здесь целый год и распродавать товары поштучно, как какие-то лотошники. В конце концов, я не торговец! — ударив со всей силы по столу кулаком, проорал изрядно поднабравшийся Корнелий.

— Тихе, тихе, — успокаивающим голосом произнес Марк. — Я знаю, что ты не торговец и что не стоило тебе вообще заниматься этим.

— Тебе хорошо говорить! У тебя теперь и рабов не счесть, и земля, и власть, и сенаторская должность! — приподнимаясь со скамьи, со злобой говорил Корнелий. А я недавно ходил к одному сенатору — он мне другом был, росли вместе! Сына хотел пристроить в армию. Чтобы не как я, чтобы лучше жил! Думаешь, принял?! Вот он меня принял! — показывая Марку неприличный жест рукой, снова выкрикнул Корнелий. Весь

день я проторчал у его порога. И к другим тоже ходил, но все бесполезно, — успокоившись и сев на место, продолжил он. — А ведь я не за милостыней ходил, да и подачек не нужно мне было. Вон, за сына и за детей друзей просить хотел. Эх, Силан, Силан... Да я бы все отдал за то, чтобы жизнь моего сына изменилась. Ну да ладно. Все, что нас не убивает, делает только сильнее.

— Силан при смерти, — сухо ответил Марк. — Он не переживет сегодняшней ночи.

— Как при смерти? — поднимая глаза на собеседника, тихо, почти шепотом произнес Корнелий. — Но ведь его раб ответил мне, что он занят.

— А что, по-твоему, должен был ответить тебе его раб?

— Откуда ты знаешь, что он умирает?

— Ты же сам сказал, что у меня есть власть, деньги и все остальное. Поэтому я и знаю.

— А я-то подумал...

— Неверно ты подумал, Корнелий, неверно. Вот, — доставая свертки грамот, продолжил он.

— Что это? — непонимающе глядя на папирусы и не вполне осознавая, что происходит, спросил Корнелий.

— То, за чем ты приходил к сенатору, и то, зачем ты обивал пороги разных инстанций. Это рекомендательные письма, подписанные не только Силаном, но и племянником императора Германиком, а также еще десятком уважаемых и могущественных людей Рима. С этими грамотами твой сын и его друзья могут вступить в любой легион империи. Мало того, они будут служить вместе. Как ты говорил? Ты бы все отдал за то, чтобы жизнь твоего сына изменилась? Я запомнил твои слова Корнелий. Я даю тебе то, о чем ты и мечтать не мог. Но у меня одно условие.

— Какое? — еле сглотнув слюну, с пересохшим от волнения горлом спросил Корнелий.

— Не запрещай своему сыну общаться со мной. Я не смог помочь тебе, так помогу ему. В память о своем умершем родственнике. Ты сам понимаешь, что у меня большие связи и я могу дать ему то, чего никогда не дашь ты.

— Хорошо.

— Поклянись.

— Клянусь всем, что у меня есть! — всматриваясь в подписи на письмах, произнес Корнелий.

— Все мне не нужно, — улыбнувшись, ответил Марк.

— Век тебя помнить буду!

— Выпьем. За нашу встречу, за удачную сделку, за день, который начался как обычно, а заканчивается для каждого из нас маленькой победой, — они подняли бокалы и осушили их до дна. В голове Корнелия помутнело, все поплыло у него перед глазами, и он, уткнувшись в сложенные на столе руки, забылся пьяным сном. Марк пристально посмотрел на него, затем обернулся. Позади стоял Сципион.

— Распорядись, чтобы его доставили домой, и проследи, чтобы он довез грамоты до места.

Затем Марк встал и, подойдя к бесчувственному телу Корнелия, произнес:

— Да, век помнить будешь. Это я тебе обещаю, — затем он снова повернулся к Сципиону и добавил: — Не заставляй Силана долго ждать. Александр уже направил ему подарок, так что не разочаруй старика. Мне он больше не интересен. По городу поползли слухи о том, что он при смерти. Зачем же расстраивать стервятников, которые хотят

погулять на поминках такого знатного человека? Падок род людской на халяву. Был падок и будет.

Тацит Юний Силан неспешной походкой шел по своему имению в пригороде Рима. Он уехал сюда, чтобы забыть о том, что произошло в сенате. О том, что его друзья казнены из-за его клеветы. О том, что в каменном городе, пропитанном лестью и завистью, подхалимством и ложью, остался этот проклятый Марк. Сенатор прогуливался по аллее. Рядом, словно преданный пес, пытаюсь держаться на расстоянии, но быть в постоянной досягаемости, следовал надсмотрщик имения. Силан неторопливо шагал и размышлял о том, что сегодня к нему попросился в арендаторы земледелец со своей семьей, которого согнали с собственной земли, чтобы отдать ее ветеранам. И сенатор решил приютить беднягу, тем более что лишние руки никогда не помешают в работе. А за это маленькое добро земледелец будет ему благодарен вечно. С арендаторами-колонами меньше хлопот, чем с рабами. Эти люди сами заинтересованы в том, чтобы беречь инвентарь и скотину, получать хороший урожай, лучше обрабатывать землю. Тогда увеличится и их прибыль, и прибыль самого Силана. А раб — та же скотина, что с него возьмешь? Разве им есть дело до хозяйского добра? Вот опять надсмотрщик сообщил, что невольники испортили дорогой испанский пресс для винограда, не говоря уже об обычном инструменте, который они ломали постоянно. Нет, нужно с ними что-то решать. Может, поделить небольшой участок земли на наделы и раздать их для обработки рабам за часть урожая? А что? Раб получит землю, хижину, кое-какое имущество, а в дальнейшем ему можно позволить обзавестись семьей. Такому невольнику будет выгодно следить за хозяйством и приумножать свое добро. Он не станет портить врученный ему инвентарь, а вместо того будет старательно работать на своего господина — так, как не заставили бы его ни плети, ни железные колодки, ни темный сырой подвал. Можно сначала опробовать этот план на нескольких самых смысленных рабах — их, наверняка, сможет посоветовать надсмотрщик. Если дело пойдет хорошо, ничто не мешает дать им самим по собственному рабу в помощь. И почему эти мысли не пришли ему в голову раньше? Анализируя их, Силан незаметно для себя остановился и, почесывая подбородок, устремил свой взгляд куда-то высоко в небо.

Затем он снова посмотрел на надсмотрщика, который, улыбаясь и заискивая, что-то говорил ему. Что именно, сенатор не слышал — настолько он был погружен в свои мысли. Ради приличия он кивнул слуге, и они пошли дальше. Силан вновь строил планы. После пережитого позора и унижения, доставленного ему Марком, силы вновь вернулись к нему. Он верил в то, что, закончив дела здесь, вернется в Рим и возьмет реванш, поставив на место этого наглеца. Император наверняка спросит его мнение о новом подразделении, и Силан уже знал, что ответит ему. Да и надежда на то, что во главе этой силы встанет его сын, у него сохранялась: кому как не Клементию командовать легионом? Марк думает, что приручил его, хитрого лиса, великого Силана. Но нет: были в его судьбе испытания и серьезнее, но и их он преодолевал. Жизнь не заканчивается на том, что человек уперся в стену. Стена ломается под ударами молота. А если что-то с ним и случится, его дело продолжит сын. Завещание давно составлено, а в него вписаны ценные советы и подробные наказания единственному наследнику огромного senatorского богатства. Обо всем этом думал Силан, прогуливаясь по своему имению.

Проходя мимо старых и преданных рабов, он перекинулся парой шуток с некоторыми из наиболее пожилых, позволил им высказать свое мнение о предстоящих работах и даже дать ему кое-какие советы. Сам же он заботливо поинтересовался их здоровьем и самочувствием.

Такой вольности рабам, которые работают у него в Риме, он не позволит никогда, но этих работяг нужно поощрять, а иногда даже беречь, чтобы лучше старались. В последнюю очередь Силан осмотрел подвалы, где, закованные в цепи, томились невольники, сломавшие недавно купленный пресс. Убедившись в том, что с ними не церемонятся, сенатор отправился на любимую веранду. День шел к закату. Последними, кто его побеспокоил, были его арендаторы-колоны, которые время от времени приходили к нему на поклон. Они преподнесли хозяину разные подарки: снедь, мелкий скот, гончарные изделия. Кто-то попросил об отсрочке платежей, другие представили на суд хозяина взаимные распри. Разговаривая с ними, сенатор думал о том, как он скоро вернется в Рим и начнет вершить свою месть над Марком. Он, Силан, заставит его плясать под свою дудку. Первым делом он убедит в его никчемности императора, затем подкупит сенаторов, чтобы те доносили на его обидчика. Но сначала нужно прикинуться послушным глупцом и поставить сына во главе легиона. Главное, не спугнуть этого змея:

«Пускай он думает, что я покорился ему. А то вдруг он решит убрать меня? Вдруг я ему больше не нужен? Нет, нет, прочь дурные мысли! Если бы он хотел избавиться от меня, то сделал бы это сразу. Зачем оставлять врага в живых так долго? А если я еще жив, значит, я ему нужен. Значит, еще не все потеряно. А потом...»

Потом его мысли унеслись куда-то далеко, в мечты о триумфе его сына, ставшего практически вторым человеком в империи и снискавшего всеобщее обожание. Веки сенатора опустились, и он уснул прямо на своем ложе, где принимал пришедших к нему людей.

И вот ему снится, как он идет по своей вилле. Рядом услужливый надсмотрщик поспешно показывает ему все то, что произошло в его отсутствие. Затем он видит, как его сын едет во главе триумфального парада на белоснежной колеснице, запряженной такими же белоснежными породистыми лошадьми. Их сбруя украшена золотом, под их копытами мостовая, усыпанная лепестками роз. Глашатаи трубят в медные трубы, люди ликуют. Остановившись у храма Юпитера, сын сходит с колесницы и, шагая по ступеням, направляется к самому императору. Но чем выше он старается подняться, тем длиннее становится перед ним лестница. Он устал и вспотел. Измученный, он все еще идет, но так и не может добраться до цели. Там, наверху, император ждет его с распростертыми объятиями, а он, вконец обессиленный, уже не идет, а ползет к нему по нескончаемым ступеням. И тут из-за спины Тиберия выходит Марк. Он улыбается и пристально смотрит на измученного сына Силана. И в тот же момент мраморные ступени начинают превращаться в песок, который тут же развеивает ветер. Клементий, видя это, вскакивает с колен и бросается наверх, но не успевает. Песчаная пыль исчезает из-под его ног, и он с криком падает в темную пустоту небытия.

Силан вздрогнул и открыл глаза. На улице стемнело. Он услышал, как один из его рабов почти шепотом, дрожащим голосом позвал его. Повернувшись на голос, сенатор увидел рядом с ложем слугу, бормотавшего себе под нос что-то малопонятное.

— Что ты там бурчишь?! — еще не придя в себя ото сна, спросил Силан.

— Хозяин, — испуганно ответил раб. — Хозяин, кто-то прислал вам...

— Что прислал?! Кто прислал?! Ну! Чего же ты застыл?! Отвечай! — поднимаясь с своего места, разозлился Силан.

— Вам прислали черного козла, — вжав голову в плечи, еле слышно проговорил раб.

— Что-о-о?! Кто посмел?! — багровея от ярости, заорал хозяин.

— Сказали, некий Александр. Человек, который привел козла, утверждал, что вы тяжело больны, поэтому жертвенное животное доставили в спешке напрямик из Рима.

— Я никому не сообщал о том, что отправляюсь сюда! Даже своей жене! Пошел прочь! И избавь меня от этой скотины! Убирайся!

Раб сгорбился и, пятась задом, вскоре исчез. Силан трясся всем телом от злости, обуявшей его из-за невиданной наглости этого поступка, и перебирал в голове всех знакомых и не очень людей, силясь вспомнить, кто такой Александр. Что это за подлец, который смог выкинуть такое? Кулаки сенатора сжимались, его лицо подергивалось. Он нервно ходил взад и вперед, терзая себя мыслью о том, кто смог прознать про то, что он здесь? После выступления в сенате, после того, как он предал Терентия и остальных, все в его мироощущении изменилось. Ему почему-то казалось, что он больше не великий Силан, вершитель судеб, которого боялся и уважал весь Рим, а простой шут, над которым смеются прямо в глаза. Вот и сейчас какой-то Александр унизил его, прислав к нему, живому и здравствующему, похоронное жертвенное животное. Не исключено, что имя вымышленное. Наверное, это те, кто сочувствовал Терентию, теперь мстят ему за предательство!

Так размышлял Силан, нервно расхаживая по веранде и не находя себе места. Власть, уважение и страх перед ним куда-то пропали. Все было не так, как раньше. Он ощущал это буквально кожей. Сенатор подошел к столу, налил в чашу вина и хотел было выпить, как почувствовал на себе чей-то холодный, неживой взгляд, будто пронзающий спину. Вдруг порыв ледяного ветра неожиданно поднял с земли опавшую листву и мгновением позже так же неожиданно стих. Воцарилась неправдоподобная, мертвая тишина, в которой не было слышно ни шороха. Силан медленно и осторожно поставил чашу на стол, но она коснулась поверхности с таким грохотом, отраженным металлическим эхом, будто ее с силой бросили. Тяжело дыша, Силан обернулся, его глаза расширились. Бледнея от увиденного, он отшатнулся назад, нащупывая за собой стол, но неловко споткнулся и упал навзничь. С каменным выражением лица на него смотрел Сципион, неподвижно стоявший рядом. Сенатор быстро поднялся и попытался позвать на помощь, но мог лишь, как рыба, открывать рот, не издавая ни звука. В ужасе он снова попятился назад, ощупывая горло руками и выкатив на Сципиона безумные глаза.

— Это бесполезно. Не пытайся звать на помощь — тебя все равно никто не услышит.

Сципион быстро подошел к Силану и с силой толкнул его так, что тот рухнул на землю. Сенатор попытался подняться, но Сципион решительно прижал его ногой к земле. Силану стало трудно дышать, он попробовал освободиться, но безуспешно. На миг ему показалось, что на его груди лежит тяжелая гранитная плита.

— Зря ты отказался от подарка, старый упрямец! Глядишь, твои боги отпустили бы тебе грехи. А я знаю, что их у тебя ой как много, — усмехаясь и глядя сверху вниз на Силана, проговорил Сципион.

Сенатор, словно червь, извивался под его ногой, а он все сильнее и сильнее давил на грудь старика, пока тот не дернулся последний раз и не перестал дышать.

Силан был одет в пурпурную тогу, а его голову украшал венок, полученный некогда от императора Августа за доблестную службу и верность Риму. Тело сенатора покоилось на роскошном ложе, отделанном резной слоновой костью и покрытом дорогой материей. Его сын Клементий горько рыдал у ног отца. Рядом стояла убитая горем жена покойного. Неподалеку от тела на маленьком алтаре курились благовония. Рабы прикрыли двери в дом занавесками цвета темной морской воды, а у входа повесили большую ветку кипариса, возвещавшую о семейном горе. Через некоторое время сюда, чтобы проститься с Силаном, пришли люди, которые знали его и работали вместе с ним. Отодвигая занавески, со скорбным лицом, устремив в пол чуть прикрытые глаза, мимо всех собравшихся к телу подошел Марк. За ним, словно тень, проследовал Сципион. Вскоре ложе с Силаном перенесли ближе к выходу и поставили так, чтобы его изножье оказалось со стороны дверей. Марк, приобняв вдову, произнес:

— Твой муж был хорошим человеком, мы все скорбим о нем. Нет слов, чтобы передать, как я опечален его смертью. Единственное, что я могу для вас сделать, это взять все ритуальные расходы на себя. Я уже послал в храм за первосвященником и рабами. Они скоро придут и подготовят тело к прощанию.

— Почему судьба так несправедлива? Почему мой отец умер? — всхлипывал Клементий.

— Не переживай так: твой отец — хороший человек, и теперь он находится в лучшем мире. Смерть всегда приходит неожиданно — такова воля богов. Да, кстати, два дня назад Силан приходил ко мне на разговор и передал мне это, — произнес Марк, протягивая матери Клементия грамоту, скрепленную печатью. — Он оставил мне этот документ на хранение, так как боялся, что его могут выкрасть сторонники Терентия. Сказал, что в нем изложены его мысли о создании нового войска для императора Тиберия, и упомянул, что составил завещание и прописал в нем все, что должны будут сделать его родственники, если с ним что-то случится. Я тогда рассмеялся над этими словами, сказав, что ему рано думать о смерти. Ах, как я тогда ошибался, как ошибался, — качая головой, со скорбным видом говорил Марк.

После того, как первосвященник совершил ритуал и тело было подготовлено к выносу, все ближайшие родственники и друзья еще раз попрощались с умершим.

Его подняли и понесли за город, где был сооружен похоронный костер. Процессию возглавляли глашатаи:

— Силан скончался, — кричали они в соответствии с традицией. — Если кто хочет присутствовать на его похоронах, то уже пора. Перед сожжением будут устроены игры, а после — поминальный обед!

За покойником несли несколько других погребальных носилок с атрибутами всех должностей, которые занимал Силан при жизни. Далее следовали родственники и друзья, по дороге к ним присоединялись простые жители, мечтавшие развлечься уготованным для них зрелищем. Им было все равно, кого хоронить, лишь бы весело провести время на поминках.

Сожжение предварялось убийством жертвенных животных и боями гладиаторов, которых привез Александр. Победителем в них стал странный раб с телом, словно вытесанным из гранита, русыми волосами и голубыми, как небо, глазами по имени Ратибор. Видимо, Александр все же нашел подход к этому русичу. Но все со стороны покойного были слишком заняты похоронами, чтобы обратить на него внимание, а простолюдинам было не до него: они больше интересовались подготовленным для них угощением. Впрочем, восхищенные крики и удивленные возгласы, то и дело разносившиеся в толпе во время сражений на арене, свидетельствовали о том, что этот раб был превосходным воином.

Когда все ритуалы были завершены, а жертвенные животные убиты, участники погребальной процессии выстроились вокруг костра. Жрец подал горящие факелы Марку и Клементию, затем самым близким родственникам, которые одновременно поднесли их к костру, отвернувшись и пряча лица от огня. Раздался треск сухих поленьев, и вскоре черные клубы дыма поднялись в воздух. Повсюду раздавался плач и слышались горестные вопли, которые смешивались в душном воздухе со скорбными песнопениями и звуками труб. Марк, словно замороженный, смотрел на то, как пламя пожирает его противника без остатка. Затем он тихо произнес, обращаясь к стоящему за его спиной Сципиону:

- Ну, вот и все. Последнее препятствие устранено, теперь нужно заняться Луцием и Клементием. Они должны возненавидеть друг друга лютой ненавистью — только тогда Луций станет способен на поступки, ужаснее которых люди еще не знали. Его имя будут произносить шепотом, одно его присутствие будет повергать в трепет, им будут пугать на ночь непослушных детей. Теперь, когда Клементий прочтет завещание, он возненавидит семью Луция еще больше. Ни о каком примирении не будет и речи. Моя сила постепенно возвращается ко мне, и скоро, совсем скоро я стану прежним. А пока будем действовать так, как задумано.

— Как скажете, повелитель, — ответил Сципион.

Корнелий открыл глаза. Дневной свет приносил ему боль, голова раскалывалась. Повернувшись на бок, он увидел на тумбочке рядом с кроватью кувшин, дрожащей рукой налил в чашу его содержимое и, прикрыв глаза, жадно выпил, после чего поморщился, отставил чашу и, протерев губы рукой, недовольно произнес:

— Вот же, Леонид, не мог оставить вина... Молоком голову не обманешь, — Корнелий снова уткнулся в подушку, но тут же резко вскочил, словно ошпаренный, ощупал себя и побежал вниз. Не найдя никого там, он вылетел во двор с криком:

— Леонид! Леонид!

На его голос сбежались рабочие и стали беспокоенно засыпать его вопросами:

— Что случилось? Что произошло?

Вскоре появился и сам Леонид. Не понимая, что стряслось, он удивленно смотрел на Корнелия, который при виде его немного успокоился.

— Что? Что случилось?! — подходя к хозяину, поинтересовался он.

— Письма! Рекомендательные письма! Где они?! Я не могу их найти!

— Фу-у-у, напугали! — облегченно выдыхая, произнес Леонид и тут же продолжил: — Да, на рынок вас пускать больше не стоит. Из вас торговец как из меня воин. Хорошо еще, что вас привел Абигор. Если бы не он, вы бы сами и до дома-то не добрались. Видно, хорошо вы отметили продажу товара. А грамоты вы мне отдали, я их спрятал.

— Слава богам! — присаживаясь на ступени веранды, облегченно произнес Корнелий и

покачал головой.

— Все, идите работайте, — разгоняя собравшихся, сказал Леонид и сел рядом с ним.

— Мог бы и вина налить.

— Нет уж, хватит: у нас дел невпроворот.

— Бухтишь, как жена!

— А как не бухтеть? Хватит и того, что я без присмотра оставил вас на рынке с вашими-то друзьями! Спасибо Луцию, а то бы вас там ободрали, как липку, да прогнали бы ни с чем восвояси. Вместо того чтобы торговать, вы, вон, вино поглощали, а пацаны между тем с ног сбились в поисках покупателей.

— Тыр-тыр-тыр! Все, хорош, понял уже! Виноват, исправлюсь! Как баба раскудахтался! А кто меня привел, ты говоришь?

— Абигор.

— Имя странное, да и что-то не припомню я его...

— Он сказал, что служит у Марка. По всей видимости, телохранитель его. Станный какой-то: почти все время молчал, потом вас оставил и ушел. Сказал только, чтобы я у вас про письма спросил, и все.

— Вот убей меня, не помню, как он меня вел. Как хоть выглядит? Если встречу, спасибо скажу.

— Выглядит? Ну, как? Как человек выглядит.

— Понятное дело, как человек! Не свинья же меня до дома дотащила!

— Вы в таком состоянии были, что и свинье бы доверились...

— Так, так, хватит! Я тебя понял. Забыли.

— Он в плаще был, в военной одежде. Да я и не присматривался, а под капюшоном лица практически не видно было. Если б знал...

— Да ладно тебе, брось. Может, встретимся когда, тогда и отблагодарю. Ты, если Ливерий и Кристиан придут, проводи их в комнату. Я у себя буду. Отдохну, а то что-то голова болит.

— Вина не дам! — крикнул вслед уходящему Корнелию Леонид.

— Ага, мы тогда за столом с молочком посидим! — не поворачиваясь, ответил Корнелий.

— Все равно не дам, — поднимаясь со ступеней, произнес скорее для себя, нежели для хозяина Леонид.

Луций, Ромул, Понтий и Мартин шли в сопровождении слуги Марка, который пришел за ними еще утром. Леонид, хотя и с опаской, но все же отпустил их. Большой, полный человек шагал впереди мальчишек, переваливаясь с ноги на ногу и тяжело дыша. Одет он был явно не как раб: туника из дорогой ткани, пальцы украшены перстнями, пряжки на обуви и те золотые. Звали его Асмодей. Он шел торопливо и то и дело подгонял отстававших парней:

— Ну, быстрее же, господа, быстрее. Нас уже ждут.

Юноши не переставали поражаться отношению к ним со стороны Марка. Им начинало казаться, будто они ему ровня, будто тоже принадлежат к знатному роду, как и он. Они долго спорили, почему Асмодей представился Леониду преданным слугой сенатора: если бы все слуги были одеты так, то как тогда должны были бы одеваться их господа? Даже сам Марк выглядел намного скромнее этого толстяка.

— Луций, а правда, что Марк дал твоему отцу рекомендательные письма? — забегая вперед, интересовался Ромул.

— Леонид сказал, что да, — с гордостью ответил Луций, принимая нарочито серьезный вид.

— Постой, а письма только на тебя или на всех? Мы-то в них упомянуты? — тут же влез в разговор Понтий.

— Письма даны на всех. Иначе зачем бы он нас всех к себе пригласил?

— И правда, зачем? — снова выбежав вперед, озадачился Ромул.

— Ну, ты интересный. Ты меч хоть раз в руках держал?

— Ну, держал.

— Все держали! А ты им сражаться умеешь? Или, быть может, хочешь, чтобы тебя в легионе ветераны гоняли как сидорову козу?! Что глаза опустил? Вот поэтому-то и идем. Марк еще на рынке упоминал о том, что Сципион научит нас сражаться, только вот я как-то тогда не верил, что мы грамоты получим. Но видишь, как он о нас позаботился. Не то что наши отцы. Моего, вон, ни к одному знатному человеку не пустили, хотя он раньше всех их знал. А Марк для нас постарался, несмотря на то, что мы ему и не родня вовсе, — гордясь этим фактом и не задумываясь ни о чем другом, по-юношески беззаботно рассуждал Луций.

— Это да! Наши отцы нас бы в земледельцы приписали! Так бы и вековали век у плуга да куч с навозом! — словно галчата, в один голос тараторили парни. В тот момент они чувствовали себя уже взрослыми и, гордясь собой, шли с высокомерно поднятыми головами, пытаясь походить на тех знатных людей, которых изредка видели в своей недолгой и небогатой на события жизни. Асмодей, спешно шагая впереди них, слушал их разговор, но, не подавая о том виду, лишь хитро шурил свои маленькие, похожие на пороссячьи, глазки, и на его толстом лице время от времени мелькала какая-то зловещая улыбка. Вскоре процессия подошла к имению Марка, которое располагалось на окраине города и стояло обособленно от других вилл, словно в изоляции. Странная тишина и спокойствие нависли над ним: ни щебета птиц, ни жужжания насекомых, ни шелеста листьев — ничего не было слышно. Когда мальчишки подошли к воротам, им вдруг стало холодно, хотя солнце было в зените, а на небе не виднелось ни облачка. Казалось, их отяжелевшие ноги отказывались приближаться к этому месту, но тут Асмодей снова произнес:

— Ну же, быстрее, господа, быстрее. Нас уже давно ждут, — и будущие легионеры вновь радостно затрусили за толстяком.

Имение Марка отвечало всем требованиям того времени. Оно не могло не радовать мальчишеских глаз, которые никогда не видели подобных вилл. Дом сенатора расположился у подножия холма, дававшего защиту от летнего зноя и холодных ветров, и уже издали поражал своей красотой. Все в нем было построено по уму: зимние спальни и столовые обращены на юг, летние — на север. Огромная и потрясающая собранием книг библиотека, в которой имелись, наверное, все записи и научные исследования того времени, выходила окнами на восток, чтобы уберечь книги, свитки, пергаменты и папирусы от сырости. Пол приемной, где хозяин обычно встречал гостей, был выложен мозаикой из египетского цветного стекла. Выполнен он был настолько искусно, что казалось, еще немного, и рисунок на нем оживет: охотники бросятся к ловушке и убьют загнанного в нее запуганного оленя. На стенах висели картины, некоторые колонны были расписаны красками. Широкий балкон для прогулок, поддерживаемый атлантами, огибал здание. На нижнем ярусе дома была расположена огромная баня, в которую всегда подавалась горячая и холодная вода. Перед

домом раскинулся потрясающий своей красотой сад. Три terrасы он спускался с холма к великолепному водопаду, воды которого наполняли большой бассейн, выложенный черным мрамором и украшенный белыми, словно снег, каменными дельфинами, испускавшими из своих спин сверкавшие на солнце струи. Деревья и кустарники, высаженные правильными аллеями, образовывали загадочный пятиконечный символ. На клумбах росли разнообразные цветы. Особенно поражали своей красотой черные, как ночь, розы, собранные в отдельную небольшую клумбу, — по всей видимости, это были любимые цветы хозяина. Неподалеку в холме зияли несколько искусственных пещер, в манящей прохладе которых можно было отдохнуть, укрывшись от летнего зноя. Извилистыми проходами они уводили куда-то далеко под землю, создавая иллюзию своей бесконечности. Рядом с пещерами раскинулся большой пруд, в котором плавали два прекрасных лебедя — черный и белый. Дальше, за оградой, начиналось поле, засеянное пшеницей и ячменем, за ним до горизонта тянулись цепью холмы, покрытые виноградниками, а чуть в стороне виднелись оливковые рощи и дубовый лес.

Все это Марк лично показал своим гостям. Парни, раскрыв рты от удивления и небывалой красоты, чувствовали себя словно в каком-то другом мире. Они даже не заметили того, что кроме них, нескольких слуг и самого Марка здесь больше никого не было: ни рабов, которые должны обслуживать всю эту красоту, ни наемных рабочих. Они одни присутствовали на всем этом огромном пространстве. Они и небывалая тишина.

После прогулки хозяин поместья провел гостей в дом и рассадил за круглым столом, уставленным всевозможными кушаньями. Асмодей и Велиал встали за спиной у Марка, Сципион отошел в тень подальше от взглядов и замер, опершись плечом на колонну. Мальчишки сидели в оцепенении, не зная, как себя повести в данной ситуации. Видя их замешательство, Марк сам начал учтивый разговор:

— Я очень рад, что вы, наконец, посетили этот скромный уголок. Надеюсь, вам понравилось мое прибежище. Конечно, я бываю здесь не очень часто, как хотел бы того. Сами понимаете: государственная служба есть государственная служба. Нужно делать многое, чтобы нашему народу жилось как можно лучше. С моими верными слугами вы уже знакомы. Велиал — лучший лекарь из всех, которых я знаю. А вот этот смешной толстяк — Асмодей — отлично ведет хозяйство и всю бухгалтерию, а также безукоризненно выполняет все мои поручения. Ну, а вашего спасителя Сципиона вам и вовсе нет нужды представлять. Не обращайте внимания на его поведение: он скромен и не любит публичности, зато воин он отменный.

Тут из соседней комнаты вышел стройный и весьма привлекательный видом юноша. Он подал Марку золотую чашу с вином и, поклонившись, ушел обратно.

— Его зовут Авера, — сделав глоток, произнес хозяин дома. — Можно сказать, это мой приемный сын. Я недавно привел его сюда, поэтому он немного диковат и пуглив. Не заостряйте на нем внимания. Вот, вроде, и все, что вам нужно знать. Еще раз благодарю вас за то, что согласились навестить меня в моей обители.

— Это вам огромное спасибо. За вашу заботу и за то, что вы сделали для нас, — краснея от смущения, проговорил Луций.

— Брось. Если ты о письмах, так это сущие пустяки. Мне не составило труда достать их. Кстати, через два года будет кампания в Германии — Тиберий уже подписал соответствующие бумаги. Возглавит ее Германик, а поскольку у вас есть право выбора любого легиона, я бы посоветовал вам идти именно под его начало. Тем более, он мой

хороший знакомый. Да и жалованье в его армии никогда не задерживают.

— Здорово, — почти в один голос выдохнули Понтий и Луций. Только Мартин и Ромул почему-то без радости восприняли эту новость.

— Но мы не знаем военного дела. Нас же должны приписать к новобранцам и обучить? Отец говорил, что солдат сначала обучают на месте, а лишь потом приписывают к легиону.

— Твой отец прав, Луций. Никто не пошлет вас сражаться, не обучив военному мастерству. Поэтому-то я и пригласил вас сюда. Сципион научит вас всему, чему нужно. За два года, которые у нас есть в запасе, вы станете настоящими воинами, с которыми немногие смогут тягаться. Уж поверьте мне! Если, конечно, вы все согласны. Правда, я чувствую, у некоторых из вас есть сомнения, не так ли? Что тебя тревожит, Мартин? Я же вижу, что ты чем-то обеспокоен.

Немного поерзав на месте, Мартин уверенно произнес:

— Не поймите меня неправильно. Я очень рад всему, что вы для нас сделали, и я очень хочу служить в армии. Но мой отец погиб, сражаясь с германцами, и теперь я глава семьи и мать надеется на меня. Конечно, в сезон пахоты и сбора урожая нам помогают друзья отца, за что я буду всю жизнь им благодарен. Без них мы бы давно пошли по миру. Но если я оставлю мать и братьев, свалив весь труд на них, разве это будет правильно?

— Я понял тебя, Мартин. Ты молодец, что думаешь о семье, а не только о своем будущем. Твой отец гордился бы тобой. Но два года — долгий срок, и за это время многое может поменяться. Постигай военное дело вместе с друзьями, а потом сам решишь, что тебе важнее. Ведь никто не заставляет тебя идти служить и становиться воином — выбор всегда остается за тобой.

— Ну, ты что, Мартин! — толкая его в бок, произнес Понтий.

— Правда, давай будем тренироваться вместе. Два года — это же почти вечность! Зато сможем накостылять Клементию и его шестеркам! А?! Мы же всегда об этом мечтали! — подхватил разговор Луций.

Марк улыбнулся, выпил вина, а затем, повернувшись к Ромулу, обратился к нему:

— Ну, а что тревожит тебя, Ромул? По-моему, человек с таким именем и вовсе не должен ни в чем сомневаться. Он должен действовать! Но если тебя что-то беспокоит, то лучше решить все проблемы сейчас, чем разбирать их потом, в самый неподходящий момент.

— Я не воин. Я больше науку люблю, — стесняясь, еле слышно прошептал Ромул. Марк серьезно посмотрел на парня и покачал головой. Затем он почесал подбородок и проговорил:

— А ты думаешь, в армии все только несутся вперед с криком и бранью, круша все на своем пути? Все храбрые и сильные? А кто, по-твоему, возводит укрепления, делает расчеты и строит мосты? Хранит и выдает жалованье, следит за трофеями и провизией? Я знаю, твой отец Ливерий — отличный воин. Но ведь он не отличается огромной силой, так? Зато он умен, как и ты, и, насколько мне известно, превосходно стреляет из лука.

— Это да, — улыбнувшись, ответил Ромул.

— Да чего он скромничает? Мы все знаем, что Ливерий был лучшим лучником в легионе, в котором служил! Мой отец всегда восхищался его меткостью и не раз рассказывал про то, как он спасал им жизни! Только вот ему не давали возглавить отряд лучников, а он бы мог! Мог бы! — вскочив с места и округлив глаза, начал доказывать Луций то ли Ромулу, то ли себе самому, а может, и Марку.

— Вот видишь! А ты говоришь, не воин. Победа, Ромул, — это не кто кого перебьет.

Это, прежде всего, кто кого перехитрит. Сципион научит тебя стрелять из лука не хуже отца, а Асмодей поможет разобраться в экономике, строительстве и облуживании войска. Он мастер в этом деле. Не правда ли, Асмодей?

— Да, повелитель, — улыбаясь и щуря свои пороссячи глазки, поклонился толстяк.

— Ну, вот. А если тебя интересуют яды или лекарства, так Велиал у нас — мастер в области медицины. Ну что? Надеюсь, мы уладили все вопросы?

Внезапно на пороге дома возник странный человек в серой неприглядной одежде, босой и с тростью в руке. Его вид настолько диссонировал с окружающей обстановкой, что мальчишки замерли, недоумевая, как он попал сюда. Пришелец между тем стоял, не шевелясь, и молча смотрел на всех присутствующих в зале. Заметив его, Марк не спеша поднялся и, извинившись пред гостями, направился к нему.

— Надо же! Ты решил навестить меня? С чего вдруг такая любезность? — подходя ближе к незнакомцу, проговорил Марк.

— Я пришел просить тебя.

— Просить меня? Странно, раньше ты только приказывал: делай то, делай это, мое творение идеально, — Марк резко схватил пришедшего за грудки, подтянул к себе и, наклоняясь к его уху, тихо произнес:

— Хватит! Я устал от этих мерзких созданий! Никчемных, никудышных людишек! Биологические паразиты, постоянно потребляющие все и ничего не производящие взамен. С самого дня их создания они только и делают, что пребывают во грехе, а что делает Он? Закрывает глаза на все проделки, потому что они, видишь ли, творения божие, идеальные создания! Идеальные создания не насилуют детей, не режут друзей за презренный металл, не предают и не изменяют! Так что не смей меня ни о чем просить, Михаил! И передай Ему, что скоро я покажу всем, на что способны Его творения, созданные по Его образу и подобию! Мой «рай» уже готов для них! А теперь убирайся! Я не хочу тебя больше видеть! — оттолкнув от себя Михаила, произнес Марк.

— Он все равно мудрее тебя. Одумайся.

— Ступай. И передай Ему, что он зря послал сюда сына. Людская любовь переменчива: от преданности до предательства у них один шаг. Он обретет тут только страдания.

— Ты не понимаешь и понять не желаешь, для чего это все делается.

— Убирайся! — злобно прошипел Марк и, развернувшись, уже с улыбкой направился к своим гостям. Михаил постоял еще немного, качая головой, и пошел прочь. Марк же, садясь на свое место, невзначай произнес:

— Странствующий торговец. Опять принес на продажу какую-то рухлядь. Впрочем, иногда в их скарбе встречаются неплохие старинные вещи, поэтому приходится пропускать их к себе.

Корнелий сидел на пеньке срубленной яблони. Рядом стояли Кристиан и Ливерий. Через несколько минут молчания и разглядывания рекомендательных писем Ливерий произнес:

— Судя по всему, они подлинные. Что ты разволновался-то? — еще раз посмотрев на подписи, проговорил он.

— Ничего. Но как-то странно все это, вам не кажется?

— Что тут странного? Что товар продали? Так тут радоваться надо, тем более мы за него цену хорошую получили, — удивленно ответил Кристиан, наблюдая за тем, как

Корнелий нервно почесывает руки.

— Да не в товаре дело. Не в нем. Хотя и в нем тоже! Не бывает чудес на свете, а тут на тебе: весь товар сразу покупают, дают письма, которые мы не могли получить столько лет...

— Так кто ты и кто он? Ты почему сравниваешь? Он сенатор. Сам представь, какие у него связи и сколько у него денег. Тут вон, таких людей подписи, что я просто диву даюсь... — не отрываясь от письма, ответил Ливерий.

— В том-то и дело! Зачем ему нам помогать? Кто мы ему?!

— Он же тебе сказал, что родственник Дементия.

— Дементия перевели к нам за месяц до того, как мы выступили против германцев. И я что-то не припомню, что бы он был среди выживших. Да и разве кто-нибудь из вас был с ним так уж хорошо знаком?

— Аврелий с ним частенько общался. А то, что ты его не помнишь, так ты раненый был. И мы за тобой смотрели. Да и вообще, ты вспомни, как мы оттуда выбирались! По лесам ночами ползли, чтобы эти твари на нас не вышли. Кто там за кем смотрел? Попробуй вспомни теперь, кто где был или не был! Да и какая сегодня разница? Главное вот, — трясся перед Корнелием заветными рекомендациями и уже явно нервничая, увещевал друга Ливерий.

— Так! Успокойтесь! Я что-то не пойму, о чем мы спорим? У нас все нормально?

— Нормально, Кристиан.

— Ливерий?

— Да, нормально все!

— Вот и превосходно. Парни наши пристроены, и это главное. Теперь нужно просто решить, куда их лучше определить, вот и все.

— А вдруг этот Марк и есть тот самый, который прислал эту тварь Сципиона? — никак не унимался Корнелий.

— Тьфу, ты! Опять снова-здорово! Да даже если это и он! Тебе не все ли равно?! Сколько времени уже прошло?! Мы живы, у нас дети, и нам надо устроить их судьбу!

— Мне не все равно! Потому что я отвечал за тех, кто там пал! Пал из-за чужой глупости! Иди, вон, жене Аврелия скажи и детям его, как нам теперь все равно!

— Ты в бутылку-то сразу не лезь, Корнелий! Мы его семье сполна помогли и помогаем! Зачем ты снова все ворошишь?! Сам подумай, сколько времени прошло. Может, тот Марк уж и помер давно, а может, это он и есть. Так что с того? Хотя, если подумать, вряд ли это он. Стал бы он тебе помогать, если бы действительно не был благодарен за что-то. Ты бы сам вот стал помогать в таких обстоятельствах, а?! Ну, чего смотришь?! Стал бы помогать?!

— Нет, — опустив глаза, ответил Кристиану Корнелий.

— Вот именно!

— А может, он все еще тогда спланировал и продумал? Может, ему это зачем-то нужно? Он же взял с меня обещание, что мы будем позволять нашим детям общаться с ним.

— Ага. То есть ты хочешь сказать, что ради этого общения он заранее, ни за что ни про что, погубил три легиона? Ну, хорошо. Это, допустим, я могу понять. Политика — дело темное. И вот потом он выждал десять лет, пока наши дети подрастут, и... О, боги! Что же он сделал? Как же он нам отомстил за то, что мы выжили и догадались обо всем? Дал нам рекомендательные письма, да еще какие! Вот уж месть так месть! Тебе не кажется, что это смахивает на бред? А что касается того, что он взял с тебя это обещание, так посмотри на нас. Мы — отбросы. Что мы можем дать нашим детям? У нас отобрали не только пенсию и

все привилегии, у нас отобрали честь! Нас не хотят знать даже те, кого мы презирали, не говоря уже о друзьях и соседях. Поэтому-то, Корнелий, он и взял с тебя это слово. А как еще он должен был поступить, глядя на вдрызг пьяное тело с лицом, похожим на одуванчик после нашего загула на рынке? Он, видно, прекрасно понимал, что ты мог пойти на принцип и запретить ему помогать нам. А он, как ты сам говорил, дал обет своему умирающему родственнику помочь тебе за то, что ты его спас. И помог! А ты, вместо того чтобы быть благодарным, придумываешь всякую ерунду. Что мы сами можем дать своим детям? А у него связи и деньги, вот и пускай поможет им, раз мы не в состоянии. Не все же люди — твари!

— Все! — сурово ответил Корнелий и, развернувшись, пошел домой.

— Не все! Ты же не такой! — крикнул ему вслед Ливерий.

— И я!

— Вот упрямый баран!

— И не говори!

— Ладно, пойдём! Ишь, какой! Обиделся! Чуть какую-то надул нам в уши — и в кусты. Нет, конечно, он редко ошибался в людях, но то на войне было. Тут-то чего сомневаться? Человек добро нам сделал, да еще какое! А он все ерепенится! Да без этих писем парни бы так в этой дыре всю жизнь бы и просидели. Пускай он их на поруки возьмет, может, в люди выведет, раз мы не сумели!

— Тут я с тобой полностью согласен, Кристиан.

День подходил к концу, и солнце, краснея на горизонте, уходило за горы, уступая свои права ночи. Воздух наполнялся вечерней прохладой, ветер еле шевелил листья на деревьях. Сумерки постепенно спускались с гор и незаметно поглощали дневной свет. Марк лично вышел проводить своих юных гостей к выходу. Распрощавшись с ними, он было пошел прочь, но, внезапно повернувшись, окликнул Луция:

— Постой. Я совсем забыл о подарке.

Луций в растерянности посмотрел на Марка, затем на друзей.

— Сейчас. Асмодей! — не отводя взгляда от ребят, позвал слугу Марк. Толстяк, словно невесомый, выскочил из дома, держа в руках что-то небольшое и бережно прижимая это к себе. Подбежав к Луцию, он протянул ему небольшой шерстяной комочек:

— Вот, возьми его. Хорошая собака из него вырастет. Да и друг будет верный, — шурясь и улыбаясь, произнес Асмодей.

— Бери, бери. Щенок и впрямь хороший, плохого бы я не стал дарить. Вырастишь из него преданного пса. Он и дом охранять сможет, и стадо пасти — да много еще чего. Ты, я вижу, парень смысленый. Так что вот тебе, заботься. Прежде чем людьми командовать, попробуй сначала собаку воспитать, — усмехнулся Марк.

Луций взял щенка и поднес его поближе к лицу, тот взвизгнул и облизал ему нос, затем завилял хвостом и заерзал в руках.

— Тише, тише! Какой шустрый, — улыбаясь, сказал он.

— Ну, вот и познакомились.

— А как его зовут? — разглядывая пушистого непоседу, спросил юноша.

— Теперь это твоя собака, назови ее, как сам захочешь.

— Рем, я назову его Рем. По-моему, это достойное имя!

— Это отличное имя, Луций! Заботься о нем, теперь он твой. И только от тебя зависит, станет ли он умным и смелым или глупым и бездарным.

— Спасибо, Марк. Спасибо за все. От всех нас искреннее тебе спасибо!

— Да брось ты, я многим обязан твоему отцу: он спас не только своих друзей, но и моего родственника — дядюшку Дементия, который воспитывал меня с юных лет. И я не могу после всего того, что Корнелий сделал для моей семьи, бросить вас в беде. Я бы помог и раньше, однако так уж сложились обстоятельства, что я смог это сделать только теперь. Но, как говорится, лучше поздно, чем никогда. А сейчас ступайте, вскоре мы будем видеться чаще.

Парни покинули имение Марка и поспешно направились домой. По дороге они рассматривали живой подарок, который преподнес Марк Луцию. Тот гордо нес щенка, посадив его за пазуху тоги. Ромул, Мартин и Понтий по очереди тискали пушистое создание.

— Когда он подрастет, я научу его разным командам, — мечтательно говорил Луций. Он будет мне верным другом, станет охранять дом и играть со мной. И с вами, конечно. Будем его вместе дрессировать. Поможете?

— Конечно! А то! — радостно, в один голос ответили ему друзья.

— Представляете, вот мы вырастем, поступим служить в легион при Германике, как обещал нам Марк... — забежав вперед всех, начал говорить Понтий, захлебываясь переполнявшими его эмоциями.

— Ага! Только сначала нужно, чтобы нас Сципион обучил, а то нам германцы враз зады надерут. Из нас сейчас воины как из Леонида император, — рассмеявшись, перебил его Луций.

— Но нас обучат, и мы станем свирепыми воинами, а наш характер закалится в боях и сражениях! Нашим победам не будет числа! Представляете?! — никак не мог уговориться Понтий.

— Ну-у-у? — с задумчивым удивлением протянул Ромул, начиная в мыслях красочно представлять себе то, о чем говорил его друг.

— И вот, спустя десять, а может, двадцать лет, мы возвращаемся в Рим! Нас ждет триумф. Старый император Тиберий лично приветствует нас, все ликуют. Мы в блестящих доспехах и дорогих одеждах въезжаем в город на позолоченных колесницах. За нами идет парадным маршем наш непобедимый легион. Луций из нас самый смелый, он будет нашим генералом, а мы, его советники и ближайшие офицеры, последуем чуть позади него, — Луций смущенно покраснел, но не остановил рассказ друга. Все заворуженно слушали его, а Понтий, активно жестикулируя, продолжал фантазировать:

— И вот среди толпы стоят наши отцы и думают, кто же эти великие воины, которые добыли новые земли для нашей страны и привели тысячи рабов. Они не узнают нас. А мы останавливаем наши колесницы и подходим к ним. Старики в растерянности смотрят на нас, а когда понимают, кто перед ними, то кидаются в наши объятия.

— А дальше что? Дальше-то что? — не выдержал Ромул.

— Дальше нас чествует в своем дворце император, он одаривает нас всякими драгоценностями, землями и рабами.

— Надо только про Марка не забыть и тоже ему преподнести много даров, ведь без него мы бы ничего не получили, — на полном серьезе, уже вжившись во всю эту историю, проговорил Луций.

— Конечно, конечно! Он будет, наверное, уже совсем старый, и когда мы появимся у него на пороге, он сослепу примет нас за бродячих торговцев, которые приходят к нему.

— Ага! А мы скажем ему: «Здравствуй, это мы, те самые ребята, которым ты помог в

жизни, и теперь мы хотим отблагодарить тебя».

— Точно! И он кинется к нам со слезами радости на глазах и будет обнимать нас, восхищаясь нашими подвигами и нашим триумфом и хваля нас за то, что не забыли его, старика!

Так, размечтавшись, они и разошлись по домам, каждый с мыслью о чем-то невероятном, необычном и уже совсем-совсем близком. Словно чувствуя, что с сегодняшнего дня их жизнь пойдет по-особому, не так, как прежде. Каждый из друзей заснул, мечтая о грядущих сражениях, великих деяниях и триумфальных победах. Дома никто не спросил их о том, как они провели время у Марка. Корнелий, насупившись, лишь буркнул проходящему мимо него Луцию:

— Что за зверь?

— Марк подарил, я его Ремом назвал. Сказал, что хороший пес вырастет.

— Ясно. Есть будешь?

— Нет, нас накормили.

— Все нормально, Луций?

— Ага, — поднимаясь к себе в комнату и глядя щенка, ответил он отцу.

Смотря на уходящего сына, Корнелий потер левую сторону груди: сердце как-то резко кольнуло — раньше он за собой такого не замечал. Он глубоко вздохнул, затем встал и вышел на веранду. Было уже темно, и прохладный ветерок обдал свежестью его тело. Корнелий чувствовал, что что-то не так, что на него что-то надвигается, что-то страшное и непонятное, но разобраться, что именно, он не мог. Раньше центурион всегда прислушивался к своему чутью, но сейчас он лишь снова глубоко вздохнул, посмотрел куда-то в темноту и, затушив масляную лампу, горевшую у входа в дом, отправился спать.

Проводя своих юных гостей, Марк неспешной походкой направился в свой превосходный парк. Пройдя по вымощенной дорожке, он подошел к бассейну, у которого, облокотившись на перила и любуясь фонтаном, ожидал его Сципион.

— Что нужно было Его любимчику Михаилу? — глядя остекленевшими и безжизненными глазами на разлетающиеся брызги воды, спросил Сципион.

— Пришел просить меня.

— Просить? Это что-то новенькое.

— Скоро настанет мое время, совсем скоро. Я сам долго просил его, но он был глух ко мне. Теперь глух буду я. Одного не пойму, зачем Он послал его сюда. Для чего?

— Я не задумываюсь об этом. Я воин, я создан для другого. Но полагаю, раз он сделал это, значит, на то были свои причины. Он ничего не делает просто так — так же, как и Вы.

— Вот это меня истораживает.

— Что насчет этих парней? Луцию нужны будут преданные люди для свершения задуманного, но двое из них не уверены в себе.

— Да, это так. Понадобится время, чтобы вытравить из его души все человеческое. Он их лидер, они пойдут за ним, но для этого нужно кое-что предпринять. Они не должны чувствовать привязанности ни к чему и ни к кому. У них должна остаться лишь одна цель — поставить Луция во главе Рима. Понтий — мечтатель. Он хочет известности и богатства. Я чувствую, как он возгордится властью и славой, — с ним не будет хлопот. Меня больше беспокоят Ромул и Мартин.

— Если вы сомневаетесь в том, что я могу их хорошо обучить...

— Нет, Абигор. В тебе я не сомневаюсь. Я знаю, на что ты способен, и никогда не поручу тебе то, что не в твоих силах. Ромул — умный парень. Да, он не силен, но он самый смысленный из всех. Хотя его доброе сердце будет мешать ему, я уже вижу это. Он будет переживать и страдать из-за того, что им придется делать. Слишком уж он похож на свою прабабку, которая могла своей добротой одарить многих. Я помню, как она помогала раненым, и не только со своей стороны. Она и рабов отпустила с их детьми втайне от своего мужа, подписав им вольные от его имени. Ну да ничего. Асмодей научит его вести все бумажные дела, а Велиал сделает из него неплохого лекаря. Нам нужен человек с мозгами. Не всем же нестись вперед, с криком срубая головы? К тому же он не посмеет перечить Луцию. Он и сейчас его побаивается, а потом и вовсе будет принимать все его указания как должное. А вот с Мартином нужно что-то решать. У него мать и еще трое на шее, и он слишком привязан к ним. Боюсь, мы не сможем изменить его отношение к тому моменту, когда им нужно будет вступать в легион. Мартин слишком обязан своей матери Ливии: он с малых лет видел, как она тащила всю их семью на своих хрупких плечах одна, не хуже любого мужчины. А ее преданность покойному Аврелию поражает не только ее сына, но даже и меня самого. Ведь после его смерти в ее постели не побывало ни одного любовника. Мало осталось на свете людей, способных хранить любовь и верность даже после смерти супруга. Так что, пока они живы, Абигор, мы не сможем заполучить его.

Сципион отошел от бассейна и поворачивал головой так, что позвонки в шее громко хрустнули, после чего прищурил глаза и негромко произнес:

— Всех?

— Всех. Только позже, я дам тебе знать, когда, — тут же без всяких эмоций ответил Марк и пошел прочь в сторону дома. Ему навстречу, семеня толстыми ногами, уже спешил Асмодей. Поравнявшись с хозяином, он с улыбкой произнес:

— Господин, прибыл сын покойного Силана, он ожидает вас. Изволите пройти к нему?

— Конечно, не стоит заставлять его ждать. Это невежливо с нашей стороны.

Войдя в дом, они увидели убитого горем, одетого в траурное платье сына покойного Силана. Ускорив шаг и раскинув руки для объятий, Марк с опечаленным видом произнес:

— Мальчик мой! Клементий! Какое горе! — Марк обнял его и прижал к себе. Они постояли так несколько минут, затем сенатор оторвал парня от себя и, глядя прямо в наполненные слезами юношеские глаза, сказал:

— Крепись! Ты теперь глава семьи и должен держать ответ за дела отца!

Парень шмыгнул носом, и они присели за стол.

— Что привело тебя ко мне в столь поздний час? — спросил Марк. — Что-то произошло? Говори, здесь все свои.

— Я пришел отблагодарить вас за все, что вы сделали для нашей семьи. Отец умер так неожиданно, что, если бы не вы... — у Клементия дрогнул голос, и его глаза вновь сверкнули влажным блеском.

— Успокойся. Для меня честью было знать твоего отца. Я жалею только о том, что мы сдружились с ним так поздно. Кто бы мог подумать. Да, жизнь несправедлива даже к самым праведным людям. Этот мир покидают лучшие из нас, и покидают так рано... — Марк покачал головой и тут же добавил: — А насчет расходов не беспокойся, он бы сделал для меня то же самое.

Клементий, склонив голову, тихо сопел и что-то бурчал себе под нос. Его скулы нервно дергались, а руки с силой сжимали в кулаках дорожную ткань, накинутую на стул, на котором

он сидел.

— Я вижу, тебя беспокоят не расходы на похороны твоего отца? — звонко и четко произнес Марк. Затем он поднялся и подошел к парню вплотную, присел перед ним на корточки и, заглянув ему прямо в глаза, снова спросил:

— Так что тебя привело ко мне? Я же вижу, что тебя что-то беспокоит. Ты можешь мне доверять. Твой отец доверял мне, и я был честен с ним. А ведь ты знаешь: он тщательно выбирал себе друзей.

— Я знаю, — прерывисто дыша, ответил Клементий, затем добавил: — Поэтому я и пришел первым делом к вам.

Он вытащил из-за пазухи грамоту с завещанием, ту самую, которую ему передал на похоронах Марк, и протянул ее ему со словами:

— Эти выродки убили моего отца! Предатели, от которых он так старался избавиться нашу страну, все же убили его!

— Стой, стой. Подожди, — принимая завещание, растерянно и недоуменно произнес Марк. — Я не пойму, о чем ты?

— Мой отец все написал здесь! Он написал обо всех их гнусных делах! О том, как они подняли на восстание рейнские легионы, как сеяли смуту в Пононии. Это был Терентий и его сообщники! А самое мерзкое, что он рассказал, кто стоит за его убийством! Это отец того ублюдка, которого вы отбили у нас! Почему, Марк?! Эти предатели, которые бросили свой легион и сбежали, убили моего отца! Он теперь мертв, а они веселятся! Эту падаль, Луция и его девчонок, нужно было перебить еще в школе! Ненавижу!! — Клементий перешел на крик, брызгая слюной и сверкая красными от злобы глазами, но Марк тут же снова прижал его к себе, и юноша бессильно разрыдался у него на груди.

— Тише. Тише, — глядя его по голове, шептал Марк. — Успокойся. Я не знал. Как я мог знать о том, что так выйдет? Разве бы я допустил такое? Разве бы я позволил Сципиону заступиться за этих ничтожных простолюдинов, достойных сыновей своих мерзких отцов?! Ты кому-нибудь говорил об этом или показывал завещание?

— Нет, — вытирая слезы, ответил Клементий. — Я сразу поспешил к вам.

— Молодец. Ты правильно поступил.

— Нужно пойти к императору! Вы же можете! Вы же знаете его! Пускай он четвертует этих тварей! Пускай вырежет их всех вместе с их выродками — вырежет весь их род под корень! Пойдемте со мной: я же не могу прибыть к Тиберию сам по себе! Марк, пойдемте, помогите мне. Ведь вы же можете! Что вам стоит?!

Марк провел ладонью по своему лицу, потом обхватил голову руками и, обойдя несколько раз вокруг стола, рухнул на ложе, закрыл глаза и просидел так несколько минут. Затем он вскочил и снова стал ходить то взад, то вперед, говоря:

— Как же так?! Как же так?!

Клементий, ничего не понимая, смотрел на него. Неожиданно Марк остановился и, взглянув на парня, проговорил:

— Я не пойду к императору!

— Но почему?!

— Почему? Я отвечу тебе! Понимаешь, погиб только твой отец, но ты и твоя мать живы! Живы друзья твоего отца, в том числе и я. И пока мы живы, живет и его дело. Ты же сам знаешь, что Терентий был долгие годы другом Силана и твой отец не догадывался о том, какую змею он пригрел у себя на груди. Да, он вырвал жало у этой ядовитой пчелы, он

уничтожил Терентия и его сообщников, но остались те, кто еще продолжает их недостойное дело! Те, кто хочет известить всех людей, борющихся за правду. Если мы пойдем к Тиберию и расскажем ему обо всем, он, конечно же, примет меры. Он казнит этих заговорщиков, а может даже и убийц твоего отца. Но мы спугнем, таким образом, остальных. Если ты хочешь мести, нужно к ней хорошенько подготовиться, а не рубить с плеча. Месть — блюдо, которое следует подавать холодным. А действия преторианцев императора только наведут шума, так как толку от них не больше чем от бестолковых легионеров. Тут требуется другое, — Марк снова с умным видом заходил по комнате.

— Что требуется?! Что?! — не выдержав паузы, почти прокричал Клементий.

— Я вижу только один способ! — твердо произнес Марк.

— Какой?

— Сначала ты должен встать во главе одного из легионов, об этом я позабочусь. У нас должна быть сила, на которую мы сможем опереться даже без участия императора. С такой силой мы сами уничтожим всех заговорщиков. Ты лично будешь вершить правосудие и мстить им без всяких унижений и просьб. А с этими ничтожествами я разберусь сам. Я прикажу, чтобы их выгнали из школы. Пускай проведут свою жизнь, сгребая навоз и питаясь объедками. Их отцы не получают никаких прав и будут сидеть в своих скудных домишках, пока ты не созреешь до мести. А главное, нам нужно отыскать того, кто стоит за всем этим, в особенности за смертью твоего отца. Ведь эти предатели вряд ли бы додумались сами до того, чтобы убить великого Силана, — им наверняка кто-то приказал так сделать. Ты согласен с тем, что я говорю?

Клементий растерянно кивнул головой. Юноша явно пришел сюда ради мести за своего отца, но его с легкостью убедили в несвоевременности подобных действий, а теперь вещали ему о каком-то далеком и, кажется, великом, большом и серьезном шаге в его жизни. Он уже видел, что и впрямь простолюдины вряд ли бы смогли пробраться на виллу Силана и убить его там. Притом так, что на теле не осталось никаких следов насилия. Он уже поверил в то, что эти ничтожества — Луций, его дружки и их родители — будут казнены самым жестоким способом. И что это случится после того, как он отомстит некоему еще неизвестному, но уже ненавистному ему человеку, который так подло разделался с его отцом. Но Марк прав: он юн, а для того, чтобы отомстить, нужна власть — такая же, как была у его отца, такая же, как есть у Марка, а может, даже большая. И когда он получит ее, он расправится со всеми врагами, да и с самим этим Марком, который не захотел помочь ему сразу, не утолил его, Клементия, жажду мщения.

Да, Клементий был сыном своего отца, и Марк не зря делал на него ставку. Они смотрели друг на друга пристально, не отрывая взгляда, и каждый думал о своем. Но только один из них думал за них двоих. Только один из них уже решил все и за всех.

Корнелий сидел на ременчатом стуле возле веранды в тени собственного дома. Они вместе с Леонидом готовились к уборочной, которая уже была не за горами. Перебирали старый инструмент и инвентарь, отбраковывали испорченный, ремонтировали неисправный, который еще можно было восстановить. Остальные рабочие уже были в поле, трудились там от зари до зари, не покладая рук. Земледельца кормит земля: она дает ему все необходимое для жизни, но и требует взамен немало.

Корнелий молча надевал на обух топорище и с легкой улыбкой посматривал в сторону яблони. Когда-то очень давно на этом дереве могла оборваться его жизнь, а сейчас от него остался всего-то подгнивший пенек, у которого играли Луций и Маркус. Старший брат ловко бросал кинжал в деревянную ограду. Маркус смотрел, открыв рот, на то, как клинок со свистом вылетает из руки Луция и звонко впивается своим острием в древесину, да так глубоко, что для извлечения его из плена брат вынужден прикладывать нешуточную силу. Рядом, лая и виляя хвостом, бегал Рем. Собака и впрямь оказалась необыкновенной. Иногда и сам Корнелий забывал о том, что это всего лишь животное, и начинал относиться к нему как к члену своей семьи. Все команды, все обращенные к нему слова Рем понимал сразу. Он умел обижаться, радоваться и даже грустить. Особенно он не любил, когда Луций уходил к Марку и пропадал там почти весь день. Зато, как и все молодые собаки, просто обожал резвиться: вот и сейчас он не отдавал палку Маркусу, который бегал за ним, а лишь приостанавливался и лукаво рычал, показывая всем своим видом, что не уступит без игры. И подросший, уже немного возмужавший Маркус вновь бросался за ним, заливаясь звонким смехом. А когда все-таки догонял, пытался не отобрать палку, а сесть на собаку верхом. И Рем позволял ему это делать, катая парня на своей спине, словно лошадь. Затем он скидывал седока и начинал его облизывать, а тот беззаботно хохотал. Луций смотрел на все это действие и, улыбаясь, задорно кричал:

— Молодец, Рем! Молодец!

Прошло полтора года с тех пор, как Александр скупил у них первую партию товара на рынке. Им больше не было нужды ездить в город и искать покупателей, унижаясь и заискивающе предлагая всем и каждому свои продукты. Теперь все происходило иначе. Человек Александра, его доверенное лицо, приходил к ним сразу после сбора урожая и забирал все оптом, давая цену намного более выгодную, чем они могли получить на рынке, не говоря о перекупщиках. Корнелий уже стал постепенно забывать о том, что его сыновей вышвырнули из школы, так и не дав доучиться. Ушли в прошлое бессонные ночи, когда он в бессилии и злости метался по своей комнате, после того как посланец-раб сообщил ему, что его дети не годятся в ученики. Что людям второго сорта — так их назвал пришедший — лучше заниматься грязной работой, а не наукой. Что от одного их вида у остальных учащихся снижается успеваемость и что многие родители выказывают свое негодование по поводу соседства своих чад с такими, как они. Но ведь дети не должны отвечать за грехи родителей — именно так думал всегда Корнелий. Оказывается, все это время он сильно ошибался: отвечают, еще как отвечают! Теперь-то он знал это наверняка. Но и тут этот вездесущий

Марк взял решение проблемы на себя, и теперь они занимаются у него с учителями не хуже, чем в общей школе, а то и лучше. Корнелий даже был отчасти рад, что все так обернулось. Иначе где еще они бы получили настолько качественное образование, включая военную подготовку и знание языков? Возможно, он поначалу и ошибался в Марке, не доверяя ему, но теперь полностью признавал правоту Ливерия и Кристиана, списав былую подозрительность по отношению к сенатору на причуды наступившей старости. Способность безошибочно чувствовать опасность начинала подводить его. Хотя сейчас, думал Корнелий, сидя на стуле и глядя куда-то вдаль, все не так уж и плохо. Жизнь шла своим чередом, и они, слава богам, не бедствовали последнее время, как это бывало прежде. Его рабочие получали заслуженные сестерции за честный труд, семья не голодала, а хитрец Леонид даже умудрялся откладывать кое-какие сбережения на черный день, приговаривая:

— Вот помру, будет на что похоронить, да и вам останется. Вспомните тогда старика добрым словом.

Да и его парни повзрослели, возмужали и окрепли. Юношеское тело Луция стало постепенно приобретать мужественные формы, а голос начал ломаться. Он уже не походил на того маленького мальчика с темными кругами под глазами от недоедания, который, сидя на чердаке, смотрел с мальчишечьей жадностью на доспехи отца. В прошлый раз во время охоты на него неожиданно выскочил волк. Корнелий не успел даже понять, в чем дело, а его сын, сбив животное ударом ноги и прижав его коленом к земле, уже впился руками в шею матерого. Через мгновение все было кончено, и теперь волчья шкура украшала комнату Луция. Он с гордостью показывал трофей своим друзьям, и те, цокая языками и хлопая его по плечу, хвалили его за храбрость. А ведь не так уж и давно, при схожих обстоятельствах, он лишь пятился назад, выронив лук и глядя испуганными глазенками на зверя. И если бы Корнелий тогда не заколол волка копьем, Луция наверняка бы не было в живых. Теперь же шкура такого же серого хищника лежала у него под ногами. Корнелий был застигнут врасплох неумолимо бегущим временем: его сын вырос и теперь мог сам постоять за себя. После той давней охоты, когда они сидели вместе на чердаке, Луций спросил у него, почему он не испугался волка, но при этом боится людей. Тогда он ушел от ответа: не хотел говорить сыну, что животные намного безопаснее человека, что они никогда не нападают первыми, не убивают ради удовольствия, не ищут славы и не умеют предавать. Вот почему он не испугался волка, но боялся людей при должностях, при своей маленькой, но власти. Он — воин, а на войне все просто: есть свои и есть враги. Только вот он до сих пор так и не разобрался, где одни, а где другие. Вроде, смотришь — все свои, а копнешь глубже — хуже врагов окажутся. Сожрут, растопчут, перетрут тебя, словно жернова мельницы, и выплюнут, оставив умирать с голоду. На войне даже к врагам испытываешь чувство уважения и сострадания, но в мирной жизни все по-другому. Раньше, завоевывая и покоряя другие народы, легионеры показывали всему миру римский кулак. А теперь его родная страна, для которой он столько сделал, повернулась к нему тылом, и он так и не смог понять, за что и почему.

Так размышлял Корнелий, глядя на старшего сына. Да, в такие минуты он гордился и отпрыском, и тем насколько Луций был похож на него. Вот только после каждого возвращения сына от Марка у отца почему-то щемило в груди. Луций приходил оттуда другой, да и его друзья тоже. «Может, я снова придираюсь? — затачивая острие топора, думал Корнелий. — Может, не до конца понимаю, что сын вырос и скоро ему понадобится свобода? Я просто привык считать его маленьким. Привык утешать его, как тогда, когда он

грозовыми ночами прибегал ко мне в комнату и прятался у меня под одеялом от страха, прижимаясь холодным носом к моей руке. А я смотрел на него и, улыбаясь, называл про себя трусишкой. Странно, все странно...». Душа Корнелия ныла, словно он чего-то не досмотрел, не предвидел. А этот странный тренер, который учит их военному делу, этот Сципион? Ради сына Корнелий пресекал любые мысли о том, что это тот самый Сципион из его страшного прошлого. «Разве мало таких имен в Риме?», — успокаивал он сам себя. К тому же ребята рассказывают о нем, что он молодой, сильный и смелый, а значит, это другой человек — ведь прошло уже столько времени с той трагедии посреди темного, сырого и холодного леса, который все чаще стал сниться ему по ночам. Да и тот маленький мальчик в ослепительном свете, который привиделся ему у яблони, когда Корнелий хотел наложить на себя руки, тоже стал чаще приходить к нему во снах. Мальчик смотрел на него, что-то пытаясь сказать, но как только Корнелий подходил ближе, чтобы расслышать то, что он говорит, наступала темнота и он, задыхаясь, просыпался в холодном поту.

Когда-то он, центурион девятнадцатого легиона, тоже был молодым и сильным, да и смелости у него было хоть отбавляй. Он не знал ни страха, ни усталости, а все раны заживали на нем, словно на собаке. Теперь же каждое утро у него что-то болело, ныло, щемило в груди и спине. С каждым годом его собственное тело издевалось над ним все больше и больше, будто мстило своему хозяину за то, как он обошелся с ним в далекой юности...

Неожиданно размышления Корнелия прервал Рем, подбежав к нему и ткнувшись мордой ему в колени. Корнелий, заулыбавшись, потрепал пса по голове и похвалил:

— Хорошая собака! Хорошая!

Вслед за псом к нему подбежал Луций:

— Отец, мне пора идти. Вон и ребята пришли. За Маркусом присмотрите!

— Рема с собой возьмешь или оставишь?

— Пусть с малым поиграет! — прокричал, обернувшись, уже убегающий прочь Луций.

Рем было дернулся за хозяином, но Корнелий, схватив его за холку, тихо произнес:

— Не до тебя ему сейчас, не до тебя.

Собака заскулила и легла на землю, прикрыв морду лапами, но тут же к ней подбежал Маркус и, оседлав ее, с криком «Я — Цезарь!» замахал над головой самодельным деревянным мечом.

Корнелий взглянул на Леонида, который чинил кожаную обувь. Прошив ее, он перекусывал нить своим почти уже беззубым ртом. Корнелий не знал, сколько его преданному слуге лет, как, впрочем, не знал об этом и сам Леонид. Центурион замороженно смотрел, как он примеряет обувь, вытаскивает из нее сгнившие нити и прошивает новыми. Затем поднимает к солнцу, крутит, присматривается, щурится и чему-то улыбается, повторяя: «Добрая работа, добрая», — и снова начинает латать потрепанное старье, износившееся за сезон. Корнелий уже давно не говорил Леониду, что и как нужно делать, не приказывал и не требовал. Старик и без указки знал все не хуже него самого, а скорее всего, намного лучше. Уж по хозяйству-то точно! Корнелий смотрел на морщинистое лицо Леонида и понимал, как быстротечна жизнь. Зря он всегда подгонял ее.

Как часто он думал: быстрее бы поход, быстрее бы сражение, нажива, богатство. А теперь, лишенный всего и снова поднявшийся, он смотрел на старика, которого пленил и сделал своим рабом много лет назад. Так давно, что он уже и сам не помнил, когда. Зато он не забыл, как этот раб не захотел свободы в самый трудный для Корнелия момент, как спас

его от роковой ошибки, как был рядом всегда, лишив себя ради него обычного человеческого счастья. Почему? Почему он это сделал? Ведь у него была грамота, вольная. Почему он остался? Уже многие годы этот вопрос распирает Корнелия, но и теперь он не задал его, а лишь, ударив обухом топорика о пень, произнес:

— Хорошо сел!

Леонид, оторвавшись от своей работы, мельком обвел взглядом Корнелия и кивнул головой. Вот оно — понимание жизни, в котором раб превзошел своего хозяина. Корнелий так до конца и не осознал, для чего мы живем, а этот старик, по всему видно, раскрыл эту тайну.

Наверное, Леонид понял то, в чем боялся себе признаться Корнелий: жизнь коротка, скоротечна, мгновенна. И на что ты ее тратишь? Ради чего рвешь свои сухожилия? Ради того, чтобы о тебе думали так, как ты этого хочешь. Стремись быть, как все, и жить, как заведено, думая, что это и есть правильно, и есть хорошо. А потом, когда жизнь идет к закату, вдруг понимаешь, что все, что заработал, с собой не возьмешь: не уместится это добро в могиле, да и не нужно будет тебе там. А вот воспоминания о тебе останутся. И дела твои запомнятся. И имя твое будут передавать из уст в уста — оно и после тебя жить будет. Богатство, гордыня — что они для человека? Лишь миг, секунда, мгновенное удовольствие для разума и плоти. Но искал ли их этот старик — раб, невольник, слуга? А может, потому и не искал, что он, который ничего и в жизни-то не видел, смог понять эту жизнь лучше, чем кто-либо другой? Корнелий задумался, прикрыл глаза и вздохнул. А ведь он догадался: этого старика будут долго чтить в его семье, и пока его не забудут, он будет бессмертен. Луций и Марк каждый день слушают о том, чем обязаны Леониду. Они будут передавать рассказ о воспитателе своим детям, а те — своим, и так его имя никогда не умрет, несмотря на то, что он не великий воин и не полководец, а просто раб. Но раб, пожелавший остаться преданным до конца. И Корнелий, глядя на этого старика, осознавал, как он мелок и ничтожен в сравнении с ним.

По крутому склону горы лезли пятеро. Впереди, словно не чувствуя усталости, взбирался Сципион. За ним, обливаясь потом, таща на себе мешок с камнями и ломая ногти о твердую поверхность склона, старался не отставать Луций. Следом, пыльные и грязные, стремились к вершине остальные. Достигнув цели, Луций, Понтий, Мартин и Ромул повалились на землю, не чувствуя тел. Но Сципион, оглядев их, лишь произнес:

— Враг не знает усталости. Он не чувствует боли, не ведает страха. Или вы думаете, он простит вам вторжение в его земли?! Нет! Запомните это! Страшен тот человек, который, видя свое поражение, смеется вам в глаза! Ему нечего больше терять, и он способен на все. Если он плачет, это хорошо: враг должен быть несчастным. Но не безумным от горя! Отнимая, отнимайте разумно, и люди примут это! Понеся чрезмерные потери, они восстанут!

Раздав ученикам заранее приготовленные на горе доспехи и оружие, Сципион продолжил:

— Раньше я давал вам деревянные мечи, эти настоящие. Да, они не заточены, но их вес и длина соответствуют тем, которыми вам придется сражаться. Рука должна привыкнуть к мечу, почувствовать и запомнить клинок, научиться ощущать его. Меч — ваш перст, продолжение руки и мысли, — виртуозно вращая оружием, говорил Сципион. — Потеряв в бою оружие, вы обречены. Как бы вы ни устали, как бы ни болели ваши мышцы, ваша ладонь

не должна выпустить рукоять. В обычном легионе вас бы муштровали четыре месяца. Я занимаюсь с вами полтора года, и вы уже превзошли все мои ожидания. Да, вы лучше, сильнее и быстрее любого римского солдата, но зазнаваться рано. Нет идеальных воинов: всегда найдется тот, кто сильнее, быстрее, проворнее. К тому же вы еще не были в настоящем сражении и тренировались только со мной, а я не могу в теории рассказать, как убивать человека. Это нужно испытать, почувствовать и понять. Вы были на охоте, убивали животных — это одно. Вы также видели казни преступников на площадях, но смотреть и творить — очень разные вещи. Вы никогда не забудете свое первое убийство. Будете помнить и осознавать только его. Да, все остальное будет однообразным: разум и тело привыкнут к виду и запаху крови. Но самое первое убийство остается с вами до конца ваших дней. До самой смерти вы будете помнить, как меч входит в плоть человека, как гаснут его глаза, теряя жизненный блеск, как искривляется его лицо от боли и осознания приближающейся смерти. Вы должны быть к этому готовы. И я подготовлю вас. Меч римского солдата короче, чем у большинства наших врагов, поэтому сражаться придется близко к противнику. Колющий удар намного стремительнее рубящего, а в плотном строю и тесноте битвы с длинным варварским мечом не развернуться. А варвары и есть ваши главные враги! Они сильнее и здоровее вас, да и выглядят ужасающе: бородатые, обросшие волосами, в шкурах животных. Их тело покрыто красками и татуировками — словом, все сделано для того, чтобы напугать врага. Но у них есть большой минус: они привыкли сражаться по одному. Я же учу вас сражаться вместе. Любой из вас сможет постоять за себя, но общий успех зависит от слаженности. Войско — это организм, и он живет, пока исправно работают все органы и части тела. Ты, Луций — голова, Понтий и Мартин — руки, Ромул — ум и ноги. Пока вы будете это помнить, останетесь непобедимыми. А теперь разбивайтесь по парам и начнем.

Долгих полтора года Сципион каждый день обучал юношей боевому делу. Подготовка начиналась с отработки военного шага, поскольку ничто не должно было соблюдаться на марше или в сражении так тщательно, как сохранение строя солдатами. Наставник добивался того, чтобы парни проходили пешком по 40 километров с полной выкладкой, неся на себе мешки с грузом, которые были тяжелее обычного снаряжения воина. Добившись желаемого результата и убедившись, что ребята уверенно ходят строем и разбирают команды, подаваемые с помощью горна и знамени, Сципион договорился с Александром и тот прислал сотню человек. Луций и его друзья сначала смущались и даже боялись этих людей — странных, необщительных, молчаливых, с татуировками на груди в виде перевернутой звезды, объятой пламенем.

Однажды Луций спросил у Марка:

— Кто эти люди?

Марк усмехнулся и ответил:

— Они твое будущее, они добудут тебе славу. Не думай о них: это даже не рабы — они намного хуже. Это люди Александра, если, конечно, их можно назвать людьми. Они словно животные. Прикажи им умереть, и они сделают это. Скажи им бежать, и они будут бежать, пока не упадут без чувств. Не пытайся разговаривать с ними — они не ответят. Не пытайся жалеть их — у них все равно нет чувств, даже сострадания к самим себе. Повелевай ими, как повелеваешь своей собакой.

— Но Рем — мой друг! Он предан мне, и если эти люди так же преданны Александру, то почему к ним нужно относиться, как к рабам?

— Луций, мальчик мой, животное не может быть другом. Зверь есть зверь. Этими так называемыми людьми движет не преданность — ими движет чувство страха перед своим хозяином. Твой пес не любит тебя: он боится тебя, потому что чувствует, что ты вожак, что ты сильнее. Если бы он знал о том, что сможет одолеть тебя, он бы, не колеблясь ни секунды, перегрыз бы тебе горло. Страх правит всеми, и мечом всегда можно добиться результата гораздо быстрее, чем уговорами и убеждениями.

Разговаривая тогда с Марком, Луций еще не понимал, к чему тот клонит. Вскоре он привык к этим непонятным людям, которых Сципион с насмешкой почему-то называл братьями. С этими-то братьями они и отрабатывали различные боевые построения легиона: каре, клин, круг и тестудо[1]. Сципион учил юношей преодолевать препятствия при наступлении и отступлении, менять строй и замещать те или иные подразделения в ходе боя. Парни также учились рассеивать и смыкать боевую линию, поскольку этот навык мог пригодиться в битвах. В тренировках с оружием Сципион использовал заранее изготовленные из дерева мечи, дротики и щиты, вес которых вдвое превышал вес настоящего оружия. Приемы отрабатывались сначала на деревянных столбах и мешках, затем ребята сражались между собой попарно. После наставник разбивал их на неровные группы, давая нападавшим людей в два раза меньше, чем оборонявшимся. Сципион пристально смотрел как они, не щадя себя, сражаются в потешном бою, и говорил:

— Запомните, вам надо научиться беречь силы и людские ресурсы. Вы не всегда будете превосходить противника числом. Нужно уметь побеждать в меньшинстве. Помните, как триста спартанцев держали Фермопильское ущелье, и станьте похожими на них.

Основное внимание Сципион уделял отработке умения эффективно прикрываться щитом и наносить мечом колющие, а не рубящие удары, поскольку именно этим способом противника можно было ранить наиболее глубоко и опасно. Тренировки с оружием он проводил по несколько раз в день — до кровавых мозолей от рукояти меча на ладонях своих подопечных. Он также обучал их стрельбе из лука, метанию пращи и пилума, умению пользоваться копьем и верховой езде, добиваясь того, чтобы они могли обращаться с любыми видами оружия.

Однажды Марк увидел, как Луций в его парке задумчиво рассматривал статую Александра Македонского. Зайдя со спины, Марк сказал ему почти шепотом:

— Мне привезли это творение из самой Македонии. Эта статуя была сделана еще при жизни великого полководца. В двадцать лет он стал править царством, к двадцати семи уже владел всем известным тогда миром. Представь только, чего он мог бы достичь, не умри он в тридцать три года!

О могуществе и славе Луций мечтал с юных лет. И сейчас он не мог без чувства зависти смотреть на статую легендарного завоевателя или читать описания его военных подвигов. И то, и другое напоминало юноше о том, что в его возрасте Македонский уже ходил в походы и сражался наравне со своим отцом, а он, Луций, еще ничем не проявил себя. Взрослея, он все чаще осознавал, что хочет власти и славы. Эта жажда была в нем так сильна, что порой сковывала все его мысли и тело. Он в злобе сжимал зубы, бил кулаками в стену комнаты, клянясь себе в том, что превзойдет всех и вся и в том, и в другом. Когда недавно Луций со своими друзьями возвращался домой, у них зашел разговор о том, что где-то есть племена, которые живут, как звери, без дорог, письменности, книг и богатства. Они долго обсуждали то, как хорошо бы принести им римские законы, философию и образ жизни. Тогда еще

Ромул в шутку сказал:

— Неужели и в этих жалких племенах кто-то борется между собой за власть? Неужели и у них есть люди, мечтающие о первенстве? Представляете, два безмозглых варвара спорят между собой, кому управлять их убогим племенем!

Это высказывание Ромула тогда сильно рассмешило всех. Один Луций остался совершенно серьезен и ответил:

— Я лучше бы предпочел быть первым в убогом племени, чем вторым в Риме.

Вот и сейчас он смотрел на эту древнюю мраморную статую, смотрел пристально, словно впитывая в себя ее энергетику. Раньше у Луция не было оснований надеяться на осуществление своих чаяний. Он мог только мечтать о славе, власти и ратных подвигах, заслушиваясь рассказами своего подвыпившего отца и его друзей о храбрости других воинов, об их походах и сражениях. Но теперь внутри Луция что-то менялось. Отец и его друзья уже не выглядели в его глазах примером для подражания, даже наоборот: казались иногда никчемными, а порой даже бездарными, не добившимися ничего в жизни. Пока эта мысль еще только поселилась в Луции, пока она жила где-то глубоко в нем, но уже изредка вырывалась из его подсознания. Теперь идеалом для него становился Марк. Словно на идола, засматривался юноша на сенатора. Он слушал и впитывал его идеи и мысли, поражаясь глубиной его познаний, восхищаясь тем, что он сделал и делает для них, и даже иногда жалея о том, что не Марк его отец. Луций принадлежал к простому роду и уже одно это сулило ему никчемное существование. Но Марк дал им шанс на другую жизнь и продолжал делать для них все, что только можно, словно заботливый родитель, который направляет своих детей на путь истинный.

— Да, рано оборвалась его жизнь, — не отрывая взгляд от статуи, произнес Луций и тут же добавил: — Если бы он прожил еще лет двадцать, сколько великих деяний он мог бы совершить!

— Нисколько, — мгновенно отреагировал Марк.

Луций изумленно повернулся к нему с безмолвным вопросом в глазах. Марк понял это и, улыбнувшись, стал говорить:

— Потому что он предал своего учителя, который дал ему власть, славу, непобедимое войско. Предательство того, кто воспитал тебя, научил всему, вразумил, дал власть и силу, не проходит без последствий.

— А разве он не сам всего этого добился? — на этот вопрос Луция Марк только рассмеялся.

— Сам? Как же! Сам бы он всю молодость просидел около трона своего отца. Был бы на посылках. А власть досталась бы его брату, который должен был родиться от второй жены его отца, Филиппа II. Все бы так и случилось, если бы не его учитель, который заметил в юном принце задатки великого правителя.

— И как же он стал им?

— О-о-о, Луций. Забрать власть может только сильный человек. Сам подумай: отец Александра умирает неожиданно от заговора, с его женой и ребенком случается несчастье, власть переходит к юному Македонскому. Случай? Или хорошо продуманный план? У царевича на тот момент не хватило бы мозгов повернуть все это.

— Откуда вы это знаете?

— Мой далекий предок знал его учителя Люцифера, и эта тайна передавалась в нашей семье из поколения в поколение.

— Но если это правда, то как же тогда он смог погубить своего отца и брата?!

— Да и не только их. Запомни, Луций: у власти нет родственников, нет братьев, нет сестер, нет друзей. Если ты хочешь стать великим, ты должен усвоить это раз и навсегда. Тот, кто облечен властью, обречен на одиночество, так как любой близкий человек попытается эту власть отнять, и чем ближе он окажется, тем проще ему будет это сделать. Если бы Александр не устранил помехи, ты бы сейчас не восхищался его деяниями и не любовался бы его статуей.

— И что же получается? Его убил собственный учитель?

— Скажем так: устранил. Предоставив Александру все то, о чем он мечтал, и даже больше, его воспитатель надеялся на преданность. Но люди не постоянны в своих обещаниях. Дав слово, они думают, что, добившись всего, смогут его не сдержать. Но, к сожалению, такой исход невозможен, тем более в случае с теми, кто намного могущественнее тебя. Но почему-то человек думает, что он венец творения природы и выше него нет никого.

— Я так не думаю. Я бы отдал все, чтобы стать таким, как он, и я бы никогда не предал того, кто возвысил меня. Как бы я хотел, чтобы у меня был такой учитель!

— Ну, Луций, не желай того, чего на самом деле не хочешь: иногда желания имеют свойство сбываться.

— Я бы отдал все, чтобы стать таким, как он! — упрямо повторил юноша.

— Я знаю, Луций. Я знаю. Желай, и да будет тебе по желаниям твоим, — положив руку на плечо парня, проговорил Марк. — А теперь иди, твои друзья уже заждались тебя.

— А почему он предал этого? Как его... — внезапно обернувшись, спросил Луций.

— Люцифера?

— Да, его.

— Он возгордился собой. Стал думать, что он бог. Стал требовать, а не просить. Забыл о том, кому он всем обязан. Забыл о том, что должен был делать.

Услышав ответ, Луций задумчиво опустил взгляд, затем, что-то обдумывая, отрешенно произнес:

— До встречи, Марк, скоро увидимся, — Марк с улыбкой слегка кивнул головой.

— Он такой же, как и они, — подойдя к Марку, проговорил Сципион.

— Нет, Абигор. Он намного превосходит их. Разве ты не чувствуешь этого? Он поможет мне, поможет, наконец, убедить Его и открыть ему глаза на людей. Жажда славы и власти Луция огромна, ее нужно лишь подпитывать и не давать ей угасать.

— Он прольет много крови. Вот это я точно чувствую.

— Ты прав, Абигор. Ты прав. Он утопит людей в крови, но именно это мне и нужно. Необходимо лишить моего брата силы, и тогда этот мир сожрет себя сам. И о райских садах им останется лишь мечтать. Пристанище, которого они все действительно достойны, я уже приготовил. Осталось только заселить его их никчемными, грешными душонками, чтобы воздать всем по заслугам.

Марк неспешно шел по прекрасной аллее, вдоль которой росли финиковые пальмы, специально привезенные из далекого Египта. Чуть дальше ровной стеной взвивались к небу и вновь опускались вниз струи фонтанов, принося прохладу идущему. Вскоре он вышел к огромному дворцу, в котором его уже давно ожидал Тиберий. Пройдя мимо преторианской охраны, Марк очутился внутри прекрасного здания. Его центром служил огромный

перистиль, окруженный величественной колоннадой и частными покоями Цезаря. Атриум поражал красотой: стены его были покрыты полированной киноварью и украшены барельефами в виде мифологических существ, держащих пальмовые ветви. Пороги из белого мрамора и блестящего египетского гранита, дверные проемы, отделанные черепаховым панцирем, янтарем и слоновой костью, и завесы из дорогого полотна также свидетельствовали о роскоши убранства. Откинув прикрывавшую вход ткань, Марк увидел сменившую яркое солнце легкую тень атриума, колонны, мраморный потолок, узорчатый мозаичный пол, росписи на стенах: в кругах на синем поле трагические и комические маски, людские страсти и заблуждения, рисунки животных, рыб и птиц. На каменных колоннах, отделанных золотом, красовались трофеи: головы животных, оружие древних предков. Кругом стояли драгоценные светильники из позолоченной коринфской бронзы, статуи нимф и фавнов, тончайшей работы вазы. А в глубине зала возвышались великолепные скульптуры, изображающие Августа и Цезаря. Перед ними находился полукруглый алтарь в этрусском стиле из голубоватого мрамора, стол для приношений, покрытый покрывалом из тончайшего виссона, и бронзовый треножник для священного огня, который горел и сейчас. Тут Марк и встретил Тиберий. Он ждал его, полулежа на клинии и вкушая вино. Марк слегка склонил голову в знак приветствия, Тиберий жестом руки указал ему на соседнее ложе.

— Ты был прав, Марк, — ставя кубок с вином на стол рядом с собой, произнес Цезарь. Марк лишь молча улыбнулся. — Германик и впрямь привел к присяге взбунтовавшиеся легионы. Теперь путь в Германию открыт, и мы можем приступить к расширению наших границ. Зря я сомневался в тебе. Покойный Силан по сравнению с тобой — просто ребенок. Хотя этот старый хитрец знал, кого выбирать в друзья и соратники. Я доверял ему, Август доверял ему, а он доверял тебе. Что ж, значит, и я буду тебе верить. Все, о чем ты просил, уже исполняется. Ведется отбор лучших ветеранов из разных легионов империи. Скоро мы соберем их вместе.

— Прекрасно, — ответил Марк, и кончики губ его едва дернулись в легкой улыбке. — Этот легион будет надежной опорой вашей империи. Ни одно войско в мире не сравнится с ним.

— Насколько мне известно, Силан хотел поставить во главе легиона своего сына Клементия. И ты не возражал, а, напротив, одобрял эту идею, — беря бумагу и перо, проговорил Тиберий.

— Да, великий Цезарь.

— Что ж, да будет так.

— Хотя, мне все же кажется, это поспешное решение, мой Цезарь, — внезапно произнес Марк, пристально глядя на Тиберия.

— Вот как? Интересно... — ответил Тиберий, откладывая в сторону уже практически подписанную грамоту и устремляя взгляд на собеседника. — Я что-то не уловил или не так понял? Ты же сам только что сказал о своем согласии. Так в чем же причина сомнений?

— Я долго думал над этим. Да, Клементий — отличный кандидат, и он по праву должен занять это место. Он сын преданного Риму знатного человека и деятеля, ведущего свой род от великих предков. Всегда хорошо одетый, изящный, остроумный, постоянно сорящий деньгами Клементий хорошо известен среди богатой и знатной молодежи и в Риме, и за его пределами. Уже одно это дает ему право взять на себя руководство вновь сформированным легионом.

— Так за чем же дело стало, Марк? Я не могу понять, к чему ты клонишь!

— Я объясню. Легион будет состоять из отборных профессиональных воинов, прошедших не одно сражение. Сами поймите: такими сможет управлять только человек, сам побывавший в бою и достойный уважения сослуживцев. Только такому полководцу они будут по-настоящему преданны. Поставить над ними юнца, который и крови-то не нюхал, по-моему, большая ошибка. Риму нужно войско, которое станет служить ему верой и правдой, не жалея себя, а вам нужен командующий легионом, который сумеет управлять этими бесстрашными людьми.

— И кого ты посоветуешь? — взяв кубок вина и отпив из него, спросил Тиберий.

— Сейчас есть только один человек, которого любят и уважают солдаты.

— И кто же он?! — нервно сжимая кубок в руке, прошипел Тиберий. Его глаз дернулся от осенившей его догадки, кадык заходил, глаза прищурились.

— Это ваш племянник Германик, — спокойно глядя на взбешенного Цезаря произнес Марк.

— Ты, видно, испытываешь мое терпение?! — дрожащей рукой отставляя кубок и повышая голос, произнес император.

— Ну что Вы! Разве я могу позволить себе такое? Я никогда бы не предложил что-то, что может поколебать вашу власть. Я просто констатирую факты: солдаты любят Германика, они верят ему и уважают его. Именно поэтому я предложил вам послать его успокоить бунтующие войска. Но я не предлагаю ставить его во главе легиона, который должен охранять вашу власть. Нам нужна достойная замена ему.

— И кто же это?

— Время покажет.

— Время?

— Именно. Вы же планируете раздвинуть границы империи и присоединить к ней непокорных германцев?

— Продолжай, — уже заинтересованно произнес Тиберий.

— Вы знаете не хуже меня, что возглавить этот поход должен ваш племянник, хотя вам этого бы и не хотелось. Но сейчас лучше него с этой задачей никто не справится, вот и пусть он командует армией. А мы пошлем вместе с ним Клементия. В походе он докажет, что достоин славы своего отца. А если нет, то, может, кто-то другой проявит себя, и солдаты приметят его. Когда есть варианты замены, лидера всегда можно поменять.

— И все-таки кто же этот другой? — потирая виски, повторил свой вопрос Тиберий.

— Великий Цезарь, я, к сожалению, не всемогущ и не могу предсказать, кто именно заменит Германика. Но я точно знаю, что, когда войско пойдет мстить за позорное поражение и предательство, в нем будут дети тех, кто погиб в том лесу. Я думаю, что среди многотысячной армии найдутся люди, достойные возглавить легион. Хотя я и не сомневаюсь, что Клементий прекрасно проявит себя в походе, и тогда, возможно, именно ему будет оказана честь стать во главе нового легиона.

— Ты хитрее и мудрее Силана, Марк. Старый лис мог бы позавидовать тебе в умении добиваться своего. Смотри, Марк, не подведи меня. Если до меня дойдет хотя бы слух о том, что ты что-то задумал против меня, я подвергну тебя таким пыткам, которых люди еще не знали, — улыбаясь, произнес Тиберий и поднял вверх кубок с вином, давая понять собеседнику, что пьет за него. — Только вот я не могу понять одного. Если этот кто-то проявит себя как доблестный воин и сможет поразить солдат своей храбростью, решительностью и смелостью...

— Вас смущает, что этот кто-то может оказаться незнатного рода, из простой семьи? Или даже, быть может, одним из тех, кого презирали все это время? Потомком тех, кто остался жив в Тевтобургском лесу и теперь считается предателем?

Тиберий смотрел на Марка и поражался тому, как этот человек может вести дела. Он восхищался им, но и боялся тоже. Он всегда боялся тех, кто был лучше него, и старался держать таких людей при себе, но и избавляться от них при первой же возможности. Вот и сейчас он испытывал к Марку восхищение и ненависть одновременно. Он ненавидел Марка за то, что это он придумал послать Германика усмирять легионы, он нашел предателей в сенате, он догадался создать легион, который будет охранять его, Тиберия, власть. Да, от того славного парня, которым раньше тоже восхищались при дворе Августа и который сам водил войска в поход, осталось мало. Точнее сказать, не осталось ничего. Власть сожрала его, сделала подозрительным, мнительным, не терпящим никого из тех, кто лучше и умнее. Теперь он во всех видел предателей, заговорщиков, врагов. А сейчас он со смесью восторга, удивления и черной зависти смотрел на Марка, который словно читал его мысли.

— Допустим, — еле слышно вымолвил император.

— Знатным человеком стать легко, имея поддержку великого Цезаря. А чтобы управлять войском, знатность особо-то и не нужна, главное, чтобы воины чувствовали в командире своего человека, видели в нем заступника и опору — и тогда они будут преданы ему. А он будет предан вам. Как прирученная собака платит преданностью своему хозяину.

Тут Марк лукавил. Эта метафорическая собака, а точнее, взращиваемый им злобный пес, был приручен им, но никак не Тиберием. Только вот разгадать хитрую задумку своего собеседника Тиберий не мог. Да, по большому счету, и не хотел. Слишком уж отупила его власть, сделав мелочным, ленивым и недалёковидным. Даже сейчас он размышлял не о том, что позволяет Марку создать грозное войско, и не о том, что это войско будет подчиняться человеку, которого поставит во главе Марк, а не он сам. Он думал лишь о своей зависти, о том, как бы избавиться от своего племянника Германика, а потом, когда придет время, и от этого хитреца Марка. А сейчас, сейчас он даст ему права и развяжет руки. Риму нужна далекая Германия, нужны новые территории. И ему, императору Тиберию, плевать, чьими усилиями будет покорена эта страшная, дикая страна. А затем уже можно будет решить, что делать с ними — с теми, кто добудет ее земли.

Тиберий одобрительно кивнул Марку, тот ответил императору улыбкой: они оба получили то, что хотели. По крайней мере, именно так думал Тиберий. Именно так казалось всем, кто общался с сенатором. И только время расставляло все по местам, в очередной раз доказывая, что сделка с Марком взаимно выгодной никогда не бывает.

[1]Тестудо (лат. «черепашка») — мобильное построение, при котором группа солдат полностью закрыта со всех сторон щитами.

В тот жаркий и солнечный день в Риме намечалось большое торжество по случаю окончания постройки храма в честь бога войны Марса. По этому поводу должны были состояться большие цирковые игры и театральные представления, а затем пир для всех собравшихся. Жители соседних городов и окрестных сел стекались в столицу, принося с собой статуи богов-покровителей своих общин, чтобы и они могли почтить великого и всемогущего Марса. В тот день Луций был сам не свой: его глаза светились, а с лица не сходила улыбка. Он то и дело радостно подлетал к Маркусу, хватал его и подкидывал над собой, после чего выбегал на улицу, где Леонид чинил подгнившую ограду, интересовался, не пришли ли его друзья, и, получив отрицательный ответ, снова скрывался в доме. Дело было в том, что сегодня Марк пригласил их посетить Колизей, где будут проходить посвященные возведению нового храма гладиаторские бои. Их Луций никогда не видел, но, зачарованный рассказами Марка, уже предвкушал впечатляющее зрелище. Корнелий старался не попадаться на глаза сыну, так как накануне повздорил с ним и теперь обиженно трудился в поле вместе со своими рабочими. Луций вырос и стал отдаляться от отца. Все глубже становилась между ними пропасть непонимания. Все больше в разговоре присутствовал Марк, все чаще Луций повторял его изречения и все меньше внимал отцу. Вот и прошлым вечером, сидя за столом, Луций рассказал Корнелию о том, куда они с сенатором пойдут на следующий день.

— Смотреть на то, как люди будут резать друг друга на потеху толпе? — откусывая кусок хлеба и зачерпывая бобовую кашу, выразил неудовольствие отец.

— Марк сказал, что это не люди — это рабы!

— Значит, Марк так сказал? А твоя собственная голова у тебя есть? Или Марк ее на свою заменил? А Леонид, который тебя вырастил, получается, тоже не человек? — не глядя на сына, спросил Корнелий.

— Леонид не раб, ты дал ему вольную. А был бы рабом, значит, не был бы человеком! А что касается Марка, так у него хотя бы есть свое мнение в отличие от тебя! А еще власть, слава и богатство! Он не унижается, как ты, перед другими! И он хотя бы занимается нами, он дал нам все то, о чем мы и мечтать не могли, и научил нас сражаться. А что сделал ты, когда над нами издевались в школе?! Только трясся за свою шкуру, боялся этого сдохшего Силана! Почему ты не научил меня драться?! Ты же прежде был храбрым и умелым воином! Да потому, что тебе было плевать на меня: ты погряз в своих переживаниях и попросту забыл о нас! Тоже мне воин...

— Пошел вон! — отложив ложку в сторону и подняв, наконец, глаза на сына, холодно и четко произнес Корнелий. Сидящие за столом Маркус и Леонид затихли, перестав жевать, а младший сын даже вжал голову и немного спустился под стол, будто стараясь спрятаться: голос отца был настолько жестким, что он не на шутку испугался.

— Пошел вон! — повторил Корнелий и на этот раз даже привстал, опираясь руками на столешницу.

Луций отбросил ложку в сторону, выскочил из-за стола и быстро ушел к себе в комнату,

прокричав напоследок:

— Ты просто завидуешь ему, вот и все!

На кухне повисла гробовая тишина, только и было слышно, как жужжат назойливые мухи. Корнелий закрыл глаза и обхватил голову руками. Посидев так немного, он встал из-за стола и вышел на улицу, за ним тут же последовал Леонид.

— Он взрослеет. Вспомни себя: ты тоже был горяч и вспыльчив. И ты ведь сам ходил в его возрасте на представления и на ипподром. Он видит, как живет Марк, и старается походить на него. Разве ты в свое время не старался походить на Ахиллеса? Все, будучи детьми, ищут пример для подражания, но почему-то редко находят его в родителях.

— Но я всегда уважал людей! Да и Марк не ровня Ахиллесу! Он совсем задурил парню голову: рассказывает ему сказки о какой-то власти, а тот ему и верит. Посмотри, как он изменился за эти два года. Все разговоры в нашем доме в последнее время только о Марке. Марк сделал то, сказал это, посоветовал так! А между тем мы пашем, как проклятые, а он лишь развлекается! Слышал, что сказал Луций?! Я плохой отец, раз не обучил его драться! Да если бы я мог, никогда бы не отдал его в армию. Только проблема в том, что для всего остального мы рожками не вышли! Ох уж этот Марк! Говорил я Ливерию и Кристиану, что этот скользкий тип еще себя покажет! Вот она, его помощь — уже боком нам выходит!

— Да что ты так на него взъелся? Ты ведь сам прекрасно знаешь, что без него мы бы пошли по миру. Ты злишься из-за того, что не смог дать сыну всего того, что дал ему Марк, признай это. Признай и то, что это он вытащил нас из нищеты, сведя с Александром, который каждый год забирает весь урожай по отличной цене.

— Это я понимаю, Леонид. Я злюсь из-за того, что не знаю, с чего вдруг вся эта милость. Неужели он так уж был обязан своему родственнику? Что тот мог такого сделать для этого богача?! Дементий был обычным центурионом. Честно говоря, я вообще не понимаю, откуда у него мог взяться такой могущественный родственник. А когда я чего-то не понимаю, я злюсь. Как-то уж больно все смутно в этой истории, но, тем не менее, все в нее верят, и я в том числе. Непонятно все это мне, непонятно. Да, я отдаю себе отчет в том, что, если бы не он, мы бы сейчас последний боб без соли ели! Но ты сам видишь, как он промыл мозги парням! Я видел его только один раз, и больше так и не смог с ним встретиться: то он в сенате, то на рынке, то в амфитеатре. А приходишь туда, так говорят, что только что ушел! И не придерешься — не к чему! Зато для парней он всегда время находит. Я давно уже с ним поговорить хочу, но не как тогда, по пьяни, а по-мужски, с глазу на глаз! Расспросить, что да как...

— Вот это правильно. А на Луция не обижайся. Молод он, горяч, — похлопывая по плечу Корнелия, ответил Леонид.

— Не обижаться? А как на него не обижаться? Надо же, как говорить стал с тех пор, как с этим начал общаться... А я... Да я же душу за него! А он? Эх! — махнул рукой Корнелий.

Смеясь и о чем-то громко споря, к дому подошли Понтий и Ромул. Луций, увидев друзей, быстро сбежал по лестнице и, выскочив на улицу, устремился к ним.

— Привет, парни! А где Мартин?

— К материной юбке прилип, никак не отклеится! Она его оставила с младшими сидеть, а сама по делам ушла. В общем, не будет его, без него пойдем.

— Да ладно тебе, Понтий. Она из последних сил выбивается, всех их на себе тащит. Что же теперь, если помочь ей некому, кроме него? А ты бы что сделал на его месте? — с какой-то неюношеской серьезностью проговорил Ромул.

- Слава богам, я не на его месте, — рассмеялся Понтий. — Что же, пускай дома сидит, а мы посмотрим, как сражаются гладиаторы. Вот это, наверное, зрелище! Говорят, там еще и травля животными будет! Так что пойдете быстрее, я не хочу пропустить начало! Я слышал, как отец разговаривал с одним своим приятелем, и тот рассказывал ему о каком-то гладиаторе, который силен не по-человечески, может сражаться против нескольких противников одновременно, а в прошлые игры голыми руками задушил тигра. Вот было бы здорово его увидеть!

— Хватит заливать! Один против нескольких, тигра голыми руками! Что выдумываешь-то?! — рассмеялся Луций.

— Клянусь Марсом, собственными ушами слышал! Он еще и имя его назвал, только вот я забыл, какое. Странное оно, сейчас и не вспомню!

— Ага, как же, забыл он! Беда, когда не знаешь, да еще и забудешь! — снова заулыбался Луций.

— Да я правду говорю, серьезно.

Так, болтая и смеясь, парни направились в город, где их должен был встретить Марк.

Марк, словно тень, стоял возле огромной мозаики, украшавшей одну из стен в его доме. Он любовался искусно выполненным изображением, на котором застыли гладиаторы, бившиеся на арене для развлечения толпы. Тело сенатора будто окутала мгла, хотя солнце ярко освещало комнату, проникая через многочисленные окна виллы. Вдруг позади него послышался звук приближающихся шагов. Марк стоял, не шевелясь и не оборачиваясь: он уже и так прекрасно знал, кто пришел к нему. Неожиданно он произнес:

— Посмотри, Клементий, на это произведение искусства: как чудесно подобраны цвета, как тонко и четко проработаны детали. Иногда я поражаюсь тому, на что способны люди, хотя в большинстве случаев их хватает лишь на мерзости и никчемные делишки. Зависть, обман, чревоугодие, прелюбодеяние, алчность, убийство — и вдруг, надо же, они создают такую поразительную красоту, которой будут восхищаться до конца существования мира. Эту мозаику для меня создал художник по имени Соза из города Пергамот. Это его первое творение. Он попросил меня дать ему талант, но не упомянул об известности и славе. Хотя я думаю, она все равно придет к нему спустя много столетий. Так что привело тебя ко мне? — поворачиваясь к Клементию, произнес Марк и тут же добавил: — Сегодня большой праздник в честь завершения строительства храма воинственного Марса. Весь Рим будет в Колизее на больших играх.

— Почему виновные в убийстве моего отца все еще видят солнце?! Ты обещал мне сделать их жизнь невыносимой, а что я вижу?! Они обзаводятся хозяйством, богатеют, кто-то скупает их товар по хорошей цене! Кто-то, кого даже я со своими связями не могу вычислить! Ты обещал мне должность командующего легионом! Где она?! Я стал только центурионом и вот уже год томлюсь в ожидании повышения! — говоря это, Клементий повернул голову и увидел, что в углу, опираясь на колонну, стоит Сципион.

— Ты все сказал? — тихим и спокойным голосом поинтересовался Марк. Клементий, не отрывая взгляда от Сципиона, только кивнул головой.

— Вот и прекрасно, — после этих слов Марк подошел к столу, взял с него сверток бумаги и протянул Клементию.

— Что это? — тоже уже тихим и спокойным голосом спросил парень.

— Твое назначение на должность командующего пятым легионом, который будет

участвовать в походе на Германию. Тебе придется заверить его в сенате, теперь уже после праздников. Впрочем, это пустая формальность: подписи Цезаря и Германика тут уже стоят, поэтому никто из сенаторов не осмелится возражать. Насчет того, что предатели и возможные участники убийства твоего великого отца и моего друга все еще встречают рассвет и обогащаются, то это ненадолго. К ним уже направлены солдаты с грамотой о том, что они утаивают налоги и не платят положенного в государственную казну. Все, что они нажили, у них отберут, а их самих заключат под стражу. Тебя устраивает эта новость? Или ты думал, я забыл о том, что пообещал? — повернувшись спиной к Клементию и снова погрузившись в созерцание мозаики, произнес Марк.

Глаза Клементия довольно прищурились, а на его губах заиграла улыбка. Он радостно, уже предвкушая унижение тех, кого так ненавидел, попятился назад, потирая руки и не думая ни о чем другом, кроме приближающегося момента мести. Он получил то, что хотел, и его мысли были заняты ожиданием заветного подарка. А ведь еще минуту назад он хотел нагрубить Марку, оскорбить его, унижить, обвинить в нарушении данного слова. Клементий ясно представлял себе эту картину и мысленно проговаривал все адресованные сенатору упреки, пока, загоня коня, скакал сюда из своего поместья. И вот уже он, не успев как следует возмутиться, отступает, довольный, к выходу, получив все то, чего так желал. Марк, не глядя на него, продолжал любоваться прекрасной работой мастера из Пергамота. Лишь только после того, как Клементий исчез в дверях и его, расхваливая и восхваляя, посадил на коня Асмодей, Марк произнес:

— Человека не всегда можно судить по его поступкам. Обычно добрый, смелый, благородный поступок заслуживает одобрения, а дурной — осуждения и порицания. Но человек — великое творение независимо от того, хороший или дурной поступок он совершил. Именно поэтому он достоин либо уважения, либо сострадания, а чего именно — зависит от обстоятельств.

— Да, я слышал это раньше от Михаила, — отойдя от колонны и приблизившись к Марку, сказал Сципион.

— Ты прав, Абигор, ты прав. Возненавидь грех, но не грешника. Он всегда повторял мне это. Казалось бы, что проще? Но на самом деле, как я убедился, это правило редко соблюдается, хотя и понятно им всем. Вот почему яд ненависти растечется по всему этому миру. Я введу новое правило: возненавидь грешника и отомсти ему за грехи его. Думаю, мое учение будет более эффективным! И все-таки не пойму: почему люди всегда думают, что умнее и меня, и Его? Абигор!

— Да, повелитель.

— Время пришло. Ступай к Помпею, передай ему письмо с тем, чтобы он разорил имения Клементия, Ливерия и Кристиана. Да, и мне больше не нужна семья Мартина — избавься от них. Но самого Мартина не трогай, пусть увидит, как погибнут его близкие. И обставь все так, чтобы я мог указать на Клементия: пора щенят приучать к вкусу крови. Я пробуду с ними до следующего утра на играх, им полезно посмотреть, как сражаются воины.

— Воин там только один, — спокойно возразил Сципион.

— Ты прав. И он нам нужен. Я не смогу прямо воздействовать на него, поэтому придется спасать русича руками Луция — так он будет предан ему до самой смерти, а мне нужно, чтобы у нашего будущего генерала был достойный телохранитель. Эти славяне всегда отличались стойкостью духа. Иногда меня пугает этот народ, — задумавшись, произнес Марк. — Ну ничего, дойдет время и до них. Ступай.

Сципион почтительно поклонился и вышел, а Марк подошел к столу и оторвал от грозди винограда одну ягоду, поднял ее к свету и, покручивая в пальцах, стал пристально всматриваться сквозь полупрозрачную кожицу в янтарную сердцевину.

— Остановись! Ты слишком далеко зашел! — послышался голос, который эхом пронесся по зданию.

— Смотрю я на эту ягоду и думаю: а ведь я совсем как она. Меня оторвали от грозди и предали. Предали ради каких-то млекопитающих, двуногих созданий, которые и выжили-то только потому, что Он их обожает, холит и лелеет. Словно мать, оберегает их от всего страшного и плохого. Видишь ли, Падший, — раздавливая виноградину, продолжил Марк, — Я не намерен общаться с тем, кто живет в чистилище. Ты остался в нем, ища лучшей участи, вот и пребывай там веки вечные. Кому нужен тот, кто не имеет собственной воли и лишь ждет удобного случая, чтобы примкнуть к победившей стороне? Нет, такие, как ты, не нужны никому. Вот и сейчас ты выполняешь Его волю, потому что своей не имеешь. Передай Ему, что я только начал и не собираюсь останавливаться. А если Ему нужно, так пусть поможет своим любимым детям. Ах, да... Как же я забыл? Для того чтобы он смог помочь, в него нужно искренне верить, не так ли? А как могут поверить в него те, кто даже не догадывается о его существовании?!

— Он послал им своего сына. Они скоро узнают силу его и любовь. Он даст им законы, он даст им истину.

— Замолчи! Он обрек собственное дитя на страдание! Им не нужны его законы! Им вообще ничего не интересно, кроме собственных желаний и удовольствий. Как вы мне все надоели со своими проповедями! Проваливай и передай Ему: хочет помочь несчастным — пусть попробует остановить Абигора, — рассмеявшись, произнес Марк.

— Ты дорог ему, но и они тоже, — со скорбью в голосе проговорил Падший, который, словно ниоткуда, появился за спиной Марка. Марк мгновенно обернулся, его глаза почернели, словно угли, а их взгляд стал похож на холодную, бесконечно глубокую бездну. Лицо, потемневшее и посеревшее, приобрело страшный, нечеловеческий вид. Метаморфоза была столь устрашающая, что Падший невольно отшатнулся назад, затем его тело свело мучительной судорогой, и он упал на мраморный пол и стал кататься по нему, извиваясь от боли и неразборчиво бормоча. Марк, присев перед ним на корточки, воскликнул так громко, что все вокруг задрожало:

— Почему же он прислал ко мне такую тварь, как ты, а не пришел сам?!

После этого Падший немного распрямился и сразу резко сжался, рассыпавшись на миллиарды маленьких песчинок, которые мгновенно развеял ветер, взявшийся, словно ниоткуда, и тут же исчезнувший в никуда.

Было около полудня, когда Луций и его товарищи встретили Марка. Он с покровительственной улыбкой пожал им руки и предложил пройти пешком до одного из чудес света. Парни впервые были в самом сердце Рима, и Марк любезно рассказывал им о том, что они видели, пока шли на представление. Дивясь всему вокруг, юноши лишь раскрывали рты от восхищения и жадно слушали красивые рассказы своего экскурсовода.

— Видите, вон там, на холме, красивое и высокое прямоугольное здание, окруженное со всех сторон колоннами? Это храм великих римских богов: Юпитера, Юноны, Минервы. Теперь у нас будет и отдельный храм Марса, которого я, кстати, считаю самым главным богом. Именно он дал римскому народу силу и отвагу, именно он помогает нам в ратном

деле. Хотя, если здраво рассудить, то помощь богов человеку не так уж и велика: по сути, мы сами добиваемся всего, чего хотим, и ждать подачек от каких-то невидимых существ нам не стоит. У нас есть желания и сила, чтобы их удовлетворить, — чего же еще нужно? А тех, кто нам сопротивляется, успокоит меч, — улыбнувшись, проговорил Марк, и тут же продолжил: — Простите, иногда я отвлекаюсь. Мысли как-то сами лезут в голову, и я просто говорю то, что думаю. Итак, если повернуть направо и идти до пристани, вы упретесь в рынок, который вам так хорошо известен, — снова с улыбкой проговорил Марк. А когда мы минуем храм главных богов, увидим крытую колоннаду, в которой люди укрываются от дневного зноя и непогоды. В ней же расположены лавки ювелиров, суконщиков, скульпторов, парфюмеров, сапожников, менял. Если у вас есть деньги, то там можно купить все, что угодно, начиная от жемчуга из Британии и заканчивая шелком из далекого Китая. А вот тут, чуть поодаль от фонтанов, находится здание суда. Обожаю людей, которые в нем работают и служат. Ох уж эти судьи! — прищурился, произнес Марк. — Вы ведь, наверное, даже и не знаете, что мелкие дела разбирает выборный магистрат, а более серьезные — императорский чиновник или наместник провинции. В принципе, разница между ними лишь в одном — в размере взяток. Правосудие справедливо только на словах, а на деле судьи лишь обирают людей и затягивают процесс с целью обогатиться, вытянув как можно больше денег из простого народа. И эта проблема будет актуальна до тех пор, пока не начнут сдирать с них живьем кожу и сажать их на кол. Прикрываясь своей властью, они вместо того, чтобы оказать помощь человеку, только усугубляют его положение. А когда бедолага обращается к ним с просьбой о помощи, лишь разводят руками, оправдываясь пустой фразой: «Пойми, я просто делаю свою работу. А все доказательства, к сожалению, не в твою пользу». А наличие или отсутствие доказательств у них напрямую зависит от полноты их кармана. При этом, по нашим римским законам, любой гражданин имеет право обратиться даже к самому императору. Только вот почему-то это всегда выходит боком тому, кто осмелится это сделать. Смешно: вроде закон есть, а на деле он не работает. И заметьте, это не боги во всем виноваты, а обычные жалкие людишки, которые почему-то считают себя лучше других. Они все с чего-то взяли, что умрут как-то по-особенному — не так, как простой бедняк, или ничтожный раб, или спившийся до безумия нищий. Глупость все это. Каждый умирает сам за себя и сам по себе. Смерть — штука такая. Это дело сугубо личное, частное, касающееся только самого человека. Это жизнь у нас общая, показушная и, в принципе, никому не нужная. Вот вы сейчас идете на игры, рассматриваете чудесные архитектурные постройки, фонтаны, скверы, форум, арки. А умрете? Как будете смотреть на все это? Да никак. И всем вокруг от вашего отсутствия будет ни тепло и ни холодно. Это пока человек живет, он думает, что он частичка общества, а умирает он в одиночестве, и обществу до его смерти нет никакого дела.

— Неправильно. Неправильно, что нам друг на друга наплевать, — повернувшись, с каким-то печальным взглядом произнес Ромул.

— Неправильно — это мягко сказано, Ромул. Но, к сожалению, так оно и есть. Даже если вернуться к нашему разговору про судей и суд, что мы увидим? Местная знать, например, эти «почтенные люди», всегда в лучшем положении перед судом. А таких, как вы и ваши родители, «простых смертных», можно и высечь, и отправить на каменоломни, и лишиться имущества, и предать мучительной, позорной казни. Вот сегодня вы увидите, как на арене Колизея будут четвертовать одного бедняка, который своровал из храма драгоценности и золотую чашу, пожертвованную туда одним знатным и уважаемым

человеком. Когда-то этот несчастный был искусным резчиком по слоновой кости и честным малым, но ему не повезло: он захотел славы и известности, и клялся, что отдаст за это все. Что же, теперь он известен всему Риму и, действительно, отдал за это все, что имел. Двоих его детей продали в рабство, чтобы компенсировать храму украденные вещи. Жена, не выдержав позора, бросилась в воды Тибра, а его самого жестоко избили и вот теперь казнят на потеху зрителям.

— Но ведь он вряд ли хотел получить именно такую известность? — спросил Ромул.

— Я всегда говорил и буду говорить людям: будьте осторожны со своими желаниями — они имеют свойство сбываться. Впрочем, этот человек сам виноват в своих несчастьях. Он жил нормально, имел жену, двоих детей, неплохой заработок в своей мастерской. Что еще нужно для счастья? Но нет, ему, как и всем людям, захотелось большего, а потом еще и еще — и так до бесконечности. Человеку несвойственно насыщение богатством. Ему всегда мало, сколько ни дай. И только потеряв все, он начинает понимать, как счастлив был и что на самом-то деле для хорошей жизни требуется совсем немного. Но что нам до какого-то воришки, который хотел улучшить свое положение за счет кражи? Давайте забудем о нем.

— Марк, а что происходит там? — показывая пальцем на площадь, где собрался народ, спросил Луций.

Марк остановился. Его веселое лицо мгновенно посерьезнело, на нем пропала улыбка, с которой он еще минуту назад рассказывал и показывал юнцам все прелести Рима. Какой-то проходящий мимо мужчина, услышав вопрос Луция, ответил ему:

— Там, в центре этой толпы, проповедует человек. Вы узнаете его по всклокоченной бороде, рваной одежде и посоху, который он держит в руке. Он называет себя Иов. Он странствует из города в город, читая проповеди на площадях и рынках, рассказывая, что скоро все узнают об истинном Боге. Говорит, что римских богов нет, а есть один Бог, и он пошлет к нам своего сына, дабы мы прозрели. Утверждает, что тьма живет в нашем мире и хочет уничтожить род человеческий руками самого человека, что якобы тьма его испытывала, и тогда он понял истинный смысл существования. Знать его ненавидит, называет то беглым рабом, то отцеубийцей, а народ слушает его речи охотно. Оно и немудрено: он высмеивает мудрецов и философов, которые проповедуют величие духа и добродетель, а сами готовы передрасться из-за подачи богатого невежды, как псы из-за кости. Смеется над нашими религиозными празднествами, говоря: «Неужели какой-нибудь бездельник только от того, что увидел фокусы жрецов, станет любезнее богам, чем честный, трудолюбивый человек?». Да что там: он ругает самого императора! Он много говорит о своем Боге, и народ слушает его. Вы бы сходили, у него есть, чему поучиться, — сказал прохожий.

— Марк, пойдем! Пожалуйста, пойдем! Давай послушаем, о каком таком Боге он говорит! — словно галчата, наперебой зашебетали Луций и его товарищи. Марк стоял с каменным лицом, не моргая и практически не дыша. Он медленно повернул голову в сторону прохожего и окинул его пристальным взглядом. Затем, не глядя на ребят, спокойно ответил:

— Скоро начнутся игры, нужно занять места поближе к арене. Если мы пойдем слушать этого бездельника, несущего чушь, мы пропустим открытие. Воля, конечно, ваша, но мне кажется, слушать всякую ерунду не стоит. В Риме хватает безумцев и, вероятнее всего, это один из них. Так что...

— Жалко, — тихо ответил Ромул. — Я бы послушал, а вдруг он, действительно, какой-

нибудь пророк и говорит правду?

— Но и начало пропускать неохота, — шмыгнув носом, буркнул Луций.

— Да вы чего! Сдался вам этот старик, который наверняка выжил из ума! Пойдемте быстрее занимать места, скоро начнется представление! Зрелище, небось, будет что надо! — прыгая на месте от нетерпения, прокричал Понтий, теребя Луция за тогу.

— Ладно, пойдем, пойдем! — уже разулыбавшись и забывая про проповедника, ответил Луций.

— Вот и отлично, — подытожил Марк, и они пошли к Колизею, который огромной скалой возвышался в центре города.

Прохожий же, советовавший юношам посмотреть на странника, пошел своей дорогой, но, свернув в переулок, почувствовал страшную боль в голове. Он обхватил ее руками и, открывая рот, словно рыба, выброшенная на берег, стал биться затылком о стену дома. Подбежавшие к нему на помощь люди с ужасом отшатнулись от него: бедолага бился головой о камни до тех пор, пока не размозжил себе голову и не рухнул замертво на мостовую.

По мере приближения к Колизею восторг Луция и его друзей возрастал все сильнее и сильнее. Они никогда еще не видели такое множество людей, которых поглощало в себя это великое строение. Казалось, что им нет числа, и все они бесконечной вереницей входили во чрево каменного монстра. Вокруг шла бойкая торговля, везде сновали водоносы и лотошники. То тут, то там под землю уходили тоннели, куда на лошадях и буйволах завозили клетки с разными экзотическими животными, которых Луций не видел даже во сне. Чуть дальше, закованные в железо, длинной цепочкой шли рабы, рядом принимали ставки на скачки и бои гладиаторов. Повсюду стоял шум. Люди разной национальности и по-разному одетые спешили каждый по своим делам, и общая суета овладевала каждым, кто оказывался в этой толпе.

Луций почувствовал, как чаще забилося его сердце, как кровь ударила в виски, пульсируя и раздувая вены. Странное желание поскорее войти внутрь овладело им, и он уже не думал ни о чем, кроме игр. А вокруг все кипело и бурлило, жило своей сказочной жизнью. Тут выступал жонглер с факелами, там стоял факир, который плотал ножи, а чуть поодаль прекрасная девушка вытворяла невыдуманные акробатические трюки. Гадалки, предсказатели, продавцы целебных мазей, жрицы любви — все это манило и звало, тянуло и разрывало душу Луция и его друзей. Невообразимый, фантастический мир открылся перед ними. Марк шел, молча наблюдая за тем, как парни, открыв рты от удивления, смотрели на все происходящее блестящими глазами, полными желания пережить, почувствовать, познать неведомое искушение. Они впитывали новые ощущения в свои души так же жадно, как сухая губка впитывает воду.

— Колизей вмещает более пятидесяти тысяч зрителей, а на арене выступают иногда до двухсот пар гладиаторов одновременно. Какое это великолепное зрелище, когда они перед началом боя проходят по арене, сверкая дорогим вооружением, и приветствуют императора словами: «Да здравствует император! Идущие на смерть приветствуют тебя!». Впрочем, вы скоро сами все это увидите. Такое не забывается никогда, — внезапно проговорил Марк, подогревая желание Луция, Ромула и Понтия быстрее попасть внутрь.

Они, словно капли воды, влились в бесконечный людской поток, и свернуть из этого живого ручья было уже невозможно. Луцию казалось, что если даже он оторвет ноги от земли, то толпа все равно внесет его в пасть каменного чудовища под названием амфитеатр.

Марк произнес:

— Держитесь рядом со мной.

Они попали в темный проход, освещаемый огнем масляных жаровен. Какое-то время все шло в полумраке, пока впереди не показался яркий свет и не послышался нарастающий шум зрительских трибун. Еще немного, и Луций сощурился от слепящего солнца и белоснежного песка, которым была засыпана арена. Повсюду, словно мелкие букашки в сравнении с исполинским зданием, на уходящих в небо скамьях сидели люди. Луций на мгновение замешкался, удивленно озираясь по сторонам, а когда обернулся, не увидел рядом никого из своих — лишь бесконечный людской поток, обтекая его, все шел и шел на трибуны. Растерянно и испуганно юноша стал метаться в толпе, но люди, не обращая никакого внимания на его панику, увлекали его вперед. От страха сердце Луция, казалось, вот-вот выскочит из груди. Он бился о спины и бока попутчиков, словно пойманная птичка о прутья клетки, но, как и она, не мог ничего сделать. Вдруг сильная рука со стальной хваткой выдернула его за шиворот из толпы. Это был Марк.

— Тут не зевай, парень, растопчут и не заметят, — с поучительным видом проговорил он.

— Как же я рад тебя видеть, — облегченно вздохнув, ответил Луций.

— Пойдем, наши места вон там, в первых рядах. Я воспользовался своими связями, чтобы получить их. Тут самый лучший вид на представление. Вон, видишь: там впереди, под розовым шатром, сидит сам император Тиберий со своим окружением. Рядом с ним расположились самые уважаемые и богатые люди Рима, — рассказывал Марк, подводя Луция ближе к скамье, где уже сидели Ромул и Понтий.

Заняв свои места, все стали с нетерпением ожидать начала. Наконец, игры были объявлены открытыми. Народ взревел от восторга и нетерпения. В Рим были свезены со всего мира всевозможные звери: слоны, обезьяны, носороги, медведи, львы. Одни из них, обученные дрессировщиками, показывали разные фокусы, другие — сражались друг с другом и с охотниками, которые, как и гладиаторы, учились своему делу в специальных школах. Остальным были брошены на съедение те рабы и разбойники, которых не взяли в гладиаторы. По завершении небольшого вступительного представления на арену вытащили того несчастного мастера, про которого рассказывал Марк. После того, как были зачитаны предъявленные ему обвинения, палач привел в исполнение приговор: осужденному была отсечена рука. Его кровь окропила белоснежный песок, сам преступник взвыл от боли, задергавшись на помосте, а толпа взревела, заглушая крик бедняги. Луций с непривычки, зажмурившись, отвернулся. Ромул побледнел, но продолжил смотреть на происходящее стеклянным взглядом и не шевелясь, казалось, его мысли были где-то далеко от него. И лишь Понтий радостно орал вместе со зрителями.

— Это только сначала жалеешь их, потом тебя интересует лишь происходящее. Они просто куклы на арене, не воспринимай их как людей — просто наслаждайся зрелищем. И радуйся, что мы с ними по разные стороны сейчас и, надеюсь, будем всегда, — спокойно сказал Марк, увидев реакцию Луция. — Посмотри на Понтия: он не осознает, что там живые люди, а просто наслаждается происходящим на арене. Бери пример с него, и тебе это тоже понравится.

И действительно, вскоре все стало казаться нормальным: кровь уже не вызывала отвращения, а крики стали чем-то вроде музыкального фона. Все происходило как во сне. В голове не было ничего, кроме желания смотреть на арену и наслаждаться происходящим.

Лишь только Ромул, словно статуя, оцепенело и молча наблюдал за действием, но это заметил только Марк. А Луций и Понтий радостно кричали вместе с толпой, смотря, как лев, вцепившись в горло кому-то из находящихся на арене, повалил его на песок и стал рвать на части. Чуть в стороне тигр догонял убегающую от него женщину, которая пыталась спрятать ребенка, закрыв его своим телом. Но скоро было покончено и с ними, что вызвало новый всплеск радости и одобрительные крики зрителей, заглушающие вопли несчастных.

Как правило, гладиаторские игры в Риме начинались лишь во второй половине дня. Тем не менее, с самого утра тысячи зрителей спешили в Колизей для того, чтобы развлечься за государственный счет. Часто праздник открывался травлей дикими зверями. Кровавые сцены, когда хищники с жадностью раздирали людей, сменялись показом дрессированных животных, удивлявших публику невероятными цирковыми трюками. Так и сейчас, едва только публика утолила жажду крови и насытилась ужасным зрелищем, как ей уже показывали медведя, ходившего по натянутому канату. Обезьяны покорно жонглировали булавами, а львы послушно выполняли приказы дрессировщиков. Луций смотрел с восторгом на то, что творилось на арене. Марк и сейчас оказался прав: главное, не думать о том, что там, на песке, все по-настоящему, что там живые люди и им страшно и больно. Надо просто смотреть и наслаждаться, получая какое-то доселе невиданное удовольствие.

Подобные ужасные зрелища обставлялись всегда пышно и театрализованно. Особенно любимы публикой были представления с пытками и казнями на арене. Однако, вместо того, чтобы пригласить артистов изображать муки и смерть, на нее выводили преступников, предварительно заставив их выучить изображаемые сцены. А на арене они подвергались не шуточным, а самым настоящим страданиям. Вот и теперь под звуки оваций на песок вывели человека в дорогой, расшитой золотом тунике и прекрасном пурпурном плаще. Зрителям объявили, что он конокрад и вор, и они взревели от возмущения. Затем осужденного заставили играть трагическую сцену на потеху собравшимся, после чего сожги заживо. И снова крики радости, и снова восторг.

Столь пестрая смесь травли зверей, чудес дрессировки и разнообразных казней, длившихся с утра до полудня, раззадоривала аппетит собравшейся на представление публики, которая с нетерпением ожидала кульминации празднества — гладиаторских боев. И вот на скамьях Колизея постепенно затихали разговоры и разные обсуждения. Любители азартных игр, советуясь друг с другом, делали последние ставки на известных и любимых толпой борцов. Наконец, всеобщее внимание переключилось на великолепную гладиаторскую колонну, вступающую на арену под звуки труб и фанфар. Когда гладиаторы проходили под аркой, их осыпали лепестками роз, а восторженная публика вставала с мест, чтобы поприветствовать их овациями.

— Смотри, Луций! Так выглядят те, кому поклоняется толпа. Здесь они главнее императора — здесь они боги. Запомни, мой мальчик: только смелым, бесстрашным и безжалостным покоряется власть. А здесь вся власть у толпы. Посмотри, сколько тут собралось бездельников и прожигателей жизни, никчемных бездарных существ, которые называют себя людьми. Но тут и только тут им не может возразить даже сам император. Потому что люди любят тех, кто радуется их победой на арене, а представь, как они будут восхвалять того, кто подарит им победу над врагами Рима, обеспечив им новые земли, зрелища и увеселения.

Луций лишь кивал головой, глядя на то, как в солдатских накидках поверх роскошных доспехов шли различные типы бойцов. Словно в красивом сне, блистая начищенными до

блеска шлемами, мимо парней проходили секуторы, мурмилоны, гоппломахи, ретиарии и другие гладиаторы, коими сегодня пестрила арена. Некоторые сходили с колесниц, доставлявших их в амфитеатр, и в военном строю маршировали по арене. Напротив почетной императорской ложи торжественная процессия приговоренных к смерти останавливалась. Гладиаторы, подняв правую руку вверх, громко приветствовали Цезаря Тиберия: «Ave, Caesar, imperator, morituri te salutunt!».[1]

— Когда же начнется сражение?! — не выдержав напряжения и почти вскочив с места, воскликнул Понтий.

— Скоро, совсем скоро. Сейчас уже.

— А тут будет выступать гладиатор, о котором столько говорят и который свой первый в жизни бой проведет тут, в Риме? — снова интересовался юноша.

— Я не знаю, Понтий, все возможно. Но если он, и правда, будет сражаться тут впервые, то, скорее всего, его ждет смерть. Все бойцы, которых вы сейчас видели, обучались в лучших школах Рима, у них прекрасное оружие и отличная подготовка. Остальных будут выпускать к ним для потехи. Впрочем, мой приятель Александр сегодня привез сюда своих бойцов и, хотя его гладиаторы не относятся к известным и прославленным школам, он иногда может поразить собравшихся талантливыми чужаками. Возможно, и сегодня он постарается удивить нас. Я лично сделал ставку на одного из его бойцов со странным именем Ратибор. Говорят, он весьма способный и, возможно, именно ему сегодня повезет, и он получит деревянный меч и свободу. Хотя такое случается редко. Мало кому в последнее время удастся завоевать любовь зрителей, которым уже приелось обилие страдания и крови.

— Точно, Ратибор! Точно! — словно ошпаренный, прокричал Понтий. — А вы мне не верили! Я же говорил, что имя у него странное!

— Ага! Ты еще говорил, что он тигра голыми руками задушил! — рассмеялся Луций.

— Да, имя у него, действительно, странное для нас, но не для тех мест, откуда он родом. Имя, Понтий, не может быть странным. Имя оно и есть имя. А сказок про всех гладиаторов ходит много. Точнее сказать, про хороших гладиаторов, а они хороши, пока живы. Посмотрим, как он будет биться. Время покажет, какой из него воин.

— Да в клочки его порвут, Понтий! Посмотри: тут элита, имперские гладиаторы и лучшие бойцы из самых известных школ, — проговорил Луций и повернулся к Марку в надежде услышать одобрение, но тот даже не взглянул в его сторону, сделав вид, что не слышал парня.

После приветствия императора и парадного марша на арене появились особые слуги, которые стали проверять оружие у бойцов. Зазубренное, ненадежное или тупое они отбирали и заменяли его острым и надежным, ибо никто не хотел лишиться кровавого зрелища. Остальных, менее известных, бойцов даже не допускали на арену, а держали в подвале Колизея. Все понимали, что они будут выступать в роли мяса и служить для разогрева публики. Там же, как скот, стояли преступники, военнопленные и беглые рабы, которых поймали и приговорили к смерти. Их выпускают на арену в первую очередь, без оружия и доспехов, просто на убой, для того чтобы бойцы смогли размяться и опробовать свое оружие перед настоящими схватками. В темном углу сидел странный боец — тот самый, которого Александр купил несколько лет назад у работорговца. Неподалеку от него был и германец, которого тогда на рынке он заставлял прыгать и бегать. Рядом находились еще с десятков гладиаторов из собственной школы Александра. Ратибор сидел на полу, не обращая ни на кого внимания и рассматривая дешевый шлем, который ему выдали из

здешнего арсенала. Доспехи тоже были ветхими и сомнительными по качеству. Словом, все было сделано для того, чтобы публика с первого взгляда на бойцов понимала, за кого нужно болеть, а кто наверняка погибнет сегодня на арене. Ратибор держал шлем перед собой и пристально смотрел на забрало, словно это было чье-то лицо. Напряженно, не моргая, он вглядывался в холодное, бездушное железо. Он думал о своей родине, о своем отце, о бескрайних, занесенных снегом лесах. О морозе, который сковывал все живое, при котором даже птицы переставали щебетать на деревьях. Все здесь было ему чуждо, и лишь смерть прельщала его в последнее время. Но беда была в том, что он, Ратибор, сын Ярослава, даже в плену ощущал себя княжичем, а никак не рабом. Если бы он был одним из невольников, то сейчас бы стоял вместе с ними в их презренной кучке и сожалел о том, что ему не пережить этот день. Но Ратибор мыслил по-другому. Он и думал о другом, и жил иначе. Потому-то Александр и держал его отдельно. Нельзя сломать то, что не ломается, нельзя покорить то, что не покоряется. Германец наблюдал за собратом по несчастью, косясь исподлобья, и, судя по всему, думал, что тот совершает какой-то магический обряд или готовится к смерти. До этого Ратибора они не видели: Александр всегда держал его отдельно от всех. Вот и теперь русич находился в стороне, а остальные тоже не особенно желали подходить к нему. У гладиаторов нет друзей: в любой день твой друг может стать твоим врагом на арене, и тогда тебе придется сражаться с ним, чтобы не умереть самому.

Но вот раздались глухие звуки труб, означавшие начало резни. Под барабанный бой, резкие трели рожков, визг и свист толпы появлялись те, кто вступит в бой не на жизнь, а на смерть. Блистая доспехами, вышли гладиаторы имперской школы и самых знатных людей Рима. Тут же со скрежетом поднялись ворота и на арену выгнали тех, кому оказывалась честь умереть на глазах многотысячной толпы. Крик и шум прошелся по скамьям арены.

— Ну, Понтий. Ты же ожидал начала конца? — с иронией проговорил Марк. — Так вот оно.

Под музыкальное сопровождение на арену выходили все новые и новые гладиаторы с самым различным вооружением, что позволяло держать публику в постоянном напряжении. А с противоположной стороны появлялись все новые и новые смертники, без оружия и без права выбора. Бойцы, закаленные в битвах, хорошо вооруженные и закованные в броню, кинулись на беззащитных невольников. И вновь толпа поднялась с аплодисментами, и вновь среди них были Луций и Понтий. И вновь Ромул сидел, словно тень, бледный от увиденного. И снова Марк лишь обвел их всех взглядом.

В темном коридоре стоял повергнутый в ужас германец со своими соплеменниками. Вместе с ними готовились к выходу остальные гладиаторы, в задачу которых теперь входило сражаться с теми, кто остался на арене. Среди них был и Ратибор. Невольники со страхом наблюдали за тем, как песок Колизея впитывает в себя кровь первой партии смертников. Вскоре на арене появился служитель, одетый, как бог смерти Харон. Он держал в руках кувалду, которой добил раненых. Убитых вывезли с арены на телегах, доверху груженных телами. И вот тяжелая плеть надсмотрщика легла на широкую спину Ратибора. Он хотел было повернуться и ответить, но поток невольников вынес его на яркий свет арены, на которой белоснежный песок, сияя, отражал солнце и слепил глаза, привыкшее к полумраку подвала. Рабы очутились в окружении разъяренных бойцов, тела и доспехи которых были залиты кровью. Толпа неистово кричала, проклиная тех, кто только что появился на песке смерти. Ратибор осмотрел поле боя. Они стояли двадцать против сорока. Он понимал, что рабы обречены, обречены с того самого момента, как попали сюда. Никто из них не будет

сражаться в команде: каждый боится за свою шкуру. Русич медленно отступил назад, сжимая свой меч все крепче и крепче. И вдруг сверкнула молния, а вслед за ней раздался гром, хотя еще несколько минут назад на небе не было ни облачка. Полил проливной дождь. Все замерли. Настала тишина, и лишь только шум дождя скрашивал ее каплями, бьющимися о мгновенно образовавшиеся лужи. Только один человек в Колизее сидел, не шелохнувшись. Он невозмутимо смотрел на дождь, который хлестал его по лицу, стекая обильными ручьями вниз, дальше по телу. Вскоре дождь кончился. И снова выглянуло солнце, и на трибунах стало припекать. Вернулась ужасная духота, и тут прозвучал горн и гладиаторы кинулись в бой. Ратибор стоял в стороне, наблюдая, как идет схватка, но долго незамеченным он не остался. Приметивший его ретиарий кинулся на него, размахивая над собой сетью. Ратибор стоял неподвижно и глубоко дышал. Казалось, он не видит приближающейся опасности, но это было обманчивое впечатление. Мимо него просвистела сеть. Ловко уклонившись от нее и отбив летящий следом трезубец, русич в несколько движений оказался за спиной ретиария и одним ударом снес ему голову с плеч. От неожиданности толпа охнула, а Ратибор медленно обтер окровавленный меч о свою ногу и снова стал ожидать нападения на том же самом месте.

Обычно гладиаторы сражались попарно, но иногда устраивались и групповые бои — так было и на этот раз. Горе тому, кто оказывался в них недостаточно смел и решителен. В этом случае каждый из сидящих в Колизее чувствовал себя чуть ли не оскорбленным лично, и ярость толпы тут же обрушивалась на нерасторопного неудачника.

— Руби! Режь! Бей! Почему он так робко сражается?! Почему так медлит с убийством противника?! Почему неохотно умирает?! — кричали Понтий и Луций, когда бойцы разделялись с беззащитными невольниками в первом поединке. Однако после того, как гладиатор Александра без особого труда уложил опытного бойца одной известной школы, толпа притихла, а участники битвы на некоторое время разошлись по сторонам. И только Ратибор стоял неподвижно рядом с обезглавленным трупом. Однако промедление было недолгим, и буквально через мгновение бой возобновился, и вновь над ареной стали разноситься скрежет и лязг железа, стоны умирающих и радостные крики толпы. Каждый удар зрители сопровождали дикими возгласами. При каждом ранении, наносимом гладиатору, на победу которого делалась ставка, раздавались крики отчаяния и разочарования — ведь многим приходилось дрожать за собственные деньги, а ставки здесь были немалые. Однако то, отчего один уныло вешал голову, у другого вызывало бурю восторга. Впрочем, в этот раз ставки были не высоки: все понимали, кто победит в этом сражении, а где нет интриги, там нет и куша.

— Наверное, это тот самый гладиатор, о котором я вам говорил! — дергая Луция за плечо, кричал Понтий, указывая на то, как Ратибор разделяется с очередным противником. Русич стоял на прежнем месте, рядом с ним лежало уже пять окровавленных тел, и, по всей вероятности, желающих с ним сразиться уже не было.

Тем не менее, бой продолжался. Ратибор по-прежнему стоял неподвижно, наблюдая за тем, как один за другим отправляются к праотцам вышедшие с ним на арену невольники. Последним убили того самого германца, которого так долго и тщательно выбирал Александр.

— Почему он не помогал своим?! — изумленно спросил Луций у Марка, когда русич остался один против шестнадцати. — Он же обречен! Они же сейчас прикончат его!

— Он не помогал им потому, что они для него не свои, Луций, а чужие. Они для него

никто. Да ведь и они тоже не помогали ему. Он так воспитан, и сейчас не чувствует себя побежденным. Этот северный народ очень своеобразен и странен. Я бы хотел иметь такого друга, как он: он никогда не предаст и будет верен до смерти своим товарищам. А те, кто сейчас пал на его глазах, так они для него не лучше тех, кто остался на арене.

Тем временем на русича кинулись двое смельчаков. Ратибор ловко уклонился от первого удара, парировал второй и стал закрываться и уворачиваться от последующих. Его щит не выдержал такого напора и раскололся. Отбросив его в сторону, русич сумел увернуться от очередного удара и сразил нападавшего, загнав в его тело клинок по самую рукоять. Провернув меч в плоти стонущего противника и отпихнув его от себя, он мгновенно развернулся и рассек живот второму гладиатору. Тот рухнул на песок и, схватившись за брюхо, стал кататься по арене, истошно крича и зажимая рану на теле. Опешив от такого поворота дел, другие бойцы застыли неподвижно, боясь подойти к этому зверю. Однако толпа яростно требовала продолжения. Она хотела смерти этого непокорного раба, который явно должен был уже давно погибнуть. Вопреки всякой логике, они отчего-то возненавидели храброго воина и теперь кричали и освистывали гладиаторов, которые боялись прикончить строптивца. Наконец, гладиаторы окружили Ратибора и приготовились к нападению, дабы разделаться с ним. Русич презрительно посмотрел на них, затем отшвырнул меч в сторону и снял с себя шлем. Он прикрыл глаза и, глубоко вздохнув полной грудью, стал ждать смерти. На трибунах воцарилась тишина, замерли и гладиаторы, не понимая, что происходит.

— Что он творит? — с волнением спросил Луций.

— Он показывает всем то, что презирает всех собравшихся здесь и даже саму смерть. Что он больше не желает развлекать толпу и что готов умереть, — с иронией ответил Марк. — Жаль, такой боец пропадает: сейчас его прирежут на потеху толпе, а ведь он мог бы сослужить кому-нибудь отличную службу, если бы попал в хорошие руки.

И вот на трибунах стал нарастать шепот. Казалось, все сейчас кончится, как вдруг один юноша вскочил со своего места и прокричал во все горло:

— Жизнь! Пускай живет! Жизнь!

Ратибор и стоящие вокруг него гладиаторы обернулись: это кричал Луций. Русич, прищурившись, всматривался в незнакомого юнца, пытаясь понять, зачем тому понадобилось его спасти. Сидевший рядом Марк одобрительно взглянул на Луция, а затем повернулся к Понтию и Ромулу. Те, поняв, что происходит, тоже вскочили со своих мест и присоединились к другу. Марк перевел свой взгляд на сидящих рядом зрителей, и те мгновенно поддержали парней. Вскоре все трибуны скандировали, оглушая криком императорское ложе и стоящих на арене бойцов:

— Жизнь! Жизнь! Жизнь!

Император поднялся с трона и подошел к краю ложи, успокаивая жестами толпу. Все постепенно затихли. Тиберий окинул взглядом публику, потом посмотрел на бойцов на арене, не спеша вытянул вперед правую руку и сжал кулак. Затем он снова посмотрел на собравшихся и с улыбкой поднял вверх большой палец. В этот момент толпа радостно засвистела и зашумела, повсюду раздались аплодисменты. Все кричали и славили Цезаря.

Луций, Ромул и Понтий стали обнимать друг друга и прыгать от радости, словно дети. Ратибор все еще неподвижно стоял, не понимая, что произошло, когда ворота раскрылись, и бойцы стали покидать арену, освобождая ее для следующих выступлений. Им на смену выбежали служители в масках богов подземного мира с раскаленными железными прутьями, при помощи которых они проверяли, действительно ли пресеклась нить жизни лежащего

перед ними гладиатора, или же он еще вздрагивает. Таким образом, бывало, выявляли и тех, кто лишь притворялся мертвым от страха и отчаяния. Они, конечно, не уходили от своей судьбы. Человек в маске Харона с молотком в руке провожал павших с почестями сквозь «Ворота смерти», ведущие в украшенную венками мертвецкую. Тех же, кто подавал признаки жизни, он добивал без особой жалости. Затем он подошел к Ратибору и произнес:

— Ступай! Сегодня удача на твоей стороне! Тот юноша даровал тебе жизнь! Помолись за него своим богам, гладиатор!

[1] «Здравствуй, Цезарь, император, идущие на смерть приветствуют тебя!»

Прошло много лет с тех пор, как три легиона пали в Тевтобургском лесу, как остатки выживших вернулись домой, но исчезли бесславно от голода и гонений здесь, на своей родной земле, став жертвой презрения сограждан, равнодушия правительства, глупости и бездействия окружающих. Все это помнил и старый Помпей. Помнил он и то, как лично расправлялся с теми, кто приходил к нему, чтобы снова попроситься под знамена и защищать свою страну, завоевывать для нее новые и новые земли. Пользуясь своим нынешним положением, он стремился с особой жестокостью карать тех, с кем еще недавно был на равных.словно яростный хищник, почуявший кровь, он вершил то, на что другие не осмеливались. Он не взирал даже на дружбу. Предатель не может быть другом! Вот был его девиз, воплотивший всю его низкую натуру. Ради власти и шанса выслужиться он не брезговал никакими методами. Единственными, кто тогда вырвался из его цепких лап, были Корнелий и его ничтожные дружки, коим по счастливой случайности и по велению тогда еще живого и могущественного Терентия удалось ускользнуть. Мысль об этом засела в голове Помпея, словно заноза. С каждым годом, с каждым прожитым днем она беспокоила его все сильнее. Он всегда соперничал с Корнелием, с самой молодости, и всегда проигрывал, раз за разом уступая Пророку первенство.

Теперь жизнь Помпея катилась к закату. Он уже не занимал высокий пост начальника охраны, однако все помнили его рвение к наказанию и ненависть к государственным изменникам и врагам, а потому оставили за преданность и заслуги в должности писаря. Грубо говоря, Помпей стал книжным червем, который разбирал заявления и приказы на уволенных в запас ветеранов, на их довольствие и земельные владения, полученные за добрую службу во имя Рима и императора, а также бумаги на пошлину и дань с завоеванных земель и налоги с дополнительного заработка земледельцев. Но старого Помпея это дело не совсем устраивало: он так и не смог смириться с тем, что его списали, хотя и сам понимал, что на большее уже не способен. Время не знает пощады и не жалеет даже вековые дубы — что уж говорить о человеческом теле. Хотя были в его положении и плюсы, в частности, он не терял связей с сенаторами, которым подготавливал все документы для издания приказов и сбора денежных средств с граждан Рима. Все-таки лучше быть при деле и немалой зарплате, живя с набитым желудком, чем впроголодь ожидать смерти в маленькой квартирке. Эта небольшая жилплощадь досталась Помпею еще в былые годы — в подарок за преданность. И пускай она располагалась на окраине Рима, это все же было лучше, чем ничего. Многие из его соседей платили арендаторам баснословные деньги за возможность жить в этих трущобах, и он, получивший квартиру в дар, был весьма ею доволен. К тому же в его распоряжении были солдаты, а это какая-никакая, но власть! И пока он при ней, у него оставалась возможность отомстить тому, кто больше десяти лет назад не склонил головы на поле боя, а затем ускользнул от него по воле дрянного случая и сейчас живет не хуже самого Помпея, хотя сам Помпей сделал все, что мог, чтобы пустить неугодных по миру. Одно время он даже всласть позлорадствовал, пока Корнелий обивал пороги чиновников, клянча себе и своим отпрыскам на кусок хлеба. Пользуясь своим положением, Помпей лично

посылал прошения в инстанции с просьбой отказать этим изменникам во всем. И им отказывали. И на первых порах все вроде бы складывалось удачно, и он был доволен тем, что, не прилагая особых усилий, он вместе с народом Рима и с подачи императора внес свою лепту в оказание презрения тем, кто должен был давным-давно кануть в низовья Тартара от невыносимых условий существования.

Но сейчас дело обстояло с точностью до наоборот: те, кого он так ненавидел, мало того, что не бедствовали, но и жили в достатке. Какой-то странный, никому не известный человек скупал по явно завышенным ценам их сельскохозяйственную продукцию, скот и ремесленные товары. И как Помпей ни пытался докопаться до этого благодетеля, все было тщетно. Все знали лишь его имя — Александр — и больше ничего. Все остальное было окутано тайной, притом тайной ненавязчивой: с одной стороны, вроде как каждый про этого Александра хоть что-то слышал, с другой — никто не мог припомнить и сказать про него ничего конкретного. Подписанные им бумаги обычно пропадали самым странным образом, да так, что их потом уже никто не мог найти. Люди, которым доводилось познакомиться с ним лично, по удивительным стечениям обстоятельств вскоре покидали Рим, причем так же бесследно. Тем досаднее была мысль об этом неуловимом покровителе и тех, кто припеваючи жил под его крылом. Эта мысль долгие годы не давала Помпею покоя, как не дает покоя заноза, которая, несмотря на микроскопический размер, причиняет немало беспокойств, напоминая о себе болезненным нарывом.

«Ах, если бы не этот сердобольный и рассудительный сенатор Терентий, который так не вовремя зашел тогда в комнату, где пытали Корнелия, я быстро выбил бы признания из Пророка. Конечно, выбил бы: и не таких ломал по молодости! Немного времени и правильный подход, и все рано или поздно начинали говорить. И если бы не тот роковой случай, сейчас бы эта заноза не сидела у меня в мозгу!» — так думал бывший начальник охраны Помпей, и от этих мыслей у него сводило скулы и поскрипывали зубы.

Но еще больше его раздражало то, что он долгие годы не мог добиться расположения одной особы, которая после смерти супруга продолжала хранить ему верность. И надо же было ему влюбиться по уши в ту, чей муж погиб в Тевтобургском лесу! А ведь в лице Помпея у нее был прекрасный шанс наладить и свою жизнь, и жизнь своих маленьких детей.

«Но нет, ты же собралась горевать до скончания веков, страдая сама и заставляя страдать теперь уже старого книжного червя, который так и не создал из-за тебя семьи и остался одинок!» — нервно прокручивал Помпей едкую мысль у себя в голове.

Размышления о Ливии, словно наваждение, словно пьянящий дурман, не отпускали его. Он старался забыть ее, старался завязать отношения с другими женщинами. Один раз даже чуть не посватался к дочери местного работорговца Антония. Но Ливия снова затмила его рассудок, и он в который раз остался ни с чем.

— Вот дура! — буркнув себе под нос, продолжал мысленно рассуждать Помпей, не отрываясь от своей рутинной работы.

Сколько раз он пытался добиться ее расположения на протяжении всех этих лет. Он старался помогать ей финансово, присылал в помощь рабов и одаривал ее подарками, которые она отсылала ему обратно. Да, эта женщина крепко засела в его сердце. Но все его старания были как об стенку горох! И теперь, сделав ставку на нее, он остался один! Один, без теплого очага, без резвящихся во дворе детей, пускай даже и не родных. Он был готов пожертвовать ради нее всем, но пожертвовать пришлось своей молодостью и своими безответными чувствами. Все-таки старый Помпей был не так уж и черств, учитывая то, что

любовь все-таки сумела поселиться в его сердце.

«Надо было выкинуть тебя вон из своей головы, дуру этакую!» — невеселые мысли распяляли Помпея и заставляли его злиться еще больше — злиться на то, что его столько времени не замечали, а может, и на самого себя, поскольку он так и не сумел повернуть все по-своему. Так или иначе, но ситуация, в которой он оказался, очень его задевала. Ведь что теперь есть у него, кроме работы? Ничего, ровным счетом ничего: ни наследников, ни любимой женщины рядом.

«Сам виноват, старый дурак! За что боролся, на то и напоролся! Влюбленный слепой дряхлый пень! Куда же ты смотрел все эти годы? Чего ждал?» — Помпей нервно швырнул на пол какие-то бумаги, обхватил седую голову руками, наклонился над столом и тяжело вздохнул. Вскоре он встал и начал нервно ходить по кабинету.

— Да что б вы все отправились в Тартар, и ты, и приятели твоего покойного муженька! Я долго был терпелив и не трогал вас! Я долго закрывал глаза на то, как жируют те, чье место на виселице! Я долго позволял этой дуре унижать себя, держать за тряпку! Она слишком многое о себе возомнила! А эти...?! Эти...?! Помощники, мать их... Но теперь все! Хватит! Надоело! — нервно бормоча, не успокаивался Помпей.

— Раз боги решили сделать меня несчастным, так и вам недолго осталось улыбаться! А ты, Ливия?! — ругался он на всех и вся, расхаживая взад и вперед, и все никак не мог уgomониться. Иногда он и вовсе так возбуждался от всех этих мыслей и переживаний, что его кулаки нервно сжимались, а лицо становилось бордовым от переполнявшей его обиды за пустую трату стольких сил, направленных на завоевание одной-единственной женщины. Из-за нее он так долго терпел того, кого люто ненавидел всеми фибрами своей души.

«Ну, ничего. Ничего. Справедливость, она восторжествует! Она отчасти уже восстановлена! Недолго любовался белым светом Терентий, ох, недолго! Как лихо он был разоблачен своим же другом и казнен вместе с остальными предателями и заговорщиками», — немного успокоившись и сев на место, подумал Помпей. От этих мыслей на его лице заиграла легкая улыбка, обнажив уже неполный ряд зубов. Помпей прекрасно помнил тот день, когда этот мерзкий сенатор выставил его дураком в собственных казематах на глазах у Пророка.

Дело оставалось за малым: состряпать компромат на землевладельцев ему не составит особого труда. Достаточно немного подкорректировать цифры в бумагах и отдать на подпись сенаторам. Судьба благоволила ему в последнее время, и он не мог не воспользоваться таким шансом. Недавно его непосредственный начальник уехал по государственным делам и оставил все на него, даже печать и ключи от комнаты, где лежали чистые бланки. С таким арсеналом, подкрепленным хорошей репутацией, Помпей мог расправиться сейчас с любым врагом, куда более серьезным, чем Корнелий. Однако ненависть навязывала ему свои правила, а он, погрязший в ней с головой, уже не мог отступить или изменить условия игры. До расправы оставались считанные дни. Император, как показали недавние события, был не намерен ни с кем церемониться, и смерть Терентия — его друга и соратника Силана — только утвердила Помпея в этом мнении. А если фигурантами доноса будут те, кто скрывал налоги на протяжении продолжительного времени, то тут уж точно никто разбираться не станет в подлинности бумаг.

— Допрыгались! Думали, Помпей забыл про вас?! Ну, уж нет! Не на того напали! Не для того я столько выкладывался, чтобы вы сейчас жили лучше меня! А ты... А ты, Ливия! Чтс ж, ты сама виновата, — откладывая нужные документы в сторону, громко произнес Помпей

и злобно хихикнул. — Недолго вам осталось веселиться в уверенности, что жизнь у вас пошла на лад.

Рабочий день подходил к концу, и Помпей с усталым, но довольным видом раскачивался на стуле, держа в руках мстительно подготовленные свертки и предвкушая расправу над теми, кто больше десяти лет мозолил ему глаза. Единственным, что его теперь огорчало, была холодность Ливии. Но и тут он проявил хитрость, приписав ей содействие и помощь врагам государства. Таким обычно грозила потеря имущества, но не жизни. Оставить ее одну, без поддержки и средств к существованию — вот была его конечная цель.

— Ничего, ничего. Скоро ты сама приползешь ко мне на коленях с мольбой о помощи тебе и твоим отпрыскам. Скоро ты сама будешь упрашивать меня принять тебя к себе. Посмотрим, как ты запоешь, когда останешься без этих своих помощничков! — невозмутимо проговорил Помпей, зевнул и направился к выходу, держа в руках оружие мести. У выхода его уже ждал солдат.

— Отнеси это в сенат, — спокойно приказал Помпей и, не дожидаясь ответа, отправился домой.

Он торопился в свою скромную обитель. Шел он быстро, опустив голову и стараясь ни с кем по пути не разговаривать. Он вполне осознавал то, что в скором времени должно было случиться. Держа руки перед собой и нервно потирая ладони друг о друга, он лишь изредка подымал голову и озирался по сторонам.

Проходя мимо домов, Помпей ненароком обернулся и увидел рядом с одним из них троих играющих детей. Смеясь, они бегали друг за другом, кувыркались на траве и шалили. Помпей невольно остановился и некоторое время пристально смотрел на них с каким-то непонятым выражением лица, отчего казался нелепым, потеряннным и опустошенным. Его взгляд стал стеклянным, и он, практически не моргая и не шевелясь, продолжал наблюдать за детской игрой. Вскоре из дома вышла женщина. Она была уже немолода, но хотя на ее лице, фигуре и взгляде оставили свой след пережитые беды и заботы о хозяйстве, которое она содержала в одиночку, ее вид до сих пор будоражил старого Помпея. Действительно, Ливия в свои годы была по-прежнему стройна и привлекательна. Увидев ее, он испугался и спрятался за дерево. Его сердце тяжело застучало, а в груди тоскливо защемило. Только теперь он отчетливо осознал, что сейчас видит то, чего завтра уже не будет. Не будет задора в детских глазах, не будет такого спокойного вида у Ливии, не будет и его, спрятавшегося здесь за деревом, — ничего больше не будет. Женщина некоторое время смотрела в сторону, именно туда, где за могучим стволом прятался ничтожный и мелкий человечик, ища укрытия от самого себя и от своей зависти и корысти. Вскоре к ней подбежали дети и обняли ее. Она, нежно положив руки на плечи своих чад, продолжала смотреть в прежнем направлении, словно предчувствовала своим материнским сердцем нечто недоброе, исходящее с той стороны. Помпей испуганно выглядывал из-за дерева, присев на корточки и боясь пошевелиться. Он с ужасом запечатлевал в памяти картину развернувшейся перед ним идиллии, которая с его подачи с рассветом следующего дня канет в небытие. Ливия, помедлив еще немного, обратила свой взгляд на детей и, улыбнувшись им своей материнской теплой улыбкой, повернулась и повела их к дому. Словно парализованный, Помпей сидел, не шевелясь. Во рту у него пересохло, дыхание сперло, его стало неприятно подташнивать, и он медленно съехал с корточек вниз по стволу дерева, безвольно сев у его корней. Оскалив зубы и склонив голову к груди, он вцепился руками в землю и, не произнеся ни звука, стал рвать дерн вокруг себя до тех пор, пока не сломал ноготь и боль, пронзившая

руку, не привела его в чувство. Так он и просидел там до сумерек и, убедившись в том, что его никто не заметит, исчез.

До этого момента в голове Помпея проносились разные мысли, противоречащие друг другу. Но все уже было решено, и отступить назад не представлялось возможным, так как, поверни он сейчас все вспять, подлог был бы раскрыт. За клевету и подделку государственных документов его в лучшем случае прирезали бы прямо дома, в худшем... В худшем за дело взялись бы римские палачи, а уж они-то знали свою работу — это Помпей понимал лучше многих. Наказание было бы неизбежным, и никто и не вспомнил бы про его заслуги.

«Время все лечит. Нет, это выражение явно не для меня и не про меня! Я долго терпел, но ты, Ливия, сама виновата! Однако ждать осталось недолго: твоя любовь к детям заставит тебя приползти ко мне на коленях, дабы они не подошли от голода!» — думал он, пытаясь оправдать свои действия хотя бы перед самим собой. Помпей малодушно отрекался от того, что сам же и запустил. Машину смерти и разорения человеческих жизней было не остановить. Ее шестерни уже начали вращаться, приводя в действия безжалостные жернова. Нет ничего страшнее механизма под названием «система»: от нее нет пощады, если она направлена на простого смертного.

Помпей добрался домой уже за полночь, но уснуть так и не мог, нервно ворочаясь с боку на бок. То ли Помпей сдал свои позиции и стал больше думать о том, что он делает, то ли у него просто проснулась совесть, то ли с возрастом он стал менее решительным. Однако, что именно заставляло его так тревожиться, было известно только ему одному.

«Ну что ж, по крайней мере, основная причина моей головной боли, которая не переставала меня мучить на протяжении всего этого времени, устранена! — гнал он мысли об увиденном. — Да, на войне не бывает так, чтобы мирные жители не пострадали. Лес рубят, щепки летят! Поэтому все будет так, как будет. Если ты не поняла по-хорошему, остается только кнут. Соберись ты, в конце концов, тряпка!» — встав с кровати и, отхлестав себя по щекам, приказал Помпей самому себе, убеждая себя в правильности своего поступка. Затем он рухнул набок и крепко уснул.

Наступило утро. Ливия, как и всегда, начала готовить завтрак для своих детей. Для всех, кроме Мартина, который теперь уже и дома-то не каждый день появлялся. Мартин вырос, и его вместе с друзьями на поруки взял некий человек по имени Марк. Она знала об этом богатом и довольно странном сенаторе совсем мало. Впрочем, знать многого она и не хотела — мать просто искренне радовалась за своего сына, и скупого факта, что у того все хорошо, ей было вполне достаточно. Ливию не могло не утешать, что после всего, что с ними произошло, Мартин наконец-то понемногу стал чувствовать в себе силы и обретать уверенность в завтрашнем дне. Она прекрасно понимала, что времени на завтрак у него и правда нет. Ливия на это и не обижалась, просто иногда скучала по сыну, ведь он был так похож на своего отца, которого давным-давно не стало. Иногда она плакала, так, чтобы ее никто не видел, потому что очень любила Аврелия, а глядя на Мартина, узнавала в нем мужа. Иногда дети замечали ее печальный вид и спрашивали, что с ней случилось, но она только робко улыбалась, украдкой вытирала слезы подолом платья и отвечала, что, мол, соринка в глаз попала, а затем уходила к колодцу, чтобы умыться и прогнать из головы мысли о былом, которые до сих пор не давали ей покоя. Но вместе с тоской в ее сердце жила благодарность друзьям покойного мужа, которые не бросили ее в трудную минуту с

маленькими детьми на руках и с первых дней во всем ей помогали. Каждую ночь она молилась богам, чтобы они дали ей сил вынести жестокий удар судьбы, обрушившийся на нее и ее детей, и проявили милость ко всем тем, кто в трудный момент был к ней добр и всегда помогал, несмотря на собственные несчастья.

«Слава богам, что нам воздалось за страдания. Спасибо за это чудесное утро. Спасибо за то, что мои дети живы, здоровы и рады каждому дню, проведенному вместе со мной», — подумала она и грустно улыбнулась из-за того, что нет с ней рядом ее любимого мужа.

Солнце только встало из-за горизонта. В сенате было не таклюдно, как это обычно бывает при заседаниях и обсуждениях государственных дел, но все же несколько человек сидели на своих местах, поднимавшихся в несколько рядов лесенкой по периметру зала. Сенаторы изучали бумаги, поступившие вчерашним вечером, и среди них были те, которые передал с гонцом Помпей. Они-то и заинтересовали в первую очередь двух служителей Фемиды. К этим отчетам были приложены документы, подтверждающие сокрытие налогов на протяжении достаточно долгого времени.

— Да уж, Помпей знает свое дело, все-таки старый конь борозды не портит. Глянь: докопался-таки до истины.

— А что это за умельцы, которые столько времени так искусно изловчались красть у нас за спиной, если верить Помпею и написанному здесь? — поинтересовался молодой сенатор у опытного коллеги по имени Ларгий, заседавшего здесь уже более двадцати лет.

— Ах, ты не в курсе, Адриан? Впрочем, ты же стал сенатором не так давно, а потому многого не знаешь... Но ты слышал, наверное, о предателях, которые бежали с остатками одного из трех легионов из лесов Германии? Это произошло еще при правлении светлейшего Октавиана Августа. Эту историю многие годы пытались похоронить вместе с умершими там, но острый меч трудно спрятать в мешке. Позор был настолько велик, что забыть о нем было непросто. Я помню, как Цезарь несколько месяцев горевал о том поражении и даже издал указ о выражении скорби по погибшим, а одновременно с ним издал другой, который уже касался тех, кто выжил и с позором бежал с места сражения. В гневе он объявил их вне закона и лишил всех почестей и привилегий. Тот указ был разработан одним сенатором по имени Марк Нерон. При его же участии великий Август принял решение о формировании некоего легиона, необычайно сильного и собранного из самых лучших воинов. Однако тот проект канул в небытие вместе со смертью императора. Теперь все иначе, ты в курсе: Тиберий снова прислушивается к этому хитрому, словно змей, человеку, и он уже восстановил распоряжение покойного Цезаря. Еще пару лет, и легион будет набран. Да, еще недавно были живы те, кто мог противостоять этому лису. Теперь... — показывая пальцем на бумаги, произнес сенатор. — Теперь никого не осталось. Скоро не останется и тех, кто сражался там, в лесах Германии. Вот о них-то и идет речь в этих документах. Только вот, что странно... — задумавшись, проговорил Ларгий.

— О чем вы?

— Да понимаешь, в этом перечне преступников есть и тот человек, на которого я в принципе бы никогда не подумал. Я знаю его уже очень давно, и он не раз приходил сюда с прошением о своих детях, чтобы мы реабилитировали хотя бы их. Он храбрый воин и честный человек. Хотя... Хотя предоставленные доказательства говорят об обратном.

— Вы думаете, Помпей, который не раз доказал свою преданность Риму, лжет? Мне не раз рассказывали о нем как о яростном патриоте и рьяном борце с врагами государства, да и

сам я лично знаю его только с положительной стороны, — удивленно сказал Адриан.

— Это да, я ни в коем случае не обвиняю Помпея в клевете. Просто понимаешь, есть тут одно очень большое «но». Однажды за трапезой Помпей рассказывал мне историю про одного своего друга... Но я и подумать не мог, что он настолько принципиален и непоколебим, чтобы копаться под того, кто ему по-своему дорог, — после небольшой паузы продолжил Ларгий. — Теперь уже, наверное, правильнее сказать «был дорог», раз уж эти бумаги оказались у нас, — с сожалением покачал головой он.

— Ну и поделом им всем. Я, если честно, уважаю тех, кто может поставить долг службы и закон превыше личных отношений! Если бы все были мягкотелыми, я думаю, Рим не был бы так велик, каков он есть сейчас! Я это говорю потому, что покойный Силан был так же непоколебим и не поступился принципами и эмоциями ради того, чтобы выгородить предателя и бунтаря Терентия и его приспешников. И это несмотря на то, что Терентий был его другом: насколько мне известно, они знали почти с самого детства!

Сенатор со стажем посмотрел на молодого мудрым старческим взглядом и хотел было что-то сказать или даже возразить, но сдержался и только кивнул головой в знак согласия и опустил глаза. Немного поразмыслив, он снова перечитал написанное и тихо проговорил:

— Понимаешь, та история, которую он поведал мне за кружкой эля, касалась женщины. Ее звали Ливия, и он, как мог, добивался ее расположения, но так и не растопил ее сердце, поскольку она очень любила покойного мужа и была для Помпея неприступной крепостью. Это явно очень задевало его самолюбие, и я думаю, что Помпей просто решил таким образом отомстить ей. Причем отомстить очень сурово, ведь нынешний закон приравнивает ее саму и всю ее семью к преступникам. Это не то, что было раньше, до ужесточения законодательства.

— Что ты хочешь этим сказать? Что Помпей из-за этого специально решил донести на нее и заодно на других? Разделаться с ними под шумок? Получается, он умышленно подделал бумаги ради личной мести? То есть преданный всем сердцем своему государству и не раз награжденный за заслуги Помпей солгал ради какой-то там бабы?

— Я этого не говорил. Просто все это наводит на определенные размышления, а ошибаться в этом деле не хочется, ведь речь идет о жизни и судьбах не только взрослых людей, но и их детей. К тому же прошло слишком много времени, почему же только сейчас, судя по этим бумагам, все вскрылось? Тебе не кажется это странным? Сам пойми: мы тут не просто папирусы по стопкам раскладываем — за каждой такой грамотой стоит жизнь человека, а может, и не одна жизнь.

— Ну, тогда давай проигнорируем этот документ и тем самым станем предателями, которые поспособствовали укрывательству того преступления, которое Помпей здесь раскрыл. Тут два варианта: или мы, или они, и третьего не дано! Так что решать надо здесь и сейчас. Как ты там сказал? За этими бумагами стоят жизни? Ты прав, и это в том числе и наши жизни. Да не допустят боги, чтобы Помпей написал донос на то, что послал на рассмотрение важные бумаги, а мы с тобой почему-то не дали им ходу. И что тогда? У тебя ведь есть семья? Вот видишь, и у меня тоже, — недвусмысленно намекнул Адриан и пристально посмотрел на старого сенатора, пожирая его взглядом и давая понять, что если Ларгий даст слабину, то он не смолчит об этом. Ведь зачем государству на такой должности слишком сентиментальный и нерешительный человек? И пусть у него за плечами больше двадцати лет работы в сенате, молодой волк не упустит шанса избавиться от старого вожака, если тот проявит слабость. Уж он-то, Адриан, точно не побрезгует доносом, чтобы и Ларгия

тоже наказали и приговорили к каре, как в свое время приговорили теперь уже бывшего сенатора Терентия. Пора уступать дорогу молодым и решительным: если ты не с нами, ты против нас!

Старик Ларгий прочел все это в глазах нагловатого юнца. Он понял, что тот не будет особо церемониться с ним из-за своего горячего нрава и что сенатор может умереть не в чистой, теплой постели, если сейчас не пойдет ему на встречу и не вынесет приговор этим несчастным. Бумаги, лежащие перед ними, оставалось только утвердить и отдать на подпись императору. Пристально смотря друг на друга и не отводя взгляда, два сенатора вели невидимую дуэль между здравым смыслом и мудростью с одной стороны и горячим нравом, смешанным с молодой и буйной кровью, с другой. Но Ларгий понимал, что проигрывает, проигрывает так, как всегда проигрывает старость молодости и напору. Он знал это по себе: раньше и он был таким же, как этот юнец, но теперь прыть и безрассудство ушли, уступив место опыту прожитых лет и здравому смыслу. Вот только кому теперь были нужны его мудрость и опыт?

— Что у вас здесь происходит? — проговорил подошедший к ним Келестин, заметив напряженность на лицах собеседников. Глядя на лежащие перед ними бумаги, ставшие причиной разногласий, он поинтересовался: — Интересно было бы узнать, что заставило вас так задуматься? Что это за проблема, из-за которой на вас обоих лица нет?

Сенаторы перевели на него свои испепеляющие взгляды. Они будто бы решали, кто первый скажет и не ошибется со сказанным. После непродолжительной паузы Келестин, не дождавшись ответа, нетерпеливо спросил:

— Что вы молчите, как рыбы, выпучив друг на друга глаза? Или вы что-то скрываете от меня?! — проговорил он на повышенных тонах, уже немного нервничая.

— Ну что ты? Что мы можем скрывать друг от друга? Все нормально. Просто у нас тут маленькая дилемма... — немного запнувшись и глядя на молодого оппонента, проговорил Ларгий.

— Да вот, решаем, какое наказание должны понести люди, которые скрывали налоги на протяжении более десяти лет, подрывая финансовую стабильность казны. И заодно думаем, сколько еще таких, как вот эти, живут и здравствуют на просторах империи, — кивая на бумаги, добавил молодой сенатор и пристально посмотрел на старшего товарища, явно рассчитывая услышать с его стороны поддержку в свой адрес.

— Это правда? И эта мелочь вызвала у вас какие-то сомнения и вопросы? — посмотрев на них изумленным взглядом, проговорил Келестин.

Старый сенатор, потирая руки, вздохнул и с неуверенностью ответил:

— Да, это так.

— Так в чем дело? Отдайте на подписание эти бумаги с вашим отчетом императору, и дело с концом! Не забивайте себе голову этим мусором, а наказание будет, не сомневайтесь. Таких людей только так и надо учить, чтобы другим неповадно было. Давайте мне эти документы, я вам помогу, — протянув руку, сказал Келестин.

— Да, конечно, само собой, — сдержанно улыбнувшись, ответил молодой сенатор и тут же передал в руки Келестина все бумаги.

— Ну, вот и решилась ваша дилемма по поводу справедливого наказания, — задорно проговорил Келестин. — Я ценю такую преданность и основательный подход к работе, но теперь можете расслабиться и не забивать себе голову подобными мелочами. Уверю вас, наказание будет справедливым!

Он взял свертки и направился с ними прямо к императору Тиберию.

Ливия сидела за столом со своими детьми, причем в полном семейном составе, что в последнее время было редкостью. Все дети смеялись и слегка дурачились, и мать иногда одергивала их, чтобы те не сильно баловались за столом. Лишь Мартин был спокоен, однако немного напряжен. Он давно уже вышел из того возраста, когда мог позволить себе эти детские забавы, и в нем уже чувствовался серьезный молодой человек, которому слишком рано пришлось повзрослеть. С подачи Марка и Сципиона он, как и его друзья, все больше отдалялся от родных. Пообедав, Мартин скупой поблагодарил мать, вышел из-за стола и стал быстро собираться в дорогу. Он прекрасно знал, что его друзья сейчас на больших играх в честь нового храма бога Марса. Мартин хотел присоединиться к ним, однако мать еще несколько дней назад запретила ему посещать кровавые игрища, и он, не в силах перечить ей, смирился с ее решением. Ливия понимала, как он был обижен: и без того скупой на любезности сын стал еще более молчаливым и замкнутым с нею. Она осознавала и то, что держит его у своего подола, хотя Мартин хочет такой же свободы, какой располагают его друзья. Но он был единственным мужчиной в семье, кормильцем, и на нем сейчас держалось практически все хозяйство. Отпустить его в свободное плавание она не могла, да и не хотела: слишком уж сильна была ее материнская любовь к нему. Ливия смотрела на него с гордостью и легким чувством сожаления, которые вместе и образуют материнскую привязанность к своему чаду.

— Мартин, сынок, — посмотрев на него, тихо проговорила она в тот момент, когда он уже подошел к двери, чтобы уйти. Он остановился и, повернувшись, молча взглянул на мать.

— Сын, я горжусь тобой и люблю тебя, помни это. Помни это всегда, — как-то робко, но с материнской любовью в голосе произнесла она.

— Спасибо, я тебя тоже, — сухо проговорил Мартин, заставив себя улыбнуться.

— Мартин, и мы тебя любим, — сказали его сестры в один голос, но он уже закрыл за собой дверь, вышел во двор и направился быстрой походкой к своим друзьям, которые должны были вот-вот вернуться из амфитеатра.

Ливия подошла к окну и проводила сына долгим взглядом. К ней подошли ее девочки.

— А он нас любит? — посмотрев в глаза матери, спросила младшая из дочерей, Юлия.

— Конечно, любит, даже не сомневайся!

Погладив по голове и поцеловав дочь, Ливия улыбнулась и вновь перевела свой взгляд на уже совсем маленькую точку вдалеке, которая была ее дорогим сыном.

— А почему он так скуп на чувства и проявления братской любви? Он же ничего не ответил нам. И он всегда отстраняется от нас, когда мы хотим поиграть с ним.

— Он просто не расслышал. К тому же он вырос, моя маленькая Юлия, и ему сейчас не до вас, хотя он любит вас не меньше, чем вы его, — обняв детей, проговорила она с грустью в сердце. Ибо всегда материнское сердце болит и переживает из-за того, что повзрослевшие дети, особенно мальчики, отдаляются от семейного гнезда. Ливия со всей присущей ей теплотой понимала, что не сможет долго удерживать сына около себя, навязывать ему свое мнение и просить его быть с ней до конца. Так уж было задумано природой и установлено людьми, что, взрослея, дети должны покидать родителей, чтобы идти дальше по жизни своею дорогой. А Мартин был уже далеко не ребенок, и от осознания этого материнское сердце еще больше сжималось.

Тем временем Мартин шел быстрым шагом, и его лицо светилось радостью. Он был рад

тому, что наконец-то ему удалось, пусть и с помощью таких влиятельных людей, как Марк, добиться чего-то стоящего. Он был рад тому случаю на рынке, когда после сбора урожая они никак не могли продать свой товар, но по милости богов встретили сенатора. Он был рад тому, что Марк, когда они были еще совсем мальчишками, спас их от шайки Клементия, который бы точно не оставил их в покое, пока совсем не замордовал бы их. Он также понимал, что ни о какой армии и речи бы не шло, если бы их не подготовил слуга Марка Сципион, который был поистине славным воином, а, может быть, и лучшим в Римской империи. За свою короткую жизнь Мартин и его друзья многому научились и увидели гораздо больше, чем их сверстники, и они не могли не понимать и не ценить этого.

По дороге к друзьям Мартину встретился небольшой отряд, состоящий из дюжины легковооруженных солдат с пустыми повозками. Они шли строем, не обращая внимания ни на что вокруг себя. Погрузившись в свои мысли, Мартин не заметил, как приблизился к ним и столкнулся с одним из солдат, который злобно посмотрел на него и, оттолкнув парня в сторону, произнес:

— Прочь с дороги, малец! Смотри, куда идешь! Совсем страх потерял?!

Мартин споткнулся и упал, но тут же вскочил на ноги и бросил вслед отряду взгляд, полный ненависти. Быстро отряхнувшись от пыли, он некоторое время постоял на месте, наблюдая за уходившими солдатами, после чего продолжил свой путь к друзьям.

Ливия стояла у окна, смотрела в сторону, куда быстрыми шагами ушел ее сын, и видела, как по той же дороге к ее дому приближался отряд, с которым несколько минут назад столкнулся Мартин. Сначала она заметила облако пыли, поднимающееся из-за холма, чуть позже на горке появились солдаты. Они частенько шли этим путем и каждый раз доходили почти до самого дома, но в последний момент сворачивали на развилке в город. И каждый раз при виде таких отрядов сердце Ливии сжималось, напоминая ей о том, как десять лет назад, пройдя по этой же дороге, солдаты принесли в ее дом несчастье и страдания. Точно такой же отряд тогда разорил их дом, да и не только их — дома всех, кто имел хотя бы отдаленное отношение к тем далеким событиям. «Но сейчас все беды позади, и волноваться нечего», — мысленно успокаивала себя Ливия. Даже видя то, что солдаты, подойдя к развилке, не свернули направо в город, а двинулись напрямик к ее дому, она не смутилась, хотя ее сердце и забило сильнее и чаще. Она не видела оснований беспокоиться, ведь то страшное время, когда в ее двери то и дело стучалась беда, осталось в далеком прошлом, но отчего-то ее беспокойство нарастало все сильнее и сильнее. Между тем солдаты подходили все ближе, и Ливию все настойчивее обуревали тревоги минувшего десятилетия, а она все старательнее гнала их от себя, стараясь найти объяснение неожиданному визиту. Скорее всего, солдаты просто ошиблись, пропустив нужный поворот, а так как ее дом после развилки был первым, она не особо удивилась, когда в дверь постучали, решив, что солдаты просто хотят спросить дорогу. Военные, да и просто заблудившиеся путники и раньше то и дело случайно проходили мимо развилки. Даже сами жители поселка, особенно ночью, когда дороги сливались в одну, бывало, стучались к ней, чтобы узнать, правильно ли они выбрали путь. Вспомнив подобные случаи, Ливия спокойно подошла к двери и открыла ее. Но на этот раз разум подвел ее, а чуткое сердце, как всегда не обмануло: один из солдат без лишних слов продемонстрировал ей решение совета, подписанное самим императором Тиберием, о конфискации всего ее имущества. Основанием было указано то, что в течение длительного времени она якобы скрывала налоги с дохода земли, да еще была в сговоре с преступниками Корнелием, Кристианом и Ливерием.

— Это какая-то ошибка. Как так может быть? Ведь сборщик налогов приходил к нам каждый год, и мы платили сполна! У него ведь есть соответствующие записи, нужно просто уточнить все это у него, — дрожащим голосом проговорила Ливия и из ее глаз потекли слезы.

— Это не наша проблема, женщина! У нас приказ! — отодвигая Ливию, сказал солдат. Он в сопровождении части отряда прошел в дом и стал оценивающе оглядывать обстановку, решая, что из нее можно было конфисковать.

— Да, не густо. Не похоже на то, что они деньги гребли лопатой, — проговорил один из его сослуживцев, почесав затылок. — Ну что ж, будем брать, что есть, а если не хватит, возьмем натурой, — с ехидством проговорил он и бесстыдно подмигнул Ливии, а затем перевел взгляд на ее старшую дочь Анну, которой было не больше 15 лет. Сладострастно облизнувшись, он произнес:

— Приступайте, у нас сегодня плотный график.

— Забирайте все, что вам угодно, но не трогайте моих детей, — тихо проговорила Ливия не в силах что-либо изменить. — Умоляю...

Несколько солдат начали вытаскивать все то, что было в доме, остальные уводили скотину: коз, кур и прочую живность. Ливия с детьми безмолвно и испуганно наблюдали за всем происходящим. Слезы текли по щекам женщины, но она лишь молча кусала губы и еще сильнее прижимала к себе детей.

— Все будет хорошо, — изредка шептала им она.

Юлия и Анна смиренно стояли рядом с матерью и смотрели на разоряющих их дом солдат, еще не осознавая нависшую над ними угрозу. И лишь Агата с поистине детским любопытством и наивной улыбкой наблюдала за солдатами.

— Все будет хорошо. Все будет хорошо, — снова повторила Ливия, еще крепче обняв детей.

Погрузив в повозку все, что имело хоть какую-либо ценность, и привязав к ней скотину, солдаты построились и собрались к следующим должникам, но тут Константин, старший из них, произнес:

— Мне кажется, здесь на десять лет не очень-то тянет. Придется еще чем-нибудь пожить, — нагло усмехнувшись и подмигнув одному из сослуживцев, проговорил он.

— Да, ты, наверное, прав. Не оставлять же недоимки! Раз уж пришли, нужно брать все. Тем более я что-то давно не расслаблялся, — ответил его приятель Гай, деловито осматривая повозку со скудным скарбом несчастных.

— Ну, пойдем тогда и доберем, так сказать, недостачу, — двусмысленно улыбнувшись, медленно проговорил Константин.

В пустом доме Ливия сидела на полу в окружении своих детей. Обняв их, она плакала от обиды и несправедливости, от того, что на них вновь обрушилась беда. Анна и Юлия молча сидели с поникшими головами, переживая больше не за то, что солдаты все вынесли, попросту ограбив их дом, а за переживания матери, которая то и дело утирала слезы и прерывисто всхлипывала, осматривая опустевшее жилище.

— Мама? А что дяди делают с нашими вещами? — все еще не понимая, что происходит, спросила Агата и обняла мать.

— Все хорошо, милая, все хорошо, — прижимая девочку к себе, ответила Ливия. — Видно, богам угодно, чтобы мы вновь страдали, но за что?! За что нам все это? Разве мы недостаточно вынесли, чтобы нас оставили в покое? Почему нас вновь наказывают?! Почему

они милосердны к другим, но только не к нам?! Разве я мало им молилась? Чем моя семья хуже любой другой? — стенала Ливия, глядя на детей.

— Тук-тук-тук. Здрасьте, здрастьте! Соскучиться не успели, а? — с издевкой произнес мужской голос на фоне звука открывающейся двери.

— Ну, что вам еще надо? — тихо проговорила Анна. — Вы и так забрали больше, чем у нас было! Отстаньте, наконец, от нас! У нас больше ничего нет!

— Ну, это как посмотреть. Мне кажется, что мы взяли слишком мало за все то время, пока вы разоряли казну империи! А между тем с вас можно взять еще кое-что, — потирая руки, проговорил один из вошедших и стал снимать обмундирование.

— Бегите, дети мои! Спасайтесь через заднюю дверь! Анна, спасайтесь! — обреченно прокричала Ливия, а сама кинулась с кулаками на Константина. — Сволочь! Не тронь моих детей! Будьте вы все прокляты! Проклинаю вас!

Старшая дочь схватила за руки двух младших сестер и бросилась к спасительной двери. Тем временем Константин, на которого накинулась Ливия, одним ударом по щеке повалил ее на пол.

— Держи тех сук! Если сбегут, я с тебя шкуру спущу, Гай! А ты чего встал, Герман?! Давай, хватай их! — крикнул он другому солдату, который только что вошел внутрь дома. Сам же он, подойдя к Ливии, наклонился и так сильно прижал ее к полу, схватив за горло, что она стала хрипеть. Остальные солдаты кинулись в погоню, обнажив клинки. Правда, непонятно для чего им понадобилось хвататься за мечи. Странное чувство превосходства заставляет людей применять оружие даже в том случае, когда это просто нелепо.

Того времени, которое Ливия выгадала для своих дочерей, им хватило на то, чтобы немного оторваться от преследователей. Тяжело дыша, девочки петляли между высоких кустов. Ноги их не слушались: они были ватными от страха, но остановка могла стоить им жизни. Дети бежали, не чувствуя земли под собой, они бежали и плакали, спотыкались, падали, вставали и снова бежали. Анна, как могла, поддерживала сестер и тянула за собой в спасительные заросли.

— Сестренки мои милые, быстрее, умоляю, надо бежать! — но вместе с тем она понимала, что такими темпами далеко они не уйдут, а потому приняла решение залечь на землю, спрятавшись в высокой траве у соседей. Анна прижала к себе сестер, и они затаились в надежде, что солдаты их не найдут.

— Мама, милая мамочка, за что нам все это, — сквозь слезы шепотом повторяла маленькая Юлия, пытаясь подавить рыдания.

— Тише, прошу, тише, — глядя ее по голове и плечам, пыталась успокоить сестру Анна. Прижавшись к земле и немного отдышавшись, они стали прислушиваться к доносившимся до них звукам, стараясь распознать те, что представляли для них опасность. Испуганные глаза девочек бегали по сторонам, их тела застыли в напряжении, а уши ловили малейшие колебания воздуха. Вскоре где-то рядом послышались шаги и лязг доспехов.

— Гай! Твою мать! Что, так и будем здесь этих малолетних тварей искать?! Пойдем обратно, дел по горло! Надо домой еще попасть до заката!

— Да заткнись ты, Герман! Сейчас этих сучек найдем, и домой не захочется! Повеселимся!

Девочки почти совсем перестали дышать. Вслушиваясь в звуки, как никогда раньше, они переглянулись и поняли, что солдаты ходят где-то рядом: их шаги то отдалялись, то вновь приближались к ним. Испуг парализовал Анну. Она не знала, что делать и как выбраться из

сложившейся ситуации, тогда как младшие сестры смотрели на нее как на спасителя. Сама она надеялась, что, не найдя их, солдаты уйдут и вскоре весь этот кошмар закончится. Через некоторое время девочки вновь услышали голоса солдат: они спрашивали о них соседа, но мужчина только отрицательно мотал головой в ответ на вопросы, которые ему задавали солдаты. И хотя те в грубой форме объясняли ему, что за укрывательство он рискует своей жизнью, тот лишь недоуменно пожимал плечами и разводил руки в стороны. В этот момент Анна, оценив обстановку, посчитала, что солдаты находятся достаточно далеко от них. Она понимала: чтобы уйти от преследователей, им необходимо попасть на спасительное поле Корнелия, который точно не даст их в обиду. Для этого им всего-навсего было нужно взобраться на дерево, растущее неподалеку и своими ветвями, словно руками, простиравшееся через ограду, которая тянулась вдоль дороги. Это была их единственная надежда на спасение: так они успели бы добежать до друзей ее матери и попросить помощи у Кристиана, Ливерия и Корнелия. Старые сослуживцы их отца никогда не оставляли их беде — нужно было только преодолеть препятствие. Недолго думая, она шепотом рассказала свой план сестрам, и те в знак одобрения молча кивнули головами.

— Анна, а они нас точно не схватят? — со страхом спросила Юлия, глядя своими большими глазами на сестру.

— Не схватят. Я обещаю.

— А Мартин спасет нас? Он ведь не даст нас в обиду? — снова наивно спросила Юлия, и ее глаза заблестели от слез.

Анна не знала ответов на вопросы своей сестры, она лишь надеялась на чудо и, глубоко вздохнув, произнесла:

— Я люблю вас, сестренки мои, — с этими словами она медленно взяла их за руки и приподнялась с земли. В полусогнутом положении они трусцой стали пробираться через кусты к спасительному дереву, стараясь идти, словно кошки, без звуков и резких движений, аккуратно ступая по земле. Расстояние до солдат увеличивалось, а до спасительного дерева уменьшалось. Еще чуть-чуть, и все было бы кончено, ведь где умирает надежда, там рождается пустота. Но они шли вперед, не оборачиваясь, видя лишь заветную цель перед собой, до которой они должны были дойти любой ценой. И эта цель становилась с каждым шагом все ближе и ближе.

Достигнув высокого и раскидистого дерева, старшая сестра подхватила Агату, чтобы та залезла на него, но ее ручки не дотягивались до нижних ветвей.

— Ну же, постарайся, прошу тебя! — умоляла она сестру, чтобы та смогла зацепиться, но их попытки все никак не венчались успехом. Анна изредка посматривала в сторону солдат, которые беседовали с хозяином здешних полей. Это был Катон. Одни боги знали, как он ненавидит тех, кто выжил в Тевтобургском лесу, и будь его воля, солдаты уже давно бы нашли бедняжек. Но сейчас Катону оставалось лишь оправдываться и объяснять, что он ни в чем не виноват и никого не видел у себя на поле — никаких врагов государства. После очередной неудачной попытки Анна решила залезть первой и подтянуть за собой сестер, но руки ее не слушались и скользили по коре, влажные от пота и слабые от страха. Треск и подергивание веток сделали свое страшное дело: услышав шелест, солдаты обернулись на звук и без лишних раздумий кинулись к беглянкам. Увидев это, Анна отчаянным рывком подтянулась и наконец-то забралась на нижнюю ветку.

— Дайте мне руки! Скорее! Я помогу вам! — испуганно и обреченно прокричала она своим сестрам. Те, перехватив озабоченные взгляды Анны, обернулись и увидели, что к ним

приближаются солдаты. В ужасе обе девочки запрыгали под деревом, протягивая свои ручки к сестре и крича:

— Не бросай нас! Не бросай! Возьми нас к себе! Анна, помоги нам! Спаси нас!

— Я не брошу вас! Клянусь! Я вас не брошу и не оставлю! — со слезами на глазах говорила она, пытаясь схватить за руки то одну, то другую. В какой-то момент ей удалось поймать Юлию, но, начав подтягивать ее, она сама упала на землю. Больше бежать было некуда: забор, который был слишком высок, не давал шанса на спасение, а дерево оказалось неприступным для младших сестер.

— Ну что, добегались, маленькие сучки?! И куда вы, дуры, надеялись улизнуть?! — злобно проговорил Гай, опираясь от усталости на колено. Немного отдышавшись, он бросился на Анну и, повалив ее на землю, начал рвать на ней одежду. — Держи-ка тех малявок, Герман! И отведи их подальше! А я пока позабавлюсь с этой стервой!

— Не трогай меня, скотина! Тварь! Мартин тебя прикончит! Убери руки, грязное животное! — Анна из последних сил пыталась отбиться от мерзавца.

— Не трогай ее! Отстань от моей сестры! — отчаянно набросилась на Гая Юлия, изо всех сил стуча по нему маленькими кулачками.

— Да отвали ты! — оттолкнул ее рукой Гай. — Да что ты стоишь?! — обратился он к своему помощнику. — Убей их, чтобы они нам не мешали! Ну же, что замер?! Давай, прикончи их! — заорал он на Германа.

— Гай, они же дети!

— Пасть закрой! Сука, не сделаешь это, я тебя с ними прикончу! Давай, не мешкай, они не дети, они паразиты той шлюхи!

Герман схватил за шиворот двоих малышей и оттащил их в сторону, поглядывая, как его друг развлекается с их старшей сестрой. Малышки беспомощно барахтались в его руках, как котята, которых мать несла за шкуру. И тут, улучив момент, Юлия вывернулась и вытащила из ножен солдата кинжал и тут же загнала его ему в ногу. Герман издал невнятный рык и, посмотрев на рану, из которой хлестала кровь, отшвырнул обеих девочек в сторону с такой силой, что те плашмя ударились об ограду и упали на землю, не в силах подняться.

— Сука-а-а! Маленькая дрянь! Проклятое мерзкое существо! — заорал солдат, вынимая дрожащей рукой из ноги нож и зажимая рану рукой. — Гай! Эта тварь мне ногу раскромсала! — крикнул он своему приятелю, но ответа так и не дождался — тот был слишком увлечен своим мерзким делом.

Пересиливая боль, хромя, он подошел к детям и, крутя нож в руке, злобно, с обезумевшей яростью в глазах сжал оружие так, как будто перед ним стоял такой же воин. Схватив Агату за волосы, он прижал несчастного ребенка к забору и резким движением нанес ей удар такой силы, что кинжал, пройдя сквозь плоть, пробил дерево и вышел с обратной стороны злополучной ограды. После этого он схватил Юлию, которая от увиденного стояла уже ни жива ни мертва и лишь хлопала своими детскими глазенками, не веря в то, что с ними происходит. Герман выхватил из ножен меч и нанес ей удар, который пришелся вскользь из-за того, что Юлия отшатнулась назад и, завалившись, исчезла в густой траве. Сделав шаг вперед, солдат увидел обрыв, заросший луговой травой, а внизу, в промытой ложбине, ручей, в который, должно быть, упала девчушка. Герман осмотрел низину, но ничего не обнаружил.

— Так там и сдохнешь, ведьма маленькая! — вытирая с меча кровь, злобно проговорил он сам себе, после чего оторвал от одежды кусок ткани перевязал кровоточащую рану и

направился к сослуживцу.

— Ну что, будешь? Эта стерва теперь твоя, можешь приступать! — сказал ему уже натешившийся к тому времени Гай.

— Нет, спасибо! Маленькая зараза перебила все настроение... Давай возвращаться, а то я пока дохромаю, ночь наступит! Константин с нас тогда три шкуры спустит!

— Как знаешь, дело твое! — усмехнулся Гай и достал из-за пояса нож. — А лихо она тебя! Девка-то с характером оказалась! — с этими словами он повернулся к Анне и резким движением перерезал ей горло. — Теперь ты можешь присоединиться к своим сестрам, сука!

— Пошли, хромоножка! — сухо проговорил он, перешагивая через безжизненное тело девушки.

Вернувшись на исходную точку, они зашли в дом, где в углу рыдала Ливия, прикрывая ноги и грудь руками. На лице у нее виднелась гематома от удара, волосы были растрепаны, одежда порвана.

— Ну, что? — спросил Константин. — Вы нашли их?

— Нашли и взяли плату за десять лет, — улыбнувшись, проговорил Гай. — Вижу, и ты времени зря не терял! — рассмеявшись, тут же добавил он.

— А как же! Надо же было этой семейке как-то расплачиваться по долгам. С паршивой овцы хоть шерсти клок. Впрочем, она вполне себе ничего для своих лет, вот только была бы чуть понежнее да поласковее. Тогда к ней можно было бы и чаще навещаться, — саркастически ответил Константин и, улыбнувшись, посмотрел на Ливию. — А что с ногой?

— Маленькая дрянь проворная оказалась! Дерзкий крысенок! Наверное, вся в эту тварину пошла! — кивая на Ливию, ответил Герман.

— Да, я и не думал, что солдата римской армии может вот так запросто покалечить малолетняя сучка! — рассмеявшись, воскликнул начальник отряда.

— Я тоже! Вот зараза! — с обидой выругался Герман, держась за ногу, — Ну, ничего, теперь она послужит царским обедом для воронья, хоть в чем-то будет польза от нее! — злобно сжав зубы, произнес он специально так громко, чтобы его слова услышала Ливия.

— Ах, ты, сволочь! — закричала женщина и кинулась на него с кулаками. — Я ненавижу вас всех до единого, и вашего императора, и весь ваш Рим! Будьте вы все прокляты! Я проклинаяю вас всех! — пыталась, как кошка, выцарапать она глаза солдату.

— Да отвали ты от меня, шлюха вавилонская, — резким движением ударил ее рукой по лицу Герман. Ливия отшатнулась, но тут же с еще большей яростью кинулась на убийцу ее детей, однако неожиданно остановилась и замерла: в ее животе оказался меч. Наклонив голову, она обхватила острие клинка обеими руками, затем медленно перевела взгляд на Константина. Тот одним движением протолкнул гладиус до рукоятки и тут же вытащил обратно.

— Собираемся! Строимся на выходе! И так мы здесь задержались. Дел еще по горло, — без всяких эмоций произнес он, и, развернувшись, направился к выходу.

Простояв несколько секунд, Ливия замертво упала на пол, а из-под ее тела стала расплзаться по полу багровая вязкая жидкость.

— Всем построиться, держим курс к следующим должникам! А ты, хромоножка, бери своего друга и топай в госпиталь. Только не говори никому, кто тебя покалечил, — засмеют! — с улыбкой отдал приказ начальник отряда. — Все, выступаем! Пошли, пошли!

Еще не успели солдаты скрыться из виду, как к дому Ливии подъехал всадник на черном, как ночь, коне. Лошадь, фыркающая и тряся головой, поднялась на дыбы, почуяв запах

крови. Всадник медленно спешился и прошел через настежь открытую дверь внутрь дома. Человек в черном обмундировании с капюшоном на голове, оглядевшись, увидел бездыханное тело Ливии и, подойдя ближе, склонился над ним. Он долго всматривался в оставшиеся открытыми остекленевшие, безжизненные глаза умершей, после чего прикрыл ей веки и произнес:

— Не волнуйся. Те, кого ты прокляла, получают свое — уж в этом можешь быть уверена.

Затем он выпрямился и, размяв шею до хруста, проговорил:

— Спасибо за услугу, старый завистливый Помпей.

Черный всадник развернулся, вышел из дома во двор, где его ждал, роя копытом землю, вороной конь, запрыгнул одним махом в седло и, припустив скакуна, помчался туда, куда так стремительно в надежде на спасение пытались убежать сестры Мартина.

К дому Корнелия быстрым шагом приближался Мартин. Пройдя по двору, он поднялся на крыльцо и постучался в дверь, которую ему открыл Леонид. Поздоровавшись, Мартин поинтересовался о Луции, на что Леонид ответил:

— Так они как вчера ушли, так до сих пор и не вернулись.

Леонид предложил Мартину их подождать, поскольку, раз уж была договоренность о встрече, Луций точно должен был вскоре прийти. В пунктуальности Луция Мартин и сам не сомневался: пообещав что-то, сын Корнелия непременно держал данное слово. Пройдя во двор, он увидел Маркуса, который играл с Ремом, смеясь, бегая и кувыркаясь вместе с собакой. Догоняя пса, Маркус теребил его шерсть, а Рем играючи рычал, хотя виляющий хвост выдавал его восторг. Увидев Мартина, пес несколько раз прокрутился волчком, кинулся ему навстречу, в прыжке повалил на землю и дружественно попытался облизнуть лицо пришедшему. Мартин улыбнулся и довольно хихикнул, ненастойчиво пытаясь оттолкнуть Рема.

— Ну, все, хватит, хватит. Я тоже рад тебя видеть, — вставая с земли, проговорил он. — Ух, bestия! Хорошая собака, хорошая. Молодец, Рем! Молодец! Беги к Маркусу! — трепля пса по шерсти, говорил он с улыбкой.

— Здравствуй, Мартин, — шаркая ногами, подошел к нему Корнелий, который только что вернулся с земледельческих работ. Он осторожно присел на стул, слегка кряхтя и взявшись за поясницу.

— Здравствуйте, — пожав ему руку, ответил Мартин. — Как ваше здоровье?

— Все хорошо, Мартин, спасибо. На нас еще пахать можно, это мы с виду такие старые, а в душе эгегей какие молодые! Только бы вот одышку куда-нибудь деть, да от ревматизма проклятого избавиться. А так пахать можно наверняка! — улыбаясь во весь рот, ответил Корнелий. — Странно только, что об этом спрашивает у меня не мой сын, ведь я его вижу не чаще, чем тебя, — с грустью проговорил Корнелий, а Мартин немного смутился из-за того, что и сам признавал, что видит семью не так часто, как этого бы хотела его мать.

Корнелий понял это и решил поменять тему разговора:

— Как Ливия и твои сестры? Я что-то давно их не видел. Все нормально у вас? Хватит в этом году на налоги? А то, говорят, сборщик придет в этот раз гораздо раньше положенного срока. Тиберий готовит поход на Германию, и империи опять нужны деньги. Теперь снова повысят мзду!

— Да, нормально все, спасибо. Я им помогаю, когда время есть. Вот со вчерашнего дня я в подмастерьях у матери был. А на налог она уже отложила. В тот раз товар продали

хорошо, так что хватит и на налог, и на обучение сестрам. Она даже стала Анне приданое готовить! Говорит, не ровен час, сестру и сватать могут прийти, — с улыбкой ответил он. — Чтобы помочь ей, я не пошел в Колизей на игры со своими друзьями. Я понимаю, что семье тяжело, особенно матери, после того, как она осталась одна, без своего мужа и нашего отца. Она говорит, что я на него похож, хотя я его особо и не помню.

— Ты молодец, Мартин, правда. А что не пошел на игры... Так ты не много потерял — еще успеешь насмотреться на то, как люди режут друг друга. Этого и без Колизея хватает в нашей жизни, так что не расстраивайся по этому поводу. И твоя мать права: ты, действительно, очень похож на своего отца, — произнес Корнелий грустно. — Всякий раз, когда я вижу тебя, я вспоминаю нашего друга Аврелия.

— Как он погиб? — тихо спросил Мартин.

Корнелий вздохнул. Он очень давно не вспоминал тот злосчастный лес и предательство Арминия, из-за которого все так повернулось. Не очень-то ему хотелось беречь рану теперь, спустя столько лет, но все же он начал свой рассказ. Он поведал Мартину о том, что видел и слышал, как пытался призвать к здравому смыслу Вара, убедить в недопустимости идти на Германию через лес, не зная местности и без подкрепления. Если бы тот безумец прислушался к нему, а не к лживым языкам предателей и подхалимов, все могло бы обернуться иначе. Рассказал Корнелий и о том, что сам предложил своим друзьям остаться у вспомогательного отряда на заставе, что пытался оградить их от того, что случилось. Единственное, о чем он умолчал, так это о Сципионе. То ли побоялся упомянуть его имя, то ли не счел нужным, поскольку привык списывать все свои опасения, связанные с этим человеком, на собственные фобии.

Мартин, присев на корточки, слушал того, кто близко знал его отца. Знал его как воина, сильного и мужественного. Юноша был горд и одновременно благодарен Корнелию за то, что тот предоставил своим друзьям выбор, который они сделали в пользу своего командира, не бросив его и не побоявшись пойти на верную смерть против германцев. Мартин слушал рассказ, и на его глазах невольно наворачивались слезы от понимания того, что этот человек — старый, седой, с морщинистым лицом и шрамом — был героем, а не предателем, как про него все трубили направо и налево, не разобравшись в деле и не попытавшись понять его и тех, кого ему удалось спасти в тот момент. Хотя по воле страшного рока получилось так, что, спасая своих солдат от верной гибели, Корнелий, сам того не ведая, обрекал их на вечный позор и нищенское существование.

Мартин смотрел на отца Луция уже другими глазами и очень жалел о том, что они с друзьями плохо отзывались о своих родителях, которые, если подумать, сделали для них гораздо больше, чем кто-либо другой. Избалованные и опьяненные успехами, которые им на блюде преподнес Марк, они принимали его милости как нечто естественное, а ведь в этом не было их заслуги — просто так удачно сложились обстоятельства. И за всем этим они забыли о самом главном — об уважении и почитании своих родных, которые пострадали от несправедливого и жестокого отношения властей.

Некоторое время Мартин просто молча переваривал все то, что он услышал, опустив голову и только изредка поднимая ее, чтобы в очередной раз взглянуть на того, кто был для них гораздо важнее тех ценностей, о которых говорил им Марк. Только сейчас юноша понял, что, как бы высоко они ни поднялись по карьерной лестнице в военном деле с помощью влиятельного человека, нельзя никогда забывать о том, кому они обязаны в первую очередь.

— Спасибо вам. Я и представить не мог, что на самом деле вы сделали для моего отца и

отцов Понтия и Ромула, — тихо проговорил он. — О, боги! Как слепы мы были, что не замечали вашей отцовской и материнской любви к нам! Простите нас за то, что мы забыли об этом!

— Нет, Мартин, ты не совсем прав, и не надо просить прощения, хотя это и очень трогательно. Ты всегда был для меня как сын. И для моих друзей тоже. Когда мы вернулись сюда без твоего отца, мы поклялись помогать твоей матери и ее детям, потому что Аврелий был славным воином девятого легиона и хорошим, верным другом, — приподнявшись с плетеного кресла и положив руку на плечо юноши, произнес Корнелий. — Твоей семье досталось, как и всем тем, кто остался без защитника и кормильца. Твоей вины и вины твоих родных в этом нет — вина лежит лишь на тех бездарных людях, чей рассудок затмевает тщеславие, принуждая их издавать приказы, невысказанные по своей глупости. Поэтому цени каждое мгновение, проведенное в кругу близких, ведь родней и преданней них никого и никогда ни у тебя, ни у кого-либо другого не будет. Семья кажется мелочью, когда она у тебя есть, но оборачивается огромной потерей, если ее вдруг у тебя отнимают.

— Вы правы... — тихо согласился Мартин.

Корнелий сидел в кресле и смотрел куда-то вдаль. Солнце, которое слепило его старческие глаза, то скрывалось за облаками, позволяя ему отдохнуть от постоянного прищуривания, то выходило из-за туч и заставляло его снова прикрывать веки. Внезапно он вспомнил о том, как чуть не совершил ужасный поступок, решив разделаться со всеми своими проблемами при помощи веревки. Сейчас он гордился собой и уважал себя за то, что все же нашел в себе силы не поддаться отчаянию и не оборвать свою жизнь на пике возрождения своей семьи, когда у него на руках остались маленькие дети, нуждавшиеся в его защите от враждебно настроенного мира. Да, это был очень достойный поступок с его стороны. Он думал об этом каждый раз, глядя на своих сыновей, и тогда его отцовское сердце начинало трепетать от теплоты и бескрайней любви к ним, а также от понимания того, что могло бы случиться с ними, не будь его рядом. Корнелий никогда не говорил и никогда не скажет им о той минутной слабости, так как его поступок, совершив он его, был бы слишком эгоистичным и недостойным настоящего мужчины. Он показал бы тем самым свою немощность и бесхарактерность в той сложившейся нелегкой ситуации. Правда, сейчас дело обстояло немного иначе. Луций, в котором он души не чаял, стал отдаляться от него. Они теперь почти и не разговаривали, лишь прощались, когда сын уходил к Марку, и здоровались, когда Луций возвращался домой. Посмотрев на Мартина, Корнелий понял, что этот юноша все-таки более мягок, чем его сын. А, возможно, просто годы брали свое, и он стал больше бояться, что в конце концов останется один. Ему было очень страшно осознавать возможность такого исхода, и он старался о нем не думать, хотя постепенное отдаление от него детей было очевидным. А этот разговор с Мартином ему нравился, поскольку доказывал, что хоть кто-то еще интересовался и самим Корнелием, и его поступками. Был, правда, еще Маркус, который оставался близок отцу, поддерживал его своим присутствием и скрашивал порой его одиночество. Именно Маркус всегда бежал к нему навстречу вместе с Ремом, когда Корнелий приходил домой с сельскохозяйственных работ. Но было очевидно, что и он вскоре пойдет по стопам брата — об этом говорил по-детски восхищенный взгляд, с которым Маркус слушал Луция, когда тот рассказывал о своих успехах в военном деле. Это был вопрос времени — Корнелию оставалось только смириться и ждать, когда Маркус присоединится к брату, а после беспомощно наблюдать со стороны за их новой жизнью.

Все, что было сказано Мартину, Корнелий говорил из собственного страха потерять сына, но он и виду не подал, что боится. Он просто преподнес свои мысли как ненавязчивый совет, который Мартин без какой-либо иронии с благодарностью принял, очень убедительно кивнув в ответ головой. Этим он посеял в душе Корнелия зерно надежды на то, что если уж Мартин, который не был его родным сыном, все понял, то, может, и Луций поймет. Для Корнелия это было бы самой большой отрадой на старости лет. Нет, он не ждал того, чтобы с ним постоянно были рядом. Он лишь желал, чтобы его помнили. Помнили его собственные дети, помнили о том, что он старался быть хорошим отцом, помнили о том, что он сделал для них все, что было в его силах. И если ему было суждено вскоре умереть, то он мечтал отойти в мир иной так, чтобы в этот момент его кровиночки были рядом и чтобы он спокойно и без сожаления мог сжать руки детей в своей руке перед тем, как отправиться туда, откуда нет возврата. Время не щадит никого, неумолимо приближая всех к непознанной бесконечности и загадочной бездне. Но Корнелий не испытывал страха перед неизбежным концом — он панически боялся, что про него забудут и он сделает свой последний вздох в полном одиночестве. А ведь так мало надо старику для спокойной смерти: только теплую и уютную кровать и возмужавших и достигших высот детей у ее изголовья.

Поднялся легкий ветерок, и дорожная пыль взмыла вверх воронкообразным завихрением. Корнелий прикрыл глаза, увлажнившиеся от грустных мыслей, и, дабы Мартин не увидел его слез, спрятал их за ладонью, будто спасая стариковское зрение от вездесущих пылинок. Порыв ветра пришелся как никогда кстати, поскольку Корнелий не хотел, чтобы Мартин заметил его слабость и спросил его, почему он плачет. Воин не должен плакать, но возраст делает людей более сентиментальными. Однако Корнелий по-прежнему не хотел ни жалости, ни других похожих эмоций со стороны Мартина — он не хотел показаться мягкотелым, хотя и был немолод, далеко немолод.

— Что-то ветер поднялся. Похоже, погода портится, хотя по всем приметам не должна бы, — вставая с кресла и направляясь в дом, сказал Корнелий. Он посмотрел сквозь пальцы руки, которой прикрывал глаза, на небо и произнес: — Наверное, будет ливень. Вон, какие тучи на небе. Пойдем-ка в дом, Мартин, там и подождешь своих друзей. Маркус, бери Рема и марш домой. Не хочется, чтобы ты промок и заболел. И давай быстрее, чтобы мне не пришлось повторять дважды!

— Хорошо отец! Уже бегу! — прокричал в ответ Маркус и, не прерывая игры с собакой, побежал в дом. Рем спешно последовал за ним, пытаясь играючи покусать за пятки.

Леонид, занимавшийся какими-то делами во дворе, тоже неспешной походкой, кряхтя и шаркая ногами, направился вместе со всеми в дом. Зайдя внутрь, он предложил перекусить, все с одобрением встретили его идею и стали рассаживаться за столом.

— Леонид, не суетись. Я сейчас помогу тебе, — сказал Корнелий, привыкший заботиться о более пожилom, по крайней мере, с виду, товарище. Сколько Леониду лет, он не знал, да это было и не важно. Для Корнелия гораздо значительнее возраста была преданность: ее он, как никто другой, понимал и ценил.

В это время ветер усилился, за окнами потемнело, небо затянули темно-синим полотном тяжелые тучи, а вдалеке раздались раскаты грома. Природа предупреждала о своих серьезных намерениях, разрезая небо на несколько частей яркими вспышками молний, словно хмельной портной, который старался спешно раскроить материал, но лишь хаотично вилял ножницами по сукну, выводя на ткани необычные узоры.

Маркус с любопытством наблюдал в окно за этим явлением природы, он уже не так боялся грозы, как раньше, когда был совсем мал. Тогда, едва услышав гром, он мчался к своему отцу или к Леониду, который давно стал уже частью их семьи, и Леонид, укладывая его с собой, рассказывал о том, как бог Юпитер гневается, сидя на облаках. Этот старик знал много интересных историй о богах и людях, о разных событиях, приметах и мудрецах. Маркус уже даже начал его называть своим дядей, поскольку был сильно, по-родственному привязан к нему. Теперь же он просто смотрел на небо по-детски завороченным взглядом, и на его лице не было ни страха, ни чувства опасности перед необъяснимым и грозным проявлением стихии. Теперь Маркус знал, что Юпитер не тронет его, ведь он ни в чем перед ним не провинился.

Прошло уже некоторое время, а дождя все не было, лишь тучи стали еще плотнее и как-то ниже, и создавалось ощущение, что сейчас не день, а вечер, и вот-вот небо прольет свои слезы на землю, давая растениям и всему живому свою бесценную влагу.

Внезапно Рем занервничал. Он начал скулить, поджимать хвост и дергать Маркуса за подол тоги, пытаясь оттащить его от окна в предчувствии надвигающейся бури. Однако Маркус лишь с улыбкой смотрел на собаку, не придавая значения ее беспокойству, хотя прежде Рем не отличался особой пугливостью. Тем не менее, на этот раз пес подвывал и носился взад-вперед по дому, подбегая к каждому и заглядывая всем в глаза, словно это была и не собака вовсе, а человек, который взглядом пытался что-то сказать. От того, что люди его не понимали, Рем крутился волчком и то и дело подбегал к двери и, вставая на задние лапы, скреб ее. Когда, поддавшись его беспокойству, Маркус подходил к двери и открывал засов, Рем тут же выбегал на улицу, лаял куда-то вдаль, пробегал вокруг дома, влетал обратно, словно ошпаренный, рыча и лая, и опять принимался хватать всех за ноги и дергать, как будто пытаясь куда-то отвести.

— Да что с тобой, Рем? А ну угомонись! — приказал псу Корнелий, который вместе с Леонидом принес еду и поставил ее на стол. — Никогда его таким не видел.

— Что-то его беспокоит, а мы понять не можем, что именно, вот он и бесится, — спокойно отрезая хлеб, проговорил Леонид.

В этот момент, словно гром на небе, раздался стук в дверь. Рем, который был чем-то встревожен все это время, притих и, настороженно оскалив зубы, начал рычать в сторону двери.

— Ну, Мартин, вот и твои друзья. Заодно все вместе поедим, да и послушаем, чего они там насмотрелись, — с этими словами Леонид подошел к двери и отодвинул засов. Однако вместо юношей его взору предстал небольшой отряд солдат. Старший из них, Константин, не дожидаясь приглашения, вошел в дом, деловито осмотрел всех присутствующих, сдвинул брови и произнес:

— Вы, я так понимаю, догадываетесь, почему мы здесь? — бесцеремонно расхаживая по помещению и глядя по сторонам, спросил он. — Кто хозяин этого убогого жилища? — со злобной улыбкой поинтересовался Константин.

— Я! — коротко и с возмущением ответил Корнелий, встав из-за стола. — А в чем, собственно, дело?! — На повышенных тонах, но, насколько это было возможно, сдержанно проговорил он.

Константин медленно подошел к Корнелию и положил перед ним на стол приказ о конфискации имущества по причине утаивания налогов на протяжении более десяти лет.

— Ознакомься! Если безграмотный, могу зачитать тебе вслух! — с ехидством сказал он

и, развернувшись, вышел на улицу чтобы позвать в дом еще нескольких солдат для того, чтобы они принялись за свое дело.

Дверь за ним захлопнулась и в доме воцарилась гробовая тишина. Все застыли, словно статуи, кроме собаки, которая подошла к Маркусу и начала лизать ему руки, немного поскуливая.

— Что это такое?! Какие налоги, какая опись?! Они что там, с ума все походили?! Я же платил все в срок! — ударив кулаком по столу и выйдя из-за него, возмутился Корнелий.

— Я думаю, это какая-то ошибка. Нужно разобраться, — тихо проговорил Леонид. — Все прояснится, — сам в это не веря, сказал он, чтобы хоть как-то поддержать Корнелия, который побледнел и присел на стул.

— Что может проясниться, мой друг?! Что?! Нас оклеветали! Знать бы только, кто и за что! Теперь уже ничего не прояснится, Леонид! Ничего! — тряся бумагой, прокричал Корнелий, и, вздохнув, вымолвил: — Уже и так яснее некуда! Да и они пришли сюда не для того, чтобы что-то прояснять! — небрежно кинув документ на стол, обхватив голову руками и тяжело вздохнув, посетовал Корнелий.

В этот момент в комнату вошли солдаты и без лишних церемоний стали выносить из дома все, что представляло хоть какую-то ценность. Жильцы молчали, беспомощно наблюдая за происходящим, и лишь Рем изредка недовольно рычал. Пес вплотную прижался к Маркусу, который испуганно смотрел на все, что творилось в доме.

— Папа, кто они такие и почему все забирают? — тихо, еле слышно спросил у отца Маркус, с опаской глядя на солдат.

Сидевший на стуле Корнелий в ответ лишь нервно помотал головой.

— Все будет хорошо, сынок. Все будет хорошо. Ты, главное, не бойся, — повторял он, будучи не в силах ничего объяснить.

Однако вскоре он не выдержал и, встав, заходил по комнате, чем начал раздражать начальника отряда, который тут же рявкнул на него:

— Прижми свой зад к стулу и не путайся под ногами! Можешь пока попроситься со своими вырожденками: у меня приказ арестовать тебя, и после того, как мы закончим, ты отправишься с нами! Так что пользуйся моментом, пока есть такая возможность!

— Не смей так говорить о моих детях, ублюдок! — громко и с былой уверенностью выкрикнул Корнелий. Но тут же понял, что не стоило лишней раз провоцировать Константина, дабы избежать последствий и не усугублять тем самым свое положение и положение тех, кто находился рядом с ним.

— Что?! Мне показалось, или кто-то тут начал тявкать?! — ответил на дерзость начальник отряда и подошел к Корнелию. Он пристально посмотрел в глаза пожилому воину, шмыгнув носом и, резко схватив его за волосы, поднял ему голову и произнес:

— Ты вор государственной казны, твое место в дерьме рядом с червями! Если еще раз раскроешь свою пасть, я лично приговорю тебя к смерти, которая должна была уже давно взять тебя в свои объятия! Ты мало того, что предатель, так еще и глупец!

Сказав это, Константин резко толкнул голову Корнелия вперед, и она, словно мячик, ударилась об столешницу. Разбив Корнелию лицо, Константин снова приподнял его голову за волосы и продолжил:

— Надеюсь, ты все понял?! Если нет, то я могу преподать тебе урок еще раз!

В голове Корнелия промелькнула вся его жизнь, все сражения, в которых он участвовал. Таких, как этот солдат, он в былые годы кромсал направо и налево. А теперь что же

получается? Он должен непонятно за что унижаться и терпеть все это, да еще на глазах у собственного сына? Разве мало ему досталось? Разве мало он натерпелся от несправедливости и жестокости богов, которые отняли у него его жену, его честь, а теперь отнимают и его гордость? И он должен молча повиноваться? Повиноваться кому? Какому-то выродку из карательного отряда, который только и может, что мериться силами с беспомощными и безоружными? В его голове зазвенело, противоречивые мысли заполнили мозг Корнелия, они переполняли его злобой, и ему хотелось собственными зубами перегрызть горло этому сосунку, возомнившему, что он вот так запросто может дерзить ветерану. Но, посмотрев на испуганные лица Маркуса и Мартина, Корнелий подавил в себе то чувство, которое уже очень давно его не посещало, — чувство отмщения и запаха крови, которое пьянило его, когда он наказывал своих врагов, вонзая острый металл в их плоть, как мясник вонзает нож в туши животных. Но это было в прошлом, а сейчас... Сейчас уже он не в том положении, чтобы диктовать свою точку зрения, уча всех врагов уму-разуму своим мечом. Реальность была такова, что он был один, а рядом находились его близкие. Один против отряда? Нет, он не хотел совершить глупость, которая будет стоять жизни всем, кто был ему дорог. Неимоверным усилием воли он подавил ярость, которая вспыхнула в груди старого воина и жаждала вырваться на свободу, но все же осталась там, где и должна была остаться еще десять лет назад, — на поле боя, последнего боя в его жизни. Шли годы, все забывалось, и он сам менялся. Даже его характер смягчился под воздействием времени. Частенько за это время ему приходилось перешагивать через свою гордость и улыбаться, чтобы детям было спокойно. Как же это было унижительно в очередной раз проглатывать все это! Но жизнь диктовала свои правила.

— Папа! Не тронь моего отца! Папа, папочка! — прокричал Маркус и бросился к Корнелию, который от удара свалился на пол в полусидячем положении.

— Все нормально, сынок. Все хорошо, ничего страшного, — проговорил Корнелий и обнял Маркуса.

— Отец, пожалуйста, не зли их, я не хочу, чтобы они тебя били, — всхлипывая от жалости, сквозь слезы проговорил Маркус, помогая Корнелию подняться и усаживая его обратно за стол.

— Устами твоего сына глаголет истина! Послушай его, твой малец дело говорит, — с иронией и издевкой сказал Константин. — Облегчи участь себе и своим детям.

— Не троньте моих детей! Ради всех богов прошу вас, — прошипел Корнелий. — Забирайте все, но оставьте в покое ребят.

— Непременно заберем, не беспокойся, уж мы-то знаем свою работу!

— Не сомневаюсь, — сквозь зубы проговорил Корнелий, вытирая рукой кровь с разбитого лица.

Солдаты ходили взад и вперед, беззастенчиво унося все то, что удалось скопить Корнелию. Если учесть, что в последние десять лет дела потихоньку налаживались, то унести было что. И от этого становилось еще обиднее расставаться с нажитым, поскольку любая вещь в доме была заработана неимоверным трудом. В особенности Корнелий жалел домашний скот, разведением которого занимался лично. Его буйволы ценились на бычьем рынке, и за них платили втрое больше, чем за других, и он этим не мог не гордиться. Ну и земледелие, за которое в их хозяйстве отвечал Леонид, тоже приносило определенную финансовую прибыль, которая тратилась в основном на покупку одежды и орудий туда. А теперь его этого лишали, попросту грабили, и с этим ничего нельзя было поделать.

Все молча наблюдали за происходящим, и только Рем негромким рыком провожал проходящих мимо солдат. На небе сгустились тучи, которые вот-вот должны были прохудиться и обрушиться на землю тоннами воды. Мрачным, темно-синим окрасом они еще больше нагнетали обстановку. Изредка небо рассекали молнии, которые сопровождались раскатистым громом, пугавшим всех присутствовавших в комнате. В такие моменты Маркус вздрагивал и прижимался одной рукой к Рему, а другой — к своему отцу. Сидя на корточках, мальчик со страхом смотрел то на солдат, то на собаку.

— Ну, вот, по-моему, и все. Надеюсь, ты успел попрощаться со всеми? — хлопнув по плечу Корнелия, проговорил Константин. Обойдя Корнелия, встав напротив него и опершись руками о стол, он продолжил:

— Сам встанешь и пойдешь или тебе помогут мои ребята?

Корнелий медленно поднял голову и с ненавистью и отвращением посмотрел на солдата. В его глазах блеснул огонь ярости и отчаянья, уловив который Константин медленно положил руку на рукоять гладиуса и злобно улыбнулся. Корнелий обвел взглядом всех присутствующих, которые были очень напуганы, но в то же время так же решительны, как и он. Когда он взглянул на Леонида, тот еле заметно кивнул головой, давая понять, что каким бы ни было решение Корнелия, он его поддержит. Потом Корнелий перевел взгляд на Мартина, который также выражал готовность оказать другу отца любую помощь. Тяжело вздохнув, Корнелий здраво оценил свои силы и, понимая, что ничем хорошим для них его бунтарство не закончится, поостыл и отрицательно покачал головой. Подставлять на верную смерть старика и юнца, да к тому же еще и сына, он не посмел.

— Что ты сидишь?! Или оглох?! Давай, пошел на выход! — взяв Корнелия за шиворот, начал вытаскивать его из дома Константин. Корнелий замешкался, и тогда солдат нанес ему удар в живот и толкнул его с такой силой, что он перелетел через стол, упал и закашлялся.

— Не тронь его! — кинулся к отцу Маркус, но тут же получил оплеуху от рядом стоящего солдата, отшатнулся и, упав на пол, расплакался. Тогда Рем, оскалившись и зарывав, кинулся на обидчика, повалил его на пол и вцепился ему в горло, из которого тут же потекла багровая жидкость. Солдат захрипел и через некоторое время затих. Константин от всего увиденного опешил. Не ожидая такого поворота событий, он что есть мочи заорал:

— Отряд, у нас бунтари! Все ко мне!

После чего обнажил меч и кинулся к собаке, но был нокаутирован мощным ударом Корнелия, который собрал в кулаке всю свою ненависть и злобу. Глухой удар, сопровождавшийся хрустом челюсти, повалил Константина, словно мешок зерна, на пол, где он и затих, не шевелясь. Потерев кулак, Корнелий бешеным взглядом взглянул на того, кого только что уложил, после чего посмотрел на Маркуса и Мартина.

— Все, парни, теперь бегите — они просто так все это не оставят! Мартин, позаботься о Маркусе. Сынок, я тебя люблю! Помни об этом всегда! Теперь спасайтесь, — сказал Корнелий, глядя в окно на приближающихся к дому трех солдат. — Я задержу их! Давайте, не стойте! Бегите! Леонид, ты со мной?!

— Я всегда с вами, — недолго думая произнес Леонид, забирая меч у лежащего без сознания Константина.

Быстро встав с разных сторон двери, они замерли в ожидании. После того, как солдаты влетели внутрь, оба кинулись на них, выигрывая для Мартина и Маркуса время для того, чтобы скрыться.

— Да бегите вы уже! Спасайтесь! Мартин, уводи его отсюда! — заорал Корнелий,

повалив одного из солдат на пол и мутузя его по лицу кулаками. Леонид, в свою очередь, недолго думая, вонзил меч в ключицу второму. Тот издал какой-то булькающий звук и повалился на крыльцо. Но тут старика сбил с ног подоспевший третий солдат. Леонид попытался подняться, но его схватили за шею, после чего холодная сталь вонзилась в него, не оставляя ему никаких шансов. Клинок снова и снова пронзал уже безжизненное тело, а солдат все никак не мог остановиться. Увидев это, Маркус и Мартин кинулись наутек, за ними побежал и Рем, а следом — солдат, разделавшийся с Леонидом. Выбегая из дома, Маркус споткнулся о порог и упал, облегчая тому задачу. Увидев это, Корнелий бросился к солдату и в прыжке схватил его за ноги, чем застал врасплох. Впрочем, тот, рухнув, все же дотянулся до ноги Маркуса.

— А ну отпусти моего сына! — держа солдата за ногу и стараясь подтянуть его к себе, орал Корнелий.

Дрыгая ногой, солдат смотрел то на него, то на Маркуса. Видя, что Маркуса схватили, Мартин начал тянуть его за руку. Перевернувшись на бок, солдат пытался дотянуться до меча, который он при падении выронил, но тут ему в руку вцепился вовремя подоспевший Рем.

— А-а-а-а-а!!! — заорал солдат, нанося ногами удары по голове и лицу Корнелия, который, уже привстав, все ближе подтягивал его к себе, ругаясь непристойными словами. Корнелий уже даже выхватил нож, висящий у неприятеля на поясе, и приготовился разделаться с ним, как вдруг его тело обмякло из-за того, что сзади его огрел по голове кочергой очнувшийся Константин. Между тем, не выдержав боли от укуса, солдат выпустил парня и, схватившись за руку, скривив лицо и мыча, стал кататься по полу.

— Отец! — закричал Маркус, но его тут же схватил за локоть Мартин, дернув так, что чуть не вывихнул плечо.

— Побежали, Маркус. Ты ему сейчас ничем не поможешь! Ну же!

— Константин, хватай сопляка! — преодолевая боль, поговорил сквозь зубы солдат.

— Да на кой он тебе сдался, идиот! — крикнул Константин и, помяв челюсть, отвесил с ноги солдату такой удар, что тот, забыв о руке, закричал и словно червь заворочался по полу с раскрытым ртом.

— Ублюдок! Зачем тебе сдался этот малец?! Посмотри, что эта скотина сделала с нашими парнями! Почему ты его не скрутил?! Духу не хватило?! — Константин снова ударил подчиненного, после чего присел над лежащим без сознания Корнелием. — Повезло тебе, выродок! Не было бы у меня приказа доставить тебя живым, прирезал бы тебя прямо сейчас!

Затем он поднялся и вышел во двор, где его солдаты собрали рабочих Корнелия, которых схватили на полях.

— А с этими что делать?

Константин, сплевывая кровь и вода языком по губам, подошел к задержанным.

— Рабы?!

— Мы вольноотпущенные. Хозяин Корнелий дал нам вольную, — произнес один из них.

— Хозяин Корнелий?! Ну да, ну да, хозяин. В сарай их запереть и сжечь тут все! Этого, мать их, хозяина — в железо и в повозку. И придурка нашего из дома заберите, будь он не ладен!

— Но мы не рабы! Вы не имеете права! Мы граждане Рима! Свободные граждане!

— Что? Права не имею? Я все имею, даже вас! А вы мерзкие, ничтожные существа которые работали на предателя, казнокрада и государственного преступника! Тем самым вы помогли ему творить свои злодеяния, а значит, вы соучастники, да еще и сопротивление оказали, давая уйти от ответственности своему так называемому хозяину! Понял?!

— Да нас в поле поймали за работой! В чем наша вина?!

— У меня просто плохое настроение! Ничего личного! Сжечь все!

— Да будь ты проклят и вся твоя семья, мерзкий ублюдок!!!

— Я слышу это каждый раз, когда прихожу к таким как вы! Но пока боги благосклонны ко мне, значит, им нравится моя работа!

Вскоре тело Корнелия, закованное в цепи, было положено на повозку, а его имение занялось пламенем. В обложенное тучами небо потянулся черный, густой дым. По округе разнеслись истошные крики людей, обреченных на жуткую и мучительную смерть от огня.

Участь Ливерия и Кристиана была такой же. Мечь Помпея удалась на славу — он мог гордиться тем, что сотворил. Правда, о том, что произошло с семьей Мартина, он пока не догадывался и продолжал тешить себя надеждой вскоре увидеть свою Ливию, стоящую на коленях перед ним и умоляющую его помочь ей и ее семье.

После окончания игр Ратибора отвели в подвалы Колизея, где он должен был ожидать своего хозяина Александра. Нижние этажи величественного сооружения были вымощены большими и холодными гранитными глыбами, привезенными сюда из каменоломен Римской империи. Вообще же это здание напоминало айсберг: снаружи виднелась лишь малая толика, а все остальное находилось внутри. Скрытая от посторонних глаз часть каменного организма уходила глубоко под землю, и чем ниже туда опускался человек, тем ощутимее становились темнота и холод и тем больше плесени и крыс встречалось на его пути. Единственным источником света здесь были чадающие копотью факелы, которые зловещим желто-красным светом освещали коридоры, отбрасывая размытые, загадочные и пугающие тени на блестящие от влажности и слизи стены.

Сюда сгоняли тысячи рабов, чтобы этот многочисленный персонал трудился здесь в поте лица, приводя в движение немислимые механизмы, которые обеспечивали зрелищность представления и заставляли толпу кричать от удивления и восторга. Тут же держали и гладиаторов. В каждой предназначенной для них камере стоял топчан, устланный соломой. Напротив спального места на вбитых в стену стальных кольцах висели толстые цепи, которые не смогла бы порвать и сотня человек. Мощные дубовые двери, способные выдержать даже удары осадного тарана, запирали массивный замок. Все это было сделано для того, чтобы обученные убивать бойцы не смогли сговориться и подготовить мятеж. Слишком уж запомнилось римлянам восстание Спартака, и повторять свои ошибки они не хотели.

В одну из таких комнат и впихнули Ратибора, после чего металлический звук замка погрузил его в подвальную тишину. Боец обошел небольшое помещение, недолго думая, завалился на топчан, отвернулся лицом к стене и сразу же уснул, сморенный усталостью и пережитыми потрясениями. С момента окончания боя и вплоть до этой минуты его мысли были заняты неизвестным юношей, который, получается, даровал ему жизнь. Толпа жаждала его смерти, которую он был уже готов принять, но почему-то поменяла свое решение при виде этого молодого паренька. И Ратибор все никак не мог понять, почему тот вступился за него. Неужели в этом отвратительном мире, в этом ненавистном ему Риме остались те, для кого честь, сила и жизнь воина имеют ценность? Он думал об этом всю дорогу с арены сюда, думал, укладываясь на влажную от сырости и пахнущую плесенью солому, думал, когда отворачивался к стене и прикрывал глаза, но теперь он уснул.

Беспокойно ворочаясь, он видел во сне свою далекую родину, свой народ и привычную зиму. Зиму, которой ему так не хватало в этом жарком и пыльном городе, где он, выросший на лоне природы, задыхался от смрада, скопления людей и постоянной духоты. Ему снился зимний лес с деревьями, укрытыми пушистым белым покрывалом и трещавшими от морозов, по которому он, еще совсем маленький, вместе с отцом прогуливался верхом, осматривая семейные владения. Эта картина и теперь стояла у него перед глазами: зимний лес утопает в снежных заносах, конь, ступая по белой целине, проваливается по колени в обжигающе холодные сугробы, а вокруг видны лишь темные стволы обнаженных деревьев и зеленые лапы елок и сосен. Они то и дело сбрасывают с себя непомерную ношу, осыпаясь снежным

водопадом вниз, и тут же по лесу разносится испуганное щебетание птиц, отзывающееся эхом на огромные расстояния. А когда маленький Ратибор выглядывал из-за ворота своего полушубка и, приподнимаясь на стременах, смотрел вперед через косматую гриву лошади, он видел, как солнце, отражаясь от снега и инея, будто рассыпает перед ним сверкающие бриллианты.

— Смотри, Ратибор! — говорил его могучий, словно скала, отец своим громогласным голосом. — Смотри и помни: это твоя земля! Вырастешь — станешь править ею вместо меня. Береги нашу землю от врагов. Будь примером своему народу, ибо простой человек подражает своим князьям. Какой князь, такой и народ. Станешь плохим хозяином для своей земли, так и народ начнет дурить. Допустишь воров и лихоимцев к себе, так и народ будет воровать, видя, что твои ближайшие товарищи не брезгуют запустить в казну свою лапу. Суд вершить начинай с приближенных своих. Поймет народ тогда: раз ты и ближних не жалеешь, то уж простолюдина и вовсе не пощадишь. Тогда они тебе, Ратибор, словно дети, верны будут!

И он запоминал, глядя на могучие стволы вековых деревьев, уходящих прямо в прозрачное, бесконечное небо. Он смотрел на этих великанов и не знал, даже не догадывался, сколько им лет. Он только понимал, кутаясь в теплый полушубок, сколь величественны они по сравнению с ним, который еще и жизни-то совсем не видал. Оборачиваясь, Ратибор видел своего отца, который, выпрямившись в седле, словно струна, с суровым взглядом управлял конем. Вслед за ним шла его дружина, готовая по первому приказу кинуться в бой на любого врага и без сомнения отдать жизнь за своего князя.

Когда завершился кульминационный момент игр в Колизее и толпа, насытившаяся зрелищами, возжелала хлеба, Марк встал со своего места и произнес:

— Нам пора идти.

— Но почему? Люди же не расходятся. Они, наверное, еще чего-то ожидают? — спросил Луций, удивленный торопливостью Марка.

— Люди ждут, когда начнут раздавать тессеры.

— А что это? — тут же поинтересовался Понтий.

— Тессеры, Понтий, — это небольшие свинцовые таблички с номерами, по которым можно получить разные призы. Так сказать, дары для собравшихся тут бездельников.

— А что за призы? — вставая с места, снова спросил Понтий.

— Всякие, начиная с денежного выигрыша и заканчивая какой-нибудь никчемной безделушкой. Мы лучше посмотрим на это издалека.

— Но почему? Может, нам тоже повезет, и мы что-нибудь выиграем!

— Поверь мне, Понтий, тессер очень мало, а желающих их получить — слишком много. Как только их звон огласит трибуны, тут начнутся такие потасовки и давка, что вам попросту будет не до призов. Я лишь пытаюсь вас уберечь от этого: слишком уж жалка нажива и слишком велика цена за нее. Сегодня тут будет очень жарко, и в давке погибнет много народу, поэтому лучше отойти на расстояние. Ведь всегда приятнее наблюдать за безумием, нежели участвовать в нем. Да, будет вам, о чем сегодня рассказать дома. Думаю, Мартин сильно огорчится, послушав вас. Жаль, что он не смог вырваться сюда, ему бы наверняка понравилось. Не правда ли, Ромул? — спросил Марк у побледневшего парня. Тот взглянул на сенатора не моргающим взглядом и молча кивнул головой.

— Мартин себе все локти искушает, когда мы ему расскажем обо всем, что тут

видели! — радостно воскликнул Понтий.

— Возможно, он их уже кусает, Понтий, — как-то не к месту обронил Марк, спешно направляясь к выходу.

— Вот бы увидеть поближе того гладиатора, — с восхищением тихо промолвил Луций.

Ратибор явно удивил юношу: Луций до сих пор вспоминал, как он один сражался против стольких противников. Как он хотел принять смерть, как мгновенно отыскал глазами в толпе того, кто первым потребовал оставить его в живых, и как долго смотрел в сторону юноши. Смотрел даже тогда, когда император решал его судьбу. Стойкость и мужество этого гладиатора восхитила Луция даже больше, чем Понтия, который вначале, как и все, хотел смерти этого воина. Марк услышал его восхищенные слова и незаметно улыбнулся, продолжая выводить парней из амфитеатра.

Вскоре, как и говорил сенатор, на арену выехали несколько колесниц, которыми управляли девушки в костюмах богини Фортуны. Они скакали по кругу и разбрасывали по сторонам свинцовые таблички, а толпа, жадная до легкой наживы, кидалась за ними. Давка, действительно, образовалась нешуточная: люди с задних рядов напирала на тех, кто стоял впереди. Один пожилой мужчина резко выхватил у другого злосчастную табличку и с криком «Моя!» отпихнул конкурента, после чего попытался вырваться из толпы. Но не тут-то было: стоявший рядом молодой парень немедля оглушил его ударом в затылок, и мужчина рухнул без чувств между каменными сиденьями амфитеатра. Толпа сразу загудела, словно это были не люди, а стая хищников, которая почуяла кровь и ринулась за добычей. Упавших нещадно топтали, повсюду слышались крики и брань. И там и тут люди дрались не на шутку, пытаясь отбить друг у друга свинцовую пластинку, дававшую право получить бесплатную безделушку.

Луций, Ромул и Понтий смотрели на это столпотворение со стороны, и каждый из них думал о том, как хорошо стоять здесь, а не находиться там, среди озверевших людей, стремящихся заполучить хоть что-нибудь, пусть даже несколько гнилых луковиц, лишь бы только даром.

Рассматривая толпу, Луций заметил, что на самом верхнем ряду амфитеатра в одиночестве сидел неприметный юноша — тот самый, которого он видел в доме Марка, когда пришел туда в первый раз. Юноша пристально наблюдал за тем, как безумствует толпа, словно пытался запомнить каждое движение и каждый крик людей, стремившихся заполучить себе свинцовую табличку. Луций, не отрываясь, смотрел на парня, а тот, замороженный, сидел, не шевелясь, на своем месте, будто каменное изваяние. Луцию даже показалось, что юноша как-то изменился. Он запомнил Аверу стройным и высоким парнем, а тут он сидел сгорбившись и немного наклонившись вперед. Хотя, может быть, зрение обманывало Луция. Он прищурился, чтобы лучше рассмотреть юношу, но внезапный порыв ветра поднял пыль, заставив всех отворачиваться и прикрывать лица, чтобы мелкие песчинки не попадали в глаза. Когда же ветер стих и Луций вновь открыл глаза, Авера исчез, словно растворившись в воздухе. Луций тщетно пытался найти его взглядом в толпе, переводя взор из стороны в сторону. Он даже хотел спросить Марка, почему тот не взял своего приемного сына (как он представил Аверу при их первой встрече) вместе с ними. И почему посадил его туда, где обычно сидят самые нищие и бедные сословия Рима? Ведь при таких связях и деньгах Марк мог с легкостью устроить его даже с теми, кто располагался по правую руку от самого императора. Внезапно Марк прервал его мысли:

— Тессеры — всего лишь свинцовые таблички с выбитыми на них номерами, а они

готовы поубивать друг друга из-за них. Представь же себе, Луций, если бы это были серебряные сестерции или россыпь самоцветов. Наверное, за них любой из этих драчунов продал бы и мать родную. Я, кстати, сегодня специально взял сюда с собой Аверу и посадил его с самым нищим сбродом.

— Для чего? — изумленно спросил Луций.

— Для того же, для чего привел и вас сюда, — показать ему людей. Показать именно то, какие люди есть на самом деле. Я бы мог всех вас разместить в самых роскошных ложах рядом с богачами и знатью. Но тогда бы вы увидели только одну сторону медали, а тут страсти кипят поинтереснее, чем там, — кивая в сторону дорогих рядов, проговорил Марк и продолжил: — На напыщенных и никчемных бездельников вы еще насмотритесь, еще прочувствуете глухую, непробиваемую тупость чиновников и успеете их возненавидеть. А тут, тут сейчас рвет друг друга толпа, бесконтрольная и необузданная. А все потому, что у них нет лидера, нет того, кто бы мог им приказать остановиться. Зверью всегда нужен вожак, Луций. Без него оно — что стадо без пастуха. Им нужна плеть и страх. Страх перед законами, страх перед наказанием за проступки, страх перед тем, что прощения им не будет даже после их смерти. Еще некоторое время назад Понтий хотел сам попробовать добыть тессеры в надежде на то, что ему повезет. А теперь посмотри на его лицо: с каким презрением он смотрит на то, как эти люди унижаются, истязая и браня друг друга! А Ромул? Ромул до сих пор не может осознать происходящего. Он думал, что большинство людей действуют точно так же, как в его любимых поэмах и философских книгах. Сегодня он открыл для себя другую правду, и с ней ему теперь придется жить и мириться.

Луций взглянул на изумленные лица своих приятелей, потом перевел взгляд на лицо Марка, которое не выражало ни единой эмоции, словно у мертвого человека. Затем он посмотрел в сторону шевелящейся людской массы и где-то в глубине души почувствовал отвращение к ней. И тут же это отвращение возросло до тошнотворного состояния. Раньше Луций и не думал о том, что услышал сейчас от Марка. Но теперь он стал осознавать, как несовершенны люди, как примитивны они в своих желаниях и поступках. Это осознание пришло невзначай, само, откуда-то из глубины его тела, мгновенно врезалось в мозг раскаленным металлом, вызвав приступ головной боли, и тут же отступило — столь же неожиданно, как и возникло. Луций почувствовал, как воздух наполнился тяжелой густотой, казалось, все вокруг него стало замирать и замедляться. Людские крики и брань доносились протяжными фразами. Солнце медленно исчезло в тучах, и начала наступать зловещая мгла. Луций снова посмотрел на Марка, который на это раз глядел прямо ему в глаза. На миг Луцию показалось, что у этого человека и вовсе нет зрачков, лишь только черные впадины вместо радужки, а лицо имеет сероватый оттенок. Юноша зажмурился и, глубоко вздохнув, снова открыл веки. Марк стоял, улыбаясь, как ни в чем не бывало. Солнце по-прежнему слепило глаза, а люди постепенно успокаивались. Глашатай кричал с арены, объясняя, где счастливики могут забрать свои призы. Кто-то помогал подняться покалеченным, кто-то спускал вниз тела тех, кого затоптала в давке толпа.

Наступал вечер. Угощая ребят в таверне разными закусками и вином, Марк встал из-за стола и произнес:

— Хочу выпить за то, что боги свели нас вместе, за то, что я познакомился с вами! За ваших отцов, в особенности, за отца Луция — за Корнелия! За человека, спасшего моего родственника Дементия, которому я многим обязан! За вас!

Луций и Понтий, уже изрядно захмелевшие, вскочили с мест и тоже подняли свои чаши.

— А я хочу вышить за тебя, Марк! — немного пошатываясь, громко произнес Луций.

— Да! За тебя! — поддержал его Понтий. — За удивительный сегодняшний день! Я в жизни не проводил время лучше, чем сегодня! Ах, какие были игры! Я просто, просто...! — Понтий не сумел продолжить свою мысль и воскликнул: — За самого лучшего человека Рима! За Марка!

Затем он залпом осушил чашу и, рухнув на стул, тут же пихнул Ромула в бок со словами:

— Чего не пьешь с нами?! Не уважаешь что ли?! Весь день ты сегодня, как баба! Тебе в священники надо, а не в воины! — рассмеялся Понтий.

— Не задирай его. Он такой, какой есть! — садясь рядом, ответил Луций.

В таверне играла музыка, стоял гомон, на небольшой сцене танцевали девушки, которых сменяли фокусники и комедианты. Многие пришли сюда после игр в Колизее и обсуждали увиденное за кружкой хмельного напитка. Марк заказывал угощения и, слегка улыбаясь, слушал похвалы, которые сыпались на него то от Луция, то от Понтия. Последний, перебрав вина, уже еле ворочал языком. Лишь только Ромул был трезв, и весь его вид говорил о том, что он чувствует себя здесь не в своей тарелке. Пересиливая это ощущение, он натянуто и наигранно улыбался, но это было заметно одному Марку. Понтий и Луций, уже изрядно поднабравшись, только и обсуждали, что сегодняшний день, и мечтали о том, как будут сражаться с врагами Рима и захватывать добро неприятеля, когда пойдут в поход под предводительством Германика. Вскоре Марк поднял руку вверх и щелкнул пальцами. К нему мгновенно подскочил хозяин таверны, которому сенатор что-то шепнул на ухо и дал несколько серебряных монет. Хозяин заговорщицки прищурился, раскланялся и удалился, но вскоре вернулся к столу в компании трех девушек, которые, мило улыбаясь, разместились рядом с парнями.

— Простите меня великодушно, — внезапно произнес Марк. — У меня сегодня еще срочное дело есть в сенате. Там будут проходить слушанья по важным государственным вопросам.

— Да брось, Марк! Оставайся, неужто там без тебя не обойдутся? — не отводя взгляда от жриц любви и даже не пытаясь придать голосу убедительную интонацию, проговорил Луций.

— Да какие там могут быть дела в такое время! — наливая себе еще вина, поддержал Луция Понтий.

— Дела есть всегда. Сегодня там будут приниматься серьезные решения, касающиеся государственных налогов, а это пропустить никак нельзя. Вы развлекайтесь, все оплачено. Дамы, кстати, тоже, — слегка улыбнувшись, произнес Марк. — Да, прошу только об одном: пускай все сегодняшние наши похождения останутся между нами. Не хочу, чтобы ваши отцы подумали обо мне что-то плохое. Я лишь хотел показать вам настоящую жизнь, красочную и интересную, — поднимаясь и выходя из-за стола, продолжил он.

— Да о чем ты гово... Говор... Это, как его! Наши отцы в подметки тебе не годятся! Неудачни-ни-ки! — тискаая девушку, бормотал икающий Понтий, на которого с плохо скрываемым отвращением смотрел Ромул.

— Постой! погоди! — вылезая из-за стола следом за Марком, сказал Луций.

Подойдя к сенатору, он обнял его и произнес:

— Спасибо тебе за все! Без тебя мы бы так и остались рабами своего положения. Ты столько для нас сделал!

— Брось. Никогда не спеши с выводами! Для меня это пустяк. Ты даже не

представляешь, как много сделали для меня вы, а может, и еще сделаете.

— Обязательно сделаем! Ты только скажи, что!

— Клянешься? — холодно произнес Марк и пристально посмотрел в глаза Луцию.

— Клянусь! Пока дышу, твоим должником буду!

Марк снова улыбнулся и, похлопав Луция по плечу, произнес:

— Развлекайтесь, — после чего направился к выходу.

Луций хотел было пойти на место, но остановился. Он внимательно присмотрелся, замер, потер глаза, для убеждения даже прикрыл их и снова открыл. Но нет, ему не показалось: в темном углу, сокрытый сумраком, сидел Авера. Он сидел и смотрел, смотрел прямо на него. Смотрел, не шевелясь, словно статуя, в такой же позе, как и там, в Колизее, когда наблюдал за обезумевшей толпой, которая рвала друг друга ради бесплатных подарков. Луций вглядывался в него, но все никак не мог понять, что с этим парнем. Это, без сомнения, был Авера, приемный сын Марка. Но что-то в нем было не так. А вот что именно Луций понять не мог — лишь чувствовал своим шестым чувством, ощущал это кожей. Луций поспешно направился к юноше, чтобы пригласить его к ним за стол и поговорить по душам. Он уже практически дошел до цели, когда его по случайности задел проходящий мимо посетитель, и он на мгновение потерял Аверу из вида. Последнее, что увидел Луций, были глаза юноши, сверкнувшие странным красно-красным цветом.

— Куда прешь?! — злобно отпихнул Луций мужчину в сторону с такой силой, что тот, ударившись о столешницу, перелетел через нее. Тут же к Луцию подскочили Понтий и Ромул, подумав, что их друг затеял потасовку. Но все обошлось, и продолжения не последовало. Хозяин таверны со своими слугами поспешил уладить все миром и вывел обидчика Луция вон из заведения, после чего, заискивающе улыбаясь, попросил у парней прощения и в знак признательности принес им еще кувшин вина, проговорив:

— Вы уж извините, что так произошло. Друзья такого уважаемого человека, как Марк, — мои друзья. Если вам что-то еще будет угодно, вы только намекните, и я все исполню.

— Давай, пошел за стойку, старый лис! — прикрикнул на расстилающегося перед ним хозяина Понтий, который уже был пьян до такой степени, что, повиснув на даме и прикрыв глаза, лишь неугомонно икал, периодически что-то бормоча себе под нос.

— Постой, как там тебя? — окликнул уходящего Луций.

— Софокл, — тут же произнес хозяин заведения.

— Послушай, как часто к вам приходит Авера?

— Простите, кто?

— Авера. Приемный сын Марка.

— Извините, но я впервые слышу, что у Марка есть приемный сын. Если бы он был, я бы наверняка знал об этом.

— Подойди, — поманив рукой Софокла, произнес Луций.

Как только тот приблизился, Луций мгновенно схватил бедолагу за волосы и, подтащив практически вплотную к себе, прошипел ему на ухо:

— Ты меня что, за идиота держишь?! Или за слепого?! Он сидел в твоей таверне, вон там, в том углу для прислуги!

— Господин, я не вру! — взмолился Софокл. — Я клянусь своей семьей, что не знаю никакого Аверу! А если бы и знал, то не посмел бы посадить его в тот темный угол. Как я могу поступить так с сыном Марка?! Да он с меня три шкуры сдерет, если я так сделаю!

Помилуйте, ради моих детей. Вам, наверное, показалось. Ну, сами подумайте, зачем мне вам лгать?!

— Луций, отпусти его! Да что с вами произошло сегодня?! — не выдержав, вскочил из-за стола и прикрикнул на друга Ромул.

Луций перевел на него недобрый взгляд. Его глаза блестели, как у хищника, и казалось, что, если бы его приятель стоял рядом, то наверняка бы схлопотал от него. Тяжело и яростно дыша, Луций медленно ослабил хватку, и Софокл, воспользовавшись моментом, быстро улизнул от своего мучителя. Луций смотрел на Ромула, и его глаза постепенно становились человеческими. Вскоре он рухнул на стул и, по-прежнему не сводя взгляда с друга, подумал о том, что и правда, сам того не осознавая, он слишком круто обошелся с Софоклом. Да и с тем незнакомым посетителем тоже. Наверное, все дело в вине: не стоило им злоупотреблять. А что касается этого странного сына Марка, так ему и впрямь могло показаться.

— Могло, точно могло, — убеждал сам себя Луций. Не стал бы Марк сажать его отдельно, да еще и в самое непочетное место. Да и хозяину таверны незачем было врать ему.

— Что с вами? Вы сегодня сами не свои, словно после игр вдруг почувствовали себя героями, — продолжал недоумевать Ромул.

— Прости, сам не знаю, что на меня нашло. Наверное, вино ударило в голову, — смущенно ответил Луций.

— А давайте вып... Вып-ьем! — икнув, еле выговорил Понтий, тиская свою пассиву.

— Давайте, давайте, — попыталась обнять Ромула ее подруга, но тот резко оттолкнул гетеру и поспешно вышел из таверны на улицу.

— Ромул, стой! — крикнул ему вслед Луций, но друг только махнул рукой.

— Да пусть уходит! — уже таща девицу наверх, произнес Понтий.

— Не волнуйся за него, он уже большой мальчик, — теребя волосы Луция, шептала ему на ухо одна из жриц любви. Вскоре и вторая присела ему на колени, целуя юношу в разгоряченные от страсти губы.

А Ромул, распахнув настежь дверь, выбежал во двор и оказался в тихом плену летней ночи. Ему дышалось легко после спертого воздуха таверны, и он полной грудью втягивал в себя прохладу, пытаясь прийти в себя от всего, что произошло за этот день. Еще вчера его друзья были подростками и мечтали о детских подвигах, а уже сегодня он не узнавал и не понимал их. Не понимал, как и тех, кто допускал все эти ужасы, что творились на арене. Ромул видел в этом зрелище несправедливость, чрезмерную жестокость и полное отсутствие человечности. Но вот теперь он стоял в одиночестве, глядя в чистое, звездное небо. Легкий ветерок ласкал его тело, и Ромул наслаждался тишиной и спокойствием. Когда наступает ночь, мир людей замирает. Один за другим гаснут окна домов, пустеют городские улицы и дороги. Миром начинает править тьма, а в небе загораются тысячи и тысячи звезд. Ромул, не отрываясь, смотрел в бесконечную даль черного, усыпанного бриллиантами созвездий, бесконечного небосвода. Через некоторое время из-за небольшого облачка, освещая и без того ясную ночь, появилась полная луна. С ее восходом стало так светло, что Ромул мог с легкостью различить причудливые силуэты растущих поодаль деревьев и даже их ветви и отдельные листья на них. Ночной мир предстал перед Ромулом в таинственном великолепии, будто юноша в один миг перенесся туда, где живут одни боги. Завороженный этой красотой, он, сам не ведая зачем, направился к большому заброшенному саду, который раскинулся неподалеку. Под стрекот несмолкающих сверчков он шел в этот давно заросший кустарником и терновником сад, словно его туда что-то манило и тянуло. Где-то в кустах

прошуршал ежик. Ромул остановился и прислушался. Неожиданно, сорвавшись откуда-то с дерева, над его головой пролетел огромный ворон, но, немного покружив в ночной мгле, он быстро исчез из виду, будто его и не было. Ночью обычно так тихо, что порой даже очень далекие звуки слышны, как если бы они были совсем рядом. Вот и сейчас Ромул отчетливо слышал, как кто-то незатейливо и тихо что-то бормочет.

Раздвигая кустарник и пробираясь сквозь его заросли, царапая руки в кровь, юноша направился навстречу неизвестному, но такому манящему звуку. Вскоре он вышел на небольшую поляну, в центре которой сидел на пеньке незнакомый мужчина. Ромул присмотрелся к нему, и ему показалось, что от незнакомца исходит свет, словно от луны. Он сидел в дорогом белом одеянии, закованный в прекрасную, можно было сказать, великолепную броню. Казалось, этот человек приготовился к какому-то сражению. Его доспехи переливались в лунном свете и слепили Ромула ярким белым сиянием. Незнакомец спокойно сидел, смиренно теребя в руках ивовый прут и постоянно повторяя какие-то непонятные юноше слова.

— Я Господь, Бог твой. Да не будет у тебя других богов пред ликом Моим. Не делай себе кумира и никакого изображения того, что на небе вверху, и что на земле внизу, и что в воде ниже земли. Не поклоняйся им и не служи им.

Ромул подходил все ближе, уже совсем забыв об осторожности, и внимательно вслушивался в то, что говорил незнакомец.

— Почитай отца твоего и мать твою, чтобы продлились дни твои на земле, которую Господь, Бог твой, дает тебе. Не убивай. Не прелюбодействуй. Не кради, — словно храмовый священник, повторял незнакомец до тех пор, пока Ромул не приблизился к нему на расстояние вытянутой руки.

— Здравствуй, Ромул, — спокойно и с благородством произнес сидящий на пеньке. Его голос был похож на голос Марка: такой же тембр, такая же мягкая речь, только намного теплее.

— Мы знакомы? — тихо спросил Ромул с легким беспокойством.

— Скорее нет, чем да. Хотя, это с какой стороны посмотреть, — странно ответил незнакомец.

— Вы, наверное, из свиты императора? Ваша форма явно недешевая, и простой человек не может себе ее позволить, — умно рассудил Ромул.

— Да, я из свиты. Но только кого ты считаешь императором? Меня зовут Михаил, и я... — но собеседнику Ромула не удалось договорить. Громко каркнув, снова пронесся мимо них черный ворон и исчез в темноте. Вскоре послышался другой, на этот раз хорошо знакомый юноше голос.

— Ромул! Ты здесь? — это был Сципион, Ромул узнал бы его голос даже в многотысячном хоре. Не в силах противиться ему, он выкрикнул:

— Я тут, Сципион!

Из темноты ночи появился человек в черном одеянии, с капюшоном на голове. Он вышел из чащи так, будто и не пробирался через множество зарослей. Подойдя ближе, Сципион скинул капюшон и произнес:

— Я давно разыскиваю тебя. Нам нужно спешить к Марку: что-то произошло, что-то очень серьезное. Слава богам, я нашел Луция и Понтия в таверне. Они-то мне и сказали, в какую сторону ты направился. Нам нужно спешить, — настойчиво повторил он, не обращая никакого внимания на сидящего незнакомца, как если бы он и не существовал вовсе.

— А что случилось? — удивленно и немного испуганно спросил Ромул, понимая, что Сципион вряд ли бы пришел за ним из-за какого-нибудь пустяка.

Михаил пристально смотрел на юношу яркими голубыми глазами, словно испускающими прекрасный и таинственный свет, и задумчиво потирал рукой подбородок. Затем он поднялся и произнес:

— Запомни, Ромул. Беды всего человечества происходят потому, что люди боятся делать то, что нужно, и делают то, что принято. Заблуждения, которые скрывают в себе некоторую долю правды, самые опасные.

Ромул обернулся и непонимающим взглядом посмотрел на странного незнакомца в роскошных белых доспехах, которые отражали лунный свет и поблескивали дорогой серебряной отделкой. Его голос манил Ромула: юноше хотелось остаться и пообщаться с этим Михаилом, всем своим нутром он чувствовал, что это очень умный и сильный человек. Но Сципион быстро приобнял его и спешно повел в темноту, где их уже ждали два оседланных коня. Как и откуда они там появились, Ромула уже мало интересовало — его мысли были захвачены тем, что сказал ему Михаил. Немного отвлекшись от незнакомца, он снова обратился к Сципиону, уже сидящему в седле, с вопросом:

— Так что же произошло? Что-то серьезное?

— Марк расскажет. Я знаю только то, что он велел вас всех собрать у него. Нужно еще найти Мартина.

— Сципион!

— Что, Ромул? — взяв в руки уздечку и повернувшись к юноше, ответил он.

— Ты вел себя так, будто знал того человека, который был рядом со мной.

— Я и сейчас знаю его.

— Откуда?

— Когда-то мы вместе служили одному великому царю. Он отличный воин, но сейчас он занимает мое место, — ответил Сципион и, ударив коня в бока так, что тот поднялся на дыбы, сорвался с места. Конь Ромула, словно привязанный, тут же рванул следом и помчался за удаляющимся в ночь Сципионом.

Дверь со скрипом открылась и стражник, отойдя в сторону, пропустил человека в дорогой одежде. Это был Александр. Он неспешно прошел в угол комнаты и, опершись на каменную кладку, спокойно стал смотреть на Ратибора, который, отвернувшись от него, лежал на топчане. Вскоре рабовладелец сделал жест рукой, и стражник, поклонившись, закрыл дверь камеры. Александр с ухмылкой качнул висевшие на стене цепи, и по комнате разнесся звон железа.

— Не думал, что русские варвары сдаются на поле боя.

Ратибор медленно поднялся и не спеша подошел к Александру так близко, что их лица оказались в нескольких сантиметрах друг от друга.

— Варвары — это вы! У нас не заведено убивать друг друга на потеху своему же народу! У нас не заведено бросать детей и женщин на растерзание диким зверям! И да, русичи не сдаются на поле боя. Но лучше смерть, чем рабство! И пусть я умру, но больше не буду развлекать вашу ничтожную толпу, — пристально глядя в глаза хозяину, ровно и без лишних эмоций произнес Ратибор.

— Лучше умереть, чем быть рабом? Так почему ты не кинулся на меч? Или не вздернулся на веревке? Не вскрыл себе вены? Ах, да, да, да! Как я забыл? Ты живешь ради

того, чтобы отомстить за предательство твоего отца. Ты ведь его единственный сын. Храбрый воин. Ну, и все такое. Конечно.

— Ты обещал мне свободу, если я помогу тебе и стану сражаться на арене! И я сражался все эти годы! И каждый раз ты говорил, что время еще не пришло. Мне нужен тот, кто предал моего отца! — теперь уже с яростью крикнул могучий русич.

Его мышцы напряглись, а скулы задержались. В гневе он схватил Александра за грудки и, прижав с силой к стене, прокричал прямо ему в лицо:

— Ты обещал меня освободить! Ты обещал!

Александр спокойно посмотрел на него, затем, словно так и должно было быть, обхватил кисть руки, которой Ратибор сжимал его одежду, и, заглянув ему в глаза, произнес:

— Ты раб, варвар. Не смей меня трогать своими грязными руками.

После этого Александр сдавил руку гладиатора так, что она захрустела, а Ратибор от боли рухнул на холодный пол. Превозмогая боль, он снова попытался подняться и даже ударить Александра, но тот перехватил и его вторую руку и также сдавил ее. Не в силах сопротивляться, русич пал перед хозяином на колени, кривя лицо от боли. Отпихнув ногой от себя поверженного воина, Александр, поправляя помятую одежду, проговорил:

— Если я обещал, значит, сделаю. Если я говорил, что время не пришло, значит, оно еще не пришло. Каждый сверчок знай свой шесток.

Затем Александр подошел к двери и, обернувшись к Ратибору, сказал:

— Да, кстати, теперь ты не мой раб. Я продал тебя.

— Ты обещал мне свободу.

— Я дал тебе ее. Скоро ты это поймешь, — ответил Александр. Выходя из комнаты, он остановился и произнес: — Странно, что жажда мести может сделать с человеком. Иногда, стремясь к ней, ты постепенно понимаешь, что двигаешься назад, а не вперед. Того, кто тебе нужен, ты найдешь в лесу. Его имя Ульрих, он из племени херусков. Но запомни, Ратибор: пойдешь по этому пути — можешь сразу рыть могилу и себе.

Александр вышел, и стражник быстро захлопнул за ним дверь. Русич вскочил с пола, подбежал к ней и стал бить по прочному дереву кулаками, крича:

— Что ты имеешь в виду?! Какой лес?! Какой Ульрих?! Кто он?! Кто он?! Кому ты меня продал, мерзкая тварь?!

Вскоре, выбившись из сил и успокоившись, Ратибор сел на пол и, склонив голову, тяжело вздохнул. Он осмотрел свои разбитые в кровь кулаки — дверь была намного прочнее человеческой плоти. Затем воин снова поднялся, взглянул на свои могучие руки и мощное тело, подошел к топчану, сел на него и пристально уставился туда, где недавно стоял Александр. Потом Ратибор снова поднялся и снова сел, после чего задумчиво произнес сам себе:

— И как он смог справиться со мной?

На улице еще было довольно темно, и огромный зал виллы освещался тусклым светом копящихся масляных ламп. Повсюду стояла гнетущая тишина, а в воздухе ощущалась пугающая, почти что физически давившая на все тело опасность. Ничего не понимающие Луций и Понтий сидели на большом диване. Понтий все еще никак не мог отойти от внезапно прервавшегося веселья. Он то и дело отключался, его голова гудела, кружилась и плохо соображала из-за огромного количества выпитого вина, и Понтий плохо понимал, для чего их тут собрали в такой час. Было удивительно, что он вообще находился в сознании.

Юный гуляка то и дело откидывал голову назад, всхрапывал, потом резко дергался, открывал глаза и смотрел на Луция остекленевшим, бессмысленным, отрешенным взглядом, после чего опять подчинялся дреме. Луций поднимался с места, ходил взад и вперед, разнося по ночной тишине свои монотонные шаги, потягивался, приближался к мраморным статуям, которые в ночном полумраке выглядели словно призраки, и затем снова падал на диван, чем периодически будил Понтия.

— Какого он нас сюда вытащил?! Я так пригрелся на груди у той малышки, думал, буду с нею до утра. А тут на тебе! Тушите свет, сушите весла! — недовольно проговорил Понтий запрокинув голову и даже не думая открывать глаза. — И хватит топать, твои шаги словно барабан, который стучит у меня в ушах!

— Нечего было так напиваться! Дорвался до халявы! Ты не лучше тех, кто был там, на трибунах, — недовольно и злобно ответил Луций.

— Ой-ой-ой! Ты пил и пировал не меньше моего, и ничего, не брезговал. Так что не тебе меня судить! Сам не святоша! У нас для этого есть Ромул. Вот он-то праведный, это да!

— Да он из-за тебя сбежал непонятно куда! Если бы не твое зубоскальство, сейчас бы все в сборе были!

— И что ты так волнуешься? — оторгнув так, что Луций брезгливо поморщился, удивился Понтий.

Но в этот момент послышались приближающиеся шаги. Вскоре юноши смогли различить голоса Ромула и Асмодея, которые направлялись к ним и о чем-то беседовали. Еще через мгновение в проеме двери появилось толстое, обрюзгшее тело слуги Марка, следом за ним в зал вошел Ромул.

— Я, и правда, не знаю, что произошло, — разводя руками, нервно оправдывался перед Ромулом Асмодей. — Через час после того, как хозяин ушел в сенат, прибыл Сципион и сообщил о том, что Марк приказал немедленно собрать вас всех у себя. Я растерянно ждал вас здесь. Вскоре пришел Велиал — он сейчас сидит на улице около пруда, он всегда любил одиночество.

— И все-таки что-то произошло... — вздыхая, задумчиво произнес Ромул.

— Произошло! Конечно, произошло! Хозяин не стал бы никого беспокоить по пустякам! — Асмодей жестикулировал руками так, что от его движений толстое тело шевелилось под туникой, словно желе. Наблюдавшему за ним Луцию казалось, что в полумраке стоит не Асмодей, а какое-то непонятное существо, вовсе не похожее на человека. Вскоре слуга и Ромул подошли к дивану, на котором расположились остальные парни.

— Куда ты сбежал?! — злобно, на повышенных тонах спросил у друга Луций.

— Извини, не знаю, что на меня нашло. Просто захотелось побыть одному, — опустив глаза и немного отстранившись, ответил Ромул.

— Ромул! Во имя богов! Ну как ты не понимаешь, что мы должны держаться вместе?! Я все-таки переживал за тебя! Ты обо мне бы хоть подумал!

— Прости, Луций.

— Ой, мамочка наша, ути-ути-ути!

— Заткнись, Понтий, пока по зубам не схлопотал!

— Молчу, молчу! — икнув, произнес Понтий, делая рукой жест, будто он закрывает рот на замок.

— Ты не в курсе, что случилось? — спросил у Ромула Луций.

— Нет. Меня нашел Сципион и отправил сюда, а сам помчался разыскивать Мартина. Так что я сам не понимаю, что происходит.

И вдруг, словно гром среди ясного неба, с шумом распахнулись двери, а из-за них донеслись истошный, душераздирающий крик и мольбы о помощи. Крик был такой силы, что от него закладывало уши. Он даже не был похож на человеческий — казалось, от безумной боли орало какое-то животное, которого резал неопытный забойщик скотины. Луций, Понтий и Ромул пристально наблюдали за тем, как перед ними разворачивалась ужасная картина. Сначала в раскрытых настежь дверях появился Велиал. За ним, неся кого-то на руках, быстрым шагом шел Сципион. Следом появился Марк. Он с силой удерживал Мартина, который визжал и бился в истерике, выкрикивая что-то непонятное и слясь вырваться вперед, падая на пол и снова вырываясь. Однако сильные руки Марка не давали ему возможности сделать это, крепко прижимая юношу к груди сенатора. Мартин в безумстве колотил покровителя, снова пытался вырваться из его стальных объятий, кричал что-то непристойное, проклинал кого-то. Луций, Ромул и вмиг протрезвевший Понтий молча наблюдали за этой процессией, боясь пошевелиться.

Сципион, подойдя к кушетке, положил на нее чье-то небольшое тело. Было по-прежнему непонятно, что именно произошло, но все присутствующие осознали одно: случилось что-то очень страшное и что-то такое, чего поправить уже нет никакой возможности. Велиал отстранил Сципиона в сторону и, достав из своей сумки какие-то тряпки и мази, стал быстро колдовать над телом. Марк по-прежнему держал Мартина. Парень уже только стонал и издавал нечеловеческие, страшные утробные звуки, потом сполз по Марку и рухнул на колени у него в ногах. Луций, Ромул и Понтий стояли с широко раскрытыми глазами и даже думать боялись о том, что это все могло означать. Вдруг, словно прохладный и отрезвляющий глоток свежего воздуха, раздался тихий детский голос:

— Луций!

Это был голос Маркуса. Луций моментально обернулся — мальчик находился в дверях, сидя на корточках и крепко прижимаясь к их псу Рему. Старший брат мгновенно кинулся к ребенку и, упав перед ним на колени, стал ощупывать его, выясняя, не ранен ли тот. Затем, глядя ему в глаза, он произнес срывающимся от волнения и страха голосом:

— Что случилось? Что произошло? Почему ты здесь? Почему ты здесь?? Где отец?!

Маркус смотрел своими большими глазенками на брата и растерянно пожимал плечами.

— Марк, что случилось?! — не выдержав его молчания, прокричал Луций, повернувшись в сторону Марка и Мартина. — Что произошло, Марк?! — снова крикнул он.

И вдруг другой тонкий детский голосок еле слышно прошептал несколько слов, но даже этого слабого звука было достаточно, чтобы его услышали все, кто был в комнате.

— Мартин! Где Мартин? Как больно...

Луций видел, как, отходя в сторону от кушетки и освобождая место для Мартина, посторонились Сципион и Велиал, который вытирал обагренные руки о тряпку. За ними, на окровавленных покрывалах, лежала одна из сестер Мартина Юлия. Мартин, дрожа всем телом и шаркая ногами по полу, согнувшись, словно старик, подошел к ней и присел рядом.

— Мартин, Мартин, где ты? — еле шевеля губами, бормотала девочка.

— Я тут. Я рядом с тобой, — шмыгая носом, проговорил брат и взял ее холодную руку в свою ладонь.

Луций медленно отошел от Маркуса и, не осознавая своих действий, приблизился к

Юлии. Ромул и Понтий продолжали в оцепенении стоять чуть поодаль. Еще недавно им всем казалось, что они самостоятельные и взрослые, что они сами могут решить все проблемы и уладить любые дела. Сейчас же они чувствовали себя маленькими песчинками в этом, как оказалось, жестоком мире. Да, было весело и интересно смотреть из зрительного зала туда, где людям рвали плоть дикие звери, где убивали друг друга на потеху публике гладиаторы. Марк был тогда прав, говоря: «Не принимай это близко к сердцу, просто смотри. Ведь тебя это не касается». Там, на песке, были чужие люди, и их судьба мало кого волновала. Теперь же горе коснулось их лично, и смотреть на все это, словно со стороны, и не принимать близко к сердцу не представлялось возможным. Было жутко и страшно наблюдать за тем, как бедная девочка, которую они все знали с самого детства, сейчас лежит, еле жива, и корчится в смертных муках от боли. Луцию хотелось в этот момент убежать и забиться на чердак, как он делал в детстве, когда его била в школе шайка Клементия. И там, в темноте и уединении, спрятаться от проблем и просто завывать, выкричать в пустоту весь свой ужас, протест и горе, которое свалилось на них, словно ниоткуда, и непонятно, за какие грехи. Но бежать было некуда...

— Велиал, ты же отличный лекарь. Помоги ей, прошу, — еле слышно, со слезами в голосе, с трясущимся подбородком проговорил Мартин. — У меня ведь больше никого не осталось. Прощу! Умоляю!

Велиал повернулся к Марку и посмотрел на него, но тот лишь покачал головой.

— Прости, Мартин, я не в силах ее спасти. Рана слишком глубокая, и она потеряла очень много крови. Тебе еще повезло, что Сципион нашел ее в канаве у забора. Так что благодари богов за то, что они дали тебе возможность попрощаться с ней.

— Пусть будут прокляты эти боги! Пусть будут прокляты их жестокие законы и порядки! — сжав кулаки и скрипя зубами, воскликнул Мартин.

В этот момент богов проклинал не он один: его друзья, каждый про себя, также клялись отомстить, еще даже не ведая кому и за что. Но в их душах уже поселилась жажда возмездия, поскольку почва для нее уже была более чем подготовлена.

— Мартин, не гневайся, прошу, — тихонько прошептала Юлия и, закинув голову, продолжила: — А мы все бежим от них, бежим. Я думала, мы спасемся, но забор и дерево... они такие большие...

По щеке Луция невольно скатилась слеза. Юноши слушали Юлию, и в горле каждого стоял ком от понимания неизбежного. Мартин смотрел на сестру и думал о том, как трудно любить, когда, как кажется, уже нечем проявить свою любовь. Он вспоминал, как порою бывал груб с девочками, как отпихивал их в сторону, считая глупыми и назойливыми, когда они лезли к нему поласкаться. Теперь ей уже не нужны были ни душевные слова, которые брат говорил так редко, ни подарки, которые он, стесняясь, время от времени дарил сестрам, ни уж тем более ложные надежды. Ничего ей было теперь не нужно. Она лежала, сжимая холодной ручонкой крепкую руку старшего брата, и смотрела на него гаснущим с каждой минутой взглядом. Говорить она уже не могла, только чуть-чуть шевелила губами и иногда кривила лицо, когда боль становилась совсем невыносимой. Луций, еле-еле сглотнув слюну, закрыл глаза от ужаса происходящего и вдруг почувствовал, что к его ноге кто-то прижался. Это был Маркус: он перепуганными глазенками смотрел на брата, как на бога, и боялся оторваться от него даже на мгновение.

— Мартин! Ты тут? — снова произнесла Юлия.

— Да, — почти не открывая рта, ответил тот. Тогда девочка слегка повернула голову,

долгим взглядом осмотрела всех присутствующих, затем чуть привстала и проговорила:

— Кто это, Мартин? Кто эти создания? Они не похожи на людей, — после чего снова откинулась на кушетку.

— Бредит, — тихо произнес Велиал.

— Меня несло по небу странное существо с большими черными крыльями, как у птицы... А мы все бежим и бежим... А забор такой высокий и дерево, дерево просто до неба...

Вдруг Юлия задыхалась трудно, с хрипом, а потом стала дышать уже все тише и все реже, реже и реже. Мартин опустевшими глазами смотрел на сестру и крепко сжимал ее руку. Вскоре перерывы между вдохами стали казаться бесконечными, и после одного из них девочка резко выдохнула, а нового вдоха так и не сделала... В комнате воцарилась абсолютная тишина, и было слышно, как бьется каждое сердце. Мартин какое-то время сидел, не шевелясь, затем повернулся к Марку и трясущимися губами спросил:

— Уснула?

Тот подошел к кушетке и, посмотрев на Юлию, ответил:

— Уснула, — и прикрыл ей глаза.

— Нельзя умереть слишком рано — все умирают вовремя. Смерть — счастье для умирающего человека, ведь, покидая этот мир, ты перестаешь быть смертным, — положив руку на плечо Мартину, проговорил Марк.

Затем он повернулся к Луцию, Ромулу и Понтию.

— Я опоздал на заседание и ничем не смог помочь. Мне очень жаль, что все так случилось, и поверьте мне, я переживаю из-за этого не меньше вас. Но обстоятельства, которые сложились, очень серьезные и требуют безотлагательных действий.

— Но что произошло, Марк? — поднимая на него глаза и сильнее прижимая к себе Маркуса, спросил Луций. — Что с нашими близкими? Ведь Маркус не случайно оказался у тебя?

— Ты прав, не случайно. И Мартин оказался тут не случайно — вы все оказались у меня не случайно. После того, как мы расстались с вами, я направился в сенат. И там я узнал, что кто-то донес на ваши семьи, обвинив вас в сокрытии налогов и неуплате их в императорскую казну на протяжении многих лет.

— Но это же ложь!

— Я знаю, Ромул. Я знаю. И вы это знаете. А вот сенаторы и судьи этого не знают — они верят бумагам, а не людям. Императору все равно, что подписывать, раз это утвердили чиновники. А прошлое ваших отцов исключило любую возможность более тщательного рассмотрения дела. Я увидел имена ваших родителей в карательных списках слишком поздно: приказ уже был отдан и повернуть все вспять не было времени. Я сразу отдал распоряжение Сципиону собрать вас всех у меня. Я пытался уберечь вас. Но он опоздал. Увидев страшную картину расправы, он понял, что Юлия еще жива и сразу принес ее сюда. Я надеялся, что Велиал сможет спасти несчастную, но ошибся. Есть то, что исправить уже никак нельзя...

Марк рассказал юношам о том, что произошло. Что их отцы схвачены и заточены в подвалы. Что он постарается им помочь. Что лучшее, что он пока сможет сделать, это добиться, чтобы их не казнили или не отправили на арену к диким животным. Чуть позже он сможет уладить этот вопрос, но не сейчас. Сейчас ему нужно спасти юношей, ведь в списках приговоренных были и их имена.

— И что же нам теперь делать? — еле слышно произнес вконец потрясенный Луций.

— Сейчас спасение только одно: вам нужно прибыть в военный лагерь и записаться в легион под командованием Германика. Бумаги я ему уже направил, так что он в курсе вашего прибытия. Естественно, он не знает, кто ваши родители, и вы тоже держите язык за зубами. В легионе вас искать никто не будет, а я тем временем улажу все остальные вопросы. Тем более через месяц войска планируют выступить в Германию. Это значит, что вскоре начнется повсеместное рекрутирование солдат, и под этот шумок вы и затеряетесь.

— Марк, а куда я дену брата? — растерянно спросил Луций.

— Брата? Маркус останется у меня. Я присмотрю за ним, как за своим сыном. Не бойся: нуждаться он ни в чем не будет, это я тебе обещаю. К тому же тогда моему приемному сыну Авере будет с кем играть. А то он в последнее время постоянно слоняется где-то без дела.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Кто? — поднявшись с кушетки и судорожно откашлявшись, проговорил Мартин. — Кто оклеветал наши семьи? Кто виноват в том, что произошло?!

— Извини, Мартин, я этого пока не знаю, но клянусь тебе, что выясню и сообщу вам.

— Будь добр, Марк. Я хочу вырезать имена моих близких на его шкуре.

— Не ты один, Мартин. Не ты один, — сжимая кулаки, поддержал друга Луций. — И не только на нем. Узнай имена всех, кто хоть как-то был причастен к этому преступлению, Марк.

— Я клянусь, что вычислю каждого, кто в нем замешан, и сообщу о них вам, — слегка улыбнувшись, ответил сенатор. — Я даже помогу вам расправиться с этими подонками. Но сейчас о мести и думать забудьте. Вы не в том положении, чтобы продемонстрировать свою храбрость и прыть. Сейчас вам нужно затеряться. А мечь, мечь должна выстояться, как хорошее вино. Для нее нет срока давности. Ну а теперь нам нужно спешить, время не ждет.

— Марк, нужно похоронить Юлию, — глядя на тело девочки, проговорил Ромул.

— Не волнуйся, все хлопоты и расходы я возьму на себя. Я устрою ей лучшие проводы. Обещаю, Мартин, — поворачиваясь к парню, произнес Марк. Выдержав паузу, он продолжил: — Я воздам твоим сестрам все положенные почести. Но сейчас вам нужно уходить. Хорошо?

— Хорошо, Марк.

— Вот и отлично. Сципион, проводи их. Велиал, возьми Маркуса и покажи ему его комнату. Собаку пускай возьмет с собой, ему так будет легче. Луций, после того, как вас припишут к легиону, мы встретимся, и я дам тебе дальнейшие указания.

— Я все понял, Марк. Спасибо тебе.

Марк кивнул головой и, проводив юношей до выхода, вернулся обратно в зал, где его остался ждать только Асмодей.

— Хозяин, что делать с телом? — шуря свои маленькие, заплывшие жиром глазки, словно змея, заискивающе прошипел толстяк.

Марк взглянул сначала на него, потом на тело Юлии, и произнес:

— Выброси его в реку, туда же, куда Абигор свалил и ее сестер. Мертвая плоть — всего лишь пустая оболочка. Все, что нам нужно, мы получили. Она все равно теперь в лучшем из миров. Дети уходят туда, куда взрослым я навсегда закрыл дорогу.

— Я понял вас, хозяин. Как скажете, — и толстяк, словно пушинка, ловко и не принужденно подскочил к кушетке, завернул тело умершей в покрывало и исчез в дверном проеме.

Солнце уже начало вставать и освещать небо своими багровыми, как кровь, лучами. Марк, не спеша, подошел к окну и, прищулив глаза, стал любоваться восходом.

— Мы сотворили этот мир с тобой вместе. Посмотри, как он красив. Я знаю, ты сейчас слышишь меня. Знаю. Знаю и то, что ты, как всегда, осуждаешь меня. Но помни: я не остановлюсь, я добьюсь своего, мой брат, и они познают то, что должны познать. Животное должно бояться своего хозяина, а не быть с ним на равных. Я не хочу причинять вред твоему творению, посланному тобою в их мир, чтобы научить их праведной жизни. Но как можно давать в руки этим животным часть себя? Они — болезнь, я — лекарство. А ты, ты — запутавшийся больной, который почему-то позволяет недугу распространиться по всему организму, вместо того, чтобы искоренить его навсегда.

Наконец-то закончился тот поистине страшный день, принесший столько горя и печали Луцию, Мартину, Ромулу и Понтию. И вот последовавшая за ним бессонная, тянущаяся, словно вечность, ночь, сменилась предрассветным полумраком. В военном лагере, где происходила запись в легион, все шло своим чередом, по монотонному военному расписанию солдатской жизни. Сципион оставил парней у входа в лагерь и отправился договариваться с начальником призывной комиссии, и Луций, ожидая его, отрешенным взглядом всматривался в сереющую темноту рассвета. Он наблюдал за тем, как понемногу из сумрака начинают вырисовываться очертания просыпающейся природы. Уже кричали первые петухи, а земля под ногами покрылась обильной росой. Дежурившие в ночь часовые, зевая, готовились к скорой смене и довольно потягивались, разминая затекшее тело. На востоке потихоньку светлело небо, но все вокруг еще было погружено в предрассветную дремоту. Солнце медленно поднималось над горизонтом, и легкий южный ветерок обдавал прохладой напряженное тело Луция.

Ромул и Понтий спали, сидя на корточках возле казармы, сраженные усталостью и тем, что им довелось пережить накануне. Опершись друг на друга, они сопели в унисон и иногда шевелились, чем отрывали Луция от его невеселых мыслей. Мартин отрешенным стеклянным взглядом смотрел себе под ноги, не обращая ни на что внимания и чертя сухой веткой какие-то линии на пыльной земле. Казалось, будто его жизнь прервалась вместе с жизнью его родных, и теперь он находился где-то далеко вместе со своей семьей, и лишь его человеческая плоть препятствовала ему воссоединиться с ними. Прошедший день изменил всех четверых. В одночасье они попрощались с юношескими шалостями и беззаботными развлечениями и окунулись в неведомую им доселе реальность. Реальность взрослого мира, который предстал перед ними своей жестокой, омерзительной стороной. Они не вполне еще осознали, что с ними произошло, но уже поняли: такими, как прежде, они уже никогда не будут. Каждый из них сейчас думал о чем-то своем, и даже спящие Понтий и Ромул, подергиваясь во сне, бормотали и звали кого-то. Их мысли сходились только в одном: они должны отомстить. Отомстить, все равно кому, лишь бы только утолить эту ненасытную жажду, которая возникла в их сердцах и изнутри требовала крови тех, кто причинил им такие страдания.

Смотря вдаль и видя, как все зримее становятся окружающие предметы и все отчетливее просматривается горизонт, Луций думал о своем отце, который в этот момент мучился где-то в тюремных подвалах, закованный в железо. От отчаяния Луций сжал кулаки и изо всех сил зажмурился, чтобы не расплакаться. Только сейчас он понял, насколько ему дорог Корнелий и как ему будет не хватать его наставлений, пусть даже порой таких бестолковых и надоедливых. Правда, у них есть еще Марк, который помогает им, несмотря на риски и не думая о собственной шкуре. Любой бы другой на его месте отвернулся от них, а он, словно родной человек, подставляет им свое плечо и подает руку, казалось бы, в уже безвыходном положении. Слава богам, что он появился в их жизни и не бросает их даже в столь трудный час. Без него они бы, скорее всего, уже были проданы в рабство. Да что там — без него они

бы давно уже умерли с голоду. Так рассуждал про себя Луций, обратив к разгорающемуся рассвету задумчивое лицо. Внезапно около самого горизонта запыхал, словно яркий факел, солнечный диск, отчего в закрытых глазах Луция все стало кроваво-красным. Он разомкнул веки: солнце лишь немного показалось над краем земли, но уже поражало своей яркостью. Что ей, матери-природе, людские заботы и горести? У нее свой цикл жизни и ход времени, непонятный людям, мелким и жалким. А именно таким — мелким, жалким и незначительным — Луций и ощущал себя с той самой минуты, как увидел смерть Юлии и узнал жестокую правду всего произошедшего. Вдруг до его слуха донеслось первое пение жаворонка, который взвился высоко в небо над лагерем и провозгласил своим звонким голосом наступивший день. В казармах послышался шорох, и постепенно из них стали выходить и занимать свои места трубачи, чтобы протрубить подъем и привести в движение военный лагерь. А солнце со своей упрямой настойчивостью все больше и больше выглядывало из-за горизонта. Вскоре оно уже наполовину показалось над землей и стало щедро раскидывать повсюду свои теплые лучи. Где-то громко залаяла собака, затем скрипнула дверь, зазвучали голоса людей. Луций, не спеша, подошел к Мартину. Тот пристально наблюдал за тем, как неподалеку от него дружной колонной ползут муравьи. Чуть дальше в траве они напали на большого кузнечика и, убив его, дружно тащили к собратьям, спешившим к ним на помощь.

— Смотри, Луций, они не чета нам, — внезапно произнес Мартин. — Они живут колонией и без страха и малейшего сожаления кидаются на врага, уверенные в том, что их товарищи последуют за ними. Умирая, они не требуют почестей, зная, что отдали жизнь за свою семью и сделали это без всяких колебаний. Смотри, как ловко они расправились с огромным кузнечиком, который в сто раз больше любого из них! Но он пал, пал, потому что он один, а их много, и они действуют слаженно. А что у нас? Вся наша могущественная империя кидается на беззащитных людей, отнимая у них самое дорогое. Разве это правильно, Луций? Мы считаем себя разумными, а ведь эти букашки куда умнее и человечнее нас. Их маленькая империя не оставит никого из них и не убьет ни одного своего жителя, а если ее крошечные граждане и погибнут, то погибнут, защищая друг друга.

Луций смотрел на этих земных тварей и понимал, что Мартин прав, прав как никогда. Но ему было бы привычнее и спокойнее услышать это от Ромула, но никак не от него.

— Ненавижу ублюдков! Ненавижу тварей! Умирать буду, не прощу! Зубами рвать буду! Ненавижу! Ненавижу! — внезапно вскочив с места, закричал Мартин и принялся в гневе топтать ни в чем не повинных насекомых.

От этого шума проснулись Понтий и Ромул. Поднявшись на ноги, они изумленно смотрели то на безумствующего друга, то на Луция, который, словно зачарованный, наблюдал за его беснованием. Через секунду Луций с перекосившимся то ли от гнева, то ли от бессилия лицом присоединился к Мартину и тоже стал остервенело втаптывать беззащитных букашек в землю. Понтий и Ромул молча глядели на происходящее до тех пор, пока их друзья полностью не уничтожили муравейник. После этого Луций повернулся к товарищам и посмотрел на них пустыми глазами, пугающими горячей в них какой-то дикой радостью. С безумной улыбкой он вдруг схватил Мартина за грудки и, потрянув его несколько раз, произнес:

— Я клянусь тебе: мы доберемся до тех, кто сделал это с нашими семьями! Я лично буду резать их тела, глядя в их полные ужаса глаза до тех пор, пока жизнь не покинет их гадкую плоть!

От увиденного и услышанного Ромулу стало не по себе. Он, конечно, полностью разделял идею мести, но сейчас, смотря на Луция, которого он знал с детства, и слыша его слова, он понимал, что тот не шутит и обязательно исполнит обещанное. Понимал Ромул и то, что прежний его друг умер. Вместо него появился другой человек, страшный и ненавидящий всех и вся. Впрочем, он осознавал и то, что прежнего Ромула тоже больше нет, как нет ни Понтия, ни тем более Мартина. Они все умерли вместе с Юлией. Теперь им придется познакомиться с теми, в кого они постепенно превращаются, а может, уже превратились. Ромул, испуганный этими предчувствиями, собирался окликнуть Луция. Наверное, он укорил бы друзей за то, что они сделали с беззащитными насекомыми. Наверное, попытался бы им объяснить, что убийством и мезтью не вернуть тех, кого они потеряли. Наверное... Наверное, он так бы и поступил, если бы в этот момент, словно тень, взявшаяся ниоткуда, не появился Сципион и не сказал:

— Следуйте за мной, нам нужно спешить. Вас уже ожидают. Я обо всем договорился. Давайте, давайте. Пошевеливайтесь.

Парни переглянулись, затем посмотрели на Сципиона и молча пошли за ним. Проходя по лагерю, они видели, как центурионы строили солдат на утреннюю зарядку. Откуда-то потянуло варевом, там и тут закипели строительные работы. Все вмиг ожило, и люди деловито забегали по лагерю, словно те самые муравьи, которых так беспощадно изничтожили друзья. Вскоре они подошли к отдельно стоящему зданию. Сципион первым вошел внутрь, за ним проследовали Луций и остальные. Они оказались в комнате, посреди которой, небрежно развалившись на стуле, сидел пожилой человек, тучный от возраста и, по всей видимости, обленившийся от своей непыльной работы. Его звали Красс. Всю свою сознательную жизнь он провел здесь, в лагере, где рекрутировали новобранцев для римской армии. Мелкий и ничтожный чиновник, крохотный винтик в огромном механизме, он, тем не менее, смог добиться того, что только от него зависело, куда и в какие войска распределят новоиспеченного рекрута. Заимев связи и даже успешно выдав единственную дочь замуж за начальника лагеря, он приобрел статус неприкасаемого, так как пожаловаться на него или что-либо сделать с ним не представлялось возможным. Старый пронира подчинялся непосредственно префекту, который был его зятем, а потому чувствовал себя здесь богом и наплевательски относился ко всем, кто входил в его комнату без подарков и взяток. Вот и сейчас он недобро посмотрел исподлобья на пришедших. Красс знал, от кого пришли эти парни и кто за них просит, но он также прекрасно был осведомлен и о том, кем были их родители. Поэтому он, несмотря на то, что прежде уже договорился со Сципионом, теперь решил переиграть партию с целью увеличить свое вознаграждение за работу, которую обязан был делать бесплатно. Почесав изрядно полысевшее темечко, он неохотно пододвинул к себе пергамент и, окунув перо в чернила, еще раз пристально взглянул на парней. Затем он встал со стула, и, повернувшись к ним спиной, стал смотреть в окно на тренировавшихся с оружием новобранцев.

— Есть какие-то проблемы, Красс? По-моему, мы обо всем договорились. Или ты забыл, от кого я пришел к тебе? — прищуриль глаза, спокойно поинтересовался Сципион.

Красс стоял, не оборачиваясь, словно и не слышал того, что проговорил наставник юных друзей. Парни начали заметно нервничать, обстановка становилась накаленной, и Луцию уже казалось, что тут никто о них и не договаривался, что они прождали столько времени зря.

— Знаете, в чем кроется секрет побед римской армии? Почему наши воины покоряют

все новые и новые земли, и никто не может остановить нас? — глядя в окно, вдруг произнес Красс и, не дожидаясь ответа, продолжил: — Сила наших легионов заключается в редком сочетании высокого мастерства каждого солдата с совершенным умением наших воинов сражаться против врага хоть в большом, хоть в малом количестве. Сегодня все хотят попасть в армию. Тем более что поход в Германию сулит не только новые земли, но и гражданство в случае успешной кампании. Ну и, конечно, как вам известно, легионеров освобождают от государственных преследований и реабилитируют перед лицом империи. Сейчас много таких, кто хочет скрыться от наказания, поступив на военную службу. У некоторых даже есть родня, которая заключена в тюрьмы за государственные злодеяния. Да-да, представьте себе — бывает и такое! Вот как таких неблагонадежных людей можно брать в армию? Они ведь спешат сюда не защищать свою страну, а укрыться от неизбежного наказания, к которому их приговорило собственное государство. Разве можно будет на таких людей положиться в бою? — наконец повернувшись к посетителям, спросил Красс, теребя на пальце дорогое золотое кольцо.

Тут дверь открылась, и в нее вошли пятеро солдат. Луций и его друзья чуть не ахнули от такого поворота событий. «Неужели все, конец?! Неужели заключение, рабство или арена?! А там или в гладиаторы, или, еще хуже, к голодным зверям? А может, распнут, удавят или в каменоломни бросят?!», — стараясь не смотреть ни на кого, думал Луций. Холодный пот предательской испариной выступил по всему его телу.

Так размышлял не только он. Ромул стоял весь бледный, словно смерть, не моргая и не шевелясь. Понтий что-то еле слышно бормотал — молился, скорее всего. Лишь только Мартин брезгливо смотрел на Красса своим остекленевшим взглядом. Луцию даже показалось, что его друг был рад такому стечению обстоятельств, и от этой мысли ему стало еще больше не по себе. Единственным, кто сохранял спокойствие и хладнокровие, был Сципион. Он слегка улыбнулся и, пристально глядя в глаза Красса, произнес, не обращая никакого внимания на стоявших позади него солдат, словно их и вовсе здесь не было:

— Записывай их в легион, Красс. Ты знаешь, кому я служу. Он всегда благодарит людей по заслугам. Очень хорошо благодарит!

— Сципион! Друг мой! — улыбаясь, произнес Красс и жестом руки дал понять солдатам, что те могут быть свободны. — Конечно, я знаю, кто твой хозяин, и понимаю, что у такого великого и благородного человека, как Марк, не может быть плохих знакомых. А уж тем более государственных преступников, которые бы хотели избежать наказания, спрятавшись в армии. И я рад тому, что мы так легко поняли друг друга. Тем более ты наверняка знаешь моего зятя, префекта этого лагеря, Агриппу.

— Конечно, Красс, я знаю его. Я все про него знаю. А теперь будь так добр, возьми перо и впиши парней в список легиона. Не трать даром ни мое, ни свое время. Ведь оно так дорого.

— Ах да, конечно, конечно. Ты, как всегда, прав, — сядя за стол, произнес Красс и снова замер. — А рекомендательные письма есть?

— Есть, Красс, есть. Пиши, а я принесу их тебе сегодня вечером домой и вручу лично в руки.

— Да, да, да, — улыбаясь, принялся было писать, но вдруг снова замер хитрый старик. Видя это, Сципион тут же добавил:

— И не только письма, Красс. Делай свое дело, и ты будешь вознагражден по заслугам.

— Ну, что вы. Не стоит. Я всего лишь исполняю свой долг и лишь на всякий случай

интересуюсь и все проверяю, — после этих слов он, не глядя на посетителей, вписал их имена в заветный список и, поднявшись с места, проговорил: — Ну что, бывшие юноши! Поздравляю вас! Теперь вы солдаты Римской империи, легионеры пятого легиона! Грамоты о зачислении получите завтра утром на построении — их выдаст вам центурион Публий. Амуницию и оружие возьмете на складе, тоже завтра. А пока ступайте в казарму, легионеры. Вас туда доведет тессерарий[1], он уже ждет вас у выхода.

Парни, не зная, что ответить, словно дети, неловко попятились к двери. Выйдя на свежий воздух из темного помещения, они, жмурясь от солнечного света, стали пристально всматриваться в шныряющих повсюду солдат, пытаясь угадать, кто из них должен проводить их в казарму.

— Ну что, поздравляю вас, — спокойно произнес Сципион, который вскоре вышел следом.

— А что нам теперь делать? — растерянно поинтересовался у него Луций, понимая, что они попали туда, где больше не будет их привычной, размеренной и такой понятной жизни. С этого момента они с потрохами принадлежат своим командирам и империи, которая практически с самого рождения тыкала их в грязь лицом. И как только они поднимали голову, на них сверху вновь опускался ботинок, отправляя несчастных на самое дно жизни.

— Когда стемнеет, ты, Луций, придешь к Марку. Он будет ждать тебя и даст тебе указания относительно того, как быть дальше. Сегодня вы еще можете делать все, что угодно, — пока не примете присягу, а это будет завтра на рассвете. И да: если вздумаете куда-то улизнуть, не советую вам этого делать. Будет только хуже, и тогда вам действительно уже никто не поможет. Даже Марк. Я тренировал вас два года. Вы подготовлены лучше, чем любой из этих солдат, но вам все равно придется пройти месячный курс обучения — таковы правила. Не стоит показывать всем здесь, на что вы способны, поскольку это лишь озлобит окружающих. Старайтесь быть как можно незаметнее и не конфликтовать понапрасну — еще успеете. Вам нужно будет самим продержаться весь этот месяц, так как к новобранцам никого не пускают, и вас самих тоже никуда не выпустят, а это значит, что я не смогу вам помочь. Все ясно?

— Ясно, — ответили тихим хором друзья.

— Эй! Тессерарий! — сначала свистнул, а затем крикнул Сципион кому-то у колодца. Человек обернулся и, присмотревшись, зашагал в сторону, где стояли парни. Подойдя поближе и рассмотрев недешевую одежду Сципиона, офицер почтительно поприветствовал того, кто так пренебрежительно позвал его.

— Принимай пополнение. Размести их в казарме центуриона Публия.

— Хорошо, — быстро и четко, по-солдатски, ответил тессерарий, затем повернулся к новобранцам и произнес: — Ступайте за мной.

Проходя мимо казарм за своим провожатым, парни с любопытством и естественным страхом перед чем-то новым и непознанным осматривали все вокруг. В стороне, тренируясь, шагали строем солдаты, отрабатывая боевой марш. Чуть поодаль пороли провинившегося, привязав его к лавке. Немного правее новобранцы оттачивали владение оружием на деревянных столбах. Где-то копали рвы, где-то стреляли из лука, повсюду что-то таскали и постоянно ходили люди. Шум и гомон не замолкал ни на секунду.

— Публий? — неожиданно усмехнувшись, проговорил Ромул. — Зовут, прямо как одного из подхалимов Клементия.

— Брось. Мало ли людей с одинаковыми именами. Не может же нам настолько не

везти, — почесав затылок, рассудил Понтий.

— Да уж, он нас тогда с потрохами сожрет и не подавится! — вступил в разговор Луций.

Подойдя к своей казарме, они остановились. Тессерарий приказал им ожидать его, а сам ушел за центурионом. Прождав около часа, парни одновременно открыли рты, когда увидели своего будущего командира.

— Твою мать! — прикрыв ладонью глаза и закачав головой, протяжно произнес Луций.

В доспехах центуриона, держа шлем в одной руке, а плетку в другой, к ним направлялся тот самый Публий. Еще издали узнав новобранцев, он шел к ним с мерзкой и довольной улыбкой. Всегда опрятный, с каким-то слишком плавными, женственными движениями, он был призраем Луцием еще с детских лет. Не способствовало любви к нему и то, что Публий всегда старался быть поближе к власти — поэтому-то он и был так дружен с Клементием, отец которого до своей трагической смерти решал очень многое в Риме. Даже в детстве Публий стремился натравить на таких, как Луций, других ребят, чтобы самому остаться ни при чем. Слабый, но хитрый и избалованный, он всегда выбирал товарищей не по характеру и общим идеям, не по духу и интересам — он искал в каждом выгоду. И вот теперь он уже возглавлял центурию, красуясь в начищенных до блеска доспехах, надетых на дорогую одежду. И было понятно, что без Клементия тут не обошлось. Да, Силян давно умер, но связи с его друзьями у семьи остались, и Клементий, наследник богатого и знатного рода, вряд ли бы оказался без поддержки. А протащить за собой своего верного прохиндея Публия для него не составляло труда. Так рассуждал Луций, глядя на приближающегося командира.

— Ну, здравствуйте, девочки! — улыбаясь во весь рот, промолвил Публий. Что ж, поздравляю вас со вступлением в доблестную римскую армию.

— Они от... — хотел было сказать тессерарий, но Публий сразу пресек его речь.

— Я знаю, кто они! Ступай, ты свободен!

Луций смотрел на Публия и не верил своим глазам. Целый месяц до начала военного похода они должны будут беспрекословно подчиняться этому слизняку. Юноша уже в красках начал представлять, что их ожидает. «Эта сволочь с нас живых не слезет и будет всячески способствовать тому, чтобы мы тут и остались, или совсем замордует до такой степени, что хоть в петлю лезь. А ведь он может. Дать бы этой твари меж глаз по его лоснящейся физиономии, так ведь он тогда и прирезать может, и никто его не осудит. Как на командира руку поднять? Никак. Поэтому тварь и лыбится, чувствуя свою безнаказанность и наше бессилие. Все, началась райская жизнь. Теперь мы для него, что грязь под ногтями», — смотря зверем на Публия, думал Луций. А тот только улыбался, ходил вокруг них, рассматривая, будто рабов на рынке, да щерился во весь рот.

— Что ты веселишься?! Подстилка Клементия! — скривив лицо и не выдержав напряжения, произнес Мартин и шагнул было вперед. Но его моментально остановил Луций:

— Заткнись, Мартин, и стой спокойно.

— Что ты сказал? — перестав улыбаться, подойдя поближе к Мартину и посмотрев ему прямо в глаза, спросил Публий.

— Ничего он не сказал, тебе показалось, — почесав бровь, тихо ответил Луций, но тут же получил сильнейший удар в живот, отчего попятился назад, согнувшись от боли. Превозмогая ее, он, тем не менее, прохрипел: — Спокойно, парни, все нормально.

— Я разве с тобой разговаривал, новобранец?! — заорал Публий, брызгая слюной. На его крик тут же подбежали солдаты, но он, остановив их жестом руки, проговорил: —

Живите пока! Завтра. Завтра вы примете присягу, и я лично буду следить за тем, чтобы каждый ваш день был похож на последний. Попробуете сбежать, и я подниму всех на уши и объявлю вас дезертирами, а за это, сами знаете, какое наказание. Так что до завтрашнего утра! Дышите глубже! Наслаждайтесь! Клементий будет рад узнать, кто у меня в подчинении. А с тобой, щенок, я еще поквитаюсь! — грозя пальцем Мартину, произнес он.

Понтий развернулся и пошел вперед, уводя подоспевших солдат. Луций, скрючившись и держась за живот, тяжело дышал и морщился от боли.

— Да какого ты не дал нам набить ему морду?! — внезапно повернувшись к другу, раздосадовано спросил Понтий.

— И правда, Луций! Зачем ты Мартина остановил?! Наваляли бы этому гаду по полной! — поддержав Понтия, добавил Ромул.

— Вы что несете?! Кому наваляли бы? Центуриону?! — прокашлявшись и сверкнув бешеными глазами, ответил им Луций. — А от тебя Ромул я такого вообще не ожидал услышать! Миротлюбивый ты наш! «Наваляли бы»! Ты что ли ему наваляешь? Вы теперь не на своей родной улице и не в школе! Хотя они и там нам всегда умудрялись навешать...

— Так их всегда больше было! — обиженно возразил Понтий.

— Да какая разница? Зарубите себе на носу: теперь мы в армии, и он наш командир! Тронете его, и вас в лучшем случае через строй прогонят, в худшем — повесят на кресте возле ворот лагеря! А ты, Мартин, в следующий раз держи язык за зубами! Мы все многое пережили, и да, ты пострадал больше всех, но во имя богов — постарайся не плевать смерти в лицо, хотя бы ради нас! Прошу тебя! Сципион велел продержаться месяц, значит, нужно держаться. Сейчас пойдем, осмотримся тут, а вечером я схожу к Марку, узнаю, что нового. А вы постарайтесь в этот месяц не подставлять друг друга из-за глупых амбиций. Сочтемся потом и со всеми сразу. Как говорит Марк, нужно переждать.

Последние шаги наверх дались Ратибору непросто. После того, как Александр ушел, его приковали к стене и не давали ни воды, ни еды. Теперь, закованный в железо по рукам и ногам, он, шаркая босыми ступнями по каменному полу, добрался до выхода из подземелий Колизея. Остановившись у двери, которая вела на поверхность, он отдышался и покрутил шеей, разминая ее. Железо натирало кожу до кровавых следов, но Ратибор уже не обращал на это внимания. Дождавшись, когда стражники отодвинут засов, русич неуверенной походкой вышел на свежий воздух. Яркий свет ударил по глазам, привыкшим к темноте подвала, и Ратибор опустил голову и зажмурился. С непривычки от свежего воздуха у него мгновенно закружилась голова. Он вдохнул полной грудью, наслаждаясь этим мгновением, словно в первый раз очутился на белом свете. Русич дышал глубоко и часто, пытаясь избавиться от ощущения сырости и воспоминаний о темном, до смерти надоевшем подвале с мышами и плесенью. Он стоял бы так целую вечность, наслаждаясь солнечными лучами и дыханием свободного ветра, но тут его в спину бесцеремонно толкнул стражник, так что он, запутавшись в цепях, еле устоял на ногах.

— Ступай, варвар! Чего встал?! — прикрикнул на него охранник по имени Руфус. Он был небольшого роста, щупленький и не очень привлекательный на вид. Стражником при Колизее Руфус оказался после того, как не прошел отбор в армию. Поскольку больше в жизни он ничего делать не умел, а власти ему хотелось, то единственный его путь был сюда. Впрочем, и в охранники его вряд ли бы взяли, если бы не дальние родственные связи с Крассом. Руфус всегда презирал тех, кто выделялся силой и мужеством, которых был лишен

он сам. Своей жестокостью по отношению к рабам он снискал себе в подвалах Колизея дурную славу, хотя, как раз она, в конечном счете, и помогла ему стать во главе специального отряда, отвечающего за транспортировку рабов. Именно Руфус приказал приковать Ратибора к стене и не давать ему ни воды, ни пищи, после того, как стало известно, что прежний хозяин продал своего гладиатора, а новый приказал доставить его в свое имение, не удосужившись прислать за ним своих людей. В этот промежуток времени Руфус мог делать с рабами все, что ему заблагорассудится, вдоволь утоляя свою жажду власти. Ведь рабу вряд ли кто поверит, что его не кормили или избивали. Да если бы и поверили, всегда можно было оправдаться тем, что раб пытался бежать, выказывал неуважение, проявлял свою волю — проступок придумать несложно. К тому же какая разница в том рабу? Собаке же не объясняют, за что ее наказывают.

— Куда меня ведут? — не поворачиваясь к стражнику, спросил русич, двигаясь вперед.

— А тебе не все ли равно, раб?! Давай двигай!

Вскоре они подошли к повозке, на которой располагалась клетка из толстой стали — в таких перевозили диких животных и невольников. Ратибора запихали туда и пристегнули за ошейник к одному из прутьев. Оковы с него так и не сняли, показывая тем самым максимальное неуважение к нему. Стражники ухмылялись и шутили над ним, а сами в душе боялись этого варвара, зная, что дай ему волю, он передушил бы их всех, словно беспомощных котят. Легко злить собаку на привязи, но только сумасшедший осмелится делать это, когда она свободна. Пристегивая Ратибора, охранник намеренно затянул его ошейник так туго, что тому стало трудно дышать. От нехватки воздуха и злости воин захрипел, залязгал зубами и попытался рвануться вперед, но сломать железо было вне человеческих возможностей. Закашлявшись и засопев, он посмотрел злобными, покрасневшими от напряжения глазами на своего мучителя.

— Любого дикого зверя нужно держать на привязи! — довольно произнес Руфус и со всей силы ударил по клетке палкой. Ратибор даже не моргнул и продолжал смотреть на него, хищно скалясь и тяжело дыша.

— Ничтожный, безмозглый варвар! — поговорил Руфус и, сплюнув в сторону, стал забираться на повозку.

Обычно рабов перевозили два охранника, но в это раз, учитывая, что раб — гладиатор, и гладиатор отменный, количество стражников увеличили до четырех. Повозка тронулась. Качаясь и трясясь по мостовым, она направлялась куда-то за город, провозя Ратибора по не виданному им доселе Риму, где все было ему чуждо и непонятно. Стражники, ругаясь на толпу зевак, пытались проехать по узким улочкам города. Людей было настолько много, и они были настолько разные, что русич с невольным интересом рассматривал их, а они глядели на него, словно на экзотическое животное. Вот мимо повозки прошла женщина, бросив на него беглый взгляд из-под накидки. У нее были темные, подведенные черной краской, выразительные глаза. Всего мгновение, и она растворилась в толпе, оставив после себя лишь головокружительный аромат духов. Ратибор попытался рассмотреть ее среди людей, но, увы, она исчезла. И снова галдящая, ржущая и шумящая толпа окружила повозку. Вдруг откуда-то из людской гущи вылетело яйцо: ударившись о решетку, его скорлупа разлетелась в разные стороны, обрызгав прикованного раба своим содержимым. Раздался смех.

— Нравится, варвар?! Почти как на арене! Да?! — обернувшись к нему, произнес Руфус и радостно рассмеялся.

Ратибор, не обращая на него внимания, прикрыл глаза. Телега, трясясь по мощеной дороге, медленно увозила его в неизвестность, а перед его мысленным взглядом вновь воскресали картины полузабытого прошлого.

Отец, весь в снегу, зашел в терем. Из раскрытой двери внутрь повалил пар. Он, отряхнувшись, прошел в горницу и, потрепав маленького Ратибора по голове, радостно произнес:

— Сегодня великий день, мой сын! Я устрою пир в честь важного гостя и моего друга!

Колесо телеги попало в яму и клетку, в которой задремал русич, качнуло так сильно, что он невольно приподнял веки. Из переулка выскочил малец в рваном балахоне с капюшоном на голове и, подбежав к стражникам, вытянул руку, явно прося милостыни, но вместо подачки получил плетью по спине.

— Пошел прочь, голодранец!

Маленький попрошайка лишь не по-человечески зашипел и, сгорбившись, снова скрылся в полутемном переулке.

— Такая же мразь, как и ты! — повернувшись к Ратибору, сказал стражник и плюнул в русича. — Надеюсь, тот, кому ты теперь принадлежишь, не будет с тобой церемониться! Давай, старая кляча, пошевеливайся! — заорал он на лошадь и несколько раз огрел бедное животное кнутом. Вскоре телега опять затряслась по дороге, и Ратибор вновь закрыл глаза, пытаясь отрешиться от всего происходящего.

Столы ломились от яств. Слуги то и дело выносили серебряные и золотые блюда, доверху наполненные съестным. Здесь было все: жареные лебеди, перепелки, баранина, огромные запеченные осетры, целые кабаньи туши, хлеб, квашеная капуста, стоялый мед и заморские вина, бочки с пивом. Маленькому княжичу казалось, что за этот стол можно усадить всех людей, которые только есть в отцовских владениях. Рядом с основным столом стоял стол поменьше. Он был украшен подносами, чашами и кубками из чистого золота, среди которых ни одна форма, ни одна чеканка или литье не повторялись. Подле высилось княжеское кресло, на котором восседал отец Ратибора, а рядом с ним находился и сам Ратибор. По правую руку от князя разместились его ближайшая дружина, по левую — гости, прибывшие из далеких стран: послы, торговцы, ученые и лекари. Но пир не начинался. Князь ждал самого дорогого гостя, ради которого и было затеяно празднество. И вот дверь раскрылась. В нее сначала вошел человек в синем балахоне, лицо которого скрывал капюшон, за ним еще один — высокого роста, в дорогой одежде. Князь с улыбкой поднялся, приветствуя дорогого гостя и указывая ему на почетное место рядом с собой. Как ни старался Ратибор, как ни терзал себя, вспомнить лицо этого человека он так и не мог. Он хранил в памяти многое, иногда даже какие-то мелкие детали одежды, но черты гостя никак не мог воскресить в сознании. Тем временем сопровождавший незнакомца высокий человек не спеша подошел к его отцу. Князь с улыбкой обнял его, словно брата, но тут же замер. Он покачнулся, сморщил лицо, хотел было отстраниться, но гость крепко держал его, прижимая к себе за плечи левой рукой. И тут сидящий рядом Ратибор увидел, как из-под отцовского кафтана маленьким ручейком потекла кровь. Князь побледнел, захрипел, но его дружина не сразу поняла, в чем дело. Те, кто сидели подальше, еще беседовали и шутили между собой, когда сотник князя Ярополк, вскочив из-за стола, крикнул:

— Измена!

Но было уже поздно. В тот же момент в открытую дверь ринулись воины и принялись рубить и резать всех, кто находился за столом. Княжеские дружинники, вооруженные только

кинжалами и без доспехов, были обречены. Сам князь, закатив глаза, упал перед убийцей на колени, а тот небрежно оттолкнул его от себя и, сжимая окровавленный клинок, направился к Ратибору. Тогда Ярополк, ловко перескочив через стол, схватил княжича и кинулся с ним по лестнице, ведущей в верхние палаты. Ратибор видел, как убийца его отца ловко расправляется с отборной дружиной, словно перед ним были не воины, а малые дети. Он ужаснулся тому, что напавшие на них воины убивали всех, даже не пытаясь захватить никого в плен. А ведь за тех, кто был на пиру, можно было получить богатый выкуп, но, видимо, цель была другой — живыми они были не нужны.

— Хватайте парня! — скомандовал человек в синем балахоне, который все это время находился возле двери. Воины мгновенно кинулись за княжичем, отпихивая стулья и перепрыгивая через стол.

— Спасайся, Ратибор! Спасайся! — прокричал Ярополк и, схватив меч, который висел на стене, бросился вниз по лестнице навстречу уже поднимающимся по ней солдатам. Княжич еще какое-то время смотрел, как его наставник, не жалея себя, бьется с врагом. Он видел, что дружина отца полегла вся: никто не спасался бегством и не пытался отступить. Ярополк, самый лучший воин князя и учитель Ратибора, стоял на смерть и, уже весь окровавленный, продолжал наотмашь рубить врагов, не давая им подняться наверх и защищая своим телом молодого князя. Высокий и страшный человек растолкал своих воинов и приблизился к утомленному и израненному Ярополку. Отобрав меч у одного из своих солдат, он стер с него кровь рукавом своего дорогого платья и устремился вперед. Сотник поднялся на несколько ступеней выше, посмотрел на княжича и улыбнулся ему, после чего сильнее сжал меч и бросился на убийцу своего повелителя. Ярополк сражался храбро, но его противник был невысказанно ловок и силен, он словно предвидел все атаки могучего воина. Одно мгновение, и острое холодного железа скользнуло по плоти, рассекая ее до костей: Ярополк выронил меч и, стараясь не упасть, с трудом ухватился за перила. Зажимая ладонью смертельную рану, он с перекошенным от боли лицом смотрел на победившего его врага. Даже умирая, он пытался уберечь сына своего хозяина. Окровавленными пальцами он из последних сил ухватился за одежду убийцы, но тот даже не обратил на него внимания. Рука сотника безрезультатно скользнула по платью, а его тело, завалившись назад, скатилось вниз по ступеням лестницы.

И снова Ратибор пробудился от сильного толчка, однако ему не хотелось открывать глаза и возвращаться в реальность. Он жаждал остаться там, во сне, и наконец-то увидеть, вспомнить лицо убийцы. Каждый раз ему снилось одно и то же, но каждый раз разум скрывал от него то, что было ему нужно. И вдруг его пронзило странное чувство — ощущение прошло насквозь, словно врезавшись в кожу. Казалось, он поймал на себе чей-то пристальный взгляд, который нестерпимо сверлил и жег его тело. Открыв глаза, невольник увидел шедшего рядом с повозкой старика в небрежной и пыльной одежде, с густой, растрепанной бородой. Он торопливо шагал, опираясь на посох, и не сводил глаз с русича.

— Что вылупился, старый? Раба ни разу не видел? — недовольно произнес Руфус.

Старик, не отрывая взгляда от закованного в железо пленника, ответил:

— Он не больше раб, чем ты.

— Старик, может, ты ослеп? Это он находится в клетке, а не я!

— Это как посмотреть. Может, это он на свободе, а все остальные для него за решеткой?

— Философ, значит?! — Руфус взял копьё и, остановив повозку, спрыгнул на землю.

— Да оставь его, чего ты взъелся? Хорош! Поехали! — закричали стражники, увидев разъяренное лицо приятеля.

— Ты утверждаешь, что он свободный человек и ровня мне?! — подставив острие копья к груди старца, не унимался Руфус.

— Все люди равны. Все рождаются одинаково и умирают одинаково. Разве не так?

— Зато все живут по-разному! — крикнул стражник и, подойдя к клетке, перевернул копьё острием к себе и ткнул древком в лицо русича. От удара Ратибор дернулся, из рассеченной брови пошла кровь. — Ну, старик, и кто из нас раб?! Видишь?! Это я хозяин своего положения и своей жизни! А он мерзкий варвар, ничтожество! Такой же отброс, как и ты! — снова и снова ударяя Ратибора, кричал Руфус. Один из стражников подскочил к нему и, ухватившись за копьё, произнес:

— Довольно! Остынь! Нам его новому хозяину передать надо, за него немалые деньги заплачены! Ты что, хочешь оплатить его лечение?! С нас же спросят.

— Да брось! Подумаешь, несколько ссадин. Тем более, он был гладиатором на недавних играх. Одной царапиной больше, одной меньше! На этих варварах все заживает, как на собаках! Ну что, старик? Усвоил, кто из нас раб, а кто нет?! — отпихнув приятеля в сторону, спросил Руфус.

— Усвоил. Хочу сказать тебе только одно: жизнь мастерит раму, а картину пишешь ты сам. Если ты не берешь ответственность за написание картины, то за тебя ее напишут другие. Твоя картина уже написана, и написана она не тобой. Ты и сейчас не осознаешь, что ты всего лишь раб своего положения, пленник собственных эмоций. Отпусти ты сегодня этого несчастного, которого ты называешь животным, и ты бы прервал цепочку многих очень страшных последствий. Отнесись ты сегодня к нему по-человечески, и ты бы смог встретить свою старость. А сейчас, Руфус, ты везешь в клетке свою собственную смерть.

— Еще не родился тот раб, который сможет мне чем-нибудь навредить! Ступай и читай свои проповеди такому же отребью, как и ты, старый пес! — злобно усмехнувшись, ответил стражник, залезая обратно на повозку.

Иов еще долго смотрел вслед уезжающей телеге, прежде чем растворился в толпе снующих и вечно спешащих людей. А Ратибор, с разбитым лицом, заплывшим глазом и пересохшими губами, поехал дальше, глядя куда-то в пустоту. Когда они покинули пределы города, был уже полдень и солнце пекло необычайно жарко. Повозка, качаясь на ухабах, везла гладиатора к новому хозяину. Тем временем русич уже твердо решил бежать — во что бы то ни стало, любой ценой, даже если это будет стоить ему жизни. Он уже один раз доверился Александру, который обещал ему свободу после боя на большой арене, но мало того, что он остался жив лишь чудом, так его еще и продали неизвестно кому. Больше верить римлянам он не собирался.

Ратибора доставили к вилле нового хозяина уже под вечер. Повозка остановилась рядом с воротами, и в этот момент ярко светившее весь день солнце внезапно зашло за тучи, с неба потянуло долгожданной прохладой, а поднявшийся легкий ветерок закрутил в хороводе вихрей дорожную пыль, поднимая ее вверх небольшим столбом. Огромное поместье стояло погруженным в полумрак. Никто не вышел встречать прибывших, и только кованые ворота с небольшим скрипом покачивались от усиливавшегося ветра, а тучи темнели, приобретая свинцовый оттенок.

— Тут вообще живет кто? — накидывая на себя шерстяной плащ, изумленно поинтересовался один из стражников.

— Мы туда хоть приехали, Руфус?

— Куда сказали, туда и приехали! Я что, по-твоему, первый раз такой груз доставляю?! Давай вытаскивай его и пойдём за ворота. Не может же быть, чтобы на такой вилле никого не было. Тут, наверное, не одна сотня рабов батрачит!

— Это-то да! Только вот где они все? — спрыгнув с повозки на землю и взяв копьё, произнес стражник и направился открывать клетку.

— Подожди, я сам! — крикнул ему Руфус. Он быстро подошел к решетке и отворил затвор. — Эй, раб! Ты меня слышишь?

— Руфус, давай его просто доставим и поедем домой. И так весь день в дороге, жрать охота. На что он тебе сдался?!

— Не твое дело! Дорастешь до моей должности, будешь указывать, а пока закрой пасть! — злобно глянув на стражника, сказал Руфус, после чего вновь обратился к Ратибору: — Эй, раб! Мы приехали!

Русич медленно приоткрыл один глаз, поскольку второй сильно заплыл. Повернувшись на голос, он злобно посмотрел на Руфуса.

— Что вылутился, варвар? Не нравлюсь я тебе?! Так и я от таких, как ты, не в восторге! Отстегните его от прутка! — скомандовал он.

Как только приказ был выполнен, Руфус залез в клетку и, схватив Ратибора за волосы, вытащил его из нее и повалил на землю. Упав с повозки, скованный по рукам и ногам русич попытался подняться, но не смог. Отрывисто дыша и уткнувшись лицом в пыльную дорогу, он лишь беспомощно крутил головой.

— Поднимите эту скотину! — сплюнув в сторону, прикрикнул на подчиненных Руфус. Затем он взял копьё, накинул на себя плащ, проверил, надежно ли закреплены оковы на гладиаторе, и, пихнув его взапой, крикнул: — Пошел!

— Руфус, ты куда? Ты знаешь правила: сопровождать должны двое.

— Не учи! Эту сволочь я сам доведу! — снова толкнув Ратибора, ответил стражник и направился к воротам.

Руфус любил показать свое бесстрашие, только, правда, решался на это лишь тогда, когда объектом для его бахвальства был незащитный соперник. Он никогда не бывал в сражении и даже ни разу ни с кем не дрался. Трус по натуре, он пользовался тем, что все, кого он избивал и унижал, пребывали в абсолютно беспомощном состоянии и не могли ему противостоять. Вот и сейчас, оставив стражников, он в очередной раз намеревался потешить свое самолюбие. Он и прежде нередко в одиночку приводил рослых и крепких рабов в поместья, чтобы хозяева, принимая товар, удивлялись храбрости этого невзрачного человека, который сам, ничего не страшась, приводил к ним богатырей, находиться наедине с которыми было небезопасно. Руфус наслаждался такими мгновениями, убеждая себя в том, что он и вправду великий воин, а эти мерзкие рабы не чета ему.

Пройдя по огромной территории странной виллы, он не встретил ни единой живой души, лишь только ветер, раздувая пыль и поднимая ее вверх, иногда больно стегал песчинками по лицу. Подойдя к огромному, роскошному дому, стражник и раб остановились у входа. Руфус стал нервно оглядываться по сторонам, все сильнее сжимая копьё в своих вспотевших ладонях. И вдруг, словно из ниоткуда, из кустарника, который рос возле двери, оплетая довольно большую часть дома вплоть до второго этажа, кашляя и отряхиваясь, вылез толстяк. Не замечая пришедших и что-то неразборчиво бормоча, он пятился на них задом, а обернувшись, аж отпрыгнул в сторону от неожиданности.

— Да чтоб вас чума скосила! Ироды! — хватаясь за сердце и тяжело дыша, воскликнул Асмодей, после чего достал платок и отер пот, обильно выступивший на его толстом лице. — Вы как тут оказались?! Кто вас впустил?! Кто вы такие?! — придя в себя, начал он расспрашивать незнакомцев на повышенных тонах.

Руфус, как и положено, вытянулся по стойке смирно и отрапортовал непонятно откуда появившемуся Асмодею, кто он, откуда и зачем пожаловал.

— А почему мне об этом никто не доложил?! — сделав удивленный вид, ответил ему толстяк, на что Руфус только растерянно пожал плечами. — Странно, странно, господин Марк будет очень недоволен работой своих невольников, когда узнает о том, что в его поместье можно вот так свободно проникнуть! Опять придется кого-нибудь казнить, чтобы успокоить мессира. Что творится в последнее время, что творится?! Рабы вконец ополоумели, бегают по всей территории, прячутся — попробуй их сосчитай, когда я один, а их миллионы. Ну да ладно, что я вам голову морочу, давайте заходите, заходите, господин уже вас, наверное, заждался, — открыв дверь в дом, произнес Асмодей, а сам, проскочив вперед, продолжил болтать. — Какой здоровый этот раб. Силен, поди, как бык. Поражаюсь вам: и как это вы один его сюда привели? И не страшно вам? Вы, наверное, очень смелый и отважный человек, раз не боитесь этого зверя!

Руфус шел по дому, озирался по сторонам, удивляясь окружающей его красоте, и с удовольствием слушал хвалебные речи Асмодея. Да, он любил такие мгновения.

— А что у него с лицом? — внезапно поинтересовался толстяк.

— Так это...

Но, не дав ему договорить, Асмодей сам ответил на собственный вопрос.

— Хотя он же гладиатор, а что с них взять — бьют морды друг другу весь день напролет. Правильно говорят: сила есть — ума не надо. Но вот вы! Нет, я все-таки вами восхищаюсь! Какой же вы храбрец!

Руфус, убаженный льстивыми словами, сам не заметил, как оказался в большом зале с отделкой из черного и белого мрамора, отполированного так, что, ступая по полу, можно было увидеть в нем свое отражение. В центре, на роскошном кресле, обтянутом кожей, сидел Марк. У его ног, на полу, расположился, словно преданный пес, тот самый малец в рваном балахоне, которого Руфус сгоряча огрел плеткой. Чуть дальше стоял Сципион, который непринужденно затачивал нож, периодически поднимая его вверх, чтобы оценить острие клинка. Асмодей быстро захлопнул дверь, отчего по всему залу разнеслось гулкое эхо. Руфусу стало не по себе. Ратибор же стоял, склонив голову и не обращая внимания ни на что вокруг. Он ждал одного — удобного момента для побега, и сейчас его меньше всего интересовало, куда и зачем его привели, кем окажется его новый хозяин и что будет дальше. Руфус, увидев Марка, вышел вперед и, приняв позу для доклада, отрапортовал так, как он делал это не раз. Марк выслушал его, опустил глаза и задумался, после чего произнес:

— Глубочайшим свойством человеческой природы является страстное стремление быть оцененным по заслугам. Но вот беда: если бы каждому воздавалось по заслугам, то у некоторых знаки отличия были бы не только спереди, но и сзади.

Руфус напряженно смотрел на Марка, не понимая, что тот имеет в виду. Ведь он, храбрый и смелый, привел сенатору его раба, и теперь Марку всего лишь нужно отблагодарить Руфуса за старания и отпустить. Тем временем Марк пристально посмотрел на обоих, после чего прищурился и тихо произнес:

— Абигор, освободи Ратибора от железа.

Сципион, спрятав нож, быстрым шагом подошел к Руфусу и, протянув руку, спокойно проговорил:

— Ключи.

Ратибор поднял голову и удивленно посмотрел на Сципиона. Руфус нервно задергался и отшатнулся назад, но Абигор повторил:

— Ключи, Руфус. Ключи.

Руфус вопросительным взглядом взглянул на Марка, который лишь кивнул головой в знак согласия, давая стражнику понять, чтобы тот сделал, что велено. Дрожащей рукой Руфус вытащил ключи и передал их Сципиону, который тотчас же снял оковы с русича. Ратибор, освободившись от заточения, выпрямился и расправился. Потирая свои запястья, избавленные от оков, он медленно приходил в себя, пока не вполне осознавая, что здесь происходит. Руфус испуганно попятился назад, но тут же уперся в жирное тело Асмодея, который, мило улыбаясь, произнес:

— Ну что вы. Все нормально. Вы же смелый и храбрый человек. Успокойтесь, еще не родился тот раб, который сможет вам чем-нибудь навредить.

От этих слов по спине Руфуса пробежал холодок. Он впервые оказался один в том месте, где ему совсем не хотелось быть одному. Он уже тысячу раз пожалел о том, что не взял с собой провожатого. Да что греха таить: он уже молился, лишь бы быстрее покинуть этот странный дом с его не менее странными обитателями. И вдруг Марк произнес:

— Человек остается безнаказанным лишь временно. Кара, Руфус, — неотъемлемая часть жизни. Иногда, переходя границы вседозволенности, вы забываете о наказании, а когда наступает время расплаты, молитесь о прощении. И хотя сами вы никогда не слушали просящих, в этот миг почему-то надеетесь на то, что уж вас-то должны обязательно пощадить. Я, Руфус, наказываю людей не потому, что они совершили проступки, а для того, чтобы они не совершали их впредь. Зависть — один из самых мерзких человеческих грехов. Люди завидуют друг другу, и это печально. Вот взять, к примеру, тебя. Ты ведь ничего собой не представляешь. Мать твоя мало о тебе заботилась, отец — так о нем и вспомнить-то нечего: прожил, точнее, просуществовал на этом свете бездарную и бесполезную жизнь. Да и ты пошел по его стопам. Твоего ума хватило лишь на то, чтобы получить небольшую толику власти, дабы быть чуть выше других. Но и эту-то власть ты заслужил не собственным умом и стараниями. Что ж, ты неоднократно говорил, что не родился еще тот раб, который сможет тебе чем-нибудь навредить. Посмотрим? Абигор, дай русичу меч.

Ратибор слушал речь Марка и не верил своим ушам, не понимая, что вообще происходит и к чему все это приведет. Смертельно бледный Руфус с широко раскрытыми от ужаса глазами дрожал посреди зала, как осенний лист на ветру. От внезапности событий он, словно выброшенная на берег рыба, безмолвно открывал рот, но произнести ничего не мог. Его мысли путались, он беспомощно озирался по сторонам, неуверенно сжимал копьё и, хлопая безумными глазами, пятился назад.

Сципион подошел к Ратибору, вытащил из ножен меч и без малейших эмоций на лице протянул его русичу. Тот одним глазом посмотрел сначала на Сципиона, затем на Марка, который одобрительным кивком разрешил ему взять оружие в руки. Ратибор принял клинок, слегка покрутил его в руках, рассек несколько раз им воздух и, злобно улыбнувшись, перевел взгляд на Руфуса.

— Ну что, Руфус? Покажи и нам, и себе, что ты все-таки чего-то стоишь. Ты же всегда, когда смотрел на бои гладиаторов, думал, что там, на арене, все просто и легко и что ты бы

мог выступить лучше любого из них. Ну вот, тебе в твоей никчемной жизни выпал шанс доказать это, так пользуйся случаем! — спокойно произнес Марк и, приняв в кресле удобную позу, добавил. — Ратибор, я ни в чем тебя не ограничиваю, действуй!

Русич с улыбкой осмотрел Руфуса с ног до головы и, вращая меч, медленно направился к нему.

— Ну, не... Ну, не надо. Прошу вас, — вспотев от страха, взмолился стражник. — Ну, я же работу свою выполнял. Прошу, пощади! Я не хотел! Ну, будьте же вы людьми! Пожалуйста, пожалуйста! Не надо! — сползая вниз по своему копыю, зарыдал он, даже не пытаясь сопротивляться.

Когда к нему вплотную подошел Ратибор, Руфус сидел в своих собственных испражнениях и рыдал навзрыд. Русич посмотрел на него сверху вниз: недавний король жизни теперь стоял на коленях перед тем, кого еще несколько минут назад считал отбросом и недочеловеком. Внезапно стражник вцепился в ногу Ратибора и истошно завопил, но гладиатор брезгливо отпихнул его от себя. Он снова повернулся к Марку, но тот лишь развел руками.

— Встань, — чуть слышно произнес Ратибор.

— Не надо. Ну, прошу. Ну, не надо, — ползая в ногах воина, молил Руфус.

— Встань! — уже со злобой и ненавистью в голосе крикнул русич.

Стражник, трясаясь от страха и моля о пощаде, стал подниматься. Как только он выпрямился, Ратибор мгновенно обрушил на него удар такой силы, что меч, пройдя от плеча вниз, застрял в области живота. Руфус остекленевшими глазами впился во взгляд Ратибора, в конвульсиях начал открывать рот и трясти головой, после чего завалился назад и рухнул на пол, забрызгав блестящий мраморный пол багровой кровью. Свершив возмездие, Ратибор отер об одежду лезвие меча, подошел к Сципиону и протянул ему оружие. В зале воцарилась тишина. Русич стоял в ожидании и не мог понять, почему этот воин не берет обратно клинок.

— Он твой, Ратибор, по праву. Ты заслужил его, — вставая с кресла и направляясь к гладиатору, произнес Марк.

— И чем же я снискал себе такую милость? — все еще держа оружие в вытянутой руке, спросил Ратибор.

Марк подошел к нему, опустил его руку и произнес:

— Чем заслужил? Может быть, тем, что ты, как Руфус, завидовал другим и издевался над беспомощными? Или тем, что ты трусливый, лживый и продажный воин? Думаю, вряд ли. В противном случае ты бы не находился здесь и мы бы не беседовали с тобой. Асмодей, убери это с моего пола, — внезапно обернувшись к своему слуге, произнес Марк. — Абигор, около ворот остались друзья Руфуса. Пусть они исчезнут и как можно быстрее. Хорошо?

Сципион, поклонившись, без лишних слов тут же удалился из зала.

— Их же будут искать. Ведь многие знают, куда они меня повезли и к кому. Неужели вы этого не понимаете? — удивленно поинтересовался Ратибор.

— Понимаю, прекрасно понимаю. Будут искать и обязательно узнают, что в последний раз их видели рядом с моим именем. Но вот понимаешь, в чем дело: после того, как они передали мне тебя... — Марк сделал удивленное лицо и развел руками, — на них напали грабители. Ведь я передал с ними крупную сумму денег за раба-гладиатора, которая предназначалась твоему бывшему владельцу Александру. И Александр, между прочим, все это подтвердит.

— Ловко у вас все.

— Ну, уж как можем, как можем... — взяв под руку Ратибора, ответил Марк и куда-то повел его.

— А не боитесь ли вы, что я сейчас перережу вам горло и сбегу? — остановившись и пристально посмотрев Марку в глаза, сурово произнес Ратибор.

На что Марк только улыбнулся и, немного подумав, ответил:

— Полно. Ты этого не сделаешь. Наверное, ты и вправду думал о побеге, когда тебя везли ко мне. Но, по-моему, сейчас в этом нет никакой необходимости. Да и к тому же, поверь мне, я умею разбираться в людях.

— И убеждать, пожалуй, тоже... Кстати...

— Марк. Меня зовут Марк. И давай договоримся сразу: я тебе не хозяин. С этого дня ты свободный человек. Я дам тебе соответствующую грамоту.

После этих слов Ратибор замер и, склонив голову, посмотрел на Марка исподлобья.

На что тот ухмыльнулся и тут же ответил:

— А вы, северные народы, не такие уж и глупые. Да, ты прав, бесплатно и даром ничего не бывает.

— И в чем подвох?

— Ну, что ты? Какой еще может быть подвох? Просто дело в том, что вскоре будет сформирован новый легион, а командовать в нем будет... Хотя ты и сам знаешь, кто.

— И кто же?

— Тот, кто даровал тебе жизнь на арене, — как-то холодно и сурово произнес Марк.

— Тот юноша? А вы-то его откуда знаете?

— А это вопрос уже по делу. Он мой ученик, так скажем.

— И как со всем этим связан я?

— Мне для него нужен телохранитель, а ты воин, каких еще поискать. Тем более тебе нужна свобода. Хочешь, насколько мне известно, отомстить за своего отца и свое рабство? К тому же человек, который хоть что-то знает об убийце, находится в Германии. Какое странное стечение обстоятельств: скоро римские легионы двинутся именно туда, куда тебе надо, и только тебе решать, пойдешь ты с ними или нет.

Ратибор нахмурился, шагнул вперед и сжал рукоять меча.

— Откуда тебе это известно?! Что ты знаешь об этом?! Отвечай!

-Тише, тише, Ратибор. Не стоит пороть горячку. Успокойся. Мне известно ровно столько, сколько было известно Александру, твоему бывшему хозяину. Я не привык покупать товар, не зная его прошлого. Так что, сам понимаешь, мне нужна была информация о тебе, чтобы... — но русич не дал договорить Марку.

— Чтобы управлять мной! Ты знал, что я не смогу отказать тебе, да?

— Да. Я знал это. Но, по-моему, эта сделка взаимовыгодная. Я даю тебе свободу и возможность действовать, а ты защищаешь того, кто, между прочим, спас тебе жизнь. Расклад честный. Ну, так что, русич? По рукам? — протягивая руку Ратибору, сказал Марк.

— Но я не нянька, запомни! — пожимая руку сенатору, ответил тот.

— Поверь мне, этот мальчик сможет постоять за себя. Да, я думаю, и характеры у вас одинаковые, так что сдружитесь. А теперь прошу к столу: мне кажется, ты соскучился по нормальной еде. Пойдем, пойдем. Выпьем и поговорим о дальнейшем.

Глава 12 ПРОЩАЙ, РЕМ

День катился к закату, и казалось, что хуже уже ничего быть не может. Уставшие от недавних событий и пребывающие в полном неведении относительно того, что ждет их дальше, Луций и его друзья, словно убитые, спали на койках в своей казарме. Публий их больше не беспокоил, и они, как только им указали на их места, немного посидели молча на своих соломенных матрасах, после чего легли и тут же забылись крепким сном. В этот день они были предоставлены сами себе, и сейчас их никто не тревожил.

Правила и законы римской армии были суровы и одинаковы для всех. Еще не пришло то время, когда каждый офицер считал себя богом в своем подразделении, но оно уже было не за горами. Зараза, попав в организм, начала распространяться по телу. Этого пока никто не чувствовал и не замечал, но разве гангрена возникает внезапно? Ее начало невидимо, а последствия приводят к ампутации, а нередко и к смерти. Находясь в своем расцвете, империя пока не чувствовала развивающейся в ней болезни, которая приняла вид мирно спавших в казарме юнцов. Дайте хирургу знания и навыки, опыт и совесть, и он будет спасать людей, но извратите его ум и помыслы — и он превратится в идеального убийцу, вооруженного великолепным знанием человеческой анатомии.

Перевернувшись на бок, Луций негромко застонал, дернулся и снова заворочался. Пот испариной покрыл его тело. Одежда, намокнув, стала прилипать к груди, а он только машинально вытирал во сне влажными руками лицо и перекачивался с боку на бок, что-то бессвязно бормоча.

Луцию снилось, что он очутился в пещере, похожей на бесконечно длинный тоннель. В ней неприятно пахло серой, совсем как в доме у лекаря Велиала, повсюду на земляном полу был разбросан мусор. По обеим сторонам, дрожа огнями, горели масляные лампы, врезанные в каменные стены. Куда идти, было непонятно. Луций стоял посреди этой пещеры, а от него в разные стороны расходилась зловещая темнота. Юноше стало страшно. Заметив, как чья-то тень скользнула позади него и исчезла в непроглядной мгле, он резко обернулся. По его коже побежали мурашки. Луций еще раз осмотрелся по сторонам, шурясь и прислушиваясь, но так ничего не увидел и не услышал. Осторожно ступая, он направился вперед и, пройдя несколько десятков метров, наткнулся на дверь. Осмотрев ее, Луций обнаружил надпись, вырезанную прямо на полотне. Она гласила: «Забудь надежду, всяк сюда входящий». Железная кованая поверхность была покрыта ржавчиной. Луций медленно взялся за массивную узорчатую ручку и тут же, скривив лицо в мучительной гримасе, отдернул кисть, которая моментально покрылась инеем. Сжав руку в кулак, он стал дышать на нее, пытаясь отогреть замерзшие пальцы, посиневшие от ужасного холода, но боль не отпускала. Луций хотел было растереть пальцы, но стоило ему дотронуться до одного из них, как тот внезапно отвалился и, упав на пол, разлетелся вдребезги, словно стекло. Луций в ужасе поднял перед собой руку и с диким выражением лица посмотрел на изуродованную кисть, но тут и она с хрустом отломилась. Юноша заорал, словно резаный, и, сунув обрубок руки за пазуху, развернулся и помчался прочь из этого места. Но как он ни бежал, как ни пытался вырваться из пещеры, дверь постоянно оставалась позади. Вконец выбившись из

сил, он остановился и с удивлением обнаружил, что не проделал и шага. Он крутил головой по сторонам, но выхода не видел — только ржавая кованая дверь с непонятной для него надписью все время оставалась в поле его зрения. Обернувшись назад, Луций понял, что тоннель, по которому он пришел сюда, пропал. Вместо него оказалась глухая каменная кладка. Не зная, что делать, юноша шагнул в сторону, и вдруг в его глазах все засверкало огненно-красным цветом, задвоились тускло горевшие чаши, а его слух пронзил истошный крик девушки. Жмурясь и прижимая к себе искалеченную руку, он отступил назад. Все затихло. Луций остановился. Замер. Затем снова сделал шаг. Снова тишина. И вдруг дверь медленно и со скрипом открылась. Юноша стал неподвижно всматриваться в темный проем, будто в пасть страшного зверя. Он почувствовал озноб, из его рта повалил пар, стало ужасно холодно. Назад пути не было, но в дверь идти ему совсем не хотелось. Однако холод, который с каждой минутой становился все сильнее и сильнее, вскоре сделал свое дело и заставил Луция шагнуть в неизвестность. До этой проклятой двери было метров десять, не больше, но казалось, что он шел до нее очень и очень долго — так долго, что его ноги стали ватными от усталости. Рука болела, а ледяной воздух пронизывал легкие, будто иголками. И вот, наконец, юноша добрался до двери — весь обмороженный, с белыми ресницами и бровями, в заиндевевшей одежде, которая местами промерзла настолько, что совсем не гнулась и была похожа на кусок застывшего гипса. Пересиливая страх, он ступил за порог, и тут же дверь внезапно захлопнулась за ним, не дав ни секунды на то, чтобы понять, что именно произошло. Луций почувствовал себя мышью, попавшей в мышеловку. Его глаза ослепил яркий свет, а в нос ударил проклятый запах тухлых яиц. С трудом разжав веки, юноша увидел картину, не доступную его пониманию: перед ним был другой коридор, еще более темный и холодный. А ведь он так надеялся найти выход за этой зловещей дверью, которая лишила его руки. Понимая, что еще немного, и он замерзнет окончательно, Луций решительно пошел вперед. Буквально метров через двадцать ему навстречу из темноты с криком выскочил пожилой человек безумного вида. Он остановился перед Луцием и трясущимися губами стал бормотать:

— Они бегут за мной. Они все время бегут за мной. Постоянно бегут, преследуют меня. Я не могу больше. Скажи ему, что я не могу так больше. Мой внук, мой внук мстит мне. Да, он мстит мне за дело, и в этом моя вина. Но я не могу больше, не могу. Если бы я знал, если бы я знал. Боги, да что они могут, если он сам бог? Как мы все ошибаемся, как ошибаемся. Я бы... — внезапно он затих и прислушался к тишине. — Слышишь? Они уже рядом. Снова выследили меня. Они всегда выслеживают. От них не спрячешься. Они не пощадили тогда моего внука, а теперь не щадят и меня. Слышишь? Слышишь? Они рядом. Скажи ему, что я не могу так больше! Не могу! — тут старик ринулся в бок и со всей силы ударился о стену, затем осмотрелся и снова взглянул на Луция. — Не могу так больше, не могу!

Он оттолкнулся от стены и с криком бросился в темноту. Только сейчас Луций заметил, что сзади тело старика изодрано в клочья: мясо лоскутами болтается на сухожилиях, а в некоторых местах вырвано кусками так, что видны кости. Не успел несчастный скрыться в темноте, как мимо Луция промчались с лаем несколько псов и бесследно растворились во мраке коридора. И снова холод пронзил его тело до стука зубов, и снова озноб погнал его вперед. Вскоре он разглядел в стене расщелину, покрытую сосульками и инеем. Луций боком пролез в нее и оказался на небольшой площадке над огромным залом, пол которого был вымощен в шахматном порядке белым и черным гранитом.

И вот он смотрит вниз, где на миллионах клеток стоят мужчины, женщины, дети,

старики, животные. Посреди зала, спиной друг к другу, на одном большом троне сидят две фигуры огромного роста. Они одеты в одинаковые балахоны, которые отличаются только цветом: на одной фигуре балахон черный, на другой — белый. Лица незнакомцев скрыты под капюшонами. Они по очереди двигают людей, переставляя их с клетки на клетку. И все вроде бы происходит размеренно и спокойно, пока существо в белом балахоне не вытаскивает из-за пазухи сияющего, словно солнце, человека и не ставит его перед собой. Через секунду еще недавно равнодушные ко всему люди-фигурки начинают покидать свои клетки и медленно стягиваться к этому солнечному человеку. Тут второе существо оглядывается по сторонам, словно ищет кого-то, потом замирает, поднимает голову вверх и смотрит на Луция. Луций понимает это, хотя под капюшоном нет ни лица, ни глаз — сплошная пустота. Еще мгновение, и существо в черном балахоне протягивает к нему свою руку, хватая за шиворот и ставит перед собой. Луций ловит себя на мысли, что боль в его руке прошла, ощущение холода исчезло, и он уже почему-то не чувствует страха. Он вообще ничего не чувствует: внутри него сплошная пустота. Луций вытаскивает искалеченную руку из-за пазухи — она цела и невредима. Он поднимает свой взор на черное существо, а оно указывает куда-то вдаль. Обернувшись в том направлении, Луций видит, как оттуда к ним движется темнота. Она бурлит и шевелится, из ее глубины доносятся шум и лязг железа. Звук нарастает, а мгла приближается, наваливаясь на стоящих по клеточкам людей и поглощая их. Вскоре юноша уже может разобрать, что темнота эта не что иное, как огромный легион солдат, одетых в черные, как ночь, доспехи. Они идут ровным боевым строем, а впереди шагают Ромул, Понтий и Мартин. Подойдя ближе, легион останавливается и в зале воцаряется тишина. И вдруг, словно гром, ее пронзает крик сотен тысяч солдат, которые начинают скандировать:

— Генерал Луций, веди нас! Генерал Луций, веди нас! Генерал Луций, веди нас!

И вот Луций, сам не понимая, каким образом, уже облачен в доспехи, а его голову венчает шлем с черным, свисающим до плеч оперением. Ему подводят коня, и он одним движением вскакивает на него. Легион взрывается криком, солдаты скандируют его имя, ударяя о щиты своим оружием. Луций вытаскивает из ножен меч, рукоять которого напоминает голову змеи, и указывает им на лучезарного человека. Солдаты срываются с места, и огромная масса мчится на безоружных людей, впереди которых стоит солнечная фигурка. Луций прищипривает коня и на всем скаку подлетает к ней, заноса над собой меч и привставая на стременах, чтобы вложить в удар максимальную силу. Вдруг все замирает. Рука по инерции опускается вниз, но доли секунды, за которые она совершает свое движение, кажутся вечностью. За это время Луций успевает увидеть перед собой спокойный лик человека с добрыми глазами, который, улыбаясь, бесстрашно и приветливо смотрит на того, кто вот-вот должен прервать его жизнь. Но тут пауза сменяется новым ускорением, и меч, словно молния, падает вниз, рассекая плоть. Кровь брызгает в лицо Луцию, и он с криком вскакивает с кровати, весь потный от ужаса. Спавшие рядом друзья также срываются с мест, как по команде, не понимая в чем дело. Их друг тяжело дышит, пот крупными каплями стекает по его лицу и капает на пол. Луций смотрит на руку: она цела и невредима. Затем он вглядывается в лица товарищей, которые, в свою очередь, пристально смотрят на него.

— Сон дурной? — тихо спросил Ромул.

Луций кивнул и подошел к окну. Солнце постепенно садилось, жара была уже не такой сильной.

— Завтра нас Публий замордует, — с недовольным лицом произнес Понтий, зашнуровывая обувь. — Это сегодня он нас не трогает, а завтра будем ему в ноги кланяться! А если еще и Клементий узнает, что мы под его командованием, а он обязательно узнает, нас точно тут с потрохами сожрут и не подавятся! — не успокаивался он, все сильнее затягивая ремешки, пока один из них не оторвался. — Ну вот, этого только не хватало!

— Да не переживай ты так. Что будет, то будет, — спокойно ответил Ромул. — На все воля богов.

— Что? Что ты сейчас сказал?! — поднимаясь и подходя к Ромулу, произнес Понтий.

— Я сказал, что на все воля богов и от нас мало что зависит.

— То есть ты хочешь сказать, что эти боги за нас все решают?! Что это они, а не люди разграбили наши дома?! Убили семью Мартина?! Лишили свободы наших отцов?! Загнали нас сюда под командование этого выродка Публия?! То есть у тебя вот так все просто?! Свалить все на богов, и дело с концом?! Ты, жалкий священник! — хватая Ромула за грудки и поднимая его с кровати, прокричал Понтий. — А кто ответит за содеянное? Тоже боги?!

— Остынь, Понтий! Остынь, я сказал! — подходя к нему и отталкивая его от Ромула, вмешался Луций. — Между собой еще отношения выяснять не хватало! Что сделано, того не вернешь! Теперь нужно думать о том, как этот месяц продержаться. Я сейчас пойду к Марку, а вы тут постарайтесь не поубивать друг друга до моего возвращения. И присмотрите за Мартином, как бы не натворил чего, — уже спокойным голосом сказал он. — А тебе, Ромул, хватит болтать о божественной справедливости и неотвратимости происходящего! Мы сами себе хозяева, а богам плевать на нас, и, если кто и делает что-то хорошее для нас, так это Марк. Так что, Ромул, можешь молиться ему с этого момента, — зло ухмыльнулся Луций и вышел из казармы.

До Рима юноша добрался, когда уже совсем стемнело. Ему предстояло пройти окраиной города для того, чтобы выйти на дорогу, ведущую к вилле Марка. Пробираясь там по узким, темным, не освещенным улочкам Луцию не очень хотелось, но это был самый короткий путь, и, немного поразмыслив, он все же направился туда. Время неумолимо ускоряло свой бег, а ему нужно было до рассвета вернуться обратно. Пройдя один квартал, он остановился, пораженный непривычной, зловещей тишиной, которую нарушало лишь журчание воды за углом, в квартальном фонтане в нескольких десятках метров от него. Оглядевшись, Луций быстрым шагом направился на звук и вскоре увидел перед собой стелу с округлой чашей внизу. Свет от луны, с трудом проникавший в пространство между крышами двух зданий, позволил Луцию разглядеть высеченный на стеле лик божества. Из его уст вытекала струйка воды и, брызгами разбиваясь о поверхность озера в чаше, манила своей прохладой. Луций поспешно подошел к фонтану, жадно попил и умылся, избавляя руки, лицо и шею от пыли и пота. Немного передохнув, он снова осмотрелся. «Днем здесь, наверное, не протолкнуться», — подумал про себя Луций, разглядывая ветхие окраинные строения.

Он снова прислушался и взгляделся в переулки, которые лабиринтом расползались в разные стороны от фонтана. Вокруг было тихо и пустынно, и только звук текущей воды нарушал царящее здесь безмолвие. Вдруг позади Луция кто-то закашлял. От неожиданности юноша вздрогнул и резко обернулся. Рядом с фонтаном, наклонившись, стоял старец и, зачерпывая ладонью воду, неспешно пил. В лунном свете он был похож на приведение. Вода стекала по его густой седой бороде и падала с нее каплями, сияя серебром. Напившись, незнакомец прислонил посох к чаше, а сам присел на край фонтана. Видя изумленные глаза Луция, он посмотрел вокруг себя и, убедившись в том, что парень изумленно смотрит

именно на него, тихо произнес:

— Здесь нет никого, кроме нас. Кто же вас так напугал? Неужели я?

— А почему вы решили, что я испугался?

— Ну, а как же? — кашлянул в кулак старик. — У вас измученный вид и напряженный взгляд, будто вы чего-то боитесь. А может, у вас случилось какое-то горе? Тогда не мудрено, что вы так потрепанно и изнуренно выглядите.

— И что, это так заметно по моему лицу?

— Нет, не по лицу — по глазам. В них гаснет душевный огонь. Вера гаснет в ваших глазах. Я много странствовал и не раз видел таких, как вы, молодой человек. Вернуться из темноты гораздо сложнее, чем войти в нее. В нее человек входит из света, где все видно, все понятно. Но по ту сторону лишь мрак и пустота, и нет ни выхода, ни входа. Человеку там легко потеряться. Там истиной кажется совершенно не то, что является ею на самом деле.

— Спасибо за лекцию, но я спешу.

— Боитесь опоздать туда, куда опоздать невозможно?

— В смысле?

— В прямом. Я бы дал вам совет, молодой человек, но вы вряд ли будете слушать старца. Недавно я убеждал одного стражника в том, что все люди равны и рабом никто не рождается. Я призывал его к мудрости и доброте.

— И? — заинтересовался Луций.

— Финал был привычен и предсказуем, — старик с унынием опустил руку в фонтан и поводил ею по воде. Луций вопросительно сдвинул брови и прищурился.

— Я имею в виду, что люди, ставящие себя превыше всех, сами являются рабами того, кто их создал. Только вот почему-то их создатель не творит с ними то, что они творят друг с другом. Все это привело к тому, что очень сильное и страшное существо пришло сюда, в этот мир, дабы сотворить с вами то, что вы творите друг с другом. И ты, Луций, сам того не ведая, становишься его оружием возмездия, втягивая в круговорот страшных событий всех тех, кто близок тебе и кто имеет к тебе хоть какое-то отношение. В тебя, словно в омут, погружаются его идеи, и ты, сам того не осознавая, претворяешь их в жизнь. Ты принесешь много страданий людям, прежде чем поймешь это. А быть может, ты не поймешь этого никогда.

— Что ты несешь? Как ты узнал мое имя? — изумился услышанному Луций.

Он хотел было подойти поближе к старцу, который пристально смотрел на него мудрым взглядом из-под косматых бровей, но сзади послышался шум повозки. Ее обитые железом колеса дребезжали по брусчатке, и Луций невольно отвлекся на звук, на мгновение потеряв старика из виду. А когда он повернулся обратно, на месте, где еще секунду назад сидел незнакомец, была пустота. Лишь лунный свет, падая на фонтан, переливался серебряной пылью и сказочно красиво мерцал на темной воде. Через мгновение все вокруг ожило и зашевелилось, а улицы наполнились привычным шумом. Стучала выехавшая из-за угла повозка, которая подвозила товар к лавкам, вдалеке слышались возгласы, лошадиное ржание, чья-то ругань. На все это отзывались залиvistым лаем собаки. Рим никогда не спит, и даже его окрестности, какими бы захудалыми они ни были, постоянно пребывали в суетливом движении. Луций некоторое время простоял замороженный, но так и не понял, состоялся ли недавний разговор на самом деле или встреча со старцем ему привиделась.

— Б-р-р-р-р! — попытался он избавиться от наваждения и, наклонившись к чаше с прохладной водой, стал умываться. Остудив голову и придя в себя, Луций направился туда, куда так сильно спешил. Вскоре дорога перед ним расширилась, открывая освещенный

участок. Лунный свет, падая сверху, словно сказочный водопад, струился на мостовую, вымощенную базальтовыми плитами, и делал ее похожей на панцирь гигантской черепахи. Луций даже остановился, пораженный окружавшей его красотой. Он смотрел, восторгаясь и удивляясь: и это в таких-то трущобах! Проходя по восхитившей его мостовой, он заметил надпись, вырезанную на гранитной табличке: «Клавдию Дементию, который провел здесь свое детство, посвящаю. Клавдий Марк Нерон».

«Надо же! Наверное, Марк и впрямь любил своего родственника. Зря отец сомневался в этом. Сколько же денег нужно, чтобы такое замостить здесь? А главное, для чего? Все равно эта нищета не оценит», — оглядывая обшарпанные и покосившиеся дома, подумал про себя Луций.

Какое-то движение вдалеке привлекло его внимание. Присматриваясь и почесывая руку, юноша медленно направился вперед и вскоре увидел, что в глубине улицы возился человек. Он то останавливался, то опять начинал двигаться и, наконец, шатаясь, прислонился к стене. Громко ругаясь, он несколько раз со всей силы ударил кулаком по каменной кладке. Затем начал биться об нее головой и, наконец, опершись на холодную стену и закрыв руками лицо, засмеялся нечеловеческим смехом.

«Пьян в стельку, зараза! Напугал аж!», — наблюдая за происходящим, подумал Луций. Между тем мужчина, бормоча невнятные слова, побрел по переулку. Прохожий был уже в возрасте, с седой головой. Поравнявшись с Луцием, он внезапно остановился и, повернувшись к юноше, схватил его за тунику. Луций уже приготовился дать отпор выпивохе, но тот, дыша ему в лицо перегаром, вдруг заплакал и произнес:

— Я дерьмо, а не человек! Понимаешь?! Я ведь ненавидел их, но не ее! А теперь, теперь ее нет. И их нет. И меня нет. Я глупец! Старый, никому не нужный осел, погубивший ту, которую любил. Понимаешь?!

Луций презрительно смотрел на странного прохожего. Затем он медленно разжал его руки и молча отпихнул от себя. Мужчина пошатнулся, но сумел поймать равновесие и замер на широко расставленных ногах. Затем махнул рукой и жалобно всхлипнул.

— Да что ты понимаешь, сопляк?! Что ты вообще понимаешь в жизни? — сказал он и неуверенной походкой направился прочь.

Неравномерные звуки его шагов и заплетающиеся слова еще долго доносились до Луция, который с отвращением смотрел вслед удаляющемуся незнакомцу. Если бы он только знал, кто сейчас говорил с ним! Тогда бы все могло обернуться по-другому. Кто знает, добрался бы тогда старый Помпей в тот день до дома? Да и он сам не мог и предположить, что встретит сына того, кого так люто ненавидел и из зависти и ненависти к кому совершил то, о чем теперь, по всей видимости, страшно сожалел. Но судьба для каждого из них приготовила свой удел. Хотя, судьба ли?

Сворачивая в переулок, пьяный споткнулся о какой-то сверток, лежащий на углу улицы, и, ругнувшись, продолжил свой нелегкий путь. Тем временем сверток зашевелился и привстал, обретая силуэт человека. Он поднялся, закутался в свое тряпье и медленно направился за Помпеем, сверкнув из-под капюшона злобным кроваво-красным глазом.

Луций, ускоряя шаг, пробирался к выходу из города. Неожиданно его внимание привлек ритмичный шум, вначале неясный, но затем все более отчетливый. Он отражался эхом от фасадов домов, не давая определить его источник. Вскоре все прояснилось: из-за угла появились солдаты, они быстро спускались по лестнице стройной колонной. Солдат было девять: восемь новобранцев и старший по званию — командир. Луций остановился, чтобы

пропустить патруль, но, проходя мимо него, начальник караула замедлил шаг и присмотрелся к юноше.

— Луций? — подходя к нему почти вплотную, спросил он. — Луций Корнелий?! И что мы тут делаем?! Почему не в лагере?!

В солдате Луций узнал Кассия. Да, сомнений быть не может: это он.

— Интересно, ну почему мне на вас так везет? — сквозь зубы еле слышно произнес Луций.

— Что ты сейчас сказал, сын отребья и предателя?! — сказал Кассий, и его солдаты немедленно окружили новобранца.

— Ничего! — выпрямившись в струнку и приняв позу, какую принято принимать при виде офицера, отчеканил тот.

Кассий улыбнулся. Он занимал должность опциона, то есть был правой рукой и заместителем своего друга Публия, который служил центурионом в лагере для новобранцев. И, как теперь было ясно, Публий рассказал Кассию о прибытии в лагерь Луция и его друзей. В общем-то, Луцию было все понятно уже тогда, когда они еще только узнали о том, кто будет их командиром. Теперь для полного счастья ему оставалось только попасться на глаза Клементию, чтобы уж наверняка их распяли на глазах у всего строя. А ведь эти красавцы сделают для этого все возможное. Они с радостью добились бы их еще тогда, в школе, или в том овраге, если бы не вмешался Марк. Теперь у них появился шанс поквитаться за свою обиду с теми, кого они презирали и считали недочеловеками из-за прошлого их отцов.

— Вот и правильно, что ничего! Что ж, пользуйся своим правом свободы до рассвета, выродок. Странно, что ты так далеко ушел от своего лагеря, но тем лучше для нас! — усмехнулся Кассий. — Ладно, пойдем, пускай гуляет. Судьба, я вижу, к нам благосклонна. Да! Мой обход заканчивается как раз под утро, и я приду посмотреть на тебя. Надеюсь, ты будешь на своем месте, — уже уходя, произнес он.

— Ну вот, — тихо произнес Луций, садясь на корточки. — Почему?! Почему?! Ну, почему же все это происходит со мной?! Почему этим тварям достается все, а мне ничего?! Богатенькие сынки! Испражнения своих бездарных родителей! Помер Силан — туда ему и дорога! Забрал бы с собой и своего выродка, так нет же! Хорошо жить за славой своих родителей: тут тебе и чины, и помощь всякая! Но ничего, ничего... Я еще покажу всему Риму, кем были наши отцы! Я еще добьюсь того, что обо мне заговорят как о равном. И тогда, тогда... — стиснув зубы до хруста и сжав кулаки, прошипел Луций, затем быстро встал и бегом побежал к Марку.

Помпей подошел к дому. Его жилище располагалось почти на самой окраине города в небольшом строении на первом этаже. Это все, на что он смог скопить после того, как его перевели на должность писаря и архивариуса. Много лет назад он шел по головам, чтобы стать начальником охраны, но ему на смену пришли более молодые и проворные, с большими связями, чем у него. И, как это часто бывает, его попросили. Попросили культурно и вежливо, так как он много лет был преданным и услужливым псом при той системе, которая его, в конце концов, и вытеснила на задворки госслужбы, кинув ему напоследок в виде подачки небольшое денежное довольствие, которого хватало лишь на то, чтобы не помереть с голоду. И хотя у Помпея был доступ к документам, он заведовал лишь тем крылом, где собирались маловажные жалобы и прошения. Ему пришлось тогда хорошо потрудиться, чтобы подделать бумаги. Для этого он воспользовался случаем, когда его

прямой начальник передал ему на хранение ключи, а сам уехал на несколько дней по государственным делам в галльскую провинцию. Он понял в тот момент, что лучшего шанса у него не будет. Казалось, боги сами хотели, чтобы он отомстил Корнелию и той женщине, которая так и не нашла маленького уголка для него в своем сердце. А ведь он, Помпей, столько лет потратил на то, чтобы получить хорошую должность, столько людей оклеветал и погубил ради этого и столько времени убил на нее, непреступную, словно крепость афинян. И вот теперь все кончено.

Он неуверенно открыл калитку и ступил во двор. Собака, не признав его, начала лаять. Он непристойно выругался и швырнул в ее сторону какой-то кувшин, который разбился вдребезги. Пес, завизжав, спрятался в темноту, но шум разбудил соседку сверху, и она, высунувшись полураздетая в окно, стала бранить Помпея на чем свет стоит. Тот тоже обругал ее и, шатаясь, ввалился к себе. С трудом ориентируясь в пространстве, архивариус зажег лампаду, достал кувшин вина и чашу и уселся за стол. Изрядно выпив, Помпей подпер голову рукой и начал плакать навзрыд, вспоминая Ливию, которую так любил и которой больше не было, причем по его же вине. Даже сейчас перед его глазами стояло лицо того солдата, который с радостной ухмылкой рассказывал ему о произошедшем. Рассказывал, сидя на скамье в госпитале, так, словно он получил рану в бою, а не от маленькой и беззащитной девчонки. Тогда, слушая его бахвальство, Помпей стоял, словно пьяный, и в голове его все кружилось и звенело. Да, он сам все это затеял и предполагал, чем все может закончиться, но даже не думал, что итогом станет убийство Ливии и ее детей. Он рассчитывал наказать гордячку за неприступность и надеялся, что уж тогда-то она приползет к нему за помощью, которую он ей великодушно окажет. Тогда-то он, милосердный Помпей, не даст ее семье погибнуть от голода и станет для нее защитой и опорой. Устранив Корнелия и его ничтожных дружков и отобрав все у Ливии, он хотел оказаться для женщины единственным шансом на спасение, но стал невольной причиной ее гибели. Он просчитался лишь в одном, когда подделывал бумаги: государственные преступники лишаются защиты государства, и солдаты вправе поступать с ними на свое усмотрение, если, конечно, нет особого приказа сверху. А такого приказа не было. Некий Марк Нерон поставил свою подпись лишь за семьи Корнелия, Ливерия и Кристиана, и их кровь не была пролита. Но никто не поручился за семью Ливии. Он хотел уничтожить их, а получилось все с точностью до наоборот. И когда Помпей глядел в радостное и бравое лицо того солдата, он хотел вцепиться ему в горло и придушить прямо на месте, но так и не осмелился пойти против системы. Именно за то он и ненавидел Корнелия, что тому хватало отваги самостоятельно принимать решения и брать ответственность на себя. Он же, Помпей, никогда не мог позволить себе такой роскоши. Пресмыкаясь перед начальством, он карабкался по служебной лестнице, подставляя других. Вот и сейчас он улыбнулся, скривив лицо и дергая глазом, и похвалил солдата за то, что они все правильно сделали и хорошо выполнили свою работу. А сам на подкосившихся ногах, не помня себя от горя, вышел из госпиталя и, завернув за угол, чтобы его никто не видел, разрыдался, словно мальчишка. Потом все было, как в тумане. Помнил хорошо он только то, как сломя голову мчался сюда, как встретил по дороге своего приятеля и узнал от него, что один из солдат попал в госпиталь, как надеялся, что его ранение было получено в схватке с бунтарем Корнелием. Лишь позже он узнал, что Пророк, действительно, не сдался без боя, и что все, на кого был написан донос, были схвачены и закованы в железо. Однако весть об этом не принесла ему ни радости, ни удовлетворения, на которые он так рассчитывал. Ему казалось, что даже здесь Корнелий

обошел его. Обыграл, обставил и растоптал — теперь уже окончательно. Если бы он мог все вернуть назад, если бы только мог... Раз за разом перед его мысленным взором возникала та сцена, когда на лужайке возле чужого дома бегали и играли трое девчушек, а прекрасная, хотя уже и в годах, женщина выходила к ним и обнимала их. Тогда еще все можно было исправить, но единственное, что он сделал, это спрятался, спрятался за дерево, словно трус.

Помпей хотел налить себе еще вина, но, когда потянулся за кувшином, лампада погасла, а воздух неожиданно наполнился странной прохладой. Пошарив по столу, архивариус нащупал светильник и, держась за стену, направился к жаровне, которая тлела у входа, чтобы снова запалить фитиль. Вернувшись обратно, он вздрогнул от неожиданности и едва не выронил горящую лампаду из рук. За его столом сидел юноша, одетый в какое-то неприглядное тряпье. Он был немного горбат, а правый глаз его был красен, словно налит кровью, отчего на него было не очень приятно смотреть. Незнакомец, подергиваясь всем телом, произнес ломающимся голосом:

— Садись, Помпей, не бойся.

Старый солдат медленно, не сводя глаз с необычного посетителя, разместился напротив.

— Меня зовут Авера. Ты, наверное, об этом хотел спросить?

Помпей кивнул головой в знак согласия и поставил лампаду на стол. Но Авера отодвинул ее дальше от себя и ближе к своему собеседнику, проговорив:

— В последнее время я не очень люблю свет: он режет мне глаза. Темнота мне нравится куда больше, в ней все одинаковы. А днем... — юноша прикрыл веки и стал жадно нюхать воздух, словно пес, — днем от вас всех несет тщеславием и пафосом, вы все стремитесь покрасоваться друг перед другом, выставляя себя напоказ, как продажные девки. Сейчас большинство из вас спит, и от этого даже дышать становится легче, тогда как днем вы смердите своими грехами, словно клопы. Чувствуешь? Чувствуешь? — снова начал глубоко втягивать ноздрями воздух Авера.

Помпей, не понимая, что происходит, тоже попытался принюхать вокруг себя, но, так ничего и не почуяв, вскоре снова уставился на своего гостя. Тот лишь улыбнулся на удивление ровной и белоснежной улыбкой.

— Конечно, ты ничего не чувствуешь. Как можно почувствовать вонь от самого себя?

— Кто ты такой?! И что ты делаешь у меня дома?! Убирайся, пока я тебе ноги не переломал! — не выдержав такой наглости от незваного гостя, повышенным тоном произнес Помпей, привставая за столом. На это Авера лишь ухмыльнулся и, снова передернувшись всем телом, тоже приподнялся.

— Я уйду только с тобой, Помпей, сын Брута. За этим я и пришел сюда, и, поверь, не тебе диктовать мне условия.

После этих слов бечевка, которая висела на вбитом в стену крюке, упала на пол, распуталась, змеей подползла к Помпею и одним концом обвилась вокруг его шеи, а другим перекинулась за перекладину под потолком и завязалась узлом. Затем веревка резко натянулась и архивариус, невольно ухватившись за петлю, вытянулся по струнке. Еще через мгновение бечева затащила его на стол. Беспомощно перебирая ногами, Помпей опрокинул стоявший на нем кувшин, и вино, словно кровь, растеклось по его поверхности и стало капать на пол. Авера вышел из-за стола и встал напротив Помпея, который безумными, выпученными глазами смотрел на него сверху вниз. Его вены набухли, лицо побагровело от напряжения, а веревка продолжала медленно натягиваться, заставляя его становиться на

цыпочки. Вдруг бечева ослабла, и архивариус рухнул вниз, приземлившись на четвереньках на стол и оказавшись лицом к лицу с Аверой. Помпей прерывисто закашлял и часто задыхался.

— Ну, спрашивай, Помпей. Я же вижу, как ты мучаешься этим вопросом, даже стоя одной ногой в могиле.

— Что ты такое? — проглотив пересохшим горлом слюну, произнес тот. — Ты бог? За что ты это делаешь со мной? В чем я перед тобой виноват?

— Бог? — рассмеялся Авера. — Куда мне до бога? Я порождение человечества, я ваше дитя, созданное по вашему образу и подобию своим отцом. В чем ты виноват передо мной? Ни в чем. Но ты виноват перед моим повелителем, перед самим собой и перед тем, кто вас так любит и кто отвернулся от тебя за грехи твои.

— Я не понимаю, — тихо произнес Помпей, окончательно прокашлявшись.

— Хорошо, я растолкую тебе! — схватив его за волосы, Авера подтащил архивариуса поближе к себе и прошептал ему на ухо: — Тебе передает привет Ливия. Надеюсь, ты еще не забыл такую? А также ее дочери, в особенности маленькая Юлия. Ах, как она, бедняжка, страдала на смертном одре. Тебе же известно, по чьей вине они погибли? А Мартин? Он продал частицу себя за то, чтобы я нанес тебе визит. Мне это не составило труда: такую тварь, как ты, я чувствую за многие километры. Так что передо мной ты не виноват, Помпей. Ты виноват перед ними и перед самим собой, старый глупец! А я, я прощаю тебя! — после этих слов веревка вновь натянулась, и Помпей резко взлетел к потолку, схватившись за нее руками. Его ноги задергались в воздухе, он затрепыхался, захрипел, но вскоре обмяк и стал медленно раскачиваться под потолком, отбрасывая зыбкую тень, дрожащую в тусклом свете лампы.

Незнакомец исчез из комнаты так же внезапно, как и появился в ней. Фитиль еще какое-то время горел, скудно освещая опустевшую комнату, но постепенно его мерцающий огонек ослабел, затем несколько раз дернулся и, испустив последний вздох в виде густого сизого дыма, погас.

Тело Помпея нашли только после того, как его зловонный запах пополз из комнаты вверх по этажам, — до этого никто про него и не вспомнил. Хоронить его также никто не пришел, и погребальная служба просто скинула его тело в большой колодец за городом, туда, куда каждый день сваливали сотни трупов бездомных и рабов. Таковы были правила в городе. Такова была участь того, кто прожил свою жизнь так же, как прожил ее Помпей, — не обзаведясь ни родственниками, ни детьми, ни славой, ни надгробием. Все, что заслужил старый архивариус на закате дней, это могильник, полный никому не известных тел.

Луций попал к Марку уже на рассвете, когда, по сути, ему уже нужно было возвращаться обратно в лагерь. Он остановился у кованых ворот и, обернувшись назад, посмотрел поверх пыльной дороги туда, откуда только что пришел. Он прекрасно отдавал себе отчет в том, что обратно вовремя не успеет вернуться. Но и к Марку не пойти он тоже не мог.

— Что же, будь что будет, — тихо проговорил он и быстрым и уверенным шагом прошел за ворота виллы.

Марк при виде Луция приветливо улыбнулся и предложил ему присесть. Видя, что тот нервничает, сенатор извинился за то, что вызвал его к себе, и объяснил приглашение тем, что его вилла лучше подходит для спокойной беседы о том, что произошло и как нужно действовать дальше.

— Сам пойми, Луций: я слишком рискую, скрывая вас. О времени не беспокойся, я задержу тебя ненадолго, — сказал он и в подтверждение своих слов перевернул песочные часы. — Не успеет последняя песчинка упасть, как мы закончим наш разговор.

Странно, но его слова звучали для Луция так убедительно, что юноша, едва взглянув на часы, успокоился и уселся на ложе. Марк позвал Асмодея, который тут же принес кувшин с молоком и немного съестного.

— Ешь. Наверняка у тебя во рту и маковой росинки не было со вчерашнего дня. И не поглядывай на часы: время не любит счета — оно подвластно лишь тем, кто не замечает его.

Луций отломил кусок хлеба и, жадно запивая молоком, стал уплетать за обе щеки. Вскоре пришел Сципион. Он молча присел рядом и положил на стол свой клинок. Увидев меч, Луций чуть не поперхнулся. Проглотив то, что было во рту, он с опаской посмотрел на оружие. Его рукоять была выполнена в виде змеи с драгоценными камнями вместо глаз. Да, этот меч он впервые увидел еще тогда, когда только познакомился со Сципионом. Но почему же теперь он так пугает его и одновременно манит, завораживает? До того, как ему приснился этот странный, похожий на реальность сон, Луций как-то не предавал мечу значения, но сейчас, видя рядом с собой это красивое оружие, глядя на его искусную отделку, он страстно возжелал заполучить его себе. Ему захотелось этого настолько сильно, что у него зачесались и загорелись ладони. Мысль о мече настолько овладела им, что юноша забыл поинтересоваться судьбой своего отца и брата. Словно загипнотизированный, он вглядывался в каждую линию клинка, и Марк, заметив это, слегка улыбнулся, взял меч и положил его перед Луцием.

— Этот меч сделал один очень искусный мастер. По крепости стали и остроте лезвия ему нет равных. Мастера звали Исхил, он жил очень давно. И вот на закате своих дней он решил выковать самое совершенное оружие, которому не было бы равных по красоте, остроте и прочности. Долгие шесть лет он трудился над этим мечом, а когда работа была завершена, испугался.

— Чего? — оторвав взгляд от клинка, спросил Луций.

— Он испугался того, что сможет сделать оружие еще лучше этого и, чтобы меч навсегда остался непревзойденным и неповторимым, мастер сам кинулся на его острие. Так что этот клинок отведал человеческой крови практически в момент своего рождения. Он забрал жизнь того, кто создал его. Страшная сила заключена в нем, — Марк отодвинул клинок в сторону. — Но я позвал тебя не для того, чтобы рассказывать об оружии.

Луций внимательно посмотрел на него и на сидящего рядом Сципиона.

— Твой отец сейчас находится в подвалах городского суда, и вскоре его и его товарищей, скорее всего, казнят. Их имущество, земли и дома отобраны в пользу государства и будут проданы с молотка. Кстати, ваши соседи уже подали заявки на участие в торгах. Не успел остыть труп, как с него уже начали стягивать обувь, — осуждающе покачал головой Марк. — Всех родственников приказано найти и казнить. Детей и жен — продать в рабство, чтобы возместить потери государства. Вот такие скверные новости, мой мальчик. Я сам, когда услышал их в сенате, не мог поверить собственным ушам.

Луций побледнел, привстал и дрожащим голосом произнес:

— Что же делать, Марк?

— Не знаю, Луций, не знаю. Маркуса и Аверу я отправил с Велиалом, он как раз поехал собирать новые травы для своих снадобий и несколько месяцев пробудет в странствии. Поэтому за твоего брата я сейчас спокоен. Меня больше волнуешь ты и твои товарищи.

— А как же мой отец и его друзья? И их семьи? Что будет с ними?

— Я не знаю, что тебе на это ответить, Луций. Все слишком круто повернулось, и здесь я уже вряд ли смогу помочь. Я и так рискую и своим положением, и даже жизнью — сам пойми.

— У отца был раб, Леонид. Точнее не раб, а вольноотпущенник. Он давно уже стал членом нашей семьи. Маркус был очень привязан к нему, да и я тоже. Что с ним?

— Убит, — сухо ответил Сципион. Солдаты зарезали его, когда он вместе с твоим отцом пытался спасти Маркуса и Мартина.

— Убит? — опустив голову, тихо промолвил Луций. — А остальные? Рабочие?

— Пока задержаны. Их, скорее всего, отпустят. Ведь твой отец дал им вольные. Впрочем, грамоты могут признать незаконными, и тогда людей продадут на невольничьем рынке как рабов.

— Что же это, Марк? Конец? Вот так все разом, за один день? И ничего нельзя сделать?

Марк встал и, потирая переносицу, стал хмурить брови и нервно ходить по комнате. Жестиколируя, он что-то бормотал себе под нос, затем остановился и внимательно посмотрел на юношу:

— Есть один выход, Луций, — неуверенно и не очень охотно произнес он.

— Какой? — словно за соломинку, ухватился Луций за эти слова.

— Да нет, не стоит. Он слишком рискованный, и в случае неудачи я могу потерять не только ваших родителей, но и вас самих.

— Дайте ему выбор, господин. Путь решит сам, способен ли он на такое или нет, — вставая из-за стола, сказал Сципион, отошел в сторону и встал в тени, отвернувшись и опершись о стену, словно он здесь ни при чем.

— Я готов на все, Марк! Я на все пойду, правда, на все, чтобы спасти их!

— Спасти? Разве ты хочешь только спасти их? Разве этого тебе будет достаточно? Если да, то, Луций, мы потеряем наши головы напрасно. Спасти их не значит победить.

— Нет, — сжав кулаки, ответил юноша.

— Так чего тогда ты хочешь? Здесь все свои, Луций, ответь мне, не стесняйся!

— Я хочу мести! Хочу добраться до тех, кто совершил все это! Хочу сделать так, чтобы такое больше не повторялось ни с кем!

— Тогда, Луций, тебе придется убить императора Тиберия, ведь это он подписал тот указ. И еще многих других, кто стоит за этим. А раз так, то мне не сносить головы, если я стану помогать тебе, а ты потерпишь неудачу. Ведь замахнувшись на власть, мы не сможем повернуть обратно или остановиться. А для того, чтобы, как ты выразился, такое впредь не происходило, тебе самому нужно стать императором.

От услышанного у Луция потемнело в глазах и зазвенело в ушах. Императором?! Шутка ли. Марк, наверное, сошел с ума, раз говорит об этом. Он обычный мальчишка из простой семьи, даже не из знатного рода. Да как это вообще возможно? Он и мечтать о таком не смел. Вот воином стать хотел, это да: как отец — центурионом, максимум примипилом. А тут — императором. Императором вечного города Рима. Правителем. Он, Луций. Но когда юноша поднял взор, чтобы сказать об этом Марку, он понял, что тот не шутит. Каменное, точеное, словно высеченное скульптором, прекрасное лицо сенатора излучало холодную уверенность, а его черные, словно угли, глаза насквозь прожигали Луция своим взглядом.

— Возможно ли такое, Марк? — только и вымолвил юноша.

— Возможно все, если страстно этого желать. Желать настолько сильно, чтобы ради

исполнения этого желания поставить на кон свою душу. Вот ты, Луций, желаешь? — подойдя практически вплотную к парню, спросил Марк зловещим голосом.

И Луцию стало страшно. Страшно от того, что его желание было именно таким. Юноша закрыл глаза и на секунду представил себе волшебную картину: звуки фанфар, белоснежная колесница, запряженная шестеркой отборных скакунов в золотой сбруе, и на колеснице он сам в роскошной тоге. Сверху летят лепестки роз, а вокруг толпы народу скандируют в унисон: «Цезарь Луций! Цезарь Луций! Цезарь Луций!». И вот он поднимает руку вверх, приветствуя собравшихся, и в этот момент повсюду разносится тысячью голосов шум радости и восторга.

— Ну, так что, Луций? Ты готов принять решение? — врезался в мечты юноши голос Марка. И Луций, открыв глаза, почти шепотом произнес:

— Готов.

— Вот и прекрасно.

После этих слов Луцию стало жутко холодно. Озноб пробежал по всему его телу, от головы до пят. Немного придя в себя, юноша нахмурился в задумчивости. Заметив это, Марк спросил:

— Что мучает тебя?

— Но как узнать, — произнес Луций хриплым голосом, — достоин ли я такой власти?!

Марк стоял, выпрямившись, и в тот момент казался Луцию недостижимым, великим и умным провидцем. Прикажи он юноше вскрыть вены, и тот бы безропотно сделал это. Будто это был и не человек вовсе, а что-то невысказанное, могущественное и сильное, что-то страшное и пугающее — до бессилия в ногах и до смятения в душе.

— Достоин ли ты такой власти? Достоин ли? — как-то тихо и страшно произнес Марк и крикнул: — Рем! Рем, ко мне!

Послышались цокающие когтями по мраморному полу шаги, и к ним, виляя хвостом и прижимая уши, выбежал пес. Увидев хозяина, Рем кинулся к Луцию, а тот стал радостно тереть его холку и, опустившись перед ним на колени, гладить морду, которую собака так и норовила сунуть юноше в лицо. Повизгивая от восторга, она покружилась возле Луция, а когда тот сел на ложе, легла в его ногах, преданно прижимаясь к хозяину. Юноша посмотрел на пса и улыбнулся — совсем как тогда, когда Марк впервые вынес его еще щенком и подарил ему.

— Марк, спасибо тебе, — хотел было еще раз поблагодарить его Луций, но сенатор резко перебил его.

— Убей его, — подойдя к столу и пододвинув к Луцию меч, произнес он.

— Кого? — растерянно переспросил Луций.

— Убей свою собаку, Луций. Живо!

Луций непонимающим и пустым взглядом посмотрел на Марка, затем перевел его на Сципиона и снова на Марка. В воздухе повисла тишина. Луций, с трудом проглотив слюну, дрожащим голосом произнес:

— Зачем, Марк?

— Ты спросил у меня, достоин ли ты такой власти? Вот я и хочу узнать, достоин ты ее или нет. Быть императором, Луций, — продолжал Марк с невозмутимым лицом, — значит, быть богом! Для правителя нет воздаяния за грехи его. Власть — это порождение убийства. К власти всегда идут через преступление, Луций. У того, кто правит миром, не должно быть сострадания ни к врагам своим, ни к друзьям своим, если те будут препятствовать его

власти. Сам подумай и поразмысли: кто сможет обвинить императора в убийстве или несправедливой казни? Обвиняют всегда лишь в неудачах, в провалах, в поражениях в битвах. Только слабость духа не прощают правителю. Или ты думал, что власть так легка, как ты ее себе представлял? Не строй иллюзий, Луций! Если ты хочешь отомстить и добиться того, о чем мечтаешь, тебе придется убивать, причем не всегда врагов. Нередко убивать придется ради того, чтобы заставить людей подчиняться тебе, слушаться тебя. А как ты сможешь держать в страхе людей, если даже сейчас ради своей мечты не можешь совершить такое простое убийство? И, заметь, я не прошу тебя убить человека, хотя до этого ты был настроен разделаться со всеми своими врагами. Но как, Луций, как ты сможешь разделаться с ними, если не способен уничтожить собаку? А ведь человека зарезать — это тебе не волка на охоте придушить.

У Луция голова горела и кружилась, словно от вина. «Убить ради власти? Пожертвовать тем, кто предан тебе и любит тебя? Ради нее, ради вечной славы? Ради бесстрашия и господства над всеми? Могу ли я взять на себя такое?», — думал Луций, а его рука уже сама тянулась к мечу. Медленно взяв клинок, юноша положил его к себе на колени и замер: «Но имею ли я право на власть? На такую власть? Ромул убил своего брата, и теперь бессмертный город назван в его честь. Цезарь разделался со своими друзьями, и теперь его имя носят императоры. Но ведь я не они! Я ведь всего лишь...».

— Да, ты всего лишь человек, Луций, но и они были людьми. Только они желали власти и добились ее, несмотря ни на что. И теперь их имена будут звучать вечно. А вот твое? Что будет с твоим именем? Решать только тебе, — произнес Марк, попадая точно в ход мыслей Луция. — Рим умирает, Луций. Его нужно спасать. Ты же сам видишь, что происходит. Ты сам испытал на своей шкуре нелепость и глупость нынешней власти, ее несправедливость к тем, кто был ей так предан. Народу нужен новый правитель и новый закон. Ты будешь для них новым богом!

Рем радостно вилял хвостом и лизал ногу своего хозяина, когда острое и холодное лезвие покинуло ножны. Пес только взвизгнул, дернулся и затих. Что-то липкое и вязкое очутилось на руках Луция. Не глядя на собаку, он медленно положил окровавленный меч на стол, повернулся и посмотрел на песочные часы, и в тот же момент последняя песчинка скатилась по гладкому боку стеклянной колбы и рухнула вниз к остальным. Голова закружилась, и Луций, сделав шаг назад, потерял сознание.

Сципион взял меч со стола, подошел к его телу и вытер об него оружие, после чего вложил клинок в ножны и произнес:

— А если бы он отказался?

— Тогда бы ты прикончил его и всех остальных. Но я шел к этому столько времени не для того, чтобы мой выбор пал на кого попало. Мальчик принесет нам победу. Его душа, словно глина: умелый гончар сможет слепить из нее шедевр, тогда как дилетант попросту испортит материал. Мой брат сегодня лишился хорошего куска добротной глины. Он не простой человек, не такой, как все остальные. Подобные ему рождаются редко. И я не сомневался в том, что он совершит это. Все начинается с мелочи, Абигор. Просто нужно дать человеку мечту, а мечта — страшное оружие в руках опытного воина. Он хочет помочь своему отцу и друзьям, но, как ты знаешь, благими намерениями устлана дорога в ад, — после этих слов Марк щелкнул пальцами, и тело Луция поднялось в воздух. Все следы крови пропали с его одежды, а еще через мгновение исчез и он сам.

Как Луций оказался на своей койке, так никто и не понял. Горнист поднял новобранцев

с первыми петухами, и Луций, к удивлению Кассия и Публия, стоял на построении в ряду своих друзей и остальных призывников. Как его потом ни расспрашивали товарищи о том, что произошло у Марка, он твердил лишь одно: сенатор обещал сделать все возможное. Его путь обратно в лагерь, минуя ворота, остался загадкой для всех и, в первую очередь, для него самого. О недавних событиях он старался не думать, хотя и сознавал, что прежний Луций исчез, а на его место пришел кто-то другой. Кто именно, он пока и сам не знал. Но власть и решение идти до конца уже поселились в его душе и проросли на почве, обильно политой кровью беззащитной и преданной собаки, которую он лично вырастил и воспитал, а потом собственноручно прикончил. Единственное, о чем он по-настоящему тревожился, так это о том, что сказать брату Маркусу, когда тот спросит его о Реме.

В организме армии
роль сердца выполняет офицерский корпус.

Для каждого новобранца курс подготовки к военному делу — это настоящее испытание, проверка на силу характера и выносливость. Одни идут в ряды великой римской армии, чтобы утвердиться в своей жизненной позиции, удостовериться в собственной состоятельности как воина и как мужчины. Другие надевают доспехи в надежде приобрести гражданство, стать полноправным римлянином и получить надежду на военную пенсию и земельный участок. Третьи бегут в казармы от правосудия, рассчитывая скрыться в армии от судебного преследования и искупить свои преступления храбростью, проявленной на поле боя. Многие юноши записываются в легионы, мечтая прославиться. Начитавшись и наслушавшись рассказов об отважных и великих воинах, они не осознают того, что военный лагерь не детский сад и нянчиться там с ними никто не будет. Те, кто думает, что стать солдатом не так уж и сложно, сами подписывают себе смертный приговор.

Слава богам, Луций и его друзья не относились ни к одной из этих категорий. В армию они попали совсем по иной причине: жажда мести не давала им покоя и вырывалась из их душ, как огонь из Тартара. Боль и ненависть слились для них в единое чувство, которое сжигало их изнутри, но одновременно придавало им сил, которые в ближайший месяц потребуются им, как никому другому. Ведь в лагере, помимо жесткой муштры и утомительной подготовки, им придется терпеть неприятного во всех отношениях Публия, который уже при первой встрече дал понять новобранцам, что жизнь у них будет не сладкая. Проще было умереть и не мучиться, но все четверо понимали, что не могут позволить себе такой роскоши, так как у них была цель, которую они обязаны были достичь во что бы то ни стало. Ради мести за свои семьи они должны и будут идти до конца. Все очень просто: второго варианта у них не было, да они в нем и не нуждались.

Впрочем, их положение в лагере нельзя было назвать совсем уж беспросветным: навыков и знаний, которые дал им за два года Сципион, хватило бы не на один курс тренировок, поэтому основную сложность составляло не само военное обучение, а тот факт, что его придется проходить под предводительством мерзавца Публия, который не скрывал радости от того, что боги предоставили ему возможность открыто поиздеваться над парнями. Как же неприятно было осознавать, что им надо улыбаться и кланяться этому подлецу. Но ставки были слишком высоки, чтобы отступить. Дай они слабину, Публий и Кассий тут же воспользуются ею, и тогда можно сразу рыть себе могилу, а это для друзей было неприемлемым исходом. Многое тут зависело от Луция: он считался негласным лидером в их команде, и именно на него все ровнялись, хотя Понтий и был старше. Сломается Луций, прогнется, не выдержит — погибнут все, и он сам это четко понимал.

Мартин лежал на своей кровати и смотрел в потолок. До подъема оставалась еще пара часов, но ему не спалось из-за душевной боли, не дававшей ему покоя. Мечь завладела его

мыслями: он не мог спокойно думать о тех, кто так жестоко обошелся с его семьей. Юноша в своих мечтах уже смаковал сладкий вкус возмездия, представляя тех, кто был виновен в смерти его близких, стоящими на коленях и молящими о пощаде. Но пощады не будет. Как не удостоились ее сестры и мать Мартина, которые тоже умоляли, но так и не были услышаны. И Мартин тоже останется глух к мольбам преступников. При этой мысли на его лице заиграла зловещая улыбка, которая изредка сопровождалась тихим, но злобным хихиканьем. Внутри себя Мартин ощущал невосполнимую пустоту, и от расправы над собой его останавливало только желание отомстить. Луций повернул голову в его сторону и с жалостью в глазах посмотрел на друга. Он понимал, что Мартину досталось гораздо больше, чем Ромулу, Понтию и ему самому, ведь, как бы то ни было, их родные до сих пор живы. Он бесшумно встал со своего места и подошел к Мартину.

— Мое сердце скорбит так же, как и твое, дружище. Крепись и постарайся перебороть себя и не сорваться. Думай не только о своей боли и жажде мести. Мы сейчас все в одной упряжке, и если кто-то из нас сломается, то обязательно потянет за собой в бездну и всех остальных. Ты знаешь не хуже меня, кто будет командовать нами. Поэтому прошу тебя, Мартин, не давай воли чувствам. По крайней мере, пока. Сейчас нам, как никогда, нужны единство и сплоченность. Держись, мой друг! Держись! А месть — месть будет. Марк поможет нам отыскать их всех. Я уверен в этом, нужно просто продержаться месяц, и мы получим возможность свершить возмездие, как он и обещал.

На последних словах Мартин, прежде равнодушно смотревший в потолок и, казалось, не обращавший никакого внимания на Луция, перевел свой взгляд на друга и тихо, почти шепотом проговорил:

— Ты прав, — и после небольшой паузы продолжил: — Я ради того, чтобы отомстить, пойду до конца, и никто меня не остановит и не сломит на этом пути: ни этот мерзавец Публий, ни кто-либо другой. Чем наглее он станет бесчинствовать, тем сильнее он об этом пожалеет, и тем слаще будет месть. В моей душе сейчас пустота, но я заполню ее, когда придет время, заполню кровью всех тех, кто хоть каким-то образом причастен к тому, что случилось.

Луций с пониманием и одобрением кивнул головой:

— Все так и будет, Мартин, я в этом уверен!

Рассвет неумолимо приближался. Вскоре умиротворенную тишину и спокойствие ночного лагеря нарушат трубачи, которые просигналят подъем, и жизнь снова закипит, заставляя всех вокруг бегать и суетиться. Но ни у кого из друзей уже не было ни страха, ни переживаний по поводу того, как туго им придется в ближайший месяц. Все это мелочи в сравнении с тем, что они уже пережили. Мартин посмотрел на Луция и, сев на кровати, продолжил со злой улыбкой:

— Это само собой. Но я говорю сейчас именно о Публии, Кассии и Клементии. Мне почему-то кажется, что не без их участия наши семьи познали такое горе!

— Мартин, — покачал головой Луций. — Не терзай себя. Того, что случилось, уже не исправить. Собери всю свою ярость и злость в один комок, спрячь его глубоко в душе и сохрани там до того момента, когда придет пора дать этим чувствам свободу. Мы покараем всех тех, кто хоть каким-то образом был в этом замешан. Я обещаю. Но сейчас я прошу тебя не делать глупостей. Никому из нас от этого лучше не станет, а усугублять то, что есть, сейчас не стоит.

— Как бы ни было тяжело осознавать это, но ты прав, — вздохнул Мартин.

— Хорошо, я рад, что ты это понимаешь. Ради всех нас, пожалуйста, держи себя в руках. Сегодня нам вручат грамоты о зачислении в легион, и с этого момента для нас начнется новая жизнь, которая с каждым днем, с каждым часом и с каждой минутой будет приближать нас к тому, о чем мы с тобой сейчас говорили. Мысль об этом поможет нам выдержать все испытания, а затем осуществить задуманное.

Солнце постепенно раскидывало свои лучи над горизонтом, пробуждая все живое. Светило вот-вот норовило предательски показаться из-за небольшой горы и нарушить тишину и безмятежность пока еще спящего лагеря. Луций с чувством необычайной легкости в ногах вышел за порог казармы. Опыренный жаждой мести и власти, а также сладкими речами и обещаниями Марка, он не чувствовал усталости. Смерть любимого пса уже мало волновала его: предательски пролив кровь несчастного животного, которого он сам воспитал и всему обучил, он переступил через то человеческое, что в нем было. И вот теперь Луций смотрел на огромные мраморные храмы, обелиски и здания, которые возвышались над лагерными стенами, и думал об одном — о том, что рано или поздно он будет править всем этим, что все это будет принадлежать ему. Жизнь собаки не сравнится с таким богатством — размен более чем удачный. Убив Рема, он запрятал свои сочувствие и жалость куда-то очень далеко в глубины своей души, в мгновение ока почерневшей от одного лишь взмаха идеального оружия. Луций не знал, что кровью невинного и преданного животного он подписал приговор не только себе, но и своим друзьям, заключив сделку с тем, кто был недостижим для его понимания. Еще раз окинув взором окрестности, юноша с улыбкой зашел в казарму. Через некоторое время в ее дверях появился другой человек. Он неспешным шагом направился осматривать койки, на которых лежали новобранцы, пристально вглядываясь в каждого спящего, как бы ища кого-то. Проходя все дальше вглубь комнаты, он очень надеялся, что ни на одной из этих кроватей не окажется того, кого он ненавидел всем сердцем. Но вскоре незнакомец остановился перед лежащим Луцием, пристально посмотрел на юношу, крутя в руке яблоко, затем вытащил нож, медленно, с хрустом отрезал от него сочный кусок и прямо с лезвия отправил себе в рот. Сквозь перекошенную злобой и ненавистью улыбку он тихо прошипел:

— Ну что же, тебе повезло, сын предателя и неудачника. На этот раз. Честно говоря, я не понимаю, как это тебе удалось, но будь уверен: больше боги к тебе не проявят такую благосклонность. И как только ты смог прошлой ночью пробраться внутрь лагеря? И тебе к тому же сильно фортануло, что присягу перенесли на один день. Но знай, сын свиньи: я буду пристально следить за тобой до того момента, пока ты не сдохнешь вместе со своими девчонками!

Луций не спал, а только лежал с закрытыми глазами и, слушая слова Кассия, еле сдерживался, чтобы не наломать дров. Он переживал и за то, что Мартин, должно быть, тоже все слышал и мог не сдержаться. Но тишину так никто и не нарушил. Лишь сам Кассий, злобно дыша и скрипя зубами, резко развернулся и быстрым шагом направился к выходу.

Последний час до подъема Луций и Мартин пролежали, не проронив ни слова, лишь иногда поворачивая головы и глядя друг на друга. С неясным выражением лиц они смотрели то на своих друзей, то просто в потолок. Наконец сквозь щели навеса стали пробиваться яркие лучи света. Где-то вдалеке проснулись и закукарекали первые петухи, оповещая своим своеобразным пением о начале нового дня. Мартин недобро улыбнулся и потянулся, сжимая кулаки так, что пальцы на руках поочередно захрустели. Оставались считанные минуты до того момента, когда жизнь в лагере снова забурлит, и он был готов к тому, что им

предстояло вынести. По выражению его лица было видно, что он с нетерпением ждет, когда протрубят подъем. И вот вдалеке послышались горны буцинаторов[1]. С каждым разом звук становился все ближе и ближе, эхом разносясь по лагерю и оповещая всех о подъеме.

— Ну, наконец-то, — со злостью в голосе проговорил Мартин и спрыгнул с кровати.

Его соседи по койкам тоже встали и заторопились, а зашедший в казарму Кассий с ухмылкой наблюдал за новобранцами, которые неуклюже одевались, напоминая птенцов, которые только что вылупились из скорлупы и не понимали, куда они попали. Их привычный мир исчез, и друзьям, хотелось им того или нет, нужно было адаптироваться к новым условиям жизни. Луций, Мартин, Ромул и Понтий оделись первыми и спешно, быстрым шагом, переходящим в бег трусцой, направились на построение. Кассий, прищурив глаз, проводил их взглядом. Дождавшись, пока все остальные тоже покинут казарму, он вышел за ними. Пристально смотря на Луция и переводя взгляд то на других, то на него, Кассий произнес:

— Что-то прыти у вас много. Самые быстрые? Ну, ничего. Скоро я ваш пыл поумерю, станете самыми медленными и будете ползать, как черепахи. Берегите силы, они вам еще понадобятся.

Отойдя от новобранцев, он осмотрел казарму, чтобы убедиться в том, что в ней никого не осталось, затем вышел, зевнул, лениво потянулся и отдал приказ:

— Построиться по росту в три шеренги! — и, подгоняя нерасторопных, добавил: — Ну же, сонные мухи! Быстрее! Быстрее! Ну, куда ты прешь?! Ты что, ослеп?! — заорал он на одного новобранца. — А ты? Не можешь найти себе место?! Зачем ты мечешься из стороны в сторону?! Ух, непутевый! — и, подойдя к солдату, Кассий отвесил ему подзатыльник.

— Вот же твое место! Глаза открой! Будешь так скакать на поле боя, долго не протянешь!

После построения новобранцы отправились в столовую, где их накормили, а затем Кассий отвел их на склад, где им выдали обмундирование и нужную амуницию.

— Так, все ваше гражданское барахло оставляйте вон там, — Кассий указал на угол помещения, где стояли несколько больших тележек. — Вам оно больше не пригодится. Там же можете заодно и переодеться. За новые вещи расписываемся вот здесь, в журнале. И не толпимся! Всем хватит!

Некоторым парням доставшееся обмундирование оказалось мало, и они, подойдя к начальнику склада, попросили обменять его на более подходящее по размеру. Но тот лишь улыбнулся и ответил:

— Мало, говорите? Разносите, станет в пору! Пошли вон отсюда! Тут вам не рынок! Получили? Носите и радуйтесь!

— Но... — хотел было возразить один из бойцов, однако его тут же перебил начальник склада:

— Я не понял, малыш, тебе что-то не нравится?! — рявкнул он, сведя брови, и пристально посмотрел на будущего солдата. Новобранец вздрогнул и тихо, с обидой проговорил:

— Нет, все хорошо, спасибо, — и отправился с братьями по несчастью обратно.

— Эй, солдат! — окликнул их начальник штаба. — А расписываться за обмундирование кто будет? Я что ли?!

Подойдя к столу и взяв перо, новобранец нашел в журнале свое имя, напротив которого было написано: «Претензий не имею». Прочитав надпись, он задумался, покрутил перо в

руке, почесал затылок, затем посмотрел на начальника склада и, тяжело вздохнув, поставил подпись.

— Ну вот. А говорил, не подошло! — засмеялся тот, хлопнув парня по плечу. — Сидит, как влитое! Так, все, кто расписался, не толпимся и выходим на улицу. Вот неженки пошли! Это им не то, это им не так... — фыркнул он, улыбнулся и укоризненно помотал головой, глядя уходящим вслед.

После того, как новобранцы переоделись, Кассий пристально осмотрел их и приказал построиться, после чего все направились на плац, где им должны были вручить грамоты о зачислении в ряды римской армии. По прибытии на место Кассий обошел всех, оценивая их внешний вид, затем отошел от строя на несколько десятков шагов и громко объявил о том, что вскоре сюда придут старшие офицеры, префект[2] и примипил[3], которые выступят с речами перед тем, как центурионы вручат им грамоты.

— Так, пока есть время, приведите себя в порядок. А мне пора на пересмену караула. Скоро к вам подойдет непосредственный начальник вашей новой центурии, который и продолжит работу с вами. Зовут его Публий. Запомните это имя. С этого дня он для вас мать, отец, бог и император — все в одном лице!

— Да, только его нам и не хватало для полного счастья, — тихо ухмыльнулся Мартин.

— Уж это точно! — в один голос согласились с ним Ромул и Понтий, поправляя свою форму.

Через некоторое время на плац стали подтягиваться офицеры. Они становились рядом с трибуной, что-то обсуждали, смотрели на новобранцев, изредка смеялись и похлопывали друг друга по плечу. Вскоре появился и Публий, который приказал новобранцам построиться, подошел к остальным офицерам и, поздравившись, стал что-то живо с ними обсуждать. Новобранцы стояли в строю, ожидая вручения грамот. Кто-то мотал головой, осматривая свою новую экипировку, другие глазели на рядом стоящих, и один из таких любопытных взглядов уловил на себе Мартин. Он некоторое время не обращал внимания на зеваку, но в какой-то момент не выдержал и, не поворачиваясь в его сторону, сквозь зубы проговорил:

— Рожу разобью, если пялиться на меня не перестанешь.

Парень хотел было ответить, но в этот момент центурион скомандовал «Смирно!» и все новобранцы вытянулись, словно по струнке. Примипил начал свою речь, довольно-таки продолжительную. Он говорил четко, как профессиональный оратор, фразы были хорошо отточены, а поставленный грубый голос вызывал в душах новобранцев смешанные чувства страха и гордости от того, что вот-вот, и они станут новой силой и опорой императора и Рима. Но прежде, чем они превратятся в героев, о которых рассказывал офицер, им придется вынести тяготы, которые сулил каждый следующий день грядущего месяца. Испытания пройдут не все, и, скорее всего, большая часть из стоящих на плацу парней попросту станет пушечным мясом на поле брани. Так в Риме было всегда. Первыми в битву шли самые неопытные и плохо обученные солдаты. Ну а те, кто успешно пройдет боевое крещение и вернется из боя, станут истинными воинами и защитниками великой империи. Патриотический дух в Риме всегда был силен, и бойцы армии неизменно вызывали почет, уважение и даже страх мирных жителей. А также потенциальных врагов, которые не понаслышке знали о том, что римские солдаты перед лицом неприятеля составляли одно целое и превращались в известную всему миру римскую машину смерти. Слухи, которые исходили от побежденных Римом народов, вселяли ужас в жителей соседних стран,

предостерегая их от нападения и даже от сопротивления.

Речь примипила была хороша и убедительна. Она посеяла зерно патриотизма, непоколебимую веру в свое правое дело и гордость за службу в армии в душах многих молодых ребят. Но только не в душах Луция и его товарищей. Все, что говорил с трибуны офицер, вызывало у них презрение на грани рвотного рефлекса. Они оказались здесь лишь по одной причине — чтобы мстить. Мстить, проливая кровь всех, кто встанет на их пути. И первыми, кто отведаст блюдо из ненависти и мести, будут именно те солдаты великой и нерушимой империи, о которой так сладко вещал примипил. Но это случится только тогда, когда они доберутся до власти. Мечта о ней пьянила Луция, манила, звала, заставляла забыть обо всем остальном. И внутренне он уже распростер к ней свои объятия. Его не покидали мысли о том, что наступит тот день, когда за трибуной будет стоять он сам, но не с речами о величии Рима и не перед новобранцами, а с гневным обличением и перед коленопреклоненными врагами, молящими о пощаде. Именно отсюда он и начнет свое восхождение к вершине, к императору, к самим богам, и от этой мечты у Луция кружилась голова, горло пересыхало, а кровь, пульсируя, ударяла в виски.

— А сейчас... — закончив выступление и сделав паузу, примипил посмотрел на офицеров и кивнул, — ...настало время вручить вам грамоты о зачислении в ряды самой могущественной армии мира! Выходите из строя по пять человек и идите к центурионам после того, как услышите свои имена и фамилии.

Публий взял списки и начал их зачитывать. Новобранцы, в свою очередь, с гордо поднятыми головами и немного неловкой походкой шли к офицерам, которые при вручении пожимали им руку и одновременно говорили:

— Поздравляю со вступлением в ряды римской армии!

Взяв грамоты, новобранцы ударяли себя в грудь рукой и, вскидывая ее затем вверх, отвечали:

— Слава великому Риму и императору! — после чего разворачивались и возвращались обратно в строй.

Дойдя по списку до Луция и его друзей, Публий слегка улыбнулся, но затем так же громко и так же отчетливо произнес их имена. Подойдя за грамотами, Луций, Мартин, Ромул и Понтий поприветствовали офицеров, но без особого энтузиазма, и только тот парень, который недавно таращился на Мартина и теперь оказался в одной пятерке с ними, с патриотическим настроением и неподдельным чувством гордости отчеканил свое приветствие.

— Хм, — с улыбкой на лице, покачав головой, произнес Публий.

Когда Луций проходил мимо него, тот хищно осмотрел «друга детства» и тихо, с издевкой, почти шепотом, проговорил:

— Ну, вот и настал этот счастливый день полного повиновения. Надеюсь, вы рады этому не меньше моего, ведь такой сброд, как вы, ни на что иное не способен, кроме как пресмыкаться. Большого от вас не дожدهшься. Яблоко от яблони не далеко падает.

Публий наклонился к уху Луция и шепотом добавил:

— Добро пожаловать под мое начало! — и затем уже громко, во всеуслышание произнес: — Поздравляю со вступлением в ряды римской армии!

Как же Луцию хотелось врезать ему кулаком по слащавой морде. Его даже передернуло от этого желания, но, собравшись с силами и обуздав свою гордость, он лишь прокричал, как и его друзья:

— Слава великому Риму и императору!

После того как все получили грамоты, у новобранцев выдалась свободная минутка, и они направились в казармы.

— Как же я хотел плюнуть в рожу этому мерзавцу Публию! — не выдержал Понтий.

— Плюнуть? Этой змее в человеческой шкуре оторвать башку и то мало будет! — ударив кулаком в стену до ссадин на костяшках, ответил Луций.

— Да не нервничай ты так. Пережили же мы их издевательства тогда, в школе, переживем и сейчас. Кстати, а что он тебе на ухо шепнул? — спокойно проговорил Ромул.

— Пожелал приятных впечатлений! Не бери в голову! Что бы он там ни говорил, за все свои слова он сполна ответит! Мерзкая тварь! Слишком много чести ему, чтобы мы о нем говорили! А перед нами сейчас задача поважнее стоит, чем языками чесать! Хотя, если честно, меня аж передернуло всего, когда он мне руку пожимал! Вот же зараза двуличная! — стирал кровь с кулака Луций. — Я так понимаю, все, что сегодня было на плацу, — это только цветочки. Ягодки будут завтра, когда нас на работы выгонят. Военная подготовка меня не страшит, как, наверное, и любого из вас, — спасибо за то Сципиону. Хотя они с Кассием и муштрой до смерти довести смогут. Это их право, и я думаю, они не преминут им воспользоваться. Как это ни печально осознавать, с нас попытаются содрать по три шкуры, так что я прошу вас всех по возможности экономить силы.

— Мне даже думать об этом не хочется, — проговорил Понтий со вздохом.

Вскоре в расположение казармы зашел Публий, приказал всем построиться, еще раз поздравил новобранцев и принялся рассказывать основы курса подготовки.

— Завтра у вас начинается новая жизнь, которая сделает из вас настоящих мужчин и защитников Рима. Всем хорошо известно, что через полтора месяца император собрался выступить против дерзких германцев, которые много лет назад опозорили нас тем, что подло разгромили легионы Квинтилия Вара в Тевтобургском лесу. Три лучших легиона пали там смертью храбрых! Великие солдаты Рима всегда принимают смерть на поле боя и сражаются до конца! И только предатели и трусы... — Публий сделал паузу и выразительно посмотрел на Луция. — Я повторюсь: только предатели, трусы и недостойные называться гражданами нашей великой империи выбирают ничтожную жизнь! Бросая своих товарищей на поле брани, они сами бегут оттуда, пытаясь спасти свои никчемные и никому не нужные душонки! А потом эти так называемые люди рожают себе подобных, которые снова имеют наглость вступить в ряды нашей великой армии! Но ничего, ничего! Слава богам, таких ничтожеств меньшинство! Так вот, сейчас у вас есть шанс доказать всему Риму, что наша армия по-прежнему несокрушима! И тогда это племя жалких дикарей пожалеет о том, что бросило нам вызов! Так что пока отдыхайте, а завтра вас ждет то, что сделает из вас со временем настоящих воинов! Жалеть вас никто не будет, и уж поверьте, лучше вы здесь упадете без сил, чем падете от меча варваров! Ваши жизни в ваших руках! — Публий еще раз посмотрел в сторону Луция и с еле заметной улыбкой добавил: — Набирайтесь сил, они вам пригодятся!

И в заключение приказал всем разойтись.

— Интересно, кто же ему такую речь сочинил, неужели сам? — чуть слышно проговорил Мартин вслед уходящему из расположения казармы Публию. — Доказать-то мы докажем, только тебе это не понравится...

Приближался к концу первый официальный день их пребывания в римской армии. Каждый новобранец был занят своими делами. Кто-то осматривал выданное обмундирование, кто-то неловко фехтовал деревянным мечом, хаотично махая им перед

собой. Иногда тренировочное оружие выскальзывало из неопытных рук и отлетало в сторону. Глядя на все это, Мартин и Луций с улыбкой переглянулись. В какой-то момент, Мартин, не выдержав, покачал головой и подошел к тому парню, у которого из рук несколько раз подряд выпадал меч.

— Что-то на присяге ты был более расторопен, — ухмыльнулся он, скрестив руки на груди. — Ты что, меч впервые держишь? Если ты будешь так же убедителен с германцами, как здесь, то долго не протянешь.

— Да-а-а?! Хочешь сказать, что ты лучше с ним справишься?! — возмутился парень.

— Ну, уж точно увереннее, чем ты сейчас, — с улыбкой проговорил Мартин.

Он подошел к своим друзьям, взял меч и направился обратно. Но тут Луций положил руку ему на плечо и тихо проговорил на ухо:

— Не стоит. Не надо выделяться. Марк же просил.

Не поворачиваясь к другу, Мартин спокойно ответил:

— Я лишь покажу пару приемов, которые, возможно, спасут ему жизнь. Не волнуйся.

Вернувшись к парню, Мартин очень умело покрутил мечом перед собой.

— Запомни: меч — это продолжение твоей руки. Он делает лишь то, чего желаешь ты сам. Здесь тебя будут учить сражаться, но, поверь мне, сражаться безмозгло значит сражаться недолго.

Жестом руки Мартин пригласил парня взять меч. Тот, покачав головой, произнес:

— Ну ладно, как скажешь, только потом не обижайся.

— Не обижусь, — с улыбкой ответил Мартин.

Схватив тренировочное оружие, парень мгновенно кинулся на соперника, но Мартин без особого труда увернулся и с силой нанес удар по руке парня, отчего тот выронил меч.

— Ну вот. Считай, что теперь у тебя нет руки. Хочешь еще?

Парень, стиснув зубы и держась за ушибленное место, все же поднял меч.

— Не бойся, атакуй. Германцы ждать, как я, не будут. Там тебе второго шанса точно не дадут.

— Как скажешь! Но только чтоб без слез!

— Не вопрос, дружище. Давай, давай. Смелее. Ну же, не будь тряпкой, прояви такую же уверенность, как и на плацу. Языком трепать все горазды, а вот на деле... — пытался вывести его из себя Мартин.

— Заткнись, выскочка! Ты чего добиваешься?! А?! Хочешь, чтоб я тебе рожу разбил?! — вспылал парень.

— О-о-о. Громкие слова. Ну, так давай, я к твоим услугам, — без каких-либо эмоций проговорил Мартин, откладывая свой меч в сторону.

— Все, хватит. Побычились и будет. Оба молодцы. Доказали, что у вас есть кое-что между ног, а теперь остыньте, — вмешался Луций, видя, что обстановка накаляется.

— А ты вообще не лезь не в свое дело, пока сам не схлопотал! — злобно огрызнулся на него парень. Луций от такого поведения на секунду растерялся, но вскоре улыбнулся и развел руки:

— Как скажешь. Молчу, молчу...

— Ну, все, ты сам напросился! — парень отбросил меч и кинулся на Мартина. Но тот стал ловко уклоняться от ударов, держа руки за спиной и демонстрируя свое превосходство, и тем самым еще больше злил парня, который вновь и вновь атаковал, но все так же безуспешно. Вскоре Мартину надоело забавляться, и он, умело увернувшись от очередного

удара, блокировал следующий, поймал руку противника, мгновенно произвел захват, скрутив юнца, и затем оттолкнул его в сторону с такой силой, что тот ударился о кровать, перелетел через нее и рухнул на пол.

— Думал, послушав хвалебную речь и получив грамоту о зачислении в войско, ты сможешь рубить всех направо и налево, как это делают они?! Думаешь, сможешь резать незащищенных детей?! А?! Давай, тварь, поднимайся! Поднимайся! — не на шутку разошелся Мартин.

— Мартин, довольно! Куда тебя понесло? Сбавь обороты! Он-то тут при чем? — выкрикнул Луций и даже пошел в сторону друга, но парень, немного переведя дух, без лишних слов кинулся на Мартина.

Никто и глазом не успел моргнуть, как Мартин сильнейшим ударом в живот остановил нападавшего, отчего тот закричал и согнулся. Еще секунда, и Мартин, проведя бросок, уложил бедолагу на лопатки.

— Мартин, не зарывайся! Да что на тебя нашло?! Успокойся! — кричал Луций, оттаскивая друга, который уже оседлал лежащего на полу противника и, заломив ему руки, занес над ним свой кулак.

— Да я спокоен! Спокоен! Зато теперь он понял, что он и кто он. Может, хоть теперь мозгов у него прибавится... Да отпусти ты меня! — Мартин стряхнул с плеча руку Луция.

Тем временем парень осторожно встал на колени, прокашлялся и крикнул в спину победителю:

— Придурок! Вот ненормальный! — после чего встал и направился к своему месту, по пути захватив отброшенный меч.

Услышав это, Мартин обернулся:

— Что ты сказал?! А ну повтори! Неблагодарная скотина! Я дал тебе хороший урок! Теперь ты знаешь, что не стоит недооценивать противника! Возможно, когда-нибудь это поможет тебе выжить!

Солнце уходило за горизонт. Охранники лагеря зажгли факелы на сторожевых вышках. Где-то стрекотал сверчок. Мартин лежал и прислушивался к звукам, которые издавало насекомое. Прикрыв веки, юноша пытался вычислить, где он находится, но никак не мог это точно определить. Мартин вспомнил, как наблюдал за сестрами, бегавшими по дому в попытках найти сверчка. Они прыгали и смеялись, ходили из угла в угол и прислушивались, но так и не могли отыскать скрипуна. По щеке Мартина скатилась одинокая слеза, которую он тут же вытер, после чего повернулся на бок и уснул.

Прохладный ветерок играючи трепал его волосы, а яркое солнце слепило глаза. Приставив руку ко лбу и прищурившись, он посмотрел вперед. К нему приближался размытый, еле заметный силуэт незнакомого человека, который с обеих сторон держал за руки детей, чей звонкий смех эхом разносился повсюду, рассыпаясь серебряным звоном и многократно усиливаясь, словно вокруг была огромная пустота. Чуть дальше шли еще две фигуры. Мартин смотрел на силуэты и пытался разглядеть лица, но ему это не удавалось: от яркого света приходилось щуриться, а иногда и вовсе закрывать глаза. Вдруг незнакомец остановился, наклонился к детям, что-то сказал им и продолжил свой путь к Мартину, а малыши остались стоять, глядя ему вслед. И чем ближе подходил незнакомец, тем ощутимее веяло от него теплом, спокойствием и умиротворением. Еще немного, и Мартин наконец-то смог его рассмотреть.

Это был высокий, крепкого телосложения человек в белой тоге и с длинными волосами,

которые ровно ложились ему на плечи. Издали его можно было принять за Сципиона, и если бы не странные обстоятельства этой встречи, то Мартин наверняка бы их спутал. Но теперь ему было понятно, что незнакомец, хотя и был похож на слугу Марка, выглядел по-иному. Как-то по-особенному, словно он — источник света, испускающий сияющие лучи.

Поднялся небольшой ветер, но волосы незнакомца даже не всколыхнулись, будто вокруг него царил полный штиль. Его походка была настолько грациозна, что казалось, он не идет по песку, а парит над ним. В голове у Мартина раздался звон, от которого он почувствовал легкое недомогание и головокружение.

— Здравствуй, Мартин, — произнес незнакомец тихо, и его голос, приятный и располагающий, отозвался вокруг слабым эхом.

Мартин поднял голову и посмотрел в его голубые, светлые и лучистые глаза. Он хотел что-то сказать, но состояние умиротворения и гармонии, охватившее его в присутствии странного человека, не позволило ему выдавить из себя ни слова, поэтому юноша лишь кивнул в ответ головой. Его собеседник улыбнулся.

— Кто ты? Откуда знаешь мое имя? — поборов ощущение неги, проговорил Мартин и тут же припал на колени от нехватки сил и склонил голову.

— Я тот, кто хочет помочь тебе и твоим друзьям. Помочь вам спасти ваши души. Ибо путь, по которому вы идете, — не ваш выбор, а его, и это неправильно. Ваш гнев — это маленький огонек, но, если в него подкинуть дров, а именно это он и делает, пламя поглотит вас, а вместе с вами и многих невинных людей, обрекая их на страдания.

— Страдания? О чем ты говоришь? Ты понятия не имеешь о том, что значит страдать, — тихо сказал Мартин, слегка ухмыльнувшись. И хотел было продолжить, но незнакомец, словно наперед зная, что он скажет, перебил его: — Ты пережил утрату семьи. Сначала отца, потом сестер и матери. Это тебя сильно изменило, но от того, что ты собираешься сделать, всем будет только хуже. Месть породит еще большие страдания. Может быть, стоит остановиться и задуматься над тем, что именно произошло, почему это произошло и кто в действительности виноват в этом? Глупец ищет виновных в других, умный — в себе, и лишь мудрец всех прощает.

Опешив от услышанного, Мартин поднялся с колен и, заикаясь, немного осипшим голосом спросил снова:

— Кто ты такой?

— Меня зовут Михаил. И, как я тебе уже сказал, я хочу вам помочь, — он жестом руки поманил стоявших вдалеке детей. — Мартин, я знаю твою боль, и поэтому хочу предостеречь тебя и твоих друзей от огромной ошибки. Все, что вы задумали, приведет вас в бездну мрака и холода. Выбор всегда остается за человеком, и что бы он ни делал, ваши судьбы зависят только от вас самих.

— Кто он? Какой выбор?! О чем ты?

— Слишком много вопросов, Мартин, слишком много вопросов. Зачем задавать их мне, если можно найти ответ в себе? Прощение и выбор: помни об этом! Помни, чтобы помочь себе и остаться с теми, кого ты любишь. Твой отец был воином, и я ничем не могу ему помочь. Без него твоя семья одинока даже здесь. Не оставляй ее хотя бы ты.

— Что ты несешь?! Мой отец — храбрый человек! Он великий боец! А моя семья мертва! Понимаешь?! Мертва! Прощения, о котором ты говоришь, не будет! Никогда! Пока хоть кто-то из тех, кто это сделал, дышит, я не успокоюсь! Я сделал свой выбор! Все, кто виноват, поплатятся за это! Я лично вырежу на их телах имена моих близких! И никто,

слышишь, никто меня не остановит! — дрожащим от злости голосом заговорил Мартин, с трудом не срываясь на крик.

Но Михаил лишь поднес указательный палец к губам и еле слышно произнес:

— Тише, тише, Мартин. Напугаешь их. Они ведь знали тебя совсем иным, — он отошел в сторону, давая возможность детям подойти поближе к Мартину, слегка улыбнулся и прищурился.

— О, боги! Как это возможно?! Великий Юпитер! Как же это?! Как?! — изумленно воскликнул Мартин и снова упал на колени, не веря своим глазам. Перед ним все отчетливее проявлялись силуэты трех девочек — сомнений не было: это его сестры. Чуть дальше за ними шла его мать.

— Здравствуй, Мартин, — почти в один голос произнесли они.

Мартин раскрыл рот от удивления, а его сердце забилося так, что, казалось, еще чуть-чуть, и оно выскочит из груди. Тело словно окаменело, и он только и мог, что удивленно моргать глазами, в которых уже заблестели слезы радости.

— Сестрички мои! Мама! Вы живы?! — чуть ли не вприпрыжку подбежал он к ним и стал обнимать и целовать. — Как? Как? Как такое возможно?! Я всегда был скуп на чувства к вам, но теперь все будет по-другому! Я буду с вами всегда! Я вас больше не оставлю! Я смогу вас защитить! Я смогу!

Из его глаз текли слезы, и он не пытался их сдерживать. А близкие смотрели на него молча, улыбались, обнимали, прижимали к себе. Затем они перевели свой взгляд на Михаила, который еле заметно кивнул головой, подошел к Мартину и положил руку ему на плечо.

— Извини, Мартин, но твоя защита им уже не нужна, равно как и помощь. Они уже под защитой. Ты поймешь это со временем, когда придет и твой час.

— Что это значит?!

Мартин не мог наглядеться на свою семью и лишь изредка посматривал на Михаила с вопросительным выражением лица.

— Мартин, сынок, все будет хорошо, — спокойно и смиренно произнесла Ливия. — Нам пора, мой мальчик. Мы верим в тебя, дорогой.

Обойдя юношу, Михаил пошел прочь, а за ним последовала семья Мартина.

— Мама, не бросай меня! Анна! Агата! Юлия! Я прошу вас, не уходите! Умоляю! Ну, пожалуйста! Не бросайте меня! Пожалуйста, — все тише и тише запричитал он. — Нет. Не хочу. За что? Не хочу. Простите меня за все. Только вернитесь! Умоляю, — рыдал Мартин, в отчаянии упав на землю, уткнувшись головой в песок и собирая его возле себя в кулаки. Затем он поднял голову, начал швырять песок вслед Михаилу и остервенело заорал: — Ненавижу! Ненавижу!

Он вскочил с колен и хотел кинуться за ними, но земля под его ногами пропала, и он рухнул в глубокую яму. Посмотрев вверх, он увидел силуэты каких-то людей. Они стояли с лопатами, но из-за яркого солнечного света, бившего им в спины, он видел лишь их очертания.

— Помогите мне! Я должен увидеть свою семью! Помогите же! — цепляясь за гладкие края могилы и пытаясь выбраться наверх, прокричал он, но в ответ слышал лишь смех. Затем один из людей проговорил:

— Помочь?! Ну, как скажешь!

И его начали закидывать землей со словами:

— Сейчас, сейчас! Потерпи, скоро увидишься со своей семьей! Сам вырыл себе могилу, теперь не жалуйся! Мы лишь исполняем приказ — ничего личного!

— Кто вы?! Чей приказ?! — заорал Мартин, закрываясь ладонями от летящей на него земли.

— Мой приказ, дружище. Мой приказ, — сухо ответил подошедший к гробовщикам человек и засмеялся.

Яркий свет потускнел, и Мартин в ужасе разглядел того, кто это произнес. На краю могилы стоял Луций, а рядом с ним были Ромул, Понтий и он сам.

— Н-е-е-т! — заорал Мартин и свалился с кровати, сильно ударившись головой об пол.

Грохот был на всю казарму такой, что проснулись рядом лежавшие солдаты. Не понимая, из-за чего столько шума, Луций с друзьями тут же вскочили с мест, но, разобравшись, что произошло, лишь улыбнулись.

— Чего орал-то? — поинтересовался Ромул, потягиваясь и зевая. — Я уж думал, напал кто, а это ты тут пегаса изображаешь.

— Да просто... — начал было Мартин, но тут же замолчал.

— Что просто? — спросил Понтий, глядя, как друг поднимается с пола и садится на кровать.

— Да так, ничего... Ладно, хватит тут со мной как с маленьким возиться, ложитесь спать.

— Ну, как скажешь, — ответил Луций.

Все разбрелись по своим местам, и через некоторое время казарма наполнилась храпом новобранцев. Мартин не мог уснуть и просто лежал, прислушиваясь к звукам спящих солдат. Сон, который ему приснился, засел в его голове и не давал покоя.

— Это лишь дурной сон, просто сон, — говорил он сам себе.

Но что-то все же тревожило его. Что именно, он и сам не знал, так как запутался во всем, что случилось с ним за последнее время. И, скорее всего, его мозг просто сыграл с ним злую, неподвластную его пониманию шутку.

— Мартин, что с тобой?! Соберись! Ну же! — хлопнув себя несколько раз по щекам, сквозь зубы прошипел он, чтобы никого не потревожить.

Юноша провел ладонью по лицу, словно пытаясь привести свои мысли в порядок, но, не совладав с чувствами, резко встал и направился к выходу. Оказавшись на свежем воздухе, он взглянул на бочки с водой, которые находились неподалеку от казармы.

— Прекрасно, — промолвил он, подошел к ним быстрым шагом и сходу окунул голову в одну из бочек. Прохладная вода принесла облегчение, и Мартин вынырнул, отдышался, жадно глотая воздух, и снова опустил голову в бочку. Прodelав так несколько раз, он постепенно пришел в себя. Юноша смахнул с лица остатки влаги, которые, стекая ручейками по шее, щекотали его тело, и неспешно направился обратно в расположение. Летний ночной ветерок остужал разболевшуюся голову, и ему становилось лучше. Уже совсем успокоившись и перестав думать обо всем произошедшем, Мартин вдруг услышал разговор двух солдат, несущих службу в карауле.

— Да не может быть! Чушь полная. Я тебе вот что на это скажу: не верь ты в эти бредни и меня в них не убеждай! — сказал один из них, отмахнувшись рукой от второго.

Второй, недолго думая, вновь стал ему что-то доказывать:

— Да я тебе клянусь: так оно и было. Кто видел, все так говорят! Этот человек наделен способностью исцелять людские недуги. Это мне мой племянник от двоюродной сестры

рассказал, а он-то врать не будет! Да и зачем ему это, сам посуди? — жестикулируя руками, говорил солдат шепотом, постепенно переходя на повышенный тон.

— Ладно, как скажешь, только не нервничай, — спокойно и с недоверчивой улыбкой проговорил первый и зевнул.

— Ты что, не веришь?! — с возмущением изрек второй.

— Ну, ты сам подумай своей головой, что ты несешь-то?! Ладно еще он от хвори какой-то лечит. Лекарь, наверное. Ну, подумаешь, от бесплодия, как ты говоришь, исцеляет. У меня бабка моя тоже, вон, травницей слыла, к ней, почитай, пока не померла, из самой глуши приходили! А этот, как его? — щелкая пальцами, задумался первый, но вскоре вспомнил подзабытое имя: — Феодосий! Ну, грек. Помнишь, как он раненых лечил? Думаешь, помрет несчастный, а тот на ноги его ставит! Что же он, тоже что ли с божественной силой, потвоему?! Но ты же несешь, что этот твой целитель к жизни мертвецов возвращает, а это уже чересчур. Попахивает безумием, если не колдовством!

— Да-а-а?! — протяжно возразил оппонент. — Вот когда ты его увидишь, то сам поймешь, что этот мальчик особенный. Может, он сын Юпитера или Марса?

— Так то боги! А вот из их детей никто, ни Геракл, ни Ахиллес, ни кто другой, мертвых не воскрешал и людей не лечил! Или я не прав?! И вообще, вот когда сам увижу этого лекаря, тогда, возможно, и поверю, а сейчас это больше похоже на сумасшедшие бредни.

Мартин какое-то время послушал разговор солдат, ухмыльнулся, махнул рукой и направился в казарму, а там завалился на койку.

— Надо же, мертвых оживляет! Вот бы с таким встретиться. Я бы руку на отсечение отдал, лишь бы увидеть его. Он же, если существует, и мою семью, получается, может вернуть? — начал было рассуждать юноша, но тут же остановился и, прищутив глаза, отмахнулся от странных мыслей: — Опять тебя понесло, Мартин! Все, спать! — ерзая по кровати в попытках заснуть, приказал себе он.

Но едва его охватил сон, буцинаторы нарушили тишину раннего утра, трубя по всему лагерю подъем.

— Ну, теперь держись! — открыв глаза, только и сказал Мартин и поспешил за друзьями на построение.

На плацу с важным видом взад и вперед расхаживал Публий. Он изредка посматривал на новобранцев с непонятной ухмылкой, ожидая, пока все построится и подтянутся, и время от времени подгонял их словами:

— Живее! Живее! Сколько можно ждать вас тут? Тоже мне, солдаты! Мухи сонные! Как бабы, честное слово! Вам еще юбку надо надеть, тогда точно поблажки будут. Ну, а пока у вас между ног кое-что болтается, пощады не ждите! Я из вас все соки выжму! Зато потом вы мне еще спасибо скажете, когда германцев в пух и прах разгромим!

— Ну да, конечно, — скептически буркнул себе под нос Луций.

— А вот насчет того, что соки выжмешь, не сомневаюсь, — поправил ремень Мартин.

— Уж это точно! К бабке не ходи! — Ромул посмотрел на стоящего рядом с ним Понтия. Тот кивнул головой в знак согласия.

Так для Луция и его друзей начался первый день полноценных испытаний. Теперь они только и делали, что рыли траншеи да таскали камни из угла в угол. В принципе, все то же самое делали и остальные, но Кассий с остервенением и злостью придирался к ним по каждому мелочам — гораздо больше и чаще, чем к другим. Оно и понятно: как никак, «друзья детства». А мерзавец Публий закрывал на все глаза, да и сам не брезговал лишний

раз поиздеваться над ними. Пока все отдыхали, они работали. Когда работали остальные, они трудились вдвойне. Помимо изнурительных нагрузок, у них была и физическая подготовка, и обучение боевым искусствам, начиная от рукопашного боя и заканчивая стрельбой из лука. Военная наука раньше их не пугала, ведь закалка у них уже была. Однако изнуряющие работы отбирали у друзей последние силы, так что им хотелось лишь одного — просто лечь и умереть. Их терпение было на исходе, нервы на пределе, и подавленность давала о себе знать, особенно в те минуты, когда друзьям все же удавалось передохнуть. Тогда они молча сидели и смотрели то друг на друга, то куда-то вдаль, не в состоянии что-либо сделать или даже сказать. Только Луций и Мартин изредка перебрасывались несколькими фразами.

Однажды, после долгой и изнурительной работы на жаре, они сидели на больших булыжниках.

— Зачем ты на прошлой тренировке так сильно отделал того бедолагу? Ты же прекрасно видел, что он тебе не ровня! — удивлялся Мартин.

— Надо было выпустить пар. Тем более, Кассий думал, что тот парень справится со мной. Почему все уверены, что рост человека — это уже победа?

— Ну и что, выпустил? А мне вот в прошлый раз этого сделать не дал! — рассмеялся Мартин. — Ты стал рассуждать, как Марк. Смотри, не сделай его своим кумиром. Нам нужен лидер, а не сенатор!

— Я своих рук вообще не ощущаю, — смотря на окровавленные мозоли, тихо проговорил Ромул. — Сколько мы здесь уже?

— Не знаю. Думаю, скоро будет ужин, так как солнце не сильно печет, — также изнуренно и тихо ответил Понтий, вытирая пот, градом катившийся с лица.

— Да причем тут ужин? Я спрашиваю, сколько дней осталось до того момента, когда Марк сможет нам помочь? Вот что меня больше всего интересует, а тебе лишь бы пожрать! Одно на уме — бабы и еда!

— Что ты орешь на меня? Задавай вопрос конкретней и не психуй! — вспыхнул Понтий и тут же вскочил со своего места.

— Что? Ты хочешь показать свою прыть? Голос на него повысили! Обиделся, маленький? Ну, не расстраивайся. Дай-ка я тебя приголублю, голодненький ты мой! — с издевкой подначивал Понтия Ромул и даже поднял руку для того, чтобы погладить друга, но тот резким движением отмахнулся от нее.

— Пасть закрой. Что-то ты ее не открывал, когда Кассий тебя заставлял после отбоя свинарник от навоза вычищать. Тогда ты таким смелым не был. Или только на своих можешь орать?! Иди поори на Кассия и выскажи ему свое недовольство! Что? Язык проглотил? Давно ли ты научился так разговаривать, червь книжный?! Гляжу, тебя задело?! Что-то ты по девкам с нами никогда не ходил! Может, сам как баба?!

— Да пошел ты, животное! Зато ты у нас можешь со всеми подряд! Тебе, наверное, хоть обезьяну приведи, разницы не будет! — проорал Ромул, вставая с камня и гневно жестикулируя.

— Заткнись, пока по зубам не схлопотал, неженка! Давно ты уже нарываешься, Ромул! — почесывая кулаки, прошипел Понтий.

— Давай, давай! Чего уж тут! У тебя всегда так было: бей своих, чтобы чужие боялись! Да тебе лучше тогда не с нами быть, а к ним примкнуть. Записаться в шестерки к Кассию, а если повезет и хорошо зад лизать будешь, то и до Публия недалеко! Ну а там и до Клементия

рукой подать!

— Ну все, сам напросился! — сжав кулаки, Понтий с ходу ударил Ромула так, что он, пошатнувшись, еле устоял на ногах.

Еще через мгновение они уже накиннулись друг на друга, сцепились, как сиамские близнецы, упали на землю и стали поочередно наносить удары, не забывая при этом перекидываться оскорбительными фразами.

— Долго в них это кипело, — усмехнулся Луций, глядя на то, как его друзья катаются в пыли, избивая друг друга.

— Я так и думал, что они подерутся. Пусть выпустят пар. Тут ты прав, давно это у них назревало. Зато потом легче будет, — ответил Мартин, также наблюдая за всем происходящим.

— Думаю, пора их разнять. Неприятности нам ни к чему, у нас их и так уже предостаточно. Кассию и Публию только дай повод. Да и без повода, вон, нервы уже сдают. А то еще и впрямь покалечат друг друга.

— Ладно, пошли разнимем, — сухо бросил Мартин.

Подойдя к Понтию и Ромулу, они растащили их по разным сторонам.

— Так, все, хватит! Хорош, я сказал! Хорош, а то сейчас оба получите! — заорал Луций на Понтия, который никак не хотел уgomониться и пытался выскользнуть из захвата.

Мартин, державший Ромула, также успокаивал разошедшегося друга.

— Все, все, довольно! Выпустил пар? Легче стало? — говорил он.

— Да отпусти ты меня! Я спокоен! — перестал сопротивляться Ромул и знаком дал понять другу, что с ним все в порядке.

— Ха! Ну, вот так бы сразу! — с легкой ухмылкой воскликнул Мартин.

Какое-то время они еще сидели поодаль друг от друга: Мартин с Ромулом, а Луций с Понтием. Так, на всякий случай. Вскоре к ним подошел Кассий со словами:

— Вы не на отдыхе. Хватит тут зады просиживать. Хватайте орудия труда и отправляйтесь копать вон там яму в мой рост глубиной и в пять человек шириной! Вы тут черви навозные и дерьмо под моими ногами. Так что вперед, девочки!

— Так точно, командир! — вставая, произнесли в один голос парни.

— А ну-ка, Ромул и Понтий, подошли ко мне, — осматривая их лица, проговорил Кассий. — Что это с вами?! Драться удумали?! Так вы сейчас мигом из армии с позором вылетите, как ваши отцы! Вы что, совсем страх потеряли, зелень?! — начал он орать на них так, что изо рта забрызгала слюна, а при небольшом желании можно было рассмотреть его глотку, которая раскрывалась настолько широко, будто он хотел извергнуть на них весь свой запас нецензурной брани разом. — Что заткнулись, дети свиней?! А?! Что с мордами?!

Мельком взглянув друг на друга, Понтий и Ромул отчеканили:

— Никак нет! Не дрались! Упали!

— Упали, говорите. Ну-ну. Еще раз упадете и больше не встанете! Ясно вам?!

— Так точно! — вновь в один голос произнесли они. — Разрешите идти выполнять задание?

— Идите, — сухо ответил Кассий. — И чтоб к концу дня яма была готова! Приду — проверю! А вечером, раз вы такие бойкие, будете показывать мастер-класс по фехтованию в паре с ветераном Кастулом по прозвищу Бык! Думаю, он дурь из вас выбьет! Притом все будете с ним биться, и ты, Луций, тоже! Это тебе не того зеленого завалить! — сказал он и презрительно плюнул на землю.

— Так точно! — вытянувшись по струнке, хором ответили друзья вслед уходящему Кассию.

— Вот повезло, так повезло! — швырнул кирку на землю и скривил рожу Луций.

— Да Кастул нам все кости переломает! Он же инструктор по фехтованию, лучше него тут никто не дерется! Кассий — урод! — покачал головой Мартин. — Ненавижу ублюдка!

Выругавшись и вспомнив всю родню Кассия до десятого колена, Ромул и Понтий направились туда, куда уже шли Мартин и Луций.

— Двадцать дней, — спокойно вдруг проговорил Понтий, немного улыбнувшись и посмотрев на Ромула.

Ромул в ответ лишь хлопнул друга плечу и затем протянул ему руку в знак примирения.

Вечером, как и обещал Кассий, Кастул, по прозвищу Бык, преподал парням мастер-класс по фехтованию. Первым под тихий шепот новобранцев в казарму, шатаясь и хромя, зашел Мартин. За ним, держа под руки Луция, который волочил ноги по земле, появились Понтий и Ромул. Солдаты сочувственно расступились, давая им пройти. Повалив Луция на кровать, друзья сели рядом и стали рассматривать свои синяки, ссадины и разбитые лица.

— Мне даже дышать больно, — ощупывая ребра, тихо произнес Ромул.

Мартин принялся прикладывать тряпку к разбитой голове Понтия. Луций лишь стонал, лежа на боку и иногда подтягиваясь к краю кровати, чтобы сплюнуть кровь. Он был похож на человека, по которому пронесся отряд персидских катафрактов, закованных с ног до головы в железо. И, видимо, пронесся не единожды.

— Что ты уперся-то?! — злобно произнес Понтий, вытирая кровь со своего носа. — Теперь вот лежи, кричи! Разозлил ты этого Кастула до белены! Что молчишь-то?! — обращаясь к Луцию, выкрикнул он.

— Да не ной ты, Понтий! Ему больше всех досталось! Ромул, дай ему воды, — перевязывая голову другу, ответил Мартин.

— Да так этому дураку и надо! Герой, мать его! Надо же было умудриться врезать Кастулу по челюсти при всем офицерском составе!

— Так он сам нам сказал: деритесь так, будто пред вами враг.

— Ромул, ты что, больной?! Он лет двадцать, наверное, в армии! Такие, как мы, для него плюнуть и растереть! Хорошо еще, что мечи деревянные! — потер челюсть Понтий. — Ох! Как же все болит-то!

Две трети курса молодого бойца были позади, оставалось продержаться меньшую часть. Но испытания для друзей только начинались. Впереди было то, по сравнению с чем физические тяготы и унижения со стороны Кассия и Публия были просто невинными шалостями. Впрочем, все горести, которые уготовила юношам судьба, только закаляли их тела и характер. Но вместе с тем они очерняли их души, убивая все хорошее и светлое, что в них еще осталось. И это было делом рук одного человека, если, конечно, его можно было так назвать. Те цели, которые он преследовал, были не так уж недостижимы. Зверя из человека сделать легко, а вот человека из зверя — невозможно.

[1] Младшие офицеры-трубачи.

[2] Начальник лагеря.

[3] Самый высокий по рангу центурион легиона.

Жадность заключается
в желании иметь более, чем необходимо.
Аврелий Августин

Красс стоял на небольшом мостике в общественном парке города. Уже почти совсем стемнело и от воды тянуло приятной прохладой. Еще утром его раб передал ему послание от Сципиона, в котором назначалась встреча в этом поистине красивом месте. Резной мостик был украшен крохотными статуями богов, а его перила переливались наполированным блеском: тысячи и тысячи рук прикасались к ним ежедневно на протяжении многих лет. Этот прогулочный сад начинался от небольшой террасы и уводил посетителей по извилистой лестнице вниз к загадочным и красивым растениям, за которыми тщательно следили императорские рабы-садовники. Прямые симметричные дорожки и аллеи были выложены каменными плитами, обсажены небольшими деревьями, а также кустами роз, мирта, олеандра, жасмина и граната и окаймлены изгородью из букса, лавра и розмарина. Повсюду виднелись клумбы с цветами. Лавочки, беседки, небольшие фонтаны и искусственные озера поражали своей умиротворяющей красотой. Красс смотрел вниз: там, в водах небольшого ручья, деловито сновали пестрые рыбки. Время от времени он отвлекался от созерцания, поворачивался и с кем-то здоровался, иногда даже заводил беседу и, судя по всему, уже начинал нервничать. Сроки поджимали, а Сципиона все еще не было. Вскоре совсем стемнело, и по небу рассыпались миллиарды светящихся зерен, а из-за набежавшей на него темной тучи предательски выглянул месяц и щедро пролил на мостик поток серебряного света.

— Проклятье! Вот урод! Играть он со мной вздумал! Заставил меня ждать целый месяц! Ну, что же, завтра из твоих щенков отбивные сделают, а послезавтра... — Красс, истощивший запасы своего терпения, начал ругаться и, плюнув в воду, уже собрался покинуть парк, но едва он повернулся к выходу, как тут же отпрыгнул в сторону.

Рядом с ним стоял человек в черных, как ночь, доспехах, укутанный в не менее черный плащ с покрывавшим голову капюшоном. Он непринужденно опирался на перила мостика и смотрел вниз на плескающихся в прозрачной воде рыб, подобно тому, как еще минуту назад это делал сам Красс. Небрежным движением руки он скинул капюшон и, повернувшись к Крассу, спокойно произнес:

— Не плюй в колодец, может, тебе еще из него напиток придется.

— Поучи меня еще! Почему так долго-то?! — и Красс снова демонстративно сплюнул в ручей.

Сципион, прищурившись, посмотрел вниз и, снова обратив взгляд на собеседника, ухмыльнулся едва заметной улыбкой.

— Ну что, ты принес все, о чем мы договаривались? Надеюсь, без обмана?

— Ты говоришь о рекомендательных письмах, не так ли?

— Да кому нужны эти бумажки?! Эти грамоты только для нищеты важны! Сам что ли

не знаешь, как их штампуют в нашем сенате? Я говорю про... Сам знаешь, про что. Я все пересчитаю при тебе, чтобы потом разногласий не было. Сам пойми, я этих ваших сопляков в лагерь пристроил, можно сказать, жизнь им облегчил. Хотя, что уж тут скромничать: спас я их! Как есть спас! Тем более что они дети этих... — Красс огляделся по сторонам и заговорщицки понизил голос.

— Предателей? Ты это хотел сказать? — спокойно, не глядя на него, уточнил Сципион.

— Это ты там со своим Марком знаешь, кто они, а для меня это обычные солдаты, и их родословная мне неизвестна! — нарочито громко, с визгливыми нотками в голосе ответил Красс, явно стараясь перестраховаться на случай, если их вдруг подслушивают.

— Да не ломай ты комедию, старый хрыч. Тут кроме нас с тобой никого нет, поэтому говори так, как тебе хочется.

— Ты за себя решай, а меня не учи. Я поэтому до стольких лет и дожил и такую должность занимаю, что имею привычку наперед все просчитывать. А если бы был, как покойный Помпей, то, наверное, тоже бы уже давно в петле болтался. Но нет, мне жизнь мила и работа моя мне по душе. Так что давай плати за то, что я сделал. И скажи спасибо, что я с вас взял так мало. Если бы я знал, что на этих ваших ребят точат зуб три моих офицера, содрал бы с вас втридорога, — рассмеялся Красс, протягивая руку и жестом показывая Сципиону, что пора отдать причитающееся.

— До чего же ты жаден, я поражен, — Сципион вытащил мешочек с монетами и бросил его Крассу. — Гляжу, золото тебя возбуждает, но, по всей видимости, ты им никогда не насытишься.

— Золота много не бывает, Сципион. А может, ты служишь своему хозяину за еду? — пересчитывая монеты, снова захохотал Красс.

— Я служу своему хозяину не за золото, Красс. Я служу ему из своих убеждений. Это очень разные вещи, но тебе вряд ли удастся это понять.

— Ну да, ну да! Конечно! Не отвлекай, а то я собьюсь!

— Вот будет у тебя много золота, Красс... Да что уж там, у тебя и сейчас много золота. А ты не задумывался о том, успеешь ли им воспользоваться, ведь человеческая жизнь — штука непредсказуемая. Сегодня ты жив и здоров, а завтра... А завтра может и не настать.

— Ага-ага. А-то! — не отвлекаясь от своего дела и совсем не слушая собеседника, бурчал себе под нос Красс.

Сципион презрительно ухмыльнулся и, достав пергамент, свернутый в трубочку, отвесил им Крассу такую оплеуху, что тот выронил монеты, которые со звоном раскатились по мосту. Он, было, кинулся их собирать, но снова получил удар свитком по лицу.

— Ты что, сдурел?! Ты на кого руку поднял, сопляк?! — багровея от гнева, заорал Красс, но вновь схлопотал унижительный удар свитком.

— Да что ты творишь-то?! Ребята! Ко мне!

— Не ори! Они тебя не услышат. Или ты думаешь, я задержался случайно?

Сципион схватил Красса за руку и вложил ему в ладонь три отрубленных пальца с перстнями. Красс в ужасе посмотрел на этот чудовищный аргумент и понял, что на помощь к нему и впрямь никто не придет. Отшатнувшись назад и выронив страшное подношение, он тихо прошептал:

— Ты не посмеешь. Нет, ты не посмеешь. У меня есть...

— Что есть? Что у тебя есть, Красс? Донос на нас на случай, если с тобой что-то случится? Ты этим меня хотел напугать?

— Д-д-да, ес-с-сть! И он будет передан куда надо. А откуда ты это знае...

Не успев договорить, Красс снова получил по лицу свитком, после чего Сципион кинул ему пергамент со словами:

— Не этот ли донос? Им ты меня хотел напугать?

Красс дрожащими руками развернул свиток и еле удержался на подгибающихся от страха ногах. Это был тот самый документ, который он составил накануне: его почерк и его подпись с его же фамильной печатью. Он еще утром положил его в тайник и дал указания своему самому преданному слуге, которому доверял больше, чем самому себе. «Неужели предал?», — мелькнуло в голове у Красса.

Он поднял свой взгляд на стоявшего перед ним Сципиона. В этот момент лунный свет озарил слугу Марка, и несчастный старик увидел истинный облик своего собеседника. Огромные черные крылья вдруг распростерлись за спиной Сципиона, он сделал несколько шагов вперед, и Красс, еле сглатывая слюну, охрипшим голосом проскрипел:

— Что ты такое?

— Лучше бы ты спросил, за что.

Одним движением руки Сципион вырвал у бедолаги нижнюю челюсть, и Красс с широко раскрытыми от боли глазами, словно обезглавленная курица, затрепыхался возле ограждения моста, пытаясь зажать руками рану, в которой булькала заливавшая его легкие кровь. Недолго понаблюдав за жутким зрелищем, Сципион с омерзением схватил умирающего Красса за шкуру и, перекинув через перила, сбросил с моста.

— Жадность — вот твой порок, Красс. Если бы ты был умнее и сразу взял то, что тебе предлагали изначально, был бы сейчас жив. Никто не смеет менять договор с ним. Никто.

Сципион плюнул вниз на труп Красса, развернулся, размял шею до неприятного хруста, накинул на голову капюшон и растворился в темноте.

Наслаждаясь вечерней прохладой, Марк прогуливался возле своего любимого фонтана в компании Германика. Еще утром он посетил Тиберия, чтобы уладить с ним оставшиеся вопросы о начале похода, и теперь, на закате дня, встретился с командующим операцией.

— Раньше я не видел у тебя тех пещер в холме, — присаживаясь на лавочку из хитро сплетенных ветвей, начал разговор Германик.

— А раньше их и не было, они появились недавно. Так сказать, тоннели в Тартар.

— В Тартар? остроумно и необычно. Нужно будет устроить что-нибудь подобное на своей вилле. Наверное, они прекрасно сохраняют прохладу в знойные дни.

— Ты даже представить себе не можешь, насколько они холодны. Но я позвал тебя сегодня не для того, чтобы обсуждать ландшафт моих владений, — улыбнулся Марк и присел рядом с гостем.

— Конечно, Марк, конечно, — сдвинув брови и нахмурившись, Германик покачал головой в знак понимания.

— Я надеюсь, ты не забыл о моей просьбе насчет тех новобранцев?

— Ну что ты, разве я мог об этом забыть? Твои люди и их юный командир под моим чутким руководством. Все правильно?

— Именно, — улыбнулся с легким прищуром Марк. — Я надеюсь, тебе хватило моего серебра на приобретение снаряжения и прочие затраты?

— О-о-о-о, Марк! Ха-ха-ха! По сравнению со всеми остальными из тех, кто финансировал этот поход, ты сыпал денарии, словно из рога изобилия! Многие даже

интересовались, откуда у тебя может быть столько денег!

— Надеюсь, ты отвечал им всем то, о чем мы договорились?

— Конечно, дружище! Все думают, что большую часть средств выделила казна. Но мы-то с тобой знаем, что после восстания легионов она существенно опустела. Да еще эти постоянно бунтующие рабы. Ах, сколько денег уходит на это. Но ведь...

Однако Марк не дал договорить собеседнику:

— А твоего дядю я убедил в том, что в поход вложились частные инвесторы, которые хотят впоследствии заполучить отвоеванные территории. Его устраивает такой расклад: удачная экспедиция окупит все затраты, пополнив казну деньгами, землей и новыми рабами. Все останутся в выигрыше, поэтому не будем больше говорить об этом.

— Как скажешь, как скажешь, — улыбнулся Германик.

— Когда начнут комплектовать легионы новобранцами, обрати внимание на пятый легион, тот, что находится под командованием Клементия.

— Клементий? Клементий... Сын покойного Силана? — почесывая подбородок и задумчиво глядя на фонтан, вспомнил Германик.

— Именно. Ну, так вот: именно туда я направлю центурию своих воинов под командованием моего человека.

— Это уже интригует, Марк! Имя-то хоть есть у твоего парня?

— Его зовут Луций. Да, они немного соперничают с детства с легатом легиона, поэтому настоятельно прошу тебя попридержать Клементия в узде — хотя бы до первого серьезного сражения. Пускай мой паренек проявит себя, а если окажется овощем, то и пес с ним.

— Ох, Марк. Зная тебя, я уверен в том, что ты что-то не договариваешь и ведешь одному тебе известную игру. Но за то, что ты для меня сделал, я обещаю тебе исполнить все твои просьбы. А сейчас, если это все... — Германик встал с лавки, — ...разреши откланяться: дела!

— Игра? Нет, Германик, это не игра — это тонкий расчет. Все, что я делаю, есть не что иное, как комбинация железного терпения и временных затрат с моей стороны. Так что, надеюсь, ты меня понял, — поднимаясь и пожимая руку собеседнику, ответил Марк. — Ступай, дела не ждут, никогда и никого не ждут.

Германик улыбнулся, поклонился и пошел прочь от фонтана. Уже было довольно темно, но яркий месяц освещал вымощенную гладким булыжником дорожку не хуже фонаря. Асмодей проводил гостя до выхода, где полководца ждала личная охрана.

Марк недолго оставался в одиночестве: вскоре из темноты появился Сципион.

— Ну что, ты расплатился с Крассом за его доброту? — любуясь на звезды, спросил у него Марк.

— С лихвой, мой господин, — ответил Сципион и бросил под ноги сенатору оторванную челюсть несчастного.

— Абигор, тебе не приходило в голову, что ты чрезмерно жесток? — Марк брезгливо отпихнул ногой челюсть Красса в сторону, чтобы она закатилась в кусты.

— Я как-то не задумывался над этим, повелитель.

— И правильно. Не забивай себе голову всякой ерундой. Ты тот, кто ты есть, и не скрываешь этого, в отличие от этих мерзких двуличных существ. Вот, например, Германик. Я дал ему армию, уговорил его дядю прислушаться к нему. А что взамен? Стоило ему лишь немного ощутить свою силу, и вот он уже задумывает после похода избавиться от меня, дабы не возвращать мне мое серебро. Или Клементий. Я устроил похороны его отца. Правда, и

убил Силана тоже я, но ведь и похоронил же, как полагается, с почестями. Дал его семье денег, ему самому — должность и, ни много ни мало, смысл в жизни. А что он? Змееныш тоже помышляет расправиться со мной. Парадокс! А этот мерзкий Красс? Договорились же уже, так нет, ему больше подавай, больше, больше. А ему все мало. Люди... Что с них взять? Ими управляешь, как марионетками, а они думают, что все в их руках и они хозяева своей жизни. Что же, все складывается как нельзя лучше. Даже мой брат не мешает нам, кстати, это уже становится странным и настораживает. Ты так не считаешь?

— Он еще покажет себя, это уж точно.

— Да, в этом сомневаться не приходится. В долгу он никогда не оставался. Вспомнить хотя бы потоп. Как долго я уговаривал его смыть всю нечисть с этой планеты. Сколько труда мне стоило убедить его сделать это. И все напрасно! Ладно, посмотрим. Разыграв наши козыри, будем теперь ждать, чем ответит он. А пока... Пока сделаем вот что: раз уж освободилось место Красса, давай-ка на него посадим Публия. Пускай этот молодой, женоподобный паренек сидит здесь, негоже ему в походы ходить: не ровен час, германцы их опять засмеют. Клементию хватит и Кассия, чтобы окончательно разозлить Луция. Ну, а что касается Красса... Врагов у него было предостаточно, так что пусть ищут вероятного преступника. Наверняка кого-нибудь да найдут и вздернут, как обычно, для отчетности. И еще: по завершении кампании нужно будет заканчивать с Германиком. — Марк повернулся и направился к дому, однако через несколько шагов остановился и, подняв вверх указательный палец, добавил: — Пизон отлично подойдет для этого дела. Его будет легко убедить в том, что Германик представляет угрозу власти Тиберия.

— Пизон так Пизон. Но могу и я.

— Нет, только не ты. В этом деле мне нужен кинжал, а не молот. Тем более для тебя и так найдется работа.

— Как скажете, повелитель. Только у меня есть один вопрос: а если Агриппа не захочет видеть на должности Красса молодого парня, да к тому же не своего человека?

— Агриппа умнее, чем Красс, он не станет связываться со мной. Да и я уже направил ему письмо от имени императора. Все давно решено за них.

Марк быстрой походкой подошел к своему дому и зашел внутрь. Там его уже ожидал Александр, который при виде своего господина почтительно склонил голову.

— Присаживайся, Александр. Значит, центурия готова и ожидает своего командира, не так ли?

— Все верно, повелитель.

— Прекрасно.

— Все сделано так, как вы и приказывали. Сотня моих лучших послушников отобрана для этого подразделения, а мои кузнецы выковали для них прекрасные доспехи и оружие. Луций знает их всех: это именно те люди, с кем он и его друзья вместе тренировались и обучались. Мои бойцы будут преданны ему и отдадут жизнь за него в любую секунду.

— Превосходно. Воины должны увидеть в нем великого полководца и тогда они пойдут за ним даже на Рим. Твои послушники отлично проявят себя на поле боя и принесут Луцию славу в этом походе. Абигор, что с формированием черного легиона?

— Все идет по плану, уже собраны три полноценные когорты. Осталось еще столько же, и легион будет готов. Проблема в том, мой повелитель, что у нас нет профессиональной кавалерии. Римляне традиционно надеются на пехоту, а потому достойных наездников среди них я так и не нашел.

— Это печально. Но выход есть всегда. Недаром я тогда послал Александра за русичем. Если бы он сразу привел его ко мне, а не проворонил парня в лесах, то у нас давно бы уже были превосходные воины. Теперь людей придется обучать после похода. Ратибор займется этим делом, а ты, Абигор, отбери лучших наездников из тех, что есть. Ну что же, осталось только познакомить нашего варвара с будущим генералом, — усмехнулся Марк. — Асмодей, встретить Луция, он уже должен быть у входа.

Толстяк, щуря блестящие глазки, расторопно подскочил к двери и отворил ее в тот самый момент, когда Луций собирался постучаться.

— Луций, мальчик мой! А мы тебя дожидаемся. Проходи, проходи, дорогой. Марк уже совсем заждался тебя. Ох, как ты возмужал, как окреп! — рассыпая комплименты, улыбаясь во весь рот и трясая вторым подбородком, не переставал болтать Асмодей.

Луций прошел в зал, где его встретил Марк и принял в свои объятия. Поприветствовав парня, сенатор внимательно его осмотрел.

— Ты возмужал, хотя прошло совсем немного времени. Присядь, и давай обсудим все по порядку.

— Как мой отец, Марк? — Луций, нахмурясь, присел на ложе.

— Я буду откровенен с тобой. Все, что мне удалось для них сделать, это перевести их в каменоломни близ Апуанских Альп. Мне с трудом удалось убедить судей не применять к ним смертную казнь. Особенно это было сложно сделать для твоего отца, поскольку он при задержании убил нескольких солдат. Пришлось потратить много золота на то, чтобы вместо него вздернули кого-нибудь другого. Так что дела не очень-то хороши: никто не выживал в каменоломнях больше пяти лет. Я уже говорил тебе, что сейчас все зависит только от тебя.

— Ты узнал, кто оклеветал нас? — сдвинув брови, снова спросил Луций, и в его глазах блеснул огонек ярости, который Марк сразу приметил и от этого слегка улыбнулся.

— Конечно, Луций. Я всегда держу слово. Его зовут Помпей.

Услышав имя, Луций вскочил, но Марк, положив ему руку на плечо, усадил его обратно.

— Не кипятись. Он уже мертв.

— Ты убил его?!

— Я? Брось, я и мухи не обижу, не то что человека... Его погубила собственная зависть. Будь я в этом замешан, я бы с удовольствием предоставил вам возможность разделаться с ним. Думаю, это был бы хороший подарок, не так ли?

— Жаль, что эта скотина сдохла!

— И мне жаль.

— А почему он оклеветал именно нас, Марк?

— Не вас, а твоего отца. Остальные так, просто попали под горячую руку. Он начинал служить вместе с Корнелием, но никогда не имел своего мнения, а плыл по течению, пытаясь за счет других пробиться наверх и получить чины. Видя, как твой отец ловко управляется с солдатами, принимает самостоятельные решения, иногда вопреки приказам, и всегда оказывается прав, Помпей стал испытывать к нему ненависть и зависть, которые пожирали его все эти годы и в итоге заставили его совершить такой гнусный и подлый поступок. Но, как говорится, он не рассчитал свои силы, и угрызения совести довели его до петли. Да, представляешь, бывает и такое. Редко, правда, но бывает. Иногда, потеряв своего врага, люди перестают видеть смысл в жизни, — убедительно рассказывал Марк ровным голосом.

Конечно, он лгал Луцию, и причиной доноса был отнюдь не Корнелий, да и Помпей не

сильно страдал от угрызений совести. Даже потеря любимой женщины вряд ли бы довела его до повешения, если бы ему в том не помог Авера. Но рассказ предназначался для ушей Луция, и Марк преподносил ему факты именно так, как тот хотел их услышать. Ведь юноша мог неправильно воспринять историю о неразделенной любви Помпея к Ливии и расценить ее по-своему, обвинив во всем Мартина, раз именно из-за его семьи все и пострадали. Другое дело, если причиной их бед был его собственный отец, да к тому же прекрасный отец, превосходство которого над другими было столь велико, что вызывало зависть у недругов. Тут уж пенять было не на кого.

— Не переживай, я разузнал еще кое-что, — добавил Марк.

Луций поднял глаза и посмотрел на него вопросительным взглядом. Тот помял виски и, слегка прикрыв веки, продолжил:

— Командира карательного отряда зовут Константин. Еще двух солдат — Герман и Гай. Это они вырезали семью Мартина, и именно Константин отдавал соответствующие приказы. Но только ты пока не суетись, спрячь злобу подальше. Я вижу, как она тебя распирает, но сейчас они для вас словно журавли в небе. Сначала вернитесь из похода, а я тем временем буду следить за мерзавцами, и потом мы вместе решим, как поступить с ними.

— Марк...

— Да, Луций?

— Только не трогай их без нас, хорошо?

— Конечно, мой мальчик, конечно. Поверь мне, я не дам их в обиду, пока вы не вернетесь, и уж тем более не позволю им умереть. Да, и не показывай никому, что творится у тебя в душе. Поверь мне, все ваши беды — это еще не самое страшное, что может произойти в жизни.

— Ничего страшнее я и вообразить себе не могу. Что может быть хуже того, что твой родитель, как раб, страдает в каменоломнях, имение разорено, рабочие убиты, а ты сам не можешь признаться, какого ты рода?

— Страшнее? Я расскажу тебе одну историю. Когда-то очень давно она произошла с моим знакомым. Однажды у одного богатого и известного римлянина вне брака забеременела единственная дочь. Он пришел в ярость, узнав о том, что отцом ребенка является его собственный раб. Гнев затмил его рассудок, и он призвал к себе лучших лекарей, чтобы те на глазах у будущей матери разрезали бедолагу на кусочки. И те послушно резали его, а затем лечили и снова резали, пока смерть не избавила раба от мук и то благодаря тому, что у несчастного началась гангрена, которая и положила конец его страданиям. Но и это еще не все: после появления на свет внука богач приказал бросить младенца на растерзание псам. А ты говоришь — каменоломня. Ваш случай еще не самый худший. К тому же у вас остается надежда отомстить, а вот у того младенца никаких надежд не было. Собственный дед обрек его на верную гибель лишь потому, что он оказался сыном раба. Словно он был животным, нечистокровным детенышем, которого люди решили отбраковать за несоответствие ими же придуманным стандартам.

— Самого бы его к псам! — злобно прошипел Луций, понимая, что Марк, действительно, прав и что в их случае еще не все потерянно. Он несколько раз сжал и разжал кисть правой руки, которая почему-то жутко замерзла.

— А мы с тобой схожи во мнениях, Луций. Именно к псам. Навечно к псам. Око за око, зуб за зуб. Я прав, Александр?

— Истинно правы, — с едва заметной грустью в голосе ответил Александр.

— Ах, да, Луций, я ведь позвал тебя сюда с конкретной целью. За разговором я чуть было не забыл о подарке.

— О подарке? Мне?

— Конечно, тебе, — Сципион положил перед Луцием уже хорошо знакомый ему меч с рукояткой в виде змеи с драгоценными камнями вместо глаз.

— Бери, он твой, — легким, небрежным жестом руки Марк указал на оружие и улыбнулся. — Извини, что не могу пока помочь твоему отцу. Прими хотя бы этот меч в знак нашей дружбы и моего уважения к тебе, — Марк, сказал это таким тоном, будто извинялся за ничтожность подарка и за то, что не может дать большего.

Да, он мог подарить исполнение мечты как пустяшную вещь, а мог пустяк продать за огромную цену. Луций смотрел на оружие, почти не дыша. О таком клинке он и грезить не смел! Меч, должно быть, стоил целое состояние, но для Луция не это было важно. Обладание таким оружием на тот момент для него было превыше всего: он жадно разглядывал блестящий металл, забыв обо всем, даже о своем отце, даже о мести и о своих друзьях. Он поднял глаза и посмотрел на Марка, словно спрашивая разрешения, и тот учтиво кивнул головой. Луций протянул к мечу руку. Но как только он коснулся его, в мозгу молнией промелькнула череда воспоминаний о том, как он нес домой маленького щенка, как растил и учил его, как потом его сам, собственной рукой, вот этим мечом... Но углубиться в эти размышления ему не дала корыстная мысль: «Единственная мера всего — это успех. Недостойный власти гибнет. Власть предрержащий не имеет сожаления, только холодный расчет. Стать императором! Править миром! И что есть жизнь пса, пускай и любимого, когда на кону такое?! Император Луций! Почти что бог на земле!». Юноша чуть вытащил клинок из ножен, и свет, засверкав на отполированном до блеска лезвии, резанул по глазам. Луций улыбнулся и вложил меч обратно.

— Спасибо, Марк! — его глаза светились радостью от подарка.

— Да брось, сущие пустяки. Главное, никогда не расставайся с ним и ни за какие деньги не продавай. И помни: дареное не дарят!

— Я ни за что и ни на что не променяю его!

— Вот и прекрасно. Но у меня для тебя есть еще одна новость.

Луций вопросительно и даже с удивлением посмотрел на Марка.

— Скоро вас распределят по легионам. Ты приписан к пятому, как тебе известно. Тебе присвоят звание центуриона, а твои друзья станут младшими офицерами.

— Но как? Как тебе это удалось?

— Пришлось подкупить кое-кого. Сам знаешь, в этой жизни без взяток никуда. Люди падки на подарки. Хотя, если честно, я не вполне понимаю, почему их за их же работу, которая и так вполне достойно оплачивается, приходится еще и одаривать. Впрочем, это не важно — важен результат, а он заключается в том, что у вас будут офицерские звания.

Луций не верил своим ушам. Он так никогда и не узнает, что их назначения найдут за пазухой у покойного Красса, которого на следующий день обнаружат в ручье под мостом. Его изуродованное тело похоронят впопыхах, дабы не придавать странную смерть огласке. Вскоре на должность Красса поставят Публия, и все пойдет своим чередом. Но это случится уже после того, как легионы выйдут в боевой поход, до начала которого оставалась всего пара дней.

— Но и это еще не все, Луций. Александр любезно согласился предоставить в легион своих людей и специально для тебя и твоих товарищей сформировал центурию. Так что с

вашиими воинами вы уже знакомы. Это те бойцы, с которыми вы тренировались, поэтому налаживать дисциплину и зарабатывать авторитет у солдат тебе не придется. Они и так знают, кто ты, и будут беспрекословно тебе подчиняться. Единственное, что тебе нужно делать, это правильно распоряжаться ими, ведь они не боги. Помни, они смертные! — рассмеялся Марк. — Да, Александр, ты можешь идти, я тебя больше не задерживаю. У тебя еще много дел: центурия должна быть готова к походу. Ступай.

— Конечно, — склонив голову перед Марком, произнес Александр и тут же удалился.

А Марк неспешно обошел вокруг Луция, остановился у него за плечом и тихо прошептал ему на ухо:

— У меня для тебя еще сюрприз, — и затем крикнул: — Ратибор!

Откуда-то сверху послышалась уверенная, тяжелая поступь. По лестнице, держась рукой за перила, степенно шагая по ступеням, спускался человек, похожий на изваяние древнего бога. На его могучем и крепком теле сверкали доспехи, отличные от римских: скорее они выглядели как варварские. Тело покрывала металлическая кольчуга, штаны были заправлены в сапоги, за пояс заткнут боевой топор. Видно было, что воин не успел до конца облачиться, словно он только что вернулся то ли с тренировки, то ли из далекого похода. Ратибор сошел вниз к Марку и Луцию. Его русые волосы были аккуратно острижены, лицо украшали густые, но не длинные борода и усы, из-под суровых бровей прямо и смело смотрели голубые, словно небо, и холодные, словно лед, глаза. Луций сразу понял, что это был сильный и храбрый воин. Весь его вид буквально кричал об этом. По росту с Ратибором мог сравниться разве что Александр, всех остальных он превосходил как минимум на голову.

— Ну что, Луций, ты узнал его? — снова шепнул Марк на ухо юноше.

Луций лишь пожал плечами и помотал головой.

— Ну как же?! Ты же спас этому воину жизнь! — подходя к Ратибору, теперь уже громко произнес Марк.

— Я?

— Ты, ты. Спасти жизнь можно не только делом, но и словом.

Луций недоуменно смотрел то на Ратибора, то на Марка, не понимая, о чем идет речь.

— Я — гладиатор. Ты первый потребовал сохранить мне жизнь там, на арене. Помнишь? — спокойно глядя на Луция, сказал Ратибор.

— Ну конечно! — ударил себя ладонью по лбу Луций. — У меня этот случай совсем вылетел из головы!

— Зато у меня нет. Благодаря тебе я жив. А я не привык оставаться в долгу.

Луций снова с вопросом в глазах посмотрел на Марка, не понимая, к чему клонит этот воин.

— Я вижу, Луций, ты в недоумении. Я объясню. Ратибор — прекрасный воин, и ты в этом убедился сам, наблюдая, как он сражается на арене. Ты спас ему жизнь, и я решил купить его для тебя, но не в качестве раба, а в качестве товарища. Он будет охранять тебя в походе, вольную я ему уже подписал, так что проблем с этим не возникнет. Тем более он единственный из вас, кто превосходно может убивать себе подобных: у него это в крови. И он, в отличие от вас, имеет опыт настоящих сражений, пускай только на аренах. К тому же тебе не помешает преданный телохранитель. У меня есть Сципион, хотя я и не опасаюсь за свою жизнь, а у тебя будет Ратибор. А он, поверь мне, стоит нескольких хорошо обученных воинов.

Луций не спеша подошел к гладиатору. Стоя перед этим человеком, он чувствовал себя

неуверенно и неловко. Ратибор и впрямь был похож на мифического полубога, вроде Геркулеса или Ахилла. Тогда, со зрительских трибун, он не казался настолько могучим, но теперь Луций понимал, почему гладиаторы имперской школы не очень-то хотели нападать на этого русича.

— Значит, ты будешь меня охранять? — протягивая руку Ратибору, спросил Луций.

— Я не нянька. Я уже говорил об этом Марку. Я буду помогать тебе настолько, насколько смогу. Но прислуживать тебе или делать за тебя твою работу я не собираюсь. Уясни это раз и навсегда, или убейте меня прямо здесь. Рабом я больше не буду! Лучше умереть стоя, чем жить на коленях!

— Мне рабы не нужны, Ратибор. Мне нужны соратники. Раз ты ценишь то, что я спас тебе жизнь, цени тогда и мою дружбу, — Луций все еще держал свою руку протянутой.

Ратибор взглянул в глаза юноши, от которого явно не ожидал услышать ничего подобного. Он до последнего думал, что его снова обманут и приставят в услужение к какому-то молокососу. Но в зале у Марка он увидел перед собой смелого и открытого парня, который смотрел на него не с высока, а как на равного, и не брезговал первым подать руку бывшему рабу и гладиатору. Ратибор подумал, глубоко вздохнул и, пожав протянутую ему руку, произнес:

— Я буду предан тебе, Луций.

— Я буду уважителен к тебе, Ратибор.

— Вот и прекрасно. Я же говорил тебе, русич, что вы найдете общий язык. А я редко ошибаюсь, — похлопал Ратибора по плечу Марк. — Асмодей, налей-ка нам вина. За такое следует выпить. Сейчас мы творим историю.

Толстяк быстро выполнил приказ, и все трое без промедления подняли чаши и осушили их до дна.

— Вот теперь все. Не смею вас больше задерживать. Тебе, Луций, пора в лагерь. Ратибор прибудет туда вместе с центурией. Ты уж объясни друзьям, что к чему. И, да, держите язык за зубами: слишком много посторонних ушей вокруг вас.

— Конечно, Марк. Еще раз спасибо за подарок, — Луций повернулся к русичу. — Рад был познакомиться с тобой, Ратибор. Скоро встретимся.

Юноша уважительно склонил голову, после чего быстрым шагом направился к выходу.

— Ну что, русич? Разве я обманул тебя? — спросил Марк.

— Стоит признать, ты отличаешься от тех людей, с которыми мне прежде приходилось иметь дело.

— Слушай меня, Ратибор, и ты сможешь отомстить за своего отца. А пока можешь идти отдыхать. Я гляжу, ты опять тренировался. Это похвально. Скоро твое умение пригодится.

Марк вышел на веранду и с прищуром посмотрел на звездное небо. Сзади, как преданный пес, к нему подошел Сципион.

— Слишком быстро варвар пошел на уступки, господин. Вам так не кажется?

— А что ему остается делать? Он хочет мести. Мы дадим ему след, пускай бежит по нему. А пока он рыщет, мы будем его использовать. Точнее сказать, использовать его будет Луций. Я знал, что они быстро придут к взаимопониманию.

— Милорд, Луций скоро может поинтересоваться судьбой своего брата, — облокотившись на перила, намекнул Сципион.

— Маркус — наш козырь. Велиал знает свое дело. И ты не прекращай тренировать его. Я не хочу остаться без запасного плана. Всегда нужно быть готовым к самому худшему

повороту событий. Когда они вернутся из похода, мы предоставим Луцию возможность увидеться и с братом, и с отцом. Надеюсь, он не умрет до этого на каменоломнях, хотя для нас это был бы, пожалуй, самый лучший вариант.

— Можно это устроить, господин, только скажите.

— Не стоит, Абигор. Пускай все идет своим чередом, я пока слишком слаб, чтобы нарушать договор с ним. А мы и так уже серьезно вмешались в людские дела. Но ничего, скоро наш мальчик перестанет ценить простые человеческие радости, его чувства притупятся, и он будет мечтать только об одном — о власти. Он будет жаждать превосходства над другими и испытывать одну лишь ненависть, ненависть ко всем и каждому за свои детство и юность. Еще немного, и ему не будет нужно ничего, кроме господства над миром. Ни женщины, ни вино, ни развлечения не смогут принести ему такого наслаждения, как война, смерть и покорение народов. Да, он станет прекрасным оружием против себе подобных. Он явит во всей красе истинную сущность человека. Само совершенство! Так ведь, по-моему, говорит о них мой брат? Что же, пускай он увидит свое творение в его настоящем облике. Не будет любви к ближнему. Я посею в людях ненависть к самим себе, и она, переходя от человека к человеку, словно вирус, поработит весь мир. Мне останется только немного подождать. Подождать, пока они сами не падут к моим ногам.

Глава 15 ГЕРМАНИЯ

Луций встретил рассвет на ногах. Тяжелый месяц, который он и его друзья выдержали, стиснув зубы, подошел к концу. Впереди их ждал поход. Они еще не представляли себе, какие именно события и впечатления их подстерегали в пути, и эта неизвестность манила их предвкушением захватывающих приключений, мысль о которых будоражила воображение Луция и порой не давала ему спать. Вот и в эту душную августовскую ночь, после его назначения на должность центуриона — причем его собственной центурии, с которой он тренировался последние несколько лет, — юноша никак не мог уснуть. Крепкие, как на подбор, воины, предоставленные ему Александром, уже были размещены в казарме, а он со своими друзьями получил палатку и ждал приближающегося рассвета, чтобы поскорее отправиться туда, откуда их родители вернулись опозоренными. Мысленно Луций был уже там, в дремучих и суровых лесах страшной, но манящей и притягательной, словно магнит, Германии. Размышления об этой далекой стране вытеснили из сознания юноши приятные воспоминания о том, с каким выражением лиц смотрели на него Публий и Кассий, когда ему на построении вручали грамоту о назначении на офицерскую должность. Он уже позабыл и о том, как на пиру, устроенном в честь отбытия в поход, Клементий брезгливо обошел стороной всех младших и старших офицеров и, демонстративно плюнув под ноги Луцию, удалился восвояси. Друзья еще не знали, что легат постарается устранить их в первом же сражении, как не знали они и о том, что накануне Клементий ездил к Марку и написал донос самому императору, в котором предупреждал о присутствии в войске ненадежных бойцов, способных подвергнуть опасности всю кампанию. Все это сейчас отошло на второй план, и Луций думал только о том, как прославиться, спасти отца и доказать всем, что они не хуже других. А главным, главным было то, что момент отмщения с каждым днем приближался. «Константин, Герман, Гай», — крутились имена в голове Луция, не давая ему покоя. «А еще эти соседи, которые, словно коршуны, слетелись на добычу, — с ними нужно будет разобраться тоже! И, конечно, Клементий! Но как поквитаться с ним? До него ведь сейчас не доберешься: он легат легиона, в котором мы служим! Несправедливо! Как же несправедливо!», — мысленно посетовал юноша, и в нем снова стали просыпаться мечты о власти, о том, как он будет править Римом. От предвкушения триумфа голова его закружилась, и он, опершись руками о стол, медленно опустился на кресло.

— Добьюсь! Стану! Они смогли, а чем я хуже?! Я буду императором Рима! Всех поставлю на колени, всем воздам по заслугам! Ничего, ничего, придет время! Марк учит ждать, значит, я буду ждать и дождусь! — прошептал Луций и посмотрел на своих друзей, спящих на койках. Затем он взглянул на Ратибора, который прибыл сюда вместе с его центурией и теперь сидя дремал в углу палатки, положив руку на меч: он явно пока еще не доверял ни Луцию, ни его товарищам. Скоро, совсем скоро затрубят горны и тысячи людей зашевелиятся, засуетятся, словно муравьи, а потом пойдут туда, куда им прикажут, ведомые одной общей целью. Пойдут убивать, грабить и поработать всех тех, кого они, римляне, считают недочеловеками, варварами, ничтожествами, скорее даже животными, нежели людьми. Смотря на крепкое и могучее тело русича, Луций понимал, что эти так называемые варвары куда более цивилизованны, чем он сам и его сограждане, что им знакомо что-то

такое, чего римлянам не постичь никогда, а именно — представления о преданности и чести. Юноша вспоминал тот момент на арене, когда Ратибор, оставшийся один против десятка гладиаторов, предпочел смерть унижению перед оголтелой, развращенной бездельем толпой. При этом воспоминании Луций слегка улыбнулся, понимая, что все-таки он был прав, потребовав тогда в Колизее пощады Ратибору и тем самым подарив жизнь этому варвару. Возможно, в будущем он еще не единожды спасет русичу жизнь на поле боя, хотя иногда достаточно и одного раза, чтобы изменить историю и собственную судьбу.

Германик пересек Рейн в начале осени, ознаменовав этим событием повторную попытку завоевания Германии. На территорию противника легионы ступили уже поздней осенью. Это было далеко не самое лучшее время года для ведения боевых действий, но римляне, полные сил и уверенности в быстрой победе над германцами, были настроены оптимистично. Все мечтали отомстить за подлое предательство и разгром легионов Вара в Тевтобургском лесу, а больше всего об этом мечтал Луций.

Однако вскоре пыл воинов заметно поостыл. Дождь лил, не переставая, уже вторую неделю. Армия продвигалась медленно, обозы вязли в грязи, и солдаты, промокшие до нитки и уставшие до полусмерти, уже не выказывали прежнего рвения куда-то спешить и тем более с кем-то воевать. Легион под командованием Клементия, в котором числился и Луций, был собран в основном из новобранцев. Они, сильно растянувшись, брели в конце обоза, пытаясь догнать основные силы, но с каждым днем расстояние до них все больше увеличивалось. Как ни пытался Клементий подогнать солдат, срывая на них глотку и ломая о них кнут, все было тщетно. А проклятая погода, словно издеваясь, проверяла завоевателей на стойкость и выносливость и выливалась на их головы тонны и тонны воды. Иногда, сжалившись над людьми, боги все-таки давали им передохнуть от ненастья и останавливали надоевший всем холодный дождь, правда, совсем ненадолго, иногда буквально на несколько минут, после чего он начинал лить с новой силой. Все небо было затянуто одной сплошной тучей, из которой постоянно потоками падала на землю вода. Эта туча была единственным, что удавалось солдатам разглядеть вверху сквозь ветви огромных деревьев, подпиравших своими недосыгаемыми верхушками грязное небо. Туча была темная, плотная. Казалось, что по ней можно было ходить и даже прыгать без страха упасть вниз и разбиться. Между тем воины уже начинали перешептываться о том, что боги, должно быть, снова прокляли этот поход и что они попадут в такую же западню, как и Вар со своими легионами. Напряжение в армии нарастало, бойцам повсюду мерещились разведчики германцев, и Клементий и его правая рука Кассий только и делали, что пороли солдат, которые, по их мнению, распространяли слухи и сеяли панику. Другие же офицеры понимали, что если все продолжится в том же духе, то скоро дело дойдет и до расправы над легионерами.

Луций шел во главе своей центурии и смотрел вверх на то, как плачет небо. Почему оно плачет? Он не знал ответа, и вряд ли здесь был хоть кто-то, кто помог бы ему этот ответ найти. А небо плакало и плакало — долго, не переставая, навзрыд, роняя на землю множество прозрачных слезинок. Падая вниз, они превращались в ручейки, ручейки сливались в небольшую речку, а множество таких речушек наполняло огромные лужи, в которых вязло войско.

— Гадкая погода! Как и вся эта Германия! Да на кой она нам сдалась?! — глотая из походного бурдюка вино и кутаясь в промокший плащ, недовольно бормотал Понтий.

— Главное, что мы пока еще живы, — спокойно ответил Ромул, оглядывая местность и

делая какие-то заметки на клочке пергамента.

— Книжный червь! Я гляжу, тебе все нипочем, святоша! — снова отхлебнул горячительного Понтий.

— Старайся в каждой ситуации увидеть приятное, и жизнь покажется куда лучше, чем она есть на самом деле, — Ромул не обратил никакого внимания на издевки друга и продолжил заниматься своим делом.

— Нет, Луций, ты его слышал?! Ему все нипочем! Смотрю я на тебя, Ромул, и хочу хоть раз в твоей шкуре оказаться. Так сказать, почувствовать себя на месте идиота.

— Не стоит, Понтий. Вдруг понравится? — усмехнулся Ромул.

Понтий отхлебнул вина, одобрительно ударил друга по плечу и залиvisto рассмеялся.

Но вскоре все снова молча двинулись вперед, хлюпая ногами по лужам. Луций шел рядом с Ратибором, который хмуро шагал по размякшей дороге. Юноша не переставал восхищаться этим могучим созданием — другого описания для русича он пока не придумал. Прищутив один глаз, Луций решил нарушить молчание вопросом:

— Ты скучаешь по дому?

Ратибор бросил быстрый взгляд на собеседника, но тут же отвел его в сторону:

— Я скучаю по нему каждый день, каждый час, каждое утро, когда просыпаюсь. Тебе не понять этого. Ты вырос на своей земле.

— Ты прав, Ратибор, я вырос на своей земле. Только она отобрала у меня то небольшое, что у меня было! Тебя лишили всего чужаки. Меня — мое собственное государство.

Ратибор снова взглянул на Луция и с пониманием покивал головой.

— А какая она, твоя Русь? Ведь ты так ее называешь? — с интересом спросил Ромул, подойдя ближе к варвару.

Ратибор улыбнулся, окинул взором все вокруг и внезапно начал петь:

Воздух свежий, воздух пряный
И небес весенних синь,
Хороводы на полянах
Пробудившихся осин.

Крик грачей с берез высоких -
Весть веселая весны,
В небе птичий клин далекий
Из неведомой страны.

Ой ты, Русь моя родная,
Ничего не надо мне,
Только каплю этой сини,
Что в озерной глубине.

Только звонкие рассветы,
Тени стройных тополей,
Эти песенные ветры
Над просторами полей.

Друзья шли и слушали, как этот суровый варвар поет о своей далекой стране, и от этого у них на душе становилось теплее и спокойнее. Они понимали, что этот человек, прошедший огонь и воду, не утратил своей культуры, не потерял надежды вернуться домой и не перестал верить в свои убеждения. Когда русич закончил петь, Луций, задумавшись, произнес:

— Судя по песне, твоя родина прекрасна.

— Так оно и есть. Жаль, что я стал ее забывать.

— А кто научил тебя этой песне?

— Ярополк. Он был великим воином и телохранителем моего отца. Он научил меня всему, что я умею, — с гордостью и твердостью в голосе произнес Ратибор.

— Ратибор, а страшно убивать людей? — неуверенно поинтересовался Ромул.

— Страшно. И не верьте тому, кто скажет, что сделать это просто. Со временем привыкаешь к запаху крови и виду изувеченных тел, но сначала жутко страшно. Но что-то внутри тебя приказывает тебе совершить это, ибо если не ты, то тебя. Я сам не принимал участия в больших сражениях, но битв на арене мне хватило, чтобы понять, что нужно делать на поле боя. Надеюсь, вы не оробеете в первом же сражении. Не очень-то мне хочется закончить свою жизнь вдали от родины, да еще и в компании трусливых подростков, — рассмеялся Ратибор.

— И не надейся! — насупился Луций и, ускорив шаг, прикрикнул на когорту. — Шевелитесь! Быстрее!

— Обиделся что ли? — спросил русич у Понтия.

— Похоже, ты его задел за живое, — ответил тот и снова отхлебнул вина.

К вечеру войско разбило лагерь, и изможденные, насквозь вымокшие и промерзшие до костей воины, разведя кое-как костры, разбрелись по палаткам. Клементий же собрал всех офицеров у себя в ставке для того, чтобы пояснить планы дальнейших действий. Понурые и уставшие, они молча смотрели на то, как легат их легиона ходит по шатру и нервно озирает собравшихся хищным взглядом, словно выискивая кого-то в толпе. Увидев Луция, Клементий нервно передернул лицом и, подойдя к столу, где была разложена карта, произнес:

— Место, где был разгромлен Вар, уже недалеко. Германик ведет туда основные силы. Наша задача помешать племени херусков их обойти кругом. Мы перехватим их здесь! — указал пальцем точку на карте Клементий. — А ты, Луций, со своей прекрасной центурией, преградишь им дорогу здесь!

Луций медленно вышел из-за спин офицеров и посмотрел туда, куда указывал ему Клементий.

— Там же сплошная топь! А холмы наверняка уже заняли германцы. Как я смогу сдержать их с одной своей центурией? Они просто снесут нас! Командир, это же самоубийство!

— Ты не повинешься моему приказу, центурион?

— Никак нет! Разрешите приступить к выполнению задачи с рассветом!

Клементий поманил юношу пальцем поближе к себе, наклонился к его уху и тихо прошептал:

— Не знаю, за что боги одарили тебя тем, что ты сейчас имеешь, но это будет твой первый и последний, притом бесславный поход. Ты сдохнешь здесь за своего отца. Хотя как-то ваш поганый род искупит свою вину перед Римом.

— Разрешите идти? — сдержал гнев Луций.

— Ступай, — ответил Клементий.

— Слава Цезарю!

— Слава!

Луций вышел из шатра и, шатаясь и не понимая ничего, направился вглубь лагеря. Хотя что тут было непонятно? На месте Клементия он поступил бы так же. Раз нельзя убить своего врага в открытую, следует создать такую ситуацию, в которой тот погибнет сам. И, похоже, Клементий все хорошо продумал. Он знал, что Луций не осмелится послушаться приказа и, скорее всего, падет в бою. И никто не сможет обвинить легата в смерти юноши. А в том, что германцы раздавят Луция, как букашку, Клементий не сомневался. Даже если парень и выживет... Впрочем, этот вариант развития событий легат серьезно не рассматривал: в такой ситуации не выживают. Конечно, он понимал, что, возможно, ему пришлось бы отвечать за свои действия перед Германиком, который наверняка бы захотел узнать, почему легат пятого легиона Клементий Силан послал центурию на верную смерть. Ведь о том, что на холмах возле топи полно германцев, разведка уже знала, а значит, знали об этом и все командиры, включая Клементия и, тем более, самого Германика. Но возможность убрать с пути Луция волновала его куда больше.

Если бы только Луций знал, как все это похоже на то, что произошло с его отцом в этих же лесах много лет назад. Выйдя из шатра Клементия, он неуверенной походкой добрал до своей палатки. Еще издали он услышал, как подвыпивший Понтий снова задирает Ромула и как они по своему обыкновению о чем-то спорят. Остановившись у входа и немного успокоившись, Луций зашел внутрь, где Понтий и Ромул уже начинали перебраниваться на повышенных тонах, а Ратибор и Мартин рассматривали разложенный на столе чертеж и что-то тихо обсуждали.

— Дерьмо. То, что ты придумал, — дерьмо! — то подходя к столу, то отходя от него, кричал Понтий.

— Почему это? — спокойно поинтересовался Ромул.

— Да не воюет так никто! Понимаешь?! Не воюет!

— Я на это и рассчитываю. Раз так никто не воюет, значит, и они не догадаются о том, что это ловушка.

— А почему ты решил, что они клюнут?!

— Я бы сам так поступил, будь я на месте врага. И ты бы так сделал. Или нет? Ты просто знаешь секрет и поэтому думаешь, что все о нем знают. А зря.

Луций подошел к ним незамеченным и встал в стороне, пока не вполне понимая, о чем идет речь. Жаркий спор явно заинтересовал его, и он, не отвлекая никого, остался за спинами своих друзей, молча наблюдая за происходящим.

— Напрасно ты, Понтий, горячишься. Идея интересная и даже очень. Вопрос только в том, как заставить врага кинуться всеми силами напролом и смешать свои ряды.

— Ратибор, и ты туда же?! Это же самоубийство! Получается, мы сами должны открыть ворота в лагерь и впустить неприятеля вовнутрь. Но он же просто растопчет нас, если его силы будут превосходить наши!

— Но при этом, если хитрость Ромула удастся, мы одним махом положим много воинов.

— Ага, а остальная их часть перебьет всех нас. Или ты думаешь, поднимающийся частокол сработает?! По-моему, это полный бред! Как забор может подняться из земли и при этом остаться достаточно крепким? Вообще не понимаю, как это возможно! Сказка и

вымысел Ромула, вот что это!

— Не понимаешь, так не опровергай. Говорю тебе, я все просчитал, и все сработает на отлично.

— Ага! Просчитал он! Да если даже и так, тебе все равно не представится случая проверить все это! Для этого нужно было бы, чтобы нас отправили в зад к самому Плутону, а разве такое возможно?! — поле этих слов Понтия Луций наконец подошел к столу и посмотрел на чертеж, удивив собравшихся неожиданностью своего появления.

— В зад к самому Плутону, говоришь? Думаю, нам вскоре представится такая возможность, — внимательно вглядывался в бумагу Луций. — Клементий с радостью отправил нас туда, — он поднял глаза на Ромула. — Ты уверен, что это сработает?

Тот лишь пожал плечами:

— Теоретически...

— Нужно практически, Ромул.

Луций взял чашу с вином, которая стояла на столе рядом с Понтием, и, осушив ее до дна, рассказал друзьям о том, что их посылают на верную гибель.

— Этого стоило ожидать. Хорошо, что не прирезали спящими еще там, в казарме, хотя могли бы, — утомленно потирая глаза, сказал Мартин.

— Ну надо же, ублюдок никак не смирится с тем, что мы подняли голову тогда, да и теперь живем не хуже других!

— Сколько нужно времени, чтобы ты смог соорудить такой лагерь? — облокотившись на стол, поинтересовался Луций у Ромула.

— Два-три дня, если все пойдет по плану.

— День, Ромул. Один день. Больше времени я дать тебе не могу. И то при условии, если мы подойдем незаметно и успеем поставить частокол до того момента, когда германцы поймут, что мы отрезали им обратный путь. Работать будем все вместе. Остается только надеяться на то, что твой план сработает, иначе мы останемся здесь навсегда. У херусков в той местности сосредоточена не вся армия, а лишь небольшой отряд, хотя по сравнению с нами и этого очень много. Что же, мы хотели в легион и хотели служить Риму. Время пришло.

— Хотели! Только мясом мы быть не хотели! — ответил Мартин и вышел из палатки.

Все остальные мрачно и молча смотрели друг на друга. Они прекрасно понимали, что их посылают на убой, иначе туда отправили бы целую манипулу, а то и две. Клементий из ненависти ставит центурию против врага, заведомо превосходящего ее по численности. Глупость и безрассудство, но ненависть не знает таких слов: она живет сама по себе и играет по собственным правилам. Такому раскладу был рад только Ратибор. Услышав название племени германцев, он злобно улыбнулся и почти шепотом произнес непонятное имя: «Ульрих».

Никто из друзей так и не заснул до самого утра. Каждый искал себе занятие, чтобы отвлечься от мыслей о том, что ожидало их на рассвете. Единственный, кому, по всей видимости, было плевать не только на все происходящее, но и на саму смерть, был Ратибор. Подложив под голову свернутый плащ, он беззастенчиво храпел на полу, время от времени почесываясь и переворачиваясь с боку на бок.

Как только начало светать, Луций надел шлем, поправил доспехи и вышел на улицу к центурии, которую Понтий уже поднял и вывел на построение. Луций прошелся вдоль рядов и посмотрел на рослых солдат с прекрасной выправкой, одетых в черные доспехи и отлично

вооруженных. Единственным, на что он не обратил внимания, были пустые, безжизненные глаза этих людей. словно машины, они выполняли его приказы, ели, спали и при этом никогда не разговаривали между собой. Может, поэтому Марк говорил о них как о вещах? Впрочем, сейчас все это было неважно. Луций обошелся краткой речью, после чего центурия в боевом порядке вышла из лагеря и направилась туда, где ее ждали неизвестность, страх и отчаянье. Почти все офицеры легиона вышли из палаток и безмолвно, стыдливо опустив глаза, провожали молодого центуриона и его странную центурию на верную смерть. Их обреченность понимал каждый, но никто не хотел попасть в немилость к командиру, и поэтому все молчали, лишь бы самим не оказаться на месте приговоренных бедолаг.

Отойдя от точки дислокации основных сил, центурия Луция оказалась в болотистой местности, покрытой непролазным кустарником. Около трех часов они уже шли без остановки к участку, где должны были разбить лагерь, чтобы преградить путь врагу и не дать ему пройти через топи. Пробираясь через заросли, воины вышли на небольшую тропу, но тут их остановил Ратибор. Он поднял руку вверх предупреждающим жестом, а сам направился вперед. Солдаты замерли в ожидании. Вскоре русич повернулся к ним и тихо произнес:

— Надвигается гроза. Нужно остаться здесь и переждать ее, она будет недолгой. Мы можем укрыться вон под тем уступом, — указал он пальцем на огромный валун, который висит над небольшой горкой наподобие козырька, образовав под собой достаточно места, чтобы разместить там целый отряд.

— Откуда ты знаешь? — спросил Луций, подходя к русичу и вглядываясь в указанном им направлении.

— Ветер поменялся. Да и птица притихла, будто вымерла. Посмотри вон туда, — Ратибор обратил внимание Луция на паутину: паук, который ее сплел, забился в самый ее угол и не реагировал на добычу, попавшую к нему в сети. — Он чувствует приближение недобрых перемен гораздо лучше, чем люди, поэтому и сидит тихонько: боится. Нам стоит последовать его примеру. Пауки — хитрые хищники. Наши старцы говорили, что они могут видеть будущее, а наши воины почитали заветы предков. Тем более, я — варвар, Луций. Я вырос в лесу и отлично знаю повадки природы. Лучше поверь мне на слово. Если прикажешь идти дальше, я пойду, но мы потеряем много сил и времени в неравной борьбе с ураганом, и, наоборот, сэкономим их, если переждем его. Германцы, скорее всего, тоже знают о приближающейся буре и не станут предпринимать активных действий. Поверь, у нас есть время, чтобы добраться до места вперед них.

— Надеюсь, ты прав, Ратибор. Надеюсь, ты прав, — Луций повернулся к солдатам искомандовал: — Все под каменный навес. Устроим привал.

— Что случилось? — подойдя к нему, поинтересовался Мартин.

— Ратибор сказал, грядет буря. Нужно переждать!

И действительно, вскоре поднялся легкий ветерок, потянуло прохладой. Как только центурия укрылась под каменной глыбой, небо стремительно затянула зловещая черная туча, все вокруг потемнело и на какое-то мгновение затихло. Затем, словно спохватившись, задул резкий холодный ветер. С деревьев посыпалась листва, затрещали ветви вековых сосен, послышался треск старого дуба, который, сдавшись под натиском стихии, рухнул прямо на то место, где совсем недавно стояли воины Луция. Ослепительно яркая молния вспорола небо. Тут же прогремел оглушительный гром — Луций и его друзья даже пригнулись от его неожиданного и пугающего раската. Солдаты стояли словно вкопанные, не шевелясь и не дергаясь, и наблюдали за всем происходящим с внешним равнодушием.

— Похоже, боги гневаются на нас! — усмехнулся Луций.

— Спустился бы сюда хоть один! Я бы постарался вонзить в него клинок по самую рукоятку! — Мартин сплюнул в сторону и выбежал под ливень, который хлынул с небес обильными потоками.

— Мартин! Вернись назад! Я кому сказал, вернись назад! — заорал на него Луций.

— Давайте! Спускайтесь! Все спускайтесь! И ты, ничтожный Юпитер, явись, покажи себя! Выйди ко мне! Я не моя мать и не сестры, которые не могут постоять за себя! Уж я-то тебе дам отпор! Ну же, спускайся! — выхватив клинок, орал Мартин в небо. — Ты не рад, что мы здесь?! Да нам плевать на твое недовольство и на твои законы! После того, что ты с нами сделал, нам уже все равно!

Молнии почти без перерыва вспыхивали одна за другой, но друзья напрасно призывали Мартина одуматься и вернуться в укрытие. В конце концов, Луций сам выскочил под дождь и, сбив Мартина с ног, повалил его в вязкую жижу. Тот попытался сопротивляться, но Луций несколькими ударами успокоил его. Тут подоспело подкрепление, и Мартина общими усилиями затащили обратно. Едва воины вернулись под навес, как очередная молния вонзила свой трезубец именно в то место, где они только что находились. Не утихая, гремела в тучах гулкая небесная канонада, и от этого блистания и грохотания у всех трепетно сжимались сердца. Друзья, тяжело дыша, сидели на земле и пристально глядели на обгоревшую траву, которая дымилась под проливным дождем, испуская отвратительный запах гари. Какое-то время все пребывали в оцепенении, но вскоре Луций нарушил тишину.

— Похоже, мы и вправду направляемся к самому Плутону в Тартар! И он явно не хочет нас туда пускать, а то вдруг мы и там выживем!

Друзья задумчиво улыбнулись, понимая, что им в очередной раз крупно повезло. Словно чья-то могущественная рука поддерживала их и вела по какому-то великому, непознанному, но при этом очень опасному пути.

Гроза, действительно, бушевала недолго, минут сорок. И прекратилась она так же внезапно, как и началась: тучи резво разбежались по небосводу и исчезли, будто их и не было. Вот только еще больше похолодало, а с высоких холмов в низину молоком полился густой туман, укрывая под собой все, чего он касался.

— Пора выдвигаться, — оживился русич. — Погода настроена против нас. Здешние боги гневаются за то, что мы пришли сюда.

— Плевать я хотел на них! — злобно стряхнул с себя грязь Луций. — Они всегда гневаются, сколько не моли их о милости. И я больше не намерен их умолять. Теперь я буду требовать! Я стану брать силой то, что принадлежит мне по праву. Я больше не намерен ни перед кем склонять голову: пускай другие склоняют ее передо мной или теряют ее! Выдвигаемся!

— Слова либо безумца, либо страшного человека, — вслух отметил Ратибор, а про себя подумал, что не хотел бы иметь в числе врагов этого юношу, который явно еще покажет свой оскал всем тем, кто его недооценивает. Если, конечно, они выживут.

Клементий сидел за столом вместе с Кассием, когда к нему вошел примипил и сообщил дурную весть:

— Господин, солдаты многих центурий отказываются идти дальше. Они боятся здешних друидов и верят в то, что дух Квинтилия Вара следит за нами и хочет нашей крови.

— Что?! Что ты мелешь, офицер?! — вставая из-за стола и отшвыривая в сторону кусок

жареной курицы, прокричал возмущенный Клементий.

— Я говорю так, как есть, командир. Солдаты плохо обучены. У них не было должной подготовки в связи со спешными сборами в поход. Да еще эта мерзкая погода... Люди утомлены тяжелым переходом и подавлены, дайте им время на отдых, и вскоре они придут в норму.

Багровея от злости, Клементий вышел из-за стола и медленно приблизился к примипилу легиона. Он пытался держать себя в руках, грозно сдвигая брови и с трудом глотая слюну, но, когда офицер посмел заговорить про центурию Луция, которую отправили на верную смерть без веских на то причин, и про опасения остальных солдат о том, что с ними могут поступить так же, не выдержал и сорвался:

— Заткнись! Не смей указывать мне, что делать!

— Я и не смею, командир, — пытаюсь стоять прямо, отвечал примипил.

— Кассий!

— Да, Клементий, — отпивая из чаши и вытирая губы рукой, отозвался тот.

— Возьми-ка мою преторианскую гвардию и дай понять солдатам легиона, что я не потерплю паники! Этого мерзавца снять с должности! Посмотри, кем его можно заменить, а самого прогони через строй, чтобы все поняли, что так будет с каждым, кто посмеет зайти ко мне с подобными вестями! Нужно пресекать такие разговоры на корню! Солдат не должен прижимать хвост, словно шелудивый пес! Я пришел сюда не для того, чтобы мой легион сравнивали с легионом Вара! Преподай им урок и убедись, что они усвоили его раз и навсегда!

— Как скажешь, дружище! — Кассий поднялся из-за стола, подошел к примипилу и вытолкнул его на улицу.

Центурия Луция медленно шла, ступая в туман, словно в густые облака: на секунду под каждой обувью в грубую солдатскую обувь ногой возникал клочок черной грязи, которая сразу же затягивалась белой пеленой. Шаг за шагом взглядам бойцов открывалось что-то таинственное и неизвестное. Что-то тревожное и загадочное, словно вышедшее из детских страшных сказок, заволакивало их души. Луций, всматриваясь в непроглядную завесу, крепко сжимал рукоять своего меча, ожидая нападения в любую секунду. Все шли тихо, а сами прислушивались к любому шороху и невольно останавливались, если у кого-то под ногой с хрустом ломалась ветка. В одно мгновение Луций даже чуть не подал команду к атаке, когда прямо перед ними неспешной галерой проплыл огромный лось, важно минуя людей и явно пренебрегая их присутствием. А может быть, зверь попросту не заметил их, настолько скрывало обзор внезапно опустившееся на землю холодное облако.

— Не видно ни черта, — злобно произнес Понтий.

— Тихо ты... Хочешь, чтобы нас всех тут порешили? Вдруг они рядом, — прижимаясь к Луцию и вглядываясь в туман, ответил Ромул.

— Да какая разница, тут нас прикончат или там. Всем же понятно, что мучиться нам недолго осталось, — произнес в пустоту Мартин и хрустнул веткой под ногой так громко, что все остановились, как по команде, и замерли, почти не дыша.

— Мартин, твою мать! — прошипел Луций.

— Да я-то тут причем? — пожал плечами Мартин.

Затем он опустил на корточки и пропал в пелене.

— Мартин, хватит ерундой заниматься. Пошли, нам нужно двигаться вперед.

— Луций, тут палки повсюду какие-то странные и камни, — голос Мартина доносился, словно из преисподней.

— Какие еще палки и камни? Мартин, не говори глупости, поднимайся. Нам идти надо.

— Да вот какие, — ответил Мартин, возникая из тумана и вытаскивая на обозрение скелет человеческой ноги.

Однако, как только он увидел, что поднял, сразу отбросил страшную находку в сторону и отпрянул назад.

— О, боги, что это за дрянь была?! — испуганно спросил Ромул и шагнул в сторону, а под его ногами также раздавался хруст.

— Мартин, это что, нога?

— Нет же! Цветочек! Нога, конечно.

— Куда мы вообще попали? — занервничал Понтий, озираясь по сторонам и, в свою очередь, наступая на что-то, что издавало звук ломающихся веток.

— Центурия! Занять оборону! — прокричал Луций.

Солдаты вмиг по команде встали в круг, приготовившись отразить любое нападение.

— А потише-то можно? — подошел к Луцию Ратибор.

— Можно, Ратибор, можно. Только вот мне как-то не по себе. Ты уж прости, но нервничаю я немного! — ответил Луций, которого начинало злить непоколебимое спокойствие русича.

— Думаешь, мне не страшно? И все же прошу: тише. Чуешь, подул ветер? Скоро туман рассеется. И мне не очень-то хочется увидеть за ним тысячу-другую германцев, жаждущих нашей крови.

Вскоре ветер усилился. Туман становился все менее густым и через несколько минут исчез без следа — Ратибор и тут оказался прав. Варвар, действительно, знал разные приметы и хорошо ориентировался в лесу в любых условиях, сохраняя при этом нечеловеческое хладнокровие. Наверное, после этого случая Луций и решил перенять у него его спокойствие, а может, после того, как они наконец-то увидели, что скрывал туман и по чему они шли все это время, думая, что шагают по ветвям деревьев. Все вокруг было усеяно останками солдат. Видно было, что они пролежали здесь не один год, а оставшиеся кое-где ржавые доспехи и оружие говорили о том, что все эти люди — римляне. Тут и там к деревьям были прибиты черепа, посажены на колья головы, привязаны к стволам или подвешены на ветвях скелеты. Сами того не ведая, Луций и его товарищи оказались на месте давней расправы. Именно сюда много лет назад германцы согнали всех пленных солдат из легионов Вара и несколько дней пировали, принося их в жертву своим богам. Они не пожалели никого. Вкус победы опьянил их, и Арминий уже не мог остановить вакханалию. Друиды германцев приказывали своим воинам отрубать у убитых бойцов ноги, чтобы их души не могли дойти до лодочника Харона, который переправляет почивших в мир мертвых. После расправы Арминий ужаснулся тому, что они сотворили. С тех пор это место обходили стороной все, кто знал о его существовании. Казалось, оно было пропитано тишиной и ощущением смерти. Луций еще не знал, что, выбрав невольно эту дорогу, спас центурию от неминуемой гибели, поскольку германцы не поставили отряды только здесь, так как и сами боялись гиблого места. Пройдя по этой долине смерти, Луций со своей центурией оказался именно там, где их меньше всего ждали. К тому же они получили необходимое время, чтобы спокойно укрепиться и разбить лагерь. Это страшное место сильно подействовало на них, очень сильно: они молча готовили оборонительные укрепления, обмениваясь лишь

короткими фразами, и воочию наблюдали, что ждет их в случае поражения. Сдаваться после такого зрелища живым никто не хотел. Еще раз обдумав план Ромула, Луций приказал ставить укрепления без хитроумной ловушки, которую он так и не понял своим уставшим и обессиленным рассудком. Как Ромул ни пытался вразумить друга, Луций остался непреклонен.

— Понтий прав: все это хорошо только в твоей фантазии, а на деле может и не сработать. Для воплощения твоей задумки нужны либо солдаты, либо тягловые животные. Людей я тебе дать не могу, а лошадей или волов у нас просто нет. Идея-то хорошая, но не в нашем случае. Ставьте лагерь по плану Ромула, но без этих хитростей! На них еще и время нужно, а у нас его ой как мало. Нам бы просто укрепиться успеть.

— Но, Луций, послушай... — попробовал возразить Ромул, но командир центурии лишь отмахнулся от него рукой.

Уже под вечер, после того, как он расставил часовых и разместился в землянке, рухнув без сил на мокрый плащ, Луций подумал: «Странно все это. Сначала молния, затем это место. Как мы вообще смогли к нему пройти? Осилить такое расстояние за один день и оказаться в нужной точке, да еще и с таким преимуществом во времени — разве это возможно?», — начал было размышлять он, но вскоре провалился в глубокий сон и не просыпался почти целые сутки.

Очнулся Луций от того, что кто-то будил его, теребя за плечо. Приоткрыв глаза, он увидел Ромула, который что-то бормотал, а рядом с ним — Ратибора.

— Что?! Уже нападают?! — шаря рукой в поисках меча и стряхивая с себя остатки сна, забеспокоился Луций.

— Тише, тише. Никто пока ни на кого не нападает. Все спокойно, — улыбнулся Ромул.

— Мы тут к тебе за одобрением пришли. Просто этот вопрос нужно с тобой решить, — добавил Ратибор.

— За каким еще одобрением? — немного успокоившись, зевнул Луций.

— Ну, насчет моей затеи с ловушкой.

— Ромул, ты опять за свое? Так для ее сооружения время нужно, да и как вы собираетесь частокол поднять? Даже если мы яму у ворот выкопаем, то для того, чтобы заблокировать вход, нужно будет человек пятьдесят, не меньше, а это во время боя просто нереально. А если они массой напролом пойдут? Нет, нет. Это самоубийство, Ромул. Если бы у нас было несколько лошадей, еще можно было бы попробовать, а так только погубим себя понапрасну. Поверь, я уже не раз думал над твоим планом — и думал, и прикидывал. Затея хорошая, но не в нашем положении. Ты уж извини, дружище, но нет.

— Так, мы тут это... Потому и пришли, — почесав затылок, загадочно улыбнулся русич.

— Не понял? — озадачился Луций и, прищурив глаза, посмотрел на обоих.

— Ну, как тебе объяснить? Ты же сам только что сказал, что затея хорошая. И тогда говорил, что хорошая. А перед тем, как мы выдвинулись сюда, даже одобрил мой план и был настроен его осуществить. Не знаю, почему ты потом засомневался, ну да ладно. Мы тут... Как бы это... Мы тут яму-то уже копать начали. Понтий и Мартин хотя и долго сопротивлялись, но мы их с Ратибором убедили. Они сейчас все подготавливают. Дело только за лошадьми осталось.

— За какими лошадьми?! Какую яму?! Вы что удумали?! — поднимаясь с земли и на ходу накидывая на плечи плащ, выбежал наружу Луций.

— Да все в порядке! — только и успел крикнуть ему вслед Ромул.

Выскачив на свежий воздух, центурион пятого легиона Луций Корнелий с трудом узнал местность. Лагерь бурлил, все в нем находилось в движении. Солдаты его центурии, словно муравьи, объединенные общей целью, делали что-то колоссальное. Всеми процессами руководили Понтий и Мартин, которые и сами, не покладая рук, работали вместе с солдатами. Грязные от земли и уставшие, друзья еще умудрялись спорить между собой. Погода была явно прохладной, но они, разгоряченные трудом, были раздеты по пояс. Увидев Луция, Понтий вонзил топор в большой пень, отер рукой пот, обильно струившийся со лба, и огляделся вокруг.

Холодное осеннее солнце медленно исчезало за высокими деревьями. Мощный земляной вал опоясывал периметр лагеря. Ровный частокол был надежно вкопан в землю. По специальным помостам ходили с десятков солдат, которые всматривались в чащу окружавшего их леса. Вся остальная часть центурии была занята сооружением ловушки, которую придумал Ромул. Повсюду работали солдаты. Одни копали огромную яму сразу за лагерными воротами, другие из вынутой земли строили насыпь, третьи забивали в насыпь бревна, четвертые заостряли колья и вкапывали их на дне ямы, превращая ее в адское ложе. Еще одна группа трудилась за воротами, маскируя связанные между собой бревна и пряча их от глаз противника в земле в пределах лагеря. К этим бревнам были привязаны канаты, которые другими концами крепились к двум большим деревянным колесам, расположенным внутри укреплений. Вскоре вся эта конструкция была настолько искусно скрыта от посторонних глаз, словно ее и не было вовсе. Работы близились к концу, и суть задумки Ромула окончательно прояснилась. Лагерь был окружен рвом и частоколом, по обеим сторонам от ворот к центру лагеря шел укрепленный забор, который упирался в другие ворота. Между воротами была вырыта яма, а в ее дно забиты острые колья. Луций смотрел на это, словно завороченный: он не мог поверить, что все было сделано за такое короткое время.

— Еще одни сутки, и мы закончим, — подойдя к другу, произнес Понтий и, зачерпнув из ведра ковшом воду, стал жадно пить, затем вытер рукой губы и добавил: — Тебя не стали будить, решили тут сами поработать. А тебе нужно было отдохнуть перед боем. Мы тут, правда, немного поспорили насчет идеи Ромула, но гаденыш умеет убеждать. Так что прикинули и решили сообща, что лучше его хитрость, чем вообще никакой. Видишь, что удумал, паразит? Вон там, на первых воротах, стоят два засова: один сломан, другой хороший. Вытащив хороший, враг легко сломает заранее подготовленный плохой запор, и ворота распахнутся.

— А дальше они попрут внутрь лагеря и окажутся на яме. Правда, знать они об этом не будут, — перебив Понтия, продолжил довольный Ромул. — Здесь замкнутое пространство, но они об этом и не подумают. Они не смогут догадаться, что первые ворота ложные и что у нас есть вторые. А когда они набьются в этот карман поплотнее, мы захлопнем мышеловку.

— И сколько их сюда набьется? — окидывая взглядом сооружение, поинтересовался Луций.

— Человек двести, может, триста — как повезет.

— И что дальше?

— Дальше мы поднимем замаскированный забор, заперев их здесь, а затем сработает механизм. Вот этот, — показывая чертеж, начал объяснять Ромул.

Но Луций отодвинул его руку с бумагой от себя, сказав:

— Я все равно ничего не пойму в твоих каракулях. Просто объясни, что именно

произойдет.

— Сработает механизм, и под ними раскроется яма. Люди попадают на колья, а тех, кто останется в живых, мы закидаем копьями и камнями. Нужны только лошади. Ну и, конечно, нужно хорошенько разозлить германцев, чтобы они в ярости кинулись внутрь.

— Насчет разозлить, это можно! А вот что насчет лошадей? — Луций пристально посмотрел на Ромула. — Где их взять?

— Я добуду их, — спокойно ответил Ратибор.

— О, как! Здорово. А можно поинтересоваться, где? Что-то я тут за частоколом табунов не наблюдаю. Поблизости я видел только одного лося, да и тот растворился в тумане.

— Я уйду за ними сегодня ночью и вернусь на рассвете. Попробую увести их у германцев. Заодно и разведаяю, что да как.

— Ты хочешь пойти один? Не слишком ли рискованно?

— Одному мне будет проще. Не вернусь на рассвете, значит, не ждите.

— Луций, нам все равно терять нечего. Давай попробуем — авось получится. Хотя бы подышим подольше, да зверья этого с собой заберем побольше. Отомстим если не за своих близких, то за наших падших! — потирая нос, проговорил подошедший к ним Мартин.

Луций молча поднялся на небольшую возвышенность на территории лагеря и довольным взглядом осмотрел результаты работы, понимая, каких трудов его солдатам стоило возведение этого укрепления.

— Ну что же. Терять нам, и правда, нечего. Да и плана лучше, чем придумал Ромул, у нас нет. Давайте тогда придерживаться его и надеяться на то, что германцы дадут нам еще хотя бы пару дней на то, чтобы все закончить. А ты, Ратибор... Ты уж постарайся! Иначе... — так и не договорив, Луций развернулся и пошел прочь, осматривая то, что было уже закончено.

Его солдаты работали сутками и ели один раз в день, словно и не уставали вовсе. Угрюмые и молчаливые, они поначалу даже пугали Луция, но он быстро привык к их странному поведению. «Действительно, как нелюди», — мелькали у него в голове слова Марка. Находясь вдали от Рима, юноша скучал по общению с ним. Ему не хватало его пронизательности, его глубоких мыслей. Луций медленно прохаживался по своему лагерю, понимая, что, возможно, это его последние дни, что Клементий послал их на верную смерть и что, несмотря на это, он не мог послушаться приказа. Он хвалил и подбадривал своих странных, молчаливых, работающих на износ солдат, которые больше походили на безликих кукол. Он не знал, что они представляют собой в бою — он лишь понимал, что Марк не дал бы ему плохих воинов, и поэтому был уверен: они не отступят и не побегут. Верил он и в своих друзей, и в этого варвара Ратибора, верил даже в себя, хотя ему было поистине страшно, до дрожи в ногах. Ведь никто из них, кроме русича, не воевал и не убивал. Прищурился один глаз, он посмотрел в темнеющий лес, который скрывал от него нечто страшное и неизвестное. Затем усмехнулся с отчаяньем и пошел к воротам, туда, где уже стоял Ратибор, готовый отправиться в эту неизвестность. Подойдя к нему, Луций оглядел его с ног до головы, протянул ему руку и произнес:

— Ждем тебя на рассвете, и не вздумай не вернуться!

— Добро! — ответил русич, повернулся к нему могучей спиной и трусцой поспешил в чашу.

Луций, Мартин, Понтий и Ромул еще долго смотрели ему вслед, пока он окончательно не скрылся в бесконечных зарослях этой проклятой Германии.

Стадо баранов под предводительством льва
всегда победит стадо львов под предводительством барана.
Наполеон Бонапарт

Солнце палило так, что обжигало кожу до волдырей. Постоянная пыль, стоявшая над каменоломнями, забивала легкие, и работающие здесь люди, задыхаясь, то и дело откашливались кровью. В огромном карьере тут и там лежали умершие, трупы которых убирали только ночью, с наступлением прохлады. В полдень здесь было как в аду. Гладкие светлые скалы, отражая солнечные лучи, разогревали камни так, что до них нельзя было дотронуться. Солдаты, закутав лицо тряпками, чтобы легче было дышать, стояли на возвышенностях в тени, не особо обращая внимание на трудящихся внизу рабов и осужденных. Там хватало надсмотрщиков из числа таких же заключенных: они, не щадя кнута, пороли всех подряд, желая тем самым скостить себе наказание и получить пусть и небольшие, но привилегии. А в этих каменоломнях привилегией был даже лишний глоток прохладной воды. Все белые от каменной пыли, еле перебирая ногами, люди таскали огромные валуны, дробили их на небольшие плиты и щебень, грузили на подъезжающие повозки. Цикл повторялся снова и снова, изо дня в день. Руки, стертые до костей, не успевали заживать. Сил к вечеру почти не оставалось. Мало кто мог продержаться здесь больше года.

Протрубил рог. Казавшийся нескончаемым шум инструментов разом стих, и измученные люди повалили в тень, куда уже подвезли воду и хлеб. У раздачи завязалась потасовка: осужденные, словно звери, отбирали друг у друга еду. Подоспевшие надсмотрщики кнутами и розгами разогнали дерущихся, а зачинщиков вытолкали из очереди и поставили в стороне — сегодня они останутся без пищи. Получив свои порции, от толпы отделились трое изможденных мужчин, не спеша отошли в тень и принялись жадно кусать хлеб, поднося его ко ртам дрожащими от перенапряжения и усталости руками. Обросшие, в лохмотьях, со спинами, испещренными рубцами от кнута, они торопливо ели, нервно озираясь по сторонам.

— Смерть совсем забыла обо мне, — откашлялся и сплюнул в сторону кровь один из них.

— Она почему-то давно обходит нас стороной, Ливерий. Нас словно кто-то испытывает, проверяет на прочность. Последние месяцы мне снится один и тот же сон. Один и тот же, — вытер слезящиеся от пыли глаза Корнелий.

— Сон про то, что ты видишь яркий свет? И слышишь голос? Ты говорил об этом уже не раз, Корнелий. Раньше ты мог предчувствовать и предугадывать события на поле боя. А сейчас извини, конечно, но нам совершенно определенно суждено сдохнуть здесь, на глазах у отребья, что нас окружает, — прохрипел Кристиан.

— Да мы и так словно живые трупы. Семей нет. Хозяйства нет. Детей, скорее всего, в рабство продали. Жен, наверное, тоже. Так что нам даже терять больше нечего. Хуже этого

только арена, — продолжая надрывно кашлять, посетовал Ливерий.

— Все может быть. Но мои глаза видели, как Маркус и Мартин убегали от солдат, и это дает мне надежду на то, что с ними все в порядке.

— Мартин и Маркус, — протяжно и задумчиво произнес Кристиан. — А остальные? Что с ними?

— Они были с Марком. Возможно, он спас их?

— А если нет? Если они вернулись домой? Тогда они наверняка были схвачены.

— Да полно вам об этом болтать! — Ливерий пошатнулся и едва не упал в обморок, но Корнелий вовремя подхватил друга, не дав ему повалиться на землю.

— Я в порядке! Все хорошо! — отводя его руку и не переставая кашлять, прохрипел Ливерий. — Тысячу раз об этом говорили уже! Что толку от наших домыслов? Нужно смотреть правде в глаза, а не мечтать о несбыточном. А правда в том, что мы на этой каменоломне уже полгода и вот-вот сохнем тут, как бандиты и рабы. Наша песенка спета. По крайней мере, моя-то точно! С каждым днем мне все хуже и хуже. Скоро, наверное, присоединюсь к своей семье!

— Да будет тебе, Ливерий, — попытался успокоить друга Кристиан.

— Хватит! Хватит! Не надо меня утешать! Я что, не понимаю, что умираю?! И вы это знаете, и я знаю. Но жалеть меня незачем — все там будем.

— В этом ты прав, Ливерий: все там будем. Вечны только боги, не люди, — с грустью ответил Корнелий.

— Все же нужно было кинуться на меч еще там... А теперь... — чтобы сдержать эмоции, Ливерий зажал зубами губу и посмотрел вверх на чистое небо и палящее солнце.

— И все же я верю в то, что они живы, что с ними все в порядке. Хотя, если судить по тому, что мне снится... Лучше бы мы погибли в том лесу, — на этих словах Корнелия прозвучал горн, и надсмотрщики, засвистев кнутами, снова погнали всех на работы.

Один и тот же сон каждую ночь снился Корнелию. Мысли о видении терзали его, и он, мучая себя раздумьями, пытался понять, что оно значило. Привыкший полагаться на интуицию, он никак не мог избавиться от маниакальной идеи о том, что все события, происходящие с ними, — звенья одной цепи. Но вот как именно они были связаны? Приговоренный таскать здесь каменные плиты, Корнелий даже за работой думал о некоем объединяющем начале и частенько вспоминал свой сон, который увидел перед поражением в германском лесу, когда он тонул, а чей-то голос призывал его спасти детей. От кого? От чего? Он не знал. Понимал только, что кто-то незнакомый говорил ему о детях. Быть может, это боги так проявляли свою заботу о них? Но тогда почему они озлобили их сыновей на весь мир? Корнелий прекрасно сознавал, что, если Луций остался жив, он обязательно попытается отомстить всем виновным в их несчастьях. И за ним последуют его друзья, подобно тому, как Ливерий, Кристиан и покойный Аврелий следовали в свое время за Корнелием, не страшась смерти. Но если все же они мертвы? Вдруг его друзья правы, и он зря бередит ничтожными надеждами свое и без того израненное отцовское сердце? Нет, об этом думать Корнелий не хотел. Он отмахнулся от мрачных мыслей рукой и, сжав зубы, с силой навалился на каменный блок и упирался в него всем телом до тех пор, пока злосчастный кусок скалы не сдвинулся с места и не рухнул вниз, где другие рабочие принялись разбивать его на части. Выполнив задачу, Корнелий выпрямился в полный рост и тяжело вздохнул. Обильные капли пота струились по его лицу и спине. Он запрокинул голову и посмотрел вверх, где в голубой пустоте ярко светило палящее до изнеможения

солнце и изредка проплывали белые перистые облака. Корнелий снова прикрыл глаза, и снова в его голове промелькнули фрагменты странного сна, не дававшего ему покоя в последнее время. Его старший сын Луций, приподнявшись на стременах, на всем скаку с маху зарубает стоящего перед ним человека, который миролюбиво улыбается ему, словно хочет принять в свои объятия безжалостного убийцу. Затем его мальчик спрыгивает с коня и наклоняется над трупом бедняги. В тот же момент у него за спиной возникает огромного роста скелет в преторианских черных доспехах и одним ударом срубает Луцию голову, поднимает ее за волосы и уносит в темноту, где его ожидает нечто страшное, всепоглощающее и ненасытное. Там, в крошечной тьме, что-то живет, дышит и наблюдает за самим Корнелием, за остальными людьми, за всем миром — наблюдает и, кажется, ждет удобного момента... Размышления Корнелия прервал тонкий свист, за которым последовал звонкий щелчок. По телу пронесся жар, словно его ошпарили кипятком, и Корнелий от неожиданности припал на одно колено. Надсмотрщик заметил, что осужденный отвлекся, и немедленно вернул его в реальность. Кнут у этих людей никогда не бывал пыльным от безделья.

— Чего встал, раб?! Работай, скотина! А то еще получишь, падаль!

Марк, улыбаясь и приветствуя коллег, неспешным шагом спускался по ступеням сената. Повсюду продолжались обсуждения недавнего заседания, и споры вокруг затронутых на нем вопросов все еще не утихали. Тут и там сенаторы пререкались, ссорились, а некоторые даже хватили друг друга за грудки, пытаясь навязать оппоненту свою, как им казалось, единственно правильную, точку зрения. Выйдя на улицу, Марк Нерон еще раз остановился, чтобы переброситься парой фраз с кем-то из знакомых, снова мило улыбнулся, в знак уважения склонил голову и, попрощавшись, вышел в небольшой сквер, где его ожидал Сципион.

— Все прошло удачно, милорд? — с каменным выражением лица обратился он к Марку.

— Более чем. Все идет именно так, как надо. Я убедил императора, а вместе с ним и большинство этих ничтожных людишек, продолжать кампанию в Германии, несмотря на осеннюю распутицу. Нельзя давать Луцию передышку: он должен постоянно пребывать в состоянии ненависти к этому миру. Остановить поход на зимнее время — непозволительный риск.

— Я вижу, сенат кипит от негодования...

— Что нам сенат, Абигор? Теперь они могут спорить, сколько угодно. Тиберий не счел нужным вмешиваться и с молчаливым согласием поддержал мой план. Я выступил с похвальной речью перед сенатом, который постановил оказать Германику всяческие почести в случае его победы над варварами, включая триумф по возвращении в столицу. Многие, конечно, не поддержали меня. Ну, что же, всегда находятся люди, которые достаточно умны, чтобы сомневаться в моей искренности.

— Для чего мы играем с ними, господин? Почему попросту не заставить их сделать то, что нам надо?

— Правила, Абигор. Они установлены не нами, и не нам их нарушать.

— Правила были установлены для высших существ.

— Кто же знал, что Он приравняет эту скотину к себе подобным? Теперь приходится изловчаться и придумывать разные лазейки — ведь на то они и правила, чтобы их обходить. Скоро, Абигор, совсем скоро, нам не придется находиться среди них, чтобы управлять

ими, — загадочно посмотрел на своего слугу Марк. — Ты ведь знаешь, в каком сейчас положении Луций?

— Конечно, повелитель. Отряд германцев возглавляет Ульрих. Под его началом около полутора тысяч человек. Я дал нашему мальчику время на то, чтобы хорошенько укрепиться. Но они не выстоят, повелитель, даже с центурией Александра. У них нет шансов. Если германцы и попадут в ловушку, которую приготовил Ромул, все равно их слишком много, — четко, по-солдатски лаконично доложил Сципион.

— Выстоят. Еще как выстоят. И новых впечатлений у них будет немало. Пора нашему парню привыкать к вкусу победы и крови. Возьми Аверу, и отправляйтесь с ним туда. Мне нужно, чтобы там состоялась бойня, про которую и через века будут рассказывать с дрожью в голосе, восхищенно отзываясь о тех, кто в ней участвовал и победил. Понял меня, Абигор? — Сципион почтительно склонил голову и уже собирался уйти, но неожиданно снова остановился, словно догадавшись о новом приказе. Марк, не поворачиваясь к нему, тут же добавил: — Ратибор ищет Ульриха. Он жаждет мести за своего отца. И он нам пока нужен, а Ульрих — нет. Вот и пускай русич бежит за ветром, пока ветер не обратит на него внимание. И да, прошу тебя, Абигор: без самодеятельности. Я не хочу вновь увидеть на своем пороге Михаила с проповедями о любви к людям и сетованиями на то, какое я ужасное существо.

— Слушаюсь, повелитель, — произнес Сципион и растворился в толпе.

Луций еще долго смотрел в след Ратибору, который спешно и тихо скрылся в чаще леса. Затем он отдал несколько приказов, лично обошел часовых и отправился в свою землянку, попросив друзей зайти к нему по окончании работ. При входе в жилище он взял лампаду, которую для него любезно разжег один из солдат, спустился вниз и чуть не ахнул от удивления: его ждал Сципион. Луций обрадовался, хотел обнять наставника, но тот жестом показал, чтобы юноша не шумел и присел рядом.

— Не стоит никому знать о том, что я здесь, — спокойно произнес гость.

Станный, завораживающий свет тусклого огонька еле освещал комнату, отчего тень Сципиона казалась огромной и страшной, а его глаза как будто не имели зрачков и напоминали бездонные черные озера, в которых зловеще отражался огонь светильника. Но Луций не замечал этого. Он был искренне рад увидеть здесь того, кто обучал их сражаться и поддерживал столь долгое время, того, кто был близок к Марку, которого так не хватало юноше в эти дни.

— Как ты пробрался сюда незамеченным? — шепотом спросил гостя юный центурион. — Ведь я расставил людей так, как ты нас учил: тут и мышь не проскользнет, не то что человек.

— Вот именно, это я обучал вас. И я еще в достаточно хорошей форме, чтобы суметь проскользнуть туда, куда мне нужно, — улыбнулся Сципион.

— Да, вижу. Ну, что там в Риме? Как Марк? Есть новости? Какими судьбами к нам? Неужели чтобы помочь?

— Все хорошо. А что касается помощи, то тут извини: я не смогу принять участие в мясорубке, на которую вас обрек этот идиот Клементий. У меня послание к Германику от Цезаря, и я должен его доставить. А заодно и рассказать ему о том, что вам тут придется сдерживать превосходящие силы противника всего лишь одной центурией. Мне нужно вовремя успеть к нему, чтобы он выслал к вам подкрепление, пока не стало поздно.

— Жаль, что ты не сможешь помочь нам, Сципион. Мне бы очень пригодилась твоя поддержка. Я ведь никогда не командовал войсками в настоящем сражении, и ты бы мог возглавить их вместо меня.

— Нет, Луций, не мог бы: это твоя ноша. И, повторюсь, у меня срочное послание к Германику. Очевидно, что вас послали сюда на убой, и если я останусь здесь, то подкрепления вам точно не видать.

— Жаль, — уныло ответил Луций и повесил голову.

— Чего тебе жаль, Луций? Или, быть может, ты уже потерпел поражение, даже не начав битвы? Запомни: проигрыш начинается внутри, здесь, — он показал пальцем на свой висок. — Тебе не стоит волноваться. Александр определил в твою центурию лучших воинов из собственной охраны. Они превосходно сражаются и не знают страха, усталости или сострадания. Ими легко командовать — ты это и сам знаешь. Долгое время ты тренировался вместе с ними, постигая азы военного дела. Я уверен, ты готов к сражению. Тебе только нужно запретить себе испытывать жалость к врагу и остальные человеческие чувства. Все чувства. Ты должен думать о цели, о которой тебе говорил Марк, и идти к ней через все преграды и трудности, уничтожая на своем пути любого, кто посмеет противостоять тебе. Власть в Риме сейчас может дать лишь армия. Это уже не тот город и не те люди, которые когда-то отразили атаки Пирра, которые воевали с соседями, защищая свои дома и стремясь захватить больше земель. Канула в Лету та республика, которая отстаивала интересы своих граждан. В ней все прогнило: город источает зловоние, а власть в нем живет для себя, ей нет дела до остальных. Ты должен изменить это, Луций, причем только тебе это и под силу. Сам посуди: твой отец медленно умирает на каменоломнях. Тебя самого бросили на растерзание варварам только потому, что кто-то из власти предрешающих решил, что вы недостойны иной участи. Клементий и его шестерки занимают высшие должности в легионе. А ты, чей отец храбро сражался во славу своей страны? Что имеешь ты?

— Ничего... — тихо ответил Луций.

— Верно. Ничего. Поэтому не говори мне, что ты не готов. Запомни, Луций: солдаты пойдут только за тем полководцем, который либо знатен, как Клементий, либо способен внушить страх и уважение к себе. Первый вариант тебе недоступен, но вот внушить страх и уважение к себе ты можешь. Особенно страх: посеи его в душах своих врагов. Сделай так, чтобы от одного лишь твоего имени они боялись засыпать ночью, не говоря уже о том, чтобы воевать против тебя. Уничтожай их самих, уничтожай их семьи, детей, женщин, стариков — всех. Они не пожалели ваших близких, так и ты не жалеи их. Плоть за плоть, кровь за кровь. Посели в их душах ужас. И помни: за малое зло человек может отомстить, но за большое он не отомстит никогда. Там, за лесом, стоит враг. Враг — это уже не человек. Он не пожалеет вас. Ты видел, что произошло здесь? Ты наверняка прошел по тем местам, где германцы несколько дней истребляли воинов, служивших вместе с твоим отцом. А ведь они сдались на милость победителя. И что сделал с ними победитель?

Сципион говорил так, будто это был Марк, и Луций слушал его речь с пересохшим горлом, наливаясь яростью и злобой. Ненависть растекалась по его телу, словно желчь. Он молча внимал ужасным словам, затаив дыхание, впитывая каждое слово, замечая каждый жест своего собеседника, принимая все за истину и неопровержимый факт.

— Не тебе, Луций, бояться опасностей. Не рискуя, не достигь господства в Риме и не отомстить за то, что с вами сделали. Добейся того, чтобы твое имя после этого сражения было у всех на слуху. И ничего не бойся. Я верю в то, что вы выстоите. В конце концов, не

зря же я вас обучал. А главное, в это верит Марк. Да, и еще... — поднимаюсь, произнес Сципион. — Не стоит никому рассказывать о нашем разговоре, даже твоим друзьям. Кстати, Марк, по-моему, разыскал тех, кто участвовал в убийстве ваших близких. Ему пришлось потратить много времени и сил, чтобы найти их. Так что, если вы вернетесь из похода живыми, вам будет, чем заняться, — Сципион улыбнулся и, накинув на голову капюшон, направился к выходу.

Луций, пораженный его словами и обрадованный тем, что Марк разыскал их врагов, в эйфории даже не заметил, что его собеседник просто растворился во тьме. Немного придя в себя, юноша осмотрелся по сторонам, снял нагар с начавшего коптить светильника и присел в углу, обдумывая слова Сципиона, вспоминая все то, что прежде говорил ему Марк, и распаясь против всего мира: против Рима, Тиберия, Клементия — против всех. Сладко улыбаясь, он представлял расправу над каждым и невольно сжимал кулаки до хруста в суставах. В полутьме он больше походил на живого мертвеца, чем на человека. Снаружи слышался однообразный шум дождя, монотонно барабанившего по бревнам землянки. Внезапно раздался оклик часового, стоявшего у входа. Дверь распахнулась, и пламя светильника испуганно метнулось в сторону. На пороге появилась темная фигура, затем вторая и третья.

— Ну и погодка! — воскликнул Понтий, снимая плащ и стряхивая с него капли воды. — Хуже не придумаешь! Сделали только что обход вокруг лагеря. Смотрели, не размыло ли валы и не показался ли закопанный в землю частокол. А то размочит маскировку дождем, и ловушка окажется у всех на виду! — он открыл небольшой бочонок с вином. — Теперь вот зашли к тебе, поболтать на сон грядущий. А ты почему такой серьезный? Переживаешь?

— Нет, просто размышляю, — улыбнулся Луций.

— Думать — это хорошо! Полезно! Правда, это не по моей части, — Понтий рассмеялся, осушил налитую чашу, вытер губы рукой и отрыгнул. — Вот Ромул у нас книжный червь! Этот, как там его?.. Архимед! Надо же такое придумать! Голова! — наливая снова, радостно, чуть ли не крича, болтал он.

— Ты же его идеи в штыки воспринимал, — тихо сказал скромно вставший у стены Мартин.

— Я так их воспринимал, потому что не верил, что такое можно соорудить. А теперь, во! — Понтий показал Мартину сбитые в кровь ладони. — Сами сделали, своими руками. Как тут не поверить в то, что мы лучшие? Ромул, за тебя! — снова приложился он к вину.

— Э-э-э! Не увлекайся, Понтий. Тебе сегодня первому смотреть за обстановкой в лагере, — с улыбкой пожурил его Ромул. — Да и вообще, ты уже основательно присосался к бочонку. Налей-ка всем, а то, я гляжу, нам может и не достаться.

— Конечно, парни, в чем вопрос?!

Разлив вино по чашам, они подняли их вверх и в один голос произнесли:

— За победу! За дружбу! За нас!

Выпив вина, Луций внимательно посмотрел на товарищей.

— Положение у нас, действительно, скверное, парни. Чего уж тут говорить. Если Ратибор не вернется к рассвету, оно станет еще хуже. Без лошадей и без опытного воина в команде нам точно хана.

— А ты умеешь вдохновить перед битвой! — усмехнулся Мартин.

— Это точно, — согласился Ромул.

— Должен вам признаться, друзья мои, что опасаясь за исход сражения. Я не знаю

даже, как сам поведу себя перед лицом настоящей опасности. Я искренен с вами. Надеюсь, вы понимаете меня.

— Луций, мы тоже боимся! — ответил за всех Ромул и положил руку на плечо друга. — Поэтому, если нам суждено погибнуть, давай сделаем это так, чтобы эти германцы нас навсегда запомнили!

Ромул и подумать не мог о том, что Луций воспримет его слова по-своему, перевернув их на лад Сципиона, на лад Марка, на свой лад. Центурион услышал слова поддержки, и только их и не хватало ему для того, чтобы развязать кровавую бойню, воспоминания о которой будут преследовать его всю оставшуюся жизнь. Скажи Ромул в этот миг что-то другое, и, быть может, все пошло бы иначе. Но все случилось так, как случилось.

— Бессмысленные страхи, Луций! — поддержал Ромула Мартин. — Что могут сделать нам эти жалкие дикари? Подумай: у нас превосходная техника боя, нас обучал лучший воин империи, нам дали прекрасных солдат. Если нам и суждено тут подохнуть, то надо сделать это так, чтобы подонок Клементий обзавидовался, что не погиб тут вместе с нами. Не знаю, как вы, а я устал от жизни. Я не живу с того момента, как вырезали мою семью! Так что для меня смерть — всего лишь преграда между мной и моими близкими.

— Тогда сделаем с германцами то, что они сами когда-то сотворили с нашими воинами! Пленных не берем! — воскликнул Луций.

— Вот это разговор, парни! За это надо выпить! — наливая из бочонка, воскликнул Понтий.

Ближе к рассвету Луций сменил на посту Мартина, который сообщил ему о том, что заметил передвижение небольшой группы германцев метрах в двухстах от лагеря.

— Вон там. Человек двадцать, может, больше, — указал он куда-то вдаль. — Скорее всего, разведка.

— Значит, они уже в курсе, что мы здесь. А мы еще не все доделали. Это плохо.

— Успеем. Время еще есть. Пока они вернутся в свое логово и доложат о нас, пока примут решение — день-другой мы еще имеем в запасе.

— Скорее всего, только день, на него и надо рассчитывать, Мартин, — произнес Луций, прищуриваясь и всматриваясь вдаль, где в предрассветной мгле мелькали чьи-то темные силуэты. — Иди ложись, отдохни. Я присмотрю тут за всем.

— Ладно, тогда я пошел, — Мартин спрыгнул с навеса.

До самого рассвета Луций, кутаясь во влажный от сырости плащ, ходил по периметру лагеря. Время от времени он останавливался и всматривался в непроглядную стену темного и пугающего леса или наблюдал за часовыми, которые с неживыми лицами ровным и степенным шагом ходили взад-вперед по территории. Начинало светать, и центурион собрался пойти к солдатам, которые готовили еду, чтобы похлебать горячего, но тут издали послышался топот копыт и приглушенные звуки человеческих голосов. По мере приближения к лагерю они нарастали, словно снежный ком, и уже через мгновение Луций увидел, как из леса выскочил всадник, который вел за собой трех лошадей. За ним резвым галопом скакали еще пятеро человек: издавая гортанные звуки и размахивая мечами, они явно пытались догнать первого.

— Тревога! Все на стены! — недолго думая, скомандовал Луций.

В тот же момент лагерь пришел в движение. Солдаты выбегали из палаток, разбирали вооружение и лезли на стены, на ходу поправляя и застегивая шлемы. К Луцию подбежали и его друзья.

— Что, атакуют?! Где?! — наперебой заговорили Ромул, Мартин и Понтий.

— Всадники! — указал вперед Луций.

— Что-то мало их для атаки, — взглядываясь в несущихся по направлению к лагерю воинов, сказал Понтий.

— Так это же Ратибор! — радостно воскликнул Луций, узнав в первом всаднике русича. — Открыть ворота! Ромул, хватай лук и не дай им приблизиться. Возьми с собой еще десятерых. Мартин, ты со мной на выход! Понтий, смотри за воротами!

Взяв двадцать человек, Луций и Мартин вышли за ворота и, построившись глухой шеренгой, выставили копья вперед. Ратибор гнал лошадей во весь опор. Как только он приблизился к вышедшим навстречу воинам, шеренга по приказу Луция разошлась, дав ему возможность проскочить внутрь лагеря, и тут же сомкнулась обратно и стала медленно и синхронно отступать назад. Над головой солдат просвистели стрелы, но этим атака и ограничилась: тормозя коней и разбрызгивая грязь, германцы повернули обратно и вскоре с криками скрылись в лесу.

Спрыгнув на землю, Ратибор передал лошадей подбежавшим к нему солдатам, и те стали водить их по территории лагеря, чтобы животные пришли в себя от бешеной скачки.

— Как же я рад тебя видеть, варвар! — радостно воскликнул Луций, подходя к русичу.

— Я же сказал, что вернусь! — держась за руку, ответил Ратибор.

— Ты ранен? — спросил Ромул, подходя ближе.

— Царапина. Небольшой порез. Сейчас промою и забинтую. Ерунда. Видали, каких красавцев я достал нам, а?!

— Хороши! Нечего сказать! — радостно оглядел лошадей Понтий.

— Твою мать, а это что такое?! — подводя одного из коней, с отвращением поморщился Луций.

С обеих сторон седла было привязано по две отрубленные головы.

— Ах, это... Это трофей, Луций. Так сказать, мой подарок вам. Это головы владельцев этих красавцев. Эй, солдат! — снимая головы и бросая их на землю, крикнул русич. — Сделай-ка колья, надень на них головы и выстави возле ворот лагеря на обозрение нашим врагам. Ну, что вы так на меня смотрите? Сами же хотели их разозлить.

— Делай, что сказано! — скомандовал Луций, и воин подобрал трофейные головы и скрылся с ними из виду. — Пойдем, Ратибор, расскажешь, что да как. Мартин и Понтий, вы с нами. Нужно все обсудить и взвесить. Ромул, проследи за тем, чтобы работы по укреплению лагеря были закончены, и присоединяйся к нам.

При свете коптящего светильника друзья склонились над столом в землянке Луция.

— Здесь их ставка! — ткнул пальцем в карту Ратибор.

— А тут?

— Тут стоят их основные силы, в основном, пехота. Я подбирался к ним, когда было еще совсем темно. Судя по кострам, их около двух тысяч. Возможно, чуть больше или меньше — я могу ошибаться.

— Сколько-сколько?! — схватился за голову Понтий.

— Я же сказал! Пара тысяч, может, чуть больше, может, чуть меньше, — спокойно повторил Ратибор.

— Пара тысяч?! На наших-то сто с небольшим человек?! Нам точно конец! Тут даже к гадалке не ходи! Вот Клементий, сукин сын, знал, куда нас отправить! — ударил кулаком по столу Мартин.

— Успокойтесь оба! То, что произошло, уже не изменишь! Надо думать, как нам быть дальше, — спокойно обошел вокруг стола Луций.

— Всадников у них мало, почти все из них отправились на перехват Германика. Здесь их аррьергард. Нам повезло, что мы смогли зайти к ним в тыл и укрепиться. Если нам удастся задержать их здесь хотя бы на пару-тройку дней, Германик с основными силами разобьет их союзников, и тогда Арминий будет вынужден дать нам основной бой.

— Откуда такая осведомленность, русич? — не отрывая взгляда от карты, спросил Луций.

— Те головы, привязанные к седлу, не так давно сидели на плечах у людей, которые тоже хотели жить, Луций. Страх смерти развязывает язык даже самым смелым воинам.

— Что ты еще узнал от них, Ратибор?

— Узнал?! Скорее, вытряс из их мерзких ртов!

— Так что же?!

— Этой сворой псов командует Ульрих! Мерзкий старый шакал!

— Ты так говоришь, будто лично знаком с ним, — усмехнулся Понтий.

— Знаком?! Нет, я не знаком с ним! Я знаю только то, что он виновен в смерти моего отца! И что знает того, кто непосредственно совершил это злодеяние! — ответил Ратибор, даже не взглянув на Понтия.

— Остуди свою голову, русич. Ты нам нужен живым. Глядишь, и судьба сама предоставит тебе возможность отмщения, если ей так будет угодно.

— Ромул, я не стану спрашивать у вас разрешения на возмездие, если увижу перед собой этого негодяя! Я просто вырежу ему сердце!

— Ты вправе сделать с ним все, что захочешь. Чинить препятствия тебе в этом никто не собирается. А сейчас, прошу тебя, не отвлекайся. Мне нужно знать все, что ты разузнал и увидел, — произнес Луций.

Русич прикрыл глаза, несколько раз глубоко вздохнул, чтобы вернуть самообладание, и затем уже спокойно ответил:

— В основном там пехота, вооружение легкое. Конница есть только в охране Ульриха. Плюс его личные телохранители и небольшой отряд разведки, копий под сто. От одного из захваченных я узнал, что они явно не ожидали нас тут увидеть и поэтому сейчас обсуждают, как им поступить дальше. Сколько нас здесь, они тоже не знают. Если бы знали, напали бы немедленно. Тем более, пока была непогода, германцы стояли в лагере без дела, рассчитывая, что ни один здравомыслящий римлянин не высунет нос из укреплений в такую бурю. Ульриха застигло врасплох сообщение разведки о том, что за это время мы построили укрепленный лагерь прямо у них под носом, заперев его войско. Тут повсюду болота, и пройти они смогут, только уничтожив нас. Но пока они не подготовятся к штурму, у нас будет еще немного времени.

— Их конница меня мало волнует: сражаться с ними на открытой местности я не собираюсь. А вот то, что их так много, конечно, плохая новость. Очень плохая, — почесывая ладони, произнес Луций.

— Если бы мы вынудили их ударить только по одной стороне, а именно, по воротам, у нас был бы шанс. Но держать весть периметр мы не сможем. Нас слишком мало.

— Ты прав, Ромул. Если они пойдут на штурм со всех сторон одновременно, мы не устоим. А атаковать нас в лоб всеми силами они вряд ли станут, — отойдя в сторону и присев на ременчатый стул, согласился Луций.

— Нам нужно что-то такое, что заставило бы их броситься всем вместе на приступ в районе ворот. Только вот что? — пожав плечами, задумался Понтий.

— Дилемма! Ладно, раз ни у кого пока нет идей, станем действовать по обстановке. Вяжемся в драку, а там посмотрим, куда кривая выведет. Будем рассчитывать на фортуна, которая нас пока еще не подводила, — Луций поднялся со стула. — Ратибор, ты отдохни. Ромул, проверь, чтобы ловушка была готова — мне не нужны случайности. Мы все поставили свои жизни на твой безумный план. Мартин, распорядись накормить солдат. Понтий, ты со мной, проверять часовых.

По одну сторону от костра сидели охранники Ульриха, по другую — знатные германцы, чьи воины составляли основную часть войска, которое подчинялось этому пожилому, но все еще крепкому человеку с длинными каштановыми волосами и густой бородой. Ульрих был небольшого роста и имел крепко сбитое, квадратное тело с широкими плечами и низко посаженной головой на сильной шее. Он нервно ходил вокруг костра, держа руки за спиной, широко ступая и исподлобья осматривая всех собравшихся. Его злобные, немного прищуренные глаза, обрамленные мелкими морщинками, бегали из стороны в сторону, словно ища кого-то. Люди сидели, опустив головы, как провинившиеся дети, боялись посмотреть на своего командира и едва дышали от страха перед этим давно уже заслужившим всеобщее уважение вожаком.

— Как?! Я спрашиваю вас всех! Как такое могло произойти?! Ну?! Что вы молчите, будто воды в рот набрали, ублюдки? — он подошел к одному из сидевших вокруг костра воинов и в гневе пнул его ногой так, что тот отлетел на несколько метров. — Арминий оставил нас прикрывать войско наших союзников, а вы проморгали римлян! Да еще и дали им построить укрепленный лагерь на единственно проходимом месте! Вы, идиоты, хотя бы понимаете, что вы сотворили?!

— Но, Ульрих... — хотел было произнести что-то в свою защиту один из собравшихся, но старый воин перебил его на полуслове.

— Заткнись! У тебя из-под носа увели лошадей! Мало того, этот римлянин убил четверых и покалечил еще двоих! И, заметь, я не вижу его головы, посаженной на кол возле моей ставки! Не знаешь почему?! Молчишь?! Правильно делаешь! Зато я вижу головы твоих воинов на пиках у ворот римского лагеря! Думаешь, это поднимет дух моего войска, когда оно пойдет на штурм?!

— Он не был похож на римлянина, командир.

— Да мне плевать на то, кто он такой и на кого он был похож! Я хочу видеть его прибитым к дереву, истекающим кровью и молящим о смерти! Но вместо этого я вижу головы своих солдат у их ворот! И ответьте мне: хоть кто-нибудь из вас знает, сколько этих грязных свиней укрылось за стенами укрепления? — он снова окинул всех яростным взглядом — Молчите? Молчите, вашу мать?! То есть нам даже это неизвестно! Они появились словно ниоткуда, и мы понятия не имеем, сколько их там! Замечательно! Завтра я планирую штурмовать врага, а его численность и характер вооружения никому неведомы! Просто прекрасно! У меня складывается впечатление, что в моем подчинении не благородные воины, а сборище недоразвитых идиотов, которые, вкусив победу прошлых лет, решили, что римские легионы совсем разучились воевать! Вы что, совершенно выжили из ума?! Ну?! Скажите хоть что-нибудь в свое оправдание!

— Судя по размеру лагеря, их немного.

— Замечательно! Судя по размеру лагеря, да?! Я искренне надеюсь, что их там, действительно, немного! Потому что я хочу, чтобы завтра с утра вы приготовили войско и окружили их крепость, а к вечеру устроили мне пир внутри их укреплений, на телах этих ничтожных животных! И если этого не произойдет к закату солнца, я лично буду рубить вам головы, олухи!

Сказав это, он жестом велел оставить его. Поднимаясь и кланяясь, военачальники спешно разошлись — все, кроме одного. Это был сын Ульриха Хлодвиг, единственный наследник своего отца, которому и до, и после природа дарила одних только дочерей. Своего сына Ульрих любил больше жизни, держал его при себе и обучал всему, что знал сам. На вид парню было лет двадцать пять, внешне он очень походил на отца и казался копией Ульриха в молодые годы. Дорогая кольчуга и великолепное оружие сразу указывали на его высокое положение, а холодный и бесстрашный взгляд давал понять, что характер у юноши такой же крутой, как и у его папаша.

— Успокойся, отец! Завтра мы устроим пляски в их лагере. Их крепость, действительно, не очень велика, и, судя по ней, их там не слишком много. Мы возьмем их численностью. В атаку пойдем с рассветом и к закату солнца с ними будет покончено. Тем более разведка сообщила, что подкрепления у них нет: они здесь одни, совершенно одни. Глупые римляне совсем потеряли разум. Дух этого неудачника Вара до сих пор сулит им несчастья, — усмехнувшись, проговорил Хлодвиг.

Ульрих исподлобья посмотрел на сына, который явно ждал сражения. Молодая кровь кипела в нем, и отец понимал его чувства: он был столь же горяч в юные годы.

— Твой сын так же смел, как и ты, — послышался из темноты чей-то голос.

К костру вышел человек в черных римских доспехах. Длинный плащ укрывал его тело, а капюшон прятал лицо.

— Кто ты такой?! — мгновенно выхватил меч Хлодвиг, но его отец резко прикрикнул на него.

— Опустит клинок, сын! — Ульрих встал и, ухмыльнувшись, подошел к странному гостю. — Глазам своим не верю. Сципион, ты ли это?!

Сципион снял капюшон и пристально посмотрел на германца.

— А ты постарел.

— Зато ты ничуть не изменился, хотя и прошло столько времени.

— Отец, я не понимаю. Он же римлянин!

— Хлодвиг, этот римлянин помог нам победить Вара. Без него мы бы не стали свободными.

— Почему ты никогда не рассказывал мне об этом?

— Потому что мой хозяин взял с него слово молчать, и он честно его сдержал. Слушайся своего отца, юнец, он знает, как воевать и как вершить ратные дела.

— Но как он прошел через нашу охрану и посты, отец?!

— Хлодвиг, успокойся! Этот человек — наш друг, и, если он здесь, значит, так нужно.

Сципион улыбнулся, а позади него прощмыгнуло, блеснув красным глазом, какое-то странное существо, похожее на большое животное, — проскользнуло и тут же растворилось в темноте.

— Что это было, отец?

— Где?

— Там, сзади, в темноте, — снова положив ладонь на рукоять меча, произнес Хлодвиг и

сделал шаг вперед.

— Там ничего нет.

— Но я видел!

— Мальчик устал, ему нужно отдохнуть, Ульрих. А нам нужно обсудить кое-что.

— Не смей называть меня мальчиком!

— Хлодвиг, ступай. Я сказал, ступай! Тебе и впрямь нужно отдохнуть. Завтра важный день.

— Но отец!

— Ступай!

Раздосадованный парень, развернувшись, со всего маха ударил по плетеной изгороди так сильно, что та пошатнулась и завалилась на землю.

— Гляжу, крут нравом. Прямо как ты, — присел у костра Сципион.

— Есть немного. Так какими ты здесь судьбами?

— Теми же самыми, что и тогда. Вас снова пытаются покорить, а мой хозяин снова хочет вам помочь. Хотя Арминий и разочаровал его, он все же настроен дружелюбно к вам и не помнит старых обид. Поэтому я здесь.

— И чем, интересно, ты мне можешь помочь? — развел руками старый воин.

— А разве нечем? Разве у тебя нет проблем с внезапно возникшим римским лагерем, который появился словно из-под земли, перекрыв тебе путь к основному войску? Если проблем нет и у тебя все прекрасно, то я, пожалуй, пойду, — вставая, произнес Сципион.

— Пстой. Присядь, — дернув глазом, остановил его Ульрих. — Присядь, присядь. Каковы твои условия?

Сципион поднял голову и задумался, потирая рукой подбородок.

— Моему господину нужна голова их центуриона. Его зовут Луций. Принеси ее мне.

— А что я получу взамен?

— Информацию. Ценную информацию.

— Интересно знать, чем не угодил вам этот бедолага? — усмехнулся Ульрих.

— Тебе ли задавать такие глупые вопросы? Так что, ты согласен? Да или нет?

— Да! — протягивая руку Сципиону, ответил предводитель германцев.

— Вот и прекрасно! — пожимая холодной, словно лед, рукой руку Ульриха, ответил Сципион. — Их всего центурия в этом лагере, подкрепления нет и не будет. Глупцы чудом оказались здесь, не думая о том, что вас так много. Ударь завтра всеми силами им в лоб, в район ворот, и принеси мне голову этого центуриона. Я думаю, тебя обрадовала моя информация, — проговорил он, прежде чем скрыться в темноте.

Засыпая возле костра, Ульрих злобно улыбался. Его разум никак не мог понять глупости римлян. Сначала Вар, которого они так легко обвели вокруг пальца, теперь вот этот странный центурион со своей одинокой центурией стоит без подкрепления в окружении войска германцев. На что они рассчитывают? И о чем они думают, приходя на его земли, на земли его предков, на земли его народа? Всего одна центурия: сто человек против полутора тысяч воинов. Завтра все будет кончено еще до полудня. Но, стоит признаться, этот Луций потрепал ему нервы. Ульрих уже вообразил себе нечто немыслимое, а там всего лишь сотня бойцов — центурия, песчинка, букашка, которую раздавить — раз плюнуть. С этими мыслями он погрузился в глубокий сон, пригревшись у красных, раскаленных до треска углей. Если бы он только знал, кто сейчас находится напротив, пристально всматриваясь в его могучее тело, его сон не был бы таким сладким. Рядом, шевеля угольки небольшим

прутиком, сидел Авера в рваном балахоне, с искривленной спиной, с красным глазом, который зловеще поблескивал из-под капюшона. Он переворачивал головешки, и от них становилось так жарко, что Ульрих невольно ворочался с боку на бок в поисках более прохладного места. Вдруг Авера резко подался в сторону, замер, как-то весь изломался и, словно хищник, стал втягивать своими ноздрями запах ночи, после чего кинулся в темноту, туда, где возле своего шалаша ходил Хлодвиг, в гневе бормоча что-то себе под нос и пиная ногами камни.

— Я докажу своему отцу, что достоин его славы и ничем не хуже его. Отправил меня спать! Нашел мальчишку! Ничего, ничего! Завтра я покажу всем, что я вправе называться воином, — сквозь зубы шипел Хлодвиг, не находя себе места.

Внезапно его собственная тень заползла ему за спину, поднялась над плечом и склонилась над ухом.

— Докажи, докажи всем, что ты храбрый воин. Ульрих все еще считает тебя ребенком, и его воины смеются над тобой, называя тебя папенькиным сынком. Ты не заслуживаешь уважения в их глазах. Они думают, что ты ничего не можешь без своего знатного отца.

— Я докажу им всем, что это не так! — сжав кулаки и стиснув зубы, прорычал, словно зверь, Хлодвиг.

— Докажи. Да, докажи им всем. Пускай они увидят, что ты достойный сын своего отца. Вызови на бой римского центуриона. Сразись с ним перед битвой один на один, — змеей шипела тень, поблескивая в темноте красным глазом.

Из леса тянуло утренней прохладой. Сизая туманная дымка стелилась по земле, будто спустившееся с небес облако. В лагере все собрались вокруг костров, и только часовые, закутавшись в шерстяные плащи, шагали взад и вперед по валам и навесам, зорко вглядываясь в чащу леса. Луций и Понтий стояли рядом, молча смотря туда, откуда из тумана черной пеленой медленно выдвигались ряды германцев, толкая таран и неся лестницы. Шум шагающей армии нарушил утреннюю тишину, тут и там взлетали потревоженные птицы, хлопая крыльями, словно аплодируя участникам грядущего побоища.

— Сколько же их? — с трудом вымолвил Понтий.

— Поднимай всех. Быстрее, — не оборачиваясь на друга, спокойно ответил Луций.

Через мгновение все завертелось. Солдаты выбегали из палаток и строились в отряды по десять человек. Ромул запрягал лошадей и привязывал закрепленные на сбруе канаты к своему детищу. Мартин, на ходу застегивая шлем, быстрым шагом шел вдоль построившейся центурии. Понтий и Ратибор взобрались на укрепления к Луцию.

— Пошла жара в хату! — усмехнулся русич, глядя на войско германцев. — Что, центурион, ты готов к смерти? — хлопнув Луция по плечу, рассмеялся он.

— Что мне бояться смерти, варвар? Смерть — мгновение, а слава может быть вечной, — Луций обернулся назад. — Ромул, половину на стены, остальные пусть ждут снизу! Мартин, смотри, чтобы не обошли сзади! Если увидишь, дай знать! Всем приготовиться! Ждать моего сигнала!

Тут в германском войске что-то произошло. Одинокий всадник вырвался вперед и помчался во весь опор к стенам лагеря. Со стороны противника зашумели, следом за смельчаком рванули еще с десятков конных, но вскоре повернули обратно, а воин по-прежнему гнал своего скакуна к укреплениям.

— Может, грохнуть глупца? — спокойно спросил Ратибор.

— Никому ничего не предпринимать! Посмотрим, чего он хочет, — повернулся к русичу Луций.

Гнедой конь остановился метрах в двадцати от ворот лагеря. Всадник поднимал его на дыбы, сверкая дорогими доспехами, кружился на месте, пронесился то назад, то вперед, затем успокоил скакуна, снял шлем и прокричал:

— Центурион! Если ты считаешь себя мужчиной, сразись со мной! Или ты предпочтешь прятаться за стенами своего лагеря, словно слабая женщина?! Я, Хлодвиг, сын Ульриха, вызываю тебя на бой! Докажи всем, что ты не трус! Или вы, римляне, только на словах воины, а на деле бездари?! Ты же не хочешь прославиться так же, как ваш великий полководец Вар?! Что скажешь, центурион?!

— Вот выродок! — вынул топор из-за пояса Ратибор. — Пойду-ка заткну пасть этому ублюдку.

— Стой, русич. Он зовет меня.

— Ты что сдурел, Луций?! — хватая друга за отворот плаща, испуганно и удивленно воскликнул Понтий.

— Ты ведь только на тренировках сражался. Давай я пойду. Откуда он знает, кто тут центурион? — глядя в глаза Луцию, проговорил Ратибор.

— Луций, пусть, действительно, Ратибор идет. Ты только посмотри на этого германца: он ведь убьет тебя.

— Умеешь ты поддержать, Понтий, — с грустью усмехнулся Луций. — Если он меня убьет, слушайте Ратибора. В конце концов, рано или поздно мы все окажемся перед лицом смерти. А теперь откройте ворота, я выйду, — отодвигая друга в сторону и вытаскивая меч, Луций стал спускаться с вала.

Понтий испуганно смотрел ему вслед, Ратибор одобрительно кивал головой, Мартин и Ромул удивленно провожали его взглядом, не понимая, что вообще происходит. Ворота со скрипом приоткрылись, и Луций вышел наружу. Он с улыбкой обернулся на уходящий вверх частокол, за которым стояли его друзья, а затем посмотрел на Хлодвига, который спрыгнул с коня, надел шлем, вытащил меч из ножен и приготовился к схватке.

— Не бойся его, Луций! Он всего лишь человек, а все люди смертны! — внезапно крикнул ему сверху Ратибор.

И в это же мгновение германец кинулся на Луция, обрушивая на него нешуточные удары своего меча. Какое-то время Луций лишь закрывался щитом и иногда уходил от ударов, и вскоре Хлодвиг прижал его к воротам. Чудом вывернувшись, центурион отскочил назад и, немного переведя дух, наконец-то пришел в себя. Германец коршуном закружил вокруг него, вращая мечом и улыбаясь, а Луций стал пристально смотреть за движениями противника, оценивая каждый его шаг, каждый вздох. Внезапно Хлодвиг снова накинудся на него. Удар, удар, еще удар. Луций отбил атаку, но сын Ульриха тут же пошел в новое наступление. И тут центурион, увернувшись от очередного удара, неожиданно припал на одно колено и резким движением рассек противнику ногу. Германец, сжав зубы от боли и завалившись назад, наотмашь ударил Луция щитом по лицу и разбил ему левую щеку. Оба упали на землю.

— Вставай! Вставай! Вставай! — послышался крик со стен лагеря.

Голова кружилась, кровь, стекая по лицу, попадала под доспехи, все было как в тумане. Превозмогая себя, Луций вскочил и мгновенно оказался рядом с уже поднявшимся варваром, с ходу сбил его с ног, уселся на него сверху, выхватил из-за спины кинжал и резким движением вонзил лезвие в шею противника. Тот судорожно задергался, булькая кровью, и,

обхватив руку Луция, попытался вынуть холодное жало из своего тела. Но центурион, наваливаясь на рукоять всем весом, протолкнул кинжал еще глубже, пока с другой стороны шеи не показалось его острие. Хватка Хлодвига ослабла, и он, все еще рефлекторно дергая ногами и хрипя, испустил последний вздох. Тяжело дыша, Луций поднялся на ноги. Из ворот лагеря выбежали его друзья и десяток воинов. Ратибор и Мартин подхватили его под руки и поволокли обратно за частокол, а на них уже черной лавиной неслись германцы.

— Меч! Мой меч! Не забудьте забрать мой меч! И затащите тело германца к нам в лагерь! — заорал Луций.

— Понтий, сделай то, что сказал Луций! — унося своего командира и друга, прокричал Мартин.

Луций пришел в себя через час в палатке, до которой отчетливо доносился шум боя. Он медленно поднялся и вышел на улицу. Слышались гулкие удары тарана по деревянным воротам, лязг железа, свист стрел, крики раненых и умирающих. Непонятно откуда, навстречу ему выскочил Мартин с разбитой головой, без шлема, в забрызганных кровью доспехах. Злобно улыбаясь, он остановился возле Луция.

— Видал, с ходу нас взять хотели! Только мы им рога пообломали! А ты молодец, круто того варвара завалил! Они теперь нас в покое точно не оставят: как-никак сын их вождя! — рассмеялся Мартин.

— Где все?

— Ратибор и Понтий держат удар спереди. Ромул готовится привести свой план в действие, только вот твари начали растягиваться по всему периметру, боюсь, еще немного, и они совсем ослабят удар по центру и попытаются обойти нас.

— Не попытаются. Скажи Понтию, чтобы убрал основной засов с ворот.

— Хорошо, Луций.

— Мартин, где мой меч?

— Так его рядом с тобой положили.

Быстро вернувшись в палатку, Луций схватил меч, вытащил клинок из ножен, подбежал к лежавшему тут же телу Хлодвига, взял его за волосы и с двух ударов отрубил ему голову. Затем взбежал на помост возле ворот, где Ратибор в окружении своих солдат расправлялся с противниками, круша их топором и скидывая с частокола.

— Да сколько же вас?! — орал он, обрушивая на голову очередному германцу свой топор. — О, Луций! С почином тебя, дружище! Ловко ты его! Я и не думал, что ты на такое способен. Боялся, не выживешь! А ты вон его как! Удивил! — закрываясь щитом от летящих в него стрел, кричал русич. — А это что за трофей у тебя?! Старый пес Ульрих не очень обрадовался смерти своего сына! Они нас тут серьезно душат! Лучше выкинуть эту падаль за ворота, может, тогда они нам передышку дадут!

— Это залог нашей победы, Ратибор! Если выкинем тело, они нас со всех сторон обойдут, а так его отец не сможет действовать разумно. Он хочет отомстить, так не будем мешать ему в этом, — Луций повернулся к своему воину и крикнул: — Солдат! Копье!

Он насадил голову на острие и, вонзив древко между бревнами частокола, прокричал:

— Эй ты, Ульрих! Сын шлюхи! Приди и забери своего выроodka, или я буду выставять его на частоколе по кускам напоказ твоим псам, которые смеют называть себя воинами!

— Ну, теперь нам точно конец! — скривив лицо, ухмыльнулся Ратибор.

Ульрих наблюдал за этим действием с высоты небольшого холма. Убитый горем, он лишь скрипел зубами и яростно сжимал поводья своего скакуна.

— Господин, господин! — спрыгивая с лошади и падая на колени, взмолился гонец. — Мы не можем прорвать их оборону, они сражаются, словно нелюди! Мой повелитель, мы взяли двух пленных, стащив их со стен, но один из них сам же разбил себе голову о камень, а второй задержал дыхание так, что испустил дух! Они сражаются, словно у них нет страха! Я никогда не видел, чтобы люди так бились!

Ульрих слушал гонца, смотря остекленевшим взглядом вперед, туда, где на копье была надета голова его единственного сына. Он не понимал и половины из того, что говорил ему гонец.

— Сломайте ворота. Убейте всех. А эту мразь оставьте живой: я лично займусь им. Передай всем, чтобы ударили по воротам.

И снова германцы обрушились лавиной на лагерь. Неся огромные потери, они все же пробились через ворота и с победным кличем устремились внутрь лагеря. Но каково же было их удивление, когда они осознали, что оказались в замкнутом пространстве. Первые ряды пытались пятиться назад, но людская волна напирала на них сзади, подхватывала и несла вперед. И вдруг ловушка захлопнулась. Позади них, прямо из-под земли, вздымая дерн и тела убитых и закрывая германским воинам обратный путь, на натянутых канатах поднялась стена. Опешившие на секунду варвары замерли, и в этот же момент послышался голос Луция:

— Крепите частокол! Вбивайте запоры! Давай, Ромул, давай!

Ромул кнутом ударил по лошадям, и они, упираясь копытами в раскисшую землю, поднатужились и прошли еще немного вперед. Земля под германскими воинами разверзлась, и огромная толпа рухнула вниз на острые, словно клыки хищника, колья. Раздался единый истошный крик. Солдаты Луция устремились к яме и стали добивать германцев копьями и камнями. Оставшиеся за частоколом воины Ульриха растерялись и окончательно перестали понимать, что вообще происходит. Тем временем за стенами лагеря римляне безжалостно вырезали их беспомощных соратников.

— Отведите всех от стен! — проорал Ульрих, разворачивая коня и уводя свою охрану в лес.

Протрубив отступление, германцы вернулись обратно в чащу. А в лагере добились последних живых варваров, после чего Луций приказал выставить часовых, а остальным собраться на совещание, чтобы подсчитать потери и посоветоваться о том, что делать дальше.

— Ратибор, каково твое мнение? — поинтересовался Луций.

— Если честно, то я бы уже прислушивался к тебе, а не к себе. Я думал, мы отправимся к праотцам намного раньше, но теперь я даже не знаю, что вам сказать. Ромул придумал отличный план и сконструировал замечательный лагерь и прекрасную ловушку. Я потрясен. Мартин и Понтий отлично командовали, прикрывая фланги и тылы. Ты же проявил себя как потрясающий командир и лидер. Поэтому распоряжайся: я полностью доверяю тебе и соглашусь с любым твоим решением.

— А вы, парни? — глядя на израненных, но не павших духом друзей, поинтересовался Луций.

— Ратибор верно сказал. Командуй, — ответил за всех Мартин.

— Какие у нас потери?

— Больше половины убитыми.

— А раненых сколько, Понтий?

— Ты будешь удивлен, но раненых... Раненых у нас нет.

— Это как?!

— Все, кто не мог больше сражаться, вскрыли себе вены. Они там, в палатке, приготовленной под госпиталь. Я сам ужаснулся от увиденного, когда туда зашел.

— Да что за...! — отодвинув Понтия, Луций быстрой походкой направился туда, где должны были находиться раненые солдаты.

Откинув занавес, он увидел тела. Повсюду все было залито кровью.

— Эти солдаты, они какие-то странные. Их глаза мертвы, да и сами они будто неживые. Сегодня я видел, как они сражаются, убивают и умирают, как куклы. При мне одному из них отрубили руку, и он не издал ни звука, словно ничего не произошло, а сам продолжал сражаться, пока не истек кровью, — еле слышно, глядя на построившихся уцелевших воинов, произнес Ратибор.

— Как такое могло произойти?! — подбежав к солдатам, начал кричать Луций. — Что вы делаете?! — но они лишь молча смотрели на него, не издавая ни звука. — У вас что, совсем нет мозгов?! — ударил он по щеке первого, кто подвернулся под руку, не прекращая орать.

— Успокойся, Луций. Что есть, то есть, — отвел друга в сторону Ромул.

— Ну как же так! Как же так! — никак не мог прийти в себя Луций.

— Ладно, что дальше-то делать будем? Посмотри на меня и ответь! — встряхнул его за плечо Ромул.

— Дальше? Дальше будем сражаться, пока не придет подкрепление.

— Какое подкрепление? Опомнись! Клементий никого не пошлет к нам на помощь.

— Клементий не пошлет, значит, другие пошлют. Ульрих перегруппируется, отдохнет и утром снова атакует. Он потерял много своих воинов, но их по-прежнему гораздо больше, чем нас. Они будут сражаться, пока этот пес жив.

— И что ты предлагаешь? — изумился Понтий.

— Я предлагаю напасть на него ночью. Этого они от нас точно не ожидают.

— Что?! Ты спятил?! — в один голос воскликнули Ромул и Понтий.

— А, по-моему, отличный план, — не согласился с ними Мартин.

— Я поддерживаю Луция и Мартина. План прекрасный, к такому они точно будут не готовы, — точа брусом свой затупившийся топор и не глядя ни на кого, промолвил русич.

— Отлично! Может, конечно, я что-то не допонял, но ты, Луций, хочешь ночью выйти из укрепленного лагеря и напасть на германцев? Ударить остатками центурии по тысячному войску?

— Понтий, тебе и план Ромула сначала не нравился, но ничего, удался же: и мы все живы, и их покروшили в капусту! — с ехидством в голосе ответил Мартин, водя рукой по разбитой голове.

— Мартин, не умничай! В том плане был расчет, и Ромул, в отличие от Луция, хотя бы все продумал! А тут сплошной авось! А вдруг повезет? Да лучше сразу зарезаться! Потому что если они нас возьмут живьем после того, что Луций сделал с сыном этого здорового бородача, то явно не пожалеют. В лучшем случае, кожу снимут. Заметьте: это в лучшем случае!

— А ты что предлагаешь?! — засовывая топор за пояс, спросил Ратибор.

— Встретить их здесь. Как-никак тут есть защита!

— После того, как они отдохнут и перегруппируются, эта защита нам вряд ли поможет.

Сюрпризов больше не осталось, а долго противостоять им мы не сможем: слишком большой перевес в живой силе, — снова что-то чертя, проговорил Ромул.

— Что ты там все рисуешь? — Понтий гневно вырвал листок из рук друга.

— Отдай! Все равно ты не поймешь своими куриными мозгами!

На листке были чертежи и записи, план лагеря, значки костров, какие-то расчеты.

— Что это за очередная картинка?

— Дай сюда, — отнял у Понтия чертеж Ромул.

— И правда, Ромул, что ты там задумал?

— Если мы выдвинемся ночью из лагеря, нам нужно будет разжечь костры и оставить несколько солдат на стенах. Противник должен думать, что мы внутри, начеку, готовимся к их нападению. А мы выйдем с обратной стороны лагеря, сделаем крюк и зайдем к ним в тыл, где они нас точно ждать не будут. Уверенный, что мы в лагере, противник выставит часовых по минимуму. Ульрих наверняка даст всем отдохнуть перед сражением.

— Замечательный план, Ромул. Но у меня есть маленький вопрос: допустим, ты все просчитал и мы вот так просто проберемся в лагерь германцев, но где мы найдем там, среди тысячи воинов, этого проклятого Ульриха? Может, высвистим его или спросим дорогу у его головорезов?

— Понтий, ты хоть и старше нас всех, но вот ума у тебя маловато, — усмехнулся Ромул.

— Что ты сказал?! Я рожу тебе сейчас расшибу, умник! — кинулся было на него Понтий, но был тут же остановлен Луцием.

— А ну хватит! Совсем с ума посходили?! —

Повезло тебе, книжный червь! — отпихивая Луция, крикнул Понтий.

— Давай, Ромул, говори. И правда, как мы его найдем?

— У него сегодня убили сына. Мало того, что убили, так еще и надругались над телом. Он вряд ли сможет уснуть после такого. Сами подумайте: кто бы из вас смог заснуть, зная, что тело вашего ребенка лежит в лагере противника, а голова надета на копье и украшает ворота? Он не будет спать, и при этом он будет один. Он захочет побыть в одиночестве, чтобы подумать о мести. Тут-то мы его и прихлопнем.

— Его воины не будут сражаться без предводителя, — одобрительно закивал головой Луций. — Это наш шанс, другого такого не будет.

— Я пойду с одним условием! — внезапно встрял в их разговор Ратибор. Луций вопросительно посмотрел на него. — Я должен убить его сам, а прежде выяснить у него, кто стоял за убийством моего отца.

— Он будет твой, Ратибор, обещаю, если только мы доберемся до него. Теперь спрашиваю у всех: кто со мной?

Все, кроме Понтия, одобрительно подняли руки.

— Понтий? — посмотрел прямо в глаза друга Луций.

— Что, Понтий, Понтий?! С вами я! Не одному же мне здесь потом подышать? А ты, Ромул, знай: если что пойдет не так, чертов умник, прибью тебя сам, не дожидаясь, когда это сделают германцы!

— Идет, дружище! — улыбнулся Ромул.

Ульрих стоял в темноте ночи, держа руки за спиной. Его серое лицо постарело за этот день, а глаза уже не сверкали так ярко и злобно, как прежде, — они были пусты и безжизненны. Под молчаливым присмотром своей охраны, которая держалась от него на

расстоянии, он с задумчивым видом глядел на небо. Перед ним сидели на лошадях со связанными за спиной руками и надетыми на шеи веревками друзья его сына. Те, кто должен был охранять его наследника, его мальчика, продолжение его рода. Они что-то объясняли ему, пытались докричаться до пожилого воина, которого знали с детства, но он, устремленный мыслями куда-то далеко, не слышал их, да и не хотел, по всей видимости, что-то понимать. Он уже нашел виноватых среди своих. Теперь он мечтал покарать виноватого среди чужих, среди тех, кто пришел завоевывать его земли и поработать его народ. Римляне. Мерзкие, ненасытные люди. И этот мерзавец центурион, который отнял у него самое дорогое, да еще и надругался над ним, опозорив тело сына и его самого перед остальными воинами. Этого Ульрих не мог оставить безнаказанным. Как не мог оставить не похороненным тело Хлодвига. Теперь он отвел войско для перегруппировки и отдыха, но с рассветом собирался лично повести своих солдат на приступ. Он поклялся себе сравнять этот лагерь с землей, а всех, кто его охраняет, придать такой ужасной и мучительной смерти, чтобы о ней веками говорили с содроганием.

Ульрих ненадолго прикрыл глаза, на секунду представил лицо своего сына, непроизвольно дернул шеей, развернулся и пошел в сторону своего шатра. Один из охранников, раскрутив кнут над головой, громко щелкнул им в воздухе, оглушая всех собравшихся. Лошади вздрогнули, пошли вперед, и секундой позже на толстом суке столетнего дуба затрепыхались повешенные на нем люди.

— Что ты скажешь мне? — сухо спросил Ульрих, когда к нему подбежал один из его командиров.

— Римляне развели костры, это видно по дыму, поднимающемуся из лагеря. Они выставили часовых. Скорее всего, ждут, что мы нападём ночью.

— Глупцы. Пускай ждут. Выстави дозорных, но не слишком много: основная часть воинов должна отдохнуть. Римлян осталось совсем мало, и завтра я покончу с ними. К утру чтобы все были готовы! Перед рассветом мы выступаем. И донеси до людей: кто отступит от стен, лучше пускай убьет себя сам!

— Конечно, командир.

Ульрих остался в окружении своей преданной охраны из десятка человек, все остальное войско разместилось от его шатра метрах в пятидесяти: никто не имел желания попадаться ему на глаза в эту ночь. Тем временем Луций с товарищами и небольшим отрядом солдат покинули лагерь, обогнули болото и, преодолев несколько километров и обойдя дозорных, зашли в тыл войска германцев.

— И что теперь? — подползая к Луцию, шепотом поинтересовался Понтий.

— Ратибор, давай командуй, куда тут и что? Ты у нас мастер по диверсионным вылазкам, — вытягивая шею из-за кустов и всматриваясь в темноту, распорядился Луций.

— Ждите здесь, — бросил русич и исчез в темноте.

— Э-э-э! Куда? — приглушая голос, попытался привстать еще выше Луций.

— И что теперь? Забрались в самый центр осинового гнезда, а он исчез. Куда он направился? — занервничал Понтий.

Прошло около часа, и рядом с ними послышался шорох. Луций уже поднял руку вверх, и все приготовились к нападению, но вскоре услышали знакомый голос:

— Свои это, свои, — тяжело дыша, русич перевалился через бугорок, весь мокрый от пота.

— Почему так долго-то?

— Какой ты шустрый, Луций. В следующий раз сам пойдешь.

— Ладно, не бухти, что там?

— В общем, так: его шатер находится примерно метрах в ста отсюда, может, чуть дальше, в стороне от основного войска. Охраны немного, человек десять, но бугаи здоровые. Видно, что воины это бывалые и умелые, поэтому бить нужно наверняка. Если ошибемся, через пару минут к ним присоединятся еще под тысячу копий. Так что второго шанса боги нам не дадут. Ну что, вы готовы? — вытаскивая из-за пояса топор и поднимая с земли щит, произнес Ратибор.

— Готовы. Так, Ромул, ты прикрываешь нас издалека. Понтий, Мартин, не подведите, — Луций подозвал к себе одного из солдат и добавил: — Вы затаитесь здесь. Случись что, мы будем отступать сюда, и тогда вы нас прикроете, — боец послушно кивнул головой. — Ну что, пошли?

Ульрих сидел внутри шатра на срубленном пне и что-то протяжно и уныло напевал, медленно и усердно натачивая меч в предвкушении грядущей битвы и скорой мести, когда позади него послышался знакомый голос Сципиона.

— По-моему, я просил голову центуриона, а не голову твоего сына.

От неожиданности даже такой бывалый воин, как Ульрих, вздрогнул и резко обернулся.

— Как ты прошел через охрану и оказался тут?!

— Охрана? Ты надеешься на свою охрану? Зря, уже совсем скоро ее не станет, а ты сам умрешь, глупый старик.

— Что ты несешь?! — вскакивая, удивленно прокричал германец.

— Сядь, я сказал, — тихо произнес Сципион, после чего ноги Ульриха самовольно подкосились, и он рухнул обратно на пенек.

— Глупые, глупые людишки, — подойдя к нему и присев перед ним на корточки, заговорил Сципион. Его глаза были черны, как угли, и пожилой воин видел в них свое отражение, словно в зеркале. — Вы думаете, мой хозяин помогал вам обрести свободу и независимость от римлян? Или вы думаете, что он рассказал вам, как разгромить легионы Вара, просто так? Нет. Все, что происходит в вашем мире, не сильно зависит от ваших решений, действий или обстоятельств. Да, вы, безусловно, вправе выбирать, ибо это право вам дано наравне с существами, которые гораздо выше вас, но вы часто пренебрегаете этим даром. Ты думаешь, ты оказался здесь случайно? Или, быть может, ты считаешь, что умрешь когда-нибудь и как-нибудь? Нет. Все продумано наперед, все уже расписано и предопределено. Вас только нужно подталкивать к нужной цели, манипулируя вашими амбициями, гневом, гордостью, завистью. А самое главное, нужно дать вам понять, что ваши достижения — это ваша заслуга, и тогда вы пляшете под дудку моего повелителя, словно коты, одурманенные корнем валерианы.

Ульрих сидел и только шевелил губами, не в силах ничего сделать. Его тело словно сковали по рукам и ногам.

— Не мучай себя, старик, я знаю, о чем ты думаешь.

Занавес колыхнулся, и в шатер влетел холодный ветер, затем что-то зашевелилось за спиной Ульриха, и из темноты возник какой-то горбун в рваном тряпье. Один глаз у него был кроваво-красный, другой — угольно-черный.

— Познакомься, Ульрих, это Авера. Он обожает грешников. Твой сын пал, потому что его сгубила гордыня. Его никто не хотел убивать, по крайней мере, вчера. Но Авера решил по-другому. Умереть должен был только ты. Умрет вскоре и Арминий, а ваша независимость

от Рима останется в вашем славном прошлом. Погибнет много людей, прежде чем ваш мир погрузится в тот хаос, которого вы заслуживаете. Хотя тебе все это знать незачем. Ты отработанный материал, прощай, — Сципион превратился в ворона и вылетел из шатра.

Авера пристально взгляделся в обезумевшее лицо Ульриха и улыбнулся, обнажив зубы, острые, словно бритвы. Он склонился над ухом несчастного и прошипел, как змея:

— Обожаю воинов. Ради славы они творят то, что обычному крестьянину и не снилось, а после скрывают свои злодеяния за красивыми словами «храбрость» и «мужество», — Авера резко подался вперед и слился с телом Ульриха.

Перебив всю охрану, Луций, Понтий, Ромул и Ратибор оказались у шатра своего врага.

— Ну что, русич, он твой. Только давай быстрее. И без лишнего шума.

— Пока он не ответит мне, кто стоит за смертью моего отца, он не умрет. По крайней мере, быстро не умрет.

— И все же, Ратибор, поспеши. Времени мало.

Ульрих спокойно сидел в шатре, положив меч на колени, когда, медленно отодвинув прикрывавший вход занавес из шкуры медведя, к нему в покои проник Ратибор. Ступая осторожно, не издавая ни единого звука, он, как кошка, подкрался к германцу. Оказавшись вплотную к тому, кого он так ненавидел, русич затаил дыхание и несколько секунд просто смотрел на свою жертву. Потом он молниеносно выхватил кинжал, схватил Ульриха за волосы, задрал ему голову и прислонил к кадыку острие холодной стали.

— Ты не знаешь меня, германец. Ты, наверное, даже и забыл о том, что совершил! Но я долгие пятнадцать лет искал тебя! Меня зовут Ратибор, я сын русского князя Владимира, в убийстве которого ты принимал участие! Вами командовал высокий воин, ваш хозяин, так называемый друг моего отца, которого он предал! Скажи мне, как его зовут и кто он, и ты умрешь быстро, даю тебе слово!

Ульрих рассмеялся нечеловеческим голосом, его лицо выражало радость, но в глазах были дикий страх и ужас, а по щеке скользила слеза. Он не сопротивлялся, не просил пощады, не вырывался и не пытался спастись. Ратибора сковало сомнение: он всего ожидал от этого германца, но только не такого странного поведения. Вдруг Ульрих содрогнулся всем телом, изломился, словно из него кто-то пытался вырваться на свободу и, улыбаясь, прохрипел:

— Такфаринат! Его зовут Такфаринат, он был одним из его помощников! Это бывший римский солдат, дезертир, страшный человек! Ищи его в Нумидии! — снова рассмеялся Ульрих и, резко подавшись вперед, наскочил на кинжал.

Русич, не понимая ничего, опешил и отшатнулся назад. Ульрих поднялся с пня, развернулся, истекая кровью и шатаясь, сделал несколько шагов в сторону Ратибора и снова еле слышно прохрипел:

— Я не виноват... — опять улыбнулся он и упал на колени. — Такфаринат, ищи его в Нумидии.

После этих слов предводитель германцев завалился на бок, захрипел и затих. Ратибор, немного постояв над телом, наклонился к покойнику и вытащил клинок. Вдруг холод наполнил все вокруг него, а по стенам шатра скользнула странная тень, так что бывалый воин резко обернулся. У входа стоял Луций и смотрел на него.

— Ты закончил? Если ты узнал все, что тебе было нужно, то пора уходить, — сухо произнес он.

— Узнал, — больше для себя, чуть слышно ответил Ратибор без особой радости.

Выйдя из шатра, они немного осмотрелись. Уже начинало светать. Неожиданно практически над ухом Луция просвистела стрела. Он резко обернулся и увидел неподалеку падающего навзничь германца. Тут же вторая стрела сразила еще одного воина, который выскакивал к ним из-за кустов.

— Быстрее! Сюда! — уже во весь голос кричал Ромул, пуская в цель еще одну стрелу. Луций и остальные кинулись бежать, а из-за бугра послышался шум поднявшегося по тревоге войска.

— Да как они догадались, что мы здесь?!

— Кто ж его знает, Понтий! — задыхаясь от бега, ответил Мартин.

Добравшись до своих солдат, Луций велел им отступить к лагерю, но десяток воинов, не слушая приказа, кинулись навстречу стремительно приближающимся германцам.

— Куда?! Назад! Я сказал, отходим к лагерю! Назад, твари! — проорал Луций и бросился было за своими людьми, но его остановил русич.

— Может, оно и верно: так они выиграют для нас время, иначе все тут ляжем! Давай, погнались!

Ратибор оказался прав: воины сражались так яростно и остервенело, что германцам пришлось потратить довольно много времени на то, чтобы сломить этих бесстрашных и не щадящих себя людей. Унося ноги, Луций и его друзья не заметили, как еще десяток их солдат также отделились от отряда и преградили путь противнику. Уже в лагере центурион обнаружил, что от его людей осталось всего ничего. Не успел он перевести дух и понять, что к чему, как послышался голос постового:

— Командир, германцы!

— Что?! — не веря своим ушам, воскликнул Луций, кинувшись к часовому.

За ним поспешил Ратибор и остальные. Сплошным нестройным рядом, шумя и голоса, словно нечистая сила, из леса выдвигались варвары. Впереди ехали всадники и тащили за собой привязанные к седлам тела солдат из центурии Луция.

— Ромул? А, Ромул? И кто сказал, что они не станут воевать без своего вождя? — поворачиваясь к другу, спокойно спросил Луций.

— Так это, я ведь чисто теоретически...

— И что теперь делать?! — занервничал Понтий.

— Приготовиться всем! Солдаты на стены! Ждать моей команды!

Словно черная лавина, масса германских воинов с криком, гомоном и ором сорвалась с места и кинулась на римский оборонительный лагерь. Остатки центурии во главе со своим командиром приняли удар. Взбешенные германцы, пытаясь отомстить за смерть своего вождя и его сына, буквально лезли на стены. Оборонявшиеся, не ведая усталости, сбрасывали их обратно вниз. Везде слышались крики и звон железа, повсюду царила полная неразбериха. Прорвавшись через линию укреплений, несколько вражеских воинов поспешили на стены, где их встретил Мартин и еще несколько солдат. Увидев это, Луций кинулся наперерез противнику и вступил в бой. Оборона таяла на глазах, защитников просто сметали, сдержат натиск было уже не в их силах, а германцы все лезли и лезли. Вдруг где-то поблизости зазвучали трубы и барабаны. Атака заметно ослабела, и даже те, кто прорвался внутрь лагеря, поспешили обратно. Не понимая, что происходит, Луций расправился с одним из нападавших и осмотрелся. Лагерь был заполнен телами его солдат, но германцы, несмотря на очевидное превосходство, явно отступали. Чуть поодаль Ратибор добивал какого-то тощего варвара. Мартин стоял, прислонившись к частоколу, и зажимал

раненую руку. К нему, хромая, шел Понтий. Из его ноги торчала стрела, древко которой он на ходу сломал и откинул в сторону. И только Ромул, забравшись на возвышенность, продолжал добивать из лука убегающего врага. Мгновением позже он радостно снял шлем и прокричал:

— Наши! Наши! Наши!

Ровным строем справа от лагеря быстрым боевым шагом двигались когорты пятого легиона, а наперерез убегающим германцам во весь опор мчалась римская конница во главе с Клементием и Кассием. Но Луций не видел этого. Он осматривал место побоища и видел, что, кроме него самого и его друзей, в живых практически никого не осталось. Почти вся его центурия полегла, сдерживая превосходящие силы противника. Луций снял шлем, бросил его на землю и хотел присесть, но тут в его боку кольнуло. Он потихоньку засунул руку под доспехи, и оттуда ручьем хлынула багровая кровь. Прижав рану, юный центурион немного постоял в раздумьях, после чего, шатаясь, побрел к воротам, чтобы запустить внутрь тех, кто спас им жизнь.

Мощенная гладким валуном аллея, изгибаясь, уходила за поворот к небольшому мостику. Стоявший на нем Марк медленно отщипывал небольшие кусочки хлеба и кидал их в воду, глядя, как на них слетается стайка юрких рыбок и за несколько секунд уничтожает корм до последней крошки.

— Я знаю, Абигор, что он ранен. Велиал скоро будет у него. А ты пока займись его братом: Маркус не хуже Луция, из него можно воспитать отличного воина.

— Клементий создает проблемы, господин. Приди он на несколько часов раньше, помощь Велиала бы не понадобилась.

— Да, его амбиции велики, что есть, то есть. Но, стоит признать, он делает свое дело. Клементий для Луция как красная тряпка для быка, и чем сильнее будет их взаимная ненависть, тем лучше все сложится для нас.

— А если он...

— А если он, Абигор, станет помехой... Ты же сам знаешь, как бывает непредсказуема судьба людей.

Сципион сделал поклон и удалился.

Клементий въехал, словно победитель, в разгромленный, заполненный трупами лагерь Луция. Оставшиеся в живых защитники — грязные, уставшие, раненые — стояли перед легатом, но Клементий и Кассий в окружении охраны проехали мимо, даже не взглянув на них. За ними на территорию укреплений зашли солдаты, которые тут же принялись растаскивать трупы и расчищать все вокруг.

— Центурион, через десять минут у меня! — крикнул Клементий, спрыгнул с коня и направился в уцелевшую палатку.

— Мог бы и спасибо сказать, выродок! — сквозь зубы прошипел Мартин.

— Он нам спасибо скажет только тогда, когда мы подохнем, — зажимая рукой рану в боку, поморщился от боли Луций.

— Сильно ранен? — заметив сочащуюся из-под доспехов Луция кровь, спросил Ратибор.

— Терпимо. Ладно, пойду, послушаю, что он нам скажет.

Прихрамывая и немного горбясь от боли, центурион побрел к своему командиру. В голове его сильно шумело, тело казалось ватным, легким, словно чужим. Луций шел и не видел, как солдаты при виде его шепчутся, цокают языками и что-то негромко обсуждают, уважительно кивая головами. Посланный на смерть, он, словно феникс, восстал из пепла, и легионеры, убирая трупы варваров, отчетливо понимали, какой ценой остался в живых этот пока еще никому не известный центурион. Пройдя мимо охранников, Луций очутился в палатке, где из последних сил поприветствовал своего командира и Кассия.

— Германцы отброшены. Их вождь убит. Вы подоспели вовремя. Германик может не опасаться атаки с тыла.

Выслушав лаконичный доклад Луция, Клементий дернул плечом и заходил вокруг юноши. Заметив, как из-под его доспехов капает на пол кровь, он остановился, прищурился

и произнес сквозь перекошенную злобой улыбку:

— Почему ты никак не можешь подохнуть? Неужели это так сложно?!

— Я пытался, командир. Извини, не вышло, — обливаясь потом от боли и слабости, ехидно прошептал пересохшими губами Луций.

— Он еще и издевается, Клементий! — выхватив меч, прокричал Кассий.

— Остынь!

— Почему?! Давай просто прикончим его, и все тут!

— Ты глупец, Кассий! Глупец! Эта сволочь знает, что мы не можем его тронуть. Сам Германик отправил нас к нему на помощь. И как только он догадался о том, что я послал их сюда? Впрочем, теперь он будет думать, что это был мой гениальный план. Так что я даже немного рад тому, что вы тут устроили. А теперь пошел прочь с глаз моих! Ступай, зализывай свои раны! — пихнул плечом центуриона Клементий.

Луций, не помня себя, вышел на воздух. Ноги у юноши подкосились, его повело вбок, но Мартин подхватил друга и не дал ему упасть. Вскоре центуриона перенесли под навес, туда, где был развернут госпиталь.

— Тут одни трупы. Куда его класть-то? — нервно озираясь по сторонам, Мартин искал хоть какое-то более или менее подходящее место.

— Вон туда, в угол! Да, сюда! Укладывай! Да осторожней ты! — командовал Ромул в то время, как Ратибор и Понтий растаскивали тела убитых, чтобы освободить место своему другу.

Сняв с него доспехи, они опешили и испугались: глубокая рана на боку продолжала кровоточить.

— Тут лекарь нужен, — чуть слышно констатировал Ромул.

— Оставайся с ним. Погнали, нужно найти того, кто хоть что-то понимает в медицине, — мгновенно среагировал Мартин.

— И где мы найдем лекаря?

— Не паникуй, Понтий. Он крепкий, выкарабкается. Так, Мартин, ты иди на поле: на нем много раненых, и, скорее всего, все врачи там. Понтий, принеси воды, чистой. А я разведу огонь, чтобы прижечь рану.

Неожиданно потянуло неприятным запахом серы, по коже друзей прошел странный холодок, и они услышали, как знакомый, спокойно-могильный голос произнес:

— Не нужно ничего. Оставьте меня с ним наедине.

— Велиал? — изумился Понтий, увидев лекаря Марка.

— Откуда ты здесь?

— Ты ставишь вопрос неправильно, Мартин. Следовало бы сказать: «Спасибо, что ты здесь». А теперь прошу: оставьте меня с Луцием. Он потерял много крови.

Понтий, Ратибор и Ромул попятнулись к выходу. Велиал присел рядом с бледным телом раненого и, сняв с плеча сумку, положил ее перед собой, а затем, убедившись, что он один, залез в нее.

— Откуда он взялся? — осматривая раненую руку, буркнул Мартин.

— Да какая разница? Главное, что он тут и поможет Луцию.

— Так-то ты прав, Ромул. Главное, чтобы помог, — присел на валун Ратибор и, вытащив свой топор, принялся методично натачивать его.

— А если не поможет?

— Тогда, парни, я в бега. Я должен отомстить за отца. Ну, а куда вы, сами решайте.

Центурия фактически уничтожена, и только пока Луций жив, нас не тронут.

— А если выживет? Тогда что дальше?

— Что за «если», Понтий? Выживет, никаких «если», — сухо бросил ему Ромул.

Луций приоткрыл глаза. Он был весь в поту и трясся от холода. Над ним склонилось какое-то темное существо, покрытое балахоном. Оно явно смотрело на него, хотя ни лица, ни глаз юноша не видел. Ужасно пахло серой, как тогда, в доме у Велиала, когда его туда привел Марк. Луций хотел подняться, но существо прижало его рукой так, что стало трудно дышать, а затем что-то пронзительно леденящее обволокло область раны. Стало нестерпимо больно, так больно, что Луций резко дернулся, но не смог пошевелиться. Хотелось заорать, но даже на это у юноши не хватало сил. Через мгновение он потерял сознание.

— Что с ним?! — поднимаясь с камня, поинтересовался Ратибор у выходящего из палатки Велиала.

— Я успел вовремя. Рана была глубокой, но все будет хорошо. Организм молодой и крепкий, думаю, через пару-тройку дней Луций встанет на ноги. Но для этого ему нужен покой. Да, и уберите трупы, а то они скоро начнут источать зловоние.

— Спасибо, — с признательностью в голосе произнес Ромул, на что Велиал лишь кивнул головой и пошел прочь.

— Все равно не пойму, откуда он взялся и как обо всем узнал, — поправляя окровавленную повязку на руке, пробормотал Мартин.

Все, что произошло на германской земле, послужило началом цепи событий, развитие которых уже было не остановить. Тем временем сопротивление германцев возрастало. Ситуация уже не была такой безоблачной и оптимистичной, как казалась вначале. Германские племена объединялись под угрозой общего врага. Если бы этот процесс продолжился, он закончился бы созданием германского государства, в котором Арминий стал бы правителем.

Зал гудел. Тут и там сенаторы подрывались с мест, кричали, ругались, толкали друг друга. С самого утра шло заседание, на котором обсуждалось положение дел в Германии. Тиберий молча, как и в прошлый раз, сидел на своем месте в окружении приближенных, в числе которых был и Марк. С противоположной стороны зала жарко спорил с Келестином Андриан, на них смиренным взглядом смотрел Ларгий.

— У Германика вряд ли хватило бы смекалки для точного понимания сложившейся ситуации! Мы хотели завоевать варварские земли с ходу, полагаясь исключительно на военный метод. А Клементий?! С чьей подачи он стал легатом пятого легиона?! Говорят, он отправил свою центурию на верную гибель, и ее всю вырезали! — кричал Андриан.

— Я слышал, сам центурион и несколько его людей выжили, — скромно возразил Ларгий.

— Выжил кто или нет, теперь это неважно. Факт остается фактом. А Тиберий закрывает на все это глаза. Марк управляет им, словно марионеткой. Зачем мы вообще послали туда войска? Нам не хватило унижения, на которое нас обрек Вар?!

— Ты неправ, Келестин. Смыть позор можно только победой. Это, во-первых. А во-вторых, объедини Арминий германцев, мы получим врага куда более сильного, чем прежде. И Тиберий понимает это, поэтому и слушает Марка. Только вот непонятно одно: Марку-то зачем все это? — снова чуть слышно произнес Ларгий.

Тиберий, прищуриваясь, пристально смотрел на сидящего неподалеку от него Марка,

который явно делал вид, что не замечает прожигающего взгляда императора. Цезарь знал, как правильно поступить, однако в его планы не входило поправлять Германика, а уж тем более указывать ему. Теперь ему было выгодно позволить ненавистному племяннику завершить начатое дело. Ни поражение, ни победа уже не сулили Германику ничего хорошего, и поэтому он уже мало волновал Тиберия, а вот Марк, напротив, все больше его настораживал.

— Успокойтесь! Успокойтесь! Прошу тишины! — встав с места, внезапно обратился к присутствующим Ларгий.

Толпа немного утихла и все обернулись к взявшему слово сенатору.

— Мы обсуждаем здесь все, кроме того, зачем в действительности собрались. Вот уже год мы пытаемся завоевать непокорных германцев. Возобновление военных действий поначалу застало их врасплох, но вскоре они оправились, и ситуация изменилась. Арминий не терял времени даром и сумел восстановить племенной союз. Теперь под его командованием большое войско, а германские отряды истребляют наши продовольственные запасы и грабят обозы, не давая войскам передышки. А еще наши так называемые командиры посылают собственные силы на убой! Марк, ответь нам, почему — ведь это же ты ходатайствовал за Клементия? Ведь это ты просил, чтобы ему дали под командование легион, исходя не из его боевого опыта, а из уважения к его знатному отцу Силану?

Марк улыбнулся, его глаза сверкнули огоньком. Он медленно поднялся и, пристально глядя на Ларгия, ответил:

— А с чего ты взял, что Клементий послал центурию на убой?

— Так об этом шумит весь легион и не только.

— Правда? Легионы шумели, и когда Цезарь Тиберий взшел на престол. Помнится мне, и вы так же шумно оправдывали Терентия и его друзей-заговорщиков, а кто в итоге оказался прав? Ведь после их казни бунт прекратился. Теперь вы обвиняете меня в том, что я незаслуженно дал Клементию легион под командование. Да, он молод. Но, по-моему, его план сработал. Оттянув германцев на небольшое войско, он уничтожил армию Ульриха и, кстати, убил его самого, а он был ни больше ни меньше правой рукой Арминия. Теперь у Арминия нет иного выхода, кроме как дать бой Германику. Поэтому, Ларгий, твои слова говорят лишь об одном: ты просто ничего не смыслишь в военном деле.

Раздались аплодисменты. Марка радостно поддержали почти все собравшиеся, Ларгию же достался свист и насмешки заседателей.

— Послушайте! Послушайте! Дать решающий бой Арминию сейчас — самоубийство. Не стоит недооценивать противника, мы уже получили жестокий урок. Наступить два раза на одни и те же грабли — невыносимая глупость!

— И что ты предлагаешь нашему Цезарю? Остановить кампанию?

— Я не это имел в виду.

— А мы все поняли, что именно это. Великий Цезарь, — повернулся к императору Марк. — Позволь усилить наше войско новым легионом и с наступлением лета перебросить солдат в Германию.

— Интересно, и кто будет управлять этими головорезами?! — внезапно вскочив с места, в один голос прокричали Андриан и Келестин.

— Действительно, Марк, кто? У тебя есть кандидатура? Неужели ты хочешь предложить Клементия? Я вообще не очень понимаю, что именно произошло в этом пятом легионе. Надеюсь, кто-то даст мне разъяснения, — без всяких эмоций произнес Тиберий.

— Что вы, повелитель. Я не собираюсь никого предлагать и тем более навязывать. Пускай предложение внесет Ларгий, а то он меня в чем-то подозревает, кажется. А полный отчет будет у нас, как только вернется гонец.

Тиберий повернулся и посмотрел на старого сенатора, после чего жестом руки дал понять, чтобы тот говорил.

Ларгий быстро встал, но тут же почувствовал, как с ним стало происходить что-то странное. Словно кто-то принялся ворошить мысли в его голове, нашептывая в ухо какие-то чуждые ему слова. Он медленно перевел взгляд на Марка, но тот, разведя руки, всем видом показывал, что ждет, пока Ларгий произнесет имя будущего командующего Черным легионом в Германии. Виски сдавило, и Ларгий увидел, как страшное существо, похожее на горбатого человека в ветхом тряпье, проскользнуло черной тенью мимо рядов и, как ему показалось, встало у него за спиной. Ларгий с ужасом обернулся, но никого не увидел.

— Говори, Ларгий! — уже с раздражением в голосе произнес Тиберий.

Сенатор стоял неподвижно, с бледным лицом. В его голове промелькнуло воспоминание о том, как странно вел себя Силан в момент, когда принималось решение о казни Терентия. И вдруг кто-то прошептал ему:

— Центурион Луций. Назови его имя. Имя того, кто остался жив, сдержав германцев силами одной лишь центурии. Луций. Назови его имя. Ну же, говори. Говори! Говори!!!

— Луций! Центурион Луций! Он достоин! — выкрикнул Ларгий и тут же рухнул на скамью, вытирая выступившую на лбу испарину.

Все вокруг него закружилось, и он, прикрыв глаза, тяжело задышал.

— Кто это, Марк? Почему я впервые слышу об этом центурионе? Или я чего-то не знаю? — недоуменно поинтересовался Тиберий.

— Я также впервые слышу это имя, Цезарь. Я бы предложил Кассия. Но если они думают, что этот Луций достоин звания, то я выступлю за него.

— Мне кажется, ты лукавишь, Марк. По-моему, нет того, чего бы ты не знал, — улыбнулся Тиберий и взмахом руки подозвал к себе Ларгия.

Тот поспешно подошел к императору. Со стороны его поведение выглядело обычным, но самому Ларгию казалось, что его собственное тело не принадлежит ему и двигается самовольно. Не успев опомниться, он уже стоял перед Цезарем.

— Ну, Ларгий? И что это за центурион? Не слишком ли опрометчиво ты поступил, предложив на эту должность никому не известного солдата? Или, быть может, он какой-то особенный, а я просто не знаю о нем чего-то важного? Ты знаком с этим человеком лично?

— Нет, Цезарь, я не знаком с ним, но его слава идет далеко впереди него.

— Странно, я еще не слышал о нем. А ты, Марк?

Марк лишь пожал плечами.

— Не так давно он сдержал наступление германцев силами всего лишь одной центурии. А варваров, говорят, было почти три тысячи. Мало того, ходят слухи о том, что именно он убил Ульриха и его сына Хлодвига. Лично.

— Вот как? Прекрасно. Интересно, почему я тогда впервые слышу о нем? Кто-нибудь может ответить мне на этот вопрос? Марк, ты же только что сказал, что эту операцию прекрасно спланировал Клементий. Как мне тогда понимать все это?

— Великий Цезарь, он не из знатного рода, поэтому слухи о нем ходят лишь между солдатами, — склонив голову, произнес Марк.

— Наверное, просто сам Марк склонен видеть только тех, кто близок к нему по родству

и дружбе. Возможно, именно поэтому он так восхваляет сына Силана, который явно приписывает себе успехи других, — усмехнувшись, произнес Ларгий, на что Марк лишь немного склонил голову и едва заметно улыбнулся.

— Будет вам выяснять отношения. Лучше расскажите, что еще вы о нем знаете? Не могу же я отдать свой лучший легион под командование тому, про кого слышу впервые.

Посмотрев на Марка, Тиберий замолчал.

— А почему бы и нет? Не Германику же этот легион отдавать. Нужно навести справки про этого центуриона. Если он действительно так хорош, как о нем говорят, он станет надежной опорой для вас, Цезарь. Получив такую должность, он будет предан вам, как пес, и выполнит любые ваши указания.

— Что-то ты быстро поменял свое мнение, милейший, — ехидно проговорил Ларгий, чувствуя, что почти обставил Марка: наконец-то император прислушался не к нему, а к кому-то другому.

— И то правда. Ты ведь всегда говорил о Клементии, сыне Силана — разве он не подойдет? Или, быть может, ты признаешь, что эта темная лошадка Луций гораздо лучше и Ларгий прав в своем решении?

— О, великий, я ценю хорошие мнения и ради вас и империи признаю любой выбор Ларгия. Он мудр и не раз оказывался прав в своих делах и помыслах. Ларгий, насколько мне известно, всегда делал то, что было лучше для людей, и за свою жизнь не вынес ни одного неправомерного решения. А ведь он долгое время занимал должность, на которой вершил человеческие судьбы. Так что я умываю руки и принимаю его волю, как свою. Я сам удивлен, почему мы так мало знаем об этом храбреце, но ведь это не беда. Ларгий может отправиться к нему и привезти нам подробный отчет. Заодно дадим этому Луцию пару когорт от легиона. Насколько я знаю, вскоре планируется генеральное сражение с Арминием. Вот и посмотрим, на что годится этот центурион и как проявит себя Клементий. Как вы думаете?

Не согласиться с Марком Тиберий не мог. Он был не настолько глуп, чтобы не прислушаться к этому человеку, который пока что ни разу не подвел его, в отличие от других. Но и успехи его он ненавидел, понимая, что тот явно переигрывает его, а ему, несмотря на положение императора, приходится танцевать под чужую дудку. Цезарь чувствовал роковое влияние на себя этого сенатора, он ненавидел его и одновременно боялся. Ложась спать после встреч с ним, Тиберий мечтал разделаться с Марком, но каждый раз понимал одно: Марк пока еще был ему нужен. И это «пока» затягивалось на нем, словно удавка на шее. Тиберий осознавал, что завоевание Германии очевидно шло вразрез с намеченным планом. Эта кампания имела весьма сомнительный успех и представляла собой, в сущности, карательные экспедиции. За длительное время ни пяди новых земель не было завоевано, ни одно племя не было подчинено. Цена была слишком велика, а результаты ничтожны. Нужно было опробовать новые войска и наконец-то разбить этих варваров, отомстив за позор прошлых лет. Стоит ему провалить эту кампанию, как такие, как его ненавистный племянник Германик, тут же поднимут головы, а за ними воспрянут и все остальные. Слабый правитель не нужен никому, а этот Марк все-таки умел предвидеть все наперед, а потому представлял для Тиберия немалый интерес.

«Что же, пускай все идет так, как идет, а с ним разобраться я всегда успею», — в очередной раз подумал Тиберий, а вслух произнес: — Ларгий, возьми с собой преданного тебе человека. Отправьтесь в Германию вместе с вновь сформированными легионами и

двумя когортами из Черного легиона. Займитесь документами на имя этого центуриона. Узнай всю его подноготную, а пока пускай проявит свои военные качества. Ты, Марк, отправь к Германику своего человека: пускай готовится к основному сражению.

Проходя по колонному залу сената, Ларгий спокойно обсуждал с Келестином и Андрианом предстоящие дела, но тут к ним подошел Марк.

— Ты удивил меня, старый проныра. Оказывается, в тебе еще есть огонек. Я поражен твоей осведомленностью по поводу этого центуриона Луция из пятого легиона.

— У всех свои источники, приятель. Нельзя знать всего, — снисходительно ответил Ларгий, но Андриан тут же вмешался в разговор.

— Неужели ты думал, что мы не замечаем, как ты продвигаешь сына покойного Силана? Мало того, что с твоей подачи возродили идею о Черном легионе, так еще после смерти Августа ты добился, чтобы его создали. Но с чего ты взял, что тебе позволят поставить легатом Клементия?!

— Никто из здравомыслящих людей не даст тебе этого сделать. Нам достаточно уже того, что ты слишком близко подобрался к Тиберию. Если еще и Клементий станет во главе элитного войска, то тебе недолго и власть к рукам прибрать, — с подозрением осматривая Марка и потирая подбородок, недоверчиво произнес Келестин.

— Зря вы так обо мне. Я подошел искренне вас поздравить. Почему вы считаете, что мне что-то нужно? Я стараюсь во благо людей, таких как вы и не только. Разве я мог предложить кандидата из простого народа? Повторюсь, все, что вы решите, я приму с почтением. Мало того, я даже помогу вам добраться до этого центуриона. Вы же знаете, что мой корабль самый быстрый в империи, и я с радостью одолжу его вам. Я не хочу, чтобы вы думали обо мне, как большинство этих тупоголовых сенаторов. Они просто не понимают, что нужно заботиться не о себе, а о стране и о народе. Так что я к вашим услугам и мой корабль тоже, — с несвойственной ему лстивостью и добротой в голосе сказал Марк и протянул руку Ларгию.

Стоявшие рядом Келестин и Андриан были уверены, что тот попросту рассмеется Марку в лицо, ведь именно их решение поддержал император и именно они должны были встретиться с Луцием первыми и известить его о милости Тиберия. Они уже воображали, как этот юный центурион заплещет под их дудку подобно тому, как Германик и Клементий пляшут под дудку этого змея. Тем не менее, Ларгий вежливо пожал протянутую ему руку и кивнул головой в знак согласия на предложение. Марк мило улыбнулся.

— Всегда рад помочь. Кстати, если по какой-либо причине ты не сможешь отправиться в путь, я всегда готов позаботиться о твоих спутниках, — похлопав по плечу Ларгия, сказал он и пошел прочь.

Ларгий стоял с помутневшим взглядом, все еще держа перед собой протянутую руку. На него с изумлением смотрели Келестин и Андриан.

— Да что с тобой?! Почему ты не послал этого змея в Тартар с его предложениями?!

— Андриан прав, Ларгий. Ему нельзя доверять!

— А? — встрепенулся Ларгий, будто очнулся ото сна, и посмотрел на изумленные лица своих спутников.

Перед самым отправлением, когда все уже было готово, а две когорты отборных воинов только и ждали приказа, чтобы отбыть на войну, Ларгий внезапно слег с жаром. Почти три месяца он планировал все сам, не подпуская к операции никого, и тут, перед решающим рывком, болезнь безжалостно свалила его с ног. До этого несколько дней он провел в

архивах, копаясь в бумагах в поисках любых сведений об этом центурионе, чье имя, а особенно отчество, не давало ему покоя. Под вечер он отправил своих слуг к Андриану и Келестину, чтобы срочно вызвать их к себе, но те застали Ларгия уже охваченным жаром. Приглашенный ими лекарь напрасно давал больному разные отвары, пускал кровь и даже произносил заклинания. Пожилой сенатор только бормотал в бреду что-то невнятное, а иногда, вытаращив глаза, с ужасом натягивал на себя простыню, словно прячась от кого-то, и кричал:

— Авера! Авера! Грех! Грешен я! Мы все грешны! Он идет за нами! За всеми нами! — после чего указывал пальцем в темный угол и произносил: — Не ведаем, что творим, а он ведает! Все знает! Все!

— Что с ним? — тихо спросил у лекаря Келестин.

— Плох. Очень плох. До утра вряд ли доживет. Ничего не помогает, это какая-то неизвестная болезнь. Я бессилён.

— И что мы будем теперь делать? Тиберий нас вздернет на дворцовых воротах, если узнает, что мы не нашли никакой информации об этом Луции, будь он неладен!

Как только Андриан произнес имя юноши, Ларгий встрепенулся, схватился руками за простыню и, повернувшись к ним, воскликнул:

— Не-е-ет! Не-е-ет! Его семья! Он этого и хочет! Не-е-е-ет! Не-е-ет!!! — дергаясь и пытаясь вскочить на ноги, орал он.

Стоявшие рядом рабы еле успокоили старика и стали прикладывать холодные компрессы к его телу.

— Ступайте. Он все равно ничего уже не понимает, — тихо произнес лекарь, показывая всем своим видом, что знатные люди здесь уже ни к чему: они лишь попусту тратят свое время.

Выйдя на улицу, Андриан нервно заходил взад и вперед по мостовой, озадаченно потирая затылок.

— Что теперь делать? Вот же глупый старик: завалил такое дело! А ведь могли бы... Эх!

— Нужно идти к Марку, — пристально глядя на совсем еще юного Андриана, тихо произнес Келестин.

— Что?! К нему?! Да он нас на порог к себе не пустит! Ты бы пустил?! После того как мы против него выступили в сенате?!

— Нужно идти к Марку, — повторил Келестин. — У нас нет ровным счетом ничего на этого Луция, поскольку всю работу по поиску информации о нем взял на себя Ларгий. Все дела шли через него, и мы не сможем сейчас запросто восстановить его работу, найти людей, к которым он обращался, поднять документы, которые он читал. На все это требуется время, а его у нас нет. Если не хочешь, чтобы с твоей головой забавлялись псы Тиберия, нужно просить помощи у Марка. Он наша единственная надежда выйти из этой ситуации целыми и невредимыми. Сорвем отправку войска в Германию — нам не жить.

Келестин и Андриан направились к Марку, и уже по пути увидели его самого, будто он предусмотрительно выдвинулся им навстречу. Его носилки они узнали сразу. На удивление им, Марк сам выскочил из паланкина и, радушно разведя руками, воскликнул:

— Какая удача! А я вас по всему Риму разыскиваю.

Прятели изумленно переглянулись.

— Давайте залезайте, срочно едем к вам, по дороге все объясню. Да не стойте вы, как истуканы!

Когда все расселись внутри паланкина, Марк тут же перешел к делу.

— Еще вчера Ларгий пришел ко мне и принес вот эти бумаги, — вытащив из ларца документы, он протянул их Келестину. — Это все о Луции Корнелии. Его род древний, но не очень знаменитый, хотя его предки всегда были достойными гражданами Рима. Тут вся его подноготная: налоги, дарственные, военная карьера его отца, деда, да и его самого — ничего противозаконного. Он чист, как младенец.

— А зачем Ларгий приходил к тебе? Только чтобы передать это? По-моему, эти бумаги он мог спокойно доверить любому из нас, — не отрывая взгляда от документов, недоверчиво произнес Келестин.

— Эти — да. Но вот то, что он отыскал, случайно наткнувшись на переписку Германика с его женой Агриппиной... — Марк заговорщицки понизил голос и показал спутникам еще один сверток.

Андриан, не сдержав любопытства, выхватил грамоту, развернул ее и прочитал с выражением ужаса на лице, после чего передал документ другу и дрожащим голосом спросил:

— Неужели, правда?

Келестин, присмотревшись к бумаге, ответил:

— Подпись и печать его, в этом нет сомнений. Но как такое возможно? Чего же мы ждем? Нужно срочно рассказать об этом Тиберию!

— Я был уверен, что они служат во благо народа и императора. Как же я ошибался! Как видите, Германик и Клементий объединились, и по завершении кампании хотят повернуть свои легионы против Цезаря. Этого нельзя допустить. Наш козырь в том, что они не догадываются о вскрывшейся переписке, — сказал Марк.

— Нужно немедленно оповестить императора! И дело с концом! — выпалил Андриан.

— И дело с концом, — вздохнув, повторил Марк и с грустью в глазах посмотрел на молодого сенатора. — Германик — племянник Тиберия. Клементий — сын преданного и великого человека — того, между прочим, за которого я поручился. Если об этом узнает Цезарь, моя голова слетит с плеч вместе с их головами.

— А нам-то что до этого? Твои проблемы, решай их сам!

— Келестин, если вы не поможете мне, я не помогу вам. Как говорится, рука руку моет. Я знаю, что все переговоры по вашему делу вел Ларгий, знаю, что он смертельно болен. Также я знаю, что вам не на чем перебраться в Германию и не на чем перевезти туда войска. Вы запороли поручение, которое вам дал Тиберий, понадеявшись на Ларгия. Так что я бы на вашем месте не говорил, что проблемы есть только у меня.

— И чего ты хочешь? — понимая правоту Марка, тихо спросил Келестин.

— У меня есть корабли. Я обеспечу вас всем необходимым для того, чтобы приказ Цезаря был исполнен. Вы, естественно, поднимаетесь в его глазах. Я даже сам лично буду льстить вам, говоря императору, какие вы молодцы и что только такие люди нам и нужны. А вы поможете мне избавиться от Германика, Агриппины и Клементия, которые предали не только меня и Цезаря, но и всех вас, ведя свои грязные игры у меня за спиной в то время, когда я им так доверял и помогал. Мне нужно, чтобы этот Луций был на нашей стороне. Если, как вы говорите, многие солдаты верят ему, то, получив контроль над Черным легионом, он станет весомым аргументом в борьбе с этими изменниками. А пока вам нужно передать ему вот это письмо, — протягивая свиток, заискивающе проговорил Марк. Но заметив, как смутились и даже испугались его собеседники, он тут же продолжил: — Да вы

прочитайте, здесь нет ничего секретного. Тем более, пока мы в одной упряжке, нам нечего друг от друга скрывать. Читайте, читайте.

Андриан быстро развернул бумагу и, подвинувшись к Келестину, стал внимательно вчитываться в текст. В нем действительно не было ничего необычного. Марк от имени императора Тиберия заверял Луция Корнелия в том, что дарует ему земли в Германии после победы над варварами, дает ему под командование две когорты отборных воинов и надеется на его доблесть и честность. Верит в то, что он будет надежной опорой и преданным соратником Цезаря. Потом шло обычное перечисление заслуг его отца, деда, его собственных заслуг, которыми восторгаются все, в том числе и император. Далее следовали слова о том, что слух о его храбрости поднимает боевой дух римских воинов, и далее все в том же роде. Внизу стояли подписи Тиберия и Марка, и оставалось место для подписей еще двоих должностных лиц.

— Вот видите, ничего подозрительного. Если вы согласны на мои условия, подпишите. Я, откровенно сказать, думал, что в путь отправятся Келестин и Ларгий, но коль скоро несчастного сразила болезнь, теперь, Андриан, требуется ваша подпись. Конечно, если вас все устраивает. Ну, а если вы по-прежнему считаете, что я не на вашей стороне, то давайте тогда разойдемся каждый своею дорогой, чтобы самостоятельно решать свои проблемы. Ну так что?

Андриан и Келестин переглянулись, понимая, что Марк все-таки прав и им без него не справиться. Они согласились, скрепили письмо своими подписями, запечатали сверток и спрятали его в кожаный тубус, который Марк передал Келестину со словами:

— Я верю в вашу честность. Надеюсь, данное сообщение дойдет до адресата в целостности и сохранности.

— Непременно! — усмехнулся Андриан.

— Я знал, что вам можно доверять. Люди должны верить друг другу. Даже животное, живя в стае, доверяет себе подобным. Чем же мы хуже?

— Надеюсь, Марк, в нужное время мы увидим на пристани твои корабли. Ведь, как ты сказал, теперь мы в одной упряжке. Иначе... — вылезая из палантина, сказал Келестин.

— Ну, что вы, иначе не будет, — произнес Марк им в след, а затем, когда они уже скрылись из вида, тихо добавил: — Будет по-моему. Всегда будет по-моему.

Глава 18 ВОЗМЕЗДИЕ

Была лишь середина лета, и еще оставалось время для проведения дальнейших военных действий. Германик собрал командиров для обсуждения стратегии. Здесь, в его ставке, решалась судьба не только германцев, но и его собственная. Он понимал, что дядя давно его недолюбливает и теперь, если он провалит эту операцию, Тиберий не даст ему спуска. Германик решил действовать. Однако вскоре его постигла новая беда — складывалось ощущение, что сама природа, сами боги были настроены против него. Флот, который отплыл из Рима с новыми легионами, был почти полностью потоплен. На первый взгляд, его гибель была вызвана неудачным стечением обстоятельств, на самом же деле для могущественной силы, которой нужен был настоящий монстр на троне, Германик становился помехой. Римские корабли вышли в море в прекрасную погоду, но по пути попали в ужасный шторм в устье Эмса. Море вздыбилось и послало им вдогонку шквалистый ветер, который вызвал панику среди войска. Попытки солдат прийти на помощь морякам лишь мешали последним. Погода резко ухудшилась. Сильный шторм погнал корабли обратно в море, к островам. Чтобы переждать бурю, были брошены якоря, однако отлив, усиленный ветром, потащил их вместе с судами. Кони, выючные животные и даже военные запасы были безжалостно выброшены за борт, чтобы облегчить корабли, однако многие из них все равно пошли ко дну, а остальные были унесены ветром и течением к Фризским островам. Только суда, снаряженные Марком, достигли цели в целостности и сохранности, словно для них шторм был ничем.

С болот тянуло ночной сыростью и зловонием. В римском лагере пятого легиона все, кто мог, разожгли костры, и только часовые зябко поеживались, вглядываясь в зловещую темноту, которая казалась еще гуще от тумана, поднимавшегося с болот. Где-то в этой предательской мгле скрывались германцы. В последнее время они вели себя все наглее и увереннее: два дня назад германское войско подошло к месту расположения римских легионов и стало лагерем за болотами на возвышенности, перекрыв ущелье, которое с другой стороны было заблокировано по приказу Луция. Отдельные отряды варваров уже дважды пытались прорвать оборонительную линию со стороны ущелья, но им не удалось преодолеть укрепления. Воины под командованием Луция стойко сражались, не жалея себя. Особенно опасным оказался второй ночной штурм, поэтому и этой ночью римские часовые были начеку.

В лагере царила необычайная тишина. Вчерашнее нападение германцев стоило жизни многим. Несобранность и недопонимание, сложившиеся между легионами, не сулили ничего хорошего. Все командиры до сих пор не вернулись в свои части из ставки Германика, и это вызывало у солдат негодование. Младшие офицеры боялись брать командование на себя, из-за чего в бою профессиональные воины больше походили на случайный, необученный толком сброд. В атаках они беспорядочно бегали из стороны в сторону, отступали кое-как, а иногда и вовсе поддавались панике. Солдаты были полностью деморализованы и настроены мрачно. Небольшими кучками они сидели у костров, разведенных перед палатками. Многие скинули свои короткие плащи и кожаные панцири, покрытые металлическими пластинками, и остались в одних шерстяных рубахах. Несколько

человек сушили над огнем отсыревшую одежду. Другие чинили разорвавшиеся ремни своей солдатской обуви. К палаткам были прислонены большие щиты, частью круглые или овальные, но в большинстве своем прямоугольной формы: такой щит мог надежно прикрыть тело воина целиком. Чтобы не перепутать оружие, на внутренней стороне каждого предмета были написаны имена владельцев.

К одной из палаток, не спеша и осматривая все вокруг, подошел Луций и молча подсел к костру, у которого грелись несколько солдат. По тому, как быстро потеснились воины, уступая ему место у огня, было видно, что он сумел заслужить у них большое уважение. Погрев над огнем руки, центурион, по-прежнему без слов, снял с головы железный шлем, взял щепотку золы и принялся усердно чистить ею те места, где, как ему казалось, начинали намечаться пятнышки ржавчины. Вскоре один из молодых солдат нарушил молчание, установившееся с приходом Луция:

— Почтенный Луций, до вашего прихода мы спорили, почему попали в настолько тяжелое положение после того, как наши войска, казалось бы, навсегда покорили Германию. А теперь у нас нет командиров, нет продовольствия, варвары атакуют нас отовсюду, а Германик никак не даст им сражения. Нас вырезают, словно скот, а мы не можем ничего сделать. Да еще и этот осел Клементий... Слава богам, что вы остались за него. Ребята не дадут соврать: только благодаря вам мы еще живы! Как вовремя мы возвели укрепления! Говорят, в других легионах дела обстоят намного хуже, чем у нас!

Луций закончил чистить шлем и повернулся к солдату.

— Лучше ложитесь спать. Я думаю, нам предстоят тяжелые дни. И держи свой язык за зубами: за такие слова в адрес командира ты можешь жестоко поплатиться. Это всех касается! Клементий не станет с вами церемониться, если узнает, как вы о нем отзываетесь! Да и вообще, воину негоже много болтать: меньше слов, больше дела.

Луций отвернулся, вынул из ножен свой прекрасный меч — подарок Марка, проверил его остроту, взял лежащий рядом с костром брусок и подточил клинок, затупившийся во время боя прошлой ночью. Тут к костру подошли его друзья и сели рядом с солдатами. Изрядно выпивший Понтий нагло оттолкнул молодого парня, сидевшего рядом с центурионом, и сам подо двинулся к Луцию.

— Что, командир? Долго будем в этой дыре гнить в ожидании, пока нас всех не перебьют?

Луций кинул брезгливый взгляд на приятеля.

— Слишком много пустых слов, Понтий! Могу понять неправильно. Всему есть предел, дружище, — вложив меч в ножны, разозлился Луций.

— Да ладно, брось! Шучу я! Шучу! Все равно рано или поздно все сдохнем в этой поганой Германии, будь она проклята тысячу раз!

Молодой солдат, которого грубо оттолкнул Понтий, какое-то время сидел насупившись, но затем опять вкрадчиво обратился к центуриону:

— Командир, а действительно, почему мы до сих пор не выступим против варваров? Чего ждет Германик? И где помощь, которую к нам послали из Рима?

— Я не знаю. Наше дело маленькое: приказано, значит нужно выполнять. Прибудет Клементий — расскажет обстановку.

— Тоже мне, нашел благодетеля! Ага, расскажет! Ты что, забыл, как он нас бросил на верную смерть?! Он тебя первым пошлет умирать, да и нас за тобой следом, — неожиданно рассмеялся Ратибор, сидевший с другой стороны костра. — Задабривая верхушку в Риме,

Клементий заботится, прежде всего, о себе. Он рассчитывает расправиться с тобой, опираясь на сенаторов, а пока приписывает себе все твои заслуги! Тебе не надоело? А, Луций? Я думаю, большинство солдат пойдут за тобой, а не за ним!

Сидящие у костра бойко загорланили о том, какие Клементий и Кассий подлецы и что нужно ставить Луция во главе легиона, да и армии в целом. Что им уже опостылел Германик и его псы, которые ни воевать, ни думать не умеют, что солдатам нужен именно такой человек, как их центурион. Луций слушал их без эмоций. Глядя на игривые языки пламени, он слегка прикрыл веки, и мечта о власти снова подкатила к его сердцу и овладела его разумом. Он еле сдерживался, чтобы не наломать дров и не поднять легион на бунт.словно кто-то неведомый шептал ему на ухо: «Рано. Пока еще рано. Терпение, мой мальчик, терпение».

Андриан и Келестин высадились в порту и, не дожидаясь остальных, выдвинулись с когортами к армии Германика. Уже в дороге до них дошли вести о бедствии, которое постигло другие корабли. Догнавший их работорговец Антоний рассказал о том, что лишь немногие из тех, кто плыл на судах, были спасены. Некоторые умерли от голода и истощения на необитаемых островах, а большинство пало от рук германцев: варвары не церемонились с римскими солдатами, которых выбросило к их берегам.

— А ты сам какими судьбами оказался здесь? — поинтересовался у работорговца Келестин.

— Ха! Я промышляю живым товаром! А хорошие рабы — дешевые рабы! Вот я и хожу повсюду за нашими войсками. Ведь солдатам какая разница? Главное, сбавить пленника побыстрее! — рассмеялся Антоний. — Купив их здесь за бесценок, я могу перепродать их в Риме за баснословные деньги! Германских воинов охотно берут в гладиаторские школы.

С наступлением темноты солдаты из подкрепления встали лагерем в одном из германских поселений, оккупированных римскими войсками. Расположившись на ночлег в доме зажиточного варвара, который предпочел служить нынешним властям и отрекся от своего племени, они сели за стол. Отужинав и выпив, Антоний проговорил:

— Странное у вас войско, никогда не видел подобного: все страшные, молчаливые, в черном — словно из Тартара!

— Это новая императорская гвардия... — начал было бойко рассказывать Андриан, но Келестин многозначительно пихнул его под столом ногой, и тот замолк.

— А ты, Антоний, когда в путь?

— Да, Келестин, ты прав. Совсем что-то я задержался. Пойду, пойду.

— Удачи тебе!

— И вам, и вам, — вылезая из-за стола, немного обидевшись, ответил Антоний и отправился на постоялый двор.

Как только сенаторы остались вдвоем, Келестин злобно произнес:

— Ты какого черта язык распускаешь?! Вдруг он шпион засланный, а?!

— Так я это...

— Это-это! Держи язык за зубами! Мало что ли у нас врагов? Ладно, давай лучше подумаем, как нам грамотно сострять письмо этому Луцию, чтобы он под нашу дудку плясал. Та бумага, что дал нам Марк, — филькина грамота, а нам своя нужна — такая, чтобы он у нас на крючке оказался.

— А что писать-то? — достал пергамент Андриан.

— Пиши, что сенат верит в него, что возведет его в сословие всадников, а также предоставит ему должность консула, которую он займет вместо Германика. Все пиши, все обещай — лишь бы он подписал все это. Пусть неотесанный мальчишка соблазнится на мнимые посулы, которые потом можно будет трактовать как покушение на власть императора! А когда он это подпишет, то уже от нас не отвертится! Еще и денег ему дадим, и тогда эта деревенщина точно клюнет! Этот щенок не только бумагу подпишет, но и отца родного продаст! — рассмеялся Келестин.

— А вдруг не подпишет?

— Андриан, кто же от такого отказывается? Ты сам подумай! Ты бы отказался?

— Нет, конечно! — усмехнулся Андриан.

— То-то! Пиши, давай!

— Кажется, потемнело в комнате, да и похолодало... — озираясь по сторонам и ерзя на скамейке, тихо сказал Андриан и принялся сочинять послание.

Клементий и Кассий прибыли в расположение пятого легиона под утро и тут же собрали своих центурионов на совещание, на котором легат легиона, опершись руками на стол и всматриваясь в карту, произнес:

— Послезавтра на рассвете начнется сражение. Основные силы нашей армии ударят в центр германских укреплений. Мы постараемся зайти к ним с тыла. Кассий поведет войска, а я со своей конницей, обойдя болота, отрежу их резерв. Луций, иди сюда! Будешь держать ущелье, оставлю тебе две когорты! Все понял?!

Луций посмотрел исподлобья на командира и понимающе кивнул головой. Его снова оставляют в безвыходной ситуации: ослабив фланг обходным маневром, Клементий опять хотел сделать из него мясо. Германцы обязательно ударят по ущелью, как только узнают, что его охраняют незначительные силы римлян.

— Думаю, ты справишься! Твой отец, по-моему, уже был в такой ситуации — я читал его донесения. А ты достоин своего отца!

При этих словах центурион стиснул зубы, но, совладав с собой, поклонился, сказал: «Все будет исполнено», — и вышел из шатра.

— О, боги! Да сколько же можно?! Он издевается?! Почему не убить нас сразу?! — заорал, как сумасшедший, Понтий, когда услышал о завтрашнем бое и узнал, какая задача им поставлена.

— Луций, а правда, что в германском войске больше двухсот тысяч человек? — робко спросил Ромул, глядя на обезумевшего от злости друга.

— Пустое! Брось, Ромул! Ты-то не веди себя как новобранец. Если бы это было так, они давно бы одновременно атаковали нас со всех сторон и раздавили, как букашек. Этого не произошло, а значит, у них недостаточно сил, чтобы создать численное превосходство сразу в нескольких местах. И все же положение наше незавидное: непонятно, где и когда они нанесут основной удар. Хотя я предполагаю, что атакуют они именно нас. Разведка у варваров очень хорошая, и Кассий не сможет незаметно вывести войско. Ну, довольно разговоров, ложитесь спать, завтра нам предстоит трудный день.

— Спать?! Просто спать?! Ты поражаешь меня своим спокойствием, Луций! Как можно спать, зная, что завтра нас всех перебьют?!

— От того, что ты орешь, Понтий, ничего не изменится, — пихнув его в сторону, сурово

произнес Ратибор.

— Что?! Да как ты посмел, варвар?! — выхватив меч, взорвался Понтий и хотел было кинуться на Ратибора, но перед ним стеной встал Луций.

— Сначала убей меня, — невозмутимо, глядя другу прямо в глаза, проговорил Луций. — Успокойся. Ты мне нужен. Без тебя у нас ничего не получится. Кто будет командовать парнями, которых нам оставит Клементий? Мы все в одном положении. Чего ты кипяتيشься?

— Кипяتيشься? — сжимая меч в руках, прошипел Понтий, но видя, что к нему с разных сторон подступают Ромул и Мартин, вложил клинок обратно в ножны. — Тебе все лавры, а мне?! А нам?! Где обещанные Марком богатства?! Он, видимо, забыл про нас, и теперь мы прозябаем в этой долбаной Германии! Солдаты боготворят тебя, а мы всегда где-то сбоку — так, грязь, рабы твои! Надоело все это! Надоело! Да пошли вы все! — крикнул он, пренебрежительно сплюнул в сторону и, оттолкнув Ромула, пошел прочь.

— Я бы и сам с ним разобрался, — тихо сказал Ратибор.

— Не сомневаюсь. А что потом? Друг друга перебить — дело нехитрое. Тут бы многие хотели, чтобы мы именно так и поступили. Ладно, все, всем спать. Завтра тяжелый день.

Луций сидел в одиночестве у костра, изредка подкидывая в него поленья. Он ни о чем не думал, да и вряд ли хотел думать хоть о чем-то. Он просто наслаждался видом костра, его теплом и своим одиночеством. В этот самый момент к нему подбежал солдат.

— Центурион! Центурион! Вас разыскивают.

— Кто?

— Не знаю. Говорят, кто-то прибыл из Рима. Какие-то важные люди.

— Неужели Марк?! — обрадовался Луций.

— Что?

— Ничего! — поднимаясь, с улыбкой проговорил центурион.

Подходя к шатру легата легиона, Луций удивленно посмотрел на стоящие неподалеку две когорты прекрасно экипированных солдат в черной, словно ночь, амуниции. Увидев его, воины все, как один, подняли вверх копья и разом опустили их вниз. Они уже стали привлекать внимание других солдат, но их вовремя вывели из основного лагеря и разместили отдельным корпусом. Войдя в шатер, Луций поприветствовал собравшихся в нем людей. За столом сидел его командир, рядом с ним Кассий. Возле них находились еще два человека, явно высокого чина. Они что-то бойко обсуждали.

— Ну, вот он! Неужели вам нужен именно этот?! — повернувшись к Луцию и брезгливо махнув в его сторону рукой, произнес Клементий.

— Гай Луций Корнелий?

— Так точно, — неуверенно ответил Луций незнакомцу.

— Тогда получается, вы-то нам и нужны.

— Это мой солдат! — вскочив с места и злобно взглянув на Андриана и Келестина, проорал Клементий. — Я должен знать, для чего он вам нужен! Мне плевать, какое вы занимаете положение! Я сам знаю таких людей в Риме, с которыми лучше не шутить! Ради всех богов, что за маскарад вы тут устроили?! Что это за две когорты головорезов?! Где подкрепление, которое было обещано?!

— Прекратите истерику, Клементий! Я же объясняю: флот попал в шторм, много людей погибло. Подкрепления не будет. Всех, кто выжил, переформируют в новые отряды. И раз вы подтверждаете, что это именно тот человек, которого мы ищем, то я попрошу вас

удалиться и оставить нас с ним наедине.

— Что?! Что ты сказал?! Я здесь царь и бог! Это мой легион!

— Легион ваш, а этот человек уже нет. Больше он вам не подчиняется. Его непосредственным командиром становится император. Пожалуйста, можете ознакомиться с соответствующим приказом, — протянул ему бумагу Келестин.

— Я этого так не оставлю! — вырвав документ из рук императорского посланника, зверем проревел Клементий и со словами «Кассий, за мной!» направился к выходу.

Проходя мимо Луция, он остановился, посмотрел ему прямо в глаза и сквозь зубы прошипел:

— Молись, сучий сын! Теперь я с тебя живого не слезу!

Луций проводил взглядом вышедшего вон Клементия и недоуменно взглянул на странных гостей.

— Проходи, садись, — отодвинул стул для центуриона Келестин.

— Я постою, — подойдя к столу, ответил Луций.

— Ну, что же, право твое, как скажешь.

— С чего такая милость? И позвольте поинтересоваться, кто вы такие?

— Ах, да, конечно. В перепалке с вашим бывшим начальником мы забыли представиться. Я — сенатор Валерий Келестин Сулла, а это мой друг и единомышленник — сенатор Гай Андриан Марий. Мы прибыли к вам по поручению самого божественного императора Тиберия Юлия Цезаря Августа.

— Ко мне? По поручению самого Цезаря? Чем я заслужил такое внимание? Обычно он присылал только солдат! — злобно ухмыльнулся Луций.

— Что вы сказали?

— Да ничего! Это я так, к слову...

— А, понятно. Ну, так вот. Сенат и великий, пресветлейший Цезарь Тиберий слышаны о ваших подвигах. И вот наш наимуудрейший...

Но Луций, кашлянув, перебил распалющегося в речах Келестина:

— Ясно. Хочет-то он чего от меня?

— Что? — Келестин сначала удивленно посмотрел на центуриона, но быстро пришел в себя, поняв, что Луций не настроен слушать его прекрасно составленную ораторскую речь. — За твои заслуги Цезарь дает тебе в подчинение две когорты отборной гвардии Черного легиона. В бою как единое целое эти воины еще не участвовали, но по отдельности все они имеют боевой опыт в разных подразделениях. Это элита. Тебе выпала честь командовать ими. Проявишь себя так же храбро, как за последний год, — получишь весь легион под свое начало. Однако есть одно маленькое «но», — тихо произнес Келестин, подходя к Луцию, хитро улыбаясь и прищуривая глаза.

— Вот, почитай, а я тебе кратко поясню на словах, — ехидно добавил Андриан и протянул центуриону составленный ими недавно пергамент.

Луций развернул документ, отошел в сторону и стал внимательно читать. Андриан и Келестин в это время в красках описывали ему, какое прекрасное будущее его ждет и какие богатства и чины он получит, если будет их слушать. Но Луций не обращал на них внимания. Его лицо по мере чтения словно окаменело, глаз немного задергался, а к горлу подступил сухой ком ярости. Он сжимал пергамент с такой силой, что было видно, как пульсирует кровь во вздувшихся на руках венах. Дочитав до конца, он глубоко вздохнул, свернул грамоту и сунул ее себе за пазуху, после чего обернулся к Келестину и Андриану и произнес:

— А вы случайно не дела военных преступников разбираете при сенате? Не на вас ли лежит право решать, кого казнить, а кого миловать?

— Ну да, а что? — удивленно и неожиданно быстро ответил Андриан, даже не сообразив, к чему был задан этот вопрос.

— Вот и прекрасно! — улыбнулся Луций. — Я согласен со всем тем, о чем вы говорили. Кстати, вы сказали, что теперь Клементий мне не командир..., - он протянул вперед руку. — Где соответствующая грамота?

— Вот, пожалуйста. Здесь, как видишь. Опечатана.

— Прекрасно!

— Ну что, мы договорились? — многозначительно улыбаясь и протягивая Луцию руку, спросил Келестин.

— Конечно. Такой шанс выпадает не каждому. Келестин и Андриан? — Луций задумчиво показал пальцем сначала на одного, а потом на другого. — А где третий? Где Ларгий?

— Он умер. Жуткая болезнь поразила его тело, — снова не понимая, как Луций узнал о Ларгии и к чему клонит этот солдафон, ответил Андриан.

— Жаль! Очень жаль! — центурион пожал сенаторам руки так, что у них захрустели суставы, но они, сдерживая гримасы боли, лишь мило улыбнулись.

— Мы можем расценивать твой ответ как согласие? — потирая кисть руки, почти крикнул Келестин вслед уходящему Луцию.

— Конечно! Договорились! Да, жаль, что нет третьего, жаль! — центурион резко отодвинул занавес и скрылся за ней на улице.

— Станный он какой-то.

— Прекрати, Келестин! Эта деревенщина, видно, пойдет теперь и напьется от такой радости! Видел, как выскочил? А глаза так и светились! Теперь этот солдафон наш с потрохами. Завтра он подпишет бумагу, и дело с концом. Кстати, а где она?

— А он что, тебе ее не отдал?

— Я думал, ты ее у него забрал!

— Твою мать, Андриан! Где его теперь искать среди ночи?!

— Да ладно, завтра найдем.

— Ага, завтра! Ты что, идиот? Завтра у них будет сражение!

— И что теперь делать?

— Собирайся, пошли! — рявкнул Келестин, и они спешно выскочили из шатра.

Луций шел быстрым шагом, не чуя под собой ног, а в его груди клочкотала дикая ярость. Не обращая ни на кого внимания, он дошел до казармы и, опершись одной рукой на частокол, тяжело задышал. «Неужели?! Неужели?! Надо же! Такой шанс упускать нельзя!», — подумал он про себя и, переведя дух, быстро вошел в помещение, где ночевали его друзья.

— Просыпайся. Просыпайся, — переходя от койки к койке, он тихо будил спящих соратников.

— Что случилось?!

— Тише. Тише. Солдат не разбудите. Одевайтесь, я жду вас на улице, — с трудом сдерживая эмоции, шептал им Луций.

Быстро поднявшись, они вскоре уже все были на свежем воздухе, смотрели на то, как в полумраке сверкали глаза Луция, и не могли понять, радуется он или пребывает в ярости.

— Что случилось? — зевая, протянул Ромул.

— Чего поднял? — сдвинув брови, переспросил Мартин.

— Настал момент отмщения, парни!

— Не понял, — недовольно произнес Понтий.

— Объясняю, — поворачиваясь к другу, с улыбкой, больше похожей на волчий оскал, начал Луций. — Не ты ли недавно сказал, что Марк про нас забыл?!

— И что?

— Ничего! Сейчас все поймете!

И Луций начал рассказывать то, что с ним произошло. Что ему, а значит, и им, Марк каким-то чудом пробил командование над отборными солдатами, которые прибыли под его начало в количестве двух когорт, и что Марк отыскивал тех, кто по заведомо ложным показаниям некоего Помпея подписал указ о заключении под стражу их семей и разорении их имущества.

— На, читай! И убедись, что Марк никогда еще нас не подводил! — сунул он пергамент в руки Понтию. — Не знаю, каким чудом он подсунул бумаги этим двум упырям, но они были уверены, что дают мне грамоту, подписав которую я буду вынужден им подчиняться! — Луций грубо сплюнул в сторону.

Понтий читал и зверел на глазах. В пергаменте говорилось о том, что прибывшие в их лагерь сенаторы подписали смертный приговор их семьям, заведомо зная, что документы подделаны. О том, что они это сделали, просто чтобы выслужиться и не быть уличенными в милосердии по отношению к государственным преступникам. О том, как произошло то, от чего им пришлось спасаться самим и от чего пострадали и погибли их близкие. О том, по чьей вине все это произошло. Марк расписал все в мельчайших подробностях.

— Убить мразей надо! — передавая пергамент Мартину, прорычал Понтий.

— За этим я к вам и пришел.

— Я помогу, парни, — почесывая подбородок, промолвил Ратибор.

— Нет, дружище. Ты останешься здесь и в случае чего прикроешь нас, придумав какой-нибудь предлог нашему отсутствию. А вы тихо покиньте лагерь через тайный проход, который сделал Ромул и про который никто не знает, кроме нас, и спрячьтесь в лесу у большого камня.

— Там, где германцы приносили жертвы своим богам?! — злобно усмехнулся Мартин.

— Именно! Принесем и мы жертву нашему богу! — яростно произнес Луций, не понимая, к чему он сказал эти слова, которые будто случайно вырвались из него. Ему хотелось отблагодарить Марка за то, что тот привел к ним этих подлых и мерзких льстецов, и теперь он мечтал отдать должное своему покровителю именно таким жутким способом. В этот момент отблагодарить его он возжелал даже больше, чем отомстить. — Ступайте туда, я заманю их к вам.

Луций встретил Андриана и Келестина у колодца. С ними стоял солдат, который им что-то объяснял и показывал, а когда увидел центуриона, громко произнес:

-Так вот же он!

Луций поспешно подошел к ним и, окинув взглядом легионера, спросил:

— Кто такой? Из какой центурии?

— Брут Актавий! Из восьмой! — вытянувшись по струнке, на одном дыхании отрапортовал воин.

— Свободен, — поворачиваясь к сенаторам, буркнул центурион.

— А мы тебя искали.

— Да неужели? Удивительно, какие иногда случаются совпадения...

— Какие такие совпадения? — заулыбался Андриан.

— Никакие, это я так... И зачем я вам понадобился?

— Бумага: она осталась у тебя, а нам бы хотелось, чтобы ты ее подписал и вернул обратно, — ласково протянул Келестин.

— Да, конечно. Только я сейчас спешу: мне нужно проверить один пост неподалеку от лагеря. Если вас это не затруднит, то вы можете пойти туда вместе со мной. Заодно посмотрите земли варваров, которые скоро войдут в состав нашей империи, а по пути мы как раз обсудим все вопросы. Устраивает вас такой вариант?

— А там безопасно?

— Не бойся, Андриан, тут повсюду наши посты. Единственный, кто вас может убить, это я! — рассмеялся Луций. — Ну, так что, идем? Или будете меня здесь ждать? Только учтите: я не знаю, когда освобожусь.

— Что ты, мы с удовольствием прогуляемся. Да и обсудить дела, как ты говоришь, было бы совсем недурно.

— Отлично, — без всяких эмоций, с легкой улыбкой произнес Луций.

Они шли закоулками лагеря, и ни единой души не попалось на их пути. Луций весело рассказывал солдатские истории, слушал, что говорят сенаторы, приветливо улыбался им и соглашался со всеми их предложениями, даже уверял их в своей преданности и признательности за то, что они помогли ему получить новое звание и две когорты солдат. Проходя мимо Ратибора, Луций остановился.

— Сейчас, одну секунду. Мне нужно дать кое-какое распоряжение этому солдату, — сказал Луций, отводя русича в сторону. — Послушай, Ратибор, и запомни: Брут Актавий, легионер восьмой центурии, парень с ярко-рыжими волосами — его легко узнать.

— Продолжай, — почти не шевеля губами, промолвил русич.

— Убей его. Он единственный, кто видел меня с ними.

— Так парень вроде как ни при чем, Луций.

— Лес рубят, щепки летят. Убей.

— Как скажешь, дружище, воля твоя.

— Вот и отлично! Только сделай все тихо, — Луций хлопнул Ратибора по плечу и тут же добавил уже повышенным голосом: — Смотри, если эти разгильдяи снова будут бездельничать, я с тебя шкуру спущу!

Затем он вернулся к своим спутникам, и вскоре они все вместе скрылись из виду. Ратибор проводил их взглядом, почесал задумчиво свою бороду и тихо произнес:

— Волчонок превратился в волка, — после чего направился в казарму.

Звуки труб оповестили лагерь о рассвете, и солдаты, поправляя обмундирование и вооружение, сотнями высыпали из казарм и принялись строиться по центуриям, образуя огромную живую массу.

Чуть позже к ним выехал на коне Клементий и произнес пламенную речь, стараясь поднять боевой дух легионеров. Однако вскоре на плацу началась непонятная суета. К легату легиона подбегали какие-то люди, солдаты, высшие офицеры. Он что-то говорил им, размахивая руками и пожимая плечами. Луций, который со своей центурией был неподалеку, толкнул локтем стоящего рядом офицера и спросил:

— Что случилось?

— Да пес их разберет, допекли уже с ночи! Пропали какие-то два сенатора и один солдат из моей центурии. Тут сражение на носу, а они мне допрос устроили о том, куда этот мальчишка делся! А я ему мать что ли?!

— Из твоих пропал?

— Ну, так я же говорю: мой пропал! Попадется — ноги пообломаю! Видать, в штаны наложил перед дракой и дезертировал к мамке под крылышко! Молокосос, будь он не ладен! А тебя что, не трогали пока?

— Нет, поэтому и спрашиваю, — спокойно сказал Луций, не глядя на своего собеседника.

— Может, и не спросят. Говорят, тебя опять к смерти в лапы отправили? Да, любит тебя наш командир, страсть как любит!

— Что есть, то есть.

Через несколько минут Клементий выкрикнул:

— Гай Луций Корнелий, ко мне! За лагерем стоят две когорты, которые тебе прислали из Рима. Возьмешь их и свою центурию и будешь держать ущелье. Все ясно?!

— Ясно! — произнес Луций, а сам жестом руки подозвал к себе Клементия. — Послушай, выродок, в последний раз я спасаю твою задницу. После этого сражения я буду уже не под твоим командованием, а под началом Германика и лично императора. Так что советую тебе впредь не поворачиваться ко мне спиной, — еле слышно произнес он, после чего вытянулся по струнке и во весь голос прокричал: — Так точно! Будет исполнено!

— Что он тебе сказал? — поинтересовался у легата подъехавший к нему Кассий.

— Ничего! — сквозь зубы прошипел Клементий, сжимая в руках поводья. — Если он останется жив и в этот раз, нужно будет его хорошенечко потряхнуть на предмет пропавших сенаторов. Как-никак они к нему приезжали. Чует мое сердце, он в курсе причин их исчезновения, мерзкая скотина! Нужно было прикончить его еще в детстве! А ты отпишись Публию, пускай состряпает донос на него и не забудет указать, что Андриан и Келестин исчезли сразу после общения с нашим приятелем!

— Как прикажешь.

Клементий махнул рукой, и кавалерия рысью двинулась вперед, следуя за своим командиром. Все в лагере ожило и зашевелилось. Кассий уводил войска, а Луций направился туда, где его ждали воины Черного легиона, чтобы возглавить их и дать отпор германцам в ущелье.

Тысяча отборных солдат стояла, построившись в боевом порядке, и ждала первых приказов своего командира.

— О, великий Марс... — протянул Ромул, глядя на них.

— Если они и воюют так, как выглядят, то думаю, мы продержимся с этими парнями, — положив руку на плечо Ромулу, улыбнулся Ратибор.

Центурия Луция загудела, обсуждая облаченных в тяжелые доспехи и прекрасно вооруженных воинов.

— Центурион Луций, а кто это? — поинтересовался еще совсем юный боец, тот самый, который проявлял любопытство тогда у костра.

— Вроде бы пополнение.

— И что, они с нами воевать будут?

— За нас они будут воевать, — неоднозначно ответил Луций и направился к

гвардейцам.

Как только он подошел поближе, они, словно по команде, подняли вверх копья и разом произнесли:

— Приветствуем тебя, командир!

— Твою мать! — дернувшись в сторону от неожиданности, воскликнул Луций. — Уф, черти, напугали! — сказал он, повернувшись к своим друзьям, и рассмеялся. Развеселенные реакцией друга, они закатились от хохота вместе с ним. Успокоившись, Луций подозвал к себе офицеров, и те без лишних слов поспешили к нему.

— Ладно, парни, задача проста до невозможности: нужно удержать ущелье, точнее, проход в него. Укрепления там мы возвели, но мы в меньшинстве, в значительном меньшинстве. А нам надо будет во что бы то ни стало продержаться до тех пор, пока пятый легион не ударит во фланг германцам, а конница Клементия не обойдет их с тыла. Держать будем этот участок, пока не порем или не победим. Вот, в принципе, и все. Вопросы есть?

— Никак нет!

— Отлично, — промолвил Луций, глядя в глаза воинов Черного легиона — пустые, остекленевшие и безжизненные, как у тех солдат, которых прежде дал ему Марк для его центурии.

Спустя пару часов Луций со своим войском уже стоял у ущелья. Подбежавший к нему Ратибор доложил о том, что большой отряд противника собран неподалеку и ждет первой возможности, чтобы совершить нападение. Воины Арминия заранее заняли окружающие склоны холма, и эта ситуация требовала решительности и умения.

— Мартин, возьми две центурии и отойди к болотам! Ратибор и Ромул, вы со мной! Понтий, даю тебе когорту! Не пропусти их справа!

Первое сражение состоялось за овладение проходом в ущелье. Германцы, узнав, что его обороняет убийца Ульриха, бросили против Луция отборные войска. До самой ночи не прекращалась резня, и, если бы на поле боя не опустилась кромешная тьма, еще неизвестно, чем бы все могло закончиться. Для Луция и его друзей эта ночь была просто ужасной. Германцы же по-прежнему находились на возвышенности и готовились продолжить сражение на рассвете. Центурион понимал, что их следует отеснить, но как? Силы были явно неравными.

— Пойди вздремни. С рассветом они снова начнут, — сказал ему Мартин, расстегивая и снимая шлем, на котором красовалась приличная вмятина.

— Ты как?

— Так же, как и остальные. Ромул, правда, корит себя за случившееся с этими подонками-сенаторами, ходит хмурый, не разговаривает ни с кем. Тоже мне, благодетель нашелся! Его семьи лишили, а ему, видите ли, их жалко. Не надо, мол, было с ними так круто!

— Ничего, отойдет. Он у нас каждого жалеет: убьет варвара и молится за него потом, прощения просит! — улыбнулся Луций.

— Это точно! — приобняв своего друга, подтвердил Мартин. — Была бы моя воля, я бы эту скотину линчевал еще не единожды! Жаль, что у них только одна жизнь!

— Согласен с тобой, дружище. Полностью согласен! Ладно, пойду вздремну. Ратибору я тоже велел отдохнуть: потрепали его сильно сегодня. А Понтий в обход пошел. Как придет, пускай меня разбудит.

— Как скажешь.

Проходя мимо костра, где сидели солдаты, Луций услышал рассказ одного из них. Центурион невольно остановился и подошел ближе.

— Истину тебе говорю! В ту ночь мой отец пас скот. Он всегда поздним вечером собирается со своими товарищами, и они вместе выгоняют стада на пастбища. Так было и в ту ночь тоже. Ничего особенного не предвиделось. И вдруг... — понизив на последних словах голос до шепота и разведя руки в стороны, рассказчик выдержал паузу и осмотрел напряженные лица слушателей, — ...предстал пред ними человек в белых доспехах и с крыльями на спине, как у птицы. И яркий свет ослепил моего отца и тех пастухов, кто был с ним. И объял их всех великий страх, а странный пришелец им молвил: «Не бойтесь. Я возвещаю вам великую радость, которая будет всем людям: ибо ныне родился вам в городе Давидовом Спаситель, Который есть Христос Господь. И вот вам знак: вы найдете Младенца в пеленах, лежащим в яслях». И тут внезапно среди облаков явилось многочисленное воинство небесное, славящее этого младенца и восклицающее: «Славьте Бога истинного, и будет вам доброта и благоденствие, и роду вашему спасение».

— Хорош заливать! Отец твой, небось, в стельку пьяный был! Напились, как свиньи, вот и померещилось все! — воскликнул один из слушателей.

— Да клянусь тебе! Говорю же, они потом сами к этому младенцу ходили!

— Да уж, спас он тебя, как я погляжу, хоть ты его и славишь! Был бы он богом, так подарил бы мешок золота твоему отцу, да тебя самого сюда бы не отправил! Брешешь ты все!

От этого рассказа Луцию стало не по себе, его кинуло в жар, а голова закружилась. Не дослушав до конца, чем закончился спор о новом боге и сомнительном видении, он, ослабив грязный окровавленный шарф, обернутый вокруг шеи, побрел к своему костру, у которого уже сидел Ромул. Подойдя к другу, Луций, не сказав ему ни единого слова, упал на наваленные рядом сухие ветки ельника и забылся сном. Ему привиделось, что он сидит у костра, разведенного рядом с болотами, один. Но вдруг из трясины темной, густой, вязкой жижей выходит Вар. Грязь стекает с него, словно сочится из самого его тела, а Луций сидит, не двигаясь, и смотрит, как Вар медленно подходит к нему.

— Прав был мой центурион! Но я его не послушал... И ты его не послушал и потому оказался здесь!

Вар поманил Луция в болото, протягивая к нему страшные ладони, но тот гневно оттолкнул его руки.

— Ты ничтожный неудачник! Из-за тебя мой отец лишился всего! А я, я прослаблю свое и его имя!

— Ты прославишь себя, это точно! Все, кто здесь, со мной, только и говорят об этом! Но никому не хочется, чтобы он взял верх. И я не дам тебе сделать этого! Не дам найти орлов потерянных легионов! В них зло! Я не дам! Не дам!

Вар метнулся к Луцию, схватил его за ноги, опрокинул на землю и потащил в трясины. Тот, цепляясь за траву, пытался освободиться, но все его усилия были тщетными... В этот момент его разбудил Понтий, который сильно тряс его и о чем-то шумел:

— Вставай! Вставай! Это зверье снова полезло на нас!

Германцы атаковали позиции римлян почти до самого вечера, но едва начало смеркаться, воины противника внезапно отступили. А через полчаса к ним прискакал гонец легиона.

— Кто здесь главный?! — не слезая с загнанного коня, прокричал он.

— Я! — выходя вперед, ответил Луций.

— Шестой легион отогнал неприятеля от вас, но ослабил центр! Германцы бросили туда свои резервы! Они могут прорвать фронт! Нужна помощь!

— Да у меня людей с гулькин нос! Потери большие!

— Ты не понял, командир! Сказано — делай!

Оставив десяток солдат с ранеными, Луций выдвинулся с остальными бойцами на помощь основным войскам. Оказавшись в гуще событий, он и его друзья увидели, как бездарное командование едва не обернулось всеобщим крахом. Седьмой и двадцать первый легионы, направленные на фланги, чтобы вытеснить германцев с вершины холма, вместо этого пошли вперед, и не было никакой возможности их отозвать обратно. Увидев это, Арминий приказал своей коннице ударить с флангов, и германцы пошли в наступление с криками: «Еще один Вар! Мы снова их разобьем!». Отборный отряд всадников прямо по центру разрезал римскую колонну, которая вскоре окончательно рассыпалась. Топча копытами все, что встречалось на их пути, германцы заставили дрогнуть ряды легионеров. Не в силах наблюдать за этим скорбным зрелищем, Луций остановил первого попавшегося коня, сбросил с него всадника и, вскочив на лошадь, кинулся вперед. Увидев это, солдаты остановились, а когда Луций в гордом одиночестве влетел в ряды врага и принялся направо и налево крушить всадников Арминия, легионеры, воодушевленные таким до безрассудства храбрым поступком, бросились в бой. Вскоре конь под Луцием пал, и он непременно был бы отрезан от своих и взят в плен, если бы не его воины, которые прорвались к нему на помощь и сошлись врукопашную с противником.

— Совсем сдурел?! — протягивая руку Луцию и поднимая его с земли, хмуро спросил Ратибор.

— Получилось же!

— А если бы не получилось? — покачал головой русич.

Оттеснив германцев к земляным насыпям, Германик предпринял масштабную атаку, в которой были задействованы лучники, копьёметатели и пращники при поддержке катапульта. Это наступление легионеров было отбито, но вскоре они вновь двинулись на противника. Клементий зашел во вражеский тыл, а Кассий, разбив войско варваров, вышел во фланг к насыпям. Оборонявшиеся германцы оказались в том же положении, в какое обычно попадали кельты, когда были вынуждены скапливаться на ограниченном пространстве, не позволяющем эффективно применять оружие: их длинные мечи в такой ситуации были бесполезны. Началось безжалостное уничтожение варваров. Арминий, понимая, что потерпел поражение, пустился наутек.

— Луций! Луций! Арминий бросил свое войско и отступает в леса! — прокричал запыхавшийся от сражения Мартин.

— Отходим! — заорал Луций, поворачивая своих солдат.

Услышав призыв, его воины вышли из боя и бросились в погоню за Арминием. Углубившись в лес, они вышли к небольшому поселению. Когда Луций попал в него, то обнаружил, что в нем не было воинов — только женщины, старики и дети смотрели на чужаков испуганными глазами.

— Что вам нужно, римляне? — подошел к Луцию какой-то старик.

— Мне нужен Арминий! Куда он мог отправиться?! — схватив его за шиворот и подтащив вплотную к себе, злобно прошипел Луций.

— Я не знаю. А и знал бы, все равно не сказал!

— Гордый, да?! Старый осел! — оттолкнул его от себя Луций и тут краем глаза увидел,

как какая-то странная тень прошмыгнула за деревьями. Вдруг в его ушах зашептал чей-то голос:

— Повернись. Ступай прямо, — не понимая ничего, Луций послушно, словно загипнотизированный, направился туда, куда его звали.

Через мгновение он вышел к алтарю, на древке у которого красовались орлы. Те самые, которые много лет назад были потеряны при поражении в Тевтобургском лесу. Луций медленно подошел к ним и провел рукой по блестящему и холодному железу. В его голове моментально возникли образы, фрагменты, крики, стоны. Он мысленно увидел, как германцы добивают римских солдат, как предают их страшным пыткам и мучительной смерти. Луций вспомнил то ужасное место, где в самом начале похода они обнаружили горы костей, вспомнил Сципиона, который говорил о германцах как о животных.

— Сделай с ними то же. Чего ты ждешь? Ну же, Луций, ну же! — снова зазвучал в голове таинственный голос.

— Убить всех! — повернувшись к своим солдатам, проговорил он.

— Что? — растерянно, не веря своим ушам, тут же переспросил Ромул.

— Убить всех! Убить!!! — что есть мочи заорал Луций и, выхватив меч из ножен, подошел к старику и вонзил в него клинок по самую рукоятку. — Убить всех! — снова повторил он, и его солдаты кинулись вырезать жителей.

Луций стоял рядом с орлами, любуясь их блеском, а за ним поднималось зарево от подоженных построек. Повсюду слышались душераздирающие крики детей и истошные вопли женщин. Солдаты Черного легиона не щадили никого. Где-то в стороне Понтий за волосы втаскивал в варварское жилище какую-то девчонку, а чуть поодаль Ратибор, шутя и смеясь, что-то говорил Мартину, вытиравшему свое окровавленное оружие. И только Ромул сидел на земле, сняв шлем и закрыв лицо руками, и старался не смотреть на то, что происходило вокруг

Глава 19 ПОБЕДА

Солнце стояло высоко и, словно издеваясь над людьми, раскаляло воздух до удушья, до состояния, когда хочется содрать с себя кожу, лишь бы было не так жарко. Мелкая каменная пыль скрипела на зубах и забивала легкие, отчего становилось тяжело дышать. В тени огромного валуна, рядом с бездвижным телом Ливерия сидел Корнелий. Похудевший почти до полного истощения, он больше походил на живой скелет, нежели на человека. Ливерий дышал тихо и прерывисто. Корнелий медленно смачивал ветхую тряпицу в деревянной чашке с водой и протирал другу лицо и шею. При каждом прикосновении тот облегченно вздыхал. Иногда он закашливался, и тогда Корнелий переворачивал его на бок. Харкая кровью, Ливерий издавал страшные звуки, дергался, на несколько мгновений переставал дышать, но приходил в себя, когда друг снова омывал его лицо.

— Что-то смерть не торопится ко мне, — прохрипел Ливерий окровавленным ртом и снова закашлялся.

— Потерпи, настанет и твой час, — печально улыбнулся ему Корнелий и снова отер его лоб влажной материей.

— Скорей бы уже. Страсть как невыносимо осознавать то, что помираю здесь, вдали от дома, мерзко и ничтожно — в качестве раба. Если бы я только раньше знал, что все так сложится... — Ливерий тяжело засипел, немного отдохнул и снова продолжил: — Эх, как я сейчас завидую Аврелию, как завидую. А Кристиан, сукин сын? Завалило его камнепадом поди, и не мучился! Теперь вот смеются над нами, — он вновь захрипел и откашлялся.

— Кто знает, каково им там? За все то, что мы совершили в жизни, нам место в Тартаре.

— Ты снова ходил к этим... Как их там?

— Да, к ним. Я слушал о том человеке, которого зовут Иисус. Ты зря смеешься, — произнес Корнелий, увидев улыбку на лице друга.

— Опять, небось, говорили о его чудесах и о всемогущем Боге, которого он называет своим отцом?

— Я гляжу, тебя веселит это?

— Да, ты прав. Как там? Не укради, не убий, подставь щеку? Смешные вещи он проповедует, не правда ли? Удивляюсь, как его еще не казнили. За такие слова наши священники давно должны были предать несчастного глупца позорной смерти. Говоришь, он исцеляет людей? Мне бы он очень пригодился сейчас, — со слабой улыбкой, сменившейся гримасой невыносимой боли, прохрипел он.

— Тише. Тише. Тебе лучше молчать, приятель.

— Молчать? А толку-то? Жизнь прошла. Сын... Сына нет, семьи тоже! Всего лишили. Будь они прокляты! — краснея одновременно от злости и удушья, выкрикнул Ливерий. — Ты уж нас прости, Корнелий.

— За что?

— Все тебя покинули, все. И я вот скоро. Небо-то, глянь, чистое, синее, словно бесконечное. Холодно что-то становится, холодно. Как ты нам говорил, Корнелий? Бог послал в мир своего сына Иисуса Христа, чтобы спасти человечество от власти греха и смерти? С его рождением на земле наступила новая эра? Так ведь твердят те, кто в него

верит, как в мессию?

— Все верно, Ливерий, так.

— Странно. Ведь если есть на свете такое могущественное существо, которое почему-то хочет спасти нас и посылает в наш мир своего сына, то кто тогда стоит за грехами нашими и мешает ему? Ведь не может быть все так просто. Если бы он был один, люди бы были совершенны. Кто же принуждает нас творить то, что мы делаем? А, Корнелий? Если Бог един и остальных богов нет? Получается, мы все время заблуждались? Ты веришь в это?

— Я не знаю, Ливерий. Может быть, это просто сказки, а, может, и нет. Сам видишь, что тех, кто говорит о нем, становится все больше и больше. Неспроста же это.

— Корнелий! Корнелий!

— Я тут, Ливерий, тут, — он взял друга за руку.

— Больно мне, Корнелий, очень больно! Не могу больше! — снова закашлял Ливерий и, поперхнувшись собственной кровью, стал дергаться, но Корнелий быстро перевернул его на бок, и тот снова задышал. — Поклянись мне!

— Клянусь! Проси, чего хочешь. Правда, я вряд ли смогу для тебя что-то сделать: видимо, я, хотя и последним из нас, но все равно загнусь здесь, в этих каменоломнях.

— Нет, сделать то, о чем я тебя попрошу, в твоей власти, — из последних сил вымолвил Ливерий и поманил друга к себе пальцем. — Убей меня.

— Что? — в ужасе от услышанного Корнелий отскочил от него, как ошпаренный.

— Прошу! Умоляю! Я устал от страданий! Я устал от этого недуга, который пожирает меня изнутри! Я хочу уснуть и не чувствовать больше этой боли. Ты поклялся, что выполнишь то, о чем я попрошу. Считай, что это моя последняя просьба! — глядя на Корнелия отчаянными глазами, в которых читалась неопишуемая боль, с трудом проговорил Ливерий.

— Я... Я не могу, — дрожащим голосом вымолвил Корнелий.

— Пожалуйста. Ну, пожалуйста. Умоляю!

Корнелий сжал кулак, поднес его к своему рту и в отчаянии укусил себя так, что прокусил кожу. Затем он тяжело вздохнул и обхватил руками шею Ливерия.

— Прости меня.

— Спасибо, — улыбнулся ему в ответ Ливерий и с облегчением закрыл глаза.

Через несколько минут все было кончено. Убедившись, что друг больше не дышит, Корнелий разжал руки и, припав к нему на грудь, заплакал навзрыд. Чуть позже, придя в себя, он присел рядом с телом Ливерия, обхватил голову руками и погрузился в свои безрадостные мысли.

— Не убий, — вдруг спокойно произнес чей-то голос совсем рядом.

— А? Что? — поворачиваясь на звук, растерялся Корнелий.

— Одна из заповедей гласит: не убий. Вы с умершим другом совсем недавно разговаривали об одном человеке, который этому учит.

— Я избавил его от страданий! — грубо вытирая с щеки слезу, рявкнул Корнелий.

— От страданий? Значит, ты думаешь, убив друга, ты сделал благо? Не ты даровал ему жизнь, не тебе ее и забирать. Теперь ты остался совсем один, Корнелий. К сожалению, только что ты сделал очередной шаг в никуда. Еще один неправильный выбор, и мы уже не сможем тебе помочь.

— Кто ты? — Корнелий пристально посмотрел на собеседника: тот был одет в чистейшую белую тогу и явно не походил на здешних обитателей.

— Я — путник. Я — пастырь. Я — поводырь, который хочет вернуть твою заблудшую душу домой. Ты терзал себя все это время недаром и осознал многое. Все, что происходит, происходит не просто так. И ты не в силах на это повлиять. Но ты в силах спасти хотя бы одного из двух. Дать надежду людям, вернуть семени своему вид человеческий. Расскажи ему о том, во что сам поверил. Возможно, тогда в его начавшем обмерзать сердце снова загорится огонь. И не ищи встречи с тем, кто сеет смерть, ибо ищущий его находит только страдание.

— О чем ты? Что все это значит?

Незнакомец указал пальцем на сидящих тесной кучкой людей, явно не римлян, бородатых, с косматыми головами и крепких в плечах.

— И что? — спросил было Корнелий, отвлекаясь на тех, на кого показал странный собеседник, но, когда он повернулся обратно, незнакомца уже не было.

От изумления Корнелий закрыл глаза и потер их руками, затем открыл, закрыл и снова открыл, но рядом с ним по-прежнему было лишь бездыханное тело Ливерия. Он поднялся и, шаркая ногами, добрал до варваров, которые о чем-то говорили, точнее, говорил один из них, а остальные его внимательно слушали. Корнелий присел рядом, но на него не обратили внимания.

— Говорю тебе, он не человек! Как можно было с сотней воинов победить Ульриха?! Я сам там сражался! Он пришел в наши края, чтобы мстить! — говорил бородатый и коренастый раб.

— А вдруг это сам Вар вернулся из преисподней?!

— Да что ты мелешь?! Какой Вар?! Вар — глупец! Бездарь! А этот хитер и проворен, словно лис! Чтобы убить Хлодвига, мужество нужно, да и силища немалая, а он с ним, как с ребенком, разделался!

— Да! Да! — внезапно поддержал товарища второй варвар. — А потом он, говорят, выставил его голову на своих воротах!

— А еще рассказывают, что его солдаты бессмертны, а сам он питается душами людей, поэтому и вырезает целые деревни, даже пленных не берет! — встрял в спор третий.

— Может, хватит чушь-то нести?!

— Это не чушь! Они пробрались к Ульриху и убили его, а у него охраны, знаешь, сколько было? А тело потом нашли без единой капли крови! Один из выживших охранников рассказывал, что этот Луций пил кровь убиенного Ульриха!

— Как? Как ты его назвал? — переспросил Корнелий, услышав знакомое имя, и подошел поближе.

— Луций. А тебе-то что?

— Странное совпадение, — тихо пробормотал Корнелий.

— Чего странного-то?

— Моего сына зовут так же.

— Ха! Ну, ты даешь! При чем здесь твой сын?! Если бы это был он, ты бы не гнил сейчас на этих каменоломнях! Говорят, его боготворит вся армия! Хотя лучше бы такую тварь придушили еще в детстве! В нем нет ничего человеческого! Разыскивая нашего вождя Арминия, он вырезал не одну деревню херусков! Я был там и видел, что его воины сделали с жителями! Детей вешали вместе с матерями, стариков резали, словно скот. Он не берет пленных — он просто истребляет людей! Я видел это собственными глазами, пока наш отряд не попал в засаду и меня не пленили. Так что, я думаю, вряд ли бы ты хотел иметь

такого сына, раб!

Корнелий поник головой и, поднявшись, отошел в сторону. Вскоре надсмотрщики погнали всех на работы, и он, сторбившись и взяв инструмент, смиренно побрел в общей массе рабов к каменным глыбам.

Луций неспешно вошел на виллу Германика. Гонец сообщил ему о приглашении в тот момент, когда он возвращался с проверки дальнего гарнизона. Не теряя времени, он сразу отправился к племяннику императора. По прибытии воин снял шлем, скинул плащ, передал обмундирование рабу, а сам прошел вперед, туда, откуда доносились звуки музыки и громкий разговор. Вскоре он оказался в зале, посреди которого располагался стол, заставленный различными яствами. Тут было и большое блюдо с заливной рыбой, и пащтет из соловьиных языков, и жареные кабаны, и различные соусы, запах которых вызывал отвращение у варваров.

Луций подошел к столу и взял чашу с вином. Несколько присутствовавших в зале людей, в том числе и Германик, повернулись к нему.

— Здоровья хозяину этого дома! Успехов в делах и начинаниях! — громко провозгласил тост Луций и, дождавшись от своего командира вежливого кивка, вылил на пол немного вина в честь бога Либера и жадно осушил чашу до дна. Германик с улыбкой указал ему на место рядом с собой, и Луций поспешно прошел к нему. Германик возлежал на ложе. Луций уселся рядом на месте почетного гостя. Вокруг орали германские вожди, которые переметнулись на сторону римлян. Один из них протянул Луцию руку, но тот брезгливо взглянул на него, отвернулся и взялся за чашу. Увидев это, Германик рассмеялся.

— А ты и впрямь не такой, как все! Не зря Марк столько говорил мне о тебе и просил взять в легион! Я действительно не жалею о том, что ты служишь у меня!

Луций перевел взгляд на командира.

— А я рад служить вам, — склонив голову, почтительно ответил он.

В глубине зала извивались под звуки флейт и кифар восточные рабыни. Синий свет от специально натянутой на лампы материи стекал по их обнаженным телам, превращая их в сказочных богинь. Темные глаза, подведенные краской, словно прожигали душу насквозь. Другие рабыни и рабы шныряли между столов, убирая опустевшие блюда и поднося новые. Неожиданно толстый варвар схватил и начал бесцеремонно тискать одну из девушек. Та еле отбилась от его домогательств и со слезами убежала прочь. Луций напряженно смотрел на все происходящее, медленно потягивая вино. И римляне, и варвары, упившиеся в хлам, вели себя словно животные. «Скоты!», — внезапно промелькнуло в голове у Луция, и он поставил чашу с вином на стол. Вдруг, невольно обернувшись, он увидел в углу странного горбуна в грязном тряпье, и тут же в его мозг врезался чей-то голос:

— Посмотри на них, Луций, посмотри внимательно. Разве достойны они жизни? Нет! Разве такие люди должны управлять этим миром? Нет! Ты и только ты должен стоять во главе вечного города и править этим отребьем! Они понимают лишь язык силы. Ослабь до крови врезавшиеся удила, дай им немного воли, и вот во что они превращаются!

Голос прервался, а непонятный горбун исчез, как только на колени к Луцию села девушка и, обняв его, зашептала ему на ухо что-то ласковое. Мрачные мысли на мгновение ушли в сторону, а сердце начало биться чаще. Однако Луций почувствовал на себе взгляд Германика, обернулся на него и по выражению его лица понял, что тот наблюдает за ним давно. Тут какой-то пьяный германец встал из-за стола и швырнул обкусанную курицу в

сторону танцующих рабынь. Повсюду раздался хохот, а виновник веселья, гордясь своим поступком, победоносно поднял руки вверх и безобразно заржал. Луций в ярости скинул с себя рабыню, вскочил, но Германик опередил его. Он быстро подошел к разгневанному воину и, положив руку ему на плечо, произнес:

— Пойдем, нужно поговорить, тем более, я гляжу, ты не очень-то веселишься. Натворишь еще чего, а это зверье нам нужно, лучше дружить с ними, чем воевать.

— Боюсь, мое мнение не совпадает с вашим, — сухо бросил Луций, глядя, как германец продолжает паясничать, словно шут, вызывая хохот у остальных.

— Пойдем, пойдем, — похлопывая Луция по плечу и негромко смеясь, сказал Германик, и они вышли на безлюдную и тихую террасу.

— Зачем вы позвали меня? — слегка пошатываясь от выпитого вина, спросил Луций.

— Немного повеселиться. Разве я не могу пригласить к себе самого удачливого своего командира? Странно, что Клементий мне ничего не рассказывал о тебе.

— Я тронут вашим вниманием, но мне не по нутру находиться рядом с этими дикарями. А что касается Клементия, так он, наверное, был слишком занят чем-то очень важным, вот и не вспомнил обо мне.

— Что это тебе не по нутру, я понял. Я видел, как ты чуть не кинулся на того жирного германца, а он, между прочим, вождь одного из племен, которые присоединились к нам и предоставили свои войска для борьбы с Арминием.

— Я бы преподал этому варвару небольшой урок, забив брошенную им курицу обратно ему в пасть!

— В политике, Луций, недостаточно одной только силы, иногда нужно подключать и мозг, — улыбнулся Германик. — А ты знаешь, как называют тебя германцы?

— Понятия не имею.

— Мара, — протянул Германик.

— И что это значит?

— Это их бог хаоса, беззакония и насилия.

— Прекрасно! — рассмеялся в ответ Луций. — Я заставлю их уважать нас! Они заплатят за Тевтобургский лес и за тех, кого они обрекли на мучительную смерть либо на позорное существование!

— Я слышал, твои люди выследили Арминия?

— Да, я послал своего человека к вождю одного из племен с ясным и простым предложением: он мне достанет голову Арминия, а я не вырежу его племя подчистую. Кстати, мой человек, Ратибор, пленил жену Арминия: она была передана вашим людям в качестве трофея. Я надеюсь, вам сообщили об этом?

— Конечно, Луций. Достойный подарок перед триумфом в Риме! Я решил провезти ее в своей колеснице как наглядное доказательство покорения Германии. А насчет ее мужа ты придумал здорово. Живой, мертвый — какая разница?

— С мертвым хлопот меньше, — сухо бросил Луций.

— Кстати, — Германик подошел к небольшому сундучку, достал из него бумагу и пристально посмотрел на собеседника.

— Да, командир?

Слегка улыбнувшись, Германик постучал свернутым листом по ладони.

— Ты знаешь сенаторов Андриана и Келестина?

— Конечно, — невозмутимо ответил Луций. — Они привезли мне назначение на

должность командующего Гвардейским легионом. А потом, насколько мне известно, они то ли пропали, то ли вернулись обратно в Рим, то ли их похитили. А в чем, собственно, дело?

— Их тела были найдены неподалеку от лагеря пятого легиона, в котором ты был центурионом.

— Тела? Их что, убили?

— Убили? Это мягко сказано. Их выпотрошили, притом, по всей видимости, еще живыми. Я лично ездил осматривать то место. Зрелище, скажу тебе, не из приятных, хотя я немало повидал на своем веку. Такое ощущение, что тот, кто это с ними сделал, хотел, чтобы они напоследок испытали нечеловеческие мучения.

— И кто же это сделал? Германские друиды? Они относятся к римлянам, как к скоту. Если эти сенаторы попали к ним, немудрено, что их ожидала такая смерть, — смотрел прямо в глаза своему командиру Луций.

— Возможно, ты и прав. Возможно, — теребя в руках бумагу, ответил Германик.

— Позвольте спросить, к чему весь этот разговор? Или, быть может, вы думаете...

— Нет! Что ты, что ты! — перебил Луция Германик. Он нервно заходил по террасе, затем резко развернулся, остановился, немного задумался и тут же произнес: — Еще один вопрос: а чем занимаются твои родители? Твой отец — где он сейчас и что делает?

Луций явно не ожидал, что разговор примет такой оборот. Он наконец-то обратил внимание на бумагу в руках Германика, и его скулы задергались. Сначала страх, а потом гнев охватили его тело и разум.

— Мои родители?! Вы хотите знать, где сейчас мои родители?! И что с ними произошло?! — багровея от злости и подходя ближе к командиру, злобно произнес Луций.

— Германик, здравствуй! Мир тебе и твоему дому! — послышался внезапно до боли знакомый голос. Собеседники одновременно обернулись и увидели, как из темноты к ним по ступенькам поднимается Марк.

— Марк? Какими судьбами?! Что ты делаешь в этом богами забытом месте?! — подходя к нему и обнимая, удивился Германик.

— Марк! — почти шепотом произнес Луций и хотел было радостно кинуться к нему, но тот взглядом показал, что делать этого не стоит, и бывший центурион пятого легиона остался стоять на месте.

— Тиберий прислал меня к тебе. Он радуется твоим успехам, весь Рим прославляет тебя!

— Я счастлив слышать от тебя такие новости!

— Цезарь желает твоего возвращения в Рим, тебя ждет триумф.

— А как же мое войско? Арминий пока не схвачен, многие очаги сопротивления еще не подавлены.

— Брось, все понимают, что это дело времени. Этим может заняться любой другой, да хотя бы Клементий. Он же сейчас легат пятого легиона? Как ты думаешь, он справится?

— Клементий? Хорошо, что ты о нем вспомнил. Он как раз мне прислал кое-что, и я хотел бы поговорить с тобой о... — но Германик не смог закончить, поскольку Марк довольно бесцеремонно перебил его.

— Глазам не верю! Луций?! Гай Луций Корнелий?! Ты ли это? — раскинув руки, он подошел к стоящему в стороне воину и приобнял его. — Ты возмужал! Гляжу, война наградила тебя своими медалями! — продолжил он, рассматривая шрам на лице своего подопечного. — Наслышан, наслышан о твоих успехах и достижениях! Весь Рим хочет

видеть человека, который одолел армию варваров всего лишь одной центурией! Многие мечтают познакомиться с тобой лично и пожать руку воину, при упоминании одного лишь имени которого германцы начинают дрожать и молиться!

— Я рад видеть тебя, Марк, — по-мальчишески улыбнулся сенатору Луций.

— Присядь, — тут же произнес Марк с печалью в голосе. — Твой отец покинул нас. Его друзья устроили ему пышные похороны, — сенатор повернулся к Германику: — Он остался один. Печальная судьба! Мать умерла, когда он был еще малышом, а теперь скончался и благородный Корнелий. Да, Луций, — вынимая грамоту из-за пазухи и протягивая ее ошарашенному юноше, не останавливался Марк. — Вот завещание, подписанное покойным. Его поместье теперь принадлежит тебе. А за твои подвиги император выделил тебе еще несколько вилл и рабов. Можешь распорядиться ими по своему усмотрению. Здесь все написано.

Луций, не понимая ничего, только хлопал глазами и невольно подыгрывал Марку. Только насчет смерти своего родителя он понял, что сенатор не шутит, но вот что касается всего остального... «Какое имение? Какие виллы? Что за рабы? О чем это он?», — недоумевал Луций.

— Крепись. Мужайся, — тихо добавил Марк и, подойдя к Германику, спросил: — Так о чем ты хотел со мной поговорить?

— Так это, вот... — протягивая ему бумагу, растерялся племянник императора.

Взяв листок в руки, Марк быстро подошел к горящим жаровням, вдумчиво прочитал текст, затем громко рассмеялся и швырнул бумагу в огонь со словами:

— И ты что, поверил этим бредням?!

— Так ведь... — начал Германик, но Марк снова его перебил:

— Успокойся, ты не хуже моего знаешь, как завидуют друг другу люди, особенно когда они видят возвышение своих подчиненных! Зависть! Это обычная человеческая зависть, и ничего более! Я поговорю с ним об этом, думаю, он поймет, что был неправ.

— Как скажешь, Марк, но я все же наведу справки.

— Германик, друг мой, я никоим образом не помешаю тебе. Наоборот, буду содействовать во всем, если понадобится. А теперь пойдем, гости наверняка заждались хозяина дома и покорителя этих земель. Да, кстати, — повернулся Марк к Луцию. — Встретимся с тобой в Риме. Тиберий и тебя хочет видеть на триумфе Германика, там все и обсудим.

Луций покорно кивнул головой. После того, как Марк с Германиком удалились к гостям, он остался один и нервно заходил по террасе.

— Чертовы комары! — выругался Луций, размазывая по щеке кровососа, и окрикнул проходящего мимо мальчика-раба.

— Чего желаете, господин? — смиренно склонил голову паренек.

— Принеси вина, да поживее!

Раб бегом скрылся в темноте и через несколько минут вернулся с кувшином, полным багровой жидкости, источавшей приятный хмельной аромат винограда. Дождавшись, пока раб уйдет, Луций прямо из сосуда сделал несколько жадных глотков, перевел дух, выпил еще и только тогда поставил кувшин на столик. Вино быстро ударило в голову, терраса зашаталась, а пол попытался ускользнуть у него из-под ног.

«Спокойно, Луций! Спокойно! — опираясь руками о перила, подумал легионер. — А вдруг он обо всем догадался?! Письмо! Донос! Клементий! Кто же еще! Сукин сын с детства

пытается меня уничтожить! А Марк? Он откуда тут взялся? Ах да, по поручению императора, пьяная ты голова! Отец умер! Жалко... А остальные? Тоже, наверное. Что же, судьба!», — без особого сострадания размышлял Луций. Трагические события его жизни воспринимались им уже не так остро, как раньше, да и он сам был уже не тот. «Отмучались они, а мы им так и не помогли. Ладно, мертвым теперь все равно. Нужно думать о себе, о власти! Вот что сейчас важно! Нужно думать о том, как не проиграть и взойти на самую вершину, прямо к звездам, где тебе все будет позволено и ни перед кем не придется отчитываться, где некого будет бояться! Но что с Германиком и Клементом? Ладно. Клементий — шавка и ничтожество! Но Германик? Что делать с ним? А поместье? Виллы? Рабы? Шутит? Или правда? А почему бы и нет? Что я, хуже других, не заслужил что ли?! Я этого зверья тут порезал столько, сколько другим и не снилось! Конечно, заслужил! — снова отпивая вино, подумал он со злобой. — Странно, лицо горит, словно обожженное, — трогая щеки, пробормотал Луций. — О, боги! Я завидую! Всем им завидую, потому что они лучше! Ненавистные патриции! Приближенные лизоблюды императора! А я?! Кто я?! Ну, ничего, ничего! Пьяная зависть, вот что это. Тише, Луций, тише. Ты еще не настолько напился, чтобы не понять этого. Тебе нужно играть свою игру и не горячиться. А безрассудство ни к чему хорошему не приведет! Ведь как толково ты все обставил с теми сенаторами! Красавчик! Никто и никогда не сможет подкопаться! Распотрошил их? Нет, Германик, я им воздал по заслугам! И всем остальным тоже воздам! Всем!».

Луций допил вино, икнул и неуверенной походкой вышел на улицу. Пошатнувшись, он случайно задел плечом жаровню, которая упала и рассыпалась, подняв вверх миллиарды раскаленных угольков. Луций остановился, уперся плечом в дерево и завороченно засмотрелся на танцующую в воздухе раскаленную пыль.

— Господин, вам плохо?

Луций обернулся и увидел рядом с собой изящную девушку-рабыню в тонкой, почти прозрачной тунике — одну из тех, что танцевали на пиру. Она испуганно смотрела на него накрашенными глазами.

— У меня отец умер, представляешь? Сейчас только узнал, — рассмеявшись непонятно чему, сказал ей Луций, глядя в ее большие, бездонные глаза. Затем он схватил ее и притянул к себе. Она от неожиданности дернулась, но Луций не дал ей ускользнуть.

— Твой хозяин Германик?

— Да, — тихо и испуганно ответила она.

— Вот видишь, а я друг твоего хозяина. Наверное, друг. А ты рабыня! А раб должен подчиняться повелителю!

С по-волчьи злобной улыбкой Луций одной рукой залез под тунику и схватил девушку за талию, а другой прижал ее к дереву. От молодого тела исходил жар. В висках Луция застучало, а желание стало невыносимым. Вдруг Луций увидел ее, Юлию. Не рабыню, нет, а маленькую сестру Мартина, которая умирала на кровати в доме Марка. Он с трудом проглотил слюну, закрыл глаза, потряс головой, снова взглянул — и снова она.

— Ну же, Луций! Ну же! Чего ты ждешь? Овладей ею, раз ты этого хочешь! Дай волк своим желанием! Давай! Ну же! Давай! — послышался знакомый голос в его голове.

Луций обернулся и снова увидел горбуна, там, в кустах. Он стоял и смотрел на него своим кровавым глазом. Стиснув зубы, Луций глубоко вздохнул и отпустил девушку, а сам отошел в сторону и уперся спиной в мраморную статую бога Марса.

— Убирайся! Проваливай! — закрыв глаза, резко произнес он.

Прохлада от безжизненного изваяния прошла по всему его телу, и хмель немного отступил. Перепуганная девушка ускользнула в темноту, но еще некоторое время он слышал ее легкие шаги. Потом все затихло. Ночную тишину тревожили лишь крики перебравших варваров и римлян, звуки пьяной драки и оханье совокупающихся. Луцию стало мерзко до невозможности. Оторвавшись от спасительного Марса, он неуверенной походкой попытался добраться до конюшни.

— Чертов мир! Будь оно все проклято! Всех бы этих свиней запереть в этом доме и сжечь! — опираясь рукой о дерево и немного пошатываясь, выругался Луций.

— Ты ненавидишь людей или самого себя? — послышался чей-то голос. — Ты так громко проклинаешь все и вся, что я просто уже не могу игнорировать это. Хотя думаю, меня за разговор с тобой не похвалят, — продолжил незнакомец.

— Что?! — повернулся на голос Луций.

Рядом с ним находился незнакомый ему странный человек: его дорогие доспехи сверкали ослепительной белизной, а он сам излучал серебристо-лунный свет.

— Кто ты?!

— Друг.

— Смешной ты, друг, — Луций рассмеялся, но потерял равновесие, шлепнулся на землю и затем, кое-как перевалившись, уселся на ней.

— Отнюдь. В отличие от тебя, я не катаюсь по земле в пьяном угаре. Ты окунулся в темноту с головой, хотя в твоём сердце еще теплится маленький огонек человечности. Я хочу предупредить тебя, Луций, о том, что, когда глаза твои закроются навсегда и из мира земного ты перенесёшься в мир мертвых, многие тайны откроются тебе, но тогда уже будет поздно. Он не станет тебя там оберегать так, как оберегает здесь, не сделает для тебя исключения и прощения тебе не даст. Ты разве не замечаешь, как вы все изменились? Остановись, иначе обратного пути не будет.

— Ты балаболишь, как Марк! — снова рассмеялся Луций. — Выпить-то у тебя есть? Сбегай, принеси, а?! — махнул он рукой, давая понять собеседнику, что ждет исполнения своей воли.

— Как Марк? Ты понятия не имеешь, что он такое. Остановись, он вывернет твою душу наизнанку, а потом выбросит ее за ненадобностью. Смог же ты остановиться сейчас и не причинить вреда той девушке? Что, Юлию вспомнил? А ведь вы творите то же самое, что творили те, кому вы жаждете отомстить. Вы теперь ничем не лучше них и даже хуже, — после этих слов странный незнакомец развернулся и направился прочь.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Э-э-э! Постой! — протрезвев от услышанного, крикнул ему вслед Луций. — Откуда ты это узнал?! Стой, я сказал!

Но пока он поднимался, человек уже исчез. Луций бросился за ним. Пробираясь через клумбы и небольшой кустарник, он вышел на освещенную площадку. Там стояли люди: римляне или германцы — он уже не особо понимал. Краем глаза он увидел, как толстый варвар, тот самый, что нагло вел себя за столом, крепко зажал в своих лапах молоденькую рабыню, которую Луций недавно прогнал. Девчонка кричала и вырывалась, а германец ржал, бесстыдно тиская ее своими ручищами. Стоящие рядом люди смеялись, а толстяк только распался. Гнев подкатил к горлу Луция и растекся по его венам, он уже забыл о том, зачем и за кем он спешил. Желание, жажда крови и ненависть к мерзкому толстяку обуяли его. Он быстро подошел к германцу, подняв по дороге лежащий на земле толстый

сук, и без лишних разговоров со всего маха ударил им по косматой голове. Брызги крови разлетелись в стороны вместе со щепками от переломившейся палки. Кто-то шагнул к Луцию в попытке остановить его, но одного взгляда его бешеных глаз хватило, чтобы человек испуганно поднял руки вверх и смиренно отошел в сторону. В этот момент присутствующие при этой сцене одобрительно взревели: зрелище было и впрямь интересное. Услышав эти звуки, на балкон вышли Марк и Германик. Они увидели, как внизу на толстом варваре верхом сидел Луций и методично наносил ему удар за ударом, превращая его физиономию в кровавое месиво с выбитыми зубами и сломанным носом.

— Прекратить! — прокричал Германик.

— Зачем же его останавливать? Погляди, как довольна публика, — сощурился в улыбке Марк.

— Марк, останови своего пса! Его выходка будет ему дорого стоить! Ты даже не представляешь, каких усилий мне стоило переманить этого вождя на свою сторону! А теперь твой зверь сделал из него отбивную! — выкрикнул Германик, затем нервно развернулся и вышел прочь.

— Иди, иди, Германик. Если бы ты только знал, сколько усилий приложил я, чтобы он стал тем, кем должен стать. Ты сделал все, что нужно. Теперь ты мне больше не нужен, — шепотом произнес Марк, глядя на то, как преторианцы из личной охраны полководца скручивают Луция и оттаскивают его от неподвижного изуродованного тела толстяка.

— Ну что, Абигор? Какие новости? — спросил Марк у внезапно появившегося перед ним Сципиона.

— Я не знаю, где он, но он жив. Чувствую, что жив.

— Ясно.

— Остальные мертвы и уже находятся в чистилище, Асмодей скоро определит их к нам.

— Михаил не просил за них?

— Странно, но нет.

— Значит, это его рук дело. Он спрятал Корнелия, поэтому и не просит за остальных: чувствует за собой вину. Каков хитрец! Но ничего, отец Луция собственными руками задушил друга. Долго я ждал этого, думал уже, Ливерий и не попросит — крепкий оказался. Не убий, говорит он. А скольких убили они?

— Многих, милорд.

— Именно. Теперь и у нас для Михаила найдется свой козырь в рукаве. Одну ошибку он уже совершил. Нужно, чтобы он сам захотел прийти к нам, — усмехнувшись, произнес Марк и ушел с балкона.

На дворе стоял май, солнце светило ярко, уже совсем по-летнему. Бесконечные толпы празднично разодетых людей заполнили все свободное пространство от храма римского бога войны Марса до самого Капитолия. В доме с видом на проходящую церемонию, на нависающем над улицей балконе расположился Марк в окружении аристократов, наблюдая за происходящим. Вскоре, протиснувшись через толпу, к нему подошел Сципион, склонился к уху и прошептал:

— Я выкупил ту рабыню и доставил ее к вам на виллу. Асмодей выделил ей отдельную комнату. Только не пойму, для чего она нам, милорд?

— Ты воин, Абигор, тебе и не нужно этого понимать. Пускай Асмодей даст ей вольную, накормит, приоденет и приведет ко мне. Луций — зверь, но даже у зверя есть сердце. Она нам еще пригодится: не каждая удостаивалась чести остаться невредимой. Если он ее не тронул, значит, в ней что-то есть. Значит, можно будет потом заставить его сделать то, что он не сделал тогда. Как говорится, плох тот план, который нельзя улучшить. Мария из галилейского города Магдала? Мария Магдалина? — усмехнулся Марк и показал жестом, что Абигор может быть свободен.

Рим праздновал триумф племянника императора, Германика Юлия Цезаря Клавдия, покорителя варварской Германии, захватившего в плен не только непокорных вождей, но и жену самого Арминия — гнусного предателя. С раннего утра по улицам проходили колонны войск. Выступавшие впереди трубачи играли один и тот же грозный воинственный марш, под звуки которого непобедимые римские легионы обычно шли в битву. Звуки труб сливались с радостными криками: ими толпы народа приветствовали проходящие войска. Казалось, со дня своего основания вечный город еще не видел такого ликования и восторга: позор Вара был смыт, и непокорные германцы испытали на себе все ужасы мести римской военной машины. Даже привычные к таким пышным зрелищам римляне были изумлены. Тиберий по совету Марка устроил своему племяннику поистине небывалый прием. Если бы только Германик знал, чем ему обернется этот триумф! Марк готовил подходы к власти тому, кто проследует за колесницей триумфатора со своими солдатами. Солдатами Черного легиона. Как только под грозный марш и ликующие крики толпы по улицам прошли войска, вслед за ними двинулись юноши в праздничных, богато расшитых одеждах. Они вели двести белоснежных быков, предназначенных для жертвоприношения. За ними везли вооружение, доставшееся победителям. Обоз казался бесконечным: дорогая конская сбруя, панцири, шлемы, кольчуги, мечи и щиты — все это, нагроможденное на многочисленных повозках, теперь принадлежало римлянам. Вот, наконец, пронесли священную чашу из золота с драгоценными камнями, подготовленную в дар богу Юпитеру, и из-за поворота показалась вереница пленных. Они шли, понутив головы, с унылыми, скорбными лицами. Толпа стихла. Слышалось только бряцание цепей, поскольку все пленники были в оковах. И опять оглушительно грянули торжествующие крики: на улицу въехала запряженная четверкой белоснежных коней колесница победителя Германика. Он был в пурпурном плаще, расшитом золотом. В одной руке он держал жезл из слоновой кости, украшенный золотым орлом, а в другой — лавровую ветвь. Толпа стихла снова, когда за колесницей

главнокомандующего появились четверо всадников на черных, словно ночь, скакунах, в черных доспехах, отделанных золотом. За ними вышли солдаты с тяжелым вооружением в обмундировании такого же угольного цвета. Они несли штандарт своего легиона, под которым красовались приделанные к древку золотые орлы разбитого войска Вара. Увидев такое, толпа взревела от восторга. Луций, возглавлявший отряд, окинул взглядом ликующий народ и слегка улыбнулся. Его конь фыркнул, поднялся на дыбы, после чего вновь важно зацокал по брусчатке, высоко поднимая длинные ноги. Наездник даже не покачнулся, а только еще более прямо уселся в седле и еще горделивее поскакал по улице под нескончаемые восторженные крики людей.

— Кто это? — поинтересовался в толпе человек в грубой некрашеной тоге простолюдина, обросший и опирающийся на палку.

— Ты что?! Это же Луций! Германцы боялись его, словно огня! Великий воин! Надо было устраивать триумф не Германику, а ему — это он победил варваров! Я воевал под его началом, пока меня не ранили, так что, старик, я знаю, о чем говорю! — ответил ему сосед в коротком военном плаще. — Едва ли найдется сейчас другой полководец, которого бы так обожали солдаты. Он вел нас вперед и сам кидался в самую страшную резню! Едва услышав его имя, варвары уже боялись сражаться против нас. А добычу он в основном раздавал воинам. Я никогда еще не служил в таком довольстве, как при нем. Его бы в императоры — вот зажил бы тогда народ Рима!

— Луций... — многозначительно и тихо произнес старик и, завернувшись в тогу, ушел, протискиваясь через толпу, словно через терновый кустарник.

Дело шло к вечеру. Торжественная церемония триумфа подошла к концу. Форум и близлежащие улочки обезлюдели, в базиликах после пышной церемонии и жертвоприношений в честь победителя Германика остались только прислужники, которые устало подметали полы и убирали мусор. Колизей тоже опустел, как только окончились последние, самые престижные бои, устроенные на потеху толпе, дабы ублажить ее жажду зрелищ. Люди расходились, обсуждая увиденное и услышанное за день, а высший свет собирался во дворце Цезаря Тиберия, который давал аристократам пир в честь своего победоносного племянника Германика, покорителя варваров.

Солнце светило еще достаточно ярко и образовывало вокруг движущихся против света фигур — мужской и женской — тонкое золотое сияние. Марк шагал к паланкинам, нежно поддерживая за руку юную девушку. Присланные к ним дворцовые слуги императора помогли им подняться на носилки. Уверенный вид Марка вызывал трепет и смирение у рабов. Он покровительственно обвел их взглядом и с важной легкостью сел в паланкин. Пара была одета в высшей степени элегантно. На голову девушки была накинута длинная шаль, через которую проникал свет, мягко очерчивая красивое лицо. Таким прозрачным мог быть только шелк — заморская ткань, считавшаяся дорогой даже у самых богатых людей. Девушка с робостью демонстрировала шаль окружающим, будто надела ее впервые. На ее плече поблескивала золотая булавка с огромным бриллиантом. Камень, переливаясь на солнце, заставлял жмуриться слуг, которые невольно бросали взгляд на бесценную вещь. Когда пассажиры уселись, кортеж медленно тронулся в путь, и вскоре носилки, которые покачивались, словно корабли на волнах, растворились вдалеке.

Удары дверного молотка раздались во входном коридоре и отозвались эхом в большом атриуме. Раб-привратник поспешил открыть дверь. Гости все прибывали и прибывали. Когда на землю опустили паланкины Марка и его спутницы, сенатор ободряюще сказал:

— Не волнуйся, Мария, ты прекрасно выглядишь.

Марк взял ее за тонкие пальчики изящной руки, она застеснялась, и только шаль помогла ей не выдать своего смущения. Они с царственной неспешностью последовали за рабом, который указывал им путь. Пройдя по длинному коридору, Марк и его спутница оказались в просторном атриуме с роскошным бассейном посередине. Императорский дворец для приема почетных гостей был одним из самых крупных строений в Риме и славился своим огромным перистилем с длиннейшей колоннадой, обрамляющей сад. В саду была устроена просторная беседка, образованная стеблями вьющихся растений, повсюду виднелись фонтаны и греческие статуи из бронзы, а чуть вдали шелестела серебристой листвой эвкалиптовая роща, в которой парами гуляли павлины.

— Как тебе здесь? Нравится? — поинтересовался Марк у Марии.

— Очень, — по-детски тихо ответила она.

— Да, это тебе не поместье в Германии и не трущобы в Палестине. Впрочем, все одно и все едино. Люди, люди, люди, — проходя мимо многочисленных гостей и приветствуя их, рассуждал он. — Смотри, видишь вон того тощего человека в дорогой одежде? Рядом с ним молодая девчонка, его внучка. Старик спит с ней, и все про это знают, а собственную дочь он отравил, — тихо произнес Марк, направляясь к распутнику и мило улыбаясь.

— Мое почтение, Марк, — учтиво сказал плешивый и тощий человек, державший в руках чашу с вином.

— Приветствую тебя, мой друг! Удачи во всех начинаниях тебе и твоей прекрасной спутнице! Она, как всегда, неотразима, — ответил ему Марк, а пройдя чуть дальше, указал Марии на другую гостью: — А это вдова Стелла, любительница плотских утех. Руками своих любовников она удушила уже третьего мужа, дабы завладеть его состоянием. Мерзкая похотливая сука. Если бы ты только знала, что она заставляет рабов и любовников делать со своим телом, чтобы получить мимолетное удовольствие. Страшно даже представить, на что способна фантазия больного человека, — проходя мимо Стеллы, Марк на секунду оставил Марию, чтобы поцеловать вдову и сделать ей комплимент. — А вон еще один экземпляр, Публий. Он бы очень удивился и явно не обрадовался, если бы узнал, кто и зачем поставил его на занимаемую им должность, но сейчас он искренне наслаждается тем, что имеет. Хотя, в основном, имеют его. Я понятно выражаюсь? — усмехнулся Марк. — Впрочем, кому что нравится.

— Для чего вы мне все это говорите?

— Для чего? — Марк остановился, посмотрел на Марию, затем поднял шаль и открыл ей лицо. — Я знакомлю тебя с обществом, высшим светом, теми, кто стоит у власти и правит жизнью и такими, как ты. Или ты думаешь, вами управляют боги? Нет, не боги, а они, — обвел он рукой собравшихся гостей. — А ведь они не лучше, а иногда и намного хуже простого народа. Хотя есть один человек, ради которого я привел тебя сюда. Пойдем.

Звуки музыки, сначала приглушенные, но затем все более отчетливые, говорили гостям о том, что триклиний — ложа перед праздничным столом — уже близко. Наконец, они вышли в знаменитый перистиль, еще хорошо освещенный солнечными лучами, и, пройдя последний поворот, подошли к огромному столу. Зал, украшенный фресками, выглядел необычайно красиво: проемы арок были отделаны слоновой костью, золотом и серебром, ложи обшиты жемчугом, стол сервирован серебряными кубками и блюдами с легкими закусками, к которым уже успели приступить другие приглашенные. Увидев Марка, Тиберий лично подошел к нему и с улыбкой пожал ему руку. Глаза Цезаря выражали радость от

встречи, но Марк видел его насквозь и подыгрывал ему, делая вид, что тронут таким вниманием. Император провел сенатора и его спутницу за стол и усадил рядом с собой. Осмотревшись, Мария ахнула от удивления: прямо напротив нее, опершись локтем о стол и подперев рукой голову, сидел он, тот самый римлянин, который спас ее от германца. Луций сидел, крутя в руке чашу с вином и не обращая ни на кого внимания, погруженный в свои, видимо, важные, а может, и не очень, мысли. Вдруг он поднял взгляд, с брезгливостью осмотрел пирующих гостей, злобно усмехнулся и что-то пробормотал. Кажется, он не узнал ее. Мария завороченно смотрела на Луция. Сейчас он казался ей совсем нестрашным, даже милым — не то, что там, в резиденции Германика. Луций поставил чашу на стол, потер шрам на лице и потянулся за сосудом с вином. В этот момент его ладонь случайно коснулась изящной руки девушки, и он наконец взглянул на нее.

— Мы знакомы? Нигде раньше не встречались?

Мария взяла сосуд и налила ему в чашу вина.

— Не думаю, Луций, не думаю, — послышался знакомой голос Марка, который пересел к нему поближе.

— Марк! Как я рад видеть тебя в этом гадюшнике! — радостно произнес Луций, и его лицо осветила искренняя улыбка.

— Луций, с нами рядом дама. Между прочим, это высший свет, не каждый удостоивается чести бывать здесь, — рассмеялся он.

— Высший свет?! Показушная пирушка. Все ненавидят друг друга, а как собираются вместе, так готовы в десны расцеловаться. Не ты ли говорил мне это?

— Тише, тише. Не надо громких слов, Луций. Ты прав, но политика есть политика — привыкай.

— Привыкать к чему? К этим уродам? К Клементию, который, вон, шепчет Германику что-то на ухо, скорее всего, про меня. Или к этому женоподобному Публию? Или ко всем этим тварям, отправившим мою семью в Тартар? В задницу Плутона их всех. Тошно смотреть на их довольные рожи, тошно!

— Так добейся власти и перетряхни этот, как ты выразился, гадюшник. А пока ты здесь гость, а не хозяин. Да, кстати, мне сейчас нужно ненадолго отойти: Цезарь зовет. А ты пока можешь приятно провести время с этой прекрасной дамой. Ее зовут Мария. И да, — сделал он паузу, — будь аккуратней в выражениях, а с Германиком я все улажу, не волнуйся.

Проводя взглядом Марка, Луций наморщил лоб, взглянул на сидящую Марию, усмехнулся, смутив ее, затем сам налил душистый напиток в чашу и протянул ей.

Слуги зажгли благовония. В зале веяло хмелем, голоса гостей становились громкими, а движения глупыми, равно как и поведение. Люди спорили, шутили, вели беседы, славили Германика, а он, поднабравшись спиртного, довольно улыбался и принимал поздравления. Никто не заметил, что ни Тиберия, ни Марка уже нет среди собравшихся в зале. Они удалились, чтобы скрыться от лишних глаз в глубине парка. Марк вел свою игру, но Цезарь был уверен в обратном.

— Твой план удался, Марк. Ты, как всегда, не подвел меня. Германия пала, Арминий будет уничтожен — это лишь дело времени. А этот Луций и впрямь хорош. Хотя Германик не очень охотно о нем говорил — странно, не правда ли? Наверное, что-то хочет выяснить про него, ведь мы так и не нашли никаких записей о его роде. Странно, очень странно...

— Но стоит признать, что он прекрасный и талантливый командир. Он доказал, на что способен Черный легион под его началом.

— Это да. Германцы теперь благодарят своих богов за то, что их земли покинул этот... Как они там его называли?

— Мара.

— Ма-а-ра! — покачивая головой, протянул Тиберий. — Говорят, они боялись его одного больше, чем всю нашу армию целиком.

— Это правда. Но ведь с варварами так и надо. Разве осуждают победителей?

— А я и не говорю, что против. Наоборот, мне кажется, его метод очень эффективен. Мой племянник вряд ли бы пошел на такие кровавые дела.

— Ну так что? Мы оставляем его во главе вашей гвардии? Или, быть может, Клементия?

— Марк, ты знаешь ответ. Но меня волнует другое: Германик хотел поговорить со мной о нем, и я обещал выслушать его. Кстати, что там с пропавшими сенаторами? Выяснилось, что произошло с Келестином и Андрианом?

— Германские друиды. Говорят, их выпотрошили живьем. Несчастные оказались не в том месте и не в то время.

— Странно все это как-то, Марк, ты не находишь?

— Германия вообще странная. Не стоило им искать приключений и покидать лагерь.

— Пожалуй, ты прав, — понимающе покачал головой Тиберий. — Ну а как тебе триумф в честь моего племянника? — внезапно сменил разговор император.

Марк опустил глаза, Цезарь пристально взгляделся в него, понимая, что тот явно чем-то озабочен.

— Ну так что ты об этом думаешь? — снова повторил он вопрос.

— Слишком большая популярность. И слишком преданная армия. Преданная ему, — повторил Марк, словно заколотил гвоздь в крышку гроба, приговорив тем самым ненавистного Тиберию племянника.

— И что ты предлагаешь? — снова спросил Цезарь, понимая, что Марк прав и Германика следует приструнить, так как любовь к нему в народе и в легионах слишком возросла.

Усмирение Рейнского восстания, покорение Германии — все это давно наводило императора на недобрые мысли: «Это было сделано с подачи Марка. Что же, пускай сам и решает, как избавиться от этой назойливой мухи! Смотрит, словно знает, о чем я думаю. Страшный человек. Нужно чуть позже решить и его судьбу. Убрать Германика? А кого поставить на его место? Этого Луция? Мару? Нет, он пускай правит моей гвардией. Что есть, то есть: этот Черный легион и впрямь серьезная сила. Тем более паренек не под властью этого лиса, не то что Клементий».

Марк выдержал паузу, словно давая императору возможность поразмышлять, и произнес:

— Нужно найти для Германика занятие менее опасное, чем командование армией. Нельзя ему позволить остаться в Риме. Но это нужно сделать аккуратно, ненавязчиво, будто бы вы не хотите от него избавиться, а, наоборот, стремитесь дать ему больше, чем у него есть сейчас. Пускай так думают люди, да и он сам вместе с ними.

— Но как это сделать?

— Доверьтесь мне, великий Цезарь, — с холодной улыбкой ответил Марк и посмотрел в глаза Тиберия так, что тот невольно опустил взгляд, словно испугавшись.

И действительно, работа на достаточном расстоянии от Рима нашлась для Германика довольно быстро. Внезапно ухудшились дела на востоке: какой-то провокатор поднял народ

на восстание, в результате чего был свергнут царь Архелай, последний правитель Каппадокии. Марк убедил Тиберия в том, что Каппадокию следует превратить в римскую провинцию. В том же году скончался при весьма странных обстоятельствах царь Коммагены Антиох III, и стране внезапно потребовалось прямое римское правление. Туда-то и решили отправить Германика, а мятежи поручили подавлять ставленнику Марка Гаю Луцию Корнелию. Подавлять так, как он привык, как научил его тот, кому он был так предан. Но все это случится позже, а пока во дворце был пир, на котором все, включая Германика и Луция, пили и веселились.

Солнечный свет проникал сквозь окна, пронизывая комнату золотистыми лучами. Пыль, словно туман, поднималась по ним, уходя куда-то вверх. В таверне было душно и шумно, пахло вином и жареным мясом, по липкому столу шныряли мухи. Ловким движением Ратибор поймал одну из них и поднес в кулаке к уху: насекомое жужжало. Поймал, явно поймал — русич довольно заулыбался. Рядом с ним сидели Понтий, Мартин и Ромул. Понтий, уже изрядно захмелев, приставал к какому-то парню. «Слава богам, тот не обращает внимания на его выходки, и драки не будет», — подумал Ромул и перевел взгляд на Ратибора, который медленно, с особым удовольствием оторвал мухе крылья и кинул ее на стол. Та запрыгала, попыталась взлететь, но тщетно. Русич смотрел и улыбался, затем отвесил ей щелбан, и она, словно комета, улетела в неизвестном направлении. Ромул пристально посмотрел на него, а тот, радуясь, как ребенок, продолжил пить вино.

— Что, весело празднуем триумф Луция?! — с явной завистью обратился Понтий к друзьям.

— Во-первых, не Луция, а Германика, а во-вторых, хоть ты и опять напился, веди себя нормально, — спокойно ответил ему Мартин.

— Что-о-о?! — привставая, недовольно переспросил Понтий.

— Да сядь ты! Достал уже! — вклинился Ромул.

— И правда, Понтий, успокойся, — отхлебнув вина, поддержал их Ратибор.

— Сговорились что ли?! Мы тут в этой дыре, а он на пиру у императора! Отлично получается! Меня что, одного это задевает?! Или, быть может, я что-то не так говорю?!

— Неплохое вино принес хозяин таверны, — Ромул сделал вид, что не услышал друга. — А то этот ужасный германский эль в печенках уже сидит! Несет с него дальше, чем видишь, а это вино так вино — и впрямь напиток богов!

— Не знаю! Мне их ячменный напиток был по душе, — отрывая ногу от жареной курицы, сказал Ратибор.

— Ага, по душе! Я помню, как ты бежал со спущенными штанами в кусты, когда перебрал его! — рассмеявшись, припомнил Мартин.

— Ну так добежал же!

— А то! Твой голый зад сверкал, словно луна в полнолуние! Германцы теперь по этой тропе век ходить не смогут — будут бояться поскользнуться!

Все заржали, вспоминая этот случай. Один лишь Понтий злобно водил глазами, желваки на его скулах дергались.

— Да пошли вы! — нервно выкрикнул он и залпом опрокинул чашу. Вино лилось по губам, спускалось по шее и затекало под тогу, но Понтий этого не замечал. Походкой моряка он подошел к стоящей в углу жрице любви и резко схватил ее за руку. — Пойдем, я сказал!

Та неуверенно, но все же согласилась.

— Достал он! Как ни нажрется, чушь несет.

— Что у трезвого на уме, то у пьяного на языке, — прищурившись, ответил Ромулу Ратибор.

Луций сидел на пиру с помутневшей головой и уже не мог смотреть ни на яства, ни на лица гостей. «Я пьян. Снова пьян. А она ничего, красивая», — думал он про себя, а рука предательски снова тянулась за чашей: «Все же я где-то ее видел! Но где? Надо пить меньше! А может, больше?! Дилемма!».

— Что, мой мальчик? Как веселье? Настроение как? — присаживаясь к Луцию, заботливо поинтересовался Марк.

— Так себе. Ребят не позвали, как-то обидно.

— Ну, извини. Это тебе не посиделки в таверне. Привыкай, ты не всегда сможешь быть везде с ними вместе. Власть любит одиночество. Да, кстати, вот твоя награда.

— Какая? — икнул Луций, непонимающе глядя на Марка.

— Как какая? Та, про которую я тебе говорил, — протягивая свитки, ответил сенатор. — Это права на земли, виллы и рабов — все, как и обещал.

— Шутишь? — изумленно переспросил Луций.

— Отнюдь. Шутник из меня, поверь, никудышный. Запомни: ты теперь становишься во главе их всех. Хочется тебе этого или нет, но ответ будешь нести ты. За все. Но это не главный мой тебе подарок. Пойдем.

Луций поднялся, а его взгляд невольно вернулся к Марии. Марк улыбку: наживка проглочена. Теперь у него есть не только брат Луция, но и эта девушка — два рычага, на которые можно давить. «Любовь — прекрасный механизм управления, порой он даже лучше, чем страх и боль!», — подумал Марк, и его глаза почернели.

Он подвел Луция к одному странному гостю с поросычьими глазками, совсем как у Асмодея. Пышному, неопрятному, с рябым лицом, жирной кожей, сальными волосами и испариной на затылке. Луций с неохотой протянул ему руку.

— Квинт Целест. В прошлом разбирал дела предателей, оставшихся в живых после поражения Вара и вернувшихся в Рим, — представил гостя Марк, после чего склонился к уху Луция и тихо добавил: — Он может многое тебе поведать, я достаточно заплатил этому прохиндею, чтобы он рассказал тебе о ваших соседях. Твой отец, наверное, не говорил тебе о них? Конечно, не говорил. Боялся, наверное, за вас.

— Рад познакомиться. Много о тебе слышал! — тряся вторым подбородком и вытирая об себя потные руки, произнес Квинт. «Совсем как Асмодей. Верно говорят: глаза — зеркало души. Один в один! Похож, страсть, как похож. Только тот приятный толстяк, даже милый, смешной. А этому чревоугоднику так и хочется вспороть брюхо, чтобы посмотреть, чем же оно у него набито. Не может же нормальный человек ходить с таким пузом, словно ему под кожу вшили амфору! Мерзость. Руку надо потом помыть. А сейчас терпи, терпи, Луций! Пускай расскажет, что да как. Честь отца и его друзей важнее твоей брезгливости! И все же как противно», — думал Луций.

Он кивнул головой и показал рукой в сторону, где никого не было. Толстяк понял все без слов, и они отошли для серьезного разговора. Марк проводил их взглядом, затем сел и принялся есть виноград, отрывая от кисти по одной ягодке и смакуя каждую. Марк сидел отрешенно: он знал, что толстяк Квинт и есть Асмодей, а потому был спокоен. Все шло по его плану. Он понимал, что Луций подвержен вспышкам ярости, поэтому и решил поведать

ему о его соседях именно здесь, на пиру. Луций горяч, но не дурак, далеко не дурак, иначе бы Марк не сделал на него ставку. Сенатор помнил, как спокойно юноша повел себя с Германиком, когда тот спросил про сенаторов.

«А с Германиком покончено, он отработанный элемент большой игры. Пришла пора убрать его с шахматной доски. Поверил все-таки, что Луций замешан в смерти Андриана и Келестина, но ничего, Тиберий отобьет ему желание копаться в этом деле. А Луцию не надо позволять забывать вкус крови. Костер должен гореть, а для этого в него нужно постоянно подкидывать дрова. Соседи. Мелочь, но дрова хорошие. Да и жадность их, и бездействие по отношению к сестрам Мартина должны быть наказаны. Нужно послать Абигора к Падшему: пусть узнает о Корнелии. Неужели Михаил решил спрятать его от меня? Однако для всех он умер, и убеждать Луция в обратном не следует!», — Марк прикрыл глаза, глубоко вздохнул, положил очередную виноградину в рот и раскусил спелую ягоду. Он сидел в триклинии неподвижно, словно одна из дворцовых статуй. Властелин тьмы среди людей. Он видел всех, ненавидел всех, знал все и обо всех, а вот его не знал никто, да никто и не мог познать. Идеальное решение — спрятаться богу в теле человека и вести себя, как человек. Кто сможет догадаться о подмене? Разве только его брат.

Глава 21 КАЖДОМУ ВОЗДАСТСЯ ПО ЗАСЛУГАМ ЕГО

В двух километрах от вечного города был развернут отдельно стоящий лагерь в форме правильного квадрата с четырьмя входами и выходами. Над его воротами был закреплен знак отличия Черного легиона — сидящий на человеческом черепе орел с распростертыми крыльями. Тиберий по совету Марка специально расположил легионеров неподалеку от города. Эти шесть тысяч пехотинцев и две тысячи всадников — отборные, хорошо обученные и экипированные солдаты — представляли страшную силу. Они только и ждали приказа своего командира, генерала Луция Корнелия, которому Марк выбил эту должность в обход всех римских правил. Тиберий думает, что они подчинены ему, как и преторианцы. Глупец ошибается. Он ошибается во многом, как и все люди.

— Вот это хоромы! — удивился Понтий, когда увидел свои владения. Это слово он явно перенял у Ратибора.

Вилла и впрямь была прекрасна. Да, она не отличалась большими размерами, как имения знатных рабовладельцев или ростовщиков и торговцев, но выглядела по-настоящему роскошно. К ее входу подошли солдаты, они вели рабов — человек сто, может, больше. Их встретил радостный Понтий, который в последнее время стремился стать похожим на аристократа, а потому был одет в дорогую одежду. Иногда казалось, что ему и вовсе плевать на все, что произошло с ними прежде: он искренне радовался тому, что имел здесь и сейчас. Тем не менее, Понтий постоянно завидовал Луцию, хотя тот всегда старался делить все поровну: и славу, и свалившееся на него богатство. Из Германии они привезли немало добра, но эти поместья, которыми их одарил император, несравненно были самым ценным приобретением.

«Император! — усмехнувшись, снова подумал про себя Луций. — Подачки, подачки, подачки! А они радуются! Политика, это просто политика. Марк не просто так познакомил меня с этим мерзким толстяком, который рассказал о наших бывших соседях. Знал, что не спущу им этого! Как же такое могло произойти? Как?! Ведь мы же жили бок о бок! Я прекрасно помню тот проклятый пожар, когда и Птолемей, и Катон помогали Леониду, матери и отцовским рабам тушить наш хлев. Да, я был тогда мал, но все помню. Видимо, добрососедские отношения имеют пределы», — терзал свой разум Луций, глядя на то, как светится счастьем Понтий, принимая рабов и расписываясь за них у солдата. «А отомстить надо! Жестоко отомстить! Так, чтобы другим было неповадно, чтобы все потом шепотом говорили обо мне! Власть исключает прощение! Парням надо сказать, да и время подгадать. О, боги, Ромул опять будет ныть, что это плохо, что мы не звери, что нельзя просто так убивать людей. А я людей трогать и не собираюсь! Я нелюдям отомстить хочу. Может, лучше не брать его? Ладно, нужно подумать», — перебирал он у себя в голове варианты.

— Хорошо, хоть Понтий радуется. А я, например, и не знаю, что со всем этим делать. Свалилось, словно снег на голову! — изумленно произнес русич.

— Наймешь хорошего управляющего, и он будет вести твои дела, — ответил Луций варвару, который давно уже стал ему как родной.

Ратибор так и не признал римской одежды, поэтому выглядел, как... Впрочем, как

варвар, он и выглядел в своих кожаных штанах и длинной рубахе, подвязанной поясом, за которым торчал его боевой топор. Было ощущение, что он и спал с ним.

— Управляющего? А я и не подумал.

— Именно. Именно, Ратибор. На невольничьем рынке можно купить отличного раба грека или македонца, лучше грека. Или нанять кого-нибудь из вольноотпущенных.

— Не люблю рабов! — почесал бороду и нахмурился русич.

Луций только усмехнулся.

Море было спокойным и гладким, как стекло — сверкающая на солнце, сине-голубая бездна. На берегу, на небольшом камне сидел, опустив в прохладную воду свои босые ноги, человек. Одет он был просто, по-крестьянски, волосы его ровно опускались на плечи, но странно разделялись напополам: с одной стороны — черные, с другой — белые. Человек болтал ногами, периодически поднимал гладкую гальку и швырял ее в море. Та, пружиня, скакала по поверхности воды и исчезала во владениях Нептуна. Внезапно вдалеке прозвучали раскаты грома. Солнце мгновенно скрылось за густыми, черными облаками, и свет, который оно дарило людям, погас. Поднялся ветер, море задрожало, словно в ознобе, издалека к берегу покатались волны, и холод, поднявшийся из глубины, заставил незнакомца вытащить ноги из воды. По деревьям также прошло волнение, и они начали гнуться. Внезапным порывом ветер сорвал с кроны стоящего у берега дерева листву, и она с шелестом пронеслась мимо человека, заставив его обернуться. Он вздрогнул и отшатнулся назад: перед ним стоял Марк и пристально смотрел на него.

— Вижу, не ждал меня, Падший? А зря. Думал, я обойду тебя стороной?

— Надеялся, что так и будет.

— Как я могу забыть про тебя? Ты ведь знаешь: я помню каждую тварь. Кстати, это слово очень тебе подходит, — в этот момент яркая молния расползлась по небу огненным зигзагом и ударила совсем рядом с ними. — Как видишь, я не в очень хорошем настроении, — кончики губ Марка немного дернулись, изобразив на его лице улыбку, явно не предвещавшую ничего хорошего.

— Спрашивай. Таков мой удел, — склонил голову перед собеседником Падший.

— Ты сам сделал выбор. Долго думал, к кому примкнуть, вот и остался в чистилище. Я звал тебя к себе, он верил в твою преданность, однако ты посчитал себя хитрее всех. Но нет, Падший. Ты тварь, а тварь должна пресмыкаться, даже если это против ее воли. Зря он сохранил тебе жизнь! Как всегда, пожалел свое творение. А вот меня в последнее время очень раздражает тот факт, что его творения за своего создателя не особо переживают, и эта безответная любовь меня совсем не устраивает.

С каждым произнесенным словом Падший склонялся все ниже и ниже, пока не упал перед Марком на колени.

— Спрашивай, Анатас, брат создателя. Мой удел подчинятся.

— Михаил спрятал Корнелия, отца Луция?

— Ты сам знаешь ответ.

— Значит, он. Архангел стал хитер, как змей. Для чего?!

— Хочет остановить задуманное тобой, хочет, чтобы он встретился с сыном.

— Разве он сказал ему, кто я?

— Нет. Ты же знаешь: люди должны сами уверовать в вас. Никто не вправе нарушать договор.

— Где его найти?

— Я не знаю, прости, повелитель. Придет время, и он найдется сам, когда вернется за сыном. Следи за Луцием, и Корнелий попадет к тебе в руки. Он всего лишь человек, а людям свойственно совершать ошибки. Эмоции и чувства делают их слабыми.

— Все же интересно, чем Михаил забил голову этому старому воину? Очень интересно...

Марк махнул рукой, и Падший превратился в водяную статую, которая тут же обрушилась с брызгами вниз и скатилась ручьями в море.

В тени большого дуба сидел крепкий старик с косматой головой, густой бородой, лицом, иссеченным морщинами, и темной, загорелой почти дочерна кожей, которая словно отливала бронзовым оттенком. Он был одет бедно, но опрятно — наверное, поэтому солдаты и не обращали на него особого внимания. Щуря свои старческие водянистые глаза, он ловко доставал крепкими руками из походной сумы ячменный хлеб и, не спеша, отламывал от него кусочек за кусочком, клал в рот и долго жевал, явно наслаждаясь процессом. Его мускулистые руки были покрыты рельефными венами, которые, словно речные русла растекались по телу, а ладони представляли собой одну сплошную засохшую мозоль. Старик сидел у дороги, по которой то и дело проходили люди и проезжали повозки, дребезжа деревянными колесами, обитыми железом. Неподалеку рабы медленно и нехотя обирали оливковые деревья. Близился полдень, когда жара загоняет всех под навесы, в прохладу, вот они и тянули время в ожидании отдыха. Старик чему-то улыбался, а в его бороде застревали крошки хлеба. Он машинально стряхивал их и все смотрел и смотрел на уходящую за горизонт дорогу. Темная, бугристая, она извивалась змеей, и ее каменная кожа словно шевелилась под нарастающей с каждым часом жарой.

— Как ты думаешь, Корнелий, старость — это немощность и одиночество? Или все-таки долгожданная возможность подумать о деяниях своих?

— Я уже не знаю, Михаил, — узнав обратившегося к нему по голосу, ответил старик и, закрыв суму, поднял глаза.

— Решил сбежать? Думаешь, все пройдет само собой? Рассосется, как нарыв от занозы?

— Зачем ты меня спас, Михаил?

— Ты хороший человек, Корнелий. Да, ты совершал страшные вещи, но в глубине души ты всегда терзал себя за это. Воин, отец, крестьянин, даже раб — ты так и не сломался, как бы трудно тебе ни было. Ты нужен нам.

— Нужен кому? Почему ты всегда не договариваешь? Я каким-то чудом спасся из каменоломен, у меня оказалась вольная, ты помог мне добраться сюда, в Рим, и все это время я не задавал вопросов. Но мне нужны ответы, Михаил, нужны.

— Странно, по-моему, прежде ты не отличался любопытством!

— По-моему, прежде дело не касалось моего сына, которым восторгаются одни и которого проклинаят другие! Ведь ты же хочешь остановить его, не так ли? — поднимаясь и багровея от приступа злости, спросил Корнелий.

— Да, и впрямь гораздо проще перековать мечи на орала, чем сделать из воина пахаря. Просто помоги мне, поговори с сыном. Поверь, его нужно остановить.

— Для чего? Посмотри, кто я и кто он. Зачем мешать ему? Луций проживет жизнь, не нуждаясь ни в чем, как успешный и знатный человек, а не как прожил свою жизнь я. Я видел его во время триумфа, я видел их всех! Чего еще может пожелать отец, как не блага своему

чаду?

— Его благо добыто кровью и страданиями других, и число этих несчастных будет расти и впредь, если ты не остановишь его.

— Кто-то всегда будет страдать!

— Ты прав, но все должно идти своим чередом, а твой сын — феномен, ошибка, на которой он хочет построить кровавое царство, чтобы изничтожить весь род людской. Как ты не поймешь этого?

— Кто он? И кто ты? Объясни мне!

— Объяснить? Иногда, Корнелий, нужно просто уверовать в то, что тебе говорят. Если ты действительно желаешь добра своим сыновьям, помоги нам.

— Сыновьям? Маркус жив?!

— А с чего ты решил, что он мертв?

По дороге, стуча калигами[1] и гремя вооружением, прошли солдаты — те самые, которых Корнелий видел во время триумфа. Человек пятьдесят, может, чуть меньше, все в черных латах, начищенных до блеска так, что солнце переливалось на них белыми бликами. Во главе отряда шел центурион. Его красный, словно закат, поперечный гребень мелькал маяком впереди воинов. «Великолепный ориентир в этом черном облаке. Тут явно офицера не спутать ни с кем другим», — подумал Корнелий, отвлекшись на мгновение от собеседника. Вслед за центурионом его взгляд привлек всадник в странном варварском одеянии, здоровый, как бык, который уверенно сидел в седле, держась за поводья одной рукой. Из-за пояса у него торчал топор. Его лошадь резво перебирала ногами и гулко цокала по каменной мостовой. Всадник с брезгливостью посмотрел на Корнелия сверху вниз. «Все они на одно лицо», — подумал старик и собрался продолжить разговор, но, когда он обернулся к Михаилу, того словно и не было. Только могучий дуб зашелестел своей кроной, а в небо взлетел белоснежный голубь, поднимаясь все выше и выше, пока совсем не исчез в облаках.

Луций сидел на большом пне и, вытащив меч, вращал его, уперев острием в камень. Целый месяц он не мог принять решение и все обдумывал, как ему поступить. Как всегда, решение за него принял Марк — неделю назад, в римской бане. Термы — идеальное место, чтобы тело отдохнуло, а ум прояснился.

«Кажется, Марк знает ответы на все вопросы. Когда я сообщил ему о соседях отца и том, что они совершили, он сказал, что в самом преступлении уже заключено наказание. Прекрасные слова! Их нужно запомнить», — думал Луций, вращая клинком и глядя на то, как острое лезвие со скрежетом прокручивается в камне.

— О чем размышляешь? — послышался позади голос Сципиона, и Луций вздрогнул от неожиданности. — Смотрю я на твой задумчивый вид, и даже мешать тебе не хочется. На вот, держи, — протянул он воспитаннику свернутый пергамент.

— Все удачно?

— По-другому и быть не может. Ты же знаешь: если где-то прибыло, значит, где-то убыло. Император может наградить, а может и наказать. Внезапно нашлись люди, которые подтвердили, что Катон и Птолемей пытались поднять мятеж против Тиберия, а он не прощает такого. Тем более, когда одариваешь одних, приходится пополнять свою казну за счет других. Политика, Луций, политика. Там, наверху, чем больше врешь, тем больше тебе верят. Точнее, делают вид, что верят. А когда отнимаешь у одних и отдаешь другим,

счастливицам нет дела, откуда это добро взялось. Халява — это для них святое. Так что действуй. С этим документом ты можешь сделать с ними все, что угодно. Они враги государства, а ты на себе испытал, что это значит. Помнишь, надеюсь, как они этим воспользовались?

Луций резко поднялся и вложил меч в ножны. Голова змеи с рукояти смотрела на мир своими драгоценными глазами, поблескивая в солнечном свете, словно живая, — казалось, она вот-вот зашипит и укусит. Ярость, словно болезнь, пожирала тело Луция изнутри. Сципион улыбнулся, чувствуя это, и положил руку ему на плечо.

— Они не пощадили вас, помни это.

Луций сжал зубы и кивнул. Вдруг он увидел вдалеке облачко пыли, которое становилось все заметнее и заметнее.

— Наконец-то, — разглядел он во всаднике Ратибора. «Хорошо, что я взял только русича и оставил парней. Все-таки это больше мое дело, а не их. А этому варвару все равно, кого убивать, — для него мы и сами варвары! Русич предан, как пес, но всегда себе на уме. Никогда не поймешь, о чем думает этот громила, который ни смерти не боится, ни самого Юпитера! Ему вообще плевать на наших богов! Одно лишь желание у него осталось — отомстить за отца, а все остальное побоку! Хотя странно. Как-будто я только что сам себя описал», — задумался Луций, глядя на подъезжающего к нему Ратибора.

Русич спрыгнул с коня и крепко обнял Луция — так крепко, что у того захрустел позвоночник.

— И я рад тебя видеть, дружище, — еле вздохнув, прошипел Луций.

Ему на мгновение показалось, что он попал в лапы к медведю, впрочем, к таким встречам он уже привык: Ратибор всегда именно так его приветствовал. Видимо, в далекой Скифии (или откуда он там?) так принято.

— Приветствую вас, командир, — послышался голос центуриона.

Офицер ударил себя в грудь кулаком, после чего его рука взметнулась вверх. Луций кивнул ему в ответ. «Настоящий солдат: выправлен, доспехи начищены, красное оперение шлема бьет по глазам. Хочется смотреть и смотреть на него. Он действительно хорош, как и его солдаты. Точнее сказать, мои солдаты! Это мои солдаты!», — ненадолго задумался Луций, оглядывая офицера, и затем вновь перевел взгляд на русича.

— Ну, что творить будем?

— Наведаемся к одним моим старым знакомым, точнее сказать, к знакомым моего покойного отца. Передам им привет от него из преисподней!

— Это пожалуйста! А почему ребят не взял?

— Не их дело, мое.

— Как скажешь.

Луций окинул взглядом окрестности: повсюду поля, неподалеку развалины, в которые превратился дом Мартина, а где-то вдалеке — забор и дерево, то злосчастное дерево, сыгравшее роковую роль в судьбе сестер его друга. И остаток пня, на котором он и сам когда-то сидел. Именно за ним прятался старый Помпей, вглядываясь в лица детей и своей любимой Ливии. Теперь нет ни Помпея, ни семьи Мартина, дом и тот разрушен и сожжен. Все это теперь принадлежит Птолемею. А чуть дальше видны пастбища Кристиана, Ливерия и его отца, которые присвоил Катон. Луций смотрел на все это, но видел только верхушку айсберга. На самом деле, знал он немного. Точнее сказать, ничего не знал — ни про пень, ни про забор и дерево, которое до сих пор растет на прежнем месте. Он понимал лишь одно:

наказание должно быть приведено в исполнение, и его рука машинально легла на голову змеи, будто та просила приласкать ее и накормить. Снова в памяти мелькнули бледное лицо Юлии, гулкие шаги Сципиона по мраморному полу, алая кровь: кап, кап, кап... И слова умирающей: «А я все бегу и бегу, бегу и бегу, а забор... Забор высокий, а я бегу». Рука сжимала рукоять меча все сильнее, пальцы похрустывали, Ратибор что-то говорил, но Луций его не слышал. Он смотрел вокруг бессмысленным и страшным взглядом, а в его голове раздавались лишь шаги, капли крови и тихие слова. Сципион улыбнулся, чувствуя злость Луция, словно зверь, который чует страх человека. Он понимающе кивнул головой и хлопнул воспитанника по спине, напутствуя его этим жестом и убеждая в том, что тот все делает правильно. Луций одним махом запрыгнул на коня, поднял руку и указал вперед. Солдаты беспрекословно последовали за ним. Сципион остался один, провожая их взглядом, и только когда легионеры скрылись из вида, рядом с ним послышался ровный, по обыкновению спокойный голос Марка.

— Все идет по плану?

— Да, милорд. Как прошла встреча с Падшим?

— Скользкий тип, каким он всегда и был. Иногда мне кажется, что он ведет собственную игру.

— Все равно не понимаю, господин, для чего нам нужна эта человеческая самка? — с явным отвращением проговорил Абигор.

— Человеческая самка? Прекрасно сказано! Ты даже не представляешь, на что способны люди ради своей страсти, которую они принимают за любовь. Поверь мне, самка пригодится в нужный момент, а если он не настанет... — Марк повернулся к своему слуге и улыбнулся так, что тому все стало понятно без лишних слов. — Чудо всегда требует хорошего просчета и логически выстроенной цепочки взаимодействий. В это хитросплетение неизвестных неплохо будет подставить свое значение. Так что, Абигор, чудеса надо планировать заранее, чтобы потом удивить и победить. Война — это не кто кого быстрее перебьет, а кто кого передумает. И мой брат — очень хороший соперник в этой игре людскими судьбами.

Катон стоял возле своего поместья и, приложив руку ко лбу, чтобы не слепило солнце, взглядывался в густые клубы дыма, поднимавшиеся со стороны владений Птолемея. Изредка моргая и спокойно дыша, он рассматривал черное облако, уходившее высоко в небо. Казалось, что неподалеку от его дома пробудился сам бог кузнечного дела Вулкан и, раздувая пламя в своей кузне, принялся ковать. «Интересно только, что?», — пронеслось в мыслях Катона, и он окликнул одного из своих рабов, которые толпились рядом с ним, вытягивая шеи в попытках лучше разглядеть, что же там горит.

— Беги к Птолемею и узнай, что происходит. Если нужна помощь, сразу ко мне! А вы чего встали?! Работы что ли нет?!

Надсмотрщик сразу начал разгонять собравшихся, раздавая тумаки и злобно матерясь. Рабы, сгорбившись, расползлись по поместью и принялись выполнять свои обязанности. Хитрые и ленивые, они напоминали маленьких детей, которые думают, что их обман и проказы никто не заметит, и досадуют, когда шалости неизменно пресекаются взрослыми. Катон еще какое-то время посмотрел на черный дым и затем с тяжелым сердцем ушел в беседку, густо обвитую лозой винограда. Там, на столе, стоял запотевший кувшин из начищенной меди. Прозрачные капли то и дело скатывались по нему, оставляя вертикальные

дорожки, касались стола и исчезали, растекаясь под сосудом. Раб, видимо, совсем недавно принес прохладную фруктовую воду, и Катон с радостью отхлебнул прямо из кувшина напиток — настолько холодный, что у него свело зубы, и, кажется, даже виски на мгновение застыли.

Примерно через час вернулся посланный к соседу слуга-нумидиец. Он бежал с обезумевшими глазами, что-то в панике кричал на своем языке и махал руками. Катон медленно приподнялся, опираясь на стол, и раздраженно проорал:

— Что?! Что ты орешь?! Говори по-человечески, а не на своем животном наречии! Я не понимаю твой псиный разговор!

— Там солдаты и всадники! Их много, и они идут сюда, к нам! — немного успокоившись и перейдя на латынь, объяснил раб.

— Какие еще солдаты?! Патруль? Сборщики налогов?! Хотя для них еще рано, — сам себе ответил Катон.

— Нет! Нет! Они странные, я никогда таких не видел! Все одеты в черные доспехи и движутся к нам!

Катон поспешно вышел к дороге. Вдалеке, действительно, были видны воины, возглавляемые двумя всадниками. Воздух дрожал над раскаленной землей, искажая их силуэты: казалось, будто они выползали из подземного царства Плутона. Катон смотрел на солдат, словно под гипнозом, пока те не подошли совсем близко. Он уже разглядел, что первый всадник — тот, что был в римских доспехах — держал в руках что-то круглое и черное. Второй выглядел, как варвар. И точно варвар: огромный, скачет уверенно — наверное, вырос в седле.

— Что им нужно, мать их подери?! Сходи, прими поводья!

Катон толкнул в шею нумидийца, а сам пристально смотрел на военных. Раб трусцой побежал вперед, но как только он оказался рядом с варваром...

— Твою мать... — протянул хозяин имения, видя, как Ратибор мгновенно выхватил топор и, не спешиваясь, вонзил острие в голову несчастного нумидийца.

Раздался отчетливый хруст черепа, который раскололся, как лопнувший арбуз. Катон оторопел. Жар опалил его лицо, а по телу разлилась предательская мягкость. Варвар резким движением извлек оружие из раны, и раб замертво упал на пыльную дорогу. Вторым всадником, римлянином, что-то прокричал центуриону, тот остановился, отдал команду, и солдаты тут же бросились врассыпную, вытаскивая мечи из ножен. Катон продолжал стоять в оцепенении, не понимая, сон это или реальность. Когда всадники подъехали совсем близко, римлянин кинул что-то к ногам Катона. Тот зажмурился в ожидании смерти, а потому лишь услышал, как это что-то глухо упало на землю и, подпрыгивая, словно мячик, неуклюже покатило по неровностям. Землевладелец стоял, не разжимая век, слушал тяжелое дыхание лошадей, чувствовал запах конского пота и понимал только одно: он пока еще жив. С трудом пересилив охвативший его страх, Катон открыл глаза и в ужасе отшатнулся назад: у его ног лежала обезображенная голова Птолемея. Римлянин спрыгнул с коня, его доспехи и руки были в крови, словно он только что вышел из самой гущи сражения. Подойдя к Катону, он пристально посмотрел ему в глаза. Тот робко отвел взгляд, боясь даже дышать, не то что шевелиться.

— Меня зовут Луций Корнелий. Я сын Гая Корнелия Августа. Надеюсь, ты не забыл имя моего отца! — хватая несчастного за шкуру и притягивая к себе, проорал римлянин, глядя на соседа обезумевшими глазами.

В это время конь русича зашел Катону за спину, и хозяин поместья невольно съезжился, ожидая, что варвар расправится с ним так же, как и с рабом. Между тем солдаты вытащили всех на улицу и согнали в кучу. Люди стояли в окружении воинов, будто стадо баранов. Как приговоренный на заклание скот, они нелепо моргали и безмолвно оглядывались вокруг, не понимая, что происходит.

— В чем меня обвиняют? — пересохшими губами совсем тихо спросил Катон.

— Что? — в глазах Луция промелькнуло недоумение.

— В чем меня обвиняют?

— В предательстве, Катон! Или ты думал, тебе сойдет с рук то, что ты сотворил?! Думал, разграбить имение своего соседа и друга было хорошей идеей?! Думал, я сдохну вместе с братом и матерью, а отец никогда не вернется из похода?! Ты просчитался! — схватив Катона за волосы, начал орать Луций. — Один мой хороший приятель говорит: «Каждому воздастся по заслугам его!». Ты хочешь знать, в чем тебя обвиняют?! Вот твой приговор! На! Жри! — Луций достал сложенный документ и принялся запихивать его в глотку Катону, отчего тот давился и хрипел. — Жри! Жри! — заталкивая пергамент все глубже, орал Луций, пока Катон не вырвался и не упал. — Обвинения захотел?! Можешь прочесть, подписано самим Цезарем! Ты пытался поднять мятеж!

— Это неправда!

— А разве правда, что мой отец — предатель и трус?! Разве правдой вы руководствовались, когда пришли в наш дом?! Вам было наплевать на истину, вы просто хотели нажиться на чужом горе! Теперь и мне плевать на то, что все это неправда! — Луций подошел к людям, которых солдаты держали в оцеплении, и спросил: — Среди вас есть рабы, прежде принадлежавшие Гаю Корнелию Августу?!

Над толпой показалась одинокая рука. Она медленно поплыла над головами, и вскоре из людской массы появился поднявший ее старик.

— Я раньше работал у него.

— Ты один?

— Да, господин, я один.

— Хорошо. Центурион, этого старика в мое имение. Переодеть, накормить и сказать управляющему, чтобы тот поставил его на самую легкую работу.

— Командир, а что с остальными?

— Вздернуть всех! А ты, Катон, будешь наблюдать за этим, а потом я лично займусь тобой!

Медленно и торжественно к Ромулу вышел Понтий. На нем была белоснежная тога — настолько ослепительная в своей белизне, что при взгляде на нее слезились глаза. Понтий старался держаться прямо, рядом с ним шел раб, который помогал ему спускаться по ступеням, придерживая под руку. Прислуга никого не пускала к своему хозяину, и поэтому Ромул ожидал у входа. Увидев друга в таком виде, он негромко усмехнулся. Наблюдать за тем, как здорового мужика придерживают за ручку, словно нежную девицу, было и впрямь смешно, особенно если вспомнить, как еще совсем недавно этот «немогущий» рубил варваров направо и налево. В таком виде Понтий казался Ромулу нелепым, даже глупым, но тот и не думал о впечатлении, которое производит: быть богатым и знатным нравилось ему с каждым днем все больше и больше.

— Приветствую тебя, Ромул! — словно актер, играющий роль, произнес Понтий, слегка

приобнимая друга.

— И я рад тебя видеть. А к чему весь этот пафос, Понтий?

— Тише, — склоняясь к уху Ромула, произнес он. — Мои рабы и слуги должны знать свое место и осознавать мое величие.

— А-а-а... Понятно, — принимая серьезное выражение лица, кивнул Ромул.

— Так зачем ты пожаловал?

— Луция не видел? В лагере сказали, что он взял солдат и отправился куда-то вместе с Ратибором. Я один не в курсе, что он задумал, или это для всех осталось секретом?

— Не знаю, он весь месяц был сам не свой. Да и кто знает, что у него на уме? — ответил Понтий, пожимая плечами. — Пойдем, мне привезли отличное вино из Испании, прекрасный вкус! Пойдем, пойдем, Ромул, отказа я не приму, — он щелкнул пальцами, и один из рабов быстро, почти бегом умчался за расхваленным напитком. — Ко мне вчера приходил Асмодей. Я обсуждал с ним вопрос о своей будущей должности. Хочу попробовать себя на государственной службе. А что? Стану сенатором, займу должность принцепса или трибуна, прокуратора, наконец. Марк обещал помочь, я уже вел с ним беседу на эту тему, и он одобрил мое стремление. Не вечно же мне довольствоваться подачками от Луция! — рассмеялся он.

«Эка тебя занесло, Понтий. Один к Марку со своими идеями, без Луция, без нас. Странно все это... Всего-то ничего прошло, а как он изменился. Впрочем, он всегда был падок на богатство и славу. Вот только понимание славы у него какое-то особое, извращенное», — пронеслось в голове у Ромула.

Пламя быстро поглощало строение, перекидываясь с одного перекрытия на другое. Жадно похрустывая, огонь радостно и игриво пожирал сухое дерево. Он то яростно взмывал вверх яркими всполохами, то поднимал в воздух темный дым и куски пепла. Красное зарево отражалось в глазах Луция, дрожа на зрачках. Неподалеку от пожарища росли оливковые деревья, на них, словно ужасное украшение, болтались повешенные, чьи тела монотонно и скорбно раскачивались на ветру. Последний несчастный был вздернут совсем недавно, и его ноги еще судорожно дергались под кроной. Солдаты сделали свое дело и теперь не спеша собирали оружие.

— Как ты думаешь, Катон, это справедливое наказание за то, что ты совершил? — спросил Луций, медленно вынимая из ножен меч.

Бывший друг Корнелия стоял с бледным лицом и дрожал от страха. Его глаза замутнели парфянским стеклом, в них застыл смертельный ужас.

— Молчишь? Странно. Когда вы — ты и твой друг Птолемей — пришли к нам, то вели себя гораздо более активно. Что, Катон? Каково тебе находиться в роли жертвы? — Луций схватил его за локоть и развернул к себе лицом. — В глаза мне смотри! В глаза! Как же я вас всех ненавижу...

Лицо Катона дрогнуло, и на нем застыла странная, перекошенная гримаса. Он хотел было сделать шаг назад, но Луций подался к нему, и из-за спины Катона, разрезая одежду, показался острый окровавленный клинок.

— За поруганную честь моего отца и за мою семью, — тихо прошептал ему на ухо Луций и оттолкнул от себя.

Катон упал на землю и заворочался на ней, словно червяк, которого выкопали из навоза. Он стонал и извивался от боли, закрывая руками вспоротое брюхо.

— Добить, может? — сухо бросил Ратибор.

— Сам сдохнет! Не заслужил он легкой смерти.

Неподалеку что-то зашевелилось в кустах. Центурион бросился туда с двумя солдатами и вытащил мальчишку лет двенадцати. Паренек был до смерти перепуган, по его одежде было понятно, что он не раб. Когда его подвели к Луцию, мальчик увидел катающегося по земле и стонущего от боли человека и горько заплакал. Стало понятно, что это сын Катона.

— Вот! Прятался! — пихая его вперед, доложил центурион.

— Это твой отец? — кивнув на Катона, поинтересовался Луций. Парень с ужасом в глазах закивал головой. — Да, не повезло тебе с родителями.

Издали на Луция смотрел горбун, от которого несло холодом смерти. Он сверкал своими разными глазами, скалился во весь перекошенный рот и, казалось, одобрял все то, что Луций сделал и что еще только собирался сделать. «Мираж. Наваждение. Опять он. Что это?» — пронеслось у Луция в голове. «Убей мальчишку! Убей, он отомстит тебе, когда подрастет! Убей! Ты же отомстил, и он отомстит! Покончи с их родом! Они не убили вас с матерью лишь потому, что не нашли!», — словно откуда-то из подсознания прозвучал знакомый голос, и рука крепче сжала меч, на котором еще не остыла кровь Катона.

— Как тебя зовут? — спросил Луций у мальчика, закрыв глаза, будто боясь взглянуть на него. Его мысли внезапно заполнило воспоминание о том, как много лет назад он и сам с матерью бежал и прятался. Огонь хрустел и щелкал. Стон медленно умирающего Катона и мерзкий голос горбуна, доносившийся из глубины его естества, прервали всплывшие в памяти слова: «А я все бегу и бегу...».

— Варфоломей... — дрожащим голосом произнес парень.

Луций открыл глаза и не по-человечески посмотрел на него. Внезапно в его голове все стихло, а в теле возникло ощущение внутренней пустоты. Рука сжала меч, пальцы заиграли на рукоятке.

— Беги, Варфоломей. Беги, — еле выдавил из себя он.

Парень стоял и смотрел на него испуганными глазами, не понимая, что нужно делать.

— Беги-и-и!!! — резко сделав шаг вперед, заорал Луций так, что его лицо покраснело, а на шее вздулись вены, образуя дикий узор.

Мальчишка сорвался с места и бросился наутек. Оттолкнув солдата, он быстро скрылся из вида. Луций наблюдал, как парень исчезает в оливковой роще, пробегая мимо повешенных. Трясущаяся рука наконец-то отпустила рукоятку меча, в глазах стояла красная пелена, а вокруг воцарилась страшная тишина, даже Катон перестал стонать и затих. Стало легко. То ли от того, что перестали жить его обидчики, то ли от того, что он не убил мальчика. Тело болезненно знобило. Ратибор что-то говорил, но его слова утопали в окружившей Луция тишине.

— Луций, ты меня слышишь? Эй! Луций! — прорезался в его голове голос русича. Затем совсем уже четко и громко до него донеслось: — Луций, ты слышишь?!

— Да, Ратибор, слышу.

— Зря парня не убил. Вырастет — отомстить сможет.

— Собираемся! — пропустив слова друга мимо ушей, крикнул центуриону Луций. — Оставь охрану. Несколько человек будет достаточно. Остальные в лагерь, пускай пришлют повозки: все добро — в государственную казну. Мертвецов с петли не снимать! Другим урок будет! Уходим! — распорядился Луций и вскочил на коня.

[1] Солдатская обувь, подошва которой плотно подбита гвоздями.

На горизонте разгорался алый закат, и тяжелый, жаркий воздух Северной Африки постепенно сменялся ночной прохладой. Из-за черно-фиолетовых туч, освещающая просторы, лениво выползала луна. Рядом с огромной финиковой пальмой стоял человек, его рослое, жилистое, излучающее силу тело было облачено в римскую одежду. Он опирался рукой о ствол дерева, вглядывался в яркий диск ночного светила и о чем-то размышлял. Неподалеку стреноженный конь мирно щипал траву, изредка фыркал и тряс гривой. Человек смотрел на небо большими черными глазами, словно хищник, затаившийся перед броском. Его смуглая кожа, начисто выбритая голова и небольшая кудрявая бородка с усами на суровом лице выдавали в нем чужестранца. Вдали раздался вой шакала: зловещий звук протяжно разнесся по долине, откликаясь отовсюду тысячекратным эхом. Едва он стих, как позади незнакомца послышался обращенный к нему голос:

— Думаешь, Такфаринат, твой народ достоин большего? Молишься луне? Станный способ освободить своих людей от римского гнета.

Такфаринат резко обернулся и ловко приставил к горлу неожиданного собеседника кинжал, который отчетливо блеснул в лунном свете.

— Кто ты? Откуда ты знаешь мое имя? — оглядываясь по сторонам, тихо проговорил он.

— Тише, тише. Убивать легко, созидать намного труднее. Я пришел к тебе с миром, — спокойно сказал незнакомец в римской одежде.

— Ты не ответил на заданный мною вопрос, — Такфаринат еще сильнее прижал холодное лезвие к горлу.

Его черные глаза не выражали ни страха, ни растерянности: воин в любой ситуации остается воином.

— Меня зовут Анатас, но лучше зови меня Марк. Сегодня это имя гораздо лучше подходит для общения, — произнес незнакомец на чистом нумидийском языке.

— Ты знаешь не только свою латынь, римлянин? — удивился Такфаринат и медленно опустил клинок.

— Я знаю много языков, — улыбнулся Марк.

— Кто ты?

— Я же сказал: зови меня Марк, а в то, кем я являюсь на самом деле, ты все равно не поверишь, да и не поймешь этого.

— Зачем я понадобился тебе, Марк?

— О, нет, мой любезный нумидийский друг, тут ты ошибаешься. Не ты мне понадобился, а я тебе. Не я мечтаю освободить свой народ от проклятых римлян. Я знаю, что тебе уже осточертело служить в их армии. Служить во вспомогательном отряде вождю племени мусуламиев не к лицу. Да и не я, в конце концов, прошу у божественной луны помощи в борьбе с ненавистными захватчиками. Хотя просить помощи у бездушного светила все равно, что молиться в отхожем месте на собственные испражнения. А вот обратиться за помощью ко мне куда более эффективно.

— Ха-ха-ха! А ты мне нравишься, римлянин! — пряча кинжал в ножны, рассмеялся

нумидиец.

— Я всем нравлюсь до поры до времени. Я как огонь, который манит мотыльков на свет — яркий, красивый и смертельно опасный.

— Мне плевать, кто ты, римлянин. Если ты сможешь помочь мне, я буду этому несказанно рад, и мне безразличны твои интересы в этом деле. Для меня главное — освободить свой народ от вас, от вашей проклятой римской демократии, от ваших законов и судов, которые все выворачивают в вашу пользу.

— Ты говоришь, как Арминий, Такфаринат. Вы все словно скопированы друг с друга.

— Это еще кто?

— Неважно. Важно вот что, — Марк достал из-за спины увесистый кожаный мешочек и с легкостью бросил его в руки своему собеседнику. — Здесь золото, так вами любимое. Его достаточно для того, чтобы сформировать и хорошо вооружить неплохой отряд. Думаю, это будет несложно, поскольку ты пользуешься уважением среди своих воинов и сородичей. Остальное ты получишь, разграбляя обозы римлян и нападая на их небольшие гарнизоны. Собрав достаточную армию, ты сможешь освободить свой несчастный народ, а сам станешь их царем. На самом же деле ты хочешь именно этого, не правда ли?

— Не знаю, что ты задумал, Марк, но я удивлен тебе. Интересно, что я должен буду сделать, чтобы отблагодарить тебя?

— Я торговец, мой друг, просто торговец. Я многое слышал о тебе, давно наблюдал за тобой и подумал: почему бы мне не помочь этому человеку? Ведь его желания велики, а амбиций хватит на сотню жизней. А взамен мне нужен один пустяк, сушая глупость.

— Интересно знать, какая? — поигрывая мешочком с драгоценным металлом произнес Такфаринат.

— Распусти слух о том, что ты когда-то очень давно был в лесах далекой Скифии и принимал участие в набеге на местного князя. Большого тебе знать не надо, а для меня и этого будет достаточно.

— Это все? — усмехнулся Такфаринат.

— Все.

— Ладно. Допустим, я согласен. Но мне все равно непонятно, отчего вдруг ты проявляешь такую щедрость и, главное, зачем?

— Предположим, я ненавижу римлян, как и ты. А быть может, я ненавижу всех вас, всех людей. Кто знает мысли безумца, если на его лице всегда надета маска порядочности и добродушия?

— Ты странный, Марк, очень странный.

— Поверь, я слышу это практически ежедневно. И думаю, буду слышать, пока вы существуете.

Такфаринат снова улыбнулся, затем окинул взором окрестности. Лунный свет пронизывал все вокруг, освещая пространство на сотни метров. Никого, кроме них двоих, здесь не было. Он пристально взглянул на собеседника.

— Глупая идея пришла тебе сейчас в голову, очень глупая. Лучше ступай и сделай то, о чем я тебе сказал. Я не могу вмешаться в твой выбор, но то, что ты задумал сейчас, может нарушить не только твои, но и мои планы, Такфаринат. И поверь мне, я буду тогда очень сильно расстроен, очень сильно, — монотонно произнес Марк зловещим и холодным голосом, каким, должно быть, могла говорить сама смерть.

Нумидиец скривил лицо и медленно убрал руку с рукоятки кинжала. Марк пристально

смотрел на него до тех пор, пока тот не оседлал коня и не исчез на необъятных просторах Северной Африки.

— Люди, люди... С вами так сложно и в то же время так легко! Достаточно подтолкнуть вас к мечте, и вы уже не думаете о том, для чего все это делается. Разозлив римлян, ты не освободишь свой народ, а навлечешь на него страшные бедствия. Арминий тоже подал мне руку в надежде подарить волю германцам. Ты, Такфаринат, такой же. Мысли о власти терзают вас. Только вопрос в том, зачем она вам, если вы смертны? С собой ее не заберешь, — тихо глядя в пустоту, произнес Марк, затем поднял голову, посмотрел на яркий серебристо-белый лунный диск и добавил: — Посмотри, как они хотят походить на нас. Некоторые даже приравнивают себя к нам. Тебе не кажется это смешным? Подумай, что они сделают с твоим сыном, если узнают, кто он? Люди думают, что они сами божественны. Разве они потерпят рядом с собой другого бога? Прощу: остановись, отдай их мне и не подвергай свою плоть и кровь ненужным страданиям!

Яркая луна затянулась черной тучей и, на глазах побагровев, превратилась в кроваво-красное пятно, погрузив все вокруг в непроглядную темноту.

— Упрямец. Ты словно ребенок, который верит в то, что родители идеальны лишь потому, что они его родители. Я переверну твои представления о собственном творении. Ты поймешь и осознаешь его истинную сущность, только будет уже поздно. Слишком поздно!

Луций, держа под левой рукой начищенный до блеска шлем, шагал по длинному коридору дворца Тиберия. Преторианцы, завидев его, расступались и салютовали, он слегка кивал им головой. Его парадные доспехи, черные с золотыми узорами, сверкали. Длинный плащ угольного цвета свисал до пола и покачивался при каждом движении. Луций шел, стройный и уверенный в себе, с твердым лицом, не выражавшим никаких эмоций, и только его чеканный шаг разносился эхом по дворцу, оповещая всех о том, что к Цезарю идет генерал Черного легиона. Рабы и вольноотпущенники, когда он проходил мимо них, прижимались к стенам, страшась поднять на него глаза. Все были наслышаны о крутом нраве этого человека. В свои молодые годы Луций добился неслыханных успехов. Его боятся, его уважают, его знают, и он командует гвардейским легионом отборных римских головорезов. Перед покоями императора расступились два рослых гвардейца — германцы, здоровые и могучие, с белыми волосами и голубыми глазами, близнецы, словно отражение друг друга: в Риме любили все необычное. Ходили слухи, что однажды на арену Колизея для травли привезли настоящего белого медведя. Центр мира, что тут скажешь!

— Приветствую! — при виде императора Луций поднял вверх руку.

Тиберий, мрачный, словно дождевая туча, недовольно кивнул в ответ. Позади него стоял Марк и слегка улыбался уголками губ, так чтобы «властелин Рима» не видел его довольного лица.

— Пришел? Это хорошо, — потер переносицу Тиберий.

Впрочем, его лицо не выражало радости. По тому, как Цезарь пристально, исподлобья смотрел на него, Луций понял, что разговор будет серьезным. За стенами дворца бурлила дневная суэта, проносилась жизнь, полная красок, резко контрастируя с тишиной и спокойствием императорской резиденции. Два близнеца-германца неподвижно стояли у входа, словно вырезанные из мрамора, органично вписываясь в обстановку. Луций с презрением смотрел на них и не понимал, почему покои Цезаря охраняют не его солдаты, а эти светловолосые варвары. Разве все забыли, как Рим жестоко поплатился за доверие,

оказанное Арминию? Но Луций — солдат, а солдату не пристало задавать лишних вопросов, и он их не задавал. Пока не задавал.

— Ты, наверное, знаешь, для чего я вызвал тебя.

— Да, Цезарь, я слышал о восстании в Северной Африке.

— Храбрый, удачливый, да еще и смысленый? Пугающее сочетание качеств для полководца. Или я не прав, Марк? — шмыгнул носом и недовольно скривил лицо Тиберий.

— Лучше иметь дело с таким человеком, чем с ослом.

— Осел, Марк, хоть и упрям, но не имеет клыков. А ты, Луций? У тебя есть клыки?

— Для врагов Рима, великий Тиберий, у меня есть не только клыки, но и копыта!

Прикажите, и я втопчу ими негодных в самые недра преисподней!

Марк остался доволен таким ответом: беседы, проведенные с Луцием, пошли тому на пользу. В политике нужно не только храбро, словно лев, бросаться на врага, но и иногда прикидываться ослом, до поры до времени. Римские чиновники и политики, напротив, были готовы сделать для своего императора и армии буквально все, лишь бы не прослыть ослами. Они болтали сутками без перерыва, но даже не утруждались вникнуть в то, о чем ведут речь. Луций же прекрасно усвоил советы Марка. Теперь он отчетливо понимал, что понятия о свободе у овцы и у волка совершенно разные.

— Втоптать? Прекрасно. Просто прекрасно, — хлопнул Луция по плечу Тиберий. Некоторое время он стоял неподвижно и размышлял. Его глаз немного подергивался, будто под веком находилась маленькая пружинка. — Ну, так вот! Бывший наш союзник, вождь мусуламиев Такфаринат, нумидиец по происхождению, был солдатом римской армии, служил во вспомогательных войсках и дезертировал. Не знаю, на какие средства, но он собрал неплохое войско и обучил его на римский лад! Понимаешь, Луций?! А теперь к нему присоединились вожди некоторых других племен, а также местные бедняки. Фурий Камилл и Луций Апроний уже дважды разбивали его армию, но он, словно мифическая Гидра, не только не погибает, но и отращивает себе все новые и новые головы!

— Предательство становится в Риме рядовым явлением. Печально, — тяжело вздохнул Марк.

— И этому нужно положить конец! Все враги должны содрогнуться от нашего возмездия!

— И для этого вам нужен я? — усмехнулся Луций.

— Именно. Хотя ты должен понять: тебе будет очень трудно. Тебя будут ненавидеть за твое положение, за мою доброту к тебе, за то, что я позволил тебе возглавить Черный легион. И тебя будут презирать за то, что ты будешь делать. Там другие нравы, совсем другой мир, одним словом, чуждая нам, неведомая Африка.

«Доброту? О чем это он?! Наверное, о той доброте, которую он проявил к моей семье, к моему отцу? Оказывается, это теперь называется добротой. Прирезать бы тебя прямо здесь и сейчас, как ничтожного куренка», — пронеслось в мыслях Луция. Он посмотрел на Цезаря неживыми глазами, не выражающими ни эмоций, ни сожалений, ни чувств.

— Я думаю, Луцию стоило бы дать особые полномочия, закрепленные вашей подписью, великий Цезарь, — Марк подошел ближе к Тиберию.

— Если вы хотите, чтобы я справился с этой проблемой быстро и так, как я умею, мне нужны такие полномочия, чтобы ни один чиновник, ни один наместник не мог мне прекословить. Мне нужна там полная власть — подобная той, которой здесь обладаете вы, — продолжил мысль своего покровителя Луций.

Даже сам Марк удивился его дерзости. Тиберий скривил губы и часто заморгал. Красные пятна гнева пошли по его лицу и шее. Мальчишка сейчас посягнул на самое ценное, что есть у него, — на власть. Поделиться ею для Тиберия все равно, что позволить плюнуть себе в лицо. Но Луций стоял спокойно и смотрел в его глаза прямо и уверенно, будто бы он не сказал ничего необычного.

«Молодец, малыш. Мои уроки пошли тебе на пользу. Скоро, совсем скоро...», — думал Марк, с улыбкой глядя на эту немую сцену.

Тиберий отвернулся и прокашлялся в кулак. Из открытого окна пахло розами, которые в изобилии росли перед дворцом. Марк наблюдал, Луций стоял и ждал. Цезарь что-то недовольно пробурчал, подошел к столу и взял перо. Его рука подергивалась, словно не хотела писать, но была вынуждена подчиниться. Император набросал несколько слов, затем отложил перо в сторону, поднял взгляд на Луция и пристально посмотрел ему в глаза.

— Что ж, генерал, не оплошай, — протягивая ему пергамент, произнес Тиберий с такой интонацией, что всем стало понятно: провала он не потерпит.

— Слава императору! — рука Луция ударила ему в грудь и взметнулась вверх.

Он развернулся на пятках и, чеканя шаг, вышел из покоев с заветным документом в руках.

— Знаешь, как зовет его мой племянник? — глядя в спину уходящему воину, обратился к Марку Тиберий, негромко, но отчетливо выговаривая каждое слово. Не дожидаясь ответа, он сам протянул: — Ма-а-ра.

— Бог хаоса и беззакония у германцев. Да, я слышал об этом.

— А еще он говорил мне...

Но Марк перебил его, громко рассмеявшись.

— А еще ваш племянник хотел посягнуть на вашу власть, и я сделал так, чтобы этого не случилось. Теперь он очень далеко от Рима и никогда больше не станет мешать вам. Доверьтесь мне, Цезарь, я еще ни разу не подвел вас. Луций сделает свое дело, уж я прослежу.

— Я надеюсь на это, Марк. Ты в ответе за него, ты и только ты. Да, и еще...

Но Марк снова опередил Тиберия, словно прочитав его мысли:

— Германик скоро перестанет вас волновать, все уже устроено.

— Надеюсь, меня это не коснется?

— Не стоит сомневаться в моих способностях, Цезарь.

Понтий сидел в тени эвкалиптовых деревьев возле небольшого фонтана, брызги которого приносили прохладу ему и Асмодею. На столе перед ними стояли вазы с разнообразными фруктами и кувшин с охлажденным вином. Толстяк стеснительно отказывался от угощения. Он сидел, сложив пухлые пальцы в замок на огромном животе, и слушал Понтия с приветливой улыбкой, а его маленькие, блестящие пороссячи глазки бегали, как заведенные.

— Мне надоело махать мечом, Асмодей, пойми это. Я не хочу оставаться в тени Луция. Он постоянно впереди. Луций, Луций, Луций. Только это и слышу! Ромул — тьюфак без своего мнения. Мартин после смерти своей семьи вообще из ума выжил! Видел бы ты, что он сотворил с теми сенаторами в Германии, — ужас! А Ратибор? Варвар, тупой пес, преданный до безумия своему господину. А мое место здесь, — Понтий обвел рукой вокруг.

— Все равно не пойму, чего ты хочешь?

— Власти! Я хочу управлять! Только не глупыми солдатами — это неинтересно.

— Может, ты хочешь управлять Римом вместо Тиберия? — засмеялся Асмодей, и его второй подбородок затрясся, подобно желе.

— Смешно. Хорошая шутка, — Понтий поднял чашу и сделал жадный глоток. — Я знаю, Марк может все, он приближен к Цезарю. Если Луцию приятно быть солдафоном — это его дело. Но я, я хочу быть среди них, среди высших сословий Рима.

— Высшие сословия Рима погубили ваши семьи. Или ты забыл об этом?

— Лес рубят, щепки летят. Я не собираюсь мстить, тем более не собираюсь расставаться с тем, что получил по заслугам. Того, что было, уже не вернуть. Главное — сберечь и приумножить то, что есть у нас теперь. А прошлым пускай живут другие. Я хочу прославиться в веках, как Юлий Цезарь! Как Александр Великий! Как Ганнибал Барка. Чтобы мое имя осталось в истории и прошло сквозь тысячелетия.

— Да уж, Понтий, мечты твои прекрасны. Правильно: зачем довольствоваться тем, что есть, когда можно взять больше. Я понял тебя. Думаю, мой хозяин сделает все возможное, чтобы твое имя прославилось, как ты того желаешь. Я передам ему все, о чем мы говорили. Только вот у меня остался к тебе последний вопрос.

— Какой, Асмодей?

— А вдруг ради этого тебе придется пожертвовать чем-то очень дорогим?

— Ха! — усмехнулся Понтий и снова сделал глоток вина.

— Я понял тебя. Прекрасно, просто превосходно, — улыбаясь и шевеля пухлыми пальчиками, произнес Асмодей.

Рассвет только что вступил в свои права, и земля стала приобретать прозрачные очертания, пробуждаясь от темноты. Нет, она еще не была залита золотисто-желтым солнечным светом: солнце пока пряталось где-то в укромном месте, будто стесняясь показаться людям. Большая спальня еще дышала теплом жаровен, в них догорали угли, многие из которых уже покрылись беловатой пепельной сединой. Занавеска слегка покачивалась из стороны в сторону, пропуская в комнату свежесть нового дня. Луций сидел на кровати и молча рассматривал, будто в первый раз, мозаику на полу. Ахиллес убивает Гектора — трагедия «Илиады». «Сильный всегда побеждает», — пронеслось в голове генерала. Всегда! Он поправил простыню на своем бедре. Его правая рука будто была обмороженной. Казалось, в нее воткнули тысячи иголок одновременно, и еще немного, и она отломится и разобьется об пол, совсем как в том страшном сне, где он убил странного человека, от которого веяло теплом и нечеловеческой силой. Луций вытянул руку вперед, сжал и разжал кисть. Она выглядела чужой, словно принадлежала кому-то другому. Кожа на ней была сплошь покрыта шрамами, так бывает всегда, когда сражаешься, — от порезов не спасают даже наручи на запястьях. Луций опустил взгляд ниже: на загорелом теле бледнела полоса — германская метка, которая чуть не прекратила его существование, если бы не Велиал. «Надо же, а ведь я даже не отблагодарил его. Надо навестить лекаря, все-таки два раза спас мне жизнь, а я... А что я?», — снова пробежали в голове мысли. Рука потянулась к лицу и нащупала еще одну отметину. Это подарок от Хлодвига. Первый враг, убитый в настоящем бою, один на один, — самый ценный, самый памятный. Внезапно мягкие и горячие руки обняли его тело, а жаркое дыхание остановилось совсем рядом. Поцелуй, еще и еще. По телу побежали мурашки. Луций невольно вздрогнул и улыбнулся.

— Ты опять проснулся очень рано. Снова кошмары?

— Снова. Не волнуйся, Мария, это всего лишь сны. Боги любят шутить с нами, когда мы спим.

— Ты же сам говорил, что не веришь в богов.

— Это я так, к слову. Если они и есть, то им глубоко плевать на все, что творится вокруг людей, да и на самих людей тоже.

— Зря ты так. Мне кажется, все предначертано. Например, наша с тобой встреча. Она произошла по их воле, — прошептала девушка Луцию на ухо, нежно глядя его по голове.

— Смешно звучит, если учесть, что ты племянница Марка.

Мария замерла, вздохнула и, слегка улыбнувшись, тихо произнесла.

— Марк — хороший человек, я многим обязана ему, даже встречей с тобой. Если бы...

Луций поднес палец к ее алым губам.

— Не надо, Мария, не говори ничего. Я и сам знаю, что без Марка мы бы не встретились, и уж если родная племянница ему многим обязана, то что уж говорить обо мне.

— Племянница... — с иронией прошептала она и опустила глаза.

Ее взгляд будто прожег Луция насквозь, а от ее улыбки у него перехватило дыхание.

— Ты скоро уедешь. Возьми меня с собой, я не хочу оставаться одна.

— Не могу.

— Почему?

— Я не очень хороший человек, Мария, и мне придется творить страшные вещи. Я не хочу, чтобы ты видела меня таким, какой я есть на самом деле.

— Я вижу, какой ты на самом деле, Луций. Тебе приходится так поступать, я знаю, но ты делаешь это вопреки себе. Зло порождает только зло, но я чувствую, что ты, возможно, один из самых честных и правильных людей на этой земле.

— Глупая моя, — усмехнулся Луций и поднялся с кровати. — Все здесь в твоём распоряжении. Я скажу Марку, чтобы он не беспокоился о тебе. Прости, но мне пора. Правда, пора, — он снова посмотрел на нее, лежащую на белой простыне, обнаженную и прекрасную. Сердце бешено заколотилось, а в голове снова мелькнула мысль: «Как будто я видел ее раньше. Но где? Племянница Марка, дурачина! Где ты мог еще ее видеть, как не у него?!». Он задумчиво хмыкнул и стал одеваться.

Соленый ветер и мелкие брызги, яркое солнце и ослепительной прозрачности море. По правому борту корабля поочередно выныривают из воды три дельфина.

«Хороший знак. По крайней мере, так говорят моряки. Они вообще суеверны», — думал Луций, наблюдая за тем, как дельфины взмывают в воздух и снова скрываются в морской глубине. Впереди виднелись стены Карфагена и пристань с сотнями кораблей. Повсюду шныряли небольшие лодки и прочие разномастные суденышки. По деревянным мосткам, словно муравьи, бегали люди — туда-сюда, туда-сюда. Воздух наполняли крики торговцев, а в глазах рябило от разноцветных одежд местного населения. Рядом с Луцием на палубе, склонившись за борт и издавая утробные звуки, словно изрыгая из себя внутренности, мучился бледно-зеленый Ратибор.

— Будь проклят ваш Посейдон! — сплевывая в воду и вытирая усы и бороду, ругался он.

— Это не наш, наш — Нептун! Посейдон у греков, — явно издевался над ним Мартин.

— Да какая ра.... Мать твою, разница! Человек должен ходить по земле, а не болтаться по морю на этих корытах!

— Потерпи, скоро причалим. Будет тебе твердая почва под ногами.

Город становился все ближе и ближе, а по мере приближения казался все более впечатляющим и необычным. К таким городам они еще не привыкли, Родная Италия осталась далеко позади, а здесь начиналась Африка, и все в ней было по-другому, даже воздух и тот казался сухим и жестким. Больше месяца назад Луций отправил Ромула в Карфаген с сотней отборных всадников Черного легиона, чтобы тот подготовился к их прибытию, а он сам, собрав провиант и погрузив остальных солдат на корабли Марка, выдвинулся вслед за ним. И вот теперь Луций смотрел на желтые стены города, который Рим когда-то ненавидел больше других, но который теперь принадлежали римской империи и ее народу — народу, что правил большей частью мира.

— Когда-то Карфаген был столицей финикийского государства, одной из крупнейших держав Средиземноморья. После Пунических войн он был захвачен римлянами и разрушен, но потом мы же и отстроили его заново! Прекрасное место, пересечение торговых путей, удобная гавань и пристань. Наверное, мы погорячились тогда, прислушавшись к словам Марка Порция Катона Старшего, который все свои речи в сенате заканчивал фразой «...я считаю, что Карфаген должен быть разрушен». Так и поступили! Глупцы! Сровнять с землей, чтобы затем отстроить вновь, — вот она, человеческая сущность!

— Луций... Я... Я... — Ратибор снова перевалился за борт, так и не успев закончить свою мысль. Мартин ржал по-лошадиному, глядя на эту картину. — Я восхищен твоими познаниями в вашей истории! Только поверь, мне глубоко... — Ратибор опять нагнулся к воде, — ...плевать на все это! Если бы я только знал, что испытаю на этой посудине! Лучше бы распяли! По-моему, на кресте и то легче! — он снова опрокинулся за борт.

— Мартин, хватит над ним потешаться! Лучше скажи, что там с Понтием?

— Извини, Ратибор, но ты похож на вулкан! Из тебя так и извергается лава! Я даже не знаю, откуда в тебе столько добра! Всю рыбу потравил в море! — хлопнув русича по плечу, снова рассмеялся тот.

— Да иди ты в задницу, Мартин! — сплевывая, с трудом произнес Ратибор.

— Ну, так что с Понтием?

— Да я его не видел. Он на другом корабле. Рассердился опять, что ты его с насиженного места сдернул. Орал, как сумасшедший, о том, что у него дел невпроворот. Что он не хочет больше жить в палатках и переносить тяготы военной службы. В общем, нес какую-то ахинею. Ты же его знаешь: он всегда так, а потом ничего, отходит. Тоже мне, аристократ нашелся. Из грязи в князи, и уже зазнался!

— Ясно. Ладно, поговорю с ним, как причалим. При всех его минусах он отличный командир. Вернемся в Рим, пускай делает, что хочет, а пока он мне нужен.

Тяжелые якоря с шумом и брызгами упали в море. Солдаты заполнили спущенные на воду шлюпки, и огромная людская масса начала переправляться на берег, где прибытия легионеров уже ожидали местные чиновники. Разномастно одетые и льстиво улыбающиеся, они кланялись Луцию, когда тот поднимался на пристань, а генерал всматривался в них, явно выискивая кого-то взглядом.

— Генерал Луций, пропретор Аппоний ожидает вас у себя, пройдемте, — заискивающе скалясь и нагибаясь в легком поклоне, произнес один из делегатов, по всем признакам местный вождь, продавший свою шкуру за римские монеты.

Луций смотрел на них с откровенной брезгливостью, считая их на порядок хуже северных варваров. Складывалось ощущение, что они вовсе не мылись, настолько мерзко от них разлило рыбой и потом. Генерал нахмурил брови и поморщился.

— Где Ромул? Почему он меня не встречает?

— Господин Ромул, скорее всего, в отъезде по делам. Мы вас проводим к пропретору.

— Почему Аппоний сам не пришел?!

— Слишком занят, господин, государственные дела. Сами понимаете, у нас беспокойно.

Меня зовут Зирид, мне поручено проводить вас до его резиденции.

— Было бы спокойно, меня к вам не прислали бы! Ратибор, Мартин, разбивайте лагерь неподалеку от города. Я отправляюсь на встречу с пропретором, который настолько сильно занят, что не может встретить представителя самого императора! — Луций презрительно плюнул под ноги вождю и пристально посмотрел ему в глаза. — Давай, веди!

— Может, сначала отдохнете?

— Может, наконец-то, закроешь рот и займешься делом?! Хорошо же у вас тут все устроено! Ладно, разберемся!

— Как прикажете. Как прикажете.

«Да ты и сам хорош! Не умеешь общаться с людьми. Нужно быть спокойнее. Политика — это не только мечом махать. Полегче на поворотах, полегче. Пожалуй, это усталость с дороги сказывается. Как там говорила Мария? Ты не такой уж и плохой, Луций... Глупая женщина! Мария, моя Мария...», — вздохнул он, и мысли ураганом пронеслись у него в голове.

— Ратибор! — внезапно обернулся и прокричал Луций. — Со мной поедешь!

Повозка, скрипя колесами, тронулась в путь по дороге, которая огибала город и уходила в пески. Пропретор находился в своей резиденции, располагавшейся в нескольких часах пути от Карфагена. Непривычный сухой воздух раздражал Луция, как и ужасающий язык местных жителей. Произнося цокающие и лающие звуки, иногда походившие на ржание, они словно смеялись над Луцием и теми, кого вместе с ним прислал на эту землю сам Цезарь. Луций напряженно пытался вслушаться в разговор, но так и не смог разобрать ни слова.

— Нужно было доспехи взять. Да и солдат наших. Не доверяю я этим мракобесам! — пробурчал Ратибор себе под нос, натачивая от нечего делать свой топор.

— Брось, кто может напасть на нас? Такфаринат с войском отошел в пустыню, где собирает силы. Ходят слухи, что он...

Русич невозмутимо наточил оружие, попробовал его на остроту пальцем и, не глядя на друга, произнес:

— Я знаю. Тоже слышал.

Зирид ехал позади них в другой повозке. Всю дорогу их сопровождали десять всадников из нумидийской легкой конницы вспомогательного войска Африканского легиона. Аппоний явно был недоволен тем, что ему прислали помощь из Рима. Он принципиально не приехал на встречу и к тому же послал в сопровождение не преторианцев, а этих варваров.

— Луций, оставь его мне, — внезапно произнес Ратибор.

— Я ждал, когда ты это скажешь. Я не против, дружище, только рано пока делить его шкуру. Он еще жив и умирать явно не собирается.

— Интересно, почему Ромул нас не встретил? Странно.

— Этот вопрос мне тоже не дает покоя, Ратибор.

Внезапно повозка остановилась, всадники засуетились, их кони начали топтаться на месте и вставать на дыбы, поднялся шум. Луций переглянулся с Ратибором, и они оба спрыгнули с повозки. Снаружи их обдало сухим и жарким воздухом, ветер до мурашек обжег тело, а яркое солнце ослепило глаза. Они только и различали, что черные тени бегающих

людей и твякающий говор испуганных нумидийцев. Зирид тоже слез со своей повозки и растерянно посмотрел на солдат.

— Зирид, что происходит?! — раздраженно крикнул Луций.

— Я не знаю, господин, — пожал тот плечами.

Тут к Зириду подскочил один из всадников и начал бормотать что-то на своем непонятном языке. Провожатый Луция гневно заорал на солдата и отдал ему какие-то указания.

-Что он говорит?! — снова закричал Луций.

— Несет какую-то ерунду, господин! Говорит, они видели впереди воинов! Наверное, приняли торговцев за повстанцев. Вчера три отряда всадников прочесали эту местность вдоль и поперек, дабы оградить вас от нападения.

— Луций, смотри! Там, на бархане! — внезапно заорал Ратибор.

Неожиданно в указанном им направлении взметнулся вверх песок, и из-под него появились люди. Воздух будто наполнился комариным пискком. Что-то темное со свистом пронеслось рядом с головой Луция, и сзади послышался крик: это упал с лошади сраженный стрелой всадник, и тут же были убиты еще двое.

— Засада! Все за повозки! — проорал Ратибор, отпихивая Луция в укрытие.

Вниз по песчаному склону на них неслись воины, человек тридцать, не меньше. Лучники, вынырнувшие из песка, как черти из преисподней, продолжали стрелять по всадникам, которых на месте осталось только пятеро: остальные представители хваленой нумидийской конницы дрогнули и пустились наутек.

— Пошла жара в хату! — чему-то улыбнулся Ратибор и сильнее сжал топор в руках.

Луций подумал: «Интересно, он и спит с топором? Нужно будет спросить, если выживем! Глупые мысли, глупые!» — тут же одернул он сам себя и схватил меч, который до этого момента мирно лежал в повозке.

— Зирид, вы с проконсулом отлично подготовились к моей встрече! Премного вам благодарен! — заорал Луций до смести напуганному нумидийцу.

Повстанцы бежали на них, громко крича и явно предвкушая уверенную победу и быструю расправу. От их воплей раскаленный воздух прогибался и дрожал. Конница умчалась, возничие и рабы из сопровождения были убиты. Зирид молился. А если не молился, то лучше ему было поскорее к этому приступить, потому что солдаты Такфарината были уже совсем близко.

— Неплохое начало, да, Ратибор?

— А я говорил: нужно было взять наших солдат! Да и доспехи не помешали бы!

— Так они же здесь все проверили, чего нам бояться-то, а?!

— И действительно — чего?! Ты, Луций, бери половину на себя, а вторую половину покрошу я! Эх, где наша не пропадала! — русич захохотал так, словно разгромить противника вдвоем ему и впрямь представлялось делом нехитрым.

В этот момент на них выскочил один из повстанцев. Реакция Ратибора была молниеносной:

— Ха-а-а! — выдохнул он, и его топор с омерзительным хрустом вонзился в лицо неприятеля.

Меч Луция покинул ножны за доли секунды: замах, удар, копьё противника отбито. Уклон, еще уклон, выпад — все, как учил его Сципион. Когда Луций выдернул клинок, повстанец по-прежнему зло смотрел ему в глаза, еще не осознавая настигшей его смерти.

Генерал сделал шаг вперед, меч снова вошел в плоть, и нумидиец упал замертво. Тем временем Ратибор отбивался от следующего — душил его, прижимая к повозке. Силы явно были неравны: русич превосходил африканца по росту на две головы, и вскоре все было кончено.

— Метко стреляют! — заметил Луций, когда его, на мгновение выглянувшего из укрытия, чуть не задела вражеская стрела. Секундой позже его сбил очередной противник, генерал упал, покатылся кубарем, но быстро вскочил на ноги и принял боевую стойку. Меч по-прежнему был в его руке, словно приклеенный, а на конце рукояти сверкала своими драгоценными глазами змея, будто наслаждаясь кровью убитых. Воин, налетевший на Луция, пошел в атаку. Повстанец был без доспехов, а его голову практически полностью укутывала ткань, оставлявшая лишь узкую щель для глаз. Он бешено орал, но орудовал клинком, как крестьянин. Луций взмахнул мечом: заступ, доворот корпусом, и вот он уже словно прошел сквозь противника. Воин Такфарината сделал несколько шагов, глядя перед собой остекленевшими глазами. Он был мертв, но сам даже не успел осознать, что погибает. Из его перерезанного горла лилась практически черная кровь. Он упал на колени, захрипел и завалился на бок.

— Похоже, Луций, это конец!

— Жарко тут, Ратибор, ты прав!

Пот лился по его телу, сердце стучало, словно собиралось выпрыгнуть из груди, перед глазами стояла красная пелена. И снова вдалеке показался карлик, он нервно дергался и улыбался. Луций всмотрелся в него внимательнее: уродец кого-то напоминал ему, но кого именно, Луций не мог сказать. Им завладело ощущение, похожее на то, что он испытывал рядом с Марией: видел, точно видел, но где? Вдруг нелепое существо указало рукой куда-то в сторону и засмеялось. Луций невольно посмотрел в указанном направлении, однако ничего, кроме холма, покрытого скудной растительностью, не увидел.

Но вдруг — не может быть! — из-за барханов показался сидящий на черепе золотой орел. Он сверкал на солнце так ярко, что захотелось зажмуриться. Вслед за ним появились шлемы всадников, возглавляемых Ромулом. Он выстроил свою сотню в боевой порядок. Повстанцы, заранее предвкушавшие безоговорочную победу, остановились в замешательстве и растерянно смотрели на конницу в тяжелых черных доспехах. Нумидийцы начали перестраиваться, забыв о повозках. Ромул, восседая в сверкающем панцире на черном коне, отдавал приказы одному из воинов.

— К бою! — пронеслась в воздухе его команда, и конница лавиной бросилась вниз по склону. Несколько стрел, пущенных в кавалерию, не причинили ей никакого вреда. Эта была первая и последняя попытка сопротивления со стороны повстанцев, после которой они, недолго думая, кинулись врассыпную. Однако легионеры их быстро настигали, рубили, словно телят на скотобойне, насквозь пробивали копьями. Это уже не было сражением — это было уничтожение одними людьми других, кровавая резня. За полчаса все было кончено. Повсюду остались лежать растерзанные тела, распространяя вокруг себя запах крови и мяса, совсем как тот, что стоит в лавке мясника на базаре.

Ромул спрыгнул с коня.

— Луций! Ратибор! Вы в порядке? Никто не ранен?

— В порядке?! Ты шутишь?! Какого черта ты нас не встретил?! И что за обезьяны сопровождали нас?! Я же специально послал тебя сюда, чтобы ты все подготовил к моему приезду!

— Луций, я...

— Что я?! Что я, Ромул?! Нас тут чуть не порешили! Где ты был?!

— Но я подоспел вовремя... — оправдываясь, ответил Ромул, на что Луций только отмахнулся рукой.

— Ладно, собираемся и продолжаем путь! Хорошо же тут у вас обстоят дела, ничего не скажешь! Интересно, чья это земля — наша или этого Такфарината? Ратибор, вытащи Зирида из-под повозки и объяви ему благодарность за прекрасно организованную охрану и достойное сопровождение.

К резиденции Аппония они подъехали уже вечером. Небольшой городок, в котором она была расположена, находился в отдалении от Карфагена и радовал взгляд уютными улочками и обилием растительности. Здесь даже дышалось легко, совсем не так, как в мраморном Риме.

— Я провожу вас, — заискивающе улыбнулся Зирид.

— Спасибо, не надо! Достаточно с нас утренних приключений! — брезгливо ответил Луций и слез с повозки. Поднимаясь по дворцовой лестнице, он увидел часовых-преторианцев, внешне похожих на римлян. «Хоть здесь не эти местные обезьяны», — подумал он.

Резиденция была прекрасно отделана: по всему было видно, что пропретор не бедствовал. Навстречу генералу вышел раб, чтобы предложить гостям испить вина и умыться, но Луций грубо оттолкнул его в сторону.

— Где пропретор Аппоний?!

Раб удивленно пожал плечами и ткнул пальцем в сторону. Луций было кинулся туда, но остановился, увидев, как из коридора навстречу ему вышел человек. Он ступал мягко и неспешно, явно никуда не торопясь. Это был невысокий мужчина в возрасте с круглым лицом, узкими губами и небольшими залысинами, одетый в белую тогу с широкой пурпурной полосой.

— Добро пожаловать в Африку, генерал Луций, — осматривая своего посетителя, произнес Аппоний. — Вы не ранены?

Туника Луция была испачкана в крови и песке, волосы прилипли к потному лбу, глаза были налиты кровью, а желваки гневно дергались. Аппоний же был безмятежен, как вулкан Везувий, — ни единой эмоции.

«Спокойнее, Луций, спокойнее. Вспомни, чему тебя учил Марк», — подумал Луций и изобразил на лице натянутую улыбку.

— Нет, я не ранен. Это не моя кровь. Странные у вас традиции гостеприимства, пропретор, — протянул ему руку Луций.

Аппоний изменился в лице.

— Что произошло, генерал? Я не понимаю, — пожал он ответно протянутую ему руку. — На вас что, напали?!

— Конечно, нет. Что вы? Я просто приносил в жертву богам быка в честь своего прибытия в Карфаген и немного забрызгался его кровью! Пропретор Аппоний, а как вы сами думаете?! Конечно же, на меня напали — на полпути к вам! Это был отряд повстанцев, человек пятьдесят, если не больше! Ваши бездарные и трусливые солдаты разбежались, и, если бы не моя конница, подоспевшая ко мне на выручку во главе с Ромулом, мы бы сейчас с вами не разговаривали! — раздраженно, но сдержанно произнес Луций.

— Пойдите, генерал Луций Корнелий. Вашу охрану и сопровождение должны были

обеспечить ваши люди. Я предлагал им свои услуги и даже выделял преторианцев, но Ромул убедил меня в том, что его конница справится с этой задачей гораздо лучше. Я сожалею, конечно, о том, что не смог встретить вас лично, но я, и правда, был занят: ко мне приезжали трибуны и легат Африканского легиона, мы разрабатывали операцию по подавлению восстания. И поэтому я послал к вам Зирида с его охраной, чтобы вы не подумали обо мне плохо. А что, Ромул вас не встретил?

— Встретил, — недоуменно ответил Луций, выслушав объяснения Аппония, а в голове его понеслось: «Ерунда какая-то! Как так-то? Что это, Ромул? Почему?!».

— Я так понимаю, что, раз вы живы, все обошлось?

— Каким-то чудом. Право сказать, я и не думал, что все закончится так удачно.

— Значит, боги на вашей стороне — это хороший знак. Что же, будьте как дома, Луций, — замешательство гостя не осталось незамеченным Аппонием. — Я буду рад, если вы остановитесь у меня. Мой раб проводит вас в комнату для гостей. Вы можете побыть здесь столько, сколько пожелаете. Вы — мой гость. Я прикажу, и вас проводят в термы и принесут вам чистую одежду, пока не прибудет ваш багаж с пристани. А после того, как вы отдохнете, я буду ждать вас к столу, за которым мы все тщательно обсудим и обдумаем. И, я надеюсь, уладим все наши разногласия.

— Благодарю, вы очень любезны, — Луций склонил голову. — Но со мной еще люди.

— Мой дом — ваш дом. Располагайтесь.

— Еще раз спасибо. Завтра лагерь будет готов, и мы переберемся туда.

— Ваше право. Надеюсь, я с вашей помощью наконец-то покончу с этой заразой. Слышал, вы мастер укрощать непокорных.

— Людям свойственно преувеличивать, но кое-чему жизнь меня действительно научила, — Луций посмотрел на пропретора холодным взглядом хищника, а в голове, словно червь внутри яблока, засела мысль: «Ромул, но как же так? Почему ты меня не встретил? Все могло закончиться очень печально, не появишься ты вовремя! Но ведь появился... Ловил повстанцев на живца? Вряд ли... Это больше похоже на Понтия или Мартина, но Ромул?! Что же случилось такое, что он так нами рисковал? Вопрос, Луций, вопрос».

Яркий свет резал глаза, а в воздухе удушливой взвесью парил мелкий песок, скрипя на зубах и оседая в легких. «Местные, наверное, уже и не замечают этого. Закутают морды так, что глаза одни видны. Интересно, как они узнают друг друга?», — думал Луций, сидя верхом на коне. Из-под его шлема лился пот, от которого щипало лоб и щеки, а досадливый пыльный ветер не только не освежал лицо, но и неприятно шлифовал его острыми кварцевыми частицами. Генерал сжал поводья, лошадь встряхнула головой, уздечка, украшенная медными бляхами, зазвенела, блеснув на ярком солнце. Вот уже полгода прошло с их прибытия в Африку. Полгода — и ничего, никаких успехов. «Прав был Тиберий, когда сравнивал этого Такфарината с Гидрой. И точно: отрубаяешь ему голову — на ее месте появляются еще две», — думал Луций. Внезапно его размышления прервали истошные крики, перемежавшиеся ударами молотка. Генерал обернулся на звуки и стал наблюдать за тем, как солдаты его легиона методично приколачивают к кресту женщину. Вскоре удары молота сменились свистом веревок, и крест вознесся к небу. Подавив очередных непокорных, Луций приказал распять всех пленных — почти тысячу человек. Повсюду вокруг него высились кресты, на которых висели мужчины, женщины, дети и старики. Вторую неделю солдаты распинали людей, и уже казалось, что обочина дороги в город Цезарею проходит через кладбище. Аппоний пытался остановить Луция, но генерал был непреклонен. Пленные были ему не нужны, а страх, который поселяли в повстанцах ужасные казни, — напротив, желателен. Слухи о его жестокости разлетались по Африке со скоростью быстрокрылой птицы. У многих жителей уже не было желания присоединиться к мятежу, как прежде. Генерал Черного легиона дал всем ясно понять, что ответ за каждого повстанца, кто поднял меч против римской власти, будет нести его семья.

Луций медленно ехал на коне вдоль дороги, не обращая внимания на крики, удары молота и проклятия. Вопреки обыкновению, его взгляд привлек изможденный мужчина: его ребра почти вылезли наружу, а покрытое черной запекшейся кровью тело было обожжено солнцем до пузырей и источало неприятный запах — видимо, он висел на кресте уже не первый день. Страдалец тяжело дышал и время от времени пытался что-то говорить слабым и хриплым голосом.

— Тпру, стой, — Луций осадил коня перед распятием и прислушался. Мужчина что-то бормотал на местном языке. — Мартин, позови Ромула! Я хочу знать, о чем он говорит. Мартин! — он повернулся к другу, но тот только отвел взгляд и расправил плечи. — Мартин, где Ромул?!

— Да пес его знает. С утра был здесь, потом куда-то делся! А что ты на меня так смотришь? Я ему нянька что ли?!

— Тогда найди мне хоть кого-нибудь, кто понимает язык этих животных! — поменялся в лице и задергал щекой Луций.

— Так точно, — недовольно ответил Мартин и, повернув коня, неспешно поехал куда-то в сторону. Минут через двадцать он вернулся с двумя легионерами, которые вели перед собой избитого пленника, грубо пихая его взащей.

— Ты знаешь латынь? — спросил Луций, глядя на него сверху вниз. Тот кивнул

головой. — Что он бормочет? — показывая кивком головы на распятого поинтересовался генерал.

Пленник почесал затылок. Один глаз у него совсем заплыл, лицо было желто-фиолетовым от побоев, на одежде виднелась запекшаяся кровь. Он долго прислушивался, затем произнес:

— Говорит, что скоро придет царство божие, что люди избавятся от ненависти друг к другу и что он скоро попадет в какой-то рай.

— И что ты ухмыляешься?!

— Он говорит, что прощает вас за то, что вы с ним сделали.

— Действительно, смешно. Интересно, ты тоже простишь нас, когда тебя приколотят к деревянной площадке?!

— Лучше сдохнуть на кресте, чем простить вас за то, что вы творите, мерзкие ублюдки! Ты кусок верблюжьего навоза! Сын шлюхи! Твой отец...

Не успев выругаться, он получил по зубам от легионера и упал на землю. Солдат было уже выхватил кинжал, чтобы прирезать мерзавца на месте, но Луций его остановил.

— Стой, не надо. Поднимите его. У тебя гадкий язык, ты знаешь об этом? — обратился он к пленному, который вытирал рот, размазывая кровь по лицу.

— Ненавижу вас! Будьте вы все прокляты! — сплевывая на песок, прохрипел повстанец.

Луций посмотрел на небо. Солнце припекало так, что, казалось, его заживо жарят на сковороде. Доспехи раскалялись, и находиться в них было уже просто невыносимо. Он прикрыл глаза и задумался. «Ты не такой уж плохой человек, Луций», — снова промелькнуло в его голове. И тут же вспомнилось другое: «Власть, мой мальчик, власть. У власти нет родственников, нет друзей. Для власти хороший враг — мертвый враг! За большое зло отомстить не смогут. Не смогут». Пот неприятно стекал по лицу, проникая за шиворот, и раздражал так, что хотелось содрать с себя влажную кожу. Луций вытер лицо резким движением, открыл глаза и пристально посмотрел на пленного.

— Мартин, проследи, чтобы его распяли последним. Узнайте, кто его родные, и приколотите их рядом с ним. Да, и пускай ему вырвут язык: без него он будет шипеть куда интереснее, — генерал тронул коня пятками и медленно поехал дальше.

— Будь ты проклят! Будьте вы все прокляты! — слышался голос позади него, но это был крик в пустоту.

Конь вез своего хозяина по дороге мучений и смерти, по обе стороны которой возвышались кресты с изуродованными телами. Повсюду был песок — проклятый песок, бескрайнее желто-оранжевое море. Луций медленно поднял глаза и увидел, как один из распятых мотал головой, тщетно пытаясь отогнать от лица хищных птиц. Вездесущие чайки добираются даже сюда и ждут, расположившись на перекладине, пока человек ослабнет, а некоторые, самые матерые и голодные, не дожидаются и этого. Мотай головой, не мотай — их острые клювы рано или поздно достигнут цели. Вот и сейчас они сидят и смотрят на очередного бедолагу своими безжизненными, стеклянными птичьими глазами, равнодушные к тому, что чувствует распятый. Вскоре он не выдержит и откроет глаза, чтобы посмотреть, улетели чайки или нет, и тогда они сделают свое дело — блеск глаз для них словно сигнал. Последним, что увидит в своей жизни страдалец, будут пернатые твари. Мерзкие создания только издалека кажутся безобидными, но для прибитых к кресту они ничем не лучше казвивших их палачей.

Конь неторопливо шагал. Он уже давно привык к запаху смерти и крови и больше не

шарахался в сторону от жутких криков умирающих — он шел спокойно и лишь иногда встряхивал гривой.

— Таранка, — произнес Луций и невольно улыбнулся этому слову.

Так о распятых говорил Ратибор. В его стране — далекой Скифии или, как он сам величал ее, Руси — так называлась небольшая рыбешка, которую солят и вывешивают на улицу подвялиться. Ратибор рассказывал, что она очень вкусная. Луций вновь окинул взглядом людей, висевших на крестах. У некоторых были выклеваны глаза, над мертвыми вились стаи мух, которые, пожирая плоть, облепливали их тела так, что покойники, казалось, шевелились. «Таранка», — снова промелькнуло в голове. Нет уж, спасибо. Может, это и вкусно, но я бы не стал такое пробовать —хватило холодца, который русич когда-то сварил зимой в Германии. Желе из копыт, ушей и костей! Мерзость! Луция аж передернуло при этом воспоминании. Все же дикий народ — эти варвары, а Ратибор, как ни крути, — варвар. Генерал расстегнул шлем, почесал шею и поправил на ней некогда белый шарф.

— Луций! Луций! — раздался грубый голос русича, и до ушей генерала быстро донесся топот копыт его лошади. Ратибор улыбался во весь рот, и белизне его зубов можно было только позавидовать. Окровавленный топор, как обычно, висел у него за поясом, кольчуга была забрызгана кровью, руки крепко сжимали поводья запыхавшейся лошади. Что не говори, а он был прекрасным наездником. А как он стрелял из лука! С ним мог поспорить в меткости только Ромул. Кстати, где же он?!

— Луций, послушай!

— Долго жить будешь.

— Ты это о чем?

— Так, к слову пришлось. Я весь во внимании.

— Там Понтий отбирает пленников, приговоренных к смерти.

— Как понять, отбирает? Куда отбирает?!

— Не знаю. Меня Мартин к тебе послал. Он там, с ним, они ругаются. Ты бы решил вопрос, а?

— Ладно, поехали! А ты Ромула не видел?

— Нет. Я думал, ты его куда-то послал.

Удары молотков звучали со всех сторон. Неподалеку стояла когорта Черного легиона, знаменосец держал штандарт с эмблемой — золотым орлом на серебряном черепе, под которым восседали еще три орла, добытые в Германии. На аквилифере[1] красовался шлем в виде львиной головы с угрожающим оскалом, поверх которого была накинута волчья шкура. Когорта стояла неподвижно, охраняя пленных, еще две центурии занимались казнью. Ни те, ни другие не проявляли никаких эмоций: одни стояли, словно статуи, обливаясь потом, вторые слаженно исполняли приказ. Здесь работали только солдаты Черного легиона, Аппоний вежливо уклонился от роли карателя под предлогом того, что его люди будут прочесывать окрестность, где в последний раз видели войска Такфарината. Среди связанных пленников шнырял Понтий с несколькими солдатами. Переводчик расспрашивал приговоренных, после чего некоторых из них отвязывали и сгоняли в сторону, где уже стояло человек десять. Мартин с недовольным видом наблюдал за этим процессом, сидя верхом на лошади, и иногда бросал что-то оскорбительное в сторону своего друга. Понтий делал вид, что ничего не слышит, и продолжал отбирать людей. За их спинами вдоль дороги то и дело взлетали вверх натянутые на веревках кресты. Казнь не останавливалась ни на секунду. Вскоре к ним неспешно подъехали Луций и Ратибор. Мартин, увидев их, выпрямился и

недоуменно показал жестом руки на Понтия.

— Понтий, позволь узнать, чем ты занят? — спрыгнул с лошади Луций.

— Распят столько народу — это, конечно, хороший способ показать, кто тут главный! — продолжил заниматься своим делом Понтий.

— Правда? Я рад, что ты по достоинству оценил мое решение. Так для чего тебе понадобились эти смертники?

— Послушай, Луций! — Понтий подошел к генералу. — Ты притащил меня сюда против моей воли. Мне хватило чертовой Германии с ее комарами, холодом, сыростью и тупыми варварами. Я хочу большего, чем просто быть у тебя на побегушках! Может, это устраивает остальных, но вот меня вообще никак не прельщает! Понял? И раз я командую солдатами, помогая тебе прославляться, то и сам хочу что-то иметь от этого! Я заберу этих рабов с собой и перепродам их в Карфагене, может, в Риме. Считай, что это твоя плата за мои услуги!

— Прекрасно. А что ты нервничаешь, Понтий? По-моему, мы с тобой друзья с детства, и ты мог бы просто сказать мне об этом. Ты думаешь, мне есть дело до этого ничтожества? Только вот одного не пойму: для чего тебе нужно демонстрировать свой гонор перед моими солдатами? Ты что, хотел меня унижить?

— Да нет... — смущенно проговорил Понтий, видя, как глаза Луция заблестели звериным блеском.

— Несколько лет назад мы могли лишь мечтать о том, что имеем сейчас, Понтий. Мы клялись друг другу делить и радости, и ненависть к врагам, не так ли? Разве не это настоящая дружба, Понтий? Теперь ты в обход меня распоряжаешься пленными, даже не удосужившись посоветоваться со мной, с твоим другом и, в конце концов, твоим командиром!

Понтий неловко крутил головой по сторонам, пытаясь найти в чьих-нибудь глазах поддержку, но, увы, даже Мартин и Ратибор старались не смотреть на него. А солдаты, которые были рядом с ним и кем он командовал полчаса назад, услышав слова своего генерала, медленно положили руки на рукояти своих гладиев и замерли, словно волки, ожидая приказа истинного вожака. Понтий стоял, кусая губы и боясь шелохнуться, а Луций смотрел на него своим ледяным взглядом. «Ты не такой уж и плохой человек», — снова проскользнуло в голове генерала, и он посветлел и рассмеялся, после чего подошел к другу и хлопнул его по плечу.

— Расслабься, дружище. Расслабься.

— Я это... — проговорил пересохшим ртом Понтий.

— Да все нормально. Ну, кого ты тут для себя присмотрел? — сказал Луций, подходя к стоящим в стороне рабам, отобраным Понтием. — Эй, ты тут за переводчика, как я погляжу?

— Да, господин, — тихо, со страхом в голосе ответил нумидиец.

— Иди сюда. Иди, иди, не бойся. Кто вот этот, с козлиной бородой? — указывая пальцем на долговязого мужчину, спросил Луций.

Переводчик что-то тявкнул пленнику на своем презренном языке, долговязый нехотя ответил.

— Он говорит, что он философ из Цезареи.

— Ух ты, философ! И как же ты, философ, умудрился взять меч в руки? Разве твое дело не трепаться о всякой ерунде? Ну же, переведи ему! А то он смотрит на меня, словно баран!

Нумидиец снова затыкал, долговязый выслушал и надменно улыбнулся, после чего сказал что-то, отчего у переводчика покраснели уши и забегали глаза, будто у вора, которого поймали за руку на рынке.

— Ну, что ты растерялся? Давай, поясни нам, что сказал этот мудрец? Да, Понтий, ты прав: за ученых рабов дают хорошие деньги на невольничьих рынках. Я как-то пропустил момент, дружище, когда ты из солдата превратился в торговца! — злобно улыбнулся Луций.

— Повелитель, — срывающимся голосом начал переводчик. — Он говорит, что такие люди, как вы, ведут войну, забыв заключить мир с самими собой. Он говорит, что, придавая их страшной смерти, вы добьетесь не покорения, а большей ненависти к себе. Говорит, что в погоне за великой мечтой легко потерять смысл собственной жизни. Говорит, что не боится смерти. Простите, повелитель, это его слова, а не мои, — нумидиец спрятал глаза, раскланялся и, пригнувшись, отошел в сторону, словно пес, который прижал хвост при виде более сильного животного. Кажется, еще немного, и он бы заскулил со страха, настолько был жалок его вид.

Луций стоял, замерев, остальные ждали, что он будет делать. Все знали, как непредсказуем он был в последнее время.

— Прекрасно! Один прощает, другой не боится смерти. Значит, по-твоему, поднять восстание — это нормально, да, философ?! А отвечать за содеянное? Отвечать за содеянное мы не будем, так?! Да и правда, зачем? Ведь все римляне плохие! Один мой хороший знакомый, тоже философ, — Луций подошел ближе к долговязому, — говорил мне: «Если у тебя что-то появилось, значит, у кого-то другого что-то исчезло. Если ты поднялся на ступеньку вверх, кто-то другой упал на дно». Сильный всегда прав, философ!

Долговязый не понял, как металл пронзил его тело. Луций стоял перед ним и смотрел, как из его тускнеющих глаз быстро уходил жизненный свет. Затем он резко провернул меч внутри тела, отчего пленник привстал на цыпочки, протяжно пискнул, захрипел и упал к ногам генерала.

— Раз, и нет философа, — поворачиваясь к Понтию, с хищной ухмылкой произнес Луций и подошел к другому пленному, который стоял рядом с убитым. — Ты, наверное, тоже учитель? А, в принципе, какая разница? — человек пошатнулся, тяжело задышал, сначала быстро, потом все медленнее и отрывистее, и вот уже на земле лежали двое. — Как ты там говорил, Понтий? Ты хотел что-то иметь от этого похода? Мне кажется, ты имеешь меня! И мне это страсть как не нравится! — при этих словах очередное тело упало к его ногам, теперь это была девушка.

Генерал повернулся и медленно, вразвалку направился к своему другу, сжимая в руке меч. С блестящего лезвия на песок стекала багровая вязкая жидкость. Доспехи были забрызганы кровью, которая отчетливо алела на черном металле. Понтий отшатнулся назад. Напряжение было такое, что, кажется, даже воздух стал тяжелым, как скала.

«Мне придется делать страшные вещи... Ты не такой уж и плохой человек, Луций... У власти есть только власть, хочешь быть первым — убей собаку. Как ты будешь убивать врагов, если не можешь убить животное?». Тело Луция передернулось, его рука, сжимавшая рукоять меча, обледенела, миллиарды игл снова пронзили ее, причиняя нечеловеческую боль. Перед глазами белело лицо Понтия, бледное, в цвет сенаторской тоги. Казалось, что он и не дышит вовсе. Луций пришел в себя так же неожиданно, как и впал в гнев. Он испуганно посмотрел сначала на друга, потом на себя: рука с мечом опущена, Понтий невредим. Генерал облегченно вздохнул и тихо произнес:

— Еще раз устроишь что-то подобное в моем легионе... — и, вложив меч в ножны и повернувшись к солдатам, продолжил: — Всех распять! И ради всего святого, объясните мне хоть кто-нибудь, куда подевался Ромул?!

Карфаген — город, с покорения которого началось процветание Рима. Стрoения разного качества из местного песчаника и камня, шатры, лавочки, невероятно узкие улочки, постоянный гомон населения. Здесь кипела жизнь. По переулкам, словно по лабиринту, шныряли разновозрастные грязные ребяташки в тряпье и постоянно клянчили подачки. Темнокожие и смуглые люди в разномастной одежде, от которой пестрило в глазах, что-то продавали и покупали прямо в переулках. Торговцы умудрялись тесниться на клочке пустой земли, выставляя товар высоко по каменной стене, и чтобы рассмотреть приглянувшуюся вещь, приходилось задирать голову. Говорили, раньше Карфаген был намного красивее Рима — до того, как его разрушили, а затем отстроили вновь. Впрочем, говорили, что и Ганнибал Барка был непобедимым, — все глупости. Против силы всегда есть другая сила, и какими бы ни были красота и величие, всегда найдутся еще большие красота и величие. Так устроена жизнь: она не дает расслабляться — такова была воля Олимпа. А люди любят зрелища и движение. Они не знают, что являются куклами богов, и, когда они надоедают, боги заводят себе новых. Никто не может быть вечен, кроме богов, — печально, но факт.

Ромул лежал на кровати в маленькой душной комнате. Воздуха, поступавшего из узкой щели в окне, не доставало, чтобы остудить даже такое крохотное помещение. Она гладила его рукой по влажной коже — чернокожая, стройная и изящная, как кошка, с золотыми кольцами в ушах, подарком Ромула. Большие миндалевидные глаза таинственно светились в полутьме, а от ее улыбки у него екало внутри. Девушка грациозно поднялась и, обнаженная, подошла к окну, будто проплыла. Она была прекрасна: кожа ровного темного цвета, волосы блестящие и черные, стрижка, как у мальчишки, короткая, с правой стороны у уха — тоненькая до плеч косичка с вплетенной в нее красной ленточкой. Окно раскрылось, впуская прохладу, от которой по телу Ромула пробежали мурашки, и остужая постель, хранившую тепло ее тела. Девушка повернулась и улыбнулась, обнажив ровные жемчужно-белые зубы. Сердце Ромула блаженно замерло.

— Тебе нужно идти. Ты и так проводишь со мной слишком много времени. Я не хочу, чтобы из-за меня у тебя были неприятности.

— Я все еще выслеживаю отряд повстанцев, которые отошли в пустыню. Разве ты забыла?

— Говорят, твой командир Луций — страшный человек. А если он узнает, что ты игнорируешь его приказы?

— Брось! Не волнуйся, я послал вместо себя отличного офицера и двести всадников, а после той показательной казни Такфаринат вряд ли осмелится высунуть нос из барханов. Тем более Луций не такой уж и плохой, если узнать его поближе. Мы выросли вместе, делили и радость, и горе. Он иногда перегибает палку, но это лишь из-за того, что с ним произошло. Мы все иногда перегибаем. Когда-нибудь я расскажу тебе о своем детстве, сейчас я не хочу про это вспоминать.

Она медленно отошла от окна, опустилась на кровать, подползла ближе, прогибаясь всем телом, и положила свою голову ему на грудь. Его сердце застучало, словно взбесившееся.

— Я заберу тебя с собой в Рим, как только мы справимся с Такфаринатом. Ты была в

Риме? У меня там отличное поместье.

— Нет, не была. Но очень хочу оказаться там. С тобой, — прошептала-промурлыкала она ему в ухо и прикусила мочку так, что мурашки снова разбежались врассыпную по его телу.

Ромулу давно надо было идти, но он, как приклеенный и будто парализованный, не мог оторвать тело от постели, а в голове шумело: «Проклятье! А если Луций узнает? Нужно рассказать ему... Нужно...Нужно... Потом».

В полумраке палатки за огромным столом вокруг открытой карты собралась целая толпа: Луций, Аппоний, Мартин, Понтий, множество офицеров Африканского и Черного легионов. Луций с друзьями были в обычной одежде, остальные — в парадной форме, даже пропретор Аппоний. Жаровни, стоявшие на полу, бросали красноватые отсветы на их лица, пляшущий свет от огня подергивался и переливался. Снаружи почти уже стемнело. Как ни странно, но с наступлением ночи в Африке становилось довольно прохладно, тогда как с рассветом кожа под туникой буквально начинала плавиться от жары. Таков был климат здешних мест, и с ним приходилось мириться — ничего не поделаешь. Аппоний подошел ближе к столу, внимательно посмотрел на карту и указал пальцем на точку на ней.

— Смотри. Вот тут мы разбили отряд тех, кто помогал повстанцам в Цезарее. Разведка докладывает, что Такфаринат отошел с основными силами вглубь пустыни, оставив заградительные отряды.

— Насчет этих отрядов можно не беспокоиться. Я послал к ним двести отборных всадников во главе с Ромулом, он отыщет их и разобьет. Тут не будет проблем. Меня волнует другое.

— Что именно, генерал Луций?

— Такфаринат постоянно отходит в пустыню, а там ему помогают местные племена кочевников — с ними нужно будет покончить. Они дают ему солдат, снабжают провиантом и лечат раненых. Мне нужно, чтобы ты со своим легионом перебил их, желательно всех. Узнав о том, что мы двинули войска вглубь пустыни, Такфаринат попытается отойти к ближайшему городу и занять его. А ближайший город на его пути — Ламбесис. И я позволю им его взять: нужно предупредить наместника, чтобы он открыл ворота и сам впустил их внутрь.

— Но, когда они окажутся внутри, взять с ходу укрепленный город будет не так уж и просто. Не лучше ли встретить их на равнине? Да и город при штурме будет разрушен, пострадает много мирных жителей.

— Да, город будет разрушен, но его построят заново. Да, часть жителей погибнет, но люди и без этого умирают, такое часто случается. Зато, зайдя в город, они уже никуда не денутся из него. Мы уничтожим всю заразу сразу, раз и навсегда!

— Но одного легиона для штурма мало, Луций.

— Поверь мне, Аппоний, моего легиона будет даже много! Но я не откажусь от помощи твоих вспомогательных отрядов. Ах да, мне понадобятся еще осадные орудия. Я прибыл сюда налегке, так что, будь уж любезен, передай мне свои. Так сказать, во временное пользование.

— Конечно, — мгновенно склонил голову пропретор.

— Ну что же. Раз вопросов больше нет, я никого не задерживаю. Всем быть наготове! Двинемся в путь, как только прибудет Ромул.

Офицеры одобрительно кивнули, переглянулись между собой и вышли один за другим из палатки. Пропретор Аппоний с натянутой улыбкой также послушно кивнул и проследовал за своими трибунами. Его досаду можно было понять: прежде он чувствовал себя богом в своей провинции, а теперь должен был постоянно кланяться и беспрекословно выполнять любые приказы этого мальчишки с огромными амбициями и замашками маньяка. Даже он, будучи наделенным властью Цезаря, не решался так круто расправляться с неудобными. И, к своему огромному сожалению, Аппоний понимал, что это только начало. Этот Луций со своими головорезами не оставит здесь камня на камне, пока не покончит с Такфаринатом. Гордый юнец — такому хоть кол на голове теши, а не переубедишь. Да и как переубедить, если у него все полномочия, данные ему самим Тиберием, и вдобавок легион отборных гвардейцев, вооруженных так, что им завидуют даже преторианцы.

Снаружи Аппония дожидался один из его легатов. Он увел пропретора в сторону и удивленно спросил:

— Загнать в город армию Такфарината! Он спятил?! Почему ты не возражаешь ему, Аппоний?

— А что я могу сделать? Он, даже глазом не моргнув, распял больше тысячи человек: дорога в Цезарею теперь напоминает чистилище. Торговцы обходят ее стороной, не говоря уже о простых жителях. Ты думаешь, он нас пожалеет, если мы будем вставлять палки ему в колеса?! Единственное, что следует делать, — это помогать ему. Я навел справки, и мои знакомые из Рима поведали мне, как он расправлялся в Германии с варварами. Там до сих пор пугают детей его именем. Говорят, он вырезал целые деревни, не щадя никого. Рассказывают, что он появляется, словно из воздуха, что сам Германик, племянник нашего императора, прислушивается к нему. Ходят слухи, что он и не человек вовсе.

— Да ну, прекрати.

— В слухах всегда есть доля правды, даже если они выдуманы из ничего. Поэтому давай делать все, как он просит, не стоит ему перечить. Зато, если его постигнет неудача, эта неудача будет его, а не наша, поскольку мы помогали ему во всем. Что уж тут поделаешь, если боги решат проявить неблагосклонность. У богов ведь нрав дурной.

— Да и у людей не лучше, — произнес мимо проходящий человек в сенаторской тоге и странно подмигнул пропретору, слегка улыбнувшись.

Рядом с ним шагал молодой парень, высокий и крепкий, в дорогих черных доспехах, отделанных золотом, — точно таких же, в каких ходят офицеры Черного легиона. Занавеси палатки распахнулись, и оба вошли внутрь. В этот момент Луций стоял, склонившись над столом, и что-то объяснял Понтию и Мартину, водя рукой по карте. Те кивали головами и соглашались с его предложениями. Грубая и толстая ткань палатки не пропускала свет наружу, от жаровен веяло теплом, от которого тело невольно расслаблялось и обмякало. Возможно, поэтому на гостей никто и не обратил внимания, словно их и не было вовсе.

— Приветствую вас, — произнес человек в тоге.

— Что?! — Луций вскинул голову вверх, отрываясь от карты.

Мартин и Понтий повернулись на голос. Луций присматривался несколько секунд, а затем расплылся в улыбке.

— Да чтоб я всю свою оставшуюся жизнь пил проклятое варварское пиво и больше никогда не видел фалернского вина! Марк, ты ли это?! Какими судьбами?! — ловко перескочив через стол и свалив почти все, что на нем стояло, радостно прокричал он.

— Луций Корнелий, и я рад видеть тебя, — улыбнулся в ответ Марк и взглянул на

счастливые лица Понтия и Мартина.

Они обменялись рукопожатиями и обнялись, быстро справились о здоровье друг друга, о делах, о погоде — словом, обо всем том, о чем люди обычно разговаривают, когда встречаются после долгой разлуки. Здоровяк, пришедший с Марком, стоял у входа и по-юношески улыбался, но на него не обращали внимания. Луций крикнул, и занавес палатки откинулся, явив заспанное лицо раба, на котором явно читалось: «Ну что еще-то?», но из уст прозвучало совершенно другое:

— Да, господин. Чего изволите?

— Вина и еды! Да давай поживее, и самое лучшее неси! — бросил ему хозяин. Тут взгляд его, наконец, упал на офицера, одетого в доспехи его легиона. — Кто это, Марк?

— Разве не признал?

Луций почесал подбородок и осмотрел парня, словно раба на невольничьем рынке. Его друзья тоже были озадачены и, переглядываясь, жали плечами. Не спеша, генерал подошел к юноше, который был выше его на голову и по росту соперничал с Ратибором, правда, уступая русичу в ширине плеч и мощи торса. Впрочем, солдат тоже был не маленький, но при этом стоял тихо, неловко улыбался и выглядел смущенным. Если бы он пришел сюда один, без Марка, Луций давно бы дал ему понять, как нужно вести себя в присутствии командира.

— Что, не узнаешь, что ли?

Глаза незнакомца казались Луцию до боли знакомыми, да и черты лица тоже. Вроде бы где-то видел, но где? Внезапно здоровяк, уже совсем растерявшись, заговорил:

— Брат, ты что, не узнаешь меня?

— Ма-а-аркус? — протянул Луций, и у него перехватило дух так, что в горле встал ком. — Маркус, это ты?!

Не веря своим глазам, он повернулся к Марку. Тот в улыбке развел руками. Понтий и Мартин стояли, открыв рты. Последний раз они видели брата Луция совсем еще мальчишкой, в ту злополучную ночь. Теперь перед ними стоял настоящий воин, который был выше их всех почти на голову, да и силой, по всей видимости, обладал немалой.

— Я... — что-то хотел произнести Маркус, но Луций резко прижал его к себе.

— Брат! Брат мой! Маркус! — он отстранил его, чтобы осмотреть с ног до головы еще раз. Глаза генерала на мгновение непривычно увлажнились, но он резко вытер предательски выступившие слезы и быстро совладал с чувствами.

Стол ломился от угощений: при свете играющих огоньков свечей и жаровен в палатке шел пир. Маркус рассказывал о том, как воспитывался на острове Крите, куда его отправил Марк вместе с Велиалом. Он говорил о том, что много слышал о подвигах Луция и его друзей, захлеб восхищался тем, как его брат победил германцев и пленил жену предателя Арминия. Затем все вспомнили детство, вспомнили то, что пережили, и подняли чаши за тех, кого с ними давно уже не было: за родителей и за сестер Мартина. Луций рассказывал о себе, Маркус — о себе. Оба гневно били по столу кулаками, когда речь вновь и вновь заходила о том, как с ними поступили. От избытка выпитого вина Луций громко проклинал императора, кричал, что он сам скоро станет Цезарем, но Марк вовремя одергивал его и переводил его слова в шутку, над которой все весело смеялись. Вспомнили и Сципиона, Луций ободрился и похлопал брата по плечу.

— Фехтовать-то тебя он учил, я надеюсь?

Рослый, но совсем еще юный Маркус утвердительно кивнул головой.

— Прекрасно! — заплетающимся языком пробормотал генерал и кивком головы указал в сторону выхода. — Ну-ка пойдём! — сказал он и громко икнул.

Все оживились, встали из-за стола и вышли на улицу. Снаружи было достаточно свежо, даже прохладно. Луций окликнул часового, тот поспешно подбежал к нему и получил распоряжение: с десятков солдат должны образовать круг, держа в руках факелы. Луций оповестил чуть ли не каждого из них о том, что вот этот здоровяк — его младший брат, и что те могут схлопотать по зубам, если будут иметь что-то против него. Солдаты стояли, как вкопанные, и с удивлением наблюдали еле державшегося на ногах командира. Кто-то принес два тренировочных меча, и Луций проделал ими несколько невероятных пируэтов в воздухе. Пьяный или нет, а генерал управлялся с мечами так ловко, что казалось, они жили своей отдельной жизнью. Он подошел к одному из солдат и дал ему меч.

— Ты! Ну-ка побей моего брата! — солдат без лишних вопросов взял оружие и вышел на середину круга. Второй меч полетел в сторону Маркуса, тот ловко поймал его.

— Ух ты, зрелище! — радостно прокричал Понтий, хлопнул Мартина по плечу и опрокинул в себя чашу с вином.

Марк усмехнулся и кивнул Маркусу, давая ему понять, что тот может действовать — его явно забавляло происходящее.

— Погнали! — дал отмашку Луций, и солдат бросился на рослого юношу.

И практически тут же гладиём вылетел из руки легионера. Луций и моргнуть не успел, как его брат занес руку для последнего, добивающего удара. Острие меча остановилось в миллиметре от глаза гвардейца. Тот замер, большая капля пота стекла по его лбу и упала на землю. Солдат удивился, как и все вокруг, но стоял неподвижно, без единого намека на страх: гвардеец Черного легиона — по-другому и быть не могло.

— Школа Сципиона, чего уж тут! Солдат, ты убит! Мой брат только что прирезал тебя, как домашнюю скотину! — обрадовался Луций, хлопнул легионера по плечу и поднял меч с земли.

Мартин и Понтий радовались, как дети, поднимая чаши за Маркуса. Марк тенью стоял в полумраке, наблюдая и оценивая все происходящее. Луций поигрывал деревянным мечом.

— Теперь со мной.

— С тобой, брат? — изумился Маркус, но Марк, видя его замешательство, тут же скомандовал:

— Давай, давай!

Они встали друг напротив друга. Мартин и Понтий даже забыли про горячительное, настолько сильно их внимание было приковано к двум братьям. Тишина стояла такая, что было слышно, как в воздухе порхают ночные бабочки, а обычно незаметное потрескивание горящих факелов в руках у солдат напоминало звуки бушующего пожара. Мечи взмыли вверх и опустились, ударившись друг о друга. Маркус начал теснить брата, который пару раз пьяно оступися. Казалось, что генерал вот-вот упадет на землю.

— А удары-то у младшенького будь здоров, — тихо сказал Понтий, Мартин согласно кивнул головой и сделал глоток вина. Вдруг Луций провел внезапную атаку: его мгновенный удар пришелся Маркусу под дых, отчего юноша охнул и согнулся, но тут же выпрямился и снова кинулся в бой. Однако выпад не удался: парень получил удар по руке и выронил меч. Он усмехнулся и потер ушибленную руку, а Луций с улыбкой спросил:

— Еще, брат?

Маркус, стиснув зубы, поднял меч и снова бросился на Луция. Палки стучали друг о

друга. Маркус злился и от этого пропускал удары, но продолжал держаться. Все же его тренировал Сципион, а он знал толк в сражениях. Пот с обоих лился градом, хмель давно отступил. Мечи взлетали и опускались. У Луция онемела рука, настолько удары его брата были тяжелы и сильны. От очередной атаки Маркуса деревянный клинок все же вылетел из его руки, но Луций пантерой отпрыгнул в сторону, уходя от неминуемой встречи с тренировочным оружием, выхватил копье у рядом стоявшего солдата и резким ударом древка подкосил ноги Маркуса. Тот завалился на землю и прежде, чем успел понять, что случилось, был оседлан Луцием, который незамедлительно приставил клинок к его шее. Маркус тяжело вздохнул. Его брат занес над головой деревянный меч, который тут же стремительно полетел вниз, рассекая воздух. Здоровяк прикрыл веки. Отрывки детства пробежали у него перед глазами. Потом тишина и взрыв смеха. Маркус медленно открыл глаза. Над ним стоял веселый Луций и протягивал ему руку.

— Вставай! Ты что, и вправду подумал, что я прибью собственного брата? Пойдем, выпьем! Я гляжу, Сципион научил тебя сражаться, но не показал, как нужно убивать. Ничего, у нас впереди еще много времени, я дам тебе пару советов, — похлопал его по плечу Луций.

Марк стоял поодаль и внимательно смотрел на то, как братья радуются встрече, а на его лице играла загадочная улыбка.

[1] Аквилифер — знаменосец (лат. *aquilifer* — "несущий орла").

Глава 24 НЕ ПРОЩАЙ ПРЕДАТЕЛЬСТВА

«Сейчас утро, день или вечер? Интересно все-таки, что?», — думал Луций, лежа где-то, но точно не на улице. Он дрожащей рукой ощупал пространство рядом с собственным телом — оно было похоже на постель. Голова раскалывалась так, что генерал боялся открыть глаза. «О боги!», — пронеслось в его голове, а к горлу подкатила тошнота. Он перевернулся на бок, и боль расплзлась по всему его телу. Из-за похмелья хотелось выпрыгнуть из собственной оболочки. Он полежал еще какое-то время, изредка постанывая, затем все же открыл глаза и поднялся. На полу валялись Мартин и Понтий, Маркус спал за столом, обнимая чашу с вином, словно последнюю надежду. Вокруг все было перевернуто вверх дном: палатка генерала походила на дешевый трактир Карфагена. Снова подкатила тошнота, и Луций отрывисто и часто начал икать.

— Будь ты проклят, Бахус, за то, что создал вино!

Его взгляд упал на чашу с водой. Шаркающей походкой столетнего старика он не спеша подошел к ней, дрожащими губами впился в холодный металл и начал жадно пить. Прохладная жидкость стекала по лицу и струилась на одежду. Луций остановился только тогда, когда в сосуде не осталось ни капли, после чего тяжело выдохнул и плюхнулся на стул. Все его тело болело от вчерашнего дурачества с Маркусом. Морщась от боли, он нехотя размял конечности и огляделся вокруг, но все, что попадалось ему на глаза, казалось размытым, размазанным и дрожащим, и даже спящий брат будто качался из стороны в сторону.

— А где Марк?! — повертел головой по сторонам Луций. — Ушел и не попрощался? Или попрощался, но я этого не помню? Вот зараза! Проклятый Бахус!

Луций причмокнул ртом, но вкус ощутил такой, словно, пока он спал, кто-то в него нагадил. В горле пересохло, как если бы он брел по нумидийской пустыне несколько дней без воды. Тем временем за стенами палатки начали нарастать шум и суета. Снаружи явно что-то происходило — что-то серьезное, так как шум становился необычайно громким. Вскоре в палатку генерала вбежал приставленный к ней раб и начал испуганно что-то кричать. Луций скривил лицо, боль пронзала его голову, и из речи раба он выхватывал лишь отдельные фразы.

— Беда! Убили! Всех!

Мгновением позже в палатку вошел Ратибор, схватил раба и вышвырнул его наружу. Вид русич имел устрашающий: волосы взъерошенные, глаза бешеные, пот льется ручьями, а сам весь в пыли — видно, скакал не один час.

— Ратибор? Какого... Что стряслось? — еле выдавил из себя Луций пересохшим ртом.

С пола, шатаясь, поднялся Понтий, Маркус и Мартин продолжали спать, как убитые. В палатку вошли офицеры Черного легиона. Луций изменился в лице, глаза его расширились, он вопросительно развел руками. Немая пауза длилась несколько секунд.

— наших кавалеристов вырезали. Всех до единого. Тебе нужно на это взглянуть, — проговорил Ратибор так, как будто бы ничего не произошло.

«Подумаешь, двести гвардейцев отборной конницы — какая мелочь! Интересно, на Руси все так же просто?», — Луций отупело заморгал глазами, переваривая известие.

Между тем Понтий пнул Мартина. Тот было спросонья начал слать всех к праотцам, но, увидев такое собрание офицеров, быстро поднялся.

— Воды! — внезапно заорал Луций, и в палатку вбежал раб с кувшином. Протискиваясь между собравшимися, он быстро подошел к своему господину. — Лей, — еле слышно, осипшим голосом произнес генерал и наклонил голову.

Раб не спеша стал лить ледяную воду ему на затылок. Это освежало, по телу проходил легкий озноб. Пока вода омывала голову снаружи, внутри проносились мысли: «Двести отборных солдат. Двести солдат. Моих солдат! И Ромул! Боги, и Ромул!», — Луций резко выпрямился. Вода продолжала литься, стекая вниз по его лицу и телу. Раб от неожиданности отскочил в сторону.

— Что с Ромулом?! Убит?! Что молчишь, Ратибор?! Он убит?! Его убили?!

— Тебе нужно на это взглянуть, — монотонным голосом повторил русич, но по его глазам было заметно, что зрелище, о котором он говорил, не из приятных. Глаза всегда выдают человека — ведь это зеркало души, именно так называл их Марк.

— Поднимайся, Маркус, — Луций толкнул брата в бок и вышел на улицу.

Четыре часа они молча скакали, мысленно проклиная надоевшую жару, опостылевший песок и ненавистного Такфарината. Все молчали, как на похоронах. Перед глазами Луция стояло лицо Ромула, нравоучительный голос друга, не переставая, звучал в его ушах, а из головы не выходили мысли: «Боги, неужели вы отняли его у меня?! Почему вы отнимаете у меня все самое лучшее?! За что?!», — он достал фляжку и стал жадно пить. Внезапно все остановились. Конь Луция тоже встал, как вкопанный, причем так резко, что Луций разбрызгал воду и облился.

— Там, — указал пальцем в ущелье Ратибор.

— Что же, посмотрим, — Луций толкнул пятками скакуна, и тот затряс головой, чувствуя запах крови.

В ущелье суетились солдаты. Оказалось, Ратибор уже побывал у Аппония, и тот выделил ему людей. Завидя Луция, они отдали приветствие. Генерал с каменным лицом наблюдал, как они грузят убитых на телеги.

— Как это произошло?

— Заманили в ловушку. Конница беззащитна в ограниченном пространстве, — почесывая бровь, ответил Ратибор.

Луций с сипением потянул воздух сквозь зубы и остановил коня.

— Солдат явно пытали и затем добивали. Посмотри: они даже распяли четверых, — русич кивком указал на пригвожденных к деревьям всадников.

Тут и там были разбросаны изуродованные и расчлененные тела. Даже у видавших виды легионеров при взгляде на них замирало сердце и перехватывало дыхание. Неподалеку ходили две лошади с привязанными к ним частями человеческих тел: повстанцы казнили всадников, разрывая их силой бегущих в разные стороны животных. Луций покачал головой и вытер пот с лица. У копыт его коня лежал воин, глаза его были открыты, на лице застыла гримаса ужаса, а вездесущая муха исследовала тело, заползая в открытый рот. Генерал поморщился и тронул коня.

— То, что их пытали, немудрено. Особенно после того, что ты сделал в Цезарее. Ты расправился со многими их родственниками, вот они и бесятся, — подъехал к Луцию Понтий.

Маркус прикрывал лицо рукой и старался не смотреть по сторонам, на него

периодически накатывала тошнота, но он не отставал от брата. Луций закрыл глаза, перед ним по-прежнему стояло лицо друга. Он повернулся к русичу и долго смотрел на него. Ему явно не хотелось спрашивать, но он пересилил себя:

— Где его тело?

Ратибор недоумевающе посмотрел на командира и пожал плечами.

— Чье тело?

— Ромула. Тело Ромула, Ратибор! Где оно?

— Его здесь нет, Луций. Мы осмотрели всех. Его нет среди убитых. Может, конечно, его взяли в плен? Хотя с офицерами у них разговор короткий, сам знаешь.

— Понтий, Мартин, возвращайтесь в лагерь, готовьте легион. Маркус, ты с Ратибором заканчивай здесь, а я пока осмотрюсь, — приказал Луций и спрыгнул с коня.

Он не спеша шел по ущелью. Солдаты Аппония грузили тела, вокруг царила смерть. Ноги сами несли его вперед. Луций вскарабкался на возвышенность, чтобы лучше осмотреть место бойни. Сверху люди казались маленькими. Он всматривался в происходящее внизу, пытаясь взглядом отыскать тело друга, но это было невозможно: все перемешалось, словно подгорелая каша — люди, кони, живые и мертвые.

— Ромул, Ромул... Что же с тобой случилось? Как же так? Неужели не уберег я тебя и так вот запросто потерял друга? Как же ты так по-глупому попал в западню?

Около костра сидел одинокий силуэт. Дерево потрескивало в огне, пламя то лениво ползло по поленьям, то резкими всполохами взмывало высоко вверх. Такфаринат вертел в руках палку с насаженной на нее тушкой мелкого животного, жареное мясо источало блаженный аромат. Что это был за зверек, уже было трудно понять, но выглядело блюдо вполне аппетитно. Такфаринат поднес жаркое ко рту, обжигаясь, откусил небольшой кусок и отрывисто начал его жевать, гоняя мясо во рту. Вдруг он внезапно замер и прислушался, рука медленно потянулась к мечу.

— Брось, Такфаринат, я политик, а не убийца. Я всегда решаю проблемы переговорами.

— Опаздываешь, — подул на свой ужин глава повстанцев и снова откусил.

— Я всегда прихожу вовремя, поверь мне.

— У-у-у-у. Угу! Конечно! — прочавкал Такфаринат.

Марк присел рядом с ним, держа в руках кувшин с вином. Через мгновение, откуда ни возьмись, перед ним появились две чаши. Нумидиец сосредоточенно жевал мясо и не замечал волшебства, а когда обернулся, то удивленно поднял брови.

— Вино? У нас что, праздник? Надеюсь, ты не хочешь меня отравить?! — рассмеялся он.

— Можно сказать, и праздник, — голос Марка был бархатный, но лицо казалось неживым, а прыгающий свет от костра делал его вид и вовсе зловещим. — Хочу выпить за твою победу. Отлично ты расправился с их кавалерией, — сенатор наполнил чаши, первым взял одну из них в руки и сделал большой глоток. — Прекрасное вино, отличный урожай!

Такфаринат недоверчиво посмотрел на собеседника, ухмыльнулся, принял чашу и осушил ее разом, после чего вытер губы и снова ощерился.

— Перебить их было несложно, тем более что твой человек... как его?... да будь я проклят!

— Сципион.

— Точно, Сципион! Ну, так вот, твой человек привел их прямо ко мне в лапы. Перебить

неповоротливую конницу в узком ущелье — плевое дело. Мои ребята особо и не напрягались даже.

— Это да. Если судить по той резне, которую они устроили, твои ребята, действительно, не напрягались.

— Издержки, так сказать. А что, мне их останавливать нужно было?! После того, что этот мерзавец Луций устроил с мирными жителями?! Между прочим, мои люди жаждут отмщения, и вскоре они его получают!

— Начнем с того, что не все из казненных были мирными.

— А женщины и дети?! — Такфаринат сорвался в голосе и бешено посмотрел на собеседника.

Марк снова налил вина и спокойно ответил, пристально глядя в наполненные злобой глаза нумидийца:

— Издержки, так сказать. Ладно, давай выпьем за скорейшее освобождение твоей земли от проклятых и ненавистных захватчиков.

— За это можно.

— Ах, да, чуть не забыл... — Марк поставил чашу.

— Что еще?

— Я хочу тебя предупредить: легион Аппония двинется в пустыню на поиски твоей армии. Кочевники помчат его по пескам, а ты за это время можешь свободно занять город Ламбесис.

— Ты шутишь?! Я потеряю половину своего войска при его штурме!

— Они откроют тебе ворота сами. После того, что римляне сделали в Цезарее, все ненавидят их. Поверь мне, я еще ни разу тебя не подводил. Ты сможешь укрепиться, а я постараюсь сделать так, чтобы остатки римской армии начали штурм города, и ты спокойно перебил их. После этого вся Африка присоединится к тебе. А в подкрепление своих слов я пришлю тебе золота. Желтый металл всегда скрепляет слова лучше любой печати и клятв.

— Золото — это, конечно, хорошо! Без него люди воюют неохотно. Но меня беспокоит этот мальчишка Луций и его легион. Ты говорил в прошлый раз, что этот римлянин совсем не опасен, однако он творит такое, чему могут позавидовать прославленные полководцы прошлого. До его прихода сюда меня так не теснили, и прежде я не чувствовал такой опасности, как сейчас. Я видел, как он сражается, я наблюдал за ним. Он безрассуден, и сам ведет войско в бой — смелость, граничащая с глупостью! Страшная смесь! Надо было прикончить его еще на пристани или тогда, когда мы устроили на него засаду! Эх, если бы не конница... Избавиться от него было бы правильным решением. Знаешь, я бы с радостью свернул ему шею! Или прирезал бы в поединке один на один, как молочного поросенка!

— Действуй, как я сказал, — голос Марка прозвучал так властно и так холодно, что Такфаринат замер. В его душу проник непривычный страх. — И помни о том, что я говорил тебе про далекую Скифию.

— Я знаю тебя уже давно, но никак не могу понять тебя. Зачем ты все это делаешь? Сам вроде римлянин, денег у тебя, я так понимаю, пропасть, постоянно один. Все как-то нелогично, непонятно и глупо.

— Люди, люди, — с иронией произнес Марк. — Вам обязательно нужно знать причины?

— Никто ничего не делает просто так. Так же, как без воли богов, в мире ничего не происходит. У всего есть причины, а у каждого человека — повод поступать именно так, как

он поступает. Нужно просто немного покопаться и хоп — вот он уже и на поверхности, этот повод. Как правило, человек достаточно прост. Я знаю, я многих повидал на своем веку. Но ты, Марк, другой. Так что мне хотелось бы получить некоторые ответы.

— Их не будет, — Марк поднял чашу и сделал глоток вина. — Делай то, что говорю, и ты получишь то, о чем мечтаешь. А мечтаешь ты, как мне кажется, о славе и независимости своей страны. Что же, многое скоро изменится в этом мире. Время людей почти ушло. За ним придет время справедливости, и ты сыграешь в этом свою роль. Как и многие другие.

— Ха! Ты говоришь, словно бог! Смешно. Ладно, чудак, я сделаю все, о чем ты просишь. Знаешь, я даже рад тому, что не прирезал тебя тогда, при первой встрече, а я ведь хотел это сделать.

— Я знаю, Такфаринат, знаю.

Холод обжег спину Луция, он всей своей кожей почувствовал, что позади него кто-то стоит. Ни дыхания, ни движения он не слышал, но знал, что за ним точно кто-то есть. Рука медленно потянула клинок из ножен, холодное и острое железо с легким скрежетанием стало показывать свое жало и блестеть на солнце.

— Ха-ха-ха! Не стоит, генерал, не стоит. Я бы давно уже убил тебя, если бы хотел, — послышался мерзкий знакомый голос. Клинок все же сорвался с места, и Луций резко обернулся, держа оружие перед собой. Но никого рядом с ним не было, только слышался голос: — Я же сказал, что убил бы, если бы хотел, — и снова противный смех.

Руку сводило от холода, пронзая ледяными иглами так, что Луций с трудом терпел эту боль. Ладонь сама вложила меч в ножны, и генерал припал на одно колено, прижал ее к телу и стал растирать в попытках согреть. Тем временем чья-то чужая ладонь опустилась на его плечо. Луций замер. Перед ним возник карлик — тот самый, который приходил к нему всякий раз, когда он стоял на распутье. Мерзкое существо обхватило его голову руками, прислонилось своим лбом к его лбу и пристально уставилось своими разноцветными, словно стеклянными, глазами в его глаза. Рот карлика медленно растянулся в улыбке, обнажив зубы, острые и гнилые. Луций смотрел на него, не в силах пошевелиться, перед его глазами стояла красная пелена, а рука ныла фантомной болью.

— Кого ищешь здесь, Луций? Ищешь живого среди мертвых? Ха-ха-ха!

— Что ты такое? — еле дышал генерал.

— А что такое ты? — сделав полный оборот головой на хрустнувшей шее, существо снова мерзко улыбнулось, отскочило в сторону и стало со смехом приплясывать. — А знаешь, генерал, что предают только свои, а?! Враг не может предать, потому что он враг. А вот друг... Ты не задумывался над этим? Почему обычно удар в спину наносит тот, кого защищаешь грудью? А знаешь, из всех живых существ на земле в друзьях я хотел бы иметь только собаку. Лишь она не способна на предательство! Ах, да, прости, я забыл: ты же зарезал песика! Ха-ха-ха!

От его слов Луция передернуло. Превозмогая боль, он рванулся вперед и схватил было мерзавца за горло, но его руки прошли сквозь тело горбуна, словно сквозь туман.

— Что, не получилось? А давай-ка теперь я!

Он мгновенно подлетел к Луцию и резко впихнул руку ему в глотку, отчего тот стал давиться, а из его округлившись глаз потекли слезы. В несколько приемов существо залезло в его тело полностью. Генерал завалился на спину, задергался и замер.

«Бух, бух, бух, бух», — раздался в его ушах нарастающий звук, настолько невыносимый

и громкий, что ему показалось: вот-вот лопнут перепонки. С каждым ударом глаза ослепляла вспышка ярко-красного света. Луций поднял веки, но все вокруг него кружилось, а человеческие голоса смешивались со звуками животных. Внезапно он поднялся высоко в небо, а затем сорвался вниз и, пересекая облака, стремительно понесся обратно к земле и резко завис над ущельем. Крики, звон железа, бойня — он ясно увидел, как его конница только что попала в засаду. Впереди командир. Луций пригляделся — нет, это не Ромул. Ромула здесь нет, конницей командует один из его офицеров. Он держит в руке окровавленный меч и тщетно отбивается от неприятеля. Гвардейцев зажали в маленьком, узком пространстве. Град стрел смертельным дождем лился на них сверху, и всадники сыпались на землю с коней спелыми яблоками.

Опять вспышка, и вот перед глазами новая картина. Повстанцы привязали офицера веревками к двум лошадям, плюнули ему в лицо и долго избивали, хотя лицо солдата оставалось при этом спокойным, словно ничего не происходило. В конце концов, лошади рванули с места. Раздались хруст костей и звук лопающейся кожи, и тело разлетелось на части. Тут и там с остервенением и жестокостью добивали раненых, резали их, словно скот, потрошили, набивая внутренности песком, приколачивали к деревьям.

Снова вспышка. Луций со скоростью выпущенной из лука стрелы пролетел над дорогами, пронесся сквозь толпы людей в Карфагене, петляя узкими переулками, и, наконец, попал в какой-то дом, где поднялся по ступеням наверх и проник за открывшиеся перед ним двери.

— Я возьму тебя с собой в Рим. У меня там прекрасный дом, ты будешь моей богиней, — Ромул гладил по голове темнокожую девушку. — Мы будем с тобой вечно вместе. Ты и я.

— И больше никого? — подняла она на него свои прекрасные глаза.

— Никого.

— А как же твоя служба?

— Там все отлично и без меня. Что может случиться? Главное, что ты рядом.

Карлик немного постоял у кровати, приплясывая, затем забрался под одеяло, лег рядом с Ромулом и его девицей и засмеялся. Он привлек темнокожую красавицу к себе, начал тискать, облизал ей щеку, смачно поцеловал и снова засмеялся.

— Говорят, что самое подлое преступление — это злоупотребление доверием собственного друга! А она хороша, Луций! Наверное, стоит двухсот солдат и твоей дружбы! А ты знаешь, что эта темнокожая красотка — проститутка из местного публичного дома?! Да, да! Твой дружок Ромул предал вас из-за потаскухи! Ты думаешь, где он пропадал все то время, когда был тебе нужен?! Да здесь! Она причина всему! Она! Он предал тебя ради продажной девки! Или ты опять не будешь меня слушать?! Я всегда желал тебе только добра, но ты не слушал меня! Делай, что я тебе говорю. Не прощай, не спускай никому, иначе вскоре все предадут тебя! Помни о власти! Ты — власть! Ты — правитель! Сильный всегда прав! Баба в обмен на жизнь всадников и дружбу! Убей ее, Луций! Убей! Убей! — взревел карлик и, схватив генерала за грудки, начал трясти его из стороны в сторону, продолжая орать: — Убей ее! Убей! Убе-е-е-ей! Луций! Луций! — голос постепенно менялся, в глазах темнело.

— Луций, Луций! — по щекам больно обжигали удары.

Генерал резко открыл глаза, а в голове все еще стоял голос карлика, сил сопротивляться которому у него не было. «Ты не такой уж и пло...», — он мысленно отмахнулся от

всплывших в памяти слов Марии, резко поднялся и посмотрел на брата, который с растерянным выражением лица стоял перед ним.

— Мне придется делать ужасные вещи... — монотонно и тихо проговорил Луций.

— Что?

— Ничего! Зови Ратибора! Возьмите человек десять, едем в Карфаген!

— Зачем? — удивленно спросил Маркус, но тут же получил оплеуху.

Вид у Луция был бешеный, щека подергивалась от ярости.

— Я отдал приказ! Исполни!

— Так точно! — вытягиваясь по струнке, отчеканил Маркус и сорвался с места.

День катился к закату. Бледный, прохладный свет лился в открытое небольшое окно и ложился на пыльный дощатый пол. Ромул, не отрываясь, смотрел на свою темнокожую богиню: это была его последняя ночь с ней. Утром он должен встретиться со своим отрядом, а затем рассказать о ней Луцию и другим друзьям. Они поймут его. Они не могут не понять...

Она лежала рядом, пахла дорогими духами, которые подарил ей он, пахла радостью и смехом. Она пахла любовью. Ромул слишком привязался к ней, несмотря на то, кем она была в недавнем прошлом. Он выкупил ее, наплевав на все обстоятельства. Теперь она его. Все, что было в их жизни прежде, он обнул и начал новый отсчет с того момента, как отдал за нее немалую сумму бывшему владельцу. С ней он забывал о ненависти, об отмщении, о том, что они творили, и о том, что творили с ними другие. Все уходило в небытие — она была для него лучшим лекарством.

— Что же ты наделал, сынок? — услышав знакомый с детства голос, Ромул резко обернулся на звук.

— Отец?

— Ты, сам того не ведая, предал само зло, — покачал головой Ливерий, взгляд его был смиренным.

— О чем ты? — Ромул искал ответ в глазах отца.

Но Ливерий лишь печально смотрел сквозь него.

— Мы были неправы во всем, сын, с самого начала. А он все просчитал, он все знал. Мы верили ему и думали, что он старается для вас. Нет, сынок, он всегда делал все только для себя. Нужно было прислушаться к Корнелию еще тогда.

— Кто делал?! Кому верили?!

Ливерий продолжал смотреть отрешенным взглядом, затем начал мерцать, сначала медленно, потом все быстрее и быстрее. Он открывал рот, но фразы доносились нечетко и отрывисто: «Еще есть... Беги... Близко...». Через мгновение Ливерий исчез.

Что мы знаем о своих родных или друзьях? По сути, мы не знаем о них ничего. Живем только теми сведениями, которые они доверяют нам и в которые мы сами хотим верить.

Ромул вздрогнул и открыл глаза. День катился к закату. Бледный, прохладный свет лился в открытое небольшое окно и ложился на пыльный дощатый пол. Она открыла глаза, посмотрела на него и улыбнулась.

— Дурной сон?

— Я видел отца, словно живого. Он говорил со мной.

— О чем? — она поцеловала его в щеку.

— О чем-то пытался предупредить. Совсем как живой, — на Ромула накатили детские

воспоминания.

— Ты проведешь эту ночь сегодня со мной, а потом?

— Потом все будет хорошо. Я устал прятаться. Мы будем вместе, навсегда.

Всадники мчались по узким улочкам Карфагена, пугая людей и разнося палатки торговцев. Гвардейцы выглядели устрашающе. Впереди ехал Луций со злобным лицом — за всю дорогу он не произнес ни слова. За ним следовал Ратибор с отрешенным видом — ему было все безразлично. Потом Маркус — он постоянно оглядывался и растерянно оценивал обстановку. Вскоре отряд остановился у трехэтажной инсулы. Луций огляделся, будто что-то ища, и его взгляд привлекла деревянная дверь с коваными вставками.

— Здесь! — обернулся он к Ратибору и Маркусу и спрыгнул с коня.

Все спешили. Луций дернул ручку на себя и открыл дверь. Внизу, на первом этаже, был трактир, на втором и третьем располагались гостевые номера для отдыха. Посетители гудели. В таких местах обычно гуляли солдаты вспомогательных когорт, местные варвары, калеки, нищие, рабы — в общем, всякий сброд. Тяжелыми шагами Луций продвигался вперед, осматриваясь по сторонам. В таверне под потолком чадила лампада, воняло подгоревшим мясом, столы были разбросаны хаотично, посетители сидели, как попало, пировали и орали на своем псином языке. Генерал остановился: «А вдруг среди этих обжор есть те, кто беспощадно убивал его людей в ущелье?». Ратибор и Маркус зашли за ним следом. На них никто не обращал внимания, но вскоре генерала окликнул противный и мерзкий голосок:

— Господин, чего изволите? Чем я могу вам помочь?

Луций обернулся. Перед ним стоял раб, маленький и плешивый, он заискивающе щерился, его улыбка раздражала. Генерал схватил лысого за глотку:

— Где воин в такой же форме, как и я?! Где Ромул?! Ты знаешь, где Ромул?!

Тот замотал головой, краснея и синея одновременно, и попытался освободиться. Луций на мгновение расслабил пальцы. Раб отшатнулся в сторону, прокашлялся и трясущейся рукой указал на человека за стойкой.

— Хозяин. Хозяин. К нему. Я не знаю. Я, правда, не знаю. Я всего лишь раб.

Хозяин трактира стоял, бессмысленно глядя выпученными глазами куда-то перед собой, и монотонно протирал ветошью чашу. Луций тут же направился к нему, причем, проходя мимо раба, толкнул его так, что тот отлетел в сторону и сбил один из столов. В трактире воцарилась тишина. Затем, африканец, сидевший за опрокинутым столом, вскочил, отряхнулся от еды и выпивки и начал что-то орать то на своем языке, то на латыни. Недолго думая, к нему присоединились его приятели. Их латынь звучала с ужасным акцентом, но было понятно, что Луция называли выродком и дерьмом. Генерал остановился. Посетители приподнимались из-за столов. Африканец сделал шаг вперед и оскалился, словно пустынный шакал.

— Маркус, убей его, — спокойно сказал Луций, но брат был в замешательстве и тянул с исполнением приказа.

Зато Ратибор в два шага оказался рядом с нумидийцем, обхватил его голову сзади и сломал ему шею. Тут в трактир ввалились гвардейцы.

— Кто еще?! — оглядел посетителей Луций.

Все стали прятать глаза, лишь бы не попасться в поле зрения этого безумца, и, как ни в чем не бывало, рассаживаться по местам. Генерал перевел взгляд на брата, недовольно

сплюнул и подошел к хозяину трактира.

— Где Ромул?!

— К-к-к-то?

В доли секунды рука хозяина заведения была пригвождена к деревянной стойке сверкнувшим в воздухе кинжалом.

— Где Ромул?! — скрипя зубами от гнева, повторил вопрос Луций.

Трактирщик с открытым ртом уставился на изувеченное запястье, пот лился ручьями по его бледному и худому лицу. Он захлопал глазами, отдышался и, преодолевая чудовищную боль, шепотом произнес:

— Господин на третьем этаже. Первая комната справ-а-а-а, — прикусывая нижнюю губу, пропищал он последнее слово и сполз по стойке вниз.

— Господин?! Ха! Уже стал господином! Ладно, посмотрим! — Луций обернулся к Маркусу и Ратибору. — За мной! И вы двое тоже! Остальные, присмотрите за этим сбродом, чтобы еще чего не выкинули!

Луций с солдатами поспешно поднялись вверх по крутой и темной лестнице. Старые деревянные половицы скрипели под ногами, разнося топот солдатской обуви по всему зданию. На последнем этаже дорогу им преградила пожилая женщина. Вскочив со своего стула, ведьма оказалась на пути генерала и начала орать:

— Куда прете?! Здесь отдыхает господин Ромул, великий человек из самого Рима! Нельзя к нему! Велел не беспокоить! Мой хозяин внизу, идите к нему, пускай мне прикажет! Разрешит — пройдете!

— Ты что, старая карга, из ума выжила?! — глаза Луция наполнились кровью, а лицо подернулось в гнев.

Он схватил старуху за грудки и с силой прижал к стенке, отчего та ударилась головой о камень, закатила глаза и осела. Ее пожилое тело ватной куклой покатило по ступеням в темноту, поглотившую хруст ломающихся костей.

У Маркуса сердце забило в ужасе, а в голове зашумело от того, что сотворил его брат, о котором ходили легенды как о великом воине. «Германцы, повстанцы, восставшие рабы, но при чем здесь старуха? При чем здесь трактирщик и этот африканец? Ведь можно было и по-другому... Они ничего дурного не сделали!», — думал он.

— Чего застыл? Пошли, давай! — привел Маркуса в чувства русич. Как всегда, без эмоций — словно хорошо отлаженная машина, не дающая сбоев, которая не подводит, не задает лишних вопросов, не знает сомнений. «Может, это и правильно? Может, так и надо?», — снова проплыла мысль в голове у Маркуса.

Ромул поднялся с кровати и надел тунику: доносившиеся из коридора грохот и шум настораживали его.

— Что это?

— Сам не знаю, накинь что-нибудь.

Он подошел к тумбочке и вытащил из ножен меч.

— Ромул... — попыталась спросить девушка, но тот приложил к губам палец и жестом руки показал, чтобы она оставалась на месте.

За дверью послышались шаги, сопровождаемые звуком подбитых военных сандалий, затем все стихло. Ромул стоял у дверей и прислушивался.

— Ромул! — внезапно раздался голос Луция. — Я знаю, ты здесь!

«Луций? Но как он меня нашел? И зачем искал?», — Ромул опустил меч и открыл

двери. В полумраке он разглядел двух солдат, Луция, Ратибора и еще какого-то незнакомого ему офицера.

— Луций? А что случилось-то? — удивленно развел руками Ромул.

Генерал помешкал несколько секунд и направился к нему.

— Да все нормально, дружище!

Резкий удар в челюсть, в глазах потемнело, меч отлетел в сторону, звонко задребезжал и закатился под кровать, тело пошатнулось, Ромул упал навзничь. Последним, что он услышал прежде, чем потерял сознание, был отчаянный женский крик.

Очнулся он уже оттого, что сверху на него лилась холодная вода, проникая под ткань и растекаясь по телу. Он вздрогнул. Челюсть болела, на губах запеклась кровь, руки были связаны сзади. Ромул сидел на стуле и мутным взглядом окидывал комнату. Девушка в страхе забилась в угол, прижала колени к груди, обхватив их руками, и тихонько всхлипывала. Рядом с ним стояли два солдата, Луций сидел на стуле напротив и пристально смотрел ему в глаза. Ратибор и незнакомый офицер такого же высокого роста, как и русич, заняли место у дверей.

— За что? — прохрипел пересохшим ртом Ромул.

— Да просто так. Думаю, дай-ка поиздеваюсь над своим другом! — Луций вскочил с места и наотмашь ударил Ромула по лицу, схватил его за волосы и запрокинул его голову назад. — Это я сейчас не тебя бью, Ромул! Это я сейчас себя бью! Бью за то, что доверял тебе, а ты предал меня из-за какой-то сучки! Предал не только меня, но и всех нас! Наше дело! Ради продажной нумидийской подстилки!

Удары снова посыпались на Ромула. Девушка вскрикнула. Маркус отвел взгляд в сторону. Ратибор некоторое время стоял, как вкопанный, с отсутствующим видом, будто все, что происходило в комнате, его не касалось. Однако вскоре он вернулся в реальность:

— Хватит, Луций. Остановись. Убьешь парня, — сказал русич.

Лицо Ромула было похоже на отбивную, а доспехи генерала забрызганы кровью. Он смотрел на друга, словно хищник, который только что вкусил свежей крови. Луций упал на стул перед Ромулом. Тот мотал головой, сплевывая кровь, и его кровавые слюни тянулись почти до колен, а из носа лило и стекало по подбородку.

— Объясни хотя бы, за что? — кашляя, пробормотал Ромул.

— За что? За что?! Дай-ка я задам тебе один простой вопрос, дружище. Подскажи, а где моя конница, которую я дал тебе для преследования повстанцев?

— Не знаю. Я оставил вместо себя Пилу. Я должен был встретиться с ним завтра утром.

— Зато я знаю, где они! — Луций снова сорвался с места, занес кулак, но сдержался и сел перед другом на корточки. — Я доверял тебе, Ромул. Понимаешь? Доверял, как брату, как самому себе. А ты предал меня. Двести отборных всадников. Двести. Их порезали на куски, и все из-за тебя. Я послал тебя во главе этого отряда для того, чтобы ты ими командовал. А что сделал ты? — он медленно сел на стул, качая головой. — И ради чего? Ради какой-то шлюхи?!

— Она не шлюха, — тяжело задышал Ромул.

— А кто? Кто она?! Молчишь?! А я все это время думал: где же пропадает мой друг Ромул? Наверное, у него много дел! Ведь ты в последнее время как невидимка: то ты есть, то тебя нет, и никто не знает, где ты, когда ты нужен! Ты знаешь, я был в бешенстве, когда узнал о том, на кого ты нас променял!

— Я ни на кого не менял вас. Я был и остаюсь вашим другом. Твоим другом.

— Разве я сказал, что наша дружба кончена? Или ты думаешь, я пришел сюда убить тебя?! Тогда ты идиот, Ромул! Я пришел сюда, чтобы наставить тебя на путь истинный, преподать тебе урок, как непослушному ребенку. Хотя двести солдат — это тебе не сломанная игрушка, да, Ромул?! Ты хоть понимаешь, чем все закончится, если мы опростоволосимся здесь?! Нас попросту прирежут, и это в лучшем случае! А я хочу довести начатое до конца. Я хочу, чтобы все причастные к нашим бедам заплатили за наши страдания. Чтобы все, кто виноват, были уничтожены!

— В наших страданиях виновата наша империя и наша система. Как ты собираешься им мстить? Мстить людям — это одно, мстить стране и императору — совсем другое.

— Я сам стану системой, я сам стану императором! — злобно, звериным голосом проревел Луций, после чего подошел к девушке, схватил ее за волосы и подтащил к окну. — Маркус, дай мне веревку!

— Маркус? — удивленно произнес Ромул, и тут же, повернувшись к Луцию, добавил: — Что ты задумал?! Отпусти ее! Луций, отпусти ее!

— Молодец, генерал! Молодец! Правитель мира милосердным быть не должен! Докажи ему, что ты не шутишь! Убей ее! — захрипел карлик в темном углу комнаты.

— Маркус, веревку! Живо!

Брат Луция ушел на пару минут. Девушка рыдала навзрыд и причитала. Ромул орал, рвался в стороны, веревки врезались ему в руки, а по запястьям текла кровь. Вернулся Маркус и бросил Луцию моток крепкой бечевы. Генерал обмотал один ее конец вокруг тела девушки, а другой бросил в окно, приказав привязать его к лошади.

— Знаешь, Ромул, что они делали с моими солдатами? Точнее нет, не так. Знаешь, что они делали с твоими солдатами, пока ты развлекался с этой девкой?! Сейчас я покажу тебе, что!

— Прошу, Луций, не надо! Я все понял! Убей меня, ее не трогай! Луций, мать твою, хватит! Ратибор, останови его! Ратибор! Ну прошу вас!

— Ты должен усвоить урок, Ромул. Таких, как она, — тысячи. Скоро ты это поймешь и еще скажешь мне спасибо! — он перевел взгляд на солдат. — Когда все закончится, развяжите его и отведите в лагерь, да глаз с него не спускайте! Уходим.

— Не круто ли? — тихо спросил у Ратибора Маркус.

— Не бери в голову. Он командир, ему виднее.

Ромул орал, проклиная Луция, и дергался на стуле. От безысходности он заплакал навзрыд. Девушка боялась пошевелиться и только дрожала, словно листок на ветру. Она перевела взгляд на Ромула, приоткрыла рот, чтобы что-то сказать, но тут веревка резко натянулась.

Луций стоял на улице, когда истошный крик его друга разнесся по кварталу, а мимо проскакал всадник, волоча за собой окровавленную веревку.

— Никогда и никому не прощай предательства, Маркус! Запомни это.

Корнелий рухнул на подобие кровати — бесформенную кучу из тряпья и соломы. Он тяжело задышал, откашлялся в кулак и завертелся на своем ложе в поисках более удобного положения. Годы, проведенные на каменоломне под испепеляющим солнцем и в облаках гранитной пыли, сильно подкосили его здоровье. Обхватив лицо грубыми, потрескавшимися от тяжелой работы руками, он вздохнул, завалился набок, закрыл глаза и уснул. Ему снова снилось, что он идет по германскому лесу, а на него, словно из ведра, льет холодный дождь. Намокшая одежда липнет к телу, со шлема стекает ручьями вода, образуя перед глазами маленький водопад. Он слышит повсюду мольбы о помощи, вокруг него мелькают тени, но толком ничего не разглядеть. Внезапно кто-то касается его плеча, и он, отскочив в сторону, с яростью начинает вслепую махать перед собой мечом. Устав и запыхавшись, он замирает, всматривается сквозь ливень и видит очертания человека. Тот стоит неподвижно.

— Спасай детей!

Земля в момент уходит из-под ног, и Корнелий проваливается в глубокий колодец. Его охватывает паника от осознания того, что он не сможет выбраться на поверхность. Беспорядочно и судорожно барахтаясь в ледяной воде, он снова и снова старается сделать хотя бы еще один глоток воздуха. Он изо всех сил гребет вверх, туда, где видит силуэт человека, но чем больше старается, тем быстрее уходит на дно. Он слышит, как громко и четко стучит его сердце и как загадочный голос снова повторяет:

— Спасай детей!

Силуэт нагибается, протягивает руку, но поздно: Корнелий делает вдох и чувствует, как вода вливается через нос внутрь его тела и заполняет легкие, он задыхается.

Корнелий вскочил с кровати, стуча себя кулаком в грудь и тяжело кашляя.

— Опять тот же кошмар? — раздался голос в другом конце помещения.

— Опять тот же, — тихо проговорил Корнелий, посмотрев на мужскую фигуру в темном углу. Некоторое время человек стоял, не шевелясь, и внимательно вглядывался в Корнелия.

— Это был ты? — подняв глаза и посмотрев на него исподлобья, спросил отец Луция.

— Да. Я пытался предупредить, — Михаил вышел из тени и приблизился к нему.

— Хотел бы — предупредил, — недовольно буркнул Корнелий.

— Я предупреждал, как мог. Как дозволено. Нам нельзя свободно вмешиваться в судьбы людей: вы должны выбирать сами. Мы можем только подсказывать.

— Ну, конечно. Как у вас все легко и просто!

— У вас тоже все было бы легко и просто, если бы вы жили, как нужно, а не как хочется. Ладно, так препираться можно до бесконечности.

— Тут ты прав, не могу не согласиться. Тогда для чего ты пришел?

— Настало время тебе увидеть того, про кого я тебе рассказывал. Он поможет — он всем помогает.

— Отлично. И, главное, вовремя. Зачем помогать теперь, когда все уже случилось?

— А зачем помогать тогда, когда помощь еще не требуется?

— Мне все равно, мне помощь уже не нужна!

— Зато она нужна людям. И твоему сыну. На самом деле, она нужна и тебе самому.

— Это моя вина. Понимаешь, Михаил?! Моя! Все началось в тот злополучный день, когда он встретился с Марком, а потом и с Александром, который стал скупать у нас все, что было, по завышенным ценам. А мы лишь радовались, не замечая того, что происходило вокруг. Словно пелену навесили перед глазами. Он воспользовался тем, что мы были ослеплены удачей и благополучием. Да, я был слеп, когда разрешил Луцию общаться с этим человеком!

— Не вини себя. Трудно устоять перед соблазнами, и он очень хорошо умеет этим пользоваться.

— Тебе не понять, у тебя нет детей, и ты не знаешь, что такое отцовская любовь!

— Ты прав, этим мы отличаемся от людей. Наши ощущения, действительно, другие. Вы живете эмоциями и чувствами, мы же все прогнозируем и взвешиваем.

— Я должен поговорить с Марком! — внезапно выпалил Корнелий и зло посмотрел на Михаила.

— Тебе не стоит с ним встречаться. Поверь мне: это глупая идея, и ничем хорошим она не закончится, по крайней мере, для тебя. Лучше поговори с сыном. Это твой единственный... — Михаил на секунду задумался. — Наш единственный шанс. Очень скоро он вернется из похода, и я могу сделать так, чтобы вы встретились.

Корнелий поднял взгляд, в его глазах промелькнула радость и благодарность. Тем не менее, он отрицательно покачал головой.

— Я не могу больше ждать! Понимаешь? Я столько лет гнил на этих каменоломнях! Я потерял своих друзей, а Ливерия даже сам избавил от страданий. Скоро придет и мой черед, я это чувствую. Так что времени у меня не так уж и много, чтобы тратить его на ожидание. Для меня это непозволительная роскошь!

— Время — непозволительная роскошь для любого существа во Вселенной. Время представляет опасность даже для себя самого. Но так нужно. Если ты хочешь повлиять на сына, тебе следует немного подождать. Я знаю, Корнелий, что ты очень переживал, пообещав своему другу выполнить любую его просьбу перед смертью, которая медленно, но уверенно брала его в свои объятия, причиняя огромную боль. Знаю также, что ты не думал о том, что эта просьба окажется фатальной. Ты поступил в соответствии со своими убеждениями, как привык, как тебя учили. Ведь ты воин, Корнелий, не мне напоминать тебе об этом.

— Я был солдатом, Михаил, это ты верно подметил. Разница лишь в том, что война для меня и моих друзей закончилась давным-давно.

— Не ты дал жизнь Ливерии, не тебе было ее и забирать, — сухо произнес Михаил.

— Хорошо рассуждать тому, кто не чувствует чужой боли! Я сделал благо для него. Он бы все равно умер через считанные дни. Но какие бы это были дни? Дни стонув, мучительной боли и агонии!

— Ты сделал это не для него, а для себя. Ты избавил от страданий себя, Корнелий, потому что ты был слаб. Ты отнял у него то, что тебе не принадлежало. Пойми ты это, наконец! Я же говорю: он очень хорошо умеет манипулировать вашими чувствами. Он делает так, чтобы зло вы воспринимали как благо, алчность — как бережливость, грубость — как отвагу и бескомпромиссность, а клевету и обман — как правду. Говорю тебе: подожди!

— Подожди... Я раньше и не задумывался о том, какое это страшное слово!

Корнелий тихо опустил взгляд и в очередной раз стал перебирать в голове воспоминания о том, как Марк взял под свое крыло сына, стал обучать его военному делу и водить по тем местам, от которых голова пошла бы кругом не только у мальчишки. Он вспоминал, как Луций начал быстро отдаляться от него, охладевать к нему и относиться к родному отцу, как к чужому человеку. Словно и не он, Корнелий, был его родителем, а Марк.

— Так что, Корнелий? Что ты мне ответишь?

— Ладно, убедил. Я буду ждать, сколько скажешь.

Михаил задумался. Он понимал, что только Корнелий сможет повлиять на Луция. Все еще можно изменить. В их силах остановить падение. Марк убедил Луция в том, что его отец умер, чтобы тот сжег за собой все мосты. Теперь этим можно было воспользоваться в своих интересах и ловко сыграть по правилам того, кто не придерживается правил. Михаила в этом плане пугал только сам Корнелий, вернее, его непредсказуемость.

Марк стоял на мраморном балконе в ярком свете полной луны. Его фигура казалась загадочной и величественной в могильном и неживом свете ночного светила. Облокотившись на перила, он всматривался куда-то вдаль, но иногда переводил свой взгляд на стоящего рядом с ним горбуна, который противно ковырялся в носу и изредка хихикал. Совсем недавно Авера выглядел молодым и красивым юношей, с гладкой кожей, густыми светлыми волосами и глазами цвета моря. Теперь же позади Марка стояло существо, более напоминавшее животное: страшное, с косыми глазами разного цвета и горбом, который не давал ему выпрямиться и посмотреть на собеседника иначе, как исподлобья. От густых и красивых волос осталось лишь несколько неравномерно торчащих кусков шерсти. Закутанный в рваное тряпье, он меньше всего сейчас походил на человека.

— Вши совсем зажрали. Даже не знаю, что с ними делать! — почесав себя под мышкой, Авера ловко схватил мелкое насекомое, тут же сунул его себе в рот и перемолол острыми зубами.

— Хм. Знаешь, ты мне таким больше нравишься. Признаюсь, я и не думал, что ты будешь преображаться такими быстрыми темпами. Ну что же, чем больше в тебе мерзости, тем лучше для них. Когда я тебя создал, ты был скудноват на внешность, но вот теперь... Продолжай совершенствоваться! Думаю, ты понравишься людям.

— А папка будет мною гордиться?! — с ехидством проговорил Авера, вынул из-за пазухи медное зеркальце и стал прихорашиваться, поправляя то, что и волосами назвать было трудно.

Вдоволь налюбовавшись собой, он улыбнулся во весь свой оскал, отчего зеркало помутнело и покрылось тонким слоем плесени. В искаженном отражении он увидел свой старый облик, скривил недовольную гримасу и отшвырнул зеркало в сторону.

— Да, так гораздо лучше, почти красавчик! А у меня есть новость.

— Ты узнал, где Михаил прячет Корнелия? — спросил Марк, не оборачиваясь к горбуну и продолжая смотреть вдаль.

— Я проник в сознание Корнелия, но Михаил почувствовал мое присутствие. Однако прежде, чем он меня вычислил, я узнал, что старый пес ждет встречи со своим щенком, а еще жаждет увидеться с тобой, повелитель. Хочет, так сказать, поговорить по душам, — смаковал свое изречение Грешник.

— Михаил думает, что Корнелий — это их козырь. Да будет так.

— Прятали, прятали, а сейчас, получается, сами его на блюдечке к нам принесут —

заржал Авера. — Стратеги из них неважные!

— Как говорят люди, пути Его неисповедимы, — произнес Анатас с легкой ухмылкой, посмотрев сначала на манящую и одновременно загадочную луну, а потом на Грешника. — Мне нужно, чтобы Корнелий не встретился с Луцием. Ты понял меня?

— А то! — ковыряясь в носу, ответил горбун.

Марк снова осмотрел бледный лик луны и обратился к свету.

— Ты мечешь бисер перед свиньями. Знаешь же, к чему это приведет. Разве ты не понимаешь, что лишь оттягиваешь неизбежное? Ведь мы выше их, зачем же ты пытаешься что-то доказать? Почему у тебя не хватает духу признать, что твое творение — неудачный эксперимент, который подлежит утилизации? Зачем ты хочешь их спасти, дать им шанс? Что ты ведешь себя, как ребенок? Думаешь, я это делаю назло тебе и твоему творению, которое ты создал по своему образу и подобию? Пойми: все, что я делаю, я делаю исключительно из благих побуждений, а не с целью насолить тебе. Твое дитя далеко не такое светлое и красивое, как ты. Оно больше походит на нелепого уродца, нежели на то, что ты рассчитывал получить в конечном итоге. Все это ошибка, неудачный опыт в попытке создания совершенного мира. И эту ошибку следует искоренить. Я понимаю, тебе трудно с этим смириться, но это случится, и ты меня не остановишь. Рано или поздно я добьюсь того, чтобы они остались наедине со своими грехами на умирающей планете. Ведь я прав, а ты нет. Если бы этот мир был так же идеален, как и твой, я просто не посмел бы разрушить его. Не понимаю, зачем тебе все это надо? Зачем спасать то, что не столь совершенно, как мы? Они даже не пытаются стать лучше. И где, где эта твоя частичка в них? Ответь мне! Зря ты послал на эту грешную землю своего сына. Не поймут они его учений и не примут его как спасителя. Они предали тебя, предадут и его — из алчности, корысти и зависти. Посмотри на мое создание, — указал Марк пальцем на Грешника. — Я сделал его идеальным и правильным, но я дал ему дар — дар впитывать в себя все плохое, что есть в людях. Взгляни на него: он воплощает все то, чего ты не замечаешь в них. Вот он, истинный облик твоего творения — без маски, без лжи, без обмана. Только честолюбие и гордость не дают тебе признать мою правоту. Ты как врач, который поставил неправильный диагноз. С каждым днем больному все хуже, но ты тешишь себя надеждой, что пациент поправится, хотя и даешь ему не те лекарства.

Марк прикрыл глаза и ненадолго задумался.

— Я лекарство. Я вылечу их. Их всех. Слышишь меня? Знаю, что слышишь.

— Здравствуй, Анатас, — послышался голос за его спиной, при звуке которого горбун спрятался за ногами своего хозяина и зарычал, словно пес.

— Здравствуй, Михаил, — все так же не оборачиваясь, ответил Анатас. — Чем обязан? Если честно, признаюсь, не тебя я здесь ожидал увидеть. Ну да ладно. Любит мой брат перекладывать ответственность со своих плеч на чужие. Я понимаю, что тебе это неприятно слышать, но это так. Неспроста же он послал тебя ко мне, не правда ли? Впрочем, я привык выслушивать его прошения через чужие уста. Он, как всегда, слишком занят, чтобы прийти самому. А может, он считает меня недостойным его внимания? Или он обижен на меня за то, что я хочу сломать его любимые игрушки? Так или иначе, я слушаю тебя. Говори, зачем он тебя ко мне прислал? — Марк сел в роскошное кресло из дорогой кожи, расшитой золотом, вольготно откинулся на спинку, скрестил ноги и жестом руки предложил Михаилу присесть рядом с собой.

— Нет, спасибо, я постою.

— Дело твое, — равнодушно пожал плечами Анатас. — Я тебя слушаю: зачем ты пожаловал к тому, с кем не хочет общаться твой хозяин?

— Я пришел к тебе не по его воле, а по своей.

— Даже так? У тебя есть свое мнение? Однако. Шавка начала тявкать без приказа. Раньше я думал, что безумие — болезнь исключительно низших форм жизни. Видимо, я ошибался, — с презрением в голосе перебил его Анатас. — Так о чем ты хотел поговорить со мной? Хотя, дай угадаю: о Луции и его папаше?

— Да, именно о них, — тихо ответил Михаил. — Ты и сам все прекрасно понимаешь. Я лишь хочу, чтобы ты дал им шанс на спасение рода человеческого, их рода.

— Ха-ха-ха! — не выдержал Анатас. — Ты точно пришел по собственной воле? Я это уже где-то слышал. Посмотри на Аверу, Михаил. Посмотри, что с ним стало буквально за несколько лет. Это ты называешь проявлением доброты и сострадания к ближнему своему? О чем ты говоришь? Зачем мне давать им шанс, если заранее известно, что они сами, как и прежде, спустят его в выгребную яму? Про какой шанс ты твердишь? Им он не нужен. Знаешь, я разговариваю с тобой лишь потому, что у меня не плохое настроение. Как я устал на самом деле вести эти бесполезные беседы с тобой, с ним. Бестолковый, нескончаемый, глупейший разговор о том, что они все хорошие, что они исправятся, что они просто запутались...

— Спор, действительно, долгий, но, не будь тебя, они бы изменились. Они запутались не без твоего участия, раз уж на то пошло, — спокойно ответил Михаил. — Не мешай Корнелию встретиться с сыном!

— Не много ли ты просишь? А, Михаил? Ты ждешь, чтобы я разрешил Корнелию встретиться с Луцием после того, как сам рассказал ему о смерти отца на каменоломне? Ты сейчас пошутил? У тебя все или есть еще что-то? Может, есть еще какие-нибудь дурацкие просьбы?

— Нет, больше ничего. Я надеялся...

— На что ты надеялся?

— Не знаю.

— Прощай, Михаил, — Анатас взмахнул рукой, и его собеседник исчез.

Под пеленой прохладной ночи, в свете магической и неестественно большой яркой красной луны, в могильной тишине спящего дома грустил Корнелий. На душе его было тяжело, словно на грудь взвалили неподъемный камень. Руки горели от ощущения беспомощности, от страха, вызванного всем тем, что рассказал ему Михаил. Странно чувствовать себя никчемным, понимая, что мир, о котором ты вроде бы все знал, рухнул, точнее, растворился в небытии. Корнелий мысленно вернулся в прошлое, в те времена, когда таких солдат, как он, просто похоронили заживо. Их вычеркнули из списков людей, предпочли забыть. Его нынешние ощущения напоминали те, прежние: ты вроде бы есть, но тебя вроде бы и нет.

— Корнелий, я желаю тебе только добра и хочу помочь. То, что ты хочешь сделать, — бессмысленно, ибо ты не знаешь, что такое есть Марк. Он очень хитер и сделает все, чтобы добиться своей цели, — в голове Корнелия снова пронесся уже почти забытый разговор с Михаилом.

Столько времени прошло, а в его сознании все равно не укладывалось, каким образом он тогда взял, да и вышел из каменоломни, не видимый никем. А ведь они просто шли и

разговаривали с Михаилом. Общались о жизни, добре, зле и несправедливости. Тогда Корнелию показалось, что он умер, так легко и хорошо было у него на душе. А потом он оглянулся и понял, что место его заточения осталось далеко позади и что он стоит на дороге возле небольшого водоема рядом со стопкой чистой одежды.

Снова волной накатили воспоминания о его разговоре с Михаилом, выбираясь из недр памяти и вытягивая наружу погребенное в глубинах сознания прошлое.

— Своей цели? О какой цели ты говоришь? И какие его цели могут быть связаны с моими сыновьями? — возмутился тогда Корнелий.

— Здесь все не так уж просто, и я не знаю, как тебе доступно это объяснить, — озабоченно задумался Михаил.

— Ты уж постарайся! — голос Корнелия задрожал от злости. — Речь идет о моих детях! Ты это понимаешь?! Как этот Марк и его планы связаны с Луцием?! Рассказывай все, что знаешь! Или ты что-то скрываешь от меня?

— Я ничего не скрываю, но боюсь, что ты мне не поверишь, а главное, что ты этого не поймешь.

— Поверю или нет, это я уже сам буду решать, а ты просто расскажи все, что знаешь!

— Хорошо, я расскажу тебе. Ты хочешь знать, кто такой Марк и как его планы пересекаются с твоим сыном Луцием?

— Именно!

— Так слушай же. Все началось очень давно, задолго до появления людей на земле. Создав ваш мир и все живое в нем, единое начало продолжило игру и сотворило разум и его носителей. Поначалу вам помогали, как помогают маленьким детям, обучая их ходить и говорить. Однако, когда вы подросли и почувствовали себя самостоятельными, вы забыли о своем происхождении и присвоили себе право судить себе подобных и властвовать над ними. Вы разделились. Подобно вам, и единое начало приняло двуликую форму, чтобы в споре решить, что делать с неподконтрольным ему творением. Эти два начала вы называете добром и злом. Чем сильнее вы любили и ненавидели, тем жарче они спорили о том, чего вы заслуживаете за ваши деяния: прощения или наказания. Анатас воспротивился тому, что смертным уделено столько внимания и предоставлено столько благ, что их выделили из общей группы созданий и наградили разумом и правом выбора.

— Постой, Михаил. Что за ахиною ты сейчас несешь?! — тут же перебил его Корнелий и отмахнулся. — Что за бред?!

— Корнелий, а как, по-твоему, мы вышли из каменоломни?

— Я... Я... — старик пожал плечами и опустил глаза, пытаясь найти хоть какое-то логическое объяснение случившемуся с ним.

— Вот поэтому-то и прими сказанное мною за истину. Все, о чем я тебе говорю, есть правда. Существует создатель и существует Анатас, он же Марк. Это не человек, как всем кажется, Корнелий, это могущественное существо. После долгих споров со своим братом Марк пришел в этот мир. Потеряв большую часть своей силы, он приспособился к жизни среди вас, людей, однако его единственная цель заключается в том, чтобы вы уничтожили друг друга. Он неоднократно истреблял вас, но вы, вопреки его надеждам и планам, выживали. Теперь он создал место под названием Ад, и с этого момента ваши души даже после смерти не останутся в покое. Он не даст вам ни прощения, ни возможности раскаяния. Однако создатель предугадал его действия и послал на землю своего сына, чтобы даровать людям заповеди, научить их истинным правилам, поскольку скоро Анатас обретет власть

карать вас по деяниям вашим, и создатель не сможет ничего поделать с этим. За тысячелетия, проведенные здесь, Марк очень хорошо научился манипулировать вами и направлять вас по пути, который выгоден только ему. Он играет на ваших эмоциях, входит к вам в доверие и обставляет все так, что вы, люди, считаете принимаемые вами решения своими, тогда как на самом деле это он решает все за вас. Посмотри, что творится вокруг, Корнелий. А это всего-навсего результат того, что он внушил людям мысль об их безнаказанности и вседозволенности. И бац, — Михаил щелкнул пальцами, — вы утопаете в грехах, словно свиньи в грязи.

— Михаил, — оторопело прошептал Корнелий. — Так значит, судя по твоим словам, мы просто предмет спора? То есть мы, люди, всего лишь расходный материал в вашей игре? — сквозь зубы добавил он, сжав кулаки так, что захрустели хрящи на пальцах.

— Нет, Корнелий. Никчемными считает вас Анатас, но он хочет эту мысль внушить вашему заступнику и уничтожить вас, устроив так, чтобы вы сами поубивали друг друга. Именно для этого, как ни грустно осознавать, ему нужен твой сын Луций. Анатас создает из него то, чем он вас представляет. Хочет возвести его на трон империи.

— Для чего?

— Разве не ясно? Император может все. А власть и безумие всегда ходят рядом. Твоего сына войны почитают, как бога. Отдай он приказ, и они вырежут деревню, город, империю, да что там — весь мир! А ведь война — самое страшное испытание для души. Жестокость порождает жестокость, и мало кто может остаться человеком в таких условиях. И тогда Анатас протянет вам руку помощи, а когда вы схватитесь за нее, как за спасительную соломинку, все будет кончено. Для вас. Он контролирует твоего сына, внушает ему идею о правильности его поступков. Убеждает его в том, что все творимые им ужасы — всего лишь месть, месть за тебя, Корнелий. Луций мечтает о троне, и скоро Анатас убедит его свергнуть Тиберия и занять его место. И только ты можешь остановить его.

— Михаил, но ведь вы всемогущие. И ты, и тот, кому ты служишь. Почему вам просто не явиться к моему сыну и не рассказать ему все, как оно есть?

— Мы не можем так поступить. Вы свободны в праве выбора. Если мы начнем управлять вами, для чего тогда вы будете нужны в этом мире? Вы особенные создания, и мы можем только помогать вам, направлять вас, но не манипулировать вами, не приказывать.

— А Марк? Тогда убейте его и дело с концом!

— Убивать — привилегия людей, Корнелий. Мы не воюем с себе подобными, такими уж нас создали. Мы ограничены в возможностях, в отличие от вас. Каким бы ни был Марк, они братья, и ни один из них не посмеет причинить зло другому.

— А как же мы? Ведь это наши жизни, наши судьбы. Для вас это всего лишь спор, игра. И чем тогда ваш, так называемый, защитник рода человеческого лучше Марка?

— Он умеет прощать вас, Корнелий. Поверь мне, смерть — не самое страшное, что есть в вашей жизни. Сейчас мы лишь пытаемся все это исправить и помочь вам не погибнуть от рук твоего сына. Вот именно поэтому ты должен встретиться с Луцием.

— Знаешь, Михаил, вы ничем не лучше нас. Мните себя создателями, богами, а на самом деле играете в какие-то только вам понятные игры. А мы... Нами вы только прикрываетесь! Спасибо тебе, Михаил, что рассказал мне все это. Странная история, это правда: все хотят ее знать, но не каждый осмелится ее услышать. Я поговорю с сыном, но не ради вас, не ради спасения мира и уж тем более не ради твоего Бога. Я сделаю это ради того, чтобы сохранить Луция. Только ради него.

Корнелий смотрел пристально, постаревшим и измученным взглядом. Михаил одобрительно кивнул головой и ушел.

— Безумие. Вся жизнь — сплошное безумие. Как же хорошо было не знать этого всего. Плыть по течению жизни, как плывут все, — Корнелий обхватил руками седую голову. — Как же тошно, — он потянул ворот туники, стирая пот с шеи.

— Тяжко? — послышался голос, такой знакомый и уже почти забытый.

Корнелий поднял голову и увидел стоящего неподалеку Ливерия.

— Ты же мертв? — нахмурил он лицо, не веря своим глазам.

— Это да. Ты же сам меня убил, Корнелий. Или забыл?! — усмехнулся Ливерий, глядя на собеседника разноцветными глазами.

— Прости меня. Я...

— Да ладно, брось, дело-то прошлое. Подумаешь, придушил. Ты ведь и Аврелия бросил, и Кристиана тоже. Ты всех бросил, даже своих детей, не говоря уж о наших. А обещал и клялся помогать, и мы верили тебе. Верили.

— Ливерий, что ты такое говоришь?

— Правду, Корнелий. Я говорю правду! Мы тебе всегда слепо верили, а ты предал нас! Предал!

— Это неправда!

— Да?! Тогда почему ты жив, а твой сын затащил наших детей в этот кромешный мрак? Ты сидишь здесь вместо того, чтобы отомстить за нас тому, кто все это подстроил!

— Я хочу все исправить, Ливерий! И я не сижу без дела!

— Да?! Мы видим! Ты мог отговорить нас от безнадежного похода в Тевтобургский лес! И тогда Аврелий был бы жив! Мог отговорить нас от того, чтобы отпустить своих детей к этому Марку, и сейчас у них все было бы хорошо! Но нет, ты, эгоистичный подонок, хотел вернуть себе былую славу и лелеял мечту о том, что твой сын когда-нибудь станет таким же, как ты!

— Это неправда! Я убеждал вас в обратном! Я не раз говорил, что не доверяю Марку, но вы настаивали на своем!

— Да что ты?! Тебе стоило приказать, и мы бы послушались! Ведь ты был нашим командиром не только в армии, но и в жизни. Но нет, ты предпочел вернуть себе славу в лице своего сына! Ты расплатился нашими жизнями, нашими семьями за то, чтобы Луций стал монстром! И теперь ты сидишь здесь и наслаждаешься результатом!

— Заткнись, Ливерий. Не неси чушь!

— Чушь?! Посмотри! Вот твоя чушь! — призрак задрал голову и указал пальцем на посиневшую шею и сломанный кадык. — Вот твоя чушь! Ты убил меня! Ты всех убил! Властный, ничтожный предатель! А мы верили тебе! Верили!

— Ты сам попросил избавить тебя от страданий!

— А ты был рад этому, да?! Чтобы потом спасти свою задницу! Разделался со всеми и сбежал со своим новым дружкой!

— Это неправда!

— Да что ты заладил: неправда, неправда! Докажи! Докажи делом!

— Как?! Как я могу тебе это доказать?!

— Убей Марка! — глаза Ливерия сверкнули.

Вдруг он согнулся и уменьшился, превратившись в безобразного карлика. Уродец стоял и улыбался, а его разноцветные глаза без зрачков, казалось, проникали в душу. В голове

Корнелия звучало: «Убей Марка! Убей! И все будет хорошо. Ты же воин, ты должен отомстить за всех».

— Прости меня, Ливерий, я не думал, что все так выйдет. Я хотел лишь добра для всех вас, — он упал перед горбуном на колени и обнял его, а тот стал шептать ему в ухо.

— Ты лжешь! Лжешь!

— Нет! Простите меня!

— Убей Марка!

— Но как?

— Я помогу тебе. Я отведу тебя к нему.

— Но Михаил просил... — начал было Корнелий, но горбун тут же оттолкнул его.

— Что?! Ты будешь слушать своих друзей или малознакомого чудака, который рассказал тебе какую-то ахинею и забил дурью твою старую голову?! Делай свой выбор, Корнелий: ты с нами или против нас?!

— С вами! Конечно, с вами! Ваш выбор — это мой выбор! Я хочу его видеть! Помоги мне, Ливерий, и я вырву ему сердце! — скрипя зубами, весь в слезах, Корнелий тряс карлика за грудки.

— Как прикажешь! А с сердцем интересная идея, — улыбнулся Авера, щуря свои разноцветные глаза.

— Что? — Корнелий отстранил от себя странное существо. — Да что ты такое? — еле выговорил он, глядя в искривленное лицо Грешника, который секунду назад казался ему покойным другом.

— Ха-ха-ха! Я все то, о чем ты только что мечтал, когда представлял себе свою месть! — рассмеялся горбун.

В этот момент кто-то заломил Корнелию назад руки и с чудовищной силой прижал его к себе. Огромные черные крылья взметнулись вверх. Над правым плечом Корнелия склонился Сципион.

— Не забыл меня, центурион?

Крылья Абигора обхватили отца Луция, на мгновение скрыв его почти целиком, и тут же исчезли за спиной своего хозяина. Корнелий повернул голову и в ужасе произнес пересохшим ртом:

— Сципион! Ты?! Чертов ублюдок! Сколько лет прошло, а ты не изменился!

— Прости, центурион, но, к твоему сожалению, мой век очень долг, почти бесконечен.

— Ты все подстроил тогда там?

— Нет. Я только исполнил приказ. А ты попался.

— Так все это было ради меня? Столько жертв?

— Да кому ты нужен, старый пень! — рассмеявшись, прокричал Авера и вытащил из-за пояса старый ржавый нож со сколами на лезвии. — Нам нужен был твой сын! А как нам удалось бы сломать мальчика, если бы он не увидел сломленного отца?

— Вот видишь, центурион, ваша жизнь — просто игра для них. Вы не венец природы, вы грязь под их подошвами, — прошептал Абигор на ухо все еще пытавшемуся сопротивляться Корнелию.

— Ну что же, приступим, — Авера достал из кармана небольшой точильный камень и, плюнув на него, стал точить свой выдавший виды нож. Затем он попробовал лезвие большим пальцем на остроту и, скривив в ухмылке рожу, буркнул себе под нос: — И так сойдет, — после чего медленно разрезал тунику центуриона, оголив грудь. — Значит, говоришь, сердце

хотел Марку вырвать? Что же, допустим.

— Михаил! — взревел Корнелий, увидев того стоящим в углу комнаты.

Грешник отпрыгнул в сторону и, немного съезжившись, зашипел, словно змея. Абигор перевел взгляд на появившегося архангела.

— Михаил, помоги мне! — снова взмолился Корнелий, но тот стоял, не шевелясь, и смотрел на него, чуть потупившись, будто укоряя себя за происходящее. — Михаил! Михаил! Помоги мне! Михаил!

— Ты знаешь правила, — тихо произнес Абигор.

— Да, я знаю, — спокойно ответил тот.

— Хочешь понаблюдать?

— Нет, спасибо, — опустил голову архангел.

— Михаил! — снова взревел Корнелий и попытался вырваться, но хватка Сципиона была сильнее любых оков.

— Михаил! — вновь прокричал он уже в пустоту.

— Корнелий, Корнелий. Он тебе не поможет. Они не слышат вас после того, как вы пренебрегли правилами. У них на все есть оправдание. На все свои уловки. Ты сделал свой выбор, и теперь они не вправе помешать нам. Когда наш хозяин снова получит силу, мы будем вырезать вас, как скот. Потому что вы и есть скот. Вам дают благо, а вы отворачиваете от него свои рыла. Вам говорят делать, как надо, а вы плюете советчику в лицо. Вас просят быть людьми, а вы хотите походить на животных. Так и умирайте, как животные!

Авера медленно и с наслаждением разрезал Корнелию грудь. Еще живому просунул руку внутрь и, нащупав трепещущее сердце, резким рывком вытащил его из тела. Корнелий некоторое время еще беспомощно моргал глазами и открывал рот, глядя, как горбун перебрасывает из руки в руку окровавленный орган, затем, ослабившись в зверином оскале, несколько раз дернулся и обмяк. Абигор разжал хватку, и тело сползло на пол.

— Сдох что ли? — пиная мертвеца ногой, издевался горбун, глядя на Сципиона.

— Уснул. Навечно, — усмехнулся тот.

— А хозяин беспокоился. Я же сказал, что все улажу! Обожаю гнев. Моя любимая людская эмоция и любимый грех!

— Для тебя любой грех любимый.

— Что есть, то есть. Ладно, пойдем, — горбун хлопнул в ладоши, и горящая лампада вспыхнула, перекинув на дерево огонь, который с треском начал пожирать все на своем пути.

Марк сидел на золотом троне в черно-белом мраморном зале с колоннами, уходящими в никуда — под небосвод, в недостижимую взгляду высоту. Перед ним в воздухе висел серебряный поднос, на котором лежало человеческое сердце. Он долго смотрел на подарок, который преподнес ему его любимец.

— Что ни говори, умирать не хочет никто. Даже люди, которые мнят себя при жизни богами, не спешат почему-то попасть на небеса. Но я дам понять им, что смерть — пункт назначения для каждого из них. Никто и никогда не сможет уйти от возмездия моего. И так будет, пока я не истреблю весь род людской. Смерть, пожалуй, — самое лучшее из всего, тобой сотворенного, брат.

— Что делать с остальными, милорд? — подкидывая кинжал и ловя его на лету рукой, поинтересовался Абигор.

— Наверное, настало время избавить мальчика от обузы. Зачем ему друзья, если он обретет власть над всем миром?

Глава 26 ПРОЩАЙ, РОМУЛ

Несколько часов назад отряд вернулся из города, притаившись в лагерь полуживого Ромула. Когда Маркус шел из конюшни мимо одной из палаток, он услышал доносящуюся из нее знакомую ругань. Ветер сильным жаром обдал его лицо, он остановился и прислушался. За плотной тканью, прикрывавшей вход в палатку, звучал раздраженный голос брата. Маркус осторожно, едва дыша, подошел ближе, встал сбоку от входа и немного отодвинул занавес. По голосу он догадался, что в палатке вместе с Луцием находился Понтий, они спорили на повышенных тонах. Маркус их понимал: не каждый день они теряли столько солдат, да еще и по вине близкого друга.

— Этот придурок угробил мою кавалерию! И все из-за какой-то продажной волчицы! Твою мать! — Луций в ярости перевернул стол, и Маркус услышал, как зазвенели падающие с него предметы.

— Зачем ты приволок его в лагерь?

— А что мне оставалось делать?! Оставить его в том свинарнике?! К тому же у нас сражение впереди, и Ромул мне нужен для подготовки к нему. Или ты позабыл о битве?! Или ты сам заменишь его?! Ты можешь придумывать разные штуковины и разрабатывать гениальные планы, как он?!

— А ты сам чем хуже? К тому же у тебя есть и другие офицеры.

— В Рим! Отправлю его в Рим! Под арест, пока не закончу тут дела! — Луций нервнично схватил бумагу и заметался по палатке в поисках места, чтобы написать приказ.

— Ага, правильно. Хочешь из-за этого еще и звания лишиться? Давай, дерзай! Думаешь, Цезарю понравится такой поворот событий?!

— О чем ты? — Луций задумался, покусывая губы.

— Офицер угробил войско. И неважно, что он наш друг. Фактически, он предал тебя из-за распутной девки! И вместо того, чтобы наказать его, ты просто отправишь его в Рим?! Ты спятил, Луций?! Мы тут не в солдатиков играем! Тебя за это в лучшем случае прогонят через строй и вышлют за пределы империи! И нас заодно!

— Но яведь убил ее! А сам Ромул закован в железо и взят под охрану. Что еще нужно?! Прикажу еще его выпороть! А в предстоящем сражении он искупит свой позор кровью и храбростью!

— Ну-ну! Только я не удивлюсь, если до этого момента кто-нибудь уже успеет настроить Тиберию донос на тебя. И поверь, император не станет долго думать, как поступить с нами! Или ты хочешь перечеркнуть все то, о чем мы мечтали?! А как же месть, о которой ты так сладко рассказывал?! А о Мартине и обо мне ты подумал?! Или ты готов плюнуть на все и на всех из-за идиота, который увязался за шлюхой?! А Ромул? Он-то подумал о нас? О тебе? Обо мне? Нет, он думал только о себе!

— Понтий... Понтий, Пон-ти-й. Я, кажется, понимаю, к чему ты клонишь, — Луций медленно скомкал бумагу в руке. — Думаешь, я способен убить собственного друга? — он схватил Понтия за грудки и подтянул к себе. — Думаешь, я на это способен?!

— Тогда мы все умрем, — отворачивая лицо от брызжущего в ярости слюной Луция, тихо прошептал Понтий.

— Заткнись! — генерал оттолкнул друга в сторону, Понтий еле удержался на ногах. —

Заткнись! Заткнись! Заткнись!!! — Луций рухнул на стул и прикусил правую руку так сильно, что на губах показалась кровь. — Да чтоб вас всех!

— Я не призываю его убивать, Луций. Просто отправь его на покой со всеми почестями. Словно царя, — Понтий поправил ворот и подошел ближе к другу.

Луций смотрел на него с перекошенным от ярости лицом, с застывшей на губах зловещей улыбкой. Он нервно подергивал шеей, а с прокушенной руки медленно стекала и капала на землю кровь. Вдруг он почувствовал, что кто-то обнял его сзади, навалился на плечи, словно подвыпивший приятель, склонился над ухом. Тело мерзло от каждого прикосновения мертвого дыхания, а сердце замирало от одного присутствия этого мерзкого существа рядом.

— А Понтий-то прав, генерал, прав, и ты сам это знаешь. В глубине души ты хотел расправиться с Ромулом. Ну и что, что он твой друг? А он думал о том, что делал? Когда бросил солдат, а сам запрыгнул в постель к этой ведьме? Он бы бросил и тебя, просто до этого не дошло, а так бы точно бросил, предал — ради нумидийской сучки! И теперь, сидя под стражей, думаешь, он скорбит о том, что из-за него погибло столько народу? Нет, мой милый Луций, он переживает из-за нее! И я ни секунды не сомневаюсь в том, что, лишив его любимой игрушки, ты породил монстра, который при удобном случае воткнет тебе кинжал в спину. Так и будет! Он усыпит твою бдительность своим смиренным поведением, и ты даже не заметишь, как он разделается с тобой. И тогда все! Конец! Небытие! Ни власти, ни отмщения тем, кто ставил вас на колени все эти годы! Про тебя забудут! Вычеркнут из памяти, как вычеркнули из памяти легионы Вара, павшие в Тевтобургском лесу! Предадут забвению, как предали забвению твоего отца! И все ради чего? Думай, генерал, думай. Иногда нужны сакральные жертвы. Иногда они просто необходимы. Ты же знаешь, что Понтий прав. Он прав, потому что боится потерять то, чего добился. Это не убийство. Луций. Это еще один шаг на пути к твоей цели. Да, он трудный, этот шаг, но все поймут его и оценят. А ты докажешь, что не прощаешь предательства никому, даже близкому другу. Ты заставишь всех уважать себя. Заставишь еще больше себя бояться. Заставишь людей поверить в то, что ты выше них. Что ты бог! Что ты власть! Что ты вправе взойти на престол, когда придет время. А это время с каждым твоим шагом становится все ближе и ближе.

Луций скрежетал зубами так, что у Понтия по телу пробежали мурашки. Генерал вел себя, словно с ним кто-то разговаривал, кто-то невидимый и страшный. Луций кивал таинственному собеседнику головой, поддакивал, чуть открывая рот и едва шевеля губами. Вдруг он резко поднял взгляд на стоящего перед ним друга. Луций не смотрел, а прожигал Понтия насквозь своими безумными глазами.

— Ты это сделаешь? — его голос был решителен и тверд, словно он не задавал вопрос, а отдавал приказ.

— Нет, Луций, я не смогу.

— Да-а-а? — генерал медленно приподнялся с места.

— Ты не понял. Я имею в виду другое. Нужно все обыграть, нельзя же просто прийти и прирезать его!

— И что ты предлагаешь?

— Твой брат!

— Что мой брат? — Луций сделал шаг по направлению к Понтию и положил руку на рукоять меча. Понтий собрался с духом. — Послушай, послушай. Когда мы двинемся на город, оставим Маркуса с Ромулом, как бы для присмотра. Ромул ничего не заподозрит, и

мы останемся ни при чем. А потом скажем всем, что он храбро погиб, сражаясь во имя империи и императора.

— Думаешь, мой брат согласится на это?!

— Ты для него бог. Все видят, как он смотрит на тебя. Если ты прикажешь, он сделает это. Я уверен.

— Хочешь запачкать кровью руки Маркуса, да, Понтий?! Ты всегда был скользким типом, даже в детстве. Но самое странное и страшное в том, что сейчас ты прав, — Луций подошел вплотную к товарищу и положил руку ему на плечо.

От напряжения по виску Понтия скользнула капелька пота.

— Найди мне Маркуса. Скажи, чтобы зашел ко мне.

Ромул распластался на полу, закованный в железо. Сколько прошло времени с момента, когда к нему в комнату ворвался Луций, он не помнил. Руки и ноги у него затекли, ему страшно хотелось пить. У входа в шатер стояли охранники, но их просить было бесполезно. Он посмотрел по сторонам заплывшими от побоев глазами. Голова раскалывалась от боли, в носу хлюпало — похоже, нос был сломан. За матерчатыми стенами палатки слышались голоса, угадывались суэта и движение. Внезапно полотно распахнулось, и внутрь загадочным лучом проник свет, и парящая в воздухе пыль сказочно замерцала. Охрана вытянулась и отсалютовала, и Ромул увидел, как по полу, на котором он лежал, к нему зашагали чьи-то ноги, обутые в начищенные до блеска черные поножи с золотой отделкой. Луций? Ослепленный ярким светом, Ромул не сразу понял, кто пришел, но, когда его глаза пообвыкли, он разглядел Маркуса. Охрана почему-то удалась.

— Пить... — еле прошевелил губами он.

Маркус медленно подошел к лежащему Ромулу, несколько раз кивнул ему в знак понимания, затем помог подняться, снял оковы и усадил на походный ременчатый стул. После этого юноша подошел к столу со стоявшим на нем кувшином, налил почти до краев чашу неразбавленного вина и протянул ее Ромулу, будто бы видел его в последний раз. Тот сделал несколько жадных глотков и с замиранием сердца поднял глаза на Маркуса.

— Испанское, мое любимое.

— Да, испанское. Там умеют делать вино, оно не чета местной бурде или варварскому пиву.

— Пиво — мерзкая штука. Мы пристрастились к нему в Германии. Ужасное пойло, — Ромул скорчил гримасу, стараясь избавиться от воспоминаний об отвратительном вкусе напитка. Затем он снова приложился к чаше, осушил ее до дна и вернул Маркусу, который отнес ее обратно на стол.

— Что там происходит?

— Легион готовится выступить. Луций приказал подготовиться к осаде и взять город штурмом, — стараясь не смотреть на Ромула, тихо ответил Маркус.

— Хм. Ясно. А тебя почему оставили?

— За тобой приглядеть, — Маркус закашлялся, отошел от стола и, прикрывая рот ладонью, приблизился к Ромулу со спины.

— Думает, сбегу? — с отчаяньем спросил тот.

— Нет, боится, как бы ты чего с собой не сделал. — Маркус медленно вытащил из-под наручей кожаный плетеный шнурок и несколько раз обернул им сначала одну ладонь, потом вторую. Затем он мельком взглянул в небольшую дыру в палатке: солдаты седлали лошадей,

препирались, повсюду слышались крики и брань.

— Надо же, проявил сострадание! Да лучше бы... — хотел ответить Ромул, но удавка внезапно опутала его шею, и слова застряли в перетянutom горле.

Он дернулся вверх, но Маркус всей массой навалился на него. Ромул стучал ногами и тщетно пытался сорвать с шеи злополучный ошейник. Еще некоторое время он сопротивлялся, потом захрипел и мог лишь беспомощно постукивать по плечам своего убийцу, с каждым разом все слабее и слабее. Через несколько секунд его тело стало мягким и вялым. Маркус опустил его на земляной пол и медленно снял удавку, которая изрядно впиалась в шею, оставив на ней глубокий кровоподтек. Некоторое время он сидел над мертвым Ромулом, потом дрожащей рукой прикрыл ему веки. Понтий верно рассчитал: Луцию не пришлось долго уговаривать брата совершить то, что тот в итоге сделал. Маркус был готов к разговору, поскольку все слышал и заранее знал, о чем попросит его генерал. Луций объяснял ему, как это важно для всех, говорил, как он сожалеет о том, что нужно сделать, что назад дороги нет — да много еще о чем. Маркус просто стоял и слушал, слушал, слушал. Он был готов на все, лишь бы угодить Луцию. Был готов даже отдать за него жизнь, не то что убить кого-то. Пусть даже этот кто-то был его другом. Марк правильно воспитывал его все это время, возвращая в сознании парня образ Луция как великого воина, храброго солдата и — в будущем — мудрого правителя. Не проходило и дня без того, чтобы Велиал или Асмодей не рассказали Маркусу что-нибудь о его брате, о его славных сражениях и ратных подвигах — и это дало свои результаты.

Юноша оттащил тело Ромула в сторону, уложил его на кушетку и прикрыл одеялом. Затем он позвал охрану и приказал никого не впускать в палатку до тех пор, пока не вернется Луций, а сам вышел на свежий воздух. Любую проблему можно залить вином, и Маркус, недолго думая, отправился за ним в шатер к брату — то ли праздновать успешное дело, то ли помянуть убитого друга.

Глава 27 ПАДЕНИЕ ЛАМБЕСИСА

Вернувшись из Египта в Антиохию, Германик узнал о том, что Гней Пизон, любимчик Тиберия, отменил все его распоряжения по Сирии. Мало того, что его, так сказать, с почестями выдворили из Рима, так теперь и вообще ни во что не ставят. А ведь он умирил рейнские легионы, разбил Арминия, мог даже посягнуть на власть, но не сделал этого, да и то лишь потому, что послушал Марка. А теперь, когда ему самому нужна помощь, все отвернулись от него. Даже Пизон, который и ногтя его не стоил, осмелился прекословить ему и игнорировать его приказы. Германик перевел взгляд на Кассия, который стоял перед ним в пыльной дорожной одежде.

— Ты понимаешь, сколько голов полетит из-за того, о чем ты сейчас мне рассказал? Если, конечно, это правда. Клементий не раз писал мне доносы на Луция, но он так и не смог представить ни одного подтверждающего документа. А теперь ты говоришь, что Луций Корнелий, генерал Черного легиона, — сын центуриона Корнелия Августа, которого обвинили сначала в предательстве, а потом в многолетнем отлынивании от уплаты государственных податей? Получается, Луций бежал в армию, чтобы его не сослали в каменоломни, как его папашу? А все его офицеры, выходит, — такие же, как и он, государственные преступники? Ты точно ничего не путаешь?

— Нет. Все так и есть.

— Откуда такие сведения, Кассий? Ты думаешь, мне достаточно твоих слов?

— У меня есть бумаги, — Кассий протянул Германику свернутые в трубочку свитки.

— Откуда это? — читая документы и меняясь в лице, снова спросил Германик.

— Мне передал их один человек, сказал, что это будет вам интересно. Я был тогда в отпуске и отдыхал в трактире, там он и подсел ко мне. Он сказал, что вы сможете остановить большое зло, если примете правильное решение. А еще он сказал, что одной жизнью можно пожертвовать ради спасения человечества. Я сразу бросился в путь.

— Что за человек? — не отрываясь от бумаг, поинтересовался Германик.

— Не знаю, я видел его впервые. Он просто отдал мне документы, и все. С виду обычный римлянин. Волосы вот только у него были странные, разного цвета: половина седых, половина черных.

— Человек с разными волосами... Просто отдал такие документы и ничего не попросил взамен?

— Вообще-то он попросил воды. Я пошел за ней, а когда вернулся, его уже не было. Я прочел бумаги и понял, что медлить нельзя.

— Ты говорил о них кому-нибудь еще?

— Я отписал Клементию и сразу отправился сюда, к вам в Антиохию. Клементий, наверное, уже получил мое послание. Наш легион стоит лагерем в Германии...

— Я знаю, где стоит ваш легион. Клементий был назначен его командиром вместо меня, — перебил его Германик. В его голове ментально пронеслась идея о возвращении былого могущества.

Ему тридцать четыре года, всего тридцать четыре, а Тиберий уже обрубил ему крылья. Пора прекратить слушать других и начать самому вершить свою судьбу. Если бы не Марк, он бы давно уже взял власть в свои руки. А теперь Марк — советник Цезаря, а его, Германика,

отправили в изгнание — никак иначе это назвать нельзя. За показательным триумфом последовал пинок под зад, вот и все, чего он заслужил, вот и вся благодарность ему от Цезаря и хитреца Марка. Но с этими бумагами можно выставить дядюшку перед сенатом в наилучшем свете. Это надо же: Цезарь назначает на должность генерала сына предателя и государственного преступника! Нужно только все хорошенько продумать, чтобы Тиберий больше не смог вставлять ему палки в колеса, а затем самому взойти на престол. Благодаря сторонникам, которые часто приезжали к нему из Рима, Германик всегда был хорошо осведомлен о том, что делается в столице. До этого момента он еще боялся рисковать, открыто выступив против своего дяди Тиберия. Но после того как Пизон нагло пренебрег его решениями, а Кассий раздобыл такой компромат, сомнений у него не осталось. Действовать нужно было немедленно, пока его не убрали совсем. Армия еще помнит его заслуги. Его верные легионы стоят в Германии, им только нужно дать знать, и они с радостью поддержат его. А Клементий наверняка обижен, что не его поставили во главе Черного легиона. К тому же пропавшие сенаторы — дело рук Луция, тут все очевидно, тем более что именно он их и видел последним. Германика озарило: «Марк, сукин сын! Вот кто стоит за всем этим! Всегда незаметный, он втихаря убедил всех поставить этого дикого мальчишку во главе гвардейцев. Но для чего? Конечно, это все он, ведь Тиберий уже ни одного решения не принимает без его напутственного слова. Хитрый лис! И правильно: зачем быть у власти, когда можно править, манипулируя другими?».

— Послушай, Кассий, твой командир Клементий все еще предан Риму?

— Конечно!

— Прекрасно. Никому не говори, что ты был у меня. И об этих бумагах тоже ни слова! Отправляйся как можно скорее к Клементию и сообщи ему о том, что я скоро прибуду: пускай соберет командиров легионов у себя, но не сообщает им, с какой целью. Или нет: пускай устроит пир — так будет лучше. Мне нужна возможность поговорить с ними.

Кассий кивнул и удалился, а Германик еще раз перечитал бумаги, подошел к серебряному сундучку, спрятал их внутрь, закрыл на замок, ключ повесил на шею, а когда повернулся, вздрогнул от неожиданности: перед ним стоял Марк.

— Марк? Как ты...

— Давай присядем. Я думаю, нам стоит кое-что обсудить.

— Обсудить? Да как ты здесь очутился? — Германик растерянно нащупал в рукаве кинжал.

— Ты же вспоминал только что обо мне, не так ли? — глаза Марка на мгновение заволокло черной пеленой, отчего Германик отшатнулся в ужасе от собеседника.

— Ты не Марк!

— Правда? Люди, вы ни в чем не разбираетесь, но думаете, что управляете миром. Вы — рабы своих желаний. Как и все остальные, ты смотрел на меня в упор, но не замечал моей сущности. Точнее сказать, не хотел замечать, поскольку я давал тебе то, о чем ты мечтал. Ведь когда желания сбываются, человек мало что замечает вокруг. Убери руку с кинжала. Поверь, меня нельзя убить.

Сенатор подошел к столу, на котором стоял подсвечник, поднял руку, и огонь с каждой свечи поочередно прыгнул к нему на ладонь. Он перебросил пламя с одной ладони на другую, сжал кисть в кулак, и огонь исчез.

— Ты бог? Юпитер? Марс? Плутон? Кто ты?!

Ноги у Германика подкосились, он прислонился к стене и сполз по ней вниз. Марк

подошел ближе и присел перед ним на корточках. Его черные глаза зловеще блестели.

— Бог? Нет, ну что ты. Плутон, Марс, Юпитер? Вы, люди, мелко плаваете. Увидели на небе планеты и решили, что это боги? Наделяете их сверхъестественными способностями лишь потому, что не можете познать истину? Я не бог, Германик. Я не создавал ваш мир — мерзкий, ничтожный и никому не нужный. Но я вношу в него некоторые коррективы.

— Чего ты хочешь? — дрожащим голосом спросил Германик, боясь даже взглянуть на своего собеседника.

— Того же, чего и ты: я хочу власти над самой могущественной империей человечества. А ты решил помешать мне. Нехорошо получается. Я знаю о бумагах, которые тебе принес Кассий. Как видишь, я умею читать мысли, так что можешь не отвечать. Это только кажется, что все, о чем вы молчите, остается внутри вас. Отнюдь, мой друг, отнюдь. Ключ, — Марк протянул руку, и золотая цепочка сама соскочила с шеи Германика в его раскрытую ладонь. — Самое ценное вы всегда носите у сердца. Эх, если бы вы еще его слушали, — он достал из сундука документы, которые моментально сгорели в его руках. — Вот и все. Глупый Иов! Представляешь, надеялся обхитрить меня, а еще считает себя праведником. Убить Луция ради спасения вашего рода! Да, у его последователей странное понимание заповедей и порядка их соблюдения: они всегда трактовали их в свою пользу. Тоже мне, слуги божии... Впрочем, тебе, Германик, этого не дано понять: слишком сложно для тебя. Ты все продумал, но продумал поверхностно, ты даже представить себе не можешь всей грандиозности моей задумки! Люди в последнее время меня очень радуют: вам удалось совершить стремительное падение в пропасть за удивительно короткий отрезок времени. А всего-то и нужно было вам помочь почувствовать себя выше остального мира. Какой бред! Но вы почему-то клюете на эту идею, как рыба на приманку. Между тем, кто вы есть? Выродки по своей натуре, его прихоть, его ошибка. Вы бесполезны и никчемны. Вы рождаетесь, как зверье, вылезая из чрева матерей, потому что он не сумел придумать для вас ничего лучшего. Да и зачем вам что-то лучшее, если вы и есть скотина? Но стоит вам дать власть, наградить силой, и в вас начинает расти частичка его величия, но вот беда: вы не знаете, как ею распорядиться. Вы забыли о морали, о нравственности, о простых ценностях. Вы сношаетесь с животными, убиваете для потехи, истребляете целые народы, чтобы получить превосходство, вы создали рабов из себе подобных. Какое падение нравов! Самое смешное, что я не прикладывал к этому никаких усилий. Вы все это сотворили сами. В своем стремлении подняться выше вы только глубже увязаете в собственных грехах. Несколько лет назад я создал прекрасное творение, которое этими грехами питается. Знал бы ты, во что оно превратилось, потребляя их! Впрочем, ты скоро сам его увидишь.

Мертвенно-бледный Германик слушал Марка с выражением сумасшествия на лице. Он понимал, что рядом с ним находилось нечто очень страшное, но не мог осознать, что именно. Мысли путались в его голове, а разум отказывался понимать происходящее, полностью переворачивавшее его представление о добре и зле.

— Надеюсь, ты понимаешь, что я не могу оставить тебя в живых после всего того, что ты сейчас услышал и увидел? Мне не нужно, чтобы ты трубил об этом всем и вся. Прости, Германик, я не хотел: во всем виноват случай. Он иногда управляет человеческими жизнями, помимо высшей воли. Как ни старайся, а этот проказник умеет разрушить планы даже самого виртуозного стратега. Кто же знал, что Иову придет в голову убить Луция с твоей помощью в попытке спасти ваш мир? Кто же знал, что он обратится за этим к Падшему? Извини, но я не могу допустить этого.

Утром следующего дня Германика обнаружили мертвым в собственной постели. Его предали сожжению, а в смерти обвинили Пизона, но расследование зашло в тупик. Прах великого полководца перевезли в Рим и захоронили в мавзолее Августа. Тиберий по совету Марка отказался принимать участие в траурной процессии.

Луций встал лагерем у города Ламбесис, который три дня назад без боя заняли войска Такфарината. Черный легион окружил крепость со всех сторон и приготовился к штурму. Генерал сидел верхом на коне, вглядываясь в укрепленные стены, по которым туда-сюда шныряли люди. К нему то и дело подъезжали гонцы от офицеров и докладывали о готовности. Вскоре прибыли и Мартин с Понтием.

— Город хорошо укреплен, трудно придется. Они наверняка ждут нашей атаки, — проверяя, как ходит меч в ножнах, начал разговор Понтий.

— Нам бы Ромула с его идеями, — продолжил Мартин, но Луций злобно посмотрел на него, и тот замолчал, переведя взгляд на Понтия в ожидании его поддержки. Однако Понтию хватило прошлого урока: он хорошо помнил руку друга, сжимавшую рукоять меча, и его ледяные звериные глаза.

— Без него обойдемся! — небрежно бросил Луций и скомандовал: — Понтий, бери правый фланг, твоя задача — отвлечь их внимание. Мартин, ты — слева, все осадные орудия в твоём распоряжении. Устрой им хорошую трепку! А я ударю по центру. Ратибор отвел конницу за холмы, так что, если они вылезут с тыла, он отрежет им путь. Мартин, постарайся пробить стену: у них слева свежая кладка, Аппоний сказал, что раствор там сырой, значит, она должна рухнуть при метком попадании из катапульты. Всем все ясно?! — друзья кивнули и разъехались. — Ромул, а ты... — продолжил было Луций, но тут же осекся. Оглянувшись, он увидел позади себя ровные ряды солдат, ожидавших приказа. Огромная масса черных точек, казалось, простиралась до самого горизонта. «Как те муравьи, без страха и жалости», — подумал он и вздохнул: «Ромул, Ромул...».

Генерал тронул коня пятками и пошел рысью вдоль легиона. Вскоре из ворот города показались несколько всадников, первый из которых держал древко с развевающимся на нем белым флагом. Парламентеры.

Такфаринат нервно ходил вдоль стены и бормотал себе под нос:

— Он же сказал, что осадных орудий не будет. Остатки римской армии? Нет, это легион отборных головорезов! Да как я вообще согласился на его уговоры и запер себя в этом проклятом городе?!

— Такфаринат! Такфаринат! Командир! — зазвучал испуганный голос с крепостных стен. Когда ворота со скрежетом и скрипом поднялись, в них влетела лошадь с привязанным к ней обезглавленным телом всадника и болтающимся у седла окровавленным мешком, из которого на землю высыпались головы переговорщиков. Повстанцы в ужасе переглядывались и таращились на своего командира.

— Похоже, вести переговоры он с нами не намерен, — раздался поникший голос из толпы.

— Берегись! — следом донеслось со стен.

В небо, оставляя за собой черные дымовые полосы, взмыли огненные шары. Катапульты, скорпионы, онагры то и дело поднимали в воздух сотни снарядов из железа, камней и горящего масла. К обеду половина крепости пылала, а жители и повстанцы

метались по ней, словно загнанные звери. Они в ужасе пытались выбраться из обреченного города, но это было невозможно. Люди давили друг друга, стараясь пробиться к задним воротам, которые были заперты, а сверху на них сыпался смертоносный град, размазывая по мостовой и солдат, и горожан, и их домашний скот. Повсюду виднелись разрушенные дома, убитые люди и животные, в воздухе стоял крик обезумевших взрослых и детский плач. Тушить пожар уже никто не пытался. Деморализованные повстанцы едва подчинялись приказам. Такфаринат отчаянно орал на командиров отрядов, пытаясь привести солдат в боевую готовность. Тем временем легион Луция пришел в движение: штурм начался. Первая попытка взять город с ходу провалилась. Генерал отвел войска, оставляя под стенами сотни убитых. Нумидийцы бились отчаянно, понимая, что пощады не будет. Мартин снова начал обстрел. Под градом камней стена, как и предполагалось, осыпалась вниз, завалив оборонявшихся.

— К оружию! — прокричал Луций.

Голос его пронесся над солдатами, над песком, даже над городом. Он стоял в первом ряду войска вместе со своими гвардейцами. Направив меч в сторону пролома, генерал бросился вперед, уводя за собой римских бойцов. Они бежали, держа строй, почти до самой крепостной стены, пока полившийся на них сверху адский дождь из камней, стрел и раскаленного масла не заставил их рассредоточиться. Один солдат упал, пораженный впившейся в шею стрелой. Рядом послышался глухой стук — это камнем убило другого. Третий закрыл Луция своим щитом, спасая от дротика, острие которого застряло в дереве, пробив его насквозь.

— Черепахой! Стройся черепахой! — от крика Луция содрогнулся воздух.

— Построение черепахой! Построение черепахой! — пронеслось эхом по когортам, центуриям и манипулам. Щиты взмыли вверх: ровно, разом, почти синхронно.

— Раз! Раз! Раз! — командовали офицеры, и коробки шаг за шагом медленно поплыли вперед, несмотря на отчаянную оборону врага.

Солдаты падали, другие переступали через убитых и раненых и шли дальше. Уделять внимание пострадавшим не было ни времени, ни возможности. Помощь только после боя — если выживут. Задние ворота распахнулись, и оттуда пестрой лавиной выскочила нумидийская конница. Ее тут же отрезала кавалерия Ратибора, завязалась схватка. Легковооруженным всадникам Такфарината не давали пространства для маневра: русич знал свое дело. Лошади вставали на дыбы, сбрасывая людей и втапывая их в землю. Однако часть конницы противника все-таки оторвалась и врезалась в отряд Мартина. Повстанцы нарушили римский строй, опрокинули и сломали несколько машин.

— Защищайте орудия! Защищайте орудия! — с пеной у рта орал Мартин.

Он бежал вперед, расталкивая солдат, когда что-то сверкнуло в воздухе, и страшная боль пронзила его тело. На мгновение все стемнело, а когда Мартин снова открыл глаза, он увидел перед собой небо — чистое и ярко-голубое. Земля, на которой он лежал, дрожала от топота копыт, гулко, как будто издали, до его слуха доносилось конское ржание. Какой-то всадник перепрыгнул через него, и брюхо коня на миг закрыло от него небесную синь. Пересиливая боль, Мартин поднялся и выхватил меч из ножен. Он не понимал, куда его ранили, но, несмотря ни на что, устремился вперед, туда, где шел бой с нумидийской конницей. Ворвавшись в толпу, он стащил с седла и добил на земле какого-то солдата, затем кинулся на другого. Его сердце колотилось, как сумасшедшее, а перед глазами висела багровая пелена. Взмах, удар, уклон. Противник упал на песок с отсеченной рукой. Еще и

еще. Остатки отряда повстанцев повернули коней обратно к городу.

Пока Луций с основными силами двигался к пролomu, а Ратибор крушил конницу с тыла, Понтий направил своих солдат на штурм стен. Адреналин растекался по его венам, а тело слегка потрясывало, когда он карабкался вверх по штурмовой лестнице. Почти рядом с ним вниз пролилось кипящее масло, облив с ног до головы солдата, кожа которого моментально пошла пузырями. Сверху, пронизывая воздух раскаленными наконечниками, летели подоженные стрелы. Объятые пламенем люди падали на землю. Паленым мясом пахло настолько сильно, что начинало тошнить, и требовалось недюжинное усилие, чтобы не дать желудку вывернуться наизнанку. Внизу пытались тушить горящих, но они, словно обезумевшие светлячки, неслись по кругу, затем падали и догорали, уже не шевелясь. Одну лестницу повстанцы оттолкнули от стены, и она упала плашмя вместе с находившимися на ней воинами. Понтий проглотил ком пересошим горлом и стиснул зубы. От ощущения нависшей над ним смерти в голове было пусто. Думать некогда, нужно действовать. Он крепче вцепился в лестницу, махнул рукой и продолжил карабкаться вверх, увлекая за собой солдат. Взобравшись на стену, Понтий выхватил меч. Остальные гвардейцы лезли за ним, невзирая на потери. Уже человек пятьдесят-шестьдесят вступили в бой. Завидев римского офицера, двое солдат Такфарината отделились от основной битвы и кинулись на него, что-то крича искривленными ртами. Понтий прикрывшись щитом, но на него обрушились удары такой силы, что он невольно отступил назад, к чану с кипящим маслом. От жара злоеще булькающего варева накалились доспехи. Резким ударом Понтий перерубил мелькнувшее рядом копьe одного из нападавших. Второй сделал замах, но офицер снова увернулся и одновременно толкнул противника щитом, тот упал. Понтий без раздумий заколол его, но тут первый повстанец вытащил меч и ударил так, что щит не выдержал и с треском раскололся. Понтий припал на одно колено, и острие нумидийского клинка просвистело над его головой, срезав оперение на шлеме. В этот же момент римский гладий устремился вверх и застрял в брюхе противника.

— Сдохни! — проорал Понтий, поднимаясь и пропихивая клинок все глубже и глубже в плоть. Его солдаты взяли стену с боем, отбросив защитников вниз.

Тем временем Луций ворвался в пролом, за которым живой стеной стояли защитники крепости. С их заднего ряда в римлян полетели камни и стрелы, а пехота бросилась в контратаку — началась мясорубка. Здоровый, коренастый воин, разбрасывая легионеров по сторонам, устремился к генералу. Он мчал, словно разъяренный бык, сметая все на своем пути. Один из гвардейцев преградил ему дорогу за пять шагов до Луция, но нумидиец с размаху пронзил его копьем и тут же перескочил через тело. В его ушах блестели золотые серьги, бусы разноцветными змеями обматывали шею в несколько слоев, камни переливались на ярком солнце. Луций тяжело дышал в ожидании, смотря на врага исподлобья, от напряжения по его щеке лился пот. Нумидиец с громким криком бросился вперед с занесенным над головой копьем, с наконечника которого стекала кровь. Генерал уклонился и тут же сделал выпад мечом в сторону противника. Нумидиец закашлял и медленно опустил копьe. Его рот заполнился пузырящейся кровью. Луций ударил еще раз. Клинок вошел под ребра, с хрустом пробивая кости. Змея на рукоятке меча улыбнулась. Ударом наотмашь генерал покончил с нумидийцем. Кровь в его жилах кипела, запах смерти пьянил, мир преображался в его глазах, и ему это нравилось.

В поведении оборонявшихся появилась неуверенность. Там и тут их теснили гвардейцы Черного легиона. Повстанцы стали неловко отступать, а вскоре и вовсе побежали. Им вслед

понесся победный крик: римляне вскидывали мечи вверх, славя Луция. Пролом был занят. К генералу прибыли гонцы с докладами: Понтий захватил стену, скинув оттуда противника, Мартин ранен, но продолжает командовать, Ратибор теснит нумидийскую конницу, которая отступает в пески. Луций слушал и кивал головой. Затем он отдал распоряжения и оценил оставшиеся силы и потери врага. Трупы повстанцев буквально устлали улицы. У стены их было столько, что мертвые римляне просто терялись в бесконечном количестве варварских тел. Луций улыбнулся и одобрительно кивнул сам себе. Победителей не судят!

Внезапно из переулка выбежал солдат, его доспехи в некоторых местах были пробиты, сам он был ранен, из его щита торчал десяток застрявших стрел. Он тяжело отдышался и отсалютовал окровавленным мечом, брызги с которого полетели в разные стороны, несколько попало на Луция.

— Генерал, наша центурия зажата! Мы попали в мешок, центуриона убили! Нам нужна помощь, иначе нас сомнут! Варваров больше, чем нас!

«Храбрый парень», — подумал Луций, осмотрев солдата из вспомогательного отряда, предоставленного ему в помощь Аппонием.

— Беги к своим! Я обойду их сзади! — ответил Луций, затем обернулся к гвардейцам и скомандовал: — Приготовиться к бою! В боевом порядке за мной!

Петляя по улицам между разрушенными и горящими строениями, они вскоре зашли в тыл к противнику, который явно теснил солдат Аппония. Римляне сражались отчаянно, рубка была страшная, сталь рвала плоть, предсмертные крики и мольбы раненых о помощи нависли над городом. Черная, цвета дегтя, туча постепенно затягивала небо, в воздухе пахло дождем, а первые раскаты грома давали понять, что ливень неизбежен так же, как и победа римлян. Повстанцы не заметили когорту, появившуюся позади них. Словно призраки, гвардейцы вышли из густого дыма, который заполнял улицу.

— Накройте эту чернь пилумами! — скомандовал Луций.

Солдаты разом опустили щиты и все как один, четко и слаженно, взметнули копья в воздух. Пилумы вылетали из голубовато-серой дымки со свистящим звуком, разрезая воздух острыми наконечниками. Те, кто понял, что произошло, вскинули щиты вверх, другие пали замертво. Раненых пытались оттащить. Один из повстанцев с перекошенным от боли лицом нервно рвал копье из ноги. Другой бестолково шел в сторону с торчащим из живота древком. В римлян также полетели стрелы и камни.

— Построение черепахой!

Бульжники отскакивали от щитов, стрелы впивались в дерево, некоторые проходили насквозь, убивая солдат. Городской бой всегда проходит гораздо свирепее, чем сражение на поле: с узких улиц некуда бежать, на них негде спрятаться, и все бьются насмерть.

— Встать в шеренгу, сомкнуть щиты! Солдаты! Во славу Рима! Да не посралим великого Марса! Боги смотрят на вас, боги любят храбрых! В бой!

Луций кинулся на врага, увлекаая за собой солдат, и легионеры врезались в толпу воинов Такфарината. Люди тут и там падали, как скошенная трава. Остальные сражались на телах павших, хлюпая солдатскими калигами в вязком месиве. Те, кто потерял оружие, рвали друг друга голыми руками, грызли зубами, душили и топтали, издавая истошные, нечеловеческие крики. Небо затянулось тучами, день стал похож на вечер, ярко сверкнула молния, звонко и яростно прокатился гром.

— Луций, за что ты со мной так? Почему? Мария ведь такая же, какой была она, — вдруг зазвучал где-то рядом голос Ромула.

— Что?! — генерал оторопело опустил меч.

Время остановилось. Неподалеку, возле одного из городских домов стоял Ромул, прозрачный и неживой, будто сотканный из дыма и тумана. Дуновение ветра вмиг унесло силуэт в сторону, и Луций обернулся. Нумидиец с забрызганным кровью лицом неожиданно насквозь пробил его бедро копьем. Горячая кровь потекла по ноге, обжигая кожу. Ярость переполнила тело. Генерал оттолкнул нумидийца, затем одним ударом перерубил копье и выдернул наконечник из ноги. Повстанец кинулся на него снова, но Луций закрылся щитом, отбил атаку и наступил сам. Меч быстро вошел в тело противника. Снова удар, еще один, и вот уже враг смиренно лежал на земле. Повстанцы дрогнули и начали метаться в панике, пытаясь пробиться через разрозненные ряды римлян, но повсюду их встречали острые, словно бритвы, глади, входившие в их плоть по самые рукояти.

— Перекройте им путь к отступлению! Пленных не брать! — кричал генерал, видя, что солдаты слишком растянулись.

Трое повстанцев прорвались сквозь строй римлян и пустились наутек. Луций, пересиливая ужасную боль, кинулся в погоню. Настигнув одного из них, он с размаху рассек ему спину. Тот упал лицом вниз на мостовую и заскользил по брусчатке. Несколько секунд ушло на то, чтобы добить его, после чего погоня возобновилась. Однако вскоре генерал вынужденно сбавил темп и потерял двух других беглецов из виду. Он тяжело дышал и прихрамывал. Боль медленно разошлась от ноги по всему его телу, черная кровь ручьями текла по бедру, голова кружилась, слабость то накатывала, то отступала. Внезапно на него одновременно с двух сторон выскочили те, кого он пытался догнать. Лезвие взметнулось вверх, от заблокированного удара заболело запястье, в глазах замерцало, но тело само делало заученные движения: замах, удар, уклон, закрыться щитом. В голове мелькали вспышки, непонятные и яркие. Страшный карлик хохотал, оскалив зубы. Удар. Мария исчезала в темноте. Лязг железа по железу. Ромул качал головой. Карлик хохотал. Мария исчезала в темноте. Ромул летел вниз с обрыва. Карлик хохотал, превращаясь в огромное чудовище, и проглатывал падающее тело друга. Глухие удары. Стоны. Тишина.

Когда пелена спала, и его разум немного прояснился, Луций ощутил неприятный привкус крови в пересохшем рту, почувствовал стук сердца, которое билось так, словно пыталось проломить грудную клетку, и слышал знакомое цоканье солдатской обуви по мостовой. От невыносимой боли в бедре он припал на одно колено и оперся на разбитый щит. Один повстанец с раздробленной челюстью и рассеченной щекой распластался перед ним на брусчатке без признаков жизни. Второй лежал на земле в луже крови, корчась и зажимая уцелевшей ладонью обрубок руки. Генерал, пересиливая слабость, поднялся и, хромя, подошел к нему. Молния прорезала небо, земля содрогнулась от раската грома. Шум дождя нарастал, будто само небо извергало на землю свои слезы. Сильный ливень моментально образовал пузырящиеся лужи и ручьи, которые сразу багровели от пролитой крови. Луций посмотрел на стонущего молодого парня, затем ногой перевернул его на спину, отбросил свой щит в сторону, занес клинок и одним ударом прервал мучения врага. Другого ждала та же участь. Разделавшись с обоими, Луций попятился назад, уперся спиной в стену полуразрушенного дома и, обессиленный, осел на мостовую.

— Генерал, вы живы?!

Луций молчал. Странная теплота разливалась по всему его телу. Боли уже не было, она куда-то ушла. Ему казалось, что еще секунда, и он сам вслед за ней покинет это неудобное тело, выскочит из него, словно из тяжелых доспехов, и побежит по траве, как в юности, —

под хохот отца и Леонида. А их работники будут свистеть ему вслед, смеяться и хлопать в ладоши, нарочно подзадоривая, чтобы он бежал еще быстрее. Но этому не суждено было сбыться. Солдаты подняли его, уложили на щит и перетянули рану. Боль снова вернулась, тепло сменилось ознобом. Перед глазами вновь было лишь серое небо, которое изредка освещали потрясающей красоты молнии. Дождь ровными каплями летел вниз из серой тучи, барабанил по доспехам, стучал по брусчатке и лужам, падал на лицо. Холодные ручейки приятно скатывались по коже. Луций медленно моргал мокрыми ресницами, облизывал влажные от дождевой воды губы. Он лежал и слушал, как солдаты шлепали отчеканенным шагом по мокрой мостовой, где-то продолжали сражаться, потом все затихло.

— Этих сюда! Этого вытаскивай! Этот тоже помер! Эй, ты чего смотришь?! Добей ты его. Ну, что стоишь? Не видишь, у него кишки наружу? Добей, говорю, все равно помрет! Ну вот и все! Теперь вытаскивай! — слышался знакомый до боли голос Мартина.

Луций медленно открыл глаза и увидел друга, который стоял посреди большого шатра. Голова у него была перевязана, левая рука забинтована и подвешена на тряпке, перекинутой через шею. Повсюду лежали раненые, между ними ходили лекари, они смазывали зловонными мазями и бинтовали раны у тех, кто мог выжить, и добивали безнадежных, чтобы те не мучились. Так выглядел военный госпиталь после сражения. Мартин командовал им, не давая докторам расслабиться. Повсюду сновали рабы: они подносили в тазиках теплую воду, вытаскивали мертвых, помогали безжалостным хирургам. В углу двое из них держали солдата, которому врач резал ногу, а тот орал и вырывался. Запах в палатке стоял, как на скотобойне. Воздух был наполнен стонами и криками. Впрочем, именно это и отличает людей от животных, которые хотя бы молча и безропотно принимают свою боль.

— Луций! Очнулся?! — обрадовался Мартин и, хромя, подошел к другу. — Живой?! Слава богам! — он махнул рукой, и к ним быстро подбежал раб с чашей. Мартин поднес ее к губам генерала: — Пей.

Луций сделал несколько жадных глотков.

— Гор...

— Что?

— Город взяли?

— Да взяли, взяли! Чего уж там. Ты отдыхай, тебе здорово досталось.

— Такфаринат? — попытался привстать Луций, но Мартин остановил его.

— Ушел, сука! Ну, ничего, Ратибор пошел за ним. У русича с ним свои счета. От варвара еще никто не уходил, сам знаешь!

— Понтий где?

— Город грабит! А мы-то думали, ты помрешь! — чему-то радуясь, ухмыльнулся Мартин. — Бездари-лекари тебе жизни отвели до утра, а ты, глянь, не только их, но и саму смерть обманул! Как же я рад, что ты пришел в себя! — Мартин ударил Луция по плечу, отчего генерал сморщился. — Извини, извини! Забыл!

— А Ромул и Маркус? С ними что?

— Не знаю. Ты же Маркуса оставил в лагере охранять Ромула. Да что с ними будет? Ромул побесится и отойдет. Хотя, честно говоря, круто ты поступил с ним, чересчур круто. Может, и не надо было так...

Тут подошел лекарь, с интересом уставился на Луция, присел рядом, пощупал пульс и закачал головой, удивленно цокая языком.

— Поразительно! — сказал он и разбинтовал бедро, после чего его глаза еще больше

расширились, — Поразительно!

— Чего раскудахтался? — не выдержал Мартин.

— Простите меня, конечно, — обратился лекарь к генералу, — но в таком состоянии, в котором вас сюда доставили, обычно не выживают. Точнее сказать, вообще не выживают. Но прошло меньше суток, а рана на вашей ноге начала затягиваться. Подскажите, а кто его лечил? Кто обрабатывал рану после того, как я осмотрел его и приказал прижечь ранение?

— Да я-то откуда знаю?! Вас тут вон сколько шныряет! Подходил к нему какой-то в балахоне, сидел рядом, что-то делал. А что?!

— Невероятно! Хотел бы я познакомиться с этим лекарем. Ничего подобного я прежде не видел, — восхищенно разводя руками, произнес врач и пошел дальше осматривать солдат.

— Слышал? Лучший лекарь Аппония удивляется твоей везучести! Второй раз смерть обманываешь! Ладно, я пойду: надо посмотреть, как идет снабжение, а ты давай и дальше проявляй чудеса выздоровления! Дружище, как же я все-таки рад! — улыбающийся Мартин сжал кулак и потряс им в воздухе, после чего направился к выходу.

Луций остался лежать в одиночестве. Стоны и крики будто проходили мимо него, в голове была пустота. В палатке чувствовалась сырость. Дождь продолжал лить, вода просачивалась сквозь ткань и капала тут и там на раненых. Генерал тяжело вздохнул и прикрыл глаза, стараясь ни о чем не думать.

Конь во весь опор мчался по узкой дороге Германии. Кассий, соблюдая строжайшую секретность, в тунике простого крестьянина спешил к Клементию, преодолевая долгий путь от Антиохии до диких варварских лесов. Не обращая внимания на усталость, он вез своему другу послание, которое могло перевернуть власть в Риме. Предвкушение грядущих событий заставляло Кассия сильнее подгонять коня. Уже совсем немного, и будет долгожданный отдых: термы, гетеры, вино. От долгой скачки ноги затекли и болели, но Кассий лишь презрительно улыбался: цель оправдывала его страдания. Еще чуть-чуть, и с их помощью Германик взойдет на престол, и тогда они будут купаться в роскоши и славе. Если предать человека вовремя, то это не предательство, а дальновидность! Кассий улыбался: резвый конь нес его к величию. Вдруг от внезапного удара у него перехватило дыхание. Лошадь помчалась дальше без седока, а Кассий остался в руках у странного существа, которое держало его за грудки. Чудовище было облачено в римские доспехи прекрасной отделки, по его плечам струился длинный плащ, который сверху переходил в капюшон, скрывавший лицо, а за спиной виднелись огромные черные крылья. Ужасное создание плавно взмахнуло ими и вместе с Кассием зависло над землей. От страха и боли в груди Кассий не мог вымолвить ни слова и лишь испуганно моргал глазами. Тем временем существо сделало резкий взмах крыльями и устремилось вверх с такой скоростью, что у Кассия словно отнялось все внутри. Когда он пришел в себя, они находились настолько высоко, что простиравшиеся под ними леса и луга казались искусно выложенной мозаикой. Чудовище скинуло капюшон и пристально посмотрело на Кассия угольно-черными глазами, не выражавшими ни эмоций, ни сострадания, ни страха.

— Сципион? — еле выдавил Кассий.

Рука, державшая его за шиворот, разжала пальцы, и тело несчастного с диким криком полетело вниз.

Глава 28 ИСКУШЕНИЕ

Полдень. В это время суток в Риме было принято отдыхать, нежиться в тени парков или вести беседы в термах. Но то Рим, а здесь провинциальная Нумидия, в которой царили другие правила, другие нравы и другой образ жизни. В палатке генерала стояла ужасная духота, все тело покрывала испарина, влажная туника неприятно прилипала к коже, лицо щипало и чесалось. Воздух внутри, казалось, достиг такой степени концентрации, что его можно было пить. Слух резала гробовая тишина, изредка прерываемая чуть слышным скрипом песка под подошвами офицеров, переминавшихся с ноги на ногу. Луций сидел за столом, обхватив голову руками и прикрыв глаза. Он молчал уже час. Собравшиеся терпеливо ждали, опасаясь не только что-либо спросить, но даже пошевелиться. Вчера он собственноручно зарезал приближенного Аппония лишь потому, что тот посмел укорить его легион в разграблении города и убийствах ни в чем не повинных мирных жителей.

С победы над повстанцами Такфарината прошло почти две недели, а с момента похорон Ромула — всего три дня.

— Прощай, Ромул. Прощай друг и прости... — еле шевелил губами Луций, чтобы его никто не слышал. — Я не мог поступить по-другому. Она бы разрушила все, к чему мы стремимся. А ты бы никогда не простил мне того, что я с ней сделал.

Ромула провожали с почестями. Луций выгнал на траурную процессию почти весь Карфаген. Кто же не будет скорбеть в такой день, когда вокруг сплошь гвардейцы Черного легиона? Жрецы и уважаемые люди ходили на поклон к Аппонию, чтобы тот приструнил этого безумца Луция, но Аппоний даже не принял их, сославшись на недомогание. Да и что он мог сделать? Генерал прибыл сюда с одной целью — усмирить мятежников. И он усмирил. Причем не только их, но и своего собственного друга. Луций лично нес носилки с телом покойного. Бедро ныло и кровоточило, но он лишь стискивал зубы и не позволял никому сменить его. Впереди рабы несли факелы, их руки дрожали, пламя дергалось в разные стороны. В воцарившейся тишине слышалось, как ступает по улице каждый человек. Никто не осмеливался произнести и слова. При приближении процессии ставни на окнах закрывались. Люди были в ужасе от этого человека, они его боялись. Завернутый в саван Ромул неторопливо отправлялся в царство Плутона на плечах друга, который сам же и приговорил его к смерти. Он смиренно лежал, и каждая минута приближала его к моменту встречи с той, с которой он был так счастлив в последние месяцы. Теперь они будут вместе, как он того и хотел. Ее истерзанное тело Луций приказал выкопать, завернуть в чистый саван и положить на погребальный костер рядом с возлюбленным: она уже ждала его у жертвенника. Большая пирамида из дров, на которую возложили их тела, была украшена свежими кипарисовыми ветвями. Последние секунды пребывания их плоти в этом мире истекали.

В этот момент на Луция устремились тысячи глаз, тысячи молчаливых, беззвучных проклятий сыпались на его голову. Но ему было все равно. Перед его внутренним взором вокруг жертвенника в окровавленном платье бегала маленькая Юлия: «А я все бегу и бегу, а забор такой высокий... И дерево». Луций не шевелился. Жар от факела обжигал его лицо. Он

закрыв глаза. «Мне придется делать страшные вещи». «Неужели настолько страшные? Разве, чтобы достичь своей мечты, нужно всегда убивать?». «Победителей не судят! Он бы погубил все, о чем вы мечтали! Выбора не было!», — голос Марка, четкий и убедительный, последним пробрался в его сознание. Сотни тысяч шагающих легионеров захватывали оставшиеся земли и славили императора Луция, покорителя мира.

— Прости, Ромул. У власти нет друзей, — прошептал сам себе генерал, подошел к погребальному костру и бросил в него факел.

Рваное пламя, хватаясь неровными языками за сухие бревна, пропитанные маслом, стремительно карабкалось вверх. Через несколько минут весь жертвенник был объят огнем. Он жадно пожирал дарованную ему пищу, нетерпеливо трещал и извергал из себя пепел, взлетающий почти до самых облаков. Луций молчал. Все молчали. Он увидел рядом неподвижные силуэты Маркуса, Мартина и Понтия.

«Видишь, Ромул, я не поспешил на твои проводы! Даже эта гетера лежит рядом с тобой! Все для тебя, друг, все для тебя...», — пронеслось в голове Луция.

В палатке кто-то закашлял, генерал вздрогнул, пришел в себя и поднял голову, осмотрев собравшихся исподлобья. Все стояли мертвенно-бледные. Луций щурил глаза, то ли ища взглядом того, кто его потревожил, то ли вспоминая, зачем всех собрал. Он был странный в последнее время. Все это замечали, даже он сам. Его мировоззрение стремительно менялось, человеческие ценности отходили на второй план. Он стал ощущать внутреннюю пустоту, чувствовать себя куклой — безразличной, безжалостной, бескомпромиссной. А что будет потом, когда он достигнет того, чего желает? И кто желает? Он или Марк? А может, этого желают все, просто боятся перешагнуть через мораль и человечность? А ведь всего и надо было, что убить собаку, преданного пса. А теперь он приговорил друга в наказание за двести голов отборных всадников. «Разве это была преданность? Нет!», — подумал Луций и сжал кулаки, его глаза наполнились яростью. «Цель оправдывает средства! Не я затащил его к этой нумидийской путане в постель! Сначала двести всадников, затем легион, а там и до меня очередь дошла бы!», — генерал встряхнул головой, отгоняя прочь ярость и лишние мысли, снова окинул всех взглядом и поднялся, опираясь о стол руками.

— Я собрал вас всех здесь для того, чтобы объявить благодарность! Благодарность от имени Цезаря! Ничтожные повстанцы разбиты! Да, Такфаринат бежал, но вы все знаете, кто отправился за ним в погоню: Ратибор не остановится, пока не покончит с ним. Поэтому, как только русич вернется с головой этого гада, мы отправимся обратно в Рим! Все, кто выжил, будут щедро вознаграждены! Павшие не будут забыты! Мартин?

— Да, Луций, — Мартин сделал шаг вперед и поприветствовал своего генерала.

— Наш легион потрепан, пополни его солдатами Аппония, — глаза Мартина округлились от удивления. — Скажи, что я приказал. Возьми самых лучших, отбери их сам.

— Все сделаю, — Мартин кивнул и поспешно удалился, чтобы выполнить приказ.

— Понтий, возьми себе помощников и подготовь корабли к отплытию. Проследи, чтобы воины в пути ни в чем не нуждались. Если вопросов нет, все свободны, ступайте. Маркус, ты задержись.

Луций остался наедине с братом в темном и душном шатре, который стал уже не только ставкой, но и домом генерала.

— Что не так? — немного склонив голову на бок, спросил Луций.

— О чем ты?

— Я же вижу, что ты меня избегаешь, не разговариваешь со мной. Ведешь себя, как обиженный мальчишка.

— А как я должен себя вести? По-твоему, было правильным убить собственного друга?! Мне он, конечно, был не так близок, но ты? Ведь ты вырос с ним! Вы все вместе выросли, а потом еще и сражались бок о бок! Как же так, Луций? Марк велел мне учиться у тебя, но чему? Убивать друзей?!

— Ясно, совесть проснулась. Думаешь, я не переживаю? Думаешь, мне не жаль его?! Но у меня не было выбора! Если бы я простил его, то все, конец! Понимаешь? Все подумали бы, что и им можно поступать так же! И что тогда? Что?! Ты забыл, что произошло с нашей семьей? С отцом? С Леонидом?

— Нет, я не забыл.

— Хорошо, что хоть этого ты не забыл! Я скорблю больше других о своем друге! Я поклялся себе очень давно, что все виновные в наших бедах будут наказаны, жестоко наказаны. предавший один раз предаст и второй, и третий! Цезарь простил Брута, и чем все закончилось?! Нет, мой милый брат, лучше я буду любить Ромула в воспоминаниях, чем ненавидеть при жизни и ждать удара в спину! Я намного милосерднее любого из вас, так как я взял этот грех на себя! Вы все знаете, что я поступил правильно, но осуждаете, потому что он был нашим другом! Но это власть, Маркус, а у власти, как и у медали, есть две стороны. Но я несу это бремя и беру на себя ответственность за все! Так что не смей корить меня за смерть Ромула! — Луций в ярости ударил по столу кулаком так сильно, что находившиеся на нем предметы со звоном подпрыгнули. — Подойди сюда!

Маркус послушно подошел к брату и смиренно посмотрел на него сверху вниз.

— Держи.

— Что это? — Маркус недоверчиво посмотрел на свернутые бумаги.

— Завещание Ромула. Он оставил свое состояние тебе. Так что владей.

Ратибор сидел на корточках и привычными движениями скатывал запекшуюся на ладонях кровь, потирая руки. Конь переминался с ноги на ногу неподалеку, ожидая хозяина. Жара раскалила воздух до такой степени, что он обжигал не только лицо, но и гортань. Мимо проскакали два всадника, тянувшие за собой привязанного за ноги человека. Несчастный дико кричал, волочась по грубому песчанику и поднимая за собой клубы пыли. Лошади мчали во весь опор к большому валуну. Через несколько мгновений послышался глухой удар, сменившийся полной тишиной. Ратибор посмотрел, как его люди привязали к лошадям очередную жертву, затем смачно плюнул на ладонь и продолжил вытирать испачканные руки. Вскоре солдаты подвели к нему троих пленных без доспехов. У одного из них были порваны уши: видимо, римляне не слишком церемонились, когда снимали с него золотые серьги.

— Кто такие?

Ратибор выпрямился во весь рост, почесывая бороду.

— Приближенные Такфарината. Хотят поговорить с тобой.

— Поговорить? Ну, пусть говорят. Послушаем.

Один из пленников начал шепелявить на ломаной латыни. Кровь текла из его рта, в котором виднелись остатки зубов, чудом сохранившиеся после знакомства с всадниками Черного легиона.

— Не понимаю ни черта! Чего он там тьякает?!

— Говорит, что они вожди местных племен и хотят откупиться. Короче, предлагают дань за свою шкуру.

— Да-а-ань? Дань — это хорошо. Только проблема вот в чем, — Русич медленно размял шею до хруста в позвонках и сплюнул пленным под ноги. — Эта тварь, Такфаринат, причастна к убийству моего отца. Мне пришлось долго с ним беседовать, но я так и не узнал того, что мне нужно.

Он подошел к лежащему на земле изуродованному телу, в котором едва узнавался бывший лидер повстанцев. Мертвец был связан, вокруг него валялась срезанная лоскутами кожа. Ратибор с размаху ударил его ногой.

— Крепкий орешек оказался. Впервые вижу, чтобы человек сам себе откусил язык. Да и взгляд странный у него был, словно он боялся кого-то, но не меня, — Ратибор вытащил из-за пояса бумаги. — Так как больше я ничего у него не нашел, а сам он мне ничего не сказал, ответьте мне вы: что это?

Один из пленников взял бумаги, мельком просмотрел их и что-то произнес на своем языке. Русич взглянул на солдата.

— Говорит, что это векселя, по которым они получали золото и серебро.

— А что там за знак в виде звезды в огне? Что он означает?

Солдат дал пленнику оплеуху, ткнул пальцем в эмблему и перевел вопрос. Тот затряс головой и что-то завыл.

— Что он говорит?!

— Бред какой-то. Говорит, что это зло, могущественное зло из самого Рима. Говорит, ответы искать нужно там, они больше ничего не знают. Ну так что с ними делать?

— Что-что... Бошки им срубите, вот что! — вырвав бумаги из рук пленника, рывкнул Ратибор и направился к лошади.

Заросли цветущей акации, бесчисленные деревья, усыпанные белыми цветами, монотонное жужжание пчел, легкое дуновение ветра и тишина — обволакивающая, безупречная, но немного пугающая. Одинокий силуэт молодого человека лет двадцати пяти. Одетый в простую одежду, с волосами до плеч и легкой щетиной на лице, он неподвижно стоял на коленях посреди окружающей его красоты. Вдруг легкий порыв ветра тронул его волосы, а с акации, медленно танцуя в воздухе, полетели и опустились на землю нежные лепестки. Молодой человек этого не заметил: его глаза были прикрыты, губы что-то шептали, будто в молитве.

— Думаешь, он слышит тебя?

На его плечо опустилась ледяная рука. Парень открыл глаза, отрешенно посмотрел куда-то в сторону и продолжил шептать.

— Ты не будешь возражать, если я помолюсь вместе с тобой? Ведь тебе страшно. Знаю, что страшно. Божественное начало в человеческой плоти, извращенный способ послать собственную частичку в этот мир. Я хочу помолиться ему за спасение его сына. Человеческая любовь переменчива, но нет нужды тебе об этом говорить: ты живешь здесь не первый год и знаешь о людях не меньше моего. Смешно...

— Что именно? — неожиданно парень перестал шептать. Его голос оказался приятным, мягким и теплым.

— Что, спасая людей, он подставляет под удар тебя. Ставит на кон не что иное, как твою жизнь. А ведь ты его сын.

— Он всех любит одинаково. Быть его сыном не значит иметь особые привилегии.

— Особые привилегии имеют его любимые создания, куда там до сына. Ты же должен принести людям веру в него, веру в любовь, в надежду, в сочувствие, в сострадание. И, я смотрю, у тебя неплохо получается в последнее время, — усмехнулся Марк.

— Отче мой, не введи меня во искушение, но избави меня от лукавого. Ибо твое есть царство, и сила, и слава во веки веков, — сжав руку в кулак, продолжил молиться парень.

— Ха-ха-ха! Брось. Мы все же родственники с тобой, как ни крути. Подумай над моими словами. Хорошенько подумай! Разве ты должен страдать из-за них? Дашь им веру — они растопчут ее, переосмыслят, перевернут и повернут против тебя же. Люди — животные. Что им его учения? Глупости одни! Сам посуди: он позволяет своим чадам творить такие вещи, от которых кровь стынет в жилах. Зачем? Почему? Он и тебя использует. Жить просто так не дозволено никому в этом мире, даже тебе. Я не допущу этого.

— Ты хочешь убить меня?

— Убить самое близкое мне создание в этом ничемном людском мире? Не смей меня, я никогда не посмею этого сделать. А вот люди... Не стоит говорить им то, что им знать не положено. Как только ты это сделаешь, они поймут, каким даром обладают, и ты им станешь больше не нужен.

— Ты хочешь сказать, что если я донесу до них его слово... Нет, он этого не допустит!

— Не слушай его, Иисус! — перед молодым человеком возник Михаил.

— Разве я говорю неправду? — продолжал искушать Марк.

— Ты говоришь то, что выгодно тебе. Ты наговариваешь на людей, лишаешь их возможности выбора. Ты создаешь чудовище, дабы очернить всех. Но даже в твоём монстре есть его частичка. Зачем ты пришел сюда, Анатас?

— Захотелось пообщаться, Михаил, вот и все. Не переживай, я уже уйду, — спокойным могильным голосом ответил Марк и, развернувшись, пошел прочь.

— Я не боюсь смерти, я боюсь не успеть. Боюсь не справиться с испытаниями, которые дает мне отец, — взмолился Иисус.

— Успеешь и справишься. Тебе понадобятся ученики, они помогут тебе. Принимай всех, кто поверит в тебя, а особенно тех, кто будет настроен против. Иногда страшное прошлое и есть светлое будущее.

— Как я узнаю своих учеников, Михаил?

— Не надо узнавать, нужно чувствовать. Ты наделен его даром, даром любить и помогать, исцелять, творить чудеса. Но что касается учеников, то здесь нужно именно почувствовать. Поверив всем сердцем в твоё учение, люди поймут, что любить нужно не только твоего отца, но и ближнего своего.

— Все так просто? — молодой человек простодушно смотрел на Михаила, и в глазах его читались любовь, сострадание и вера в доброту.

— Истина всегда проста, хотя и кажется сложной для понимания. Ты должен суметь донести ее до людей. Сделай это. От тебя многое зависит в этом мире. Он дал тебе плоть человеческую, чтобы ты понял сущность людскую. Верь в них, как он верит в тебя.

Луций что-то писал, сидя за своим столом. Раб, прикрепленный к госпиталю, делал ему перевязку: поднимал руку, промывал раны, заматывал бинтами. В такой жаре даже обычный порез заживал с трудом, не говоря уже о серьезных ранениях, и Луций, несмотря на необычно скорые темпы выздоровления, все равно временами морщился от боли. Рядом

стоял Мартин. Он смотрел на Луция, который продолжал задумчиво писать. «Наверное, готовит отчет Марку или Тиберию. Восстание подавлено. Жестоко подавлено. Что-что, а внушать страх врагам Луций научился как никто другой. Завтра отплываем домой. Наконец-то!», — подумал Мартин. Раб снова причинил генералу боль, и тот невольно дернул рукой. «Вот здоровье-то лошадиное! Сколько раз от смерти уходил. Пол ноги разворочено было, думали, помрет. Но нет, вон — сидит, пишет, бегаёт уже. А у меня что ни рана, так мучений на несколько месяцев», — мысленно удивился Мартин и скинул тунику до пояса. Раб замер, увидев на его груди выжженные каленым железом имена: три женских и одно мужское.

— Что уставился?! Делай свое дело! — рявкнул на него Мартин.

Луций прервался, посмотрел на друга, ухмыльнулся, отложил в сторону бумаги, зевнул и с протяжным утробным стоном потянулся. Как давно это было. Еще в лагере для новобранцев Мартин докрасна накалил гвоздь, предназначенный дляковки лошадей, и медленно вывел буквы на своей груди. Кожа шипела и бурлила, словно кусок телятины на сковороде в таверне, источая неприятный запах паленой плоти. Тогда они с перекошенными лицами смотрели на своего друга, который жег сам себя, смеясь так, словно в руке он держал перышко, а не раскаленное острие.

Его воспоминания прервал звук приближающихся шагов. Клапан палатки резко отлетел в сторону, помещение вмиг наполнилось солнечным светом, в глазах запрыгали белые зайчики. Ратибор вошел тяжелой походкой, схватил со стола кувшин и стал жадно пить. Его кадык ходил вверх-вниз, вода стекала по бороде, скатывалась по доспехам, лилась на пол. Все молчали, уставившись на русича, который выглядел, как легендарный колосс: его доспехи были покрыты толстым слоем песчаной пыли, лицо обветрено, от него разлило потом, не только своим, но и лошадиным. Напившись, он с облегчением отставил пустой кувшин, умиротворенно выдохнул и плюхнулся в кресло, взбив вокруг себя облако пыли.

— Ненавижу пустыню! Все тут не по-людски! Горбатые лошади, харкающие в людей. У местного населения морды точь-в-точь, как у этой скотины! Тупое отребье! Живут в навозе. А эти кочевники?! Да они пьют молоко, смешанное с кровью! Это как вообще?! Говорят, они еще и жрут друг друга! — обветренное лицо Ратибора передернулось, и он нахмурил брови так, что под ними стали заметны только белки глаз.

— Что, ничего не узнал от него? — потер подбородок Луций.

— Ублюдок откусил себе язык! Я его на лоскуты распустил, а он даже не промычал ничего! Потом кровью истек, наверное, или боли не выдержал! И все концы в воду! Будь проклята эта пустыня! А ты чего вылупился?! — внезапно прикрикнул он на застывшего раба, который уже закончил перевязывать Луция и Мартина.

— Все, ступай, свободен, — произнес Мартин, надевая тунику. Раб быстро собрал окровавленные бинты и, стараясь не смотреть на страшного варвара, выскочил на улицу. — Как это — язык себе откусил?

— Да я сам поражен! Когда мы с ним схлестнулись, он бился как зверь: сильный враг, достойный соперник. Но проиграв, он попросту высунул язык и откусил его.

— Что, вот так вот взял и откусил?!

Ратибор недовольно кивнул головой и махнул рукой, отчего вокруг него снова поднялась пыль.

— Да уж... И что, никаких зацепок?

— Никаких. Бумаги только какие-то, закладные что ли или векселя. Короче, ничего существенного. Баньку бы сейчас, да с веничком! Ладно, пойду, помоюсь, а то разит как от

пса. Если что, я в городе буду. Соскучился что-то я по женской ласке.

— Давай. Только смотри не задерживайся, завтра вечером отплываем. К утру должен быть в лагере, — Луций снова принялся за документы.

— Буду... — буркнул русич, а в голове у него крутилась только одна мысль: «Когда прибудем в Рим, нужно узнать об этих звездах, объятых пламенем. Но у кого? Марк, он все знает, должен помочь. Точно, точно! Марк, он поможет!», — выйдя на улицу, он вдохнул жаркий, но свежий воздух, зажмурил глаза от удовольствия, сделал несколько шагов и наткнулся на Понтия.

— Великий Юпитер! Ратибор, осторожней, — Понтий, сам одетый в белую, почти хрустящую чистотой тогу, отпрыгнул в сторону. — От тебя разит так, что мухи могут принять тебя за мертвеца! — усмехнулся он.

— Я тоже рад тебя видеть.

— Узнал, что хотел, от Такфарината?

Ратибор лишь раздраженно отмахнулся и ушел. Понтий некоторое время смотрел ему вслед, потом пожал плечами и зашел в палатку к генералу.

— У меня все готово, Луций. Ждем только твоего приказа.

Луций посмотрел на белое пятно в темном помещении, немного насупившись и с недоверием, затем перевел взгляд на Мартина, но тот дремал, подперев голову рукой.

— Грузимся с самого утра. Вечером мы должны выйти домой, в Рим!

Глава 29 ВЛАСТЬ И СПРАВЕДЛИВОСТЬ

Публий шел по влажной германской земле уверенной походкой. Преторианцы недовольно усмехались, когда он шагал мимо них: лоснящийся, одетый в дорогую одежду, надушенный заморскими духами, он куда больше напоминал утонченную женщину, чем бравого офицера. Два дня назад он прибыл из Рима к своему другу, чтобы поддержать его в трудную минуту и обсудить дальнейшие дела. На похороны Кассия он не успел: Клементий отдал тому все почести сам, предав изувеченное тело огню. Теперь Публий должен был отвезти прах друга в Рим и там передать родителям погибшего. Проходя мимо фонтана, он мельком бросил взгляд на играющую солнечными бликами воду. Она с журчанием выливалась из наполненной до краев каменной чаши в нижний бассейн, где плавали и плескались большие рыбы. Рядом с фонтаном была разбита клумба, от которой приятно пахло медом и сладостями. Преторианцы, охранявшие вход в апартаменты Клементия, расступились, и Публий прошел в комнату, но через несколько шагов в недоумении остановился. Все вещи в помещении были разбросаны, а мебель сломана, как после яростной драки. Миловидное лицо Публия медленно вытянулось, а глаза расширились от испуга: он увидел, что за перевернутый стол тянется кровавый след. Гость на секунду замешкался, но, услышав шорохи и всхлипы, медленно пошел на звук по багровым подтекам, которые привели его к перевернутой винной чаше.

— Фу-у-у, всего лишь вино, а как похоже издалека...

Рядом с чашей сидел Клементий: голова взъерошена, глаза красные, опухшие, на щеках слезы. Он всхлипнул, потянулся дрожащей рукой за чашей, посмотрел мутным взглядом внутрь и, отшвырнув сосуд в сторону, разрыдался.

— Клементий, тебе надо поспать. Сколько дней ты уже пьешь?

Публий попытался поднять друга, но тот оттолкнул его.

— Ублюдок! Ты с ним заодно, да?! Тоже заодно?! Вы все, твари, заодно с ним!

— Ты что несешь, Клементий? С кем заодно? О ком ты?

— О ком? О ком?! Об этом выродке Луции! Почему ты не убил его в лагере для новобранцев? Ведь ты мог! Мог! Ты — мерзкий предатель, Публий! Я дал тебе все! А чем ты мне отплатил?! — проорал Клементий и кинулся на Публия, но тот с легкостью уклонился, и пьяное тело друга пронеслось мимо него и с грохотом перелетело через перевернутый стол.

— Проспись лучше! Совсем сдурел! Как я, по-твоему, должен был его убить?! Зарезать у всех на глазах?! И так ломали их хлеще некуда. Я не виноват, что он оказался таким крепким! Любой бы сломался! Любой!

— Любой, говоришь? Но он не сломался, Публий! Более того, он удостоен триумфа в Риме! Ты слышишь?! Триумфа в Риме! А я должен и дальше гнить в этой проклятой варварской стране! Теперь еще и мой друг Кассий мертв! Кстати, он был и твоим другом! Или ты забыл об этом?!

— Я помню его и оплакиваю, но это не значит, что я должен превращаться в животное и распускать слюни, как это делаешь ты! Ты, Клементий, сам сотворил из Луция героя. Не ты ли посылаешь его на верную смерть? А ведь солдаты прекрасно видели твоё отношение к нему, знали, что твои приказы не обоснованы, и понимали, что живым ему не выбраться.

Вспомни хотя бы тот случай, когда он разгромил Ульриха!

— Ульриха разгромил я! — взорвался Клементий, брызжа слюной. — Без меня они бы все подошли! Это была моя победа! Это я разбил его армию! Я!

— Конечно, ты, но только после того, как покойный Германик, узнав о том, что Луций держит превосходящие силы противника уже несколько дней одной центурией, приказал тебе выдвинуться им на помощь! А вот если бы ты не выдвинулся на помощь, тебя бы... Сам знаешь, что бы было! Стоит признать, все, что мы делали против него, обернулось ему же на пользу. Без могущественных связей тебе и тем более мне с ним не совладать, Клементий. Нужно трезво смотреть на вещи.

— Кассия убили эти мерзкие варвары! — начал приходить в себя Клементий, вытирая рукой губы, кашляя и сплевывая на пол. — Говорят, в его теле не было ни одной целой кости, будто он упал с небес! Я такое видел, только когда мы запускали варваров в воздух катапультами! Но у проклятых зверей нет онагров! Нет! Понимаешь? Нет! А его тело было похоже на желе, такое же мягкое и бесформенное! Я распял уже многих, кого подозревали в злодеянии, но мне от этого не стало легче! Я думал, что победил, получив должность в Германии. Но это не должность — это заключение, изгнание, ссылка! Я ошибся, — шатаюсь, Клементий прошел к сосуду с вином, который чудом остался нетронутым и продолжал мирно стоять в углу комнаты. — Помоги мне, Публий. Я не хочу похоронить свои мечты. Я не могу позволить безродному ублюдку плевать мне в лицо и танцевать на моих костях.

— Что ты хочешь сделать, Клементий? Он командует гвардейцами — легионом, который подчиняется непосредственно Тиберию. Его убийство для нас равносильно самоубийству. Да и как ты хочешь отправить его в царство Плутона? Он прекрасный воин, и с ним постоянно его люди.

Клементий подошел к Публию, склонился над его ухом и прошептал:

— Марк. Нам поможет Марк. Он старый друг моего отца, он всегда помогал мне. Он богат, и у него есть власть. Он правая рука Цезаря. Я скажу тебе, что нужно делать.

Корабли вошли в порт в момент захода солнца, встречая дувший с берега легкий вечерний бриз и вспенивая перед собой обагренную закатом морскую воду. Шум якорных цепей ознаменовал прибытие, солдаты спустили на море шлюпки и приступили к высадке. На берегу царила суета: зеваки толпились на пристани, а матерые работорговцы с дракой пробирались через них вперед в надежде урвать живой товар по бросовым ценам.

Ратибор, пошатываясь, ступил на деревянный помост пирса, оперся одной рукой о бревно и прикрыл глаза.

— Человек должен ходить по земле! Он не морская гадина, чтобы бултыхаться в деревянной посудине по морю, как сельдь в бочке, — русич прижался лбом к теплему дереву, но даже на берегу тошнота не отступала.

— Прекрасно выглядишь! — ехидно воскликнул Понтий, проходя мимо Ратибора, но тот только отхаркнул вязкой слюной, не обращая внимания на издевательство друга.

Вскоре пристань превратилась в огромный рынок. Чтобы выйти в город, Луций был вынужден протискиваться через толпу торгующихся, продающих и покупающих людей. Плебс походил на мух, облепивших распятое тело. Народ словно нюхом чуял приход кораблей: даже в условиях соблюдения строжайшей секретности, люди, как насекомые, собирались там, где было, чем поживиться. Если Рим сравнить с телом, то живущий в нем народ впору считать его кровью, постоянно пульсирующей по артериям-улочкам. Прекрати

это движение, и каменный монстр умрет.

Хождение по морю выматывает человека, а новичка изнуряет вдвойне. Привкус морской соли все еще стоял в глотке Луция. Облизывая обветренные и потрескавшиеся губы, он пробирался к ближайшей лавке на запах жареного мяса, пытаясь не потерять его в какофонии множества наполнявших город ароматов.

— Проклятый и ненавистный Рим, как я скучал по тебе!

— Вода! Холодная вода! — мимо генерала пронесся мальчишка с запотевшим глиняным кувшином.

— Ваши ребрышки, господин, — продавец уложил хорошо прожаренное мясо на ломоть хлеба. — Приятного аппетита!

Отойдя в сторону, Луций начал жадно поглощать сочные свиные ребрышки: горячий жир тек по его пальцам, обжигал язык, но генерал продолжал есть. Не слишком изысканная, но привычная с детства пища казалась ему удивительно вкусной. На пристани жизнь кипела круглосуточно: здесь никогда не стихал гомон, даже после того, как солнце исчезало с небосвода. Мимо то и дело пробежали дети, попутно приставая к прохожим с предложением купить какой-нибудь товар. Луций провалился в воспоминания о тех временах, когда он и сам бегал с друзьями по рынку в поисках покупателей на урожай, который привезли на продажу их родители. Много воды утекло с тех пор, многое поменялось — остался прежним лишь вкус дешевого жареного свиного мяса.

— Человек с возрастом пресыщается жизнью. Все, что остается для него святого, — это детские воспоминания. Обычно они приукрашены его сознанием, так как он толком уже и не помнит всех деталей. И все же они — самое ценное, что у него есть.

— Что? — Луций повернулся, перед ним стоял Асмодей и улыбался.

Он был такой же неизменно толстый и смешной, никогда не унывающий, с поросычьими глазками и трясущимся подбородком.

— Я рад твоему возвращению! Весь Рим восхваляет твое имя и славит тебя как победителя. Ты молодец, как всегда, на высоте!

— Мне слишком дорого далась эта победа, — слизнул с пальца жир Луций.

— Да, я слышал о том, что ты потерял друга: храбрый Ромул пал в битве, спасая тебя, — Асмодей произнес эти слова серьезно, с сочувствием, но в его глазах мелькнула насмешка.

Луций, пытливо глядя на собеседника, медленно прожевал мясо и с трудом проглотил его.

— Да, это так. Мой друг пал, спасая меня и мою мечту. Нашу мечту.

— Это горе не только для тебя, Луций, но и для всех нас. Жаль, что у него не осталось наследников, ведь он владел отличным именем.

— Я отдал его Маркусу, — сухо бросил Луций.

— Поистине мудрое решение. Кто, как не Маркус, достоин этого больше других? Ты не только храбр, генерал, но и умен.

От этих слов голова у Луция закружилась, в ушах зазвенело. Ему на мгновение показалось, что этот толстяк знает правду и просто издевается над ним. В глазах начало темнеть, и вот уже он вновь видит, как Сципион идет по мраморному полу: шаги глухие, повоенному четкие, на руках Юлия. Он переводит взгляд и замечает мертвое лицо лежащего на полу Ромула. Тот внезапно открывает глаза и смеется...

Луций вздрогнул и уронил мясо. Асмодей что-то говорил, не глядя на генерала, но Луций его не слышал.

— Цезарь приглашает тебя к себе, благородный и храбрый Луций Корнелий, — голос толстяка наконец-то пробился в его сознание. Асмодей повернулся и немного удивился растерянному, бледно-землистому оттенку лица генерала. — Тебе нужно отдохнуть после плавания. Оно утомляет, я знаю. А затем Тиберий будет ждать тебя во дворце. Марк, кстати, тоже придет туда: он очень хочет встретиться с тобой.

Асмодей хлопнул Луция по плечу своей пухлой ладонью. Его пороссячи глазки смеялись, несмотря на то, что лицо выражало задумчивость и понимание. Он слегка кивнул головой и, не дожидаясь ответа генерала, ушел, с трудом унося свое грузное тело на толстых коротких ножках.

Большое круглое помещение украшали по периметру резные скульптуры богов и древних героев. По стенам расходились росписи и мозаики. Весь зал был отделан дорогим разноцветным мрамором, а окна и двери выполнены из редких сортов дерева с бронзовыми вставками, начищенными так, что в них можно было увидеть свое отражение. Посреди зала находился бассейн, в котором лежал Луций. Его лицо накрывало влажное и теплое белоснежное полотенце, вокруг пахло благовониями, на воде монотонно покачивались лепестки роз. Генерал иногда вздыхал и потягивался, отчего звук потревоженной воды эхом проносился по помещению, тысячекратно отражаясь от идеально гладких стен.

— Знаешь, как называют тебя германцы? Ма-а-ра-а! — произнес Германик синими губами мертвеца.

Луций вздрогнул и поднял руку. Вода потекла с нее вниз, и обильные капли ударились о теплую гладь бассейна. «Кап-кап-кап-топ-топ-топ», — звук падающей воды сменился четкими шагами Сципиона, несущего на руках Юлию. И снова: «Кап-кап-кап», — теперь уже капли крови разбивались о пол. Луций что-то мычал под полотенцем, вода в бассейне дрожала и качалась.

— Мара. Бог хаоса и беззакония, зло, пожирающее человеческую сущность, — тихо отчеканивал каждое слово мертвый племянник Цезаря на ухо Луцию.

— Нет... Нет... Я всего лишь хочу справедливости... Нет... — крутя головой из стороны в сторону, шептал генерал под полотенцем.

— Я говорил: не трогай орлов! Я говорил! — медленно поднялся из бассейна призрак Вара: сначала над водой показались его волосы, затем глаза. Он произносил слова, булькая и вдыхая в себя воду, отчего его голос становился дребезжащим и особенно страшным. Луций чувствовал его холод, но боялся снять с лица полотенце. Он уже не понимал, сон это был или реальность.

— За что ты убил моего сына, Луций? За что? — голос Ливерия, голос из детства прозвучал рядом, совсем близко.

— Луций, друг мой, разве я не был тебе предан? За что ты так поступил со мной? — Ромул подходил все ближе и ближе.

Перед генералом проплывали тысячи распятых и казненных, тысячи глаз, сверлящих его ненавидящими взглядами, тысячи ртов, проклинающих его. Вдруг мертвое тело друга наклонилось над ним и протянуло руку к теплому полотенцу. Луций замер в оцепенении, все мышцы напряглись. Ромул улыбался ему синим лицом, на его горле четко виднелся след от веревки. Он взял полотенце за край и начал медленно стягивать. Луций вскочил, словно распрямившаяся пружина, схватил мертвеца за грудки и сбросил в бассейн. Тот задергался. Брызги полетели в разные стороны. Ромул пытался вырваться, но Луций всей массой прижал

его ко дну, от напряжения вены на его теле вздулись.

— Ты предал меня, сукин ты сын! И теперь ты мертв! Ты мертв! Вы все мертвы! А я жив! Я — власть! Я — власть и справедливость! Я не позволю никому встать у меня на пути! Это моя мечта! Моя мечта! Ты предал не только меня, но и мою мечту! — впиваясь руками в тело друга, орал он что было силы.

Затем Луций рванул тело из воды и в ужасе замер.

— Нет. Нет, нет, нет! Н-е-е-ет! — его истошный крик, казалось, взорвет мрамор. — А-а-а-а! Нет! Мария! Нет! — на его руках лежало обмякшее тело девушки с запрокинутой назад головой. — Прошу, нет! Нет, это не я! Нет! Ну как же так, а?! — Луций вытащил ее из бассейна и положил на бок. — Мария, Мария! Нет! — его руки тряслись, а по щекам текли то ли слезы, то ли капли воды с мокрой головы. Он нервно ползал вокруг возлюбленной, завывая и боясь к ней прикоснуться. — Прошу, прошу, не умирай! Прошу! А-а-а-а... — генерал подхватил ее на руки, беспомощно кружась и прижимая ухо к ее груди. Она не дышала. — Меня! Меня заберите! Меня! — взвыл он так, что от его крика прогнулись и задрожали стены.

Луций упал на колени, выдохнул густой теплый пар изо рта и только теперь понял, что вокруг него стало невероятно холодно. Он смотрел, как ресницы Марии покрывались инеем, а ее мокрые и мягкие волосы твердели. Вода в бассейне стала с треском кристаллизоваться и вскоре облачилась в лед. Из-под входной двери, сочась сквозь узенькую щелочку, заструился черный туман и потянулся к генералу, образуя силуэт, похожий на человеческий. Луций зажмурился.

— Милорд сказал, пускай живет. Пока живет! — насмешливый голос показался Луцию знакомым. Он медленно разжал веки: перед ним стоял тот самый карлик с разноцветными глазами. — Хорошенькая она, правда? Я-то надеялся, что ты эту стерву все-таки утопишь. Вот бы твой дружок порадовался, а? Ха-ха-ха! Ты зверь, генерал! Зверь! А зверь не жалеет с своих поступках!

Карлик тронул девушку рукой и превратился в черное облако, которое тут же растворилось в воздухе. Луций сидел и боялся пошевелиться. Вскоре его руки почувствовали теплоту человеческого тела. Девушка вздрогнула, из ее рта потекла вода, она захрипела и закашлялась.

— Мария... Жива... — он схватил ее и прижал к себе, покрывая поцелуями.

— Ты меня спас. Спасибо, — она мило улыбнулась, глядя ему в глаза, словно ребенок, — доверчиво и наивно.

— Что?

— Я упала в бассейн. Это последнее, что я помню. Ты спас меня.

— Спас, — еле слышно прошептал Луций и прижал ее к себе еще крепче. — Спас.

Праздничная музыка разносилась переливами и трелями по вечному городу. Музыканты со всех концов света, танцовщицы, акробаты и дрессированные звери развлекали народ. Императоры Рима умели отдыхать на широкую ногу — дай только повод! А повод был: Такфаринат разбит в Северной Африке, с мятежом наконец-то покончено. Покончено так, что еще долгие годы люди будут бояться даже думать о непокорности римлянам. Два дня назад отгремел триумф в честь Луция Корнелия Августа, генерала Черного легиона, усмирителя повстанцев, и теперь виновник торжества сидел на почетном месте рядом с самим Цезарем. То и дело к нему подходили разные люди, заискивающе улыбались,

представляли своих друзей, сыновей, дочерей, рассказывали о том, кто они и чем занимаются, пили за его здоровье и удачу, прославляя его. Луций едва улыбался и одобрительно кивал всем, кто подходил к нему, но не потому, что ему так хотелось, а потому, что так было принято и так было надо. Понтий, сидевший с ним рядом, напротив, пытался запомнить всех почитателей. Луций не нуждался в новых знакомых, а вот его другу, который собирался стать чиновником, они были просто необходимы. Понтий мечтал о власти. Нет, он мечтал не о такой власти, которую хотел Луций, — он мыслил намного приземленнее и скромнее. Он жаждал походить на аристократов, одеваться, как они, вести себя, как они, жить, как они, тогда как Луций при одном только взгляде на их лица чувствовал тошноту. Прогнившие изнутри, визитеры внешне источали власть и пафос. Пустые слова, пустые действия, пустые разговоры — генерал понимал, что, изменись его положение, они тут же бросили бы его в самую глубокую и темную яму, и ни один из них не вспомнил бы об этом торжественном дне и об этом льстивом славословии.

В висках заломило. Луций извинился и вышел на террасу, где, опершись на балюстраду мраморных перил, медленно втянул ноздрями свежий воздух. Здесь он мог побыть собой настоящим. Генерал оглянулся на огромное сборище людей — жрущих и смеющихся, омерзительных и гадких, наглых и самоуверенных, похожих на жирных свиней, которые, казалось, вместо разговора визжали и хрюкали. Свиньи в дорогих тогах пили вино, противно отрывивали, с аппетитом чавкали и звонко били копытами, когда самый толстый кабан в лавровом венке Цезаря произносил хвалебную речь.

— Слишком жарко там. Ты так не считаешь?

Луций увидел Марка, в руках у которого были две чаши с темным, почти черным греческим вином, манящим свежестью и прохладой: его недавно пропустили через лед, чтобы снизить крепость и остудить. Сенатор протянул одну из чаш генералу.

— Ты прав, — Луций отпил глоток живительной влаги.

— Мои соболезнования.

Марк сказал это вскользь, глядя на веселящихся людей и медленно потягивая вино. Луций залпом допил свое и кивнул головой в знак согласия.

— Правда, они похожи на свиней? — снова как будто бы невзначай произнес сенатор.

— Хм. Я тоже об этом подумал.

— Бесполезные трутни. Пчелы таких убивают по осени, чтобы не жрали зазря мед. А Тиберий, наоборот, окружил себя ими. Истинный правитель не должен зависеть ни от кого, даже от своей родни, не говоря уже о друзьях или просто знакомых. предавшего нужно устранять. Избавляться от него, как от конечности, зараженной гангреной, иначе очень скоро такая зараза убьет весь организм, — Марк пристально всмотрелся в собеседника. — Мне жаль, что ты потерял друга. Правда, жаль. Надеюсь, он отдал жизнь не напрасно. Слышал, он погиб, спасая тебя?

— Марк, я... — Луций сделал шаг вперед, но его прервали.

— Луций Корнелий Август! Мое почтение! Меня зовут Антоний, — неожиданно появившийся на террасе незнакомец протянул генералу свою руку.

Луций по заученному и уже изрядно надоевшему ему порядку приветливо улыбнулся, кивнул головой и пожал руку в ответ. Очередной болтун, будь он проклят!

— Очень приятно, рад знакомству!

Рядом с Антонием стояли трое мужчин крепкого телосложения, по всей видимости, его телохранители. Он повернулся к Марку с приветствием. «Похоже, Марка знает весь Рим», —

подумал Луций, продолжая растягивать лицо в улыбке и делая вид, что он несказанно рад этому человеку, которого видит впервые в жизни. Здесь он многих видел впервые. И почти все из них завтра будут им забыты.

Антоний о чем-то долго рассказывал, подливая вина в чаши. Из разговора Луций понял, что человек поднялся на работорговле и хотел бы сопровождать его в походах, дабы забирать рабов, а полученную выручку делить пополам. Те же, кто стоит у него за спиной, его помощники и охранники. Старший из них — Константин, ему подчиняются Гай и хромой Герман, которого они в насмешку называют Хромоножкой.

— Я прекрасно тебя понял, Антоний. И предложение твое меня заинтересовало, только давай обсудим это в другой день. Я пришлю к тебе своего человека, и вы обговорите с ним все детали.

— О-о-о, Луций, Вы меня обнадежили, я с нетерпением буду ждать нашей новой встречи, — они подняли бокалы и выпили.

Антоний со своими людьми удалился.

— Несколько лет назад со мной не хотели общаться, Марк. Теперь же складывается впечатление, что все вокруг только и мечтают об этом. А вот мне сейчас этого не надо, — Луций поставил чашу на широкие перила.

— Так случается всегда. Люди, что тут скажешь. Но с этим человеком я бы на твоём месте поговорил: дополнительный доход никогда не помешает. Лучше было бы сначала послать к нему Ромула, но он, увы, теперь в другом мире. Пошли к нему Мартина!

— Мартина? — изумленно переспросил Луций.

— Ну не Понтия же? Понтий обманет тебя при первом удобном случае. Да, он храбрый и смелый воин, он не предаст никогда на поле боя, но вот насчет денег я не уверен.

— Ха! Пожалуй, ты прав. Ладно, пускай будет Мартин!

Луций посмотрел на то, как завораживающе двигались танцовщицы, как искусно вытворяли трюки акробаты, а затем опустил глаза и задумался.

— Мне кажется, я схожу с ума, Марк.

— Сходишь с ума? Почему ты так решил?

— Я вижу мертвых.

— Я тоже. Каждый день. Но это не значит, что я сумасшедший.

— Я серьезно, Марк.

— Так и я не шучу. Луций, ты просто видишь то, чего не дано видеть другим, вот и все. Ты выше остальных, лучше них всех. Диоген жил в бочке, разве он был сумасшедшим? Пифагор, Архимед, Александр, Цезарь — я могу перечислять имена бесконечно. Они все были не такими, как обычные люди, поэтому их имена остались в истории. Ты, Луций, тоже не простой человек, поверь мне. И не стоит тебе корить себя за совершенные деяния. Тебе разрешено то, что не разрешено остальным. Как говорится, что позволено Юпитеру, не позволено быку. Впиши свое имя в историю так, как ты умеешь. А лучше всего ты умеешь убивать, Луций.

— Ты научил, — сухо ответил генерал.

— Научить этому можно любого, разница в том, что у тебя это в крови. Я просто раскрыл твои таланты. Человеку нужно указать путь. Твой путь — править миром.

— Тиберий правит миром. Он — император.

— Людям свойственно умирать. А императорам свойственно умирать внезапно.

Марк произнес это так легко и просто, что Луций на мгновение впал в оцепенение, из

которого его вывел голос Тиберия: Цезарь быстро шел к ним с распростертыми руками, а за ним с трудом попевали его рабы.

— Луций, я повсюду тебя ищу! Марк, и ты здесь?!

Марк почтительно склонил голову, Луций сделал то же самое.

— Марк, ты посвятил нашего генерала в мои планы?

— Нет, Цезарь, я думаю, вам лучше поговорить с ним лично. Тем более, это ваше решение.

— А ты прав, Марк. Что же, пройдемте, обсудим все в более уютном месте.

Марк загадочно пожал плечами и похлопал Луция по спине.

— Пойдем, пойдем.

После того как солнце склонилось за горизонт, Луций Корнелий, генерал Черного легиона, получил такую власть, о которой простой человек мог лишь мечтать: он взял под свое командование преторианскую гвардию. Марк убедил Тиберия в необходимости этого, убедил так, как умеет убеждать один лишь он, попросту навязав другому свою волю и заставив Цезаря принять его идеи за свои собственные. Теперь всеми солдатами, которые защищали самого императора, командовал Луций. Он сразу по достоинству оценил новую должность: подарок, который преподнес ему Марк, недооценить было просто невозможно. В тот вечер они только обсуждали это назначение, но уже совсем скоро Луций значительно преумножил свое влияние и в рядах армии, и в императорском доме. Он собрал рассеянные по всему Риму когорты в один общий лагерь и присоединил преторианцев к своему Черному легиону. Теперь их численность и мощь внушали панический страх. Невероятная сила сосредоточилась в руках генерала Луция, и эта сила ждала подходящего момента, чтобы обрушиться на того, кого она была призвана охранять. Начало положено — Марк собирался избавить мир от мессии.

Глава 30 ПЕЙ СВОЙ ЯД, ПРОКУРАТОР

Публий остановился перед дверью. Чувство неуверенности, перерастающее в страх, накатило из глубины тела и прошло по коже неприятным ознобом. Странное место: ни людей, ни животных. Огромная территория и никого, буквально никого. Тут даже ветер не дул. Его слуга доложил ему о готовности Марка с ним встретиться, но ничего не сказал о странностях этой виллы, а ведь он служил еще его отцу и отличался чрезмерной бдительностью. Разве он не заметил ничего необычного? Да и как это можно было не заметить, когда тут странным было все? Кто, например, следит за виллой? Это же немыслимо: Марк — правая рука Цезаря, богатейший человек Рима, у него огромное поместье, но в нем — ни единой души!

— Нужно было взять охрану. Зря я пришел сюда один.

Публий уже собирался было уйти, но тут дверь с легким скрипом отворилась, и за ней показалось толстое лицо Асмодея с нарисованной на нем слащавой до приторности улыбкой.

— Публий, вы что, хотели нас покинуть?

Асмодей смотрел на гостя своими маленькими блестящими глазками, а его жирный подбородок подергивался и вибрировал при каждом слове.

— Нет, что вы, — растерянно ответил Публий.

— Тогда господин Марк ждет вас. Прошу, проходите.

Он распахнул дверь и почтительно склонил голову перед гостем.

— Благодарю.

Публий поправил тогу, осмотрелся по сторонам и на всякий случай проверил наличие кинжала, спрятанного в рукаве. Слуга Марка учтивым жестом направил его в нужную сторону, а сам засеменил следом. Дом Марка казался огромным. Они прошли одну комнату, за ней оказалась другая, потом третья, четвертая. Публий уже перестал считать покои, когда перед ним возник невероятных размеров зал, отделанный напольным до блеска черным и белым мрамором. Ступая по плитам, он видел в них свое отражение, а эхо от его шагов разносилось во все стороны. Когда же он поднял голову вверх, то увидел зияющую пустоту: не было ни потолка, ни стен. Асмодей остался где-то позади, а перед ним на черном троне сидел Марк. Рядом стоял Сципион: склонив голову на бок и прищурившись, он смотрел на Публия, словно удав на жертву. Публий замер, на его лбу выступила испарина. Он пытался понять, где находится, но смысл происходящего был недоступен его парализованному сознанию. Озноб пробирал его до костей, словно он окунулся в ледяную горную реку. Было жутко холодно, но пар изо рта не шел.

«Клементий, Клементий, вот я тебе устрою, когда выберусь отсюда. Если выберусь. Впрочем, почему нет? Марк же — приятель покойного Силана, даже похороны его организовал и оплатил. Он всегда нам помогал: добился офицерских чинов для всех, продвигал Клементия по службе. Но почему тогда я испытываю такой страх перед ним? И что это за место?», — думал Публий. Он подошел ближе к сенатору и в нескольких шагах от его трона остановился в секундном замешательстве перед приветствием.

— Ты пришел просить, чтобы я помог убить Луция?

Голос Марка, казалось, звучал одновременно отовсюду. Публий вздрогнул, мысли о том, как лучше приветствовать этого человека, сменились желанием поскорее вернуться домой. Он жалел уже не о том, что пришел сюда один, а о том, что вообще поддался на уговоры Клементия. У Публия в этот момент работал единственно правильный инстинкт, который достался ему в награду то ли от богов, то ли от животных, — инстинкт самосохранения.

— Я...

— Что ты? Что ты, Публий? Хочешь сказать, что ты — ничтожество? Развратное богопротивное существо, которое добилось всего, что имеет, лишь потому, что я так захотел? Ты, Публий, не стоишь и гроша в той игре, которую я веду. Ты просто слеп, ибо правила этой игры тебя не касаются. Выбирая между человеческой жизнью, нормальной, правильной и достойной, и плотскими наслаждениями, ты, как и многие тебе подобные, предпочел второе. Не понимаю, что в этом хорошего, и не пойму никогда. Я говорил Ему тогда, что вы — животные, да еще и смертные. А смертные существа всегда стремятся к тому, чтобы прожить жизнь ради удовлетворения плоти, а не ради созидания души и мысли. Как Он тогда смотрел на меня! Совсем как ты сейчас, так же непонимающе. Ладно, садись, коли пришел.

Публий отпрянул от внезапно возникшего перед ним из пространственной пустоты стула. Он сделал шаг в сторону, но стул подвинулся к нему, словно живой, с чеканным стуком переступая своими деревянными ножками по начищенному до блеска мрамору.

— Да сядь ты, наконец! — выпрямляясь, прикрикнул Сципион. — Милорд, позвольте?

— Еще рано, Абигор.

— Отпустите меня. Я не хотел ничего дурного, я пришел сюда по просьбе друга. Клементий попросил, вот и все. Я, я...

— Ни в чем не виноват? Это ты хочешь сказать? Желаете насмешить меня, Публий? Тогда попробуй убедить меня в своей безгрешности.

Марк медленно поднялся, опираясь руками на массивные подлокотники своего трона. Как только его нога коснулась пола, раздался хруст трескающегося и лопающегося льда: вокруг его ступни все мгновенно замерзло. Он сделал еще шаг, и все повторилось. Пораженный и испуганный Публий рухнул на колени. Бесконечная комната затягивалась инеем, а пол покрывался льдом и хрустел при каждом шаге Марка.

— Великие боги! Что ты такое? — скулил дрожащий Публий.

Он пополз на четвереньках назад, но во что-то уперся, и это что-то резко подняло его за шиворот. Тога мгновенно обледенела, захрустела и лопнула, из нее со звоном выпал кинжал и, едва коснувшись пола, вмерз в черно-белый мрамор.

— Стой прямо, когда с тобой говорит повелитель, — приказал холодный и жесткий голос Сципиона.

Публий не понял, как слуга Марка очутился за его спиной. Он вообще ничего не понимал — только боялся, очень сильно боялся.

— Презумпция невиновности, мой друг, — дело скользкое, — Марк проникал в его разум, влезал в самые потаенные уголки его сущности. — Нет, Публий, ты виновен. Ибо это мой суд, а в нем нет ни проволочек, ни корыстных защитников, ни продажных судей. Ты виновен в том, что скупал детей-рабов, насиловал их и издевался над ними. Виновен в том, что пренебрегал обычными человеческими правилами. И мне плевать на то, что ты не познал сущности и учений Его. Ты пришел сюда, потому что думал так же, как и Клементий. Однако, бросая псу кость, ты не становишься ему другом. Я, Публий, позволил вам достичь

того, что вы имеете, только лишь с одной целью — возвысить Луция Корнелия до престола империи, чтобы под моим руководством и под моей опекой он стер вшивый человеческий род с этой планеты. Сам я это сделать не властен, а все потому, что Он слишком любит вас. Но вы — вы вполне подходите на роль самоубийц, ведь уничтожать представителей собственного вида вы умеете куда лучше других. Я отравлял душу Луция с самого детства, позволяя вам издеваться над ним. Я помогал ему выживать в самых немыслимых условиях, воспитывая в нем зверя, убивая в его душе все живое. Ты думаешь, я помогал Клементию, потому что Силан был мне другом? Нет. Мне нужно было, чтобы Луций испытывал к вам ненависть и, как следствие, стремился превзойти вас, стать лучше вас. Сейчас он почти готов, и вы мне больше не пригодитесь. Да и ему самому тоже уже никто не нужен, — Марк перевел взгляд на Сципиона. — Вот теперь можно, Абигор.

Сципион развернул Публия к себе лицом. Тот тряпкой болтался в его руке, белый, как его порванная тога.

— Пожалуй, для меня это слишком мерзко. А вот для него...

Сципион отшвырнул бедолагу в сторону. Послушный стул подскочил и ловко поймал Публия на месте приземления.

— По деяниям твоим и воздастся тебе, — прошипел неприятный голос Грешника за спинкой стула. Мерзкие корявые руки с длинными грязными ногтями легли на плечи Публия, а за ними показалось и лицо горбуна с разноцветными глазами. Его рот кривился в безобразной улыбке, обнажая длинные акульки зубы.

— Он твой, Авера. Прими его душу в свои объятия, — с насмешкой бросил Сципион.

— Как скажешь, Абигор, как скажешь...

Грешник хищным зверем закружил вокруг своей жертвы. Публий дрожал всем телом и невнятно причитал с закрытыми глазами. Внезапно существо замерло, затем медленно протянуло к его векам руки, открыло их и сорвало, словно бумагу, под истошный визг несчастного.

— Ха-ха-ха! Я не дам тебе пропустить самое интересное, дружок, — откидывая в сторону лоскуты кожи, прошептал ему на ухо Авера. — Знаешь, что я придумал для тебя? То, что ты любишь! Считаю это моим подарком тебе, — он опустил руку в расплавившийся от его прикосновения лед мраморного пола, и достал откуда-то снизу длинный, заостренный с одного конца кол. — Нравится? Обещаю, он доставит тебе массу новых ощущений. Все, как ты любишь. Ха-ха-ха!

Луций сидел за столом. Рабов он разогнал: любил, чтобы Мария сама подавала ему еду. Девушка расположилась напротив, наблюдая за генералом, и не могла не замечать, как сильно он изменился за последние месяцы. Из полного жизни молодого человека Луций превращался в черствый, бездушный кусок плоти. Да, это по-прежнему был он, но какой-то другой. После каждой встречи с Марком он все больше и больше отдалялся от реальности, словно отодвигая свою физическую жизнь на второй план и погружаясь в иные, одному ему ведомые миры. Он бредил по ночам, кричал, постоянно звал кого-то, просил прощения, а на утро снова становился генералом Черного легиона — человеком, о котором люди говорили шепотом. Теперь он сидел перед блюдом и медленно проводил ножом по куску телятины. Мясо было слегка не дожарено, по волокнам сочилась кровь — так он велел его готовить раньше, но теперь при виде жаркого к горлу подкатила тошнота. В последнее время кровь вызывала у него отвращение. Но, что самое странное, только кровь животных. Как быстро

все поменялось, слишком быстро! То, что раньше он считал недостижимым, теперь оказалось ненужным. Луций открыл глаза, отрезал кусок, с неприязнью сунул в рот и тщательно пережевал. Мария ждала от него теплого слова, похвалы, внимания, но он, холодный и погруженный в свои мысли, лишь с трудом глотал пищу и отрезал следующий кусок.

— Говорят, галлы подняли восстание, — как бы невзначай бросила Мария, пытаясь наполнить гробовую тишину теплотой разговора.

Луций перестал жевать, на секунду поднял на нее укоряющий взгляд и запил пищу вином.

— Все поднимают восстания против нас. Никто не желает подчиняться, все хотят править. Но ничего, скоро будет по-другому. Не беспокойся об этих ничтожествах: мои воины усмирят их. Клементий уже выдвинулся к ним со своим легионом, — генерал дернул шеей и сжал кулаки. — Кле-мен-тий... — растянута и совсем тихо повторил Луций.

— Ты не рад этому?

— Рад? Я буду рад, когда приколочу к кресту этого ублюдка! Поняла?!

— Я не знала, извини, — испуганно и неловко оправдалась Мария.

— И ты меня прости, — Луций глубоко вздохнул. — Просто он... Впрочем, неважно, — генерал отодвинул от себя блюдо и быстро допил вино. — Да, галлы подняли бунт под предводительством Флорома и Сакровирома. Рейнский легион Клементия разобьет их.

— Тогда зачем Тиберий посылает туда тебя? Ты ведь и так постоянно в разъездах.

— Галлам на помощь выдвинулись повстанцы Бартуса. Мне нужно остановить их. Если они объединятся, подавить такое волнение будет намного сложнее. Извини, но мне пора идти: Цезарь ждет.

— Ты спешишь не к Цезарю. Ты спешишь к Марку, Луций.

— Он твой дядя. Что плохого в том, что мы с ним общаемся? Или ты забыла, кто нас познакомил?

— Я все прекрасно помню.

— Вот и отлично! — генерал вытер губы и швырнул салфетку на стол.

— Ты еще придешь, Луций? — спросила она ему вдогонку.

Он ушел, так ничего и не ответив. Мария закрыла лицо руками, несколько раз всхлипнула, но быстро совладала с чувствами и позвала рабов.

— Я помню все, Луций, помню даже больше, чем ты. Что он с тобой делает? Что он делает со мной? С нами?

Она отдала распоряжения слугам, а сама удалилась на террасу, где были разбиты огромные клумбы со всевозможными цветами. Это было ее любимое место для уединения — уединения слишком частого и слишком болезненного. Она рассматривала, как легко порхали над розами разноцветные бабочки, слушала, как монотонно жужжали пчелы и шмели, как где-то стрекотал застенчивый кузнечик. Идиллию нарушил большой ворон, который уселся метрах в десяти от нее на мраморную статую божественного Августа. Ворон крутил головой из стороны в сторону, и его глаза поблескивали, отражая дневной свет. Мария и птица некоторое время смотрели друг на друга, после чего ворон одобрительно каркнул, тяжело взмахнул крыльями, сделал круг и исчез. Ворон — птица смерти, переносящая души людей на своей спине в загробное царство. Так считалось в ее стране. Как давно это было. Она уже почти забыла, как выглядели ее родители, как она попала в рабство и стала танцовщицей, а затем и гетерой. Мария оборвала свои мысли: вспоминать этого ей не хотелось. Теперь она

племянница Марка, самого могущественного человека в самой могущественной империи. По крайней мере, так думает ее Луций. Так он должен думать и впредь. В ее памяти снова возник тот страшный человек, Александр, чьи слова она не забудет никогда:

— Ты никто, усвой это и помни всегда. Скажешь ему хоть слово, похороним вас вместе. Не задавай вопросов, не ищи ответов — просто наслаждайся тем, что тебе предоставил хозяин, — его голос был спокойным и вкрадчивым.

Александр — человек не со своим лицом, так почему-то ей показалось. Больше она его никогда не видела, но его присутствие, а уж тем более присутствие «дяди» она чувствовала всегда, словно они были и не людьми вовсе, а призраками.

— Призраки, — тихонько прошептала она сама себе и ушла с террасы, чтобы развеяться на свежем воздухе.

В Риме гонки на колесницах устраивались главным образом на гигантском ипподроме Циркус Максимус, который вмещал более ста пятидесяти тысяч зрителей. Он располагался в долине между холмами Палатин и Авентин. Топот копыт, ставки, азарт — напряжение от разворачивавшегося на нем действия достигало такой концентрации, что, казалось, от него плавилась камни трибун. Уделом возничих на скачках, как и гладиаторов на арене, была смерть. Люди жаждали крови, которая подпитывала их азарт, а без азарта не было денег. Четыре колесницы мчали по кругу. Зрители орали, сидя по четырем секторам, окрашенным в цвет колесниц: красный, зеленый, синий и белый. Ставки были сделаны еще перед заездом, и теперь им оставалось только в нетерпении ждать финиша и болеть за «своего» возничего. Понтий напряженно привстал со своего места, когда синяя колесница вырвалась вперед.

— Давай! Давай! Давай! Ну же! Ай, молодец! — брызгал он слюной в предвкушении выигрыша.

Складывалось впечатление, что синий сектор вот-вот взорвется от оглушительного и неистового крика. Остальные тоже орали — правда, не от радости, а от негодования. Болеть за что-то — значит орать, и неважно, побеждаешь ты или проигрываешь.

— Ах, красавец! Ну, каков красавец! Ну же, гони! Гони! — Понтий повернулся к сидящему рядом толстяку, хлопнул его по плечу и от радости поцеловал в лысую макушку. — Вот это мастер! Сейчас он всех сделает! Ха-ха-ха! Понтий — красавец! Ах, какой я молодец! Да, Асмодей?! Умойтесь, неудачники! Синие впереди всех!

Толстяк развалился на своем месте и, облизывая пухлые губы, спокойно и безмятежно наблюдал за тем, как все вокруг него визжали и подпрыгивали от радости. Второй подбородок мирно разместился складками у него на груди, закрывая шею, словно борода у варвара. Пухлые пальцы переплелись между собой и спали на пузе, поблескивая драгоценными камнями.

— Глупо так рано радоваться, Понтий. До конца гонки еще один круг.

Он крикнул, и его железное тело немного покачнулось, отчего по нему прошла легкая волна.

— Брось, Асмодей! Ты ничего не понимаешь в бегах! Это четверка Дементия Целиста Старшего! У него самые лучшие кони! И самые ловкие наездники! Сам посмотри: он опережает ближайшего преследователя на два корпуса! Тут все решено! Сразу видно, что ты не игрок, Асмодей! Давай! Давай! Давай! — снова начал он вопить с ребячьим задором и искренней радостью.

Кони, хрипя вспененными ртами и поднимая клубы пыли копытами, рвались вперед.

Толпа бесновалась. До финиша оставался последний вираж. Зрители из синего сектора уже заранее поздравляли друг друга. Понтий с поднятыми руками радостно славил богов: он поставил на этот заезд немалые деньги.

— В этом заезде победят зеленые, — послышался спокойный голос толстяка.

Понтий с улыбкой на лице повернулся к нему, чтобы поспорить, и в этот момент колесницы на пределе возможностей вошли в поворот, и у лидера гонки с хрустом лопнула ось. Тяжелая повозка завалилась на бок, но кони по инерции продолжали нести ее к финишу. Возничий подлетел в воздух: у него не было ни единого шанса на спасение, поскольку руки были крепко обмотаны поводьями для лучшего контроля животных. Ипподром гулко охнул, будто все зрители разом провалились в бездну к самому Плутону. На мгновение воцарилась тишина, нарушаемая только хрустом разлетающейся на щепки повозки. Переломанного возничего синих лошади соперников втоптали копытами в песок, и только туника позволяла угадать в получившемся месиве человеческое тело. Пока белая и красная колесницы пытались объехать внезапное препятствие, зеленый сектор взорвался в ликованиях: их четверка с шумом пронеслась через финишную черту, обгоняя ветер, — они победили.

— Твою мать! Задница кентавра! Да что это вообще такое?! Тысяча денариев! Тысяча! Боги, за что?!

Понтий обхватил голову руками и плюхнулся рядом с Асмодеем. Перед его мысленным взором звонкие монеты улетали в пропасть сквозь растопыренные пальцы. Сегодня не его день, точно не его. Он покачал головой, коря сам себя за то, что оказался тут, но вовремя вспомнил, что пришел сюда не развлекаться. Его позвал Асмодей, который только что угадал победителя.

— Но как?! — Понтий медленно повернул к нему голову.

— Случайность. Сказал первое, что пришло в голову, и угадал. Просто повезло!

— Это да-а-а. Повезло так повезло.

— Ну, не так как тебе, Понтий.

— Действительно. Подумаешь, спустил за день пять тысяч денариев, не считая остальной мелочи!

— Понтий, Понтий. Ты пришел сюда поговорить о важном, а сам увлекся скачками. Вот почему Луций был и будет впереди тебя. И вот почему Марк так долго не хотел доверять тебе настоящего дела.

Понтий скривил лицо: разговор был явно ему не по душе, но он слушал — вынужден был слушать. Речь Асмодея была отрывистой, словно ему трудно было произносить слова, словно второй подбородок давил на горло, и ему каждый раз приходилось резко вздыхать, обрывая фразы.

— Ты ведь хотел управлять людьми, не так ли?

— Допустим, — не сводя глаз с толстяка, резко ответил Понтий.

— А, чтобы управлять ими, нужно научиться быть выше них, а не вести себя, подобно плебсу. А уж будущему прокуратору и гегемону Иудеи это и вовсе не к лицу, — пороссячи глазки Асмодея сузились, а лицо расплылось в довольной улыбке.

— Что? — в голове Понтия зашумело так, что звук воющей толпы отошел на второй план.

— Да-да, ты не ослышался. Ты станешь править этой провинцией. Нынешний префект болен и скоро отойдет в мир иной, — Асмодей недвусмысленно кивнул головой. — А Марк

выдвинет на его место твою кандидатуру.

— Ха-ха-ха! Ну, Асмодей! Ну, Асмодей!

Понтий развел руками, от радости забыв о своем проигрыше. У него закружилась голова: сбываются его мечты, он наконец-то будет при власти, будет править провинцией и относиться к высшим слоям общества. Теперь уже никто не осмелится сказать, что его предки — плебейский сброд. Теперь новая родословная его семьи пойдет от него, а не от неудачника деда, и уж тем более не от бесполезного отца, который за всю жизнь не дал ему ничего, кроме несчастий и гонений. Теперь он — Понтий — прокуратор Иудеи. Часть правящей элиты. Теперь он сам будет прославлять свое имя, а не держаться в тени Луция. Теперь никто не сможет упрекнуть его в том, что он добился положения благодаря помощи друга. Он уже открыл рот, чтобы вымолвить: «Проси, что хочешь, Асмодей, я твой должник навеки», — однако толстяк внезапно изменился в лице:

— Но есть несколько условий.

— Каких еще условий? — на лице Понтия еще висела застывшая улыбка радости.

— Во-первых, — голос толстяка вдруг стал холодным и грубым, — ты должен помочь Луцию подавить мятеж в Германии. Во-вторых, все, что ты будешь делать, нравится тебе это или нет, ты будешь делать так, как тебе прикажут. И в-третьих, обратного пути не будет. Ты согласен, Понтий, прокуратор Иудеи? — Асмодей протянул ему руку. — На свете нет случайностей, мой друг. Все и всегда имеет первопричину. Возвышаясь над остальными, ты становишься еще больше зависимым от тех, кто остается недосягаем для тебя. Ты мечтал об этом, умолял Марка помочь тебе, и он поможет, но поможет на своих условиях. Круговая порука, Понтий, круговая порука. Только деловые отношения, ничего личного. — Понтий без колебаний пожал протянутую ему руку, осознавая лишь одно: ему дали то, о чем он так мечтал, и не понимая, что за это у него отобрали все остальное.

Стадион в очередной раз взорвался криком: новый заезд, новый всплеск азарта. Однако на этот раз на то, как бешено срываются с места колесницы, Понтий смотрел тихо и безучастно, пытаясь осознать суть и масштаб того, что с ним только что случилось. Асмодей давно ушел и, кажется, прихватил вместе с собой какую-то его частичку, но какую, он еще и сам не понял. Понял лишь, что очень важную.

— Мартин... Сынок... Мартин... — голос раздавался совсем рядом, но был скрыт белоснежной пеленой густого тумана, из-за которого ничего не было видно. — Мартин, уходи... Не сюда...

Эхо несколько раз пронзило пространство и исчезло в дымке. Мартин резко обернулся: казалось, кто-то невидимый ходил вокруг него кругами.

— Мартин, сынок, они хотят этого...

— Мама? Это ты? — Мартин пошел на голос, выставив вперед руку и пытаясь хоть что-то разглядеть.

— Это все он. Он. Сынок, не давай воли своему гневу. Он только этого и хочет. Все было сделано ради этого, — голос приближался.

Мартин медленно продвигался вперед, осторожно нащупывая ногой землю перед собой.

— Мама? Мама, кто он? — Мартин, наконец, разглядел силуэт в белой пелене и остановился. — Мама? Мама, это ты?

— Да, малыш, это я! Твоя мамка!

Мартин отшатнулся назад от хриплого и до омерзения неприятного голоса. Ветер в один

момент унес туман, и перед его взором предстал отвратительный горбун с мутными разноцветными глазами, который перед собой, на вытянутой руке держал за волосы отрубленную голову Ливии.

— Сука всегда несла чушь, даже когда ее приходовали раз за разом бравые римские солдаты. Да ты и сам наверняка помнишь об этом. Ой, совсем забыл. А что у нас тут? — горбун поднял вторую руку, а в ней были головы трех сестер Мартина, связанные между собой волосами. — О-о-о-о! Прекрасно, теперь семья почти в сборе! Тебя, дружок, только не хватает! Ха-ха-ха-ха! Да, послушай свою матушку и не делай глупостей! Или... Или делай! Такой шанс, мальчик, выпадает только раз в жизни! Встретиться лицом к лицу с теми, кто так обошелся с твоей семьей. Ты думаешь, я живодер? — Авера согнул руку и с наслаждением уставился на голову Ливии, затем перевел довольный взгляд на ношу во второй руке. — Нет, я не живодер, Мартин, я всего лишь коллекционер ваших грехов, — он вдруг резко швырнул головы в Мартина и закричал: — Забирай свое!

— Не-е-ет!

Мартин ударился о паланкин и проснулся. Перепуганный раб резко отдернул занавеску, не понимая, что произошло с хозяином, а тот обливался потом, тяжело дышал и оттягивал от шеи ворот туники.

— Что с вами?!

— Все в порядке! Мы приехали?

— Почти, господин. Уже рядом.

— Хорошо. Ступай, — раб откланялся и удалился, оставляя своего хозяина наедине с его кошмарами.

Мартин еле-еле сглотнул комок, образовавшийся у него в горле, и почесал шею. Туника сдавила дыхание. Через некоторое время раб снова нырнул внутрь паланкина.

— Приехали, господин.

Мартин нехотя выбрался на свежий воздух и немного размял тело. Раны все чаще давали о себе знать. Он в очередной раз с завистью вспомнил Луция, на котором все заживало, как на собаке.

— Господин, мне пойти с вами?

Раб преданно смотрел в глаза хозяину: такому прикажи, и он вылизет ноги. Мартину было отвратительно даже думать об этом, но он понимал, что и сам мог бы сейчас кому-нибудь служить, если бы Корнелий в свое время не взял его под опеку. Многие с тех пор изменилось. Осталось прежним лишь так и не удовлетворенное чувство мести, которое по-прежнему сжигало и пожирало его изнутри. По ночам он с трудом засыпал, голоса сестер и матери не давали покоя, от них нельзя было избавиться, и даже вино не помогало забыться. Единственным, что ненадолго заглушало его боль, была война, словно его разум пытался насытиться смертью, не имея возможности насладиться мезтью. Что же, теперь он будет вести переговоры не с врагами, а с деловыми партнерами.

— Оставайся здесь, дальше я сам.

Дом работорговца Антония ничем не отличался от вилл других богачей, на которые Мартин уже успел насмотреться. После посещения пиров и игрищ в императорском доме ему не пришлось удивляться и поведению хозяина: лесть, лесть и снова лесть — так вели себя в Риме все, кому что-то от кого-то было нужно. А довеском к лести прилагались однозначные намеки на взаимную выгоду, что тоже было типично для города, где никто не считал зазорным воровать у другого. Вот и этот хитрый работорговец намекал Мартину на

то, что они вместе могут удерживать немного денег с прибыли. Мартин с улыбкой наблюдал за кадыком этого лизоблюда, который хищно ходил вверх и вниз при каждом слове. Если бы не просьба друга заключить с ним сделку, он бы с удовольствием вырвал этот кадык в одно мгновение. Рабы и рабыни подносили и уносили кушанья, а Антоний, видно, получивший маломальские уроки ораторского мастерства, пытался в беседе походить на великих мира сего. Выглядело это смешно, даже раздражающе, и Мартин, стараясь отвлечься от приторных речей, начал наблюдать за бабочкой, которая кружила возле едва заметной паутины. Раз, и она оказалась в ловушке, без шансов на спасение. Восьминогая смерть немедленно кинулась на нее и вонзила в нее свои клыки. Жизнь ее закончилась — быстро и нелепо.

— Ну, так что, благородный Мартин Аврелий? Как вам мое предложение?

— Я думаю, Луций согласится на ваши условия.

— Это приятно слышать, — расцвел Антоний.

— Только запомни, торгаш! Честь не продается! Ты меня понял?

Мартин сделал глоток вина, оторвал виноградинку, положил ее в рот и медленно разжевал, пристально глядя на Антония.

— Я что-то не пойму, о чем вы, — явно не ожидая услышать ничего подобного, все еще пытался натягивать на лицо улыбку Антоний.

— Да все ты понял! — Мартин поднялся и еще раз взглянул на паука, который уже превратил бабочку в кокон и потащил добычу в свой угол. — Я договарюсь о встрече с Луцием, и вы с ним подпишете все необходимые бумаги. Я не силен в вашей торговой волоките. Я солдат, а не лавочник.

— Как скажете, как скажете. Весьма благодарен за уделенное мне время.

Мартин кивнул головой, добавив в этот привычный жест изрядную порцию презрения, и направился к выходу. Он спустился по лестнице на садовую аллею и пошел мимо фонтанов. Странное чувство тревоги навалилось на него, такое же, как и тогда, в детстве, когда он в последний раз вышел из дома. Навстречу ему двигались трое, гогоча и что-то обсуждая. Один из них хромотал. Погрузившись в свои мысли, Мартин не заметил, как приблизился к ним и столкнулся с крайним. Тот злобно отпихнул Мартина в сторону. В отличие от Понтия, Мартин не привык выглядеть, как аристократ, и обычно был одет в простую тунику, отчего его было трудно отличить от обычного гражданина. Заложенная матерью еще с детства скромность сидела в нем занозой, которую он не мог вытащить из себя, да и не особо хотел.

— Прочь с дороги, парень! Смотри, куда прешь! Совсем страх потерял?!

Мартин споткнулся, но удержал равновесие и замер, словно парализованный. В голове эхом отзывались слова, знакомые до боли, заученные наизусть, вернувшиеся, как кошмар, из глубины подсознания: «Совсем страх потерял?! Совсем страх потерял?! Совсем страх потерял?!».

— Чего замер? Шагай давай!

Мартин медленно осмотрел всех троих, потом пристально взгляделся в того, с кем столкнулся. Двое других ему были незнакомы, а этого он помнил: солдат, конечно, постарел, но его взгляд, который Мартин так и не смог забыть, остался прежним.

— Да брось, Константин! Остынь! Пойдем, еще дел куча, — подковылял поближе его хромоногий друг.

— Ладно, парень, вали! У меня сегодня хорошее настроение!

Константин по-волчьи оскалился, обнаружив на нижней челюсти отсутствие нескольких зубов. Мартин был не в силах пошевелиться, ноги и тело его будто налились свинцом. Его покинуло ощущение реальности происходящего, голову заполнили услышанные давным-давно звуки, а перед глазами забегали знакомые картины: солдат с криком бьет отца Луция, позади него стоит Константин, Мартин дергает за руку перепуганного малыша Маркуса и тащит его за дверь. Затем они бегут, бегут без оглядки, бегут, бегут, бегут. Потом дом Марка и сестра.

Тело Мартина задрожало, будто перед боем. Когда он пришел в себя, никого вокруг уже не было. Мартин стоял опустошенный, и эту пустоту требовалось заполнить — желательно кровью. Его шаг медленно перешел в бег. Внутри все горело, гнев накатывал огромной волной, оглушая так, что, кроме него, в душе ничего не оставалось. Запыхавшись, Мартин остановился рядом с фонтаном. В парке не было ни единой души, слышался только шелест листьев, монотонное журчание воды, падающей из верхней чаши в нижнюю, да воркование голубей: за фонтаном грязный карлик кормил огромную стаю птиц. Горбун кидал хлеб себе под ноги, а крошки нереально медленно падали на землю. Внезапно уродец кинулся к голубям, птицы испугались, захлопали крыльями и поднялись в воздух да так неожиданно, что Мартин вздрогнул. Горбун же с самодовольным видом держал в руках одного из голубей. Птица трепыхалась, пыталась вырваться, но хватка Грешника становилась только крепче. Вдруг с его лица исчезла мерзкая улыбка, он одним движением откусил несчастной птице голову и стал пережевывать ее так, что был слышен хруст костей. Кровь вперемешку со слюной стекала по его губам, к подбородку прилипло несколько перьев.

— Обожаю гнев! Один из моих любимых смертных грехов! Знаешь, Мартин, везет вам, людям: вы вправе не жить в грехе, тогда как я вынужден в нем существовать. Если бы я знал, за что вас так ненавижу...

Горбун задрал свою морду кверху и жадно потянул сквозь зубы воздух. Тушка птички упала на землю, ее лапки еще двигались, пытаясь сбежать. Мартин медленно отступил назад. Карлик поднял руку, указывая ему за спину, и заржал. На мгновение стало очень холодно, необычайно холодно, но буквально сразу все снова пришло в норму, и краски природы опять набрали свой цвет. Мартин резко повернулся. Что-то обожгло ему грудь, стало трудно дышать, легкие будто наполнились кипятком. Он ошарашенно смотрел на стоящего перед ним Константина и его друзей.

— Если честно, малыш, я даже не помню тебя, а уж тем более твою семью, — тихо произнес Константин, склонившись над его ухом.

Холодное лезвие быстро покинуло грудь Мартина и снова вошло обратно. Он пошатнулся, но Константин крепко держал его за шиворот туники. Какое-то время Мартин еще смотрел на Константина глазами, по-прежнему полными ярости, склонив голову на бок, хмуря брови и тяжело моргая, но вскоре его сознание затянуло дымкой, и вот уже перед ним был не Константин, а его мать, преисполненная гордости и сожаления.

— Мартин, сынок, — от нее исходила теплота, которую он уже давно ни от кого не чувствовал. — Я горжусь тобой и люблю тебя, помни это. Помни это всегда.

— Мартин, и мы тебя любим.

Звонкий девчачий хор сестер пронзил его слух. Он увидел, как они радостно подбежали к матери и обняли ее, а Ливия протянула ему руку, еле заметно разведя кончики губ в нежную улыбку.

Сталь снова вошла в тело. Мартин тяжело выдохнул и упал на спину.

— Готов?

— А ты думаешь, после такого можно выжить?! А, Хромоножка?! — Константин склонился над телом и на всякий случай пощупал артерию на шее. — Мертвое не бывает, — он вытер клинок о тунику убитого. — Давайте, спрячьте тело, да поживее!

Гай и Герман быстро оттащили труп в сторону и скрылись с ним в кустах под хруст веток.

— Хорошая работа, Константин.

— Работа? Я думал, ты предупредил меня по старой дружбе. Или я ошибаюсь. Александр?

Человек приятной внешности сидел на лавочке чуть в стороне от места злодеяния.

— Конечно, предупредил. Разве я могу предать друга? Разве я хоть раз подводил тебя? Если бы не я, то он бы сотворил с вами такое, что тебе и во сне не приснится!

— Спасибо! Ты ведь знаешь, что многие хотят моей смерти. Так сказать, отголоски прошлой службы.

— Да, я это знаю. И все потому, что ты выполнял свою работу более чем достойно.

— Да, я любил свою работу.

— Ты любил не работу, а то, что она позволяла тебе делать с должниками. Не стоит лгать самому себе.

— На что ты намекаешь, Александр?

— Ты обязан мне, Константин. Просто не забывай об этом и пока молчи обо всем, что случилось, — Александр поднялся с лавочки и не спеша удалился.

— Да кто вспомнит об этом никчемном человеке?! Простолюдина даже и искать не станут! Или я ошибаюсь, Александр, и это не простолюдин?! Кто он, мать твою?! Кого я убил?! — проорал Константин вслед уходящему Александру, но тот скрылся за поворотом, не проронив ни слова.

Глава 31 ВЗРОСЛЕНИЕ МАРКУСА

— Константин, ты — идиот! Ты хоть понимаешь, что сотворил?! — лицо Антония покрылось багровыми пятнами.

— Да откуда я мог знать?! Он был в тунике простолюдина, замызганный, грязный, вообще не похожий на аристократа! — возразил Константин и тут же получил оплеуху.

— Заткнись! Заткнись, придурок! Не открывай своего поганого рта! Я предупреждал тебя, чтобы ты оставил свои прошлые замашки! Торговые дела так не делаются! Я хотел заключить договор, который обеспечил бы нас деньгами до конца жизни! А теперь наша жизнь кончена благодаря тебе, идиот!

— Я не знал, еще раз говорю! Если бы я его не порешил, он бы нас...

— Да лучше бы он вас! Все, это конец.

Антоний схватился за голову и, трясая ею, заходил взад и вперед. Этот день был худшим в его жизни. Час назад он узнал от преданного человека о том, что по Риму поползли ужасные слухи: говорили, якобы его люди зарезали Мартина — друга Луция Корнелия Августа, самого страшного человека из живущих на этой планете. Человека, который обладает огромной властью и исключительной силой и которому император полностью доверяет. И самое страшное, что эти слухи оказались чистой правдой. Когда Антоний спросил — нет, даже не спросил, а просто упомянул — об убийстве, эти придурки начали наперебой рассказывать о произошедшем с гордостью и бахвальством.

— О, боги! — Антоний взвыл, будто волчица, которая пришла к логову и обнаружила своих щенков мертвыми.

Он в полной мере осознал, что стряслось, а эти идиоты — он окинул их презрительным взглядом — стояли и не понимали, что натворили, не понимали, что они и сами уже, по сути, мертвы.

— Может, все обойдется?! Нас ведь никто не видел, — Герман пожал плечами, как нашкодивший ребенок.

— Обойдется? Обойдется?! О, великий Юпитер, зачем я связался с этими тупицами?! Ты хоть понимаешь, что у него сотни доносчиков и шпионов?! Слухи ползут по Риму! Слухи о том, что мои люди причастны к этому убийству! Понимаешь?! Мои люди! А значит, и я сам! Если есть слухи, значит, вас кто-то видел! А если знают двое, знает и свинья! Единственное, чего я не понимаю, так это почему мы еще до сих пор живы!

— Нам о нем рассказал Александр.

— Что ты сейчас сказал, Гай? Александр? Какой еще Александр? — начал интересоваться Антоний, но в этот момент в комнату вбежал ошарашенный раб и упал перед ним на колени.

— Хозяин, прости! Прости, хозяин! Но там солдаты! Много солдат!

— Вот и все...

Антоний, пошатываясь, пытался от раба, как от самой смерти. Он украдкой выглянул в окно: во дворе уже орудовали гвардейцы Черного легиона. С ними были три всадника: Луций и еще двое. Один из них — точно варвар, судя по одежде. Его лицо показалось Антонию знакомым, но он не смог припомнить, где его видел. Второй — молодой

римлянин, его Антоний точно не знал. По щеке работорговца стекла слеза. Оправдываться было бесполезно, тем более перед генералом. Вряд ли Луций пришел сюда, чтобы слушать старого проныру, — он пришел мстить за смерть своего друга, в которой он, Антоний, был невиноват. Впрочем, теперь это не имело никакого значения. Константин, Гай и Герман все еще стояли, как вкопанные, не понимая, что сейчас будет происходить.

— Три идиота! Три выродка! Что тут еще скажешь? О, великие боги!

На лестнице послышались быстро поднимающиеся шаги, шипы на солдатских калигах звонко цокали. С улицы доносились крики и ругань. Антоний с иронией хмыкнул, вытер слезу со своего морщинистого лица, быстро подошел к столику, на котором лежал кинжал, и без лишних движений вонзил его себе в сердце. Тело старика упало на мраморный пол, багровая кровь медленно растекалась по светлому камню. Через мгновение комнату заполнили солдаты, за ними неспешно вошел Луций, следом — Маркус и Ратибор. Генерал бросил беглый взгляд на Константина с дружками, задержался над телом Антония, затем перешагнув его, пододвинул поближе кресло и с тяжестью упал в него, положив ноги на труп.

— Вы знаете, кто я? — спросил Луций так, будто бы ничего не случилось.

Герман, дрожа всем телом, отрицательно закивал, за ним затряс головой и Гай. Константин же просто отводил глаза, стараясь не смотреть на сидящего в кресле человека.

— Прекрасно, — Луций прикусил нижнюю губу и прикрыл веки.

Он уже все знал об этих троих: Марк предоставил ему достаточно информации.

— Константин, Герман и Гай. Я давно мечтал встретиться с вами. Правда, мой друг Мартин хотел этого еще больше. К сожалению, день, когда его желание исполнилось, стал для него последним. И вы знаете, почему, — генерал снова прикрыл глаза, набрал полную грудь воздуха и медленно выдохнул сквозь губы, потирая лоб рукой.

— Гай, подойди к окну и скажи мне, что ты там видишь?

Гай с опаской, оглядываясь то на Луция, то на своих приятелей, приблизился к окну. От увиденного он зажал кулак зубами так, что его челюсть начала трястись, и издал череду беспомощных всхлипов. Луций сидел без эмоций и даже не смотрел в его сторону.

— Прощу, не надо! Умоляю! Они тут не причем! — он встал на колени и подполз к генералу, хватая его за ноги и плача навзрыд. — Ну, прости! Прости! Я все сделаю, только отпусти их! — он попробовал поцеловать обувь Луция, но генерал брезгливо отпихнул его от себя сильным толчком.

Гай упал на спину и завыл, как раненое животное. Луций неспешно поднялся с кресла и прижал голову причитающего Гая ногой к полу.

— Знаете, я раньше любил людей. Любил нашу родину, верил в лучшее. Верил в то, что все будет хорошо. Но по мере взросления я все больше осознавал, что мир переполнен такими людьми, как вы, и что с вами нужно бороться вашими же методами. С вами нельзя по-другому: страх и насилие — вот ваши инструменты, и сегодня они будут направлены против вас! Не знаю, помнишь ты или нет, Гай, но у моего друга Мартина, которого вы убили, была семья. У нас у всех были семьи, и вы нас этих семей лишили. Но больше всех пострадал он. Может, вы припомните их имена? Агата, Анна, Юлия и их мать Ливия! Константин, Ливерий и мой отец Корнелий Август, центурион девятого легиона, храбрый и честный человек! Помните, что вы сделали с ними?! Впрочем, мне все равно, помните вы или нет!

Луций нагнулся, резко поднял Гая за шиворот и подтащил к окну. Во дворе стояла его

жена с младенцем на руках.

На секунду генерал застыл в мысленном диалоге с Марией: «Ты не такой уж...». Он сразу отсекает любые пути к отступлению: «Такой. Я такой. Они меня таким сделали».

— Тебе, Гай, передают привет сестры Мартина.

Один из гвардейцев вырвал младенца из рук женщины и поднял над собой. Когда Гай вновь открыл глаза, его жена тряслась от рыданий над телом мертвого ребенка.

— Ратибор, отведи его вниз! Пускай солдаты сделают с его женой то, что эти выродки сотворили с семьей Мартина. Потом пусть вырвут ему язык и ослепят! Пришлешь к нему лучшего лекаря — Велиала! Я хочу, чтобы он жил с осознанием всего этого и жил долго.

Русич вытолкнул еле стоящего на ногах Гая во двор.

— Дай мне меч, ты, ублюдок! — послышался голос трясущегося от гнева и злости Константина.

— Что?

— Дай мне меч! Давай разберемся, как мужчины!

— Как мужчины?! Дать тебе меч?!

Луций взглянул на брата. Маркус быстро подошел к Константину и резко ударил его в печень. Согнувшись от боли, тот присел на одно колено.

— Что-то я не припомню, чтобы ты дал меч моему отцу, когда пришел со своими солдатами к нам в дом! Подтащите его к столу! — скомандовал Маркус, и двое солдат тут же исполнили приказ.

Он ждал решения Луция, и оно последовало незамедлительно. Как только брат кивнул, Маркус поочередно стал отрезать Константину палец за пальцем. Тот истошно орал, но солдаты крепко держали его, не давая вырваться. От вида пыток Герман обмочился, обмяк и попытался забиться в угол. Он стонал, закрывая руками лицо, и молил о прощении, но его никто не слушал. Вскоре и с ним было покончено. Комната превратилась в кровавую скотобойню.

В тот день Луций крепко напился. Он потерял друзей, но отомстил тем, кому должен был отомстить. И что теперь? Он не чувствовал ни радости, ни удовольствия, ни горя, ни раскаяния — вообще ничего. Его мечты сбылись, однако это не принесло ему счастья. С каждым днем холодная пустота все быстрее вытесняла человеческие чувства из его души, превращая ее в выжженную злобой пустыню.

На территории Галлии, до завоевания и покорения ее римлянами, жило много разных племен: белги, аквитаны, кельты. Впоследствии они все слились для Рима в единую массу варваров, а их земли стали считаться огромной римской провинцией. К своим провинциям вечный город относился, как к дойным коровам, и не любил, когда эти коровы начинали бодаться. Такое своеволие Рим карал жестоко.

Черный легион и вспомогательные войска галльского гарнизона продвигались вглубь варварских земель. Из Германии к ним на помощь шел Клементий. Цезарь приказал расправиться с восстанием быстро и жестко, к тому же Луций понимал, что промедление может дать Клементию шанс проявить себя, а это в его планы не входило. Тиберий старел и становился все более переменчивым в характере, все более подозрительным, даже по отношению к нему и к Марку. Проблем добавлял и этот мессия из Назарета, свалившийся, как снег на голову. Перед самым отбытием в Галлию Марк намекнул Луцию о серьезном разговоре, который предстоит им по окончании карательной экспедиции. Что же, разговор

так разговор — Луций был готов к любому повороту событий.

Он в очередной раз вспомнил тот момент, когда Маркус вбежал к нему с бешеными глазами и сообщил о том, что Мартина нашли убитым. Не так давно он и представить себе не мог, что вскоре лишится своих соратников, своих сподвижников, своих друзей, с которыми он столько всего пережил. Конь медленно плелся, позволяя своему хозяину предаваться воспоминаниям. Рука потянулась вверх и машинально поправила под подбородком кожаный ремешок от шлема, который уже начинал доставлять неудобство, но снимать который было нельзя: войска пребывали в боевой готовности, приходилось терпеть. Позади, однообразно лязгая железом, синхронно и четко шагала в ногу его легион.

— Мы идем почти месяц, нас никто не преследует, никто не атакует. Это наши земли. Что мы здесь делаем? — голос Маркуса врезался в его сознание.

Луций огляделся, прислушался к шелесту деревьев, вдохнул свежий воздух, от которого кружилась голова. Да, это не Рим с его спертым запахом и каменным лабиринтом улиц — это Галлия.

— Повстанцы собрали армию. Ими командует Бартус. Они разграбили уже несколько вилл, разбили три гарнизона, перехватывают обозы с продовольствием, грабят наших жителей. Не стоит их недооценивать. Бартус служил Арминию и теперь действует так же, как прежде действовал этот предатель.

— Ты взял с собой гвардию, которая должна охранять императора и Рим. Зачем? Сражаться против рабов?

— Это мой легион, Маркус. Заруби себе это на носу! Эти воины прошли со мной все круги Тартара! А сражаться против рабов намного сложнее, чем против профессиональных воинов! Раб знает, что его участь — смерть на кресте! Так зачем тратить жизнь впустую, когда можно забрать с собой на тот свет несколько граждан Рима? Страшен человек, которому нечего терять!

— Но тут нет ничего, кроме леса и сырости! И этих дурацких священных рощ. Вот глупости! Чем отличаются священные деревья от обычных?!

— Не знаю, Маркус, но если ты хочешь лишиться себя жизни, то самый верный способ — пойти в их священную рощу. В Германии мы однажды наткнулись на такую. Там варвары приносили наших солдат в жертву своим богам. Не самое приятное зрелище, поверь мне.

Луций говорил совершенно без эмоций, равнодушно глядя на деревья, увешенные амулетами и пестрыми тряпочками. Заманчиво качаясь на ветру, безделушки тихо позвякивали, разнося по лесу приятный, умиротворяющий звук.

— Почему ты не взял с собой Ратибора? Я думал, вы с ним неразлучны.

— У него есть дела в Риме. Попроси я его, он бы мне не отказал, но у меня осталось слишком мало друзей. Я не могу ими жертвовать. Тем более в этом походе я вполне могу положиться на тебя и на Понтия.

Луций на секунду задумался о Понтии. Слишком уж просто его друг, привыкший к роскоши и неге, согласился на участие в этой кампании. Слишком просто. Внезапно генерал вскинул руку вверх.

— Стоять! Стоять! Стоять! — командиры поочередно подхватили сигнал, унося его все дальше по колонне марширующих бойцов.

— Что случилось?

— Впереди гонец.

Из-за бугра во весь опор к ним мчался всадник, весь грязный от дорожной пыли. Он

кивнул головой, приветствуя офицеров. Понтий к этому времени успел подъехать к Луцию. Гонец прибыл из лагеря Клементия с донесением о том, что его командир столкнулся с отчаянным сопротивлением восставших и не сможет подойти вовремя на помощь к Луцию. Он подтвердил и полученные ранее разведанные, согласно которым впереди стоит хорошо укрепившееся войско Бартуса. Его воины уже разграбили пару деревень в этих окрестностях, убили чиновника из Рима, ехавшего домой, разбили три гарнизона чуть севернее. Клементий выслал навстречу Луцию отряд отборной конницы, но тот попал в засаду и был полностью уничтожен. Когда гонец закончил доклад, генерал поблагодарил его и отпустил.

— Вот это прекрасная новость, — Понтий сплюнул вниз, цыкнув через зубы вязкой слюной. — И что будем делать дальше? Бартус наверняка окапался и устроил нам засаду!

— Ты же знаешь, я никогда не отступал. Кстати, Понтий, а почему ты здесь?

— В каком смысле?

— В последнее время тебя приходилось упрашивать. Что изменилось в этот раз?

— Что-то ты не по делу говоришь, Луций! — Понтий тронул коня и отъехал к своим солдатам.

— Ну-ну.

Через несколько часов марша в небе появился огромный ворон. Он одиноко кружил над легионерами и громко каркал. Солдаты галльского гарнизона зароптали, усмотрев в этом дурной знак. Луций скривил лицо в улыбке, заслышав такие предрассудки. Но даже Маркус, глядя в небо, нащупывал рукой меч, гладил рукоятку и старался держаться поближе к брату.

— Легион, стой! Принять боевой строй! — скомандовал Луций, всматриваясь в густую чащу леса.

— Что происходит?

— То, что ты хотел. Мы настигли их, там впереди лагерь! Смотри, вон их разведчики, — он указал пальцем вперед.

Маркус видел лишь кусты и заросли. Но вдруг зелень зашевелилась. Невероятно, как Луций смог их заметить? С полсотни воинов прятались в кустарнике.

— Они ждут нас. Так что напасть неожиданно не получится. Избегать боя они тоже не станут: отступать им некуда, они будут сражаться.

— Может, пошлем парламентаря? А, брат?

— Боюсь, Маркус, они просто отсекут ему голову. Терять им нечего.

— Тогда что будем делать?

— Исполнять приказ — атаковать! Рабов нужно наказывать. Они должны понимать, что значит противиться воле хозяина.

— Может, все же подождем Клементия? А пока возьмем в осаду их лагерь. Зачем терять людей? Они все равно не дадут открытый бой, а превосходство в численности — уже победа.

— Не будем делить славу! Тем более Клементий все равно не успеет. Хотя даже если бы он и успевал, я бы все равно не стал его ждать! Это будет моя победа! — Луций прищипил коня и помчался вдоль строя.

— Братья! Марс смотрит на вас! Впереди жалкие рабы! Повстанцы! Мы сражались не раз с таким отребьем! Они соорудили вал, думая, что он сможет остановить Черный легион! За этим ничтожным укреплением вас ждут вино, женщины, дети, золото и слава! Я отдам это поселение вам на три дня, если вы возьмете его до заката солнца! Добудьте мне победу! Мне не нужны пленные — мне нужны колья с их головами, мне не нужны рабы — мне нужна ваша храбрость! Мне нужно, чтобы Клементий не нашел тут ничего, кроме мертвецов

и пепелища!

Легион ответил Луцию восторженным гулом, ударами мечей о щиты и одобрительными криками. Маркус смотрел на брата, словно замороженный, беспрекословно подчиняясь его авторитету. Он знал, что солдаты отдадут за генерала жизнь, впрочем, так же, как и он за своих людей. Сейчас Луций был для Маркуса богом, не меньше. Он был богом для всех римских солдат.

— Приведите ко мне их вождя: я хочу посмотреть в глаза твари, которая осмелилась напасть на наших граждан!

— Луций, они вырежут всех!

— А ты думал, слава куется в тавернах за кружкой эля?!

— Но разве война не должна быть честной?

— На войне нет правил! Победителей не судят, ими восхищаются! Хочешь прославиться — держись меня, — Луций выстроил конницу в боевой порядок. — Что бы ни случилось, будь рядом! Понял?

— Понял, — Маркус потуже затянул ремешок шлема на подбородке.

Остальное было как во сне: стоны, крики, смерть. Маркус не заметил, как так произошло, что конницу возглавил Понтий, а они с братом в пешем строю вели вперед пошатнувшуюся когорту центуриона, которого убили варвары.

— Принять защитное кольцо! Куда ты, олух! — генерал схватил молодого солдата и буквально впихнул его обратно в строй. — Встать в круг, вплотную друг к другу! Держать строй! Держать строй, мать вашу!

Разрисованные варвары, не жалея себя, бросались на острые мечи римлян. Они атаковали и атаковали, не боясь смерти и не чувствуя боли.

— Сомкнуть строй, плотнее! Держать позиции!

Конница Понтия обходила врагов сзади, а две центурии огибали левый фланг.

— Держать строй! Сомкнуть ряды! Оттащить раненых в центр! Своих не бросать! Маркус, встань в строй вместо Иулиана! Быстрее!

Маркус бросился вперед, но в него тут же врезались несколько воинов противника. Сокрушив сходу сильным ударом одного, он быстро расправился со вторым. Третьего схватил за волосы и повалил на землю, приставив к горлу меч, но вдруг замер: перед ним была прекрасная девушка лет семнадцати. Она тяжело дышала, ее челка неловко прилипла к вспотевшему лбу. Рука юноши дрогнула. Он опустил клинок и неотрывно глядел в карие бездонные глаза. Ее молодая грудь поднималась и опускалась при каждом вздохе. Маркус разжал хватку и кивком головы показал варварке, что она может уходить. Девушка резко поднялась и с выражением благодарности на лице побежала в сторону укреплений, но в этот момент над головой Маркуса просвистел клинок и вонзился в ее упругое тело. Мимо быстрым шагом проследовал Луций. Подойдя к корчащейся от боли девушке, он прижал ее ногой к земле, чтобы не дергалась, и резким движением вытащил нож из ее лопатки. Затем намотал девичьи волосы себе на руку, поднес клинок к горлу и, глядя на Маркуса, медленно перерезал его. Маркус с широко раскрытыми глазами смотрел на то, как она захлебывается собственной кровью, не в силах отвести взгляда от кошмарного зрелища. Лицо девушки, искривленное от боли и осознания скорой гибели, которую ей принес его брат, ужасало. От отвращения веки Маркуса наконец опустились, но жуткая картина навсегда запечатлелась в его памяти. Юноша пришел в себя лишь тогда, когда Луций схватил его за грудки и с силой затряс в разные стороны.

— Она бы тебя не пожалела! В следующий раз не думай! Просто убивай! На войне нет ни женщин, ни детей, ни стариков, ни друзей! Запомни: на войне все — враги! Победа превыше всего! Понял?! Победа превыше всего! — он отшвырнул Маркуса в сторону, а сам, перешагивая через тела убитых и раненых, направился в сторону образовавшейся брешы. — Сомкнуть ряды! Нам жизнь отнять, что плюнуть! Нас всех учили убивать! Так давайте достойно сделаем свою работу!

Несмотря на ожесточенное сопротивление, гвардейцы начали теснить противника, понемногу продвигаясь вперед, вырезая и добывая отстававших. В этот момент Понтий с конницей зашел в тыл повстанцам, отрезав им любые пути к отступлению. Римские солдаты, засыпая землей и связками прутьев рвы и ловушки, приблизились к укреплениям врага. Отряд, которым командовал Луций, построился «черепашьей» и подошел вплотную к частоколу. Передний ряд держал щиты перед собой, в то время как остальные, подняв их над головами, образовали сплошную крышу, подобную панцирю. Маркус озирался по сторонам. Луций снова одернул его, чтобы брат не отходил от него ни на шаг. Штурм был в самом разгаре, повсюду мелькали черные доспехи гвардейцев. Как муравьи, карабкались они на укрепления врага. Многие скатывались в ров, пораженные копьями и стрелами, но на место павших прибывали все новые и новые воины. Бесконечная туча стрел и дротиков летела в римлян. Черный легион нес большие потери и уже начинал ослабевать, атака понемногу захлебывалась. Внезапно Маркус выскочил вперед, схватил копье и с силой метнул в воина на башне. Тот, куврыкаясь, полетел вниз к его ногам.

— Вперед! Ваш генерал бьется рядом с вами! Луций смотрит на вас!

Один из варваров в рогатом шлеме и лохматой шкуре ворвался в небольшой отряд римлян, прорубая себе дорогу двуручным топором. Через мгновение его лезвие вонзилось в грудь знаменосца, и длинное древко с символом легиона пало на землю.

— Маркус, не зевай! Знамя! Береги знамя! — Луций вместе с солдатами мчался к нему на выручку.

— В атаку! — Маркус сам кинулся на неприятеля, мощным ударом сбил его с ног, вцепился ему в шею и, сжав пальцы, что было мочи, душил до тех пор, пока тот не перестал сопротивляться.

— Поднимайся! Поднимайся и бери знамя! — Луций оттащил брата от мертвого тела варвара.

Сдвинув щиты, плечом к плечу, стараясь удержать позиции, они медленно отступали, спасая боевое знамя легиона. Внезапно натиск ослабел. Восставшие начали отходить, а потом и вовсе побежали.

— Смотри, смотри! Луций, смотри!

Слева доносился тяжелый топот копыт. Нестройные ряды галлов, только что наступавшие на римлян, прекратили атаку и развернулись влево. Оттуда, из-за их собственного укрепления, надвигалась стройным порядком конница Понтия. Не дождавшись атаки, он провел кавалерию лесом и вывел ее незаметно для повстанцев в тыл, отрезав им дорогу к лагерю. Победа теперь была несомненной. Крик восторга разнесся по рядам римлян.

Повсюду валялись тела, стоял тошнотворный запах человеческой крови и испражнений. Изуродованные мертвецы лежали в застывших исковерканных позах. Конь аккуратно переступал через них. Луций равнодушно вглядывался в чудовищный пейзаж. Маркус молча

ехал рядом. Перед его взором постоянно стояло лицо убитой девушки-варварки. Дрожь то и дело пробегала по его телу при одной лишь мысли о том, что брат перерезал ей горло без капли жалости и сомнений.

— Ну, как тебе, Маркус?

— Что именно?

— Как тебе вкус победы?

Солдаты вешали женщин и детей, приколачивали раненых к крестам. Повсюду слышались проклятья, крики и стоны. Это звучала музыка смерти, от которой Маркусу хотелось заткнуть уши и закрыть глаза.

— Я представлял себе все немного иначе.

— Иначе?! — Луций остановил коня.

— Меня учили сражаться, а не вешать женщин и детей.

— Интересно. То есть ты рассчитывал добиться победы благородными методами? Думал, войдешь в побежденный город под звуки фанфар? С такой философией нужно было оставить в живых и тех уродов, которые убили Мартина и его семью и обрекли нас на гибель! Нет, Маркус, нет! Человек — такая скотина, что ее нужно уничтожать на корню. Женщина врага может отравить тебя, дети, когда вырастут, отомстят тебе. Сам посуди, мы ведь отомстили! Я повторяю, Маркус: противник не делится на стариков, женщин, детей и тому подобное — на войне вообще нет людей. Здесь все враги, брат! А врагов нужно убивать, иначе убьют тебя! Теорема проста до безобразия. Странно, что Марк не вдолбил это в твою голову. Мне он повторял это постоянно, за что я очень благодарен ему.

К ним подошли солдаты.

— Генерал, это Бартус, вожак восстания!

Один из легионеров ударил варвара по ногам древком копья, и тот упал на колени.

— Бартус, я слышал о тебе. И чего ты добился? Твоя непокорность привела к тому, что Цезарю пришлось прибегнуть к силе. Посмотри, что ты натворил. Ты думаешь, что римляне хуже животных? Нет, мой друг, это вы такие. Ты обманул своих людей, пообещав им свободу. Разве ты не понимал, что твои планы изначально обречены? Ты хотел помочь галлам? Напрасно. Почему вы такие упрямые? Зачем губить себя и свою семью ради непонятных идей? Царь херусков Арминий тоже думал освободить свой народ от гнета империи. И чем это кончилось? Что молчишь, варвар?

— Я знаю тебя, — пробормотал пленник окровавленным ртом. Его голова была пробита, один глаз заплыл из-за темно-фиолетовой гематомы. — Ты мерзкий Мара! В тебе нет ни чести, ни сострадания! Ты исчадь ада, приспешник темного лорда! Выродок! Ничтожество!

Солдаты свалили его на землю и стали безжалостно избивать. Луций, усмехаясь, смотрел на это сверху. Маркус с отвращением отвернулся: он явно не одобрял действий брата.

— Довольно! Хватит! Поднимите его!

Солдаты мгновенно исполнили приказ. Бартус из последних сил поднял голову.

— Жаль, что Ульрих тогда не послушал меня. Нужно было атаковать вас ночью, в первый же день, — он сплюнул кровь и вытер рот разорванным рукавом. — Лучше умереть, чем преклоняться перед шакалами!

— Умереть? О, нет. Так ты не поймешь всей тяжести содеянного преступления. Слишком просто ответить смертью — за эту ошибку нужно страдать. Центурион! Притащи

сюда его семью. Маркус, я хочу, чтобы он видел смерть своих близких. Пусть солдаты развлекнутся с его женой, — Луций вытащил меч из ножен и передал его брату. — А ты убей его детей, отрежь его грязный язык и отруби ему кисти рук, чтобы он никогда не смог взять оружие и никогда больше не говорил о римлянах как о шакалах. Да, и проследи, чтобы его раны были обработаны: он должен стать живым предостережением для тех, кто захочет пойти по его стопам.

Маркус протянул руку и взял в ладонь рукоять меча в виде головы змеи. Странно, что Луций дал ему свой клинок, с которым никогда не расставался. Меч был легкий, каменные змеиные глаза на нем таинственно переливались, глядя на юношу из глубины своей превосходной огранки. Приняв его, рука Маркуса похолодела и машинально сжала оружие.

— Теорема проста до безобразия! Действуй! Если хочешь добиться славы, нужно научиться переступить через человеческие чувства. Убивать легко, Маркус, к смерти можно привыкнуть.

Маркус верил каждому слову. Он всегда хотел походить на отца-центуриона и старшего брата. Солдаты притащили женщину и ее детей. Бартус вырывался и сыпал проклятиями вперемешку то на латыни, то на своем гавкающем языке. Его снова избили. Луций одобрительно похлопал брата по плечу, давая сигнал к действию. Маркус глубоко вздохнул и соскочил с лошади. Генерал знал, что он выполнит любой его приказ — как тогда, с Ромулом.

— Центурион! Стариков, больных и раненых распять. Крепких и здоровых мужчин приготовить к отправке в Рим. Женщин посимпатичнее выставить на продажу на невольничьем рынке. Вырученные деньги раздать легионерам. Семьям погибших я выплачу из своих запасов. Остальных передайте Клементию — пускай распорядится ими по своему усмотрению. Как говорится, опоздавшим — кости!

Продолжение на...www.alexporovov.ru

**ПОЛНОСТЬЮ ВСЕ КНИГИ ЦИКЛА МОЖНО ПРОЧЕСТЬ ТУТ БЕСПЛАТНО
ВСЕГДА ПОЛУЧАЕТСЯ ВЫКЛАДЫВАТЬ НА САЙТАХ WWW.ALEXPOROVOROV.RU**

<https://rutube.ru/video/a741d79393f5a65ab4986558265ec62a/?ref=search> (РОЛИК НА
РУТЮБЕ)

Глава 32 ПАДЕНИЕ МАРКУСА

Ножницы коснулись колючего стебля розы. Чик. Цветок наклонился, и с него упали на землю серебряные капли росы, в которых отражались блики рассвета. Мария поднесла бутон к губам, от него приятно веяло утренней прохладой. Статуя божественного Августа виднелась в утренней дымке, окутавшей все вокруг белым пушистым покрывалом. Девушка медленно вдохнула свежий, росистый воздух, наполненный многообразием ароматов. По ее телу пробежали мурашки. Хлопая крыльями, на мраморную статую сел белоснежный голубь. Он ворковал и смотрел на девушку, склонив голову. Мария обрадовалась, что не зачистивший к ней ворон посетил ее на этот раз. Она подняла подол длинного платья, чтобы подняться по ступеням, как вдруг позади нее раздался голос:

— Постой, Мария, — тембр был приятный, можно сказать, теплый.

Она замерла от неожиданности, уверенная, что еще секунду назад никого по близости не было. Роза упала на землю, рассыпавшись по ней капельками серебра. Рядом с мраморной статуей стоял человек в прекрасных светлых доспехах, настолько ярких, что хотелось зажмуриться. Его длинные, до плеч, волосы лежали ровно, а в бездонных голубых глазах, казалось, можно было утонуть. Незнакомец обратился к ней, не моргая и не отводя взора.

— Тебе нужно бежать, Мария, и бежать немедленно.

— Кто ты? — растерялась она.

— Меня зовут Михаил. Но сейчас это не имеет никакого значения. Тебе нужно спастись, или он расправится с тобой. Ты становишься обузой для него, а он этого не потерпит.

— Я не понимаю.

— Анатас сделает так, чтобы Луций избавился от тебя. Тебе нужно уходить, поверь мне.

Я и так многим рискую, предупреждая тебя.

— Луций? Но мы любим друг друга!

— Луций сейчас во мраке, он не любит ни тебя, ни себя, никого. Он подчиняется Анатасу — Марку. Грядущие события уже выстроились в роковую цепочку. Ему нужно уничтожить в Луции все человеческое. К сожалению, я не могу помочь остальным, а тебе могу. Я знаю, что ты заключила сделку с Марком. Я помогу тебе скрыться, помогу переправиться в Иерусалим. Там тебя встретит один человек. Я понимаю: ты любишь Луция, но он сейчас опасен для всех и тем более для тебя. Если хочешь спасти его, делай, что я тебе говорю. Знаю, все это звучит странно, но в это нужно поверить. Тебе следует бежать не ради себя, а ради него. Поспеш, Мария. Все скоро закончится: партия почти отыграна, и ему осталось снять с доски последние фигуры. Да-да, вы для него всего лишь фигуры. Помоги мне переиграть его, прошу!

Михаил протянул ей руку. От его бездонных голубых глаз исходило тепло, которое пронизывало ее насквозь, заставляя слушать, заставляя верить, заставляя понимать все то, о чем он не договаривал.

Маркус сидел у костра рядом с братом. Сумерки накатывались на лагерь, пожирая дневной свет. Дым медленно поднимался в высокое небо. Танцующее пламя отражалось в

застывшем и пустом взгляде генерала.

— Привет, Луций, — дружеская рука коснулась его плеча. — Хорошая была битва! Ты, как всегда, оказался на высоте.

Генерал обернулся. Перед ним стоял Понтий — единственный оставшийся в живых друг детства, надменный и хитрый, жадный до денег и чужой славы, завистливый, хотя и не предавший ни разу. Наверное, потому и все еще живой. В руке он держал кувшин с вином.

— Если честно, я думал, нас разобьют. Засомневался в победе, когда упало знамя легиона, — на его бледном лице переливались красноватые отблески огня.

Луций перевел взгляд на костер. Поленья шелкали, поднимая вверх огненные искры, которые золотистым вихрем уносились в свинцово-серое небо.

— Благодарить нужно Маркуса. Это он спас знамя. Ты молодец, Маркус!

— Да что уж там, — смущенный Маркус взял у Понтия кувшин и смачно из него отпил.

— Беззащитных убивать труднее, чем воинов. Да, Маркус?

— Он убивал врагов! Понял, Понтий?! А враг — он в любой шкуре враг!

— Я и не говорю ничего против. Все правильно сделал! Приказы не обсуждаются, так ведь?

Уже совсем стемнело, когда к ним подошел один из солдат.

— Генерал! — рука к груди и вверх, движение четкое и отточенное.

— Чего тебе? — Луций вытер рукой губы после глотка вина.

— Там посыльный. Говорит, что он прибыл от Клементия с посланием, адресованным лично вам.

— От Клементия? Интересно. Ну что же, зови.

Часовой привел гонца, тот поприветствовал собравшихся. Молодой парень, на вид лет двадцати, не больше, с обветренным лицом и усталым взглядом, доложил о том, что легион Клементия попал в засаду, и ему пришлось отступить. Галлы перегруппировались и сейчас двигаются на них. Глаз Луция задергался: все понимали, что он был в бешенстве. Его солдаты только что вышли из боя, они были измотаны и не имели намерения сражаться еще с одним войском повстанцев. Расправившись с Бартусом, Луций собирался вести их в Рим, а теперь выяснялось, что враг почти рядом. Рейнский легион Клементия отступил, а ему, Луцию, бежать было некуда. Он отпустил посыльного и уставился остекленевшим взглядом в огонь. Все молчали, лишь поленья едва потрескивали в воцарившейся вокруг костра тишине. Лучшим решением было бы отступить за реку, разбить там укрепленный лагерь и ждать помощи из Рима или Германии. Однако все понимали, что Луций на это не пойдет. Он поднялся, посмотрел сначала на брата, потом на Понтия и сказал:

— Поднимайте легион. Оставьте с ранеными охрану. Мы выдвинемся им навстречу и будем атаковать. Они этого не ожидают.

— Как скажешь, — Понтий нехотя поднялся и отряхнулся. — Только учти, что самоубийство — это уже не война, Луций.

Понтий не спеша удалился к воинам, а генерал еще долго смотрел в темноту, в которой скрылся его друг. «Снова беспрекословное повиновение. Как странно... Словно его подменили! Или мне кажется? Нет, все-таки раньше он вел себя по-другому. Впрочем, раньше и ты был другим, Луций. Верно подмечено: раньше!», — подумал он.

Маркус решил, что ему тоже стоит идти, но Луций его неожиданно окликнул:

— Маркус!

— Да, Луций? — брат остановился.

— Завтра, что бы ни случилось, держись меня. Ты понял?

— Конечно, — юноша улыбнулся.

Маркус понимал, что брат заботится о нем, защищает, как в детстве. В его душе встрепенулась теплота и необъяснимая тревога.

К полудню длинная вереница римских солдат подошла к месту грядущего сражения. Воины выстраивались в боевой порядок. Там и тут слышались приказы, передающиеся по цепочке. Вся эта огромная людская масса походила на единый живой организм невероятного мифического существа с тысячью ног, рук и голов. Луций верхом на коне оценивал превосходящие их почти в два раза силы противника. Он привык сражаться в меньшинстве, пугало другое: его люди были измотаны, многие ранены. Он не переживал за своих солдат, но волновался за вспомогательные отряды и легионеров, примкнувших к ним ночью. Легион Клементия отступал беспорядочно и в спешке, и часть его разрозненных отрядов они собрали, пока двигались навстречу повстанцам. Впереди их ждало войско противника, которое требовалось разбить во что бы то ни стало. Иначе его авторитет упадет, а Тиберий не простит неудачи. В последнее время ни о чем другом Луций и не помышлял: он не боялся и не любил никого и ничего, совсем помешавшись на своей жажде власти и безумной мечте взойти на престол.

К генералу подъехали Понтий и Маркус.

— Думаешь, победим? — спросил Маркус с сомнением.

— Всегда побеждали, — хмыкнул Понтий, похлопывая своего коня по шее.

— Понтий, возлагаю командование пехотой на тебя. Я с Маркусом попробую обойти их сзади и зайти с тыла. Я заберу всю конницу, так что вы останетесь без прикрытия. Тебе нужно будет продержаться, пока мы не ударим с другой стороны. Попробуй потянуть время.

— Ты либо глупец, Луций, либо гений. Не знаю, сколько мы сможем продержаться с открытыми флангами, — Понтий покачал головой и еще раз погладил коня по шее. — Но ты — генерал, так что воля твоя. Надежда только на солдат из твоего легиона, но они не боги — они сильно измотаны.

— Понтий, выиграй для меня это время!

Друг Луция натянул улыбку и медленно удалился. «Снова безоговорочное согласие», — отметил про себя генерал.

— У повстанцев почти нет всадников.

— Ты верно заметил, Маркус, и именно в этом наше преимущество. Если ударим в тыл, победим.

— При условии, что легионеры сдержат натиск.

— Они сдержат. Обязательно сдержат.

Они ушли лесом, чтобы не попасть в поле зрения врага. Понтий отдавал последние приказы перед началом сражения.

— Луций!

— Да, Маркус?

— Давно хотел тебя спросить.

— О чем же?

— Помнишь, у нас была собака, Рем? — юноша сделал паузу, вспоминая пса. Луций не шелохнулся в седле, но его руки сжали поводья до неприятного хруста в суставах. — Помнишь, какой он был преданный и верный? До сих пор с удовольствием вспоминаю, как

мы играли с ним. Я тогда еще злился на то, что он слушался только тебя. Почти как человек — все понимал.

— Что-то смутно припоминаю, — сквозь зубы процедил Луций.

— А что с ним стало, когда меня забрал Велиал?

— Сдох. И хватит доставать меня дурацкими расспросами! — Луций обернулся к декуриону: — Перейти на рысь! Ускориться!

— Дурацкими? Он мне жизнь тогда спас! Я все помню. Ты же его сам воспитал. Ты чего, Луций? — изумился Маркус перемене настроения брата.

Но тот был уже далеко впереди и вряд ли его слышал. Маркус пихнул коня в бока, заставляя его перейти с шага на рысь, и помчался за своим генералом.

Все было подготовлено, легионеры ждали решающего приказа. Понтий спрыгнул с коня, передал поводья одному из солдат и зашагал вдоль строя Черного легиона. По флангам расположились воины, отбившиеся от Клементия, и галльские вспомогательные отряды. Гвардейцы Луция выстроились посередине — вся мощь удара придется на них. Понтий поправил белоснежный шарф на шее и поднял голову вверх. В сером небе одиноко кружил большой, черный, как ночь, ворон.

— Подожди немного, и тебе будет, чем полакомиться, — тихо сказал Понтий птице.

Ему вспомнились слова Асмодея: «Делай все, что сказано, не перечь, и мы дадим тебе то, о чем ты мечтаешь». «Интересно, а о чем я мечтаю? Прокуратор Иудеи. Я!», — подумал Понтий и указал войскам гладием на врагов:

— Строем за мной! Дротики наготове! Барабаны, марш!

Бам, бам, бам. Военные барабанщики выбивали из натянутой бычьей кожи ритмичные звуки. Легион тронулся с места.

— Левой! Левой! Левой! — командовали центурионы, их алые гребни развевались над черной массой солдат.

Калиги в ногу поднимались вверх и так же синхронно опускались на землю, вздымая из-под себя облака пыли и стуча в унисон, словно биение тысячи сердец. Звенело железо, лязгали доспехи, гремели барабаны: «Бам, бам, бам». Под ногами дрожала земля. Галльское ополчение сорвалось с места и понеслось навстречу римлянам с дикими криками, поднимая над собой мечи, копья и топоры. Бам, бам, бам. Легионеры шли без единого звука, только бой военных барабанов мерно раздавался с их стороны.

— Приготовиться! — команда Понтия откликнулась многоголосьем центурионов.

Легион наступал. Черные щиты с золотыми черепами стеной двигались на врага. Ноги ныряли в лужи, хлюпали в грязи. Галлы неслись навстречу, уже можно было разглядеть их лица, распаленные от крика и предвкушения битвы, уже можно было прочитать на них презрение к смерти. Страх пропал, оставляя разум совершенно холодным.

— Накрыть их пилумами!

Боевой организм остановился в одно мгновение. Щиты опустились. Копья взмыли в небо, затмевая его. Галлы падали замертво и катились кубарем по земле. Воинственный клич смешался с криками боли и предсмертной агонии. Римские солдаты шли на них, спотыкаясь о трупы, раненые отползали назад. Неожиданно гвардейцы расступились, и сквозь их строй вперед выбежала легкая вспомогательная пехота, атакуя повстанцев из пращей, дротиков и луков. Нестройные ряды варваров окончательно перемешались.

— Готовься! — Понтий прикрыл свое тело щитом.

Гвардейцы пропустили легкую пехоту назад, пряча ее внутри строя, и сомкнули ряды. Галлы волной безумия обрушились на живую стену римлян.

— Ха-а-а! — рука выпрямилась вперед, и гладий острием вошел в чью-то широкую грудь. Потом в другую. — Шагом! Вперед! Держать строй! — Черный легион пришел в движение. — Ха-а-а! — как одно целое вырвались мечи из-за щитов, унося разом сотни жизней. — Ра-а-з! — закричали центурионы, и живой организм сделал следующий шаг, скрыв под своими ногами павших. — Ха-а-а! — взмыли мечи. — Ра-а-з! — легионеры снова сделали шаг вперед, продавливая врага.

Разбив малочисленный отряд конницы, который был послан им наперерез, Луций вывел свою кавалерию в глубокий тыл врага.

— Чего мы ждем? — конь под Маркусом танцевал от нетерпения, перебирая копытами. — Они уже несколько часов сражаются! Луций! Ну!

— Нужно выждать еще. Они знают, что мы отвели конницу. Но не знают, зашли мы им в тыл или нет. Мертвые говорить не умеют. Пускай их резервы втянутся в бой. Тогда мы и захлопнем мышеловку.

Он отвечал спокойно, провожая взглядом полет одинокого ворона. За ним стояли всадники, поправляли доспехи отточенными до автоматизма движениями, молча и без эмоций, словно не люди, а дьявольские создания. Тут и там слышался звук ходящего по ножнам лезвия. Меч должен легко их покидать: даже секунда промедления в бою чревата бедой, а то и смертью. Генерал поднял руку вверх.

— Пора, — тихо сказал он Маркусу.

Впереди, как наваждение, танцевал проклятый карлик. Он с шутовским поклоном указал Луцию в сторону сражения. Генерал встряхнул головой, и мираж исчез.

Мгновением позже живая лавина устремилась туда, где люди резали и убивали друг друга. В такие минуты Луций уже не испытывал ни ненависти к своим врагам, ни зависти к богатым аристократам, ни мыслей о том, кем он станет в будущем при помощи Марка. В такие минуты в его мире существовали только римляне, галлы и проклятый ворон, круживший в гордом одиночестве над полем битвы. Между тем земля вокруг генерала содрогалась от сотен копыт. Всадники, закованные в черные доспехи, широкой волной вытекали из леса и стремительно набирали скорость по полю. Кони неслись, закусив удила, их ноздри раздувались, из-под копыт летел дерн. Луций и Маркус мчались впереди, за ними плотным строем скакали их люди — по своему обыкновению, с каменными лицами, не выражавшими никаких эмоций. Генерал выхватил меч, глаза змеи вспыхнули зеленым светом. Прозвучал горн, и лавина раскололась на три части: Луций с Маркусом остались по центру, другие два отряда зашли с флангов. Всадники выхватывали оружие и гнали лошадей во весь опор. Остановить их было невозможно — если только убить. Галлы поняли это слишком поздно, когда эта чудовищная сила обрушилась на них, сметая все живое на своем пути. Казалось, все кончено, но повстанцы ввели в бой еще не все резервы. Подошедшие свежие силы вступили в схватку, и битва приняла затяжной характер. Маркус сражался рядом с братом. Они рубили людей, будто кочаны капусты, обрушивая на их головы возмездие Римской империи. Постепенно Маркус с несколькими воинами отделился от основной части легионеров и углубился в человеческую массу. Кони топтали людей, а те резали друг друга, не давая никому пощады. В этот момент прибыл посольный от Понтия.

— Генерал, генерал! Они опрокинули центуриона Суллу с его вспомогательными

войсками. Правая когорта почти разбита, и, если мы не ударим по свежим силам врага, можем проиграть сражение.

— Как мой легион?!

— Ваши воины давят противника, но если их обойдут справа, то им не выстоять. Нужно, чтобы ваш отряд отрезал наступающих на Понтия воинов, иначе быть беде. Многие офицеры ранены, я боюсь, солдаты могут дрогнуть!

— Дрогнуть?! — Луций скрипел зубами и дергал щекой.

Перед ним снова замаячил карлик. Он плясал на трупах и кланялся ему, расшаркиваясь в реверансе.

— Маркус! Маркус! Где мой брат?!

— Надо спешить, генерал! Время не ждет!

— Где мой брат?!

— Мы проиграем, генерал Луций! Нас разобьют! Гвардейцы — тоже люди, они не бессмертны! — крикнул ему почти в ухо какой-то декурион. Его глаза были разного цвета, но Луций не обратил на это внимания. — Нужно спешить, командир! Ну же!

— Маркус! Маркус!

— Генерал, мы проиграем битву! Цезарь не простит этого! Все будет кончено! — голос странного офицера проникал в самые недра его мозга. — У славы и власти нет друзей и родни! Убей собаку! Ромул, Мартин — все это лишь путь к достижению величия. Ты и есть величие, ты есть власть, ты есть бог, ты выше людей, выше кровных уз.

Когда Луций пришел в себя, конница уже развернулась, горн трубил отступление, они скакали обратно — ради победы, ради славы, ради его мечты.

— Луций! Луций! Генерал! Куда?! — Маркус орал, что есть мочи, видя, как основные силы уходят, бросая на произвол судьбы его отряд, который буквально таял на глазах. Вот рядом стащили с коня римского всадника и добили на земле. Мгновением позже страшная боль пронзила и его собственное тело: острое копьё вошло в плечо, будто жало огромной пчелы. Под доспехами становилось все горячее, пот струился по спине обильными ручьями. Маркус привстал, одним ударом отсек обидчику голову, отбросил ранившее его копьё в сторону и продолжил рубить нападавших. Они столпились вокруг него, боясь подходить ближе. Юноша тяжело дышал, у него кружилась голова, от злости трясло все тело. Кровь тоненькой струйкой текла по черно-золотым доспехам. Конница уходила, и в глубине вражеского войска остался лишь он один. В его глазах дрожали слезы. Брат, обещавший защищать его, повернулся к нему спиной. Еще секунда, и озверевшая толпа бросилась на него с диким криком. Маркус закрыл глаза и произнес на выдохе:

— Ненавижу. Будь ты проклят!

Глава 33 ВЛАСТЬ — ЭТО ОДИНОЧЕСТВО

Темные занавески чуть колыхались, с трудом пропуская солнечный свет. Луций находился один в большой комнате. Он сидел на полу, скрестив ноги, и медленно водил бруском по лезвию меча, ублажая жадное до человеческой плоти железо. Прошло полгода с тех пор, как он потерял брата, бросив его ради победы. Да, он тогда победил — как и всегда. Рука скользила по лезвию, шуршащий звук нарушал тишину комнаты. Скольких он убил за свою недолгую жизнь? Сотни? Тысячи? А, впрочем, какая разница? Генерал поднял оружие вверх, осмотрел блестящий, начищенный до бликов клинок и проверил его остроту большим пальцем руки, на котором тут же выступила кровь. «У власти нет друзей. Власть — это одиночество», — наставления Марка оказались пророчеством. Теперь он был, действительно, один. Отца нет, двух друзей тоже, брат погиб. Тело Маркуса так и не нашли после сражения. Луций резко вкинул меч в ножны и положил перед собой. Остались лишь Ратибор и Понтий. Даже Мария и та покинула его. За ее исчезновение сполна расплатились его слуги, многих из которых он в гневе предал смерти. Его покидали все, освобождая дорогу в бездну, которую Марк называл властью. Генерал глубоко вздохнул, вспоминая, как предал брата в погоне за славой и величием. Теперь у него нет родных, нет даже могил, на которые он мог бы прийти. Нет ничего, кроме пустоты. Луций долго думал о людях, которые верили ему и которых он потерял, но понял лишь одно: что он не сожалеет о них. Даже родного брата, которого он охранял и берег, генерал без колебаний бросил на верную смерть, хотя и мог спасти, мог. Теперь Маркусу не отдадут положенные почести, а мрачный лодочник не переправит его душу в царство Плутона. Вместе с тем Луций отчетливо осознавал, что ему, в сущности, плевать на все это, как плевать на Марию, на отца, на Мартина и на Ромула, которого он приказал убить по настоянию Понтия. Сейчас не время оплакивать и сожалеть — сейчас время действовать! Никогда еще он не был настолько близок к Тиберию.

Дверь открылась, и в комнату вошел Марк.

— Здравствуй, Луций, — его голос, как обычно, был спокоен и безразличен. — Ты подумал над тем, что я тебе предложил? Другого шанса не будет.

Генерал взял меч и поднялся.

— А как я спасу ему жизнь, Марк? Нанять людей для покушения слишком опасно. Да и кто согласится убить Цезаря? Пусть даже такого никчемного, как Тиберий...

— Тут ты прав. Посторонних людей привлекать не стоит.

— Тогда кого?

— Пускай это будет моей заботой. Главное, окажись в нужном месте в нужное время, а остальное я устрою. После того, как все произойдет, старика будет несложно убедить в том, что в покушении на него виноваты его родственники. И вот тогда ты расправишься с его родней, чтобы впоследствии не возникло споров о власти. Затем мы избавимся от самого Цезаря, а ты станешь управлять империей.

В голове Луция зазвучали трубы, а перед его глазами полетели лепестки роз. Он даже представил, как на его голову возложили золотой лавровый венок, после чего одобрительно улыбнулся Марку.

Запах тухлых яиц был невыносимым. Он стоял в горле и проникал в легкие. Маркус бил

себя в грудь кулаком в попытках откашляться и избавиться от смрада, но тщетно. Он обнаружил себя в темной комнате, стены которой были покрыты стеклянной смолой, постоянно стекающей куда-то вниз. Вокруг ни потолка, ни пола — сплошная пустота, пропитанная мерзким запахом серы. Юноша боялся пошевелиться и только оглядывался по сторонам и то и дело кашлял. Однако вскоре его охватила паника, он заметался по невидимому полу и стал биться о странные льющисся стены, за которыми слышался бесконечный шум стонущих людей, сводивший его с ума.

— О, боги. Что это за место? — Маркус закрыл лицо руками. Он не знал, сколько времени прошло с момента битвы, о которой ему напомнило болезненно-ноющее ощущение в плече. Юноша скинул с себя доспехи, разделся по пояс и стал ощупывать тело руками, но ужаснулся тому, что его пальцы то и дело проваливались вглубь собственной плоти.

— Твою мать, что это? — Маркус зацепил в себе что-то мягкое и холодное и потащил его наружу, роняя к ногам. — Да что происходит-то?

В этот момент черные стены приняли багряный цвет, а затем окрасились в кроваво-красный, осветив пространство вокруг юноши зловещим сиянием. Маркус увидел, что перед ним лежали его собственные внутренности. Его тело было изувечено глубокими ранами, из сломанной ноги торчала кость. Дрожащими пальцами юноша ощупал повреждения, но боли так и не почувствовал. — Что это? Я мертв?

— Мертвые не разговаривают, Маркус, — откликнулся на его вопрос сильный, спокойный и холодный голос, который, казалось, тут же целиком заполнил комнату.

— Где я?! Как я очутился тут, что со мной происходит?! Я ничего не помню! Кто я?!

— Ты всегда был тут, только не понимал этого. Служи мне, и я расскажу тебе, кто ты. Я покажу тебе все то, что ты не видел прежде.

Из льющисся стены вытекла оболочка человека, тело блеснуло черной ртутью. Оно протянуло Маркусу руку, на гладком лице появилось подобие рта.

— Такие, как ты, нужны мне.

Маркус оглядел свое изуродованное тело и протянул руку странному незнакомцу. Но как только его пальцы коснулись существа, его будто пронзило током, ладонь покрылась инеем, тело начало застывать. Он бесшумно, как рыба, открывал рот от боли, и чем больше замерзал, тем ярче вспоминал себя, свое детство, свою семью — все то, что произошло с ним. Перед тем, как полностью заледенеть, он вспомнил последнее — Луция, бросающего его на поле боя. Маркус тяжело задышал, его затрясло от злости. Он словно со стороны смотрел на то, как отступала кавалерия, как в глубине вражеского войска остался лишь он один, как на его глазах дрожали слезы, как он перекошенно улыбался. Эту улыбку было видно даже через замершую корку заледенелой воды на его глазах.

— Ненавижу. Будь ты проклят!

Его замороженное тело растрескалось и осыпалось в бездну, оставив один лишь скелет. Мартин пустыми глазницами осмотрел свой новый облик, поиграл костяшками пальцев и вдруг резко сжал их в кулак. В глубине глазниц вспыхнул огонь:

— Ненавижу, Луций! Ненавижу! Я отомщу тебе, братец!

Существо одобрительно кивнуло головой.

— Отомстишь, если все пойдет не так, как я задумал. Но до тех пор ты мой, Маркус.

Путь Тиберия и Луция лежал в Террацину — уютный городишко на побережье Гаэтанского залива. Там, в дубовой роще, над пропастью у моря, располагалась

принадлежавшая Марку вилла. Туда-то он и уговорил отправиться Цезаря якобы отдохнуть от государственных забот. Император долго не соглашался, но Марк умел найти подход к людям — ко всем людям без исключения. Взяв с собой только приближенных и генерала Черного легиона, Тиберий выдвинулся на отдых. Прибыв на место, он приказал всем купаться, а слугам — готовить пышный стол для пира.

— Тебе не нравятся мои термы?

Генерал с презрением смотрел на то, как бултыхаются в бассейнах с местными рабынями жирные тела представителей римской знати.

— Ну, что вы, Цезарь. У меня просто нет настроения.

— Ах, да, конечно. Я помню, помню. Твой брат Маркус. Я скорблю вместе с тобой, Луций. Но надеюсь, что траур не помешает тебе охранять своего императора!

— Я всегда с вами, Цезарь, — Луций вежливо склонил голову.

Он до сих пор не понимал, почему Марк отправил их отдыхать вместо того, чтобы готовить заговор против этого невыносимого старика. Солнце припекало, и Луцию не хотелось выходить из тени. Купальщики резвились в воде, угодливо хихикая над шутками своего императора, словно гетеры. Впрочем, спутники Тиберия всегда вели себя не лучше продажных женщин, без разбора радуясь всему, что делал и говорил император.

— И почему Понтий восторгается этими ничтожествами? — задумался генерал. — Не знаю, какими изощренными путями он смог добиться назначения в Иудею. После смерти иудейского наместника Тиберий назначил на эту должность именно его. Совпадение? Марк помог? Хотя, если бы это был Марк, он бы мне сказал. И это странное поведение в последнее время... Что все это значит?

Он бы, наверное, и дальше рассуждал в том же духе, если бы в этот момент к ним не подошел толстый управляющий с черной кожей и поросячьими глазками, как у Асмодея, и не позвал бы всех к накрытому столу. Когда все приглашенные с излишком вкусили вина, Тиберий стал придирается к собравшимся гостям. Так случилось частенько, и Луций терпеливо ждал, когда старый пес начнет подозревать всех в измене. «Сейчас они будут лобызать ему руки и клясться в преданности. И этот ублюдок управляет самой могущественной империей мира! Перерезать бы ему глотку, да скинуть труп в пропасть, в ту самую, что неподалеку от виллы», — думал внешне невозмутимый Луций, неспешно потягивая прохладное вино.

Цезарь рыскал глазами по собравшимся, словно сыч, высматривающий добычу. На мгновение его взгляд пересекся с взглядом Луция. Но нет, этот орешек ему не по зубам: ему нужна была жертва, а не хищник. А вот Помпоний Флакк прекрасно подходил на роль объекта для приступа истерии и подозрительности. Говорили, что Тиберий назначил его префектом Рима лишь потому, что когда-то пил с этим человеком несколько недель, не просыхая. Хотя говорили, что и Луций — сын демонов, Мара.

— Скажите-ка мне, мои друзья, лучшие из лучших, — лучшие тут же притихли, поскольку интонация императора перестала быть дружелюбной. — Не совершил ли я ошибки, покинув Рим и отправившись сюда, на отдых, с вами? Может, вы что-то задумали совершить со своим Цезарем, который слишком доверился вам? Ты, Луций, можешь не отвечать на этот вопрос: тебе я доверяю, как никому. Ты и Марк еще ни разу не подвели меня, в отличие от этих лоботрясов, живущих за мой счет! — генерал натужно улыбнулся кончиками губ, сделал глоток вина и надкусил персик. — Взять хотя бы тебя, Помпоний. Что скажешь мне, римский префект? Может, ты хочешь посадить на мое место своего

человека, пока я прохлаждаюсь здесь, а?

— Повелитель... — префект поперхнулся. — Вы же сами пригласили меня в эту поездку.

Его глаза забегали в попытке найти хоть кого-то, кто поддержал бы его, но все отворачивались, делая вид, что их это не касается. Лишь только Луций улыбался и спокойно пил вино.

— Значит, ты не доволен тем, что я позвал тебя сюда?!

— Я не это имел в виду.

— Говорят, народ меня ненавидит! Что, хотите посадить на престол детей моего покойного племянника Германика?! Думаете, я не знаю, что его жена Агриппина нарожала ему целый выводок, который только и ждет моей смерти?! Что скажете?!

— Великий Цезарь, народ боготворит тебя. И мы, твои верные слуги, тоже! Как ты мог подумать такое? Мы готовы пожертвовать своими жизнями ради тебя, — наперебой закудахтали приспешники императора.

Тиберий все больше распалялся, но вдруг генерал поднял чашу вверх и призвал его к спокойствию:

— Великий Цезарь, прошу, не гневайтесь! Если бы среди собравшихся здесь были ваши враги, я бы знал об этом. Уверяю, никто из них не дожил бы до рассвета. Тут только ваши самые преданные друзья и сторонники. Позвольте лучше нам всем выпить за ваше здоровье и мудрое правление!

Тиберий окинул сидящих за столом гостей взглядом, в котором застыли безумие и ярость, и погрозил всем пальцем.

— Я обязательно узнаю, что каждый из вас думает обо мне! Мечтаете о том, что появится новый Германик и подарит вам легкую жизнь? Не надейтесь! — он поднял чашу. — За тебя, Луций! За самого верного моего друга! За тебя и за Марка — за тех, кто ни разу не предал меня и не подвел!

— Благодарю, император.

Все начали взволновано гомонить и поднимать тосты во славу Луция и императора. В комнату вошли с десяток людей: они несли тяжелые сосуды с вином и новые блюда. Появился и толстый управляющий с черной, как ночь, кожей. Он встал в дальнем углу, стараясь держаться незаметно, но все же привлек внимание Луция. Когда генерал посмотрел в его сторону и их взгляды встретились, толстяк заговорщицки указал пальцем на потолок. Луций машинально посмотрел вверх на огромные несущие балки здания, и тут вдруг одна из них с треском лопнула. Свод начал рушиться, вниз, грохоча, полетели плиты и перекрытия. Острые обломки мрамора резали людей, словно масло, отсекая целые фрагменты тел. Один из камней размозжил голову Помпонию, и тот упал замертво. Император вскочил на ноги, но Луций бросился на него, сбил с ног и закрыл собой. Вскоре шум утих, и искалеченные и перепуганные люди обнаружили себя в крошечной тьме под образовавшимися завалами.

— Что это было, Луций? — понемногу приходя в себя, дрожащим голосом спросил Тиберий.

— Свод... рухнул... Цезарь, — держа на себе огромный вес, прокряхтел генерал.

Примерно через час их откопали. Свежий воздух и яркий свет кружил голову, а чувство удачного спасения опьяняло выживших. Императора уже осмотрели: на его теле были только легкие царапины. Луций, весь в пыли и порезах, наблюдал, как из-под обломков мрамора доставали трупы погибших. Вот откопали бесформенное тело Помпония, за ним вытащили

бездыханного управляющего. Луций осмысливал произошедшее, вспоминая роковые слова Марка: «Главное, ты окажись в нужном месте в нужное время, а остальное я устрою».

«Устроил так устроил, слов нет. Только вот что дальше? Толстяка жалко, вовремя он подсказал мне... Ладно, Луций, теперь думай. Нужно действовать, только с чего начать?»

В этот момент мимо него понесли тело управляющего, и вдруг оно открыло глаза. Луций вздрогнул. Пространство вокруг него застыло, а труп начал говорить:

— Здесь недавно отдыхала жена Германика Агриппина: Марк предоставил ей виллу на время. Скажи императору об этом. Скажи! Остров Капри. Старику будет там хорошо, — тело вновь сомкнуло глаза, а ход времени восстановился.

— Что же, допустим, — генерал направился к Цезарю, которого уже омыли и переодели в чистую одежду. — Мой повелитель, не знаю, связано ли это с тем, что случилось сегодня, но я должен вам кое о чем доложить, — старик-император поднял на него красные из-за полопавшихся капилляров глаза. — Мне известно, что Марк предоставлял эту виллу Агриппине как раз незадолго до того, как мы приехали сюда.

Тиберий окинул Луция пристальным взглядом. Выглядел его телохранитель неважно: левый глаз почти совсем заплыл, на губах запеклась кровь, одежда была порвана, на ноге чуть выше колена виднелась черная гематома. Этот человек только что спас ему жизнь. Наверное, ему можно было доверять, хотя доверять Цезарь не привык никому и никогда.

— Думаешь, Марк причастен к этому? — откашлявшись, спросил император.

— Конечно, нет! Я уверен в этом! Он предан вам, повелитель! Я думаю, он попался на уловку Агриппины, которая воспользовалась его милосердием, чтобы уничтожить Вас.

— Допустим, допустим. И что ты предлагаешь?

— Вам нужно ненадолго покинуть Рим, а тем временем я займусь вашими врагами — очищу почву от тех, кто думает, что можно перечить вашей воле. Мне кажется, для вашей временной резиденции подойдет остров Капри. Переезд туда нужно осуществить без огласки: пускай все узнают о нем, когда вы уже прибудете на место. Для вашей охраны я выделю своих лучших солдат. Обещаю, что ни одна мышь не проскользнет к вам незамеченной.

— Прекрасно, — Тиберий поднялся со стула и хлопнул по плечу своего спасителя.

Луций стиснул зубы, распознав в этом жесте покровительственную небрежность. Он понял также, что, когда с родственниками Тиберия будет покончено, тот, скорее всего, захочет избавиться и от него самого. Поэтому остров стоило подготовить так, чтобы там оказались только его люди, — собрать на нем свою маленькую армию, чтобы в нужный момент этот мерзкий старик уснул и не проснулся.

Император мыслил в том же ключе: «Луций хорош, но его верность может не выдержать такого соблазна, как власть. Человек, который управляет чудовищной силой под названием Черный легион, вскоре наверняка не захочет иметь над собой хозяина. Над этим стоит подумать. Подумать как следует. Но сначала нужно избавиться от тех, кто совершил покушение. Давно я хотел разорить змеиное гнездо моего племянника Германика. Теперь для этого есть отличный повод и отличный человек».

После того, как император удалился, старчески шаркая по земле сандалиями, генерал подозвал к себе одного из солдат и отдал приказ:

— Разыщи мне Ратибора! Немедленно!

Высокий широкоплечий варвар уверенной походкой направлялся туда, куда прежде

зарекся возвращаться. Охрана пристально осматрела его, но беспрекословно пропустила через ворота. Ратибор, сжимая в руке какую-то бумагу, поднялся по лестнице и прошел в покои дома, где его ждал Александр: он стоял посреди комнаты, держа руки за спиной.

— По-моему, я дал тебе свободу. Неужели ты снова захотел попасть в клетку?

— Ты во всем виноват, не так ли?! — смятая бумага полетела в сторону Александра. — Это ты убил моего отца!

— Надо же, догадался. Тупой неотесанный варвар наконец-то понял это? Даже не знаю, смеяться мне или плакать. А почему один пожаловал?

— Это мое дело! И только мое!

— А, понятно. Здоровья-то хватит? Или ты думаешь, что я ослаб со времени нашей последней встречи? Долго же ты бродил, как слепой котенок. Я, если честно, думал, что ты так и не догадаешься. Я так понимаю, эта измятая бумага — не что иное, как долговое обязательство? То самое, которое ты привез из Нумидии? Да, бедный Такфаринат. Такой же глупец, как и ты! Просто винтик, пешка, ничтожная фигурка в глобальной игре великих богов. Ты знаешь, почему тот ростовщик сказал, что эта эмблема принадлежит мне? Не знаешь... Это был Авера. Он чувствует человеческие грехи и знает, когда его хозяин больше не нуждается в очередном винтике. Тогда этот самый винтик удаляется из общего механизма, чтобы не нарушать его отлаженную работу. Гнев — он обожает этот грех! Тебя привел ко мне именно он. Никто и никогда не осмелился бы выдать меня, если бы я сам того не захотел.

— Почему? — сжимая кулаки до хруста, сквозь зубы прошипел Ратибор.

— Какое глубокое содержание в таком коротком слове. Ты хочешь знать, почему я убил твоего отца? Ответ прост: нам нужен был мальчик, который бы защищал наше творение, пока оно не поймет, для чего создано. А твой отец был упрямый — такой же упрямый, как и ты. Он наотрез отказался отдать нам тебя. Пришлось пойти на крайние меры. Извини, но такова жизнь. Мои люди тогда не ожидали от варваров такого серьезного сопротивления, и мы упустили тебя. А потом я увидел знакомого юношу на невольничьем рынке. Я сразу понял, что это был ты. Пришлось испытать тебя и подготовить к встрече с нашим Луцием. Да-да, Ратибор, ты прав: выражение на твоем лице сейчас именно такое, какое и должно быть у человека, узнавшего, что он прожил жизнь, которую ему подсунули. Не волнуйся, Луций тоже делал лишь то, что ему диктовали, впрочем, как и все остальные люди.

— О чем это ты, мерзкий ублюдок?! — Ратибор выхватил топор и пошел на Александра.

— Ратибор, не делай глупостей! Ты хороший воин. Такие нужны всегда, — из темноты комнаты вышел Марк и встал рядом с Александром.

— Марк? Ты что, служишь этой змее?!

— Ха-ха-ха, давно меня так не веселили! Боюсь, я должен тебя огорчить: это Александр — мой верный слуга и соратник, мой наместник здесь, на земле. Если хочешь, я приму в свою свиту и тебя, но только если ты совладаешь со своими амбициями и гневом. Подумай!

— Значит, и ты в этом замешан. Значит, те, кого я убивал, были неповинны в смерти моего отца?! Это вы заставили меня так думать!

— Конечно. Луцию нужен был защитник, а преданнее и сильнее воина нам найти не удалось. Я ведь знал, чем ты дышишь, и прекрасно понимал, что только жаждой мести смогу заставить тебя быть рядом с Луцием и защищать его. Ты не задумывался о том, почему «убийцы» твоего отца по иронии судьбы оказывались в тех местах, где Луций добивался побед? Да, Ратибор, это все моих рук дело. И теперь я предлагаю тебе сделать выбор: либо

ты преодолеваешь свои эмоции и живешь долго и счастливо, служа мне, либо...

— Я не предаю людей, Марк. И не иду вразрез со своими идеалами и принципами!

— Я так понимаю, твой ответ — «нет». Жаль. Ты, глупец, даже не представляешь, с кем на самом деле сейчас разговариваешь.

Тут из темноты медленно показался Маркус в блестящих преторианских доспехах и в полном обмундировании. В его глазах сверкали языки пламени. Он остановился перед русичем, закрыв своим телом Марка и Александра.

— Маркус? Я слышал, ты погиб в битве!

— У тебя точные сведения! — преторианец выхватил меч и бросился на варвара.

Русич с трудом уклонился, но Маркус с разворота сбил его с ног ударом щита. Могучий Ратибор отлетел в сторону, как пушинка, и проскользнул по гладкому мрамору. Уверенные шаги и приближающееся цоканье армейских калиг заставили русича подняться. Он сделал выпад навстречу Маркусу, но тот ловко прикрылся щитом. Топор с хрустом пробил дерево, но как только его острие покинуло пробоину, она мгновенно затянулась.

— Да какого... — отшатнулся назад русич.

Маркус снова бросился на него. Удары были настолько быстрыми, что Ратибор с трудом успевал их отражать. Преторианец задал темп битвы, но все же вскоре топор с хрустом опустился на его плечо: рука повисла, а русич, переводя дух, отступил чуть назад.

— Прекращай играть, Маркус. Заканчивай представление! — голос Марка, казалось, заполнил собой все пространство комнаты.

Преторианец отбросил щит и меч в стороны и состыковал покалеченную руку с плечом — рана моментально исчезла.

— Твою мать! — только и успел сказать русич.

Маркус в одно мгновение оказался перед ним, и его рука обхватила шею Ратибора. Какое-то время тот еще пытался сопротивляться, но вскоре его топор упал на мраморный пол с пронзительным металлическим звоном. Последним, что он увидел в своей жизни, был брат Луция, который на глазах превратился в живого скелета, продолжая сжимать его горло костяными пальцами. Еще мгновение, и Маркус резко дернул рукой в сторону: в полной тишине раздался хруст шейных позвонков. Скелет начал ломать тело русича, как соломенную куклу. Разжав пальцы на шее, он схватил тело за обе руки и обрушил на него тяжелый удар ногой. Брызги крови разлетелись в разные стороны, кусок тела отлетел к стене и упал. Изувеченный обрубок плоти с оторванными конечностями — вот и все, что осталось от преданного русича, который сделал свой выбор. Скелет вновь принял человеческое обличие и повернулся к своему хозяину, сжимая оторванные руки Ратибора цепкими пальцами. Марк медленно захлопал в ладоши.

— Bravo, Маркус. Bravo.

Идея мести за семью растворилась в почерневшей душе Луция. Теперь он мечтал лишь о власти и титуле императора. Подстегиваемый Марком, он уже ни о чем не думал — он просто действовал, устилая путь к своей цели трупами сотен и тысяч ни в чем не повинных людей. Он забыл о Марии, которая сбежала от него, не вспоминая о пропавшем брате. Власть, о которой он так мечтал и которую так жаждал заполучить, была не за горами. Единственным препятствием к ней остался мерзкий старый Тиберий и его ближайшие родственники. Марк отлично все рассчитал, когда отправил императора в компании с Луцием на свою виллу. Как позже выяснилось, Агриппина, действительно, прежде гостила там со своими сыновьями и приближенными. Рассказывая об этом досадном совпадении императору, Марк разводил руками, изливал речи сожаления и недоумения и льстил старому правителю так искренне и правдоподобно, что Тиберий и впрямь поверил в его невиновность и даже извинился перед ним за подозрения в сговоре с этой змеей. Вскоре, по совету Луция, Тиберий остался на своем острове под усиленной охраной, а генерал с Марком отправились в Рим, где созвали срочное собрание сената. Там Марк выступил с ошеломляющей речью, обвинив Агриппину и всех ближайших родственников императора в намерении погубить великого Цезаря.

— Пожалейте, великие сенаторы, отца нашего и великого правителя Тиберия Цезаря, на жизнь которого покушаются даже самые близкие ему люди! — призывал он, подкрепляя сказанное сотнями доносов, пришедших со всех концов империи.

Для пущей убедительности и сговорчивости сенаторов Луций вывел на улицы вечного города свой легион в полном вооружении. По его расчетам, легионом должен был командовать Ратибор, но варвар куда-то исчез, словно растворился. Никто его не видел и не знал, где он. Вскоре поползли слухи о том, что русич отправился на родину, бросив все свое добро. От этих известий генерал впал в такое бешенство, что для его успокоения срочно прибыл Марк. Незадолго до этого Понтий отправился в Иудею, и теперь Луций остался один на один со своей мечтой о власти, ненавидя людей всем сердцем.

Генерал и его солдаты стояли в оцеплении у сената. К обеду все обвинения были рассмотрены и единогласно признаны обоснованными. В этот же день Агриппина и члены ее семьи попали в заключение. Затем прокатилась волна арестов всех тех, кто хоть как-то был связан с родственниками Германика. Тяжелой поступью гвардейцы Черного легиона прошагали по Риму, заковывая в кандалы врагов государства, неугодных Марку. Луций прекрасно справлялся со своей работой: он с неукротимым рвением истреблял обвиняемых, не жалея никого. Он творил то же самое, за что когда-то сам мечтал отомстить, совсем забыв о том, что после сокрушительного поражения Вара в Тевтобургском лесу его собственная семья подверглась точно таким же гонениям. Давно уже не возникал у него в душе образ маленькой Юлии, стерлись из памяти слова Марии, и только лишь голос Марка постоянно звучал в его сознании: «Убей собаку. У власти нет родственников и друзей. Хочешь быть богом — будь им».

— Луций, мальчик мой, ты прекрасно справился с поставленной задачей. Так быстро и так четко! Странно, что я раньше сомневался в тебе. Марк, как всегда, оказался прав.

Подумать только, однажды я чуть было не поверил слухам о том, что это ты убил сенаторов в Германии, — Тиберий улыбался, шаркая ногами по густой зеленой траве.

— Я рад служить вам и империи. Ваши враги, Цезарь, — мои враги!

— Славно сказано, славно. Посоветуй мне, что лучше сделать с этим змеиным клубком, с семейством моего племянничка Германика? Кстати, сам он не очень-то хорошо отзывался о тебе.

— Мой Цезарь, я скажу, что стоит предпринять. Но у меня будет к вам встречная просьба.

— И что за просьба?

— Клементий. Я хочу, чтобы его род прекратил свое существование. Сейчас он задержан и помещен под домашний арест за то, что бежал с поля боя.

— Ах, да. Сын покойного Силана. Славный был человек!

— Мой Цезарь, из-за его бездарности и глупости я потерял в том сражении брата!

— Славный был человек, славный... Я помню, как они вечно спорили с Марком. Он был против создания Черного легиона и после смерти божественного Августа даже отговорил сенаторов от этой идеи. И тогда создание твоей гвардии было отложено до лучших времен. Точнее сказать, худших! Марк неплохо сохранился с тех пор. Кажется, он и не изменился вовсе, — веки Тиберия опустились, он задумался на мгновение, но вскоре встрепенулся и сменил тему, будто кто-то неслышным щелчком выключил эту мысль в его мозгу. — Все же этот проныра Марк оказался прав: легион и впрямь куда важнее преторианской гвардии, да и намного полезнее. А ведь я в свое время хотел назначить на твою должность Клементия. Да-да, не удивляйся, но это так.

— Цезарь, — кашлянул, будто невзначай, Луций. — Так что насчет Клементия?

— Конечно, конечно. Но давай сначала уладим мои дела. Хорошо? — генерал немного поклонился в знак понимания и согласия.

Луций осознавал, что Клементия не убили лишь потому, что он был для чего-то нужен этому старику. И то, что Цезарь не разрешил расправиться с ним прямо сейчас, подтверждало это. За поражение в Риме всегда карали строго, независимо от того, к какому роду принадлежал провинившийся офицер, а значит, причины, по которым Клементий был все еще жив, куда серьезнее. Оставалось ждать одного: когда холодное лезвие скользнет по дряблой шее невыносимого правителя. А до тех пор генералу предстояло делать то, что он умел лучше всего, — убивать. Тиберий не особо сдерживал его, точнее сказать, его вообще никто не мог сдержать.

Головы с плеч полетели незамедлительно. Луций действовал жестоко и изобретательно. Одного из сыновей Германика, Нерона, он отправил на остров, где не было никаких условий для жизни. К нему приставили в качестве охраны солдат Черного легиона, которым предварительно намекнули на то, что их мытарство с заключенным продлится ровно столько, сколько тот будет жить. Гвардейцы поняли все правильно, и уже в самом скором времени доведенный до отчаяния постоянными издевательствами и побоями бедолага перегрыз себе вены на руках. Второго сына Германика было приказано заточить в дальних покоях дворца. Про него вспомнили лишь спустя несколько месяцев. Говорили, что, когда тело Друза вытащили из комнаты, его плотка была набита соломой, которую он ел от безысходности. Агриппину Тиберий приказал привезти к себе на Капри, что и было незамедлительно исполнено.

— Ну, здравствуй моя дорогая. Посмотри на нее, Луций: и это жена моего племянника!

Яблоко от яблони недалеко упало, не так ли? Чего молчишь, стерва?! Я вижу ваше змеиное отродье насквозь! Что твой муженек, что ты, что твоя мать — все вы пытались уничтожить меня! Но нет, боги на моей стороне! Скажи мне: давно ли пришел тебе на ум такой хитроумный план?

Агриппина смотрела на императора и его генерала с пренебрежением и брезгливостью. — Что уставилась?! Не понимаешь, как я узнал о твоём коварстве?!

— Отчего же, — она прожгла взглядом обоих. — Все ясно, как день. Раньше ты благоволил моему мужу и своему племяннику. Я не забыла, как ты просил его успокоить Рейнские легионы, как ты умолял его покорить германцев. А ты, Луций? Германик рассказывал мне, кто ты есть на самом деле. Я все про тебя знаю. Вы оба танцуете под дудку одного кукловода и не понимаете этого. Глупцы!

— Заткнись, ведьма! — взревел Тиберий и обернулся к Луцию. — Бей ее! Бей!

Генерал, не меняя каменного выражения лица, тут же наотмашь ударил несчастную женщину. Она даже не вскрикнула, только схватилась рукой за разбитую бровь. Луций нанес новый удар, но тут вместо Агриппины перед его взором появилась маленькая девочка, сестра Мартина. Она стояла перед ним в окровавленной тунике и улыбалась.

— А я все бегу и бегу, Луций. А дерево, знаешь, какое большое? И забор. Луций, а мой брат с тобой? Его нигде нет, мы одни. Мама волнуется за него, — девочка протянула к генералу свои ручки, перемазанные красным. Он поморщился и отшатнулся назад, и тут малышка взревела голосом Грешника:

— Где мой брат, мерзкий ублюдок?! Чего вылупился?! Делай то, что умеешь! Давай! — горбун приплясывал и ржал. — Бей! Бей я тебе сказал!

Луций почувствовал, как кто-то дернул его за плечо, и вздрогнул, пробуждаясь от зловещего наваждения. Тиберий в ярости орал ему почти в ухо:

— Бей! Бей ее! Бей, я тебе сказал!

Агриппина пошатывалась, зажав рану рукой.

— А ведь он верил Марку. Верил. Вы все ему верите. Если бы не Марк, все бы было по-другому.

— Бей! Бей ее! — продолжал брызгать слюной взбешенный император.

— Я не могу, — еле пошевелил губами Луций.

Тиберий оттолкнул его, схватил императорский жезл и стал сам наносить удары. Луций молча отошел в сторону, только жестом приказал гвардейцам держать женщину. Цезарь зверствовал долго, пока она не обвисла бесформенной тушей на руках у солдат. Весь пол был забрызган кровью, оторванная кожа лоскутами свисала с ее лица, один глаз был выбит. Если бы генерал не вступился за несчастную, Тиберий явно бы забил ее до смерти.

— Хватит, Цезарь. Остановитесь.

— Что?! Да как ты смеешь мне указывать?!

— Великий, я не указываю вам. Но если она умрет от вашей руки, народ может истолковать это неправильно. Правосудие должно выполнять свою работу, палач — свою, а император — свою.

— Может, ты и прав, может, и прав, — тяжело дыша, Тиберий отбросил в сторону жезл. — Уберите это чудовище с моего острова. Заточите ее на Пандатерии! Пускай там издохнет!

С этого дня началось тотальное уничтожение всех, кто хоть как-то был связан с семьей Германика. Любой человек, способный претендовать на престол, отправлялся к праотцам.

Марк лично составил список тех, кого Луций должен был устранить, и генерал не разочаровал своего наставника. Всего в перечне было больше сотни имен. Их обладателей по очереди привозили на поляну к отвесной скале и там убивали. Вскоре это место обрело зловещий вид под стать творимым на нем делам: вытоптанная земля и редкая поросль оставшейся травы были бурыми от пролитой крови. Марк все присылал и присылал заговорщиков, а Луций казнил и казнил их. Он плохо спал, ему повсюду чудился запах крови. Ему казалось, что его мертвые друзья ходят за ним по пятам. Даже Ратибор, который, как он думал, сбежал на родину, в одну из ночей явился к нему и безмолвно встал в углу комнаты, не осуждая генерала, но и не оправдывая его, как делал раньше. Луций видел мертвых, видел их каждую ночь, видел всех, кого потерял, — всех, кроме брата: Маркуса среди них не было.

Прошло немало времени, прежде чем Луций смог сообщить Тиберию о том, что с его врагами покончено. На самом же деле Марк устранил всех тех, кто мог помешать самому Луцию взойти на престол вместо старого императора.

Понтий восседал в роскошном кресле, больше походившем на трон, в своей резиденции в Кесарии. В угрюмом одиночестве он пребывал в последнее время. Получив то, о чем так долго мечтал, он чувствовал внутри лишь неудовлетворенность и пустоту. Эта провинция казалась ему жалкой, никчемной, никому не нужной. Несмотря на то, что он управлял не только Иудеей, но также Идумеей и Самарией, у него сложилось ощущение, что его просто сослали сюда. С каждым днем, с каждым месяцем своего правления он все больше и больше злился на Луция за его успехи, за то, что у друга получалось все, за что бы он ни брался. А он, Понтий, как ни старался, постоянно упирался в стену. От этих мыслей он становился раздражительным, злобным, бескомпромиссным. Он хотел прибыть в эту провинцию как властелин, внося штандарты и знамена с изображением императоров, но все вышло совсем по-другому: местные жители встретили его негодующими криками и ругательствами. Видите ли, он оскорблял их веру изображениями кесарей — он, ставленник самого Рима! Да они должны были трепетать перед ним! Интересно, что бы сделал на его месте Луций? Наверное, вырезал бы эту чернь, и все тут. А может, он не прав, и стоило войти в город скромно, с одной охраной, без знамен, чтобы не злить народ? А может... Все эти «может» разрывали Понтия изнутри, буквально выворачивая его наизнанку. Ведь он лучше Луция. Лучше! Он — прокуратор Иудеи, а не какой-то там приспешник-солдафон. Но тогда почему он так завидует другу? Понтий изводил себя этими мыслями до острейших головных болей, от которых прятался в одиночестве в темной комнате, и только его огромный пес был ему другом. Он думал, что станет править людьми, вершить над ними суд. Он хотел получить освобождение от Луция, но оказался в рабстве у Марка. Асмодей частенько посещал его и указывал, что нужно делать. И Понтий делал, несмотря на то, что своими решениями злил первосвященников и настраивал против себя народ. Смысла приказов, которые ему передавал Марк, он не понимал, а спрашивать не мог — такова была сделка, и это ощущение марионеточной слепоты и положение беспрекословной подчиненности сводили его с ума. В довершение ко всему до него доходили странные слухи о каком-то мессии, пришедшем якобы освободить человечество. Асмодей приказал ему быть начеку и докладывать обо всех странностях непосредственно Марку.

— Марк, что теперь, стал выше императора?! — разозленный размышлениями Понтий произвольно озвучил свою досаду и тут же со страхом огляделся по сторонам: вдруг кто-

нибудь услышит?

Но никого не было, он сидел один. Голова снова страшно разболелась, и прокуратор вышел на свежий воздух. Преданный пес последовал за своим хозяином. Понтий смотрел вдаль отрешенно, совсем по-старчески. За короткое время он превратился из молодого, полного сил и храброго воина в дряхлого чиновника. Зачем было махать мечом, если за тебя это сделают другие? Зачем было думать, если за тебя все уже решили? Прокуратор Иудеи Понтий Пилат, властитель провинции, он ощущал себя не господином, а рабом. Ничто теперь не приносило ему удовольствия: ни пиры, ни женщины, ни гладиаторские бои. Он был жив, но чувствовал себя мертвецом. Он умер еще тогда, на ипподроме, когда заключил фатальную сделку с Асмодеем. Он хотел вписать себя в историю, стать всемогущим, влиться в высшее сословие — что же, он в этом преуспел. Только почему это его не радует? Странно...

Марк стоял в небольшой рощице, посаженной специально для Тиберия на острове, который стал для императора крепостью. Он стоял, сложив за спиной руки, и слушал, как прекрасно поют птицы, привезенные сюда со всех концов света для того, чтобы своими трелями услаждать душу старого императора. С утра до поздней ночи не смолкало их разноголосие. В этом хоре участвовали тысячи пернатых певцов: они на все лады свистели, щебетали, чирикали и пищали. Воздух звенел от громких и тихих, радостных и тоскливых мелодий. Птахи пели сидя и на лету, во время отдыха и охоты на насекомых — они не смолкали ни на секунду. Марк слушал их с очевидным наслаждением, чуть прикрыв глаза.

— Тебе не кажется, что ты перегнул палку? — внезапно птичье пение смолкло, наступила тишина.

— Михаил! Ты, как всегда, не вовремя. Что же за привычка у тебя такая — лезть туда, куда не просят?

— Мы знаем, чего ты добиваешься, Анатас.

— Поздравляю. Я особо и не скрывал этого. Но я не пойму, в чем ты меня упрекаешь?

— Ты вмешиваешься в судьбы людей, так нельзя.

— Раньше было нельзя, Михаил. Раньше. Больше я играть по вашим правилам не намерен.

— Ты не можешь нарушить их. Он запрещает!

— Он? Запрещает? Послушай меня, Михаил: не я создал эту мразь. Слышишь? Слышишь?! Ты слышишь стоны и мольбы о помощи? Там его создания творят такое с себе подобными, что даже я поражаюсь этому. А ты знаешь, что вот этот заповедник, в котором так прекрасно поют птицы, создан для удовлетворения императорского сладострастия? Конечно, знаешь. И Он знает. Вы оба это знаете, но ничего не делаете. А еще Он знает, что здесь живут дети, обученные самым изощренным формам разврата и ни к чему на свете больше не пригодные. Но покарать Он их не может, ведь Он сам их создал. Для отца сын — это сын, даже если он урод. В глубине души, Михаил, ты не можешь не признать моей правоты. Поражают не разврат и жестокость, творимые ими. Поражают их масштабы! Но скоро все закончится, мой друг. Луций станет императором, и этот мир сожрет сам себя. Ни они первые, ни они последние...

— Я не позволю!

— Ха-ха-ха! Михаил, друг мой, вы уже позволили мне совершить то, что нужно. Никто из вас не в силах причинить вред Его игрушкам, и в этом ваша слабость. Скоро Луций

встретится с Его сыном, и затем люди сами покарают себя. Он хотел дать им истину, веру, учения, и они отплатят Ему за это. И ты знаешь, чем. Вы все знаете, всегда знаете, но предпочитаете спрятать голову в песок.

— Этому не бывать!

— Да, Михаил, в большой игре Ему всегда будет нужен тот, на кого можно списать все беды. Потоп, уничтожение Содома и Гоморры, десять казней египетских — ведь Он был не против, когда я делал это. Ему стоило только попросить, и я бы оставил все, как есть. Он не лучше меня, и ты знаешь это. Мы одно целое, нас разделяют только его создания. И если он будет продолжать упорствовать, все закончится тем, чем обычно. Животному нельзя внушить, что хорошо, а что плохо: скотина она и есть скотина!

— Они как дети, Анатас! Ребенок тоже не сразу умеет ходить и говорить. Его сначала нужно всему научить, а на это требуется время.

— Ступай, Михаил. Времени у вас было достаточно. Я ограничил себя во многом, придя в этот мир и став частью их. И теперь, когда мое могущество возвращается ко мне, я не буду учить — я буду карать!

— Отец?

— Здесь хорошо, не то что в мире живых. Тут все свободны, можно пересечь хоть всю Вселенную.

— Вселенную?

— Тебе не понять. Я многое сейчас могу, но не хочу.

— Почему?

— Мне страшно за тебя. Мне страшно за Маркуса. Что ты натворил? Что я натворил?

— О чем ты?

— Меня просили беречь вас, но я не уберег. Я не смог. Если бы я только знал тогда, что знаю сейчас.

— Что знаешь?! Скажи!

— Он не позволит мне. Я уже пытался с Ним договориться. Нужно было идти к тебе как Он мне советовал. А я... Если бы мы были, как они, скольких проблем можно было бы избежать! Вы погрязли в темноте, которая вас окутала. Луций, мой бедный мальчик, ты даже не представляешь, какое место приготовлено для таких, как ты и твой брат. И прощения не будет никому. Помоги Ему!

— Кому, отец? Кому?!

— Не дай ему обрести ту силу, которая у него была до прихода в этот мир. Помоги! Помоги ради себя и брата, ради тех невинных, которых ты...

Корабль подкинуло на волнах. От сильной качки Луций проснулся. Воздух в каюте был спертым и влажным. Судно скрипело. Снаружи трюма слышались удары барабана, крики и хлесткие удары плети по спинам рабов. Весла синхронно взмывали вверх, поднимая из темного моря белую пену, и падали обратно. Барабан монотонно отбивал привычный ритм. Они шли в Иудею — самую худшую из провинций, как представлялось Луцию, к прокуратору Понтию Пилату, его другу детства, единственному оставшемуся в живых.

Луций перевернулся на койке. Большая, упитанная крыса неторопливо прочесывала периметр каюты в поисках съестного. Она застыла на мгновение, уставившись черными, блестящими глазами-бусинами на человека, лежащего в нескольких метрах от нее, и стала нагло умываться. Но вот одно молниеносное движение руки, и тело зверька приколочено клинком к деревянной переборке. Корабль качало на волнах. Луцию вспомнилось, как плохо переносил плавание Ратибор и как над ним из-за этого подшучивали его тогда еще живые друзья.

Генерал не понимал, для чего Марк отправил его в Иудею в тот момент, когда в вечном городе вот-вот должна была решиться его судьба. Все, кто мог воспрепятствовать его возвеличиванию, были либо уничтожены, либо сосланы, а остальные попросту побоялись бы возразить, потому что именно он в последнее время фактически управлял Римом. Кто мог перечить тому, у кого под командованием Черный легион и вся преторианская гвардия? Оставалось всего ничего — по велению Марка разобраться с каким-то сумасшедшим, который называет себя царем Иудейским и несет байки о том, что его отец якобы живет на небесах. И ради этого несчастного его отослали за тридевять земель? Неужели этот бродяга

достоин внимания того, кто скоро будет править людьми, населяющими половину всего известного мира, а затем, возможно, и всем миром? Но Луций привык доверять Марку во всем, привык, что тот решает за него, что ему делать, привык всегда полагаться на его мнение. Зачем думать своей головой, когда есть такой человек, как Марк?

В мрачной каюте генерал провел почти все время плавания, лишь изредка поднимаясь на палубу вдохнуть свежего воздуха. В основном он лежал на койке, изредка шевелясь под одеялом. В голову лезли то ли сны, то ли видения — иногда самые неожиданные. Временами Луцию становилось так страшно, что он выхватывал меч и нездоровым взглядом всматривался в темные углы своей ненавистой темницы, в которую он заточил сам себя по воле случая. Он боялся не карлика и не призраков, которые уже стали привычными для него, и тем более не смерти. Его пугала страшная мысль, которая время от времени всплывала из глубин его сознания, — мысль о том, сколь велик ужас, им творимый. Будто чей-то голос ставил под сомнение все то, во что он верил, а верил он в то, что говорил ему Марк. В юности он подозревал свою избранность, свое высокое предназначение, а когда в его жизни появился Марк, то и вовсе перестал в этом сомневаться. Почему же теперь, когда весь мир практически у него в руках, к нему в голову лезут такие глупости? Почему после того, как он совершил столько великих дел, он стал сомневаться в своей правоте?

Луций почувствовал, как кто-то присел рядом с ним, и нездоровый озноб прополз по его телу от макушки до пят, заставив затаить дыхание. Как в дурном сне он медленно высунул голову из-под одеяла и увидел рядом с собой Ромула. Он сидел на краю его койки, словно живой, только бледный, с мутными пожелтевшими белками глаз без зрачков. На его лице были видны следы побоев, которые когда-то нанес ему генерал.

— Ромул? — Луций приподнялся, откинув одеяло. Мертвый друг вежливо, но молчаливо поприветствовал его кивком. — Ты пришел за мной? — тот отрицательно помотал головой, под которой на шее отчетливо виднелась темно-фиолетовая полоса от удавки.

— Думаешь, я поступил неверно, приказав брату убить тебя? Извини, но сам я не смог бы совершить такое. Да, я виноват во многих смертях, и больше всего в твоей, но поверь, мне было нелегко принять такое решение. Только не надо мне болтать о выборе! Вы, мертвые, в унисон ноете об одном и том же, но не говорите ничего конкретного. А что мне оставалось? Ты вот-вот был готов отвернуться от меня ради развратной наложницы! Ты предал меня, бросив солдат одних, без командира! Если бы я помиловал тебя, вернул тебе все почести, то стало бы ясно, что я слаб в своих решениях, и каждый может делать все, что захочет. Я не мог этого позволить! Не мог! За этим последовал бы крах всего, о чем мы мечтали, о чем мечтал я! Понимаешь? Ни Марк, ни Понтий, ни Тиберий — никто бы не понял такого милосердия. Меня бы отстранили от командования, и все пострадали бы из-за твоей глупости. Твоя смерть, Ромул, была на тот момент общим благом. Ну, что ты смотришь? Что я сделал не так?

— Я не виню тебя в своей смерти, Луций. Я виню тебя лишь в ее смерти. Она была не при чем. Да и ты сам вряд ли бы понял меня, если бы я убил Марию лишь за то, что мой друг ошибся. За свои ошибки отвечать должны только те, кто их совершил, и никто более.

— Она сбила тебя с пути! Она ведьма!

— Все глупости, Луций. Человек не обладает такой силой, чтобы затуманить разум другому. А вот он обладает. И может разыграть партии так, как ему нужно.

— Да кто он?! — вскочил Луций.

— Мне пора.

— Куда? Постой, не уходи! Прости меня!

— Бог простит, — спокойно ответил друг и поднялся с кровати.

— Бог?! Он что, один?! О чем это ты?

— Скоро ты сам все узнаешь. Ты будешь сильно удивлен, как и все люди, попадающие сюда. Знаешь, мне очень не хватает ее, ведь мы с ней, к сожалению, по разные стороны. А все благодаря нашим никчемным убеждениям. Скажу только одно напоследок: верь тем, кому верить не хочется. Однажды я не послушал человека, а он был прав. В ту ночь, когда мы гуляли в таверне после игр, устроенных в честь окончания строительства храма Марса. Нужно было слушать его, нужно было... А теперь приготовься: будет больно.

Неведомая сила отшвырнула Луция в сторону, и страшная боль пронзила его тело. Доски затрещали, холодная соленая вода попала в ноздри, стала разъедать глаза. Луций сделал последний вдох под потолком комнаты, которая уже почти заполнилась бурлящей водой, и нырнул. Мимо него в полумраке, словно в невесомости, проплывали мертвые рабы: прикованные цепями, они не имели ни единого шанса на спасение и бесследно исчезали в глубине. Пучина голодным зверем поглощала все без жалости, не брезгуя ничем, переваривая все и вся в своем бесконечном чреве. Луций пытался грести к поверхности, но что-то тяжелое ударило его по голове, и его сознание померкло в захлестнувшей его темноте.

Марк хищно ходил вокруг Михаила. Неподалеку в напряжении стояли Авера, Сципион, Велиал и Асмодей.

— Интересно получается, не правда ли?

— О чем ты?

— Где Он? Я хочу говорить с Ним!

— Ты же знаешь: Он везде.

Марк подошел к архангелу почти вплотную, пристально глядя в его голубые глаза.

— Не шути со мной.

— Он делал лишь то, о чем просил я, — казалось, голос донесся сразу отовсюду. Комнату внезапно осветили тысячи лучей света, затем они собрались в яркий шар, из которого появился человек в ослепительно белой одежде. Марк выдержал паузу и направился к незнакомцу навстречу. Они обнялись, после чего сенатор отошел в сторону, меняясь в лице.

— Где Луций?

— Он далеко, в пустыне, с моим сыном.

— С каких это пор палач ходит рука об руку с пророком? Получается, что царь сам издает законы и сам же их нарушает? Извини, брат, но так дела не делаются! Верни мне Луция! Добром прошу.

— Добро и ты, Анатас, — вещи несовместимые. Ненависть к людям совсем ослепила тебя.

— Ненависть? Давно ли ты был на этой земле?

— Если я не вмешиваюсь, это не значит, что меня нет. Им нужна надежда.

— Им нужен кнут!

— Твой кнут приводит лишь к тому, что я вижу сейчас. Я не вмешивался в твои дела, теперь ты должен дать мне время. Я услышал тебя. Ты создал из Луция то, что хотел. Но он

видел только то, что показывал ему ты. Теперь пускай он посмотрит на обратную сторону медали. И если он останется прежним, я признаю твою правоту.

— Хорошо, я дам тебе время и не стану ничего предпринимать и вмешиваться в судьбу Луция, но только при одном условии.

— Интересно, при каком?

— Как только Луций прольет невинную кровь, ты проиграл!

— А ты и впрямь искуситель, Анатас. Я помню Содом и Гоморру. В тот раз ты одержал верх.

— Ну так что, по рукам?

— Идет, — ответил человек в белом одеянии и исчез вместе с Михаилом.

Марк еще долго смотрел в пустоту, а его свита боялась пошевелиться, ожидая приказа своего господина.

— Он не сможет долго прятать их в пустыне. Что же, плох тот план, который нельзя улучшить. Сципион, как только найдешь их, дай мне знать о душевном состоянии нашего мальчика. Асмодей, возьми Маркуса и предупреди Понтия. На всякий случай будьте готовы ко всему. Я останусь с императором. Если что-то пойдет не так, нужно будет подчистить хвосты. Игра становится более интересной. Однако!

Жара днем стояла такая, что закипала кровь, но ночью становилось так же холодно, как когда-то в проклятой Германии. Пересохшие и потрескавшиеся губы прилипали друг к другу. Иной раз их невозможно было разжать, а если это и получалось, то они лопались. До самого горизонта простирался бесконечный красный песчаник. Дюны порой достигали невероятных размеров, и на их преодоление уходило полдня. Раскаленный песок обжигал ноги, которые то и дело утопали в нем по колено. Безоблачное небо сводило с ума: оно походило на озеро и так манило своей хрустальной синевой, что хотелось подпрыгнуть вверх и нырнуть с головой в эту прохладу.

— О, боги! Как я оказался здесь? Ведь я же был на корабле! Потом он пошел ко дну. А дальше? Дальше не помню...

Луций вскарабкался на песчаный хребет. Желто-красное море уходило за горизонт. Вместо волн на нем зигзагами расходилась песчаная рябь, отчего барханы были похожи на кожу старика, изрезанную морщинами.

— О, боги! Да что же это такое? Как долго я здесь? Неделю? Месяц? И сколько я уже прошел и прополз по этим пескам? И когда и почему я решил, что идти нужно именно в эту сторону? С чего я это взял? А может, я мертв? Тогда где лодочник? Он же должен был перевезти меня в царство Плутона! А вдруг до него еще нужно дойти? Ну же, отец! Ромул! Маркус! Мартин! Где же вы, когда вы так нужны?! Если я мертв, то хочу видеть хоть кого-то, пусть даже проклятого карлика, — генерал взорвался в гневе и умолк, утыкаясь лицом в раскаленные песчинки. — Твою мать! Если это пустыня, тогда где оазисы? Ведь не может не быть ничего, кроме этого проклятого песка?! Неужели это мое наказание за то, что я совершил? Но ведь я старался ради нас всех. Ради... Ради... Ради чего? Как же тошно и плохо. Лучше умереть в бою, но не так. Не так! И почему болит все тело? Раньше такой боли не было, даже после ранений, — Луций поднял голову, дополз до хребта песчаного бархана, перевалился через него и кубарем скатился вниз по склону.

На нем не было доспехов, он был бос и практически раздет. Единственное, что он не бросил, — это меч, подарок Марка. С каждым днем его желание воспользоваться им

становилось все сильнее. Оказывается, человек понимает, как мало ему нужно, лишь когда лишается всего, чем обладал прежде. Каждый из нас не ценит то, что имеет: жадность заставляет нас желать большего.

Луций преодолел еще один бархан. О еде он не думал с тех пор, как поймал скорпиона. Насекомое проскочило внутрь даже без приступов тошноты: голодному желудку было уже все равно, что в него закинут.

— Как долго я здесь? Сколько времени? Последний раз, когда заходило солнце, по моему, шел шестой день. Или, может, шестнадцатый? О, боги! — он упал на колени. — Неужели это преисподняя?

Солнце покрывало все небо и невыносимо палило — настолько невыносимо, что хотелось кричать. Светилу безразличны людские страдания, подобно тому, как самому генералу раньше не было дела до тех несчастных, которых он карал. Правосудие по-римски: тысячи крестов вдоль дороги в Нумидии — это все его рук дело.

— Таранка, — внезапно пришло ему в голову. — Так русич называл рыбу, высушенную на солнце. Это сейчас самое точное название и для меня. Именно в нее я и превращаюсь — в таранку!

Луций побрел дальше, разговаривая со своей тенью, словно с живым человеком. Ему мерещилось, что она ему отвечает. Он вообразил, что тень — это нынешний Луций, а он сам — тот мальчик, которым он был до встречи с Марком.

— Я человек, человек. Я не животное. Нет, тень, ты не права. Я это я, и не будем об этом! Молчи! Тебе говорю, молчи! Заткнись! Ты всего лишь тень! — Луций схватился за меч. — Вижу, вижу. Ты тоже его видишь? Интересно, давно он идет за нами? — рука крепче сжала рукоять меча. — Тень, почему ты молчишь?!

— Она не ответит.

Человек с приятным и спокойным голосом подошел ближе. Луций замотал головой, не веря сам себе.

— Нет. Нет. Нет. Не-е-ет. Не может быть, — оглядываясь через плечо, он попытался убежать. — Не может быть. Нет. Нет.

— От себя не убежишь.

Генерал споткнулся и упал, перевернулся на спину, смотря в сторону незнакомца, и засучил ногами, отползая назад.

— Я убивал тебя много раз в своих кошмарах! Ты пришел мне отомстить за это?!

— Возлюби ближнего своего так, как хочешь, чтобы любили тебя.

— Это все мираж. Я слишком долго был без воды. Тебя нет. Нет. Ха-ха-ха!

— Ты знаешь, сколько дней ты ходишь по этой аравийской пустыне?

— Я сбился со счета на шестом. А сколько? Семь? Десять?!

— Сорок девять дней я наблюдал за тобой, Луций. Сорок девять дней я шел рядом и смотрел на тебя.

— Ты лжешь! Лжешь! Ни один человек не сможет прожить в пустыне столько времени без еды и воды. Тебя нет! Уходи! — генерал закрыл глаза, отмахиваясь от незнакомца рукой, как от кошмара.

— Отрицание и неверие в себя. Это он породил в тебе это! Но подумай сам: за все время ни одной крошки хлеба, ни одной капли воды не попало тебе в рот. Если бы ты был человеком, ты бы умер. Но ты не человек, Луций. Он бы не стал с тобой возиться, если бы ты был, как все. Да, ты состоишь из плоти и крови, так же, как и я, и все же мы с тобой другие.

Ты не осознаешь этого лишь потому, что слишком много времени провел среди людей, в обществе того, с кем быть не должен. Пойдем со мной, и я покажу тебе другую сторону жизни. Не ту, которую ты привык видеть. Пойдем, я покажу тебе, что власть не главное, — он протянул руку в ожидании решения генерала.

— Власть? Да что ты знаешь о ней?!

— Возможно, я знаю о ней гораздо больше, чем ты. Если и ты хочешь узнать, пойдем.

— Хочу, — Луций схватился за протянутую ему руку.

Он слышал шуршание скромной одежды, видел лицо, склоненное над ним, с глазами небесного цвета. Сильными руками незнакомец обхватил его. Он был крепок телом, словно солдат, плотник или каменщик, хотя и прост сложением. Позволяя изможденному Луцию опереться на свое плечо и бережно придерживая его, он нагнулся и загреб ладонью горсть песка из-под ног.

— Ты что, знаешь куда идти?

— Кто никогда не терялся, всегда знает свой путь. Даже если он пребывает в темноте. Открой рот, Луций.

Человек поднял руку вверх и стал сыпать песок генералу на язык. Песчинки, выпадая из его руки, превращались в прохладные капли воды. Луций жадно глотал влагу, пораженный увиденному.

— Утолил жажду?

— Да-а-а... — протяжно ответил генерал, вытирая рот.

Меч на его поясе невероятно отяжелел, словно был отлит из свинца или высечен из гранита. Луция клонило к земле, он припадал на одно колено, но спутник помогал ему подняться. Вскоре рука сама собой потянула за бляшку, и кожаный ремень упал вниз, освобождая тело от неподъемного груза. Луций выпрямился с такой легкостью, словно все последние годы только и делал, что таскал на своем горбу мешки с зерном. Он глубоко вдохнул, и впервые за долгое время воздух для него был наполнен ароматами природы и свежести, а не запахом серы. Все вокруг преобразилось.

— Как?

— Что как, Луций?

— Как ты превратил песок в воду?

— Я же говорил, что покажу тебе другую сторону власти. По вере его и воздается каждому.

— Как зовут тебя?

— Иисус.

Меч еще долго лежал под полуденным солнцем, которое азартно и старательно раскаляло пустыню. Змеиные глаза из дорогих камней, переливаясь, блестели в лучах светила. Вдруг оружие зашевелилось, из рукоятки показался раздвоенный язык, и клинок свернулся в клубок. Затем стальная змея вытянулась в струну, высматривая направление, куда ушел ее хозяин, злобно зашипела и через мгновение полностью зарылась в песок.

Глава 36 ОТКРОВЕНИЕ

Склонившийся над кучкой сухого хвороста человек стучал кремнем, высекая искры. Солнце торопливо пряталось за горизонт, и становилось прохладно. Луций внимательно наблюдал за тем, как его спутник усердно пытался развести костер.

— Ты же превратил песок в воду. Так щелкни пальцами, чтобы получился огонь — не так уж и сложно.

— Я сделал это не для себя, а для тебя.

— И в чем разница?

— Это большая разница, Луций. Очень большая.

Ему наконец-то удалось высечь искру, и она попала на сухую траву, которая тут же начала тлеть. Он осторожно дул до тех пор, пока не появился густой дым и не послышалось потрескивание веток.

— Зачем ты меня спас? — опустил глаза генерал. — Ведь ты же знаешь, кто я. И наверняка тебе известно, что я творил и что еще могу сотворить. Ты не боишься меня? Ведь мне ничего не стоит тебя убить.

— Да, я знаю кто ты. Знаю, на что ты способен. И да, мне страшно.

— Тогда зачем все это? Зачем ты спас меня?

— Так будет лучше для всех. Иногда, прощая зло, ты избавляешь мир от еще большего зла.

— Ха-ха-ха! И кто это сказал?!

— Мой отец. Он Бог.

Улыбка исчезла с лица Луция.

— Это уже похоже на паранойю! Превращать песок в воду — одно, но это... Ты хоть понимаешь, что сейчас сказал и кому? Я римский генерал. Я отвечаю за охрану божественного императора Тиберия! Известно ли тебе, что, причисляя себя к божеству, ты, глупец, посягаешь на власть?! Скажи ты это где-нибудь в римской провинции — заметь, я даже не говорю про сам Рим — тебя распнут! Понимаешь? Распнут!

— Богу богово, а кесарю кесарево, — спокойно ответил ему собеседник.

— Будет тебе и то, и другое! Ты догадываешься хотя бы, что такое смерть на кресте?!

— А ты? — Луций было открыл рот, но замолк, не найдя достойного ответа.

— Ладно, хорошо, безмозглый упрямец. Убеди меня в том, что твой отец Бог!

— Зачем мне убеждать тебя в том, в чем ты сам давно уже убедился?

— Превращать песок в воду сможет и хороший чародей! Однажды я видел, как один фокусник доставал из пустой корзины кроликов.

— Чудо на потеху — это не чудо. Я соглашусь с тем, что я соврал насчет моего отца, и признаю, что я шарлатан, превращающий песок в воду, если ты докажешь мне, что я сказал неправду.

— Я помню такого рода дискуссии с Марком. Терпеть их не мог, но они меня завораживали. Ну, хорошо. Просто покажи мне своего отца Бога, и я поверю тебе. Ну, где он?!

Иисус с кротким видом шевелил хворост в костре и смиренно улыбался. От него веяло теплотой, но, возможно, это был просто жар от костра. Немного подумав, он окинул

взглядом все вокруг себя.

— Ты знаешь, я сейчас осмотрелся и не нашел ни единого места, где его не было бы.

— Тьфу! Философы, мать вашу! Что мертвые, что ты! Толку от тебя никакого!

— Как я могу объяснить тебе то, во что нужно поверить? Ты же не помнишь момента своего рождения, но ты отчетливо знаешь, что родился. Вера в том и состоит, что нужно верить в то, чего не видишь.

— Голова от тебя болит, проповедник! — Луций повернулся на бок, закрыл глаза, тяжело вздохнул и заснул.

Иисус продолжил смиренно сидеть у костра, наблюдая за игрой пламени.

— Мне страшно, отец. Ты дал мне часть себя, но твой брат не позволил мне быть такими, как вы. Я знаю, что так и должно быть. Я знаю, что поверить Богу гораздо проще, чем человеку. Я обладаю твоей большой силой и одновременно слабостью людей. Мне, как и им, страшно.

— Я знаю, сын. Знаю.

— Я боюсь его. Что ему стоит убить меня? И тогда я подведу тебя, не смогу донести твое слово до всех. Я не понимаю, зачем таким, как он, жить на земле? Может, твой брат и прав?

— Сомнение — это тоже одно из человеческих чувств, сын мой. Поэтому я и не стал противиться тому, чтобы ты стал смертным. Ты сам совсем недавно говорил о том, что иногда стоит простить зло, чтобы избежать порождения еще большего зла. Он — твоя противоположность. Тебя воспитывал Иосиф, его — Анатас. Он нуждается в тебе, как и ты в нем. Уверует он — уверуют все. Начинать нужно с самого сложного.

— Но он сотворил столько зла, отец!

— Я сотворил не меньше, когда спасал тебя от Ирода.

— Мне кажется, он ненавидит меня, и я жив только благодаря тому, что уберег его в пустыне. За что он так относится ко мне? Я ведь ничего ему не сделал.

— В твоём вопросе скрыт ответ. Ты ничего не сделал. Я послал тебя к людям донести мое слово. Учить их доброте, любви, терпению. Учить их вере.

— Но посмотри на него, отец. Нужна ли ему твоя вера? Твое учение?

— Ты задаешь мне вопросы, на которые сам знаешь ответы.

— Так что же, и его ждет прощение?

— К сожалению, нет. Анатас не позволит. Теперь он создал место для таких душ. Заполняя его, он будет становиться сильнее.

— Тогда рано или поздно он станет могущественнее тебя, и все будет кончено? Для всех?

— Ты — их спасение, а он — твой спаситель. От тебя требуется только одно — совершить чудо.

— Но глядя на Луция, я не чувствую в себе сил совершить для них благо. Он воплощение истинной сущности человека.

— Ради него и таких, как он, ты и должен будешь это сделать. Сегодня ты познал человека, потерявшегося во тьме, и дал ему маленький луч света. Подари же ему солнце! Если хочешь изменить мир, начни с себя. Возьми его в ученики, будь его поводырем. Если он поверит тебе, то и остальные примут мои учения.

Проклятая пустыня с ее бесконечными песками осталась далеко позади. Они шли молча, не общаясь и даже, казалось, не замечая друг друга. Луций брел за человеком,

который спас ему жизнь, за человеком, превращающим песок в воду, за человеком, чей отец являлся Богом. Но сейчас он об этом не думал. В его голове все спуталось и смешалось. Пятьдесят с лишним дней он не был в Риме, в обществе, в своем легионе. Может, его считают погибшим? Тогда что же получается? Все, что он делал, напрасно? Он был так близок к власти, а теперь? Что теперь?

Холодный ветер дул с севера, пронизывая до костей. Хотелось оказаться под кровом, пусть даже просто завалиться спать в хлеву на сене, лишь бы отдохнуть.

«Зачем я следую за ним? Мне нужно в Рим. У меня там дела, неотложные дела. Дела.. У тебя всегда дела, Луций, всегда. Он спас тебе жизнь, так будь ему благодарен. А вдруг он и в самом деле Божий сын? Смешно. Правда, смешно, но ведь интересно! Ладно, посмотрим чего уж там. Если он шарлатан, я смогу расправиться с ним в любой момент», — думал генерал.

— Ты знаешь, я когда-то давно слышал о мессии, который оживляет мертвых, исцеляет людей. Мне рассказывали о нем солдаты. Не о тебе ли они говорили? — потирая руки, чтобы согреться, спросил он.

Иисус только пожал плечами: ни да, ни нет. Они продолжали свой путь.

— Куда мы идем?

— В Иудею, в город Иерусалим, но сначала нужно кое-что сделать.

— Этими землями правит мой друг Понтий. Слышал о нем? Я вырос вместе с ним и кстати, к нему и направлялся. А знаешь, зачем?

— Знаю: чтобы повстречаться со мной, — ответил Иисус, не оборачиваясь к собеседнику. — Я даже знаю, кто тебя послал туда. Но это не столь важно сейчас. Сейчас важно другое... А что касается твоего друга, так кто о нем не слышал, о прокураторе Иудеи Понтии Пилате?

Они вышли к небольшому поселку и постучались в дом на окраине. Дверь открыл мужчина в годах, он взглядом окинул пришедших и жестом пригласил их войти. Они очутились в небольшом скромном жилище без особых удобств и с минимумом обстановки: ничего лишнего, только самое необходимое для жизни.

— Откуда сами?

— Из Назарета.

— А-а-а... — протянул хозяин дома. — Садитесь за стол, я принесу вам чего-нибудь съестного.

— Тут что, всегда так? Стучи в любой дом, и тебя пустят переночевать без лишних вопросов? — удивленно поинтересовался Луций.

— Поселок стоит на пересечении торговых путей, здесь так принято. Нельзя отказывать путнику в ночлеге и еде.

Они прошли в небольшую комнату, где горела масляная лампа, коптя черным дымком. Грубый стол и пара лавок — вот и все, что здесь было. Хозяин поставил на стол кувшин с молоком, немного козьего сыра и ломоть хлеба.

— Ты живешь здесь один? — жадно отпил из кувшина и сунул в рот кусок хлеба Луций.

— Нет. С женой и нашим сыном, но он совсем плох.

— Извини, я не знал.

— Ничего. Это жизнь. Кто-то рождается, кто-то умирает. Располагайтесь здесь, а мне пора идти, ей нужно помочь.

Луций ел, запивая из кувшина. Его спутник молчал, не прикасаясь к пище.

— Что с тобой? Ты есть-то будешь?

— Нужно помочь.

— Ах, ну да, ты же... Я просто забыл. Конечно. Давай, а я спать.

Иисус поднялся и пошел вслед за хозяином дома.

— Ты серьезно?! Он же при смерти!

Луций догнал его у комнаты, где над кроватью склонилась в безутешном горе женщина.

По ее виду можно было подумать, что умирает она сама, а не ее сын. Юноша лежал на кровати, покрытой бельем не первой свежести. Неподалеку стоял хозяин дома и подливал в лампу масло. Генерал остался возле двери наблюдать за происходящим, а Иисус подошел к парню и посмотрел на его бледную, с голубоватым оттенком кожу, на приоткрытый рот, на ввалившиеся глаза. Каждый его вдох сопровождался легким посвистыванием. Тело почти высохло, а через кожу проглядывали выпирающие кости. Все молчали, никто не препятствовал Иисусу подойти к больному. Он присел рядом с женщиной и посмотрел на нее, впитывая ее страдания, чувствуя ее горе, а затем положил руку на лоб умирающего.

— Осознаешь ли ты, что творишь, сын моего брата? — прозвучал позади голос Анатаса, но его услышал только Иисус и никто более.

— Я не могу стоять в стороне, когда страдают люди.

— Разве это правильно — отбирать то, что принадлежит другим? Я не вмешивался в ваши дела, но вы забираете Луция. Ты по совету отца взял его в ученики. Теперь ты привел его сюда, чтобы убедить в своей правоте. Ты изначально шел сюда за доказательством своей власти, демонстрацией своих способностей. Хочешь совершить чудо? А ведь ты ненавидишь его за то, что он совершил. В конце концов, у тебя тоже есть выбор, как и у людей. Почему ты не можешь сделать то, что на самом деле хочешь? Зачем он тебе? Отрекись, а я позабочусь о нем, как это и должно быть.

— Зло порождает зло и ничего, кроме зла. Ты отвлекаешь меня.

— Отвлекаю от чего? От наслаждения своей исключительностью? Хочешь, я скажу, что будет дальше? Ты исцелишь парня и будешь думать, что сделал доброе дело, хотя это не так. Ты просто поможешь одному человеку избежать смерти, чтобы склонить другого к вере. Разве это правильно нарушать естественный цикл жизни? Даже твой отец не вмешивается в ход процесса, установленный нами еще до создания мира. А ты? Имеешь ли ты такое право? И все ради чего? Ради того, чтобы повлиять на Луция. Ты создашь шумиху вокруг себя, но помочь всем ты не сможешь. Я не допущу, чтобы ты ходил по земле и делал то, что не дозволено никому. Не слишком ли ты много на себя берешь?

— Я знаю твои намерения. Тебе нужен Луций для реализации своих планов. Но я не отвернусь от него. И этому парню я все равно помогу. Пока я здесь, я буду помогать людям.

— Хорошо. Делай то, что должен, но помни: благими намерениями вымощена дорога в ад. Они вознесут тебя до небес, и они же сбросят тебя оттуда. Ведь это всего лишь люди. — Анатас исчез.

Едва руки Иисуса коснулись юноши, из-под них заструился серебристый свет. Все с изумлением смотрели на то, как умирающий начал приходить в себя: к нему возвращалась жизнь, во взгляде появилась ясность. Он попытался приподняться, но Иисус остановил его.

— Отдыхай, завтра все будет по-другому.

Повисла тишина, только скрипнула дверь: это Луций подошел к постели, не замечая вокруг никого, кроме исцеленного юноши.

— Как? Как это? Разве такое возможно?

Мать бросилась в ноги Иисусу, целуя их и пол вокруг. Он поднял не перестающую благодарить его женщину. Хозяин дома поочередно переводил взор то на выздоровевшего сына, то на его спасителя, то на генерала, который стоял возле парня, что-то бормоча себе под нос и не веря своим глазам. Ликование длилось бы, наверное, очень долго, если бы сам творец чуда не вышел бы молча из комнаты. За ним последовал и отец мальчика.

— Постой. Чем мне отблагодарить тебя? У меня есть немного денег. Хочешь, я отдам тебе свой скот?

— Не стоит. За добро не берут плату. Я попрошу только об одном.

— Проси, о чем угодно!

— Я и мой спутник проживем у тебя два дня и две ночи, а ты расскажи обо мне односельчанам. Я помогу тем, кто нуждается, тем, кто болен, и научу вас найти спасение и исцеление. Я дам вам то, чего прежде у вас не было. Я дам вам веру!

Хозяин дома какое-то время смотрел на гостя, как на божество, впитывая каждое его слово, но затем внезапно наклонился к его уху и тихо заговорил.

— Твой спутник, — он произнес эти слова с такой опаской, будто ожидал, что его вот-вот схватят и упекут в темницу. — Он страшный человек! Я служил с ним в Германии. Будь осторожен: он безжалостен. Я видел, что он творил в той далекой стране.

— А ты?

— Что я?

— Только видел или сам творил то же самое? А если так, то вправе ли ты осуждать его?

— Я был солдатом. Что я мог сделать?

— Всегда можно что-то сделать. Всегда есть выбор. Не суди и не судимым будешь. Ступай и сделай то, о чем я попросил.

Как только мужчина ушел, из темноты призраком появился Луций.

— Все слышал? — тихо спросил Иисус.

— Все. Он сказал тебе правду: я страшный человек. Знаешь, сначала я хотел попросту свернуть ему шею.

— Отчего же не свернул?

— Я впервые в жизни подумал о том, что меня осудят. Ты осудишь. Когда ты напоил меня в пустыне, я мало что понимал. Теперь, когда ты спас парня и спас просто так, безвозмездно...

— Ты подумал о том, что будь я рядом тогда, то мог бы спасти Юлию? Мог бы исправить твои ошибки? Мог бы отговорить тебя от многих ужасных поступков, в особенности от того, что ты совершил по отношению к Ромулу?

— Откуда ты знаешь? — изумленно прошептал Луций.

— Я же сказал тебе, кто мой отец. Я не могу исправить то, что ты уже натворил, Луций, не могу. Но я могу дать тебе веру в то, как должен жить человек. А распоряжаться этой верой ты вправе по своему усмотрению. Ты волен уйти, я не держу, но ты волен остаться, ведь я и не гоню тебя.

— Я хочу знать правду. Расскажи мне все!

— Что именно?

— Я хочу познать то, что знаешь ты.

— То, что знаю я, слишком много даже для Луция и уж совсем непостижимо для простого сметного.

— Я прошу. Я устал. Я хочу знать.

— Хорошо. У нас есть еще время, пока не пришли люди. Я поведаю тебе то, что знаю. Слушай, Луций. Слушай и запоминай, ты, проклятый тысячами людей, стремящийся только к власти любым путем, ведомый лишь тьмой, которой ты отдался ради мести и ради славы. Я должен любить всех — так велел мне мой отец. Даже такого, как ты, даже после всего, что ты сделал, даже зная о том, что сделаешь дальше. Ты не представляешь, насколько огромен мир, впрочем, мало кто это представляет. Земля — это песчинка в безграничном пространстве Вселенной с множеством миров и созвездий. Все это создали мой отец и Егс брат. Они были неразлучны, они составляли единое целое. Они существовали всегда. Даже когда не было ничего, они были. Они — это бесконечность, которой дарована возможность материализоваться в любую форму существования, будь то живая плоть или обычный камень. Поэтому я могу творить так называемые чудеса, так как во мне есть часть моего отца. Но я могу делать только добро и только для других. Они же могут делать все. Один из них был светом, другой — тьмой, так как одно без другого не может существовать. Ими были созданы первые существа, великие бессмертные архангелы, наделенные особыми силами и возможностями, — их первые помощники. И так продолжалось бессчетное количество времени, пока мой отец не задумал создать мир, населенный существами с чувствами: со страхом, с любовью, с верой — и, главное, существами смертными. Когда Его идея созрела полностью, он приступил к строительству вашего мира: земли, неба, воды, животных, растений — всего, что вас сейчас окружает. Его брат Анатас принял эту идею и помогал брату в Его трудах. За пять дней было создано все на этой земле, и вот настал день шестой. День, когда Он создал первых людей. Они мало чем отличались от животных и были, словно новорожденные дети, беспомощными, неумелыми и глупыми. И дал Он им разум, какой был у Него самого. И дал им право выбора, которого ни у кого из других существ не было и нет. Он ожидал поддержки брата, но тот впервые воспротивился Ему. Он сказал, что наделить разумом смертное тело с повадками животного — нелепая ошибка. Что человек будет самым омерзительным, самым бесполезным и самым никчемным среди всех живых существ. Но ваш создатель не верил в это, Он вложил в вас частичку себя, дал вам душу, разум и даже нечто большее — право выбора, право поступать по собственному разумению, оградив вас от любого воздействия. Да, вас можно подтолкнуть к тому или иному решению, но вас нельзя заставить это решение принять. Последнее слово всегда остается за вами. Он любил свое творение так, что создал для вас отдельный мир под названием рай — пространство в пространстве, хранилище, в которое попадали ваши души после смерти. Умирая, человек отдавал божественную часть себя обратно. Я не буду утомлять тебя рассказами о перерождении и о вечности. Я скажу только одно: Его брат Анатас был настолько разгневан этим поступком, что замкнулся в себе. Более того, людьми были недовольны и архангелы, которые считали, что отец обделил их, дав смертным гораздо больше возможностей. Да, они были всемогущими, но у них не было чувств и, главное, у них не было права выбора. Многие тогда поддержали Анатаса. Но ваш создатель был непреклонен. Даже на убеждения своего брата о том, что вы станете самым никчемным организмом, Он отвечал лишь призывами поверить в вас. С каждым спором раздор между ними все больше усугублялся, и тогда Анатас пообещал брату доказать, что Его творение — просто ошибка, неудача, заблуждение. На его сторону встали многие. Даже Абигель, глава архангелов, великий воин, с которым только Михаил мог сравниться в силе, принял сторону Анатаса. Ты знаешь его как Сципиона. От своего имени он отрекся и стал зваться Абигором. За ним последовали Асмодей, Велиал и многие другие. Увлеченные идеей доказать моему

отцу свою правоту, они спустились на землю, изрядно потеряв в могуществе, ибо этот мир был создан для людей, а не для них. Миллионы лет Анатас, которого ты знаешь как своего наставника Марка, жил среди вас. Он научился быть незаметным. Научился входить к вам в доверие, научился видеть ваши уязвимые точки. Он научился давать вам то, что удовлетворяло бы ваши желания и затмевало бы ваш разум. Он неоднократно практически полностью уничтожал ваш род то потопом, то извержением вулкана, то падением на землю огненного шара. Как только ваши грехи позволяли ему скопить достаточно мощи, он сразу же стремился вас покарать. Он научился получать силу из ваших страданий, из ваших грехов, из всей той мерзости, на которую вы способны. Но каждый раз люди начинали все заново. И тогда в укор своему брату он придумал для вас не райские кущи, а место, которое должно будет терзать душу, а не даровать ей прощение. Он трудился над адом долгое время и недавно завершил его создание. Это место для таких, как ты, Луций. Для таких, кому нет и не будет прощения. Но самое страшное, он сотворил существо, которое питается вашими грехами. Его зовут Авера, или Грешник. На вид это смешной, никчемный, уродливый горбун, но на деле он обладает немислимой силой. Вы даете ему эту силу. Он проникает в ваш разум, выявляет ваши самые мерзкие желания и осуществляет их, чтобы питаться вашими грехами. Он, как паразит, живет за ваш счет, за счет вашей мерзости, вашего второго «я», которое вы стараетесь не выпускать наружу. Ваше время на исходе. Я послан вам, дабы спасти вас. Я должен дать вам веру, законы Божие. Научить вас тому, о чем вы позабыли. Ибо не будет вам больше прощения. Ибо воздастся каждому по вере и по деяниям его.

Мировоззрение Луция переворачивалось с ног на голову, сердце стучало, щеки горели, словно к ним приложили раскаленное железо, голова шла кругом. В услышанное трудно было поверить. Но еще труднее было поверить в то, что тебя попросту водили за нос с самого рождения. Бог, ад, Грешник, Абигор — все смешалось. Ромул, власть, Маркус — вся жизнь летела в царство Плутона, а точнее в ад. Да какая разница? Он совершил столько дурного. И ради чего? Он думал, ради власти, а оказалось, ради того, чтобы кто-то использовал его в своей игре. Он окунулся с головой в кровавую реку, которую сам и создал. И что теперь? Что? Вздернуться на первом попавшемся сучке? Вскрыть себе вены? Или быть может, попробовать отомстить Марку? Хотя возможно ли это? Или помочь этому доходяге с невероятной способностью творить добро для других? Но чем способен помочь ему тот, кто, кроме как убивать и воевать, больше ничего не умеет? А может, просто помочь ему завершить то, что задумал его отец? Охранять, чтобы его не пришибли где-нибудь на дороге?

— Хорошо, — внезапно ответил Луций то ли Иисусу, то ли себе самому. Иисус же ждал очередного вопроса, который незамедлительно последовал: — А про Марка еще кто-нибудь знает?

— Немногие, он не хочет раскрывать себя.

— А Александр? Он знает?

— Александр... Александр — великий чернокнижник, маг, наделенный силой своего творца Анатаса. Это первый человек, продавший свою божественную частичку в обмен на силу, красоту и долгую жизнь. Он — глаза и уши Анатаса. Его община называется «Огненные братья». Они его приспешники.

— Ну, тогда нам точно...

— В тебе нет веры, Луций. Без нее мы не сделаем то, что должны.

— Мы? Теперь уже мы?! Великолепно! Я лишился в одночасье всего: славы, богатства,

знакомых, власти!

— А было ли это у тебя?

Луций хотел было ответить, но после секундного замешательства так ничего и не сказал.

— И что нам теперь делать?

— Делать то, что должны. Я должен донести до людей веру. А ты должен помочь мне в этом. Мне нужны ученики — стань одним из них!

— Замечательно. Я буду первым твоим учеником? — развел руками генерал.

— Последним. Ты будешь тринадцатым моим учеником. Двенадцать у меня уже есть, и вскоре я тебя познакомлю с ними.

Глава 37 ЕВАНГЕЛИЕ ОТ ЛУЦИЯ

Марк стоял у бассейна, опершись руками о каменную кромку, и смотрел на ровную, как зеркало, гладь воды. Вдруг у его правой ноги поднялась и рассыпалась в стороны земля. Из образовавшейся норы выползла змея, обвила ногу хозяина, поднялась на каменный парапет бассейна и свернулась в клубок, уставившись в ту же сторону, куда и Марк. Он не спеша погладил ее по голове.

— Только скажите, и я расправлюсь с ним.

— Не стоит, Абигор. Не стоит. Все нормально, все так, как и должно быть. Скажи Маркусу: пускай отправляется к нашему прокуратору. Раз Луций не смог сделать то, что нужно, это сделает его брат. Понтию следует подготовиться к встрече. Да, и пусть он проведет беседу с первосвященниками. Как-никак, у них собираются отобрать самое ценное — власть, а они никому не позволят этого сделать.

— Как прикажете, милорд.

— Пстой, — Марк дотронулся до змеи, которая тут же вытянулась и превратилась в меч. — Передай его Маркусу, пусть владеет.

Абигор слегка склонил голову, принимая оружие из рук хозяина.

Народ все прибывал и прибывал. Луций и представить себе не мог, что столько людей нуждаются в помощи. Оборванные, нищие, больные, они все лезли в дом, глядя на своего спасителя глазами, полными надежды. Такими глазами смотрела на него Мария, такие глаза он видел у своего брата, которого бросил на поле боя, такие глаза были у его отца. Остальные же смотрели на него глазами, полными страха и ненависти. Он старался не привлекать внимания, чтобы его случайно не узнали. Впрочем, сейчас до него никому не было дела. У них был Иисус, и он давал им надежду, веру и любовь. А Луций мог дать только боль и ужас. Да, у него была власть, но и у Иисуса была власть. Генерал добился своей, внушая людям страх, мессию же искренне любили: он давал надежду, а не отнимал ее. Люди тянулись к нему, падали в ноги, целовали обувь по собственной воле, а не из-за того, что им к горлу приставили холодную и острую сталь гладия. Но что сделано, то сделано, и вернуть ничего уже было нельзя. Мир оказался не таким, как он думал.

Иисус исцелял страждущих и рассказывал им о своем отце. Они падали ниц, славя его учения. Луций невольно ухмылялся, зная, как мерзок человек, зная это по себе. Сейчас он для них мессия, но приведи генерал сюда свой Черный легион, и все просящие тут же потребовали бы распять чудотворца, испугавшись за свои шкуры и мгновенно позабыв о том, что он их излечил. Луций прочитал в глазах Иисуса понимание. Тот знал, что отрекутся, знал, что человек несовершенен, но также знал, что многие останутся верны, и этого было для него достаточно. Кто-то в благодарность поцеловал ему руку, но он пристально смотрел на генерала, ожидая ответа на вопрос: «А ты, Луций? Ты не отречешься? Или ты все еще хочешь править миром? Только каким миром ты хочешь править? Тем, что дает мой отец, или тем, что обещает его брат?». Луций все еще находился у развилки, не зная, какой путь выбрать. Ему было, по большому счету, все равно: идти придется по любой дороге. Только приведут они к разным целям. Во взгляде полубога читалось: «Приведут все равно к отцу моему». А вдруг к Его брату? Иисус опустил веки: «Горе тому, кто к нему попадет, ибо не прощает он, а выносит приговор и карает».

Почти сутки шел народ к ним со своими бедами, со своим горем. «И давал им сын Божий то, что нужно было им, — веру, ибо не было до этого в них ее», — так записал Луций на исходе второго дня, когда спаситель исцелил всех нуждающихся. Слабый огонек зажегся в сердце генерала. Ему захотелось описать творения этого удивительного человека, свидетелем которых он стал, и передать его послание людям. Рядом с ним его не мучили кошмары, не преследовали призраки и не беспокоил карлик Авера. Рядом с ним он не ощущал боль шрамов на своем израненном теле и боль души — черной, прогнившей, никчемной, но все-таки человеческой души. И раз в ней поселились демоны, значит, когда-то жили и ангелы.

Луций на минуту задумался, глядя на то, как подрагивал в темноте огонек масляной лампы, но вскоре стал опять кропотливо документировать речи Иисуса, обращенные к прихожанам.

1. «Я Господь, Бог твой. Да не будет у тебя других богов пред лицом Моим».

Как только Луций поставил точку, заговорил Марк:

— Писарем устроился, генерал? Волка в овечьей шкуре не спрячешь. Ты умеешь только убивать, зачем тебе он? Тебя еще ждут в Риме. Я жду. Тем более, он лжет тебе. Его отец, он сам, да и я тоже — все мы боги. Так кому должны служить люди? Какому одному Богу?

Луций собрался с силами, стараясь не отвлекаться.

2. «Не делай себе кумира и никакого изображения того, что на небе вверху, что на земле внизу и что в воде ниже земли. Не поклоняйся им и не служи им».

— Ты думаешь, привыкшие кланяться статуям внемлют этому? Они не смогут почитать то, что не будут видеть. Ты же знаешь: они верны только тому, у кого есть власть, сила и меч. Они верны лишь тому, кто может уничтожить их. Они будут верны тебе! Возвращайся. А если хочешь, чтобы поняли они, допиши сюда, что у Бога есть брат Его. Брат ревнивый и ненавидящий людей, наказывающий детей за вину отцов до третьего и четвертого колена.

— Хорошо, — Луций записал слова Марка. — А творящим милость, любящим Его и соблюдающим заповеди Его, Господь дает благо до тысячи родов.

— Ты изворотлив. Неплохо. Только увидишь, переврут они то, что ты написал, — раздался холодный, пронзающий разум смех Марка.

3. «Не произноси имени Господа, Бога твоего, напрасно, ибо Господь не оставит без наказания того, кто произносит напрасно имя Его».

— Глупости, Луций, глупости. Ты сам знаешь: они будут вспоминать и поносить имя Его каждый раз, когда Он не даст им то, чего они хотят.

4. «Помни день последний недели, чтобы святить его. Шесть дней работай и делай всякие дела твои, а день седьмой посвети Господу, Богу твоему. Не делай в оный никакого дела ни ты, ни сын твой, ни дочь твоя, ни скот твой, ни пришелец, который в жилищах твоих. Ибо в шесть дней создал Господь небо и землю, море и все, что в них, а в день седьмой почил. Посему благословил Господь день этот и освятит его для отдыха».

— Молодец, Луций. Ведь тебе рассказывали совсем другую историю сотворения мира. Где же мое присутствие? Люди, люди. Любите вы исказить и приукрашивать историю. Думаешь, не узнают обо мне? Узнают, как ни старайся.

5. «Почитай отца твоего и мать твою, чтобы продлились дни твои на земле, которую Господь, Бог твой, дал тебе».

С каждой фразой Луцию приходилось испытывать адскую боль при записи учений Иисуса. Тело ломило, словно в жерновах пыточной машины, каждый шрам на его теле ныл.

Правая рука то мерзла, то горела так, что хотелось бросить перо, но он стискивал зубы и терпел.

— Ха-ха-ха! Ты сам-то уважал своего отца, генерал? Ваши низкие и мелочные желания всегда будут идти вразрез с уважением. Ты разочаровался в отце, видя богатство и власть других. Ты не научишь любить собственную кровь, не научишь животных почитать родителей своих. Для вас ваше «я» будет всегда важнее старческого наставления.

6. «Не убивай».

С трудом вывел дрожащей рукой Луций.

— Ты удивляешь меня! Трудно писать заповедь, которую сам никогда не соблюдал? Ты отлично знаешь, что тяга к убийству заложена в вашей природе. Скольких ты лишил жизни, Луций? А скольких еще ты убьешь? Я знаю тебя, твою сущность. Все, кто связан с тобой, умирают: отец, Ромул, Мартин, тысячи и тысячи людей. Интересно, когда ты успел пересмотреть свои принципы? А если убийство станет избавлением от страданий? Как думаешь, ты будешь стоять на месте, исполняя наказания Его, или все же сжалишься над несчастным? Молчишь? Что же, посмотрим.

7. «Не прелюбодействуй».

— Ха-ха-ха! Похоть! Еще одно доказательство вашей скотообразности! Ты же видел, как проводят время римские аристократы, рабовладельцы и сам император. Для кого эта заповедь? Ты же не сможешь остановить людей этими словами от ублажения их тел? Подумай сам: твой друг Ромул поплатился жизнью за связь с гетерой. Ты лично приказал его убить, помнишь? Конечно, помнишь. Ради плотских утех вы предаете семьи, детей, родных, жен, друзей, собственные принципы. Нет, мой ученик, лучше вычеркни эту заповедь — похоже, для вас она неосуществима.

8. «Не кради».

— И снова ты неправ. Человек завистлив и ленив. Вам проще взять чужое, чем заработать свое. Ты хочешь сказать, что солдаты будут следовать этому правилу на войне? А как будут существовать ваши государства, если правительство не будет обворовывать собственный народ? Нелогично все получается, не кажется ли тебе?

9. «Не произноси ложного свидетельства на ближнего твоего».

— А как же тогда будут существовать ваши суды? Римское право — право для тех, у кого есть сестерции. Думаешь, кому-то нужны честные показания? На них судьи не разбогатеют. Вы никогда не сможете жить без лжи. Пока лгут судьи, пока лгут ваши первосвященники, пока лгут цари и императоры, вы будете существовать.

10. «Не желай дома ближнего твоего, не желай жены ближнего твоего, ни вола его, ни осла его, ничего, что у ближнего твоего».

Еле дописал Луций и так тяжело выдохнул, будто совершил переход через Альпы.

— Глупец. Ты пытаешься записать за ним то, что понятно только ему и его отцу. Людям этого не осознать. Да им и не нужно это осознание. Ты мучаешь себя, Луций. Ты не такой, как он. Вернись! Ты будешь править миром. Я могу все уладить.

— Ты обманул меня, Марк. Ты отнял у меня все человеческое. Ты превратил меня в то, что я есть.

— Разве? Ты хочешь сказать, это я заставлял тебя делать те ужасные вещи, которые ты совершил? Я заставлял тебя вырезать целые деревни, распинать тысячи людей, насиловать, грабить, проливать кровь? Разве все это заставлял тебя делать я? Согласись, тебе это нравилось самому. Нравилось быть богом, вершить людские судьбы, быть никому не

подвластным. Признайся мне, что ты чувствовал, когда убивал?

— Ничего. Ничего я не чувствовал.

— Вот видишь, в тебе есть то, чего нет в других. Не причисляй себя к этим ничтожествам. Возвращайся! Все готово для свержения Тиберия. Рим устал от его власти. Твой легион ждет тебя, ждет своего императора. Луций, пойдем со мной.

Из воздуха показалась протянутая к генералу рука, затем появился черный силуэт человека из блестящей ртути. Комната преобразилась, зазвучали трубы. По улице, отбивая шаг, маршировали легионы, которые возглавлял Луций на колеснице. Народ славил своего правителя. Генерал приветственно поднял руку, и очарованная толпа взорвалась в радостных овациях. Луций разглядел стоящего среди людей Иисуса, рядом были его отец и друзья. Из толпы вырвалась маленькая девочка: сестра Мартина радостно бежала к нему, но кони неслись вперед. Человек в черном балахоне отчетливо выделялся из толпы, он ждал развязки. С другой стороны стоял тот, кто открыл ему глаза, и тоже ждал. Он император, он не может свернуть. Он власть, он генерал Черного легиона, не знающий пощады и поражения. Он человек, созданный по Его образу и подобию! Смертный! Человек! Поводья натянулись и лошади уперлись копытами в землю. Народ ахнул. Юлия улыбнулась. Черная фигура развернулась и скрылась в толпе. Луций вздохнул и открыл глаза. Наваждение кануло в небытие.

— Что пишешь? — Иисус стоял совсем близко.

— Хочу записать то, чему ты учишь, то, что ты делаешь. Хочу хоть как-то искупить свои деяния. Хочу помогать тебе.

— Это опасно, Луций.

— Не опаснее того, чем я занимался прежде. Думаешь, идти к власти легче?

— Может быть, может быть. А как ты собираешься назвать свою книгу?

— Не знаю. Я не думал об этом.

— А как по-гречески будет книга?

— Библия, — мгновенно ответил Луций.

— По-моему, прекрасное название. Ложись спать, мой ученик, впереди трудные дни.

Человек в возрасте в зеленом тюрбане и красивой одежде склонился над горящей свечой. Его руки медленно перебирали бумаги, раскладывая их по стопкам. Темные глаза щурились, на длинном с небольшой горбинкой носу раздувались ноздри. Короткая борода озадаченно подернулась, когда он наткнулся на знакомое письмо. Первосвященник Каиафа, верховный служитель храма в Иудее, перечитал послание Понтия, в котором тот снова требовал денег. С приходом нового прокуратора жизнь Каиафы усложнилась тысячекратно. Ненасытный, хитрый и невероятно жестокий игемон уже успел растрясти храмовую казну для строительства водопровода, и только первосвященник знал, сколько Понтий положил при этом в свой собственный карман. Он не единожды писал в Рим доносы, но тщетно. Словно за этим человеком стоял сам император. И вот очередное прошение — даже не прошение, а требование. Как ему сказать об этом своим священникам?

— Придет время, когда я поквитаюсь с тобой, прокуратор! — злобно комкая бумагу, зашипел он.

— За что ты так не любишь своего игемона, Каиафа? — раздался голос позади него.

Каиафа резко обернулся, но никого не увидел. Вдруг на кирпичной кладке храма выросла тень преторианского воина. Первосвященник остолбенел при виде появившегося образа.

— Кто ты? — еле шевеля губами, спросил он у тени.

— Маркус. Меня зовут Маркус, Каиафа. Обернись, я стою позади тебя.

— Как ты тут очутился? — испуганно вжался в стул первосвященник.

— Тебе передает привет Александр. Помнишь такого?

— Как же я могу забыть своего господина, который назначил меня на эту должность и дал мне все?

— Тогда не стоит ворчать на Понтия. Ты меня понял? — Каиафа утвердительно затряс головой. Его маленькая борода смешно подергивалась при этом. — Ты слышал о некоем человеке, который называет себя Иисусом из Назарета?

— В последнее время многие о нем говорят, но сам я его никогда не видел. Разные про него ходят слухи.

— Смотри, Каиафа, слухи просто так не рождаются. Александр просил передать тебе, чтобы ты держал ухо востро. Ты ведь знаешь, как люди переменчивы. Что ты будешь делать, если он прибудет сюда и уведет твою паству? Не будет народа — не будет денег. Не будет денег — не будет власти. А без власти, Каиафа, зачем ты нам будешь нужен?

Нижняя губа первосвященника дрожала, руки потели, по спине полз зловещий холодок. Огромный римский солдат в черных доспехах, отделанных золотом, вселял в него ужас. В руке он держал шлем, а на поясе у него висел меч с рукоятью в виде змеи. Маркус насквозь прожигал первосвященника взглядом. Через мгновение он шагнул вперед и превратился в скелет с огненными глазницами. Свеча потухла, и в комнате воцарилась кромешная мгла.

— Смотри, Каиафа! Смотри! — звучал голос, будто из самого царства Плутона.

Секунды показались первосвященнику вечностью. Свеча вспыхнула вновь, озаряя комнату, в которой остался только хозяин храма. Каиафа дрожащей рукой стер со лба испарину и тяжело выдохнул, беспомощно и бессмысленно уставившись на танцующий вокруг фитиля огонек. Страх заставляет человека принимать решение очень быстро. И Каиафа его принял.

Глава 38 АПОСТОЛЫ

С первыми лучами солнца Луций и Иисус простились с хозяевами дома и тронулись в путь. Но, как только они вышли из поселка, их окружила толпа людей, каждый из которых что-то говорил и о чем-то спорил.

— Чего они хотят? — прижал к себе сумку с писанием генерал.

— Чуда, — спокойно ответил его спутник.

— Так за чем дело стало?

Иисус обвел всех взглядом и, подняв одну руку вверх, спокойным и теплым голосом обратился к людям:

— Я знаю, для чего вы пришли сюда. Я дам вам то, что вы хотите. Но не одним чудом вы должны жить. Вы должны верить. Понимаете? Верить! Ибо по вере воздастся каждому. Вас тысячи, а я один, и я не такой могущественный, как мой отец. В Него уверуйте, и будет вам благо! Просите Его, и даст Он вам то, что захотите. Просите за ближнего своего, и даст Он в два раза больше, просите за врага своего и даст Он вам в пять раз больше.

— Дай нам чудо! Мы видим тебя, а не твоего отца! Яви нам чудо! Яви! — взревела толпа.

— Люди, что тут скажешь, — тихо прошептал Луций.

— Поэтому пиши свою книгу, ибо забудут они меня, как только я исчезну. А то, что ты запишешь, будет жить вечно.

— Думаешь, они уверуют в то, что ты хочешь им дать?

— Мой отец верит в них. И я верю. Раз ты поверил, поверят и они, — он успокоил толпу: — Будет вам чудо. Вы собрались тут, чтобы убедиться, настоящий я спаситель или шарлатан и обманщик. Вижу всех вас насквозь и чувствую, что сердца и души ваши готовы открыться и принять меня. Принять и познать то, что я говорю вам, чему учу вас. Знаю также, что не доказательств от меня хотите, а чудес. А верить надо словам моим, ибо чуда без веры не бывает. Сами вы творить чудеса должны по отношению друг к другу. Будете следовать заповедям отца моего, так и чудеса вам нужны не будут, — толпа напряглась и загудела, как пчелиный рой. Иисус снова успокоил людей: — Хорошо. Я покажу вам то, что вы ждете.

Толпа выдохнула, потеплела, расслабилась, гомон утих. Воцарились тишина и ожидание.

— Хотите чуда? Что же, есть среди вас человек, который хочет спасти не только свое больное тело, но и никчемную душу? — выкрикнул Луций. Взглянув на Иисуса, он пожал плечами и развел в стороны руки: — А что? Как могу, так и помогаю.

Толпа зашевелилась, словно огромное чудовище, и изрыгнула из себя искалеченного человека с переломанными ногами и телом, покрытым струпьями. Он, кое-как переваливаясь, подошел к спасителю и пал на колени.

— Помоги мне. Я был солдатом, мы сражались за свободу в рядах Такфарината в Нумидии. Я едва остался жив после осады города. Римский командир приказал вырезать всех. Мне переломали ноги, несколько раз проткнули мечом и свалили в кучу с мертвыми. Ночью я выполз и, не помню как, добрался до дороги. Там меня подобрала добрые люди и выносили. Но моя жизнь теперь — одно сплошное страдание.

Луций опустил глаза и зашел за спину спасателя.

— Веришь в то, что я могу? В то, что может отец мой?

— Всем сердцем, — по щекам калеки текли слезы.

— Так пускай исцелится тело твое и очистится душа твоя от всего, что было сделано тобою.

Иисус прикоснулся к его голове. Яркий свет ослепил глаза присутствующих, а когда они наконец-то смогли вновь видеть мир, перед ними стоял здоровый мужчина с посохом в руках. Толпа встала на колени, славя своего спасителя.

— Нам пора.

Исцеленный пребывал в оцепенении, не понимая еще, что с ним произошло. Пользуясь моментом, Иисус и Луций протиснулись сквозь цепляющиеся за них руки людей и продолжили свой путь.

— Ты прав, они верят в тебя, пока ты развлекаешь их. Они привыкли к зрелищам. Даже исцеление они все равно будут принимать за потеху. Может, перестать их лечить? Ты же не врачеватель, в конце-то концов.

— Они хотят этого. Я сотворил чудо, напоив тебя, и ты поверил в меня. Если бы я не сделал этого, ты бы тоже не уверовал.

— Но, по-моему, ты уже достаточно сделал. Слава о тебе разойдется сама. Она уже разошлась. Скоро ты привлечешь к себе внимание тех, кто захочет уничтожить тебя. Люди разносят по миру твои слова о сыне царя небесного. Многим это будет не по душе. Сам подумай: ты даешь веру и забираешь тем самым власть у священников, которые управляли умами людей задолго до тебя. Когда их паства пойдет к тебе, а доход иссякнет, они растопчут тебя. Нужно быть осторожнее.

— Я не боюсь, Луций. Я должен открыть людям глаза. Должен дать им свет.

— Творя чудеса, ты добьешься только одного: они приколотят тебя к кресту и потребуют назначить аудиенцию с твоим отцом!

— Они не сделают этого. Ты просто не веришь в людей.

— Я просто один из них! И я бы поступил с тобой, как и сказал только что, если бы мы не встретились лично.

— Но мы же встретились.

— Делай, как знаешь!

Генерал плюнул в сторону и ускорил шаг. Долгое время он шел впереди, пока вдали не показалась маленькая рыбацкая деревенька на Галилейском озере: скромные домики, натянутые сети, сильный запах рыбы. Озеро было спокойное, вода бережно покачивала на себе многочисленные лодки. На берегу резвились дети. В стороне старик с густой седой бородой, обветренным лицом и потрескавшимися от каждодневных трудов руками штопал порванные снасти. Чуть поодаль от него стоял большой стол, за которым сидели двенадцать человек и о чем-то разговаривали.

— Куда ты меня привел? — удивился Луций.

— Я привел? Ты шел впереди меня, это я следовал за тобой.

— Кто эти люди?

— Я же обещал познакомить тебя с моими учениками. Так вот они перед тобой. А тот седой старик — отец Петра и Андрея, они первыми уверовали в меня и пошли за мной.

Луций окинул взглядом сидящих за столом.

— Двенадцать.

— Да, двенадцать. Ты тринадцатый. Пойдем, я познакомлю тебя с ними.

Они не спеша подошли к столу, за которым велась беседа. Апостолы поднялись и склонили головы, Иисус ответил им тем же.

— Мы давно ждем тебя, учитель.

— Садитесь, садитесь. Я пришел познакомить вас с еще одним своим учеником. Так получилось, что он теперь будет с нами. Его зовут Луций Корнелий. А это Петр, Андрей, Иоанн, Иаков, Филипп, Варфоломей, Матфей, Фома, Иаков Алфеев, Фаддей, Симон Кананит и Иуда Искариот, — указывая на каждого рукой, представил своих учеников Иисус. — Присаживайся, Луций, а мне нужно ненадолго отлучиться.

Генерал нехотя и даже с опаской сел на деревянную скамью, положил на стол свою сумку и стал осматривать присутствующих. Те, в свою очередь, изучали его. Неловкая пауза затянулась.

— Да мне нет дела до того, что я вам не нравлюсь! — неожиданно воскликнул Луций и встал, намереваясь уйти.

— Палач в учениках у сына Божьего?! — Варфоломей задержал генерала.

— Тебе что-то не нравится, малыш? Что ты имеешь против?

— Ты пришел к нам, не мы к тебе. Веди себя, как подобает гостю, — привстав за столом, сказал Петр.

— Ты сядь лучше на место. А то как бы чего худого не вышло.

— Не разговаривай так с моим братом! — включился Андрей.

— А ты держи свою козу на поводке, а то ей могут и рога пообломать!

— Да как ты смеешь?! — вскочил Иуда, а за ним и все остальные.

— О, курятник встрепенулся?! Ну и кто из вас самый смелый? Знаете, я в ученики не напрашивался, в отличие от вас. Во-первых, я хочу сам в себе разобраться, и поэтому я здесь. Во-вторых, он мне жизнь спас, а я в долгу оставаться не привык. И, в-третьих, если вы хотите освободить пару мест в школе своего учителя, то милости прошу. Я сверну шею любому, кто только посмеет дернуться!

Апостолы затихли: слава Луция шла далеко впереди него. Полные ярости глаза смотрели на него со всех сторон, но страх перед ним был куда сильнее гнева. Только один решился воплотить слова в дело: Варфоломей схватил со стола нож и кинулся на генерала. Луций в несколько секунд выбил нож, повалил несчастного на песок и прижал его к земле, передавив горло, отчего тот захрипел и стал цепляться за ногу генерала. Остальные вскочили было с мест, чтобы броситься на выручку другу, но Луций лишь сильнее придавил Варфоломея и оскалился, словно животное. Все замерли. Вряд ли в тот момент кто-то из учеников думал о Божьих законах и о том, для чего они здесь.

— Отпусти его!

— С чего вдруг?! Гаденыш пытался меня прирезать!

— Ему есть, за что тебя ненавидеть! — крикнул Петр.

— Меня ненавидят почти все, начиная с варваров Германии и заканчивая жителями Северной Африки. Не удивил ты меня этим, Петр.

— Ты лично расправился с его семьей, а отца убил на его глазах! Да отпусти ты его!

Луций выдержал паузу, оценивая учеников Иисуса, которые сейчас больше походили на служителей Марка или Александра. Он постепенно ослабил давление на горле Варфоломея тот выскользнул из-под него, откатился в сторону и, закашлявшись, разрыдался.

— Ублюдок! Ты лишил меня моей семьи! Лишил меня детства! Я скитался по всей

империи, просил подачки, голодал! Ты знаешь, что такое голодать?! Да будь ты проклят!

— Я давно проклят.

— Тварь! Ненавижу! — хныкал, размазывая по лицу слезы, Варфоломей.

Из глубины подсознания генерала всплыли слова: «Беги, Варфоломей! Беги!». Луций быстро подошел к нему и, схватив за грудки, поднял на ноги. Одежда трещала, Варфоломей растерянно смотрел в бешеные глаза генерала. Обстановка снова накалилась. Луций несколько раз встряхнул несчастно так, что его голова чуть не отлетела в сторону кочаном капусты.

— Ты сын Катона?! Да?! Я помню тебя! Нужно было перерезать глотку и тебе! Сидишь, сопли жуешь?! Голодал он, бедняжка! Я, значит, плохой?! Хотел со мной счеты свести?! А ты знаешь, что сделал твой папаша с моей семьей?! Знаешь?! Ты знаешь, что он обворовал моего отца вместе со своим приятелем Птолемеем?! Ты голодал?! Ты, дружок, знать не знаешь, как жил я после того, как наши соседи пришли к нам и оставили нас умирать в нищете! Я оставил тебе жизнь и свободу! А твой папаша бы расправился со мной, если бы мы не спрятались с матерью в погребке! Они разорили мое имение, как только узнали о том, что мой отец оказался вне закона! Твоя семья поднялась на том, что ограбила нас! Или ты не знал об этом?! Твой несчастный папаша не рассказывал тебе, как он заработал тебе на хлеб?! Ты, наверное, не знал горя до того момента, пока я не вернулся и не оплатил тем же твоей семье?! Око за око, зуб за зуб! Не я первым начал проливать кровь, и не надо теперь говорить мне, какой я подонок! Я мечтал отомстить твоему отцу за то, что он сделал! Я поступил так же, как и он! В тот момент я был уверен, что делаю все правильно! А теперь... — Луций отпихнул Варфоломея от себя, поднял с песка нож, вложил его ему в руку и приставил острие к своему сердцу. — Ну же! Ты только что хотел моей смерти? Давай, отомсти мне за то, что я сделал с твоей семьей. Я сказал тебе правду, как она есть. Теперь ты знаешь, что случилось на самом деле. Убей меня!

Все стихли, даже седой старик, который чинил сеть, привстал, чтобы лучше рассмотреть своими старческими глазами, что сейчас будет. В воздухе повисло напряжение, заставляя присутствующих невольно пригибаться к земле. Луций смотрел в глаза своей смерти. Он был готов умереть. Нож медленно вдавливался в грудь, прорезая одежду. Появились первые капли крови. Варфоломей с красными от злости и слез глазами тяжело и прерывисто дышал. Луций стоял без всяких эмоций и ждал. Варфоломей скрипел зубами, его руки тряслись. Незаметно для всех за происходящим наблюдал и Иисус. Он тоже ждал.

— Не могу! — всхлипнул Варфоломей и выронил нож. Он закрыл лицо руками, упал на песок и разрыдался. — Не-е-мо-гу! Не могу! Прости отец! Не могу я!

— Убивать не так просто, да? — Луций взял со стола сумку и отошел к большому камню, лежащему на берегу озера.

Фома и Матфей подняли Варфоломея и стали успокаивать его, а Петр, завидев вдалеке учителя, быстрым шагом направился к нему.

— На все воля Божья, Петр.

— Прости, учитель, но как этот изверг может служить тебе и отцу твоему?!

— Давно ли ты стал праведником, Петр? Еще совсем недавно ты про меня ничего не знал и отца моего не чтил, и жил ты, как все люди, в грехе. А теперь ты рассуждаешь, кому верить в меня, а кому нет? Никак вы не поймете, что изменить мир можно только начав с себя. Возлюби ближнего своего. Научись прощать и не держать зла. А что вы устроили? Если веру мою трактовать по-своему, она не благо вам принесет, а горе. Если вы начнете делить

людей по вере, сами того не ведая, канете во тьму. А он только и ждет этого. Почему встали на сторону Варфоломея? Ведь знали, что он сделает, и никто не остановил его ни словом, ни делом. Сам посуди, Петр: кто оказался более человечным — вы или тот, которого вы посчитали худшим из людей? Он не побоялся отдать свою жизнь ради справедливости, а вы? Вы не решились остановить друга своего, убересть его от деяния несправедливого, от греха. Ступай, Петр, к остальным, не держи ни на кого зла в сердце, слушай учения мои и не выделяй из них то, что нужно тебе, ибо нет в них отдельного, есть только целое.

Когда Петр ушел, Иисус со вздохом оперся на стену сарая и закрыл лицо руками.

— Отче, как я могу учить их, если даже те, кого я выбрал, не понимают того, что говорю им? Ждут они от меня не учений, а чудес разных, словно я фокусник. Какое им еще нужно сделать чудо, чтобы осознали они, что им не нужны чудеса?

— Время наступит, Иисус, и сам все поймешь.

— Отче, для чего мне нужен Луций в учениках? Для чего вообще нужны ученики, если видят во мне только силу, а не правду Твою?

— Все, что ни делается, сын мой, делается во благо людей. Ты справишься. Ты делаешь все правильно. О сомнениях своих не беспокойся: только в сомнении рождается истина. Придет момент, и все случится само собой.

— Отче, как я пойму, что настал этот момент? Что я сделал задуманное Тобою? Что конец пути моего близок? Что люди уверовали в Тебя как в Бога истинного и возлюбили не только себя, но и ближнего своего?

— Поймешь.

— А если не смогу? Если не справлюсь с задачей, возложенной Тобою на меня?

— Сможешь и справишься. Сам посмотри: совсем недавно о тебе просто ходили слухи. Теперь ты лечишь, ты превращаешь песок в воду, а воду в вино.

— Я делал это ради людей. Я хотел помочь им, избавить от страданий.

— И я дал им самое ценное, что есть у меня. Дал им тебя, Иисус! Твое учение верное — донеси его до людей!

— Я должен творить чудеса, чтобы доказать ученикам силу Твою? Чему я могу их научить? Для чего ты наказал мне собрать учеников?

— Чтобы они засвидетельствовали деяния твои. Знаю, ты скажешь, что это могут сделать и те, кого ты уже исцелил и кто видел тебя. Но поверь, никто не сделает это лучше учеников твоих.

— Почему?

— Потому что они будут всегда рядом с тобой. Посмотри, как меняется твой тринадцатый ученик. У Анатаса есть Грешник, у тебя — Луций. Вобрать плохое намного легче, чем сделать из плохого хорошее. Поэтому не отталкивай ни его, ни их. Записи, которые начал Луций, расскажут потомкам, кем ты был на самом деле.

— А вдруг они неправильно поймут веру Твою? Ты видел, как они чуть не сцепились друг с другом? А ведь я учил их любви и терпению. Вдруг возьмут от учения только то, что им выгодно?

— Это зависит только от людей, Иисус. Ты дай им то, что должен. А они решат, что им нужно. Мы не вправе посягать на их выбор. Иди к ним, сын мой. Каются они уже над тем, что совершили.

Глава 39 ВСЕ, ВО ЧТО ОН ВЕРИЛ, РАСТВОРИЛОСЬ

Тиберий ходил вдоль клумбы, сгорбившись и держа руки за спиной. По его сморщенному старому телу пробежала судорога, когда он на секунду задумывался о чем-либо. Неподалеку Марк размеренно и величаво крутил в руках нарцисс, любуясь его солнечной красотой.

— Ты же говорил, что все в порядке! — выкрикнул Тиберий. Обрюзгшая кожа на его подбородке затряслась, словно пергамент на ветру.

— Прекрасный цветок и красивая легенда.

— При чем здесь это?!

— Однажды юноша Нарцисс увидел свое отражение в воде и влюбился сам в себя. Он не ел и не пил, только созерцал свой лик на водной глади. За это боги превратили его в этот удивительный цветок, — не слушая императора, Марк поднес цветок к носу и вдохнул его аромат. — Прекрасный цветок. Ничего лишнего. Идеальный. Не то, что люди.

— Марк! Да при чем здесь цветок?! Как так получилось, что генерал Черного легиона, префект преторианской гвардии, моя правая рука, мой кулак, в конце концов, мой палач, вот уже второй месяц пребывает неизвестно где?! Если он мертв, то нужно искать кого-то другого на его место! А ты только кормишь меня небылицами то про цветок, то про таинственного мессию, который хочет завладеть моей империей! — Тиберий подошел к Марку, вырвал из его рук нарцисс и раздраженно смял его. — Распорядись, чтобы этого пророка схватили, как только он появится в моих владениях!

— А дальше что?

— Плевать! Сам решай! Хоть распните его — мне все равно! Дураком больше, дураком меньше...

— А если он и впрямь мессия? Пришел спасти наши души от геенны огненной, а мы его так просто раз и к кресту?

— Ха-ха-ха! Ты издеваешься?! Марк, когда это тебя стали интересовать жизни простых людей, да еще явно сумасшедших? Я император! Я бог! Мне пускай молятся! И хватит об этом!

— Как скажешь, Цезарь, как скажешь. Может, оно и к лучшему.

— Что именно? — напрягся Тиберий.

— Может, оно и хорошо, что Луций исчез.

— В каком это смысле?

— Сам посуди: он добился такой власти при тебе, что многим и не снилось. У Луция в руках вся твоя переписка, дубликат твоей печати, ему подчиняются полиция и преторианская гвардия, ну и, конечно же, Черный легион. Он полностью контролирует ситуацию в Риме и может в любой момент совершить государственный переворот, пока ты прячешься здесь, на острове, великий Цезарь. Даже тут вся охрана состоит из его людей. И если он действительно задумает свергнуть тебя с престола, — Марк сорвал новый цветок и снова глубоко вдохнул чудесный аромат, — последним, кто об этом узнает, будешь ты, Тиберий.

Цезарь изумленно уставился на Марка. На него вдруг снизошло озарение: вед

собственных верных людей, кроме нескольких десятков германских телохранителей, у него нет. И правда: все вокруг подчиняются Луцию и в случае чего будут на его стороне. Странное чувство страха окутало его. Сердце застучало быстрее и начало покалывать. Прижимая руку к груди и шаркая ногами, он добрел до кресла и упал в него.

— Но ты же сам его хвалил! — еле шевеля губами и глотая воздух ртом, пробурчал император.

— Разве? Я давал волю выбирать тебе, великий Цезарь. Все твои решения принять тобой же. В моих ли силах заставить что-либо сделать великого императора Тиберия?

— А вдруг он исчез, чтобы подготовить переворот? — почти шепотом выдал Тиберий и невольно обернулся.

— Все может быть. Нужно принять меры, мой император.

— Какие? Какие меры, Марк?

— Ты ведь не казнил еще Клементия?

— Нет, — глаза Цезаря заблестели: он догадался, к чему клонит сенатор.

— Вот и отлично. Говорят, Луция видели в землях Иудеи. Пускай Клементий отправится туда. Там сейчас прокураторствует Понтий.

— Но он же друг Луция!

— Поверь мне, Цезарь, у этого человека единственные друзья — это деньги и превосходство над другими. Тем более я отправил к нему с предостережением своего слугу, так что можешь не беспокоиться: он сделает все, что ты прикажешь.

— Нужно послать туда Клементия и Черный легион!

— Это плохая идея, Цезарь. Солдаты есть и у Понтия. Не стоит поднимать много шума. А вот объявить в сенате о том, что генерал Черного легиона — изменник, стоило бы. Да и убрать всех тех, кто с ним связан, тоже не помешает.

— Ты прав, прав, как всегда, — нервно грызя ноготь, прошептал Тиберий. — Ступай, я распоряжусь, чтобы все сделали.

Оставив перепуганного Тиберия одного, Марк удалился. На крутой лестнице, ведущей к морю, к нему присоединился Сципион.

— Милорд, все равно я не понимаю, что вы задумали.

— О, мой великий Абигор, тебе этого и не нужно понимать.

— Но я полагал, мы готовили Луция к тому, чтобы он занял место Тиберия, а вы только что приговорили его! Мне казалось, он должен был уничтожить мессию, а он, наоборот, стал его учеником. Или я о чем-то не догадываюсь?

— Знаешь, чем я отличаюсь от своего брата? Я могу приспособиться к любой ситуации! Не нужно людям никакого правителя. Им нужен страх! Если человек боится, он послушен. Отныне я буду судить их по всей строгости. Пускай даст им веру, а я прослежу за тем, как они станут соблюдать ее.

— А что делать с Иисусом?

— Проверим, насколько Он любит свое творение. Заодно посмотрим, как проявится человеческая любовь к своему создателю, если Его сын посягнет на власть. Трудно отказаться от мнимых, но прибыльных богов ради спасения души. Люди всегда предпочитают плотское наслаждение разумной и правильной идее.

— А Луций, милорд? Как поступить с ним?

— С ним покончит сам Тиберий. Он сотрет даже упоминание о нем. Все его знакомые уже мертвы. А то, что не доделает Цезарь, закончат сами люди.

Вскоре по всему Риму пошли аресты — десятками и сотнями. Площадь, на которой казнили уличенных в заговоре против императора, быстро стала красной от пропитавшей ее крови. Палачи работали без остановки и отдыха. Рим опустел: люди боялись появиться на улице. Любой мог быть заподозрен в связях с генералом. Чтобы человек лишился жизни, было достаточно обычного доноса — никто не разбирался, истина в нем написана или ложь. Марк оказался прав, сделав ставку на людскую алчность и зависть. Сосед стал писать на соседа, родственник на родственника, бедный на богатого и наоборот. А наказание было для всех одно — смерть.

Луций сидел на большом валуне, наблюдая за тем, как умиротворенно дрожит гладь Галилейского озера. Созерцание водной ряби успокаивало его. На эту безмятежность хотелось смотреть бесконечно. Неподалеку Иисус беседовал с учениками, склонившими головы.

— Знаю. Знаю, что он вам неприятен. Знаю почему: слышали и ведали о нем, как о самом страшном человеке. Знаю, что проклинают его все и вы тоже. Но услышьте вы меня и поймите: не здоровые имеют нужду во враче, а больные. Я пришел призвать к покаянию не праведников, но грешников. Уразумейте, что нельзя отвергать кающегося грешника. Отец мой любит вас одинаково, но праведники продолжают жить праведно, а грешник, пришедший к Нему, — радость вдвойне. Так как не будет спасения ни одному из грешников. Не хочу я видеть раздора в вас.

Двенадцать пар глаз уткнулись в песок, не осмеливаясь посмотреть на учителя своего. Что сказать ему? Они люди, а он сын Божий. Иисус подошел к генералу.

— Не держи зла на них, Луций.

— Зла? Я не держу ни на кого зла. Я сам есть зло.

— Зря ты так. Ты ведь не убил Варфоломея. Даже позволил ему самому решить твою судьбу. Ты меняешься.

— Глупости. Я знал, что он не сможет. Не так-то просто убить.

— А ты бы смог его убить?

— Легко, — шмыгнул носом Луций.

— А что тебя остановило? Ты ведь мог убить их всех, не так ли? И меня заодно.

Иисус отправился обратно к ученикам. Ветер слегка усилился, становилось зябко. Солнце заволокли тучи, и с неба мелкой пылью посыпался дождь-сечка. Воздух, наполнившись водой, влажно загустел.

— Мы должны добраться до города Капернаум. Если выдвинемся сейчас, то через двое суток будем у ворот.

— А что нам там надо? — Луций подошел ближе, кутаясь в одежду.

— Не знаю, но неведомая сила тянет меня туда. Наверное, этого хочет мой отец.

— А-а-а! Понятно. Это многое объясняет. Только проблема в том, что в городе полно римских патрулей, а вокруг него — всякого сброда, начиная от бродячих торговцев и заканчивая беглыми рабами и разбойниками, — Луций вытер с лица дождевые капли. Ветер быстро сменялся шквалом, морось переходила в ливень. — Если поплывем на лодке, доберемся меньше чем за сутки.

— Будет буря! — Петр указал на черное густое небо и сверкнувшую на нем молнию.

— А чего нам бояться, с нами же спаситель. Неужели его отец угробит нас?! — расплылся в улыбке Луций и первым вцепился в огромную лодку руками. — Ну, поможет кто или нет?! Или вы собираетесь жить вечно?!

Ученики стояли в растерянности, ожидая решения Иисуса.

— Луций прав, нужно плыть.

— Да он спятил, учитель! Погода-то какая! Стоит переждать, к чему такая спешка?! — не выдержал Иуда.

— Ждать нельзя. Каждый день я чувствую, как что-то исчезает, образуя пугающую пустоту. Нужно плыть.

— Ну-ка, навалились все на лодку! — скомандовал Петр и бросился помогать Луцию.

Лодка прошуршала днищем по мокрому песку и плавно опустилась на воду. Последним в нее залез Луций. Едва он перекинул ногу через борт, по суденышку с невероятной силой ударила очередная волна, но люди удержались.

— Весла на воду! — перекричал ветер Петр.

Все как один бросились грести. Луций, сняв отяжелевшую от воды одежду, сел рядом с Варфоломеем и принялся за дело вместе с остальными. На мгновение апостолы уставились на изувеченный шрамами торс генерала: рваные, неровно сросшиеся борозды рассекали его тело вдоль и поперек. Петр громким окриком привел их в чувство. Лодка под ударами бешеных волн скрипела и трещала. Утлое суденышко раскачивалось так сильно, что, казалось, вот-вот перевернется, а всех, кто был на борту, то и дело с ног до головы окатывали холодные брызги. Когда очередная молния озарила небо, Луций увидел на носу карлика, того самого, который уже давно не приходил к нему. Грешник весело смеялся, насвистывая что-то в унисон с ветром, — стихия была ему нипочем.

— Красивая картина, да генерал? Неплохое местечко ты себе отхватил! Захотелось поближе к теплу? Совесть не мучает? Ты же убийца! Твое дело — убивать, а не разгуливать с этими святошами. Кстати, твой друг Ромул нехорошо о тебе вспоминает. Впрочем, чтобы он не сильно грустил, я подогнал ему его девушку, вернее, то, что от нее осталось. Ты же не забыл, как порвал ее на клочки? Ха-ха-ха!

— Прочь! — зажмурился Луций и яростнее навалился на весла.

— Не поддавайся ему, — склонился над его ухом Иисус.

— Ты видишь его?!

— Конечно.

— А остальные?

— Нет. Только ты и я.

— Прогони его! — старался переорать завывающий ветер Луций.

— Не могу. Он чует грехи и идет на них. Он пытается напугать всех, пытается сделать так, чтобы вы засомневались во мне. Поэтому-то и бушует буря.

Гребцы выбились из сил, промокли, их руки покрылись кровавыми мозолями. Карлик продолжал насвистывать, буря завывала с новой силой. Вдруг Петр, словно почувствовав некий импульс, сжал зубы, навалился на весло и что есть мочи прокричал:

— Да что с вами такое?! Гребите! Среди нас сын Божий! Неужели мы испугались какой-то бури?!

Апостолы синхронно подняли головы, выпрямили спины и стали в ритм, задаваемый Луцием, грести вперед. Слово именно этого импульса и не хватало всем. Луций ждал чуда от Иисуса, но сотворил его простой человек. Спаситель улыбнулся. Карлик внезапно затих, злобно оглядел всех из-под своей ладони, приставленной ко лбу, смачно харкнул и спрыгнул в озеро, где и растворился. Буря тут же стала утихать, и вскоре на небе появились первые лучи заходящего в зенит красного солнца.

— Это чудо! Учитель вновь сотворил чудо! Он не дал нам погибнуть! — завопили в лодке.

— Веди нас за собой, мы умрем за тебя! — припадая на колени, взмолился Иуда.

— Не меня благодарите, а себя. Вы сами сотворили это чудо. Вы уверовали, и поэтому мы живы.

Поздно вечером они причалили к берегу, вытащили лодку на сушу, отжали мокрую одежду и поднялись на небольшой холм. Вдалеке виднелись массивные стены Капернаума.

— На ночь стража закроет ворота. Мы не успеем попасть в город, — всматривался вдаль Луций.

— Тогда нужно переночевать здесь. Разведем костер и согреемся, заодно перекусим и высушим одежду.

— Костер привлечет внимание, Андрей, — возразил генерал.

— Но мы устали, Луций! Не все такие, как ты! Нам нужно отдохнуть и поесть! — встрял в разговор Иуда, а остальные согласно закивали.

— Ваше право, — буркнул генерал и, вытащив из мокрой сумки свое писание, разложил его на камнях, чтобы просушить.

Когда стемнело, костер уже жарко горел. Андрей и Петр, ловко смастерив острогу, набили в озере рыбы, Варфоломей и Матфей собрали ягод, остальные натаскали хвороста и, устроившись поближе к огню, стали отогреваться после путешествия через озеро. Луций расположился поодаль, есть ему не хотелось, вести душевные беседы тем более. Он сидел, покусывая нижнюю губу, и вспоминал то, что творил в своей жизни. От этих воспоминаний ему становилось так дурно, что хотелось вывернуть себя наизнанку, лишь бы забыть все, что было. И ради чего было? Ради власти. Ради мимолетного мгновения триумфа. А все началось с заманчивых рассказов Марка о славе и богатстве. Затем его захлестнула жажда мести, а потом все пошло, как по накатанной, неосознанно, будто в тумане: ему говорили — он делал. Для чего? Для кого? Непонятно. Теперь он остался один: ни друзей, ни родственников, даже Мария, племянница Марка, сбежала от него. А племянницей ли она ему была? Может, она с ним заодно? Все, во что он верил, растворилось.

Луций спустился к озеру. Здесь было прохладно и тихо, слышался лишь умиротворяющий плеск накатывавших на берег мелких волн. Генерал забрался в лодку.

— Думаешь, уйдешь от меня? Допустим. А от себя? От себя не убежишь, Луций, — врезался в сознание голос Марка.

— Ты обманул меня. Это ты во всем виноват.

— Интересно, в чем же? В том, что исполнил все твои мечты? И это твоя благодарность?

— Если бы я знал, что все так получится, я бы лучше умер!

— Ничто не мешает тебе умереть сейчас. Соверши благородный поступок, избавь мир от себя.

— Тебе только этого и надо!

— Кстати, а что ты станешь делать, если сейчас твоих новых друзей будут убивать?

— О чем это ты?

— Ты превращаешься в них. Уже не чувствуешь того, что чувствовал раньше. Прислушайся. Ну же! Что ты слышишь?

От холода Луций заерзал в лодке, поджимая ноги к телу. Сквозь сон до него донеслись тревожные звуки. Он медленно поднялся и размял затекшее тело. Сколько он спал? Час?

Два? А может, всего десять минут?

— У нас ничего нет, мы просто идем в город!

— А ну заткнитесь! Сказал же: выворачивайте сумки! Ну же, быстрее! А ну не дергайся, стой на месте, пока не прирезали!

Всего несколько мгновений хватило генералу, чтобы оказаться на вершине холма. Осторожно выглянув из-за валуна, он увидел людей — человек десять. Они стояли кругом, загнав Иисуса и апостолов в центр.

— Шайка разбойников, — тихо сказал сам себе Луций. — Упрямые глупцы, я же предупреждал!

Это была разношерстная группа, одетая в обычную повседневную одежду здешних мест. Только один из разбойников имел потертый кожаный панцирь: видимо, раньше служил в рядах римской армии. Коренастый, широкоплечий, с наголо обритой головой, он отдавал приказы. И только у него был военный меч, остальные же вооружились дубинами и ножами, впрочем, этого вполне хватало, чтобы грабить людей.

— Варавва, чего делать-то с ними? У них ни шута нет!

— Гестас, Дисмас! Ну-ка, подведите ко мне этого смиренного!

Два молодчика подскочили к Иисусу и схватили его под руки. Кто-то из учеников попытался вступить, но получил по голове.

— Прекратите! Что вы творите, люди?! — взывал Иисус, но его не слышали.

Тут из темноты ночи к ним выскочил Луций. Глухой удар обрушился на Варавву. Тот отшатнулся, но устоял. Гестас бросился было на помощь главарю, но генерал остановил его метко брошенным камнем. Бегущий упал на спину, да так, что его ноги на мгновение взметнулись вверх, и застонал от боли, схватившись за разбитое лицо. Лезвие меча скользнуло по ножнам, послышалось тяжелое и свирепое дыхание главаря шайки. Его псы ждали приказа. Варавва с криком кинулся на обидчика. Меч свистел, разрезая ночной воздух, но Луций ловко уклонялся, зная все действия противника наперед. Дождавшись очередного выпада, он нанес несколько точных ударов. Меч упал на землю. Варавва попытался что-то сказать разбитым ртом, но тут же сильнейшим ударом ногой в брюхо был повержен на землю. Луций наклонился за мечом, не сводя глаз с остальных. Пальцы сами вцепились в костяную рукоять глади. Он поднял оружие, с которого осыпалась песчаная земля. Капелька пота стекла со лба, зависла над бровью и упала вниз. Глаза заблестели. Он глубоко вздохнул, сделал несколько взмахов и покрутил меч в воздухе. В его голове зашумели звуки битвы, сердце сумасшедше стучало. Двое ринулись на него. Луций молниеносно провел несколько приемов, и вот уже один из противников, зажимая раненую руку, отскочил в сторону. Второго генерал прижал ногой к земле и занес над ним клинок.

— Остановись, Луций! Остановись! — прокричал Иисус, видя нечеловеческое лицо генерала, который, словно хищник, почуявший кровь, приготовился к расправе.

— Я Дисмас! Дисмас! Прошу, не надо! Я просто делаю, что приказывает Варавва, и все. Мы никого не хотели убивать, только ограбить! Пощади! — умолял поверженный противник.

— Ну же, генерал, — выполз из-за спины Луция знакомый карлик. — Как тебе вкус победы? Пусти кровь этому поросеночку. За чем дело стало? Помнишь старые добрые времена? А? Ты же не забыл, как входит в живую плоть холодная сталь?

— Уйди, — сквозь зубы прошипел Луций, еле сдерживая себя, чтобы не прикончить скулящего на земле разбойника.

— Луций, остановись! Луций! — кричал Иисус.

— Луций, мой мальчик, — голос Марка пробирал до костей. — Я желал тебе только добра и, поверь мне, если ты хочешь спасти сейчас своего учителя, тебе как никогда нужно стать тем, кем ты являешься. Убив их, ты сотворишь благо.

— Не ты давал жизнь, не тебе ее забирать! — боролся за него Иисус.

— Не слушай его, он не так давно в мире людей, как я. Поверь мне. Убей Варавву и его помощников. Да, ты совершишь грех. Но иногда нужно поступать плохо, чтобы потом было хорошо. Ты все равно попадешь ко мне, так какая теперь разница? А они мерзавцы. Если ты их отпустишь, они не остановятся. Забрав их жизни, ты спасешь множество других.

Луций чувствовал запах крови и вкус победы, до его слуха доносился звук фанфар.

— Ну же-е-е-е... — по-змеиному зашипел карлик.

Лезвие бросилось вниз, несчастный вскрикнул, и наступила тишина.

— Нет, — еле выдохнул генерал и отошел в сторону.

Дисмас медленно открыл глаза. Острие глади слегка порезало ему щеку, войдя в землю рядом с ним почти до половины. Иисус и ученики стояли в оцепенении. Остальные разбойники разбежались.

— Забирай своих и проваливай, пока я не передумал! — сплевывая в сторону, рывкнул Луций. Он подошел к Иуде и с силой пихнул его в грудь. — Развел костер?! Поел?! Отдохнул?! Придурок!

— А я тут причем?!

— Да успокойтесь вы, — попытался примирить всех Петр.

— Перестаньте, мы все в одной упряжке, — добавил Фома.

— Луций прав. При всем нашем к нему неуважению он спас нам сейчас жизни, а до этого предупреждал о том, что может произойти. Нам следовало прислушаться к нему. Если мы друг друга не хотим слушать, то как мы донесем до людей учение Господне? — успокаивал друзей Иаков.

В глазах Иисуса светилась радость: наконец-то его ученики пришли к взаимопониманию. Предначертано так было или нет, знал только Создатель. А он, сын Божий, мог только догадываться.

Сколько поразительных открытий можно сделать, если хоть иногда посвящать время погружению в себя. Всякий раз, когда у Понтия появлялась такая возможность, он уединялся в своей резиденции. Там ему не докучал утомительный и вездесущий первосвященник Каиафа. Там забывались постоянные судебные тяжбы и склоки между фарисеями и торговцами, знатю и чернью. И даже местным служащим, считавшим своим долгом сходить к нему на поклон, было отказано в посещении. Раньше прокуратор мечтал о всеобщем внимании, но теперь его мучили ужасные приступы мигрени, и минуты, проведенные в одиночестве рядом с верным псом, для него представлялись истинным блаженством. Он гладил любимца по косматой голове, а в его душе всплывали воспоминания о детстве, о том чудесном моменте, когда Луций нес домой маленького щенка.

— Как же его звали? Кажется, Рем, — сдвинув брови, напрягал память Понтий.

Позволить себе такие мгновения прокуратор Иудеи мог не слишком часто, хотя и имел, конечно, для этого все возможности. В минуты уединения он замечал даже самые незаметные мелочи, анализировал необычные или, наоборот, ставшие слишком привычными явления, осознавал невидимые связи между, казалось бы, никак не связанными событиями. Открытия поджидали его на каждом шагу. Понтий поднял руку, внимательно осмотрел запястье и пошевелил пальцами. Он не так стар, как выглядит, но за несколько последних лет он сильно сдал, превратился почти в старика. В свои неполные...

— Сколько же мне лет? словно кто-то вычеркнул эту цифру из моей памяти. Интересно, что ждет меня после смерти? Нужны ли в загробном мире руки? И вообще, есть ли он, этот загробный мир? Есть, есть! — успокоил сам себя Понтий. — Ведь не могу же я уйти в никуда? Или могу?

Он почесал пса за ухом, тот благодарно положил морду ему на колено и тяжело, совсем по-человечески вздохнул. Вместе с ним вздохнул и Понтий, для которого время оказалось таким же двуличным, как и людская сущность. Стоило ему чего-то захотеть, и время превращалось для него в какую-то вязкую, как болото, метафизическую субстанцию. Оно тянулось клейким медом, а Понтий бился и бился в нем, пытаясь достичь своей мечты. Но едва ему удавалось заполучить желаемое, время начинало нестись, как стрела, выпущенная из лука, лишая возможности насладиться обладанием заветного приза. Так получилось и с должностью прокуратора: Понтий добился того, чего хотел, и теперь время так неумолимо мчало вперед, что даже тело не поспевало за ним и стремительно старело.

Понтия охватило острое чувство жалости к себе, и от этого в нем проснулась ненависть ко всем, кто его окружал. Всех до единого он считал бездушными и черствыми тварями, не желавшими понять его. Им не было дела до его страданий, тайных слез и мучительных раздумий в моменты бессонницы. Каждую ночь ему снился один и тот же сон: злобный горбун с разноцветными глазами и звериным оскалом, смеясь и напевая, стаскивал его за ноги с постели в бездну небытия — нескончаемый холодный тоннель, пронизанный стонами и мольбами о помощи. Каждый раз Понтий просыпался в ужасе, и сновидение долго не отпускало его. Прокуратор размышлял о своей судьбе, которая обязательно должна была привести к смерти. Богатый ты, бедный или вовсе раб — смерть одина для всех, она всех уравнивает. Понтий радовался каждому новому дню, освобождавшему его от ночного

кошмара, но уже с самого утра начинал с все возрастающим страхом ждать захода солнца.

В последнее время народ был недоволен прокуратором, хотя и боялся его. За время своего правления Понтий подавил не одно выступление иудеев, причем подавил жестко и беспринципно — этому он научился у своего друга Луция. После того, как император вдруг обвинил Луция в предательстве, жизнь Понтия стала страшной и непредсказуемой. Никто не хотел считать себя другом опального генерала, а уж тем более быть им. Тиберий снял все обвинения с Клементия и назначил его ответственным за пресечение заговора, который якобы готовил Луций с целью свержения правителя. Проявив в этом недюжинное усердие, Клементий буквально залил Рим кровью. Поговаривали, что он совсем спятил за то время, которое провел в заточении.

Дверь темной комнаты отворилась без объявления посетителя. Большая темная фигура римского солдата силуэтом обозначилась в проходе. Посетитель держал шлем под левой рукой, его плащ свисал почти до пола, лица не было видно из-за накинутаго на него капюшона.

— Приветствую тебя, прокуратор Иудеи. Долгих лет здоровья, — с насмешкой произнес преторианец голосом, который показался Понтию знакомым.

Пес прокуратора зарычал, несколько раз гавкнул, но отступил назад, поджав хвост, когда римлянин сделал несколько шагов по направлению к его хозяину.

— Маркус? — удивленно произнес Понтий, поднимаясь с кресла. — Но ты же умер!

— Так и есть.

Ранним утром Иисус и его ученики подошли к воротам города. Никто из них так и не уснул из-за опасений, что разбойники могут вернуться. От усталости у всех подкашивались ноги, а веки закрывались сами собой. Наверное, будь его воля, каждый рухнул бы сейчас на землю и забылся сном. Но их учитель шел вперед, а они шли за ним. Луций брел позади всех. Его ладони были стерты в кровь — нет, не от рукоятки меча, а от грубой физической работы, к которой он не привык. Ему тридцать два года, он бывал в разных битвах, его жизнь не раз висела на волоске, он убивал, его самого пытались убить, он проходил вместе с войском по тридцать пять километров за сутки, а потом возводил лагерь, но его тело никогда так не болело, как сейчас. Он вышел из пустыни другим человеком, в другой оболочке и с другим сознанием. Боль, усталость, даже собственные мысли ощущались им по-другому. В этом отвратительном состоянии, охваченный чувством собственного ничтожества, он стоял перед воротами города.

— Кто такие?! — раздался голос старшего по караулу.

— Путники! — крикнул ему в ответ Петр.

Послышались шаги, спускающиеся вниз по лестнице. Ворота приоткрылись, и из проема в окружении пятерых солдат вышел офицер. Его панцирь был начищен до блеска и весь увешан наградами. Наручи отливали бронзовым сиянием, поножи сверкали, из-под доспехов виднелась кроваво-красная туника в цвет поперечному гребню на шлеме. Офицер поочередно всмотрелся в каждого, будто считывая мысли пришельцев.

— Чего надо?

— Мы путники, идем из рыбацкой деревни, которая стоит рядом с Галилейским озером. Путь держим в Иерусалим. Мы устали и хотим отдохнуть, — объяснил Петр, принимая чересчур уставший вид, видимо, для того, чтобы офицер сжалился над ними.

Центурион снова окинул всех взглядом и кивнул головой в сторону ворот, давая понять, что проход разрешен. Путники устремились за крепостные стены. Последним шел Луций,

стараясь смотреть себе под ноги и не поднимать голову. Проходя мимо офицера, он почувствовал, как на его плечо легла рука.

— Стой, — Луций замер, по телу пробежал озноб. Центурион наклонился к уху: — Будь осторожен, генерал. Тебя ищут, и, если поймут, тебе вряд ли кто поможет.

— Спасибо, — облегчено выдохнул Луций и проследовал за остальными.

— Чего он хотел?

— Просто предупредил меня. Сказал, чтобы я был осторожнее.

— Знаешь его?

— А ты что такой дотошный, Иуда?

— Не нравишься ты мне!

— Надо же! Наши чувства взаимны — это редкость!

— Хватит ссориться. Нужно найти место для отдыха, — пресек назревающую перепалку Иисус.

Этот город, как и все прочие, казался большим самостоятельным организмом. Люди, люди — сотни и тысячи людей — передвигались по нему в бесконтрольном потоке, шныряли туда-сюда, как те муравьи, которых когда-то нещадно давили Луций и Мартин. Теперь не было ни друга, ни тех букашек. Теперь он сам мелкий и ничтожный, и, кажется, любой может его так же раздавить, втоптать в землю, превратить в пыль. Петр остановил пробежавшего мимо них мальчишку в рваной одежде, с грязным лицом и босыми ногами.

— Послушай, где можно переночевать и отдохнуть?

Парень деловито шмыгнул носом, почесывая взъерошенную голову, и указал пальцем в сторону.

— С сотню метров туда и налево. Пройдете потом один квартал, там будет неплохая гостиница.

— Спасибо.

— Да не за что! — весело выкрикнул малец и помчался дальше по своим ребячьим и, как ему казалось, очень важным делам.

Парнишка не обманул: путь к гостинице, и правда, оказался коротким. Они прошли во двор, где пахло варевом. Полная пожилая женщина вываливала объедки в корыто свиньям, которые хрюкали и чавкали, с большим удовольствием пожирая помои и поблескивая своими маленькими черными глазками.

— Надо же, как похожи на Асмодея, — усмехнулся про себя Луций.

— Чего вам?! — вытирая руки о себя и отставляя ведро в сторону, то ли спросила, то ли выкрикнула старуха.

— Нам отдохнуть да заночевать.

— А-а-а! Обождите, — сморкнувшись в сторону, она быстро удалилась.

Через пару минут вместе с ней вышел высокий седой мужчина с серыми, почти бесцветными глазами — по-видимому, хозяин этого заведения.

— Четырнадцать человек! Эка вас сколько!

— Что, места не хватит?

— Отчего же? Места хватит. А деньги-то есть?

— Есть немного.

— А я много и не прошу. Ну, проходите тогда.

Оказавшись в своей комнате, а их развели по трем небольшим клетушкам, Луций скинул с плеча сумку с писанием, положил ее под подушку и плюхнулся на грубую, дешевую ткань

кровати.

— Как же я устал. Все тело ломит.

— Тобой правила тьма. Поэтому ты не чувствовал ни боли, ни усталости. Теперь привыкай!

— Петр! — хотел было спросить Луций, но в ответ уже слышался тяжелый храп.

— Тот центурион, он ведь узнал тебя? — глядя в потрескавшийся и разошедшийся деревянный потолок, промолвил Иисус.

— Да. Это Тит. Так, по-моему, его зовут, если мне не изменяет память. Он офицер, служил под командованием Клементия, будь он проклят! — выругался Луций, вспомнив о своем давнем враге.

— Нельзя так о людях.

— А он что, человек что ли?!

— А ты?

— Ха! На все у тебя есть ответы!

— Нет, не на все. Ты рассказывал о центурионе, продолжай.

— Ну, так вот. Легион Клементия попал в засаду и был разбит. Этот горе-командир сбежал, бросив своих солдат на поле брани. Разрозненные отряды уцелевших солдат пробивались к нам, и Тит был одним из тех, кому удалось выжить. Мало того, он спас почти триста человек, а потом сражался в рядах моей армии, помогая подавить повстанцев. Он храбрый воин и преданный соратник. Если думаешь, что он нас выдаст, ты ошибаешься.

Луций сам удивился своим словам. Раньше он бы перерезал бедолаге горло в темном закоулке, чтобы тот наверняка не донес на него, и ему было бы неважно, хороший Тит человек или нет.

— Я не боюсь, что он нас выдаст. Ему нужна помощь. Точнее, его жене.

— Она больна?

— Она умерла.

— Не понял, — приподнялся на локтях Луций.

— Он хороший человек, и ему нужно помочь.

— Как? Воскресить жену?!

— Да, — молвил Иисус, словно в его словах не было ничего необычного.

— Здорово! Значит, ты можешь воскрешать мертвых?! Верни тогда моих друзей и брата!

— Нельзя.

— Отлично, а почему тогда ее можно?!

— Потому что Тит потом расскажет об этом людям, и этот город уверует в моего отца и в меня. И в вас, моих учеников.

— Я тоже расскажу о тебе всем! Могу бегать по улицам и орать, что ты сын Божий! Только верни моих близких! — Луций внезапно впал в ярость и вскочил с кровати.

— Не могу. Я же сказал.

— Почему?!

— Во-первых, тебе никто не поверит, поскольку все знают тебя как жестокого и кровожадного человека. Во-вторых, если ты будешь бегать и кричать о моем отце, тебя схватят и казнят, так как тебя ищет почти вся Римская империя. И, в-третьих, не возвращайся к прошлому — иди в будущее.

— В какое будущее?! Какое меня ждет будущее, если вы уже все за меня решили? Ад с вечными мучениями и агонией для моей черной души?!

— Ты говоришь так, будто уже умер.

— Так помру же!

— Все смертны. Даже я.

— Думаешь, мне от этого легче?!

— Думаю, что нет. Но ведь ты поможешь мне? Я один не справлюсь.

— Возьми своих учеников! — обиженно рывкнул Луций, лег обратно на кровать и отвернулся к стене.

— Я и прошу одного из них, — смиренно и очень тепло ответил Иисус. — Ты же взялся писать обо мне и моих деяниях. Неужели ты не хочешь описать, как я воскрешу мертвеца?

Луций недовольно ерзал на кровати, но было понятно, что слова учителя его зацепили.

— Я устал, я хочу отдохнуть.

— Хорошо. Пойдем вечером. Тем более мне нужно поговорить с тобой кое о ком.

— Интересно, о ком же?

— Отдыхай, ты ведь устал. А вечером, когда пойдем к Титу, я все тебе расскажу.

Истощенный Клементий с бледным, болезненным лицом и кровавым кашлем еле держался в седле — таким он вышел из заточения, в котором томился в подвале собственной виллы. Долгое время он жил ожиданием казни. Он хотел вскрыть себе вены, но не смог: жажда жизни взяла верх. Он просил аудиенции у Тиберия, требовал, чтобы к нему позвали Марка, но тщетно. Каждый день после полудня к нему приходил один и тот же чиновник. Он уверял заключенного, что его просьба будет выполнена, что император или сенатор вскоре посетят его и что все, непременно, решится в лучшую для него сторону, что каждый раз Тиберий вспоминает добрым словом его отца Силана и хочет простить самого Клементия. Так продолжалось, пока Клементий не сбился в подсчете дней. Он уже отчаялся и приготовился к долгой и мучительной смерти от голода и проклятой болезни, которая пожирала его. Но чудо свершилось, да еще какое: его освободили, вернули назад всю собственность, и сам император обнимал его, гордился его деяниями, славил его отца. А самое главное, ему объяснили, что он должен найти Луция и совершить над ним расправу, так как тот посягнул ни много ни мало на императорскую власть. Дальше Клементий уже не слушал, ему было ясно одно: заклятый враг, который, по его мнению, был виноват во всех его бедах, теперь в его власти. Получив полную свободу действий, он взял солдат и отправился в деревушку, где последний раз видели генерала. Марк недвусмысленно намекнул, что Клементий может расправиться не только с Луцием, но и с его спутниками. А если по какой-то причине генерал ускользнет, то Клементию следует отправиться в Иерусалим, встретиться с местным прокуратором и ждать дальнейших распоряжений.

Клементий склонился в седле, вцепившись в поводья: болезнь отбирала у него последние силы. И отобрала бы совсем, но невероятная жажда мести заставляла его держаться. С трудом подняв голову, он смотрел на то, как его солдаты крушили маленькую рыбацкую деревушку на берегу Галилейского озера. Они вытащили из дома молодого парня и избивали его, не давая подняться с земли. Тот кричал, что ничего не знает. Клементий с трудом кивнул головой. Преторианец выхватил меч и отрубил парню голову, которая отлетела в сторону, окропляя песок вязкой кровью. Набежавшие женщины выли и рвали на себе волосы, проклиная римских солдат. Рядом с только что казненным лежали еще два тела. Солдаты добрались до трясущегося от страха мальчика лет двенадцати. Его подтащили к трупам, поставили на колени и стали задавать вопросы. Он беспомощно водил по сторонам глазами, а когда преторианец вытащил меч, закричал и со страха обмочился. Стоящий

неподалеку седой старик не выдержал и, переваливаясь с ноги на ногу, подошел ближе к Клементию.

— Хватит. Остановись!

— Так останови меня. Скажи мне, куда направился тот, кого я ищу, и я уйду. Скажи мне, старик, и все закончится.

— Они ушли...

Клементий изменился в лице, в ушах у него зазвенело, а легкие снова захлебнулись кровавой массой. Он кашлял без остановки, сплевывая в сторону куски собственных внутренностей и заглушая голос старика. Пока длился приступ, он сумел разобрать лишь одно слово — «Капернаум».

— Что? — вытирая платком окровавленные губы, переспросил Клементий.

— Он сказал, что Луций отправился в город Капернаум, что находится по ту сторону озера, — убирая меч в ножны, отрапортовал преторианец.

— Значит, Капернаум. Хорошо. Смотри, старик, если обманул, я вернусь. Уходим! — солдаты быстро запрыгнули на коней.

— Ступай, ступай, сын шакала. Надеюсь тот, кого ты ищешь, не станет долго с тобой церемониться, — бормотал отец Петра и Андрея беззубым ртом.

Ночная прохлада и воздух, наполненный ароматами свежееиспеченного хлеба, окружили Луция и Иисуса, когда они, закутавшись в шерстяные плащи, проходили мимо пекарни.

— Нужно было взять с собой Петра или еще кого-нибудь, а то обидятся, — смотрел под ноги Луций.

— Не обидятся. Они еще будут спать, когда мы вернемся, — улыбнувшись, ответил Иисус. — Тем более, ночью на улицах незнакомого города может быть беспокойно.

— А как же «подставь другую щеку»? — усмехнулся Луций.

— Думаю, до этого не дойдет. Все всегда можно решить словами.

— Что-то прошлой ночью у вас не получилось договориться. Ладно. О чем ты хотел поговорить со мной?

— О Марии.

Луций застыл, как вкопанный, но учитель продолжил путь, делая вид, что не замечает его изумления.

— Постой!

— Да? — обернулся Иисус.

— Откуда ты знаешь?

— Я же сын Бога. Или ты забыл?

— Она жива? Что с ней? Где она?

— Как много вопросов, Луций. Пойдем, я расскажу тебе все. Пойдем, пойдем. С ней все хорошо, она жива и здорова. Ждет тебя в Иерусалиме. И она, как ни странно, по-прежнему тебя любит.

— Почему она сбежала?

— Она не сбежала, ее спасли от тебя. Ведь ты бы убил ее. Непременно бы убил — все к этому и шло. Анатас методично избавлял тебя от любой привязанности.

— Но так ведь она...

— Она не его племянница и никогда ею не была.

— Кто же она?

— Это пускай она сама тебе расскажет.

— А с чего ты взял, что я мог ее убить?

— Один раз чуть не убил. Но ему было мало этого. Нужно было еще больше привязать ее к тебе, а потом... Потом задавить в тебе последнее проявление человеческого. Начало было положено убийством твоей собаки. Марию он оставил напоследок.

— Про Рема, значит, ты тоже знаешь?

— Конечно, — спокойно ответил Иисус.

— Она в безопасности? С ней точно все в порядке?!

— Да. Успокойся. С ней все хорошо, и ей ничто не грозит. Скоро вы встретитесь.

— А вдруг он расправится с ней?!

— Не станет. Сейчас он хочет расправиться с нами. Я вижу, Луций, что твое сердце рвется к ней. Но сначала нам следует закончить дела здесь. Так нужно, так предначертано. Кстати, мы уже пришли, — Иисус остановился.

Дом Тита располагался почти в самом центре города. На поминки его жены пришло много родни и обычных зевак. Этого человека явно уважали. Пока учитель и его ученик пробирались через живую стену, Луций слышал о центурионе только хорошие слова и ничего дурного.

— Накинь капюшон, Луций. Не стоит привлекать к себе внимание, — дал совет Иисус, и генерал не стал противиться.

Попав на задний двор, они остановились возле длинного поминального стола. Видно было, что Тит убит горем. Его жена умерла еще вчера, но никто из путников, проходя утром через ворота, не догадался о его страданиях. Он был прекрасным солдатом, наверное, как и отец Луция. Только вернувшись с поста, он позволил себе проявить слабость и предаться печали. Несколько слуг суетились вокруг, боясь подойти к хозяину. Иисус жестом руки подозвал их к себе.

— Что не так?

— Наш господин Тит в скорби позабыл купить вина для поминок. И теперь мы не знаем, как быть, — протараторил один из рабов.

— В подвале есть пустые кувшины?

— Да, есть с десятков больших и несколько малых.

— Наберите в них воды и ждите меня.

— Для чего? — удивился раб.

— Делай, что сказано! — прикрикнул Луций, и рабы поспешно скрылись. — А действительно, для чего? Или ты хочешь превратить воду в вино?

— Пойдем.

— Хотя, чему я удивляюсь? Если ты пришел воскресить мертвеца, то почему бы не превратить воду в вино? — он направился за учителем.

Иисус спустился в подвальное помещение и дождался, пока рабы заполнят все кувшины водой.

— Теперь отойдите.

Он несколько минут стоял, не шевелясь, в полной тишине. Затем медленно подошел к первому кувшину и дотронулся до него рукой. Раб, стоящий рядом, ахнул. Прозрачная вода колыхнулась и тут же приобрела бордовый цвет, а воздух в помещении наполнился приятным винным ароматом. Иисус коснулся каждого из кувшинов.

— Несите их на столы и скажите всем, чтобы пили не за упокой, а за здравие, ибо нет мертвых в этом доме. А про то, что здесь видели, никому не рассказывайте.

Опешившие рабы подняли кувшины и потащили их наверх.

— Они все равно расскажут, — тихо сказал Луций.

— Я знаю. Обязательно расскажут, а ты запишешь.

— Тогда зачем попросил не говорить никому?

— Люди, для вас раскрыть тайну — все равно, что поделится сказкой. Они оповестят других об этом так, что те запомнят и поверят услышанному. Чудо должно быть загадкой: в загадку всегда легче поверить, чем в обыденный фокус.

Оставшееся время они провели в подвале и лишь после того, как гости начали расходиться, поднялись наверх. Тит сидел возле тела жены, склонив опечаленную голову, и что-то рассказывал ей еле слышно. Он долгое время не замечал ни Луция, ни Иисуса, а те не мешали ему и терпеливо ждали. Вскоре Тит поднял на них свои красные заплаканные глаза.

— Вот так вот, генерал. Зачем мне теперь жить?

— Ради детей, — спокойно ответил за генерала Иисус.

— Ради них, — тяжело вздохнул Тит. — Ты зря пришел сюда, генерал. Тебе здесь небезопасно. Сегодня в полдень мне передали приказ, который привез гонец из Рима. Любой, кто тебя встретит, должен тебя схватить. За твоей головой выехал сам Клементий. Представляешь, мне приказано с почтением встретить его, эту тварь, которая нас бросила и предала! Прикажи, генерал, и я встречу его так, как он того заслуживает!

— Не говори ерунды, Тит. Не вправе ни ты, ни я отнимать жизнь у другого человека.

— Странно слышать это от тебя, генерал, — сдвинув брови, удивился центурион.

— Много странного, Тит, есть в жизни. Ты бы отошел от своей жены.

— Зачем?

— Поверь, так нужно, — ответил Иисус. Он приблизился к женщине и поднял вверх взор свой. — Отче! Благодарю, что Ты услышал меня. Я знал, что Ты всегда слышишь меня, но прошу Тебя от имени несчастного мужа, убитого горем. Дай силы мне, помоги. И он поможет донести слово мое во славу Твою.

— Да что он несет? — Тит хотел кинуться к нему, но Луций его остановил.

— Успокойся! Успокойся! Все в порядке! Не мешай ему!

— Услышь меня, женщина. Очнись ото сна вечного. Ты нужна здесь, семье своей.

Тело, лежащее неподвижно, вдруг глубоко вздохнуло. Луций и Тит отшатнулись назад. Покойница поднялась, стянула с себя саван и открыла мутные, еще мертвые глаза, которые через мгновение прояснились и заблестели жизнью. Она обвела всех непонимающим взглядом и дрожащим голосом спросила:

— Что произошло?

Тит, трясаясь всем телом, будто в ознобе, с опаской подошел ближе.

— Лаза? Милая, это ты?

— Тит? Что произошло?

— Ты умерла, но он воскресил тебя, — ответил за центуриона Луций и указал на Иисуса.

— Как так умерла? Как воскресил? Я же просто спала, — недоумевающая, произнесла женщина.

— Я сейчас все объясню, — Иисус начал рассказ.

Он говорил о том, кто он и для чего пришел, говорил об отце и о своих учениках, рассказывал о сотворении мира, о заповедях. Они слушали его, впитывая каждое слово, и шевелили губами, повторяя то, что он доносил до них. Луций, сидя в углу рядом с масляной

лампой, скрупулезно водил пером по пергаменту, стараясь описать все, что видел и слышал. Тит не пускал в комнату никого, а возмущенные гости все не расходились. Рабы уже рассказали им о человеке, который превращает воду в вино, и о том, что это именно он находится сейчас там, в комнате, с их хозяином. Луций и Иисус просидели с Титом и его женой до самого утра, а потом вышли вместе с воскрешенной к тем, кто их дождался. Гробовая тишина воцарилась при виде живой хозяйки, а Тит с радостным лицом кинулся к заплаканным детям, стал обнимать их и рассказывать им о том, что поведал ему Иисус.

— Нам пора, — тихо шепнул на ухо Луцию учитель.

Пространство замерло. Они шли мимо не двигающихся людей, мимо Тита, который с выражением счастья на лице открыл рот, чтобы что-то объяснить собравшимся, мимо поминального стола, где, словно в воздухе, зависла падающая чаша с вином, мимо того самого мальчишки, который указал им дорогу в гостиницу. Течение времени восстановилось, когда они были уже далеко от дома центуриона.

— Что это было? — вконец придя в себя, спросил Луций.

— Завершение очередного цикла.

— Какого еще цикла?

— Я должен совершить три деяния на земле. Тогда мое время здесь закончится.

— Каких именно?

— Я не знаю. Только Бог знает. Два я уже совершил.

— Сейчас ты воскресил человека, а какое было первое?

— Я встретил тебя. До этого я просто совершал чудеса, но, по всей видимости, те, что были связаны с тобой, оказались какими-то особенными.

— Значит, что нужно делать, ты не знаешь? Ты просто делаешь, и все?

— Ты правильно понял. Я делаю все для людей и не могу ничего делать для себя.

— Если я вдруг захочу тебя убить, ты не сможешь себя ни спасти, ни исцелить?

— Нет. Для вас я сын Божий, для себя — обычный человек.

— А для Него? Для них кто ты?

— Такой же, как и вы. Они не делают различий. Это люди создали себе мнимые основания для неравенства — богатство и знатность, а для них мы все одинаковы.

Глава 41 ХЛЕБ И РЫБА

Под покровом ночи Клементий со своим отрядом въехал в Капернаум. У ворот его встречал Тит. Он вытянулся и приветственно отсалютовал.

— Ждали вашего прибытия. Со мной десяток отличных солдат, как вы и просили.

— Вольно, центурион. Какая обстановка в городе? — откашлялся Клементий.

— Все спокойно. Мне приказано проводить вас и обеспечить вашу безопасность.

— Безопасность? От кого же, раз все спокойно?

— От людей. Сейчас все спокойно, а через секунду, глядишь, и взбредет им что-нибудь в голову. Народ нынче странный, непонятный, — не смутившись, отрапортовал Тит.

— Мне знакомо твое лицо, центурион. Мы раньше не могли встречаться?

— Так точно! Я служил при Германике, потом был переведен к вам! Я был центурионом первого манипула второй когорты! Восстание в Галлии, командир! Помните?

— Помню, — еле слышно сквозь зубы процедил Клементий и, закашлявшись, поднес к губам платок. — Нужно разместить моих людей.

— Так точно! Прошу проследовать за мной, — Тит развернулся на пятках и зашагал вперед. Всадники и Клементий последовали за ним, солдаты Тита шли позади.

— На воротах в карауле ты постоянно стоишь?

— Да. А к чему вопрос?

— Ты ведь знаешь, кого я ищу?

— Так точно. Знаю. Но, к сожалению, я его не видел. Всех подозреваемых мы отвели в лагерь, с рассветом можете на них посмотреть.

— Ты наверняка знаешь Луция Корнелия в лицо, не так ли?

— Да, господин. А потому могу точно сказать, что его здесь не было, иначе он бы сейчас стоял перед вами.

— А некий человек, который выдает себя за спасителя человечества и называет себя царем иудейским?

— Ха-ха-ха! — рассмеялся центурион. — Что, даже такие бывают? Нет, господин, такого я бы точно не пропустил. Были путешественники, человек четырнадцать, шли проходом через наш город, направлялись в Иерусалим, по-моему. Среди них был неплохой лекарь. Кстати, он помог моей жене. Еще неделю назад схватили пару разбойников, их в наших местах что-то много развелось в последнее время, но этих мы уже казнили. Вздернули на площади, они до сих пор там болтаются! Да, чуть не забыл: префект посетит вас утром. Он просил извинить его за то, что не смог встретить вас лично.

— Чем же он так занят?

— Не знаю. Мое дело маленькое. Я лишь передал то, о чем он просил. Солдату негоже задавать вопросы.

— Скажи мне, как ты относишься к бывшему генералу Черного легиона?

Центурион остановился и посмотрел снизу вверх на Клементия.

— Я солдат, господин. Я сражался в его рядах и видел, как он может побеждать в безвыходной ситуации. В ситуации, в которой любой другой потерпел бы поражение. Что говорить, в Галлии он спас не только меня, но и моих людей, — Тит выдержал паузу, видя, как хмурится бледное лицо всадника. — Но если вы имеете в виду, задержал бы я его или

нет, то, конечно, я бы его арестовал и передал вам. Я же сказал: я солдат. Но, к сожалению, я его не видел, а, может быть, и к счастью. Он превосходный воин, так что я бы мог и не разговаривать с вами сейчас, если бы попался ему на глаза.

Центурион, разумеется, лгал. Еще утром он вывел Луция и его спутников через потайной проход в городской стене. Он также предупредил их обо всех постах, стоящих на дороге в Иерусалим, рассказал, как лучше их обойти и что отвечать патрулю, если их остановят. Впоследствии Тит прожил долгую жизнь и умер в один день со своей любимой женой, о чудесном воскрешении которой он до последнего вздоха рассказывал людям. Многие не верили ему, но, несмотря на это, история о воскрешении человека сыном Божиим осталась в веках. Тысячи раз она была переписана, и, в конце концов, женщина по имени Лаза превратилась в Лазаря, а произошедшие события предстали в ином пересказе, но сам факт совершенного Иисусом чуда до сих пор жив в людской памяти.

Клементий же целый месяц рыскал по городу, но кроме невероятных и противоречащих друг другу слухов, так ничего и не узнал. Тит старательно помогал ему в поисках, однако ощутимых результатов его помощь, конечно же, не принесла. Даром потеряв столько времени, Клементий в итоге отправится в резиденцию к Понтию, так как единственная ниточка, которая могла привести его к Луцию, вела именно туда- в Иудею, в город Иерусалим.

Они шли долго, заходя по пути в деревушки и селения, избегая больших городов и патрулей. Когда они останавливались на ночь под открытым небом, все беспрекословно слушались Луция, и даже Иуда, скрипя зубами и недовольно раздувая щеки, не смел перечить генералу после того, как тот спас ему жизнь. Дело было так: Иуда как-то раз, отлучившись по нужде, услышал позади себя грозное рычание. Молодой лев, по-видимому выгнанный из прайда, голодный и измученный, перепутал человека с добычей, а может, просто не нашел ничего более подходящего. Иуда Искарот вряд ли бы дожился до вечера, если бы к нему не подоспел Луций. Размахивая сумкой и матерясь во весь голос, он бесстрашно пошел на льва. Зверь рычал, скалился, но пятился назад. Противостояние окончилось победой человека: животное оказалось умнее и отступило.

Повсюду путников преследовали толпы зевак. Местные жители выходили послушать проповеди и посмотреть на живого сына Божьего. И он проповедовал, а также лечил, наставлял и помогал. А Луций продолжал записывать все, что видел. Вот и теперь с самого утра вокруг них собралась толпа людей, которые — кто сидя, кто стоя — передавали по цепочке слова Иисуса тем, кто был дальше и не слышал его. Так прошел не один час.

— Учитель, — Петр подошел к Иисусу и тихо зашептал ему на ухо. — Многие из собравшихся здесь проголодались. Их стоило бы отпустить домой на трапезу, но они не пойдут, если ты им этого не прикажешь.

— Их нужно накормить. И я думаю, вы накормите их, — Иисус смотрел в глаза Петру с такой уверенностью, будто у того за спиной стоял целый караван с хлебом.

— Но, учитель, каким образом?

— Дайте мне то, что есть у вас.

Покопавшись в своих сумках, ученики принесли Иисусу семь хлебов, и пять небольших жареных рыбешек.

— Это все, — с сожалением произнес Фома.

— Разве этим можно накормить столько голодных ртов? — недоверчиво спросил

Варфоломей.

— Сомнение в отце моем — первый шаг в темноту.

Иисус поднял вверх свой взор. Все застыли в ожидании, но какое-то время ничего не происходило. Их учитель просто смотрел в бесконечную голубую даль и что-то шептал.

— Поделите все, что тут есть, поровну и раздайте людям.

Петр, Варфоломей, Фома и Андрей недоверчиво встали возле скудной еды. Остальные не решались сделать и шагу. Петр взял в руки хлеб, разломил напополам и положил обе половинки на гладкий камень, и вдруг вместо двух ломтей на нем оказалось две целые буханки. Хлеб пересчитали: все верно, на один стало больше. Тогда Петр дрожащими руками разломил рыбу, и количество съестного увеличилось на одну тушку. Остальные ученики подключились к делению пищи, которой становилось все больше и больше. Еда передавалась из рук в руки. Люди ликовали. Если бы Иисус сейчас приказал им что-нибудь сделать, они бы сделали это — умерли бы во имя его, убили бы за него, вознесли бы его на царство, разрешили бы ему править ими. Но он молчал — просто сидел с прикрытыми глазами и о чем-то думал. Тем временем Луций подошел к пище и присел возле нее на корточки.

— Однако, — он с опаской взял одну буханку, поднес ее к носу и вдохнул аромат дешевого, но вкусного хлеба. Генерал долго вертел его в руках, не решаясь надломить.

— Чего ждешь, мой тринадцатый ученик? — послышался теплый и мягкий голос. — Ну же, попробуй!

— Не привык я созидать. Прости, учитель.

Луций положил хлеб на место, вытер об одежду вспотевшие ладони и отошел в сторону, пробираясь через восторженную толпу, которая радостными криками славил Иисуса. Генерал уже почти вышел из нее, когда его внимание привлек одиноко сидящий человек в темной одежде с накинутым на голову капюшоном. Расположившись на придорожном камне, он что-то чертил на пыльной дороге своим посохом, никого не восхвалял, не кидался за едой. Он словно пребывал в своем, далеком от всего происходящего мире. Кто-то протянул генералу ломоть хлеба, на котором лежала половина жареной рыбы. Он механически взял еду, не сводя взгляда со странного путника. До боли знакомый голос поманил его:

— Луций, мальчик мой, не бойся.

Правую руку мгновенно свело судорогой от невыносимого холода, так что из нее вывалилось съестное. В полном бреду генерал дошел до сидящего на камне человека и тут же, пронзенный ужасной болью, упал перед ним на колени. Путник выводил посохом на земле кресты, которые непостижимым образом уползали за горизонт и превращались в настоящие. На них стонали и молили о помощи распятые люди.

— Марк... Или лучше тебя называть Анатас?

— Можно и Люцифер, — он скинул капюшон. — Нам нужно поговорить, Луций. Надеюсь, ты не против?

— О чем? — пересиливая боль, проскрипел зубами генерал.

— Тебе больно? Ах, прости, — Анатас щелкнул пальцами и Луций с облегчением вздохнул. — Ты спрашиваешь, о чем? О тебе. Жалко наблюдать за тобой, Луций, смотреть на то, как ты причисляешь себя к этому сброду, строишь из себя апостола. Тебе гордость не позволила даже раздать хлеб этому паршивому стаду овец. Ты не их пастырь и не будешь им никогда. Ты и сам это знаешь.

— Не хочу тебя слушать!

— А зря. Зря. Ведь я искренен с тобой. Посмотри на них, посмотри получше. Скоро людям приестся видеть чудеса, поверь: они им наскучат, и тогда люди захотят чего-то особенного, такого, что сотворить будет непросто или невозможно. Одно дело воскрешать мертвых женщин, другое дело — воскреснуть самому. Для себя он не может сотворить чуда, не так ли?

— Ты не убьешь его. Тебе не позволят!

— Что ты, что ты. Я не собираюсь этого делать. Он дорог мне так же, как и тебе. Единственный, кто плюет на него, — это его отец. Иисус, да и все вы, для Него так, винтики.

— Мы не винтики!

— Ну, хорошо, не винтики. Вы — сложный механизм. Можете называть себя хоть богами — суть дела от этого не меняется. Поверь мне: людям Бог не нужен. Разве только для того, чтобы получить от Него какое-нибудь благо на дармовщинку да порассуждать о вере. Ведь рассуждения ни к чему не обязывают. Им Он будет нужен только для того, чтобы похвалиться друг перед другом своими добродетелями. Мол, поглядите, какие мы порядочные, веротерпимые, безгрешные — почти как ангелы, только без крыльев. При этом люди станут прибегать к любым ухищрениям, лишь бы уклониться от настоящей, искренней веры в Него. Они даже будут пренебрегать заповедями Его и оправдывать себя за это. Они любому греху найдут оправдание, по-своему интерпретировав Его законы. Ты знаешь, что я прав. Все же ты в первую очередь мой ученик и только потом уже его. Хотя его ли? Сам посуди: неужели великий и всемогущий Творец не понимает, что все Его замыслы по переустройству этого мира к лучшему обречены? А все потому, что на Его пути стоит... Нет, Луций, не смотри на меня так — не я. На его пути стоит непреодолимая, высотой до небес, если не выше, глухая, непробиваемая и нерушимая стена отчуждения — убежденность людей в том, что они сами творцы собственной жизни. А Он видит лишь то, что хочет видеть. Поэтому Он и послал сюда своего сына. Ты ведь знаешь, к чему все приведет, знаешь, что с ним будет. Вижу, что знаешь! А мой брат, увлеченный любовью к собственному творению, уже не замечает очевидного. Он утратил способность предчувствовать и так и не понял, что больше не властвует над людьми. Ими давно правит мое творение — мой Грешник. Это их истинный бог! Он дает им то, в чем они нуждаются больше всего. Алчность! Прелюбодеяние! Ложь! Власть! Амбиции! Ненависть! Вот что им действительно нужно. Луций, и не пытайся убедить себя в том, что ты сможешь их исправить. Ни ты, ни твой учитель, ни кто другой. Я прошу тебя лишь об одном: избавь Иисуса от страданий. Собственный отец не интересуется его судьбой, а мне его искренне жаль. Убей его сам!

— Что?! — Луций попятился назад. — Нет! Ты лжешь! Ты всегда лгал мне, но теперь я знаю о тебе все! Нет, Анатас! Я больше не буду убивать! Никогда не буду, а уж тем более не убью его!

— Я никогда и никого не обманывал, — Анатас неспешно поднялся с камня. — Я покажу тебе, что будет.

— Не надо! Я не хочу!

— А я все же покажу.

Он слегка приподнял посох и ударил им о землю. Луций взлетел вверх и словно растворился в воздухе, словно оказался сразу всем и везде. Он увидел, как толпа гнала Иисуса к городским воротам. Люди все прибывали и прибывали. Сына Бога пихали взащей, оскорбляли, плевали. Кто-то поднял с земли камень и бросил ему точно в голову. Иисус

присел, зажимая рану рукой, а люди, почуяв кровь, кинулись на него и стали избивать.

— Смотри, Луций, это только начало, так сказать, прелюдия.

Затем Иисуса пристегнули к столбу, и огромный преторианец, лица которого Луций разглядеть не смог, с отяжкой и пристрастием начал пороть несчастного.

— Я хочу лишь добра, генерал, как ты не поймешь? Смотри, что они будут делать с ним. После этой порки его жизнь будет висеть на волоске. Взгляни на него: он уже не чувствует боли, потому что его истерзанное тело с висящей на спине кожей само есть одна сплошная боль. Ты знаешь, что такое порка: сам не раз приказывал пороть до смерти. Ты знаешь, что сейчас малейшее движение превращается для него в страшную муку.

Иисуса отстегнули от столба, и он свалился на землю, но могучий преторианец пинками заставил его подняться. Кнутами и ударами Иисуса загнали под деревянный крест, который перед ним держали солдаты. Тяжелую конструкцию бросили на его искалеченную спину, он уперся ногами в пыльную дорогу и потащил крест к месту казни, но упал.

— Сейчас его снова начнут бить. Нравится, Луций? Смотри и запоминай. Его будут бить все, кому захочется, даже те, кого он сейчас накормил, даже те, кто недавно клялся ему в преданности. Люди быстро привыкают к чудесам и пророкам. Его будут избивать на всем протяжении пути, а кто не дотянется, станут плевать в него, закидывать помоями, проклинать и всячески унижать. Когда он, наконец, достигнет места казни, его лицо будет представлять собой месиво из крови и пота, сдобренное пылью, слюной и нечистотами. Ты хочешь для него такой участи? Ответь, Луций!

— Ничего этого не будет! — генерал вернулся в реальность.

— Будет. Поверь мне.

— Ты это сделаешь, да?!

— Да что с тобой? Ты меня вообще не слушаешь! Я же сказал, что это сделают те, для кого он сейчас так старается. С ним это сделают люди. Даже собственные ученики предадут его!

— Ты лжешь! Лжешь! Не будет такого!

— Что, ты не позволишь? — усмехнулся Анатас.

— Да! Да! Я!

— Тогда убей его. Избавь его от страданий и позора. Ты же знаешь, смерть на кресте — вещь не из приятных.

— Оставь меня! Оставь! Уйди! Ты отобрал у меня все, это ты сделал меня таким! — Луций обхватил голову руками, упал на землю и застонал.

— Всегда обвиняют кого-то, только не Его. Даже обидно. Ладно, я уйду, Луций. А с кем останешься ты? С теми, кто тебя ненавидит? С теми, кто предаст своего учителя? С теми, кто заполонил этот мир, как паразиты, которым нужно только насыщать свое чрево и ублажать свою плоть? Ты еще взмолишься о моей помощи!

— Не будет этого!

— Посмотрим.

Анатас накинул капюшон на голову и, опираясь на посох, украшенный золотым черепом, ушел прочь. Луций еще какое-то время стоял на коленях, упершись лицом в землю и что-то бормоча. Постепенно звуки мира возвратились к нему. Он медленно поднял голову, посмотрел на огромное количество людей, жующих хлеб и рыбу, довольных и любящих своего учителя. Генерал поднялся и, пошатываясь, направился к Иисусу. Рядом с ним по-прежнему лежали хлеба, ровно семь штук, и пять небольших рыбешек. Ученики радостно

жестикнули руками, наперебой восторгаясь чудом, которое снова сотворил мессия. Иисус заметил глубокую перемену в генерале. Он долго пристально смотрел на Луция, а Луций на него. Они не боролись взглядами — казалось, они постигали друг друга. Сын божий и Луций — генерал Черного легиона, кровавый пес империи, покоривший полмира и отказавшийся от власти ради истины. Каждый из них чувствовал боль другого.

— Вы сделали все, как я просил?

— Да, учитель. Все люди теперь сыты, а у нас осталось столько еды, сколько мы и принесли.

— Это хорошо.

— Конечно, хорошо! Вкусили плоти его! Теперь захотят запить халявный кусок его кровью! — в толпе стоял, потирая руки и пристально глядя на генерала, уродливый горбун. — Кровушки, кровушки хочется! Ха-ха-ха! Распни его! Распни! Ох, как весело-то будет! — он смачно сплюнул в сторону и, превратившись в черного облезлого кота, быстро скрылся в толпе, ловко виляя между ног.

«А ведь Марк прав. Предадут. Могут, по крайней мере. И что тогда?» — задумался Луций.

— Не судите, и не судимы будете, не осуждайте, и вас не осудят, прощайте, ибо Бог прощает, — разносился голос Иисуса над людьми.

Вслушиваясь в эти слова, Луций понимал, что виноват. Виноват перед собой и перед всеми, с кем ему суждено было встретиться на его жизненном пути. Виноват в том, что творил, в том, что не остановился вовремя, в том, что до сих пор так и не научился ни прощать, ни раскаиваться. Может, Марк и прав: волка травой не накормишь?

Глава 42 ДОМ МОЙ ДОМОМ МОЛИТВЫ НАРЕЧЕТСЯ

— Успокойся, Маркус. Перестань путаться под ногами. Придет твое время.

Марк шел по тоннелю, покрытому инеем. Преторианец то заходил вперед, то отставал на шаг. Сципион, Велиал, Асмодей и Авера двигались ровной линией след в след за своим хозяином.

— Когда я смогу разделаться с ним?

— Маркус, Маркус, Маркус. Терпение. Ты просто еще не понимаешь, что время для тебя не враг. Теперь ты можешь ждать, а он — нет. Скоро, совсем скоро.

Они вышли к огромной пропасти, дна которой не было невидно. По стене спиралью вниз уходила винтовая лестница. Снизу, из темноты и неизвестности, из самых глубин мрака доносились истошные крики и безнадежные мольбы о помощи, в которых слова раскаяния перемежались воем. Марк остановился у края пропасти и некоторое время наслаждался невыносимыми воплями.

— Прекрасное место для них, не правда ли?

— Да, милорд, — в один голос ответили все, кроме Маркуса. Марк повернулся к стоящему в стороне преторианцу, слегка ухмыльнулся и стал спускаться по ступеням.

— Скоро, Маркус. Скоро.

Довольно просторный, но скромный по меркам римлянина дом расположился на окраине города рядом с садом, который жители называли Гефсиманским. Луций сидел за столом, а Мария нежно обнимала его сзади, водила рукой по заросшему щетиной лицу и слегка трепала по косматой голове.

— Ты изменился, — она нежно поцеловала генерала в щеку.

— В какую сторону? — натянуто улыбнулся он.

— Нужно привести тебя в человеческий вид, — Мария поставила перед ним медный тазик с горячей водой.

— Все, как прежде. Я почти забыл об этом. Рабы, слуги, подчиненные — все стали на одно лицо, казались мне какими-то однообразными, скучными. В последнее время я даже не мог ни с кем поспорить. Представляешь? Спросишь, например, у чиновника или сенатора что-нибудь поперек его мыслей, а он улыбается, поддакивает, соглашается со всем, что ему ни предложишь.

— Они боялись тебя, да и сейчас боятся, — Мария опустила полотенце в горячую воду и затем приложила к его лицу.

— Ты ушла, потому что тоже боялась?

— Да, — робко ответила она. — Ты стал другим.

— Марк сделал меня таким.

— Он только подтолкнул тебя к этому, а все остальное ты сделал сам, Луций. Когда я тебя встретила, ты был другим. В твоих глазах был огонь. Когда я уходила, твои глаза были мертвы.

— А сейчас? — он повернулся к ней, не моргая.

— Сейчас в них живет надежда, — она улыбнулась и поцеловала его в лоб.

— Мария, скажи мне, кто ты? Я хочу знать. То, что ты не племянница Марка, это понятно. Но ни он, ни тот, с кем я сейчас, не рассказывают о тебе ничего.

— Я была танцовщицей, Луций. В Германии — может, помнишь? Ты тогда спас меня, — она опустила взгляд.

— Прости, но нет, не помню.

— Я была рабыней для увеселения мужчин, Луций. Долго рассказывать, как и почему я попала в рабство, но в итоге я очутилась в Германии, в доме, где что-то праздновали. Там мы впервые и встретились. Марк тогда выкупил меня и позже познакомил нас. Он просил ничего не говорить тебе и называться его племянницей. Вот и все. Мне было хорошо с тобой. Я любила и люблю тебя. Но когда ты стал меняться, превращаться в того, кем быть не должен, я испугалась. Нет, не за себя — за тебя. Михаил объяснил мне, чего хочет Марк, и мне пришлось уйти. Ради тебя, — она закрыла лицо руками и всхлипнула. — Теперь, когда ты знаешь, кем я была, ты не будешь со мной.

— Глупости. Не судите, и не судимы будете. Я не хочу знать того, что было до меня. Я знаю то, что было со мной, и мне этого достаточно.

Он снял с лица полотенце, положил его на стол и встал со скамьи. Мария бросилась к нему, привстала на цыпочки и поцеловала.

— Как же я скучал по тебе.

— И я по тебе скучала, — она снова заплакала.

— Теперь нас никто не сможет разлучить. Я обещаю!

Она доверчиво кивнула и вытерла слезы.

— Послушай, мы в этом доме уже столько времени. Ты живешь здесь одна?

— Нет, с Мартой. Учитель исцелил ее. Она была очень больна. За это он попросил ее приютить меня.

— Исцелил? Да, это он может. А где она сейчас?

— Сегодня большой праздник. Скорее всего, она в храме, где сейчас находится полгорода.

Вдруг дверь с грохотом распахнулась и с размаху стукнулась о стену. В дом влетели Петр и Фома. С обоих ручьями лился пот, лица были красные и разгоряченные.

— Беда, Луций! Беда! — орали во весь голос оба. — Учитель! Учитель!

— Что с ним?!

— Он громит храм!

— В каком смысле?!

— Пойдем, все сам увидишь. Мы боимся, что первосвященник приведет солдат. Тогда точно беда!

— Остальные с ним?!

— Почти все, кроме Иуды, он куда-то делся. Может, его схватили? Мы пока не знаем.

— Ясно, — Луций повернулся к Марии. — Мне нужно идти. Но я вернусь.

Они бежали по улочкам к центру Иерусалима, к главному храму. В нем, как уже стало известно Луцию, все сразу пошло не так, как надо. Пришедшие к Иисусу люди не просили его творить чудеса и читать им проповеди — они обвиняли его в том, что он самозванец, что дает надежду безнадежным, что называет себя царем и сыном Бога. Он слушал их, не произнося ни слова, а они все поносили и поносили его. Они хотели, чтобы он доказал священникам, что говорит правду, но случилось немыслимое. Храм был обнесен большой

стенной, а пространство внутри него разделено на дворы, самый большой из которых находился по центру. Местные купцы и менялы нашли этот двор подходящим для своих торговых целей, из-за чего повсюду на нем продавались животные для жертвенной подати и стояли разменные лавки для обмена храмовых монет. Шум и гам поглощал любого, приходившего сюда. Синедрион и Каиафа не только снисходительно смотрели на храмовую торговлю, но и поощряли ее. И когда народ привел сюда Иисуса в ожидании, что тот даст первосвященникам доказательства своего божественного происхождения, учитель в гневе стал переворачивать столы и выгонять продающих и покупающих.

— Дом мой домом молитвы наречется, а вы сделали его вертепом разбойников!

Все стояли и молчали, не зная, как поступить с этим безумцем. В этот момент прибыл Луций, а учитель все крушил и крушил торговые лавки и переворачивал меняльные столы. Генерал мгновенно оценил обстановку и тут же кинулся к Иисусу.

— Хватит, остановись!

— Что они творят, посмотри! Торгуют там, где должны молиться! Держат скот там, где нужно крестить! Продают то, что нужно давать бесплатно! Что же это?!

— Это всего лишь люди, учитель. Нужно уходить!

Из толпы выскочил Каиафа и заорал, указывая пальцем на Иисуса.

— Кто дает тебе право так поступать?! Ты — самозванец!

— Отец мой! Бог ваш!

— Успокойся, прошу. Им только это и нужно. Они не хотят тебя слушать! — оттаскивая Иисуса в сторону, пытался вразумить его Луций.

— Докажи, презренный, что говоришь правду! Сотвори чудо! — снова заорал первосвященник, и толпа поддержала его яростными криками.

— Уничтожьте храм мой, и в три дня я возведу новый!

Толпа только рассмеялась, крича ему в ответ, что он сошел с ума и что храм этот строился не одно десятилетие.

— Истину говорю я вам!

— Не нужна им твоя истина. Не сейчас. Нужно уходить.

Тут толпа расступилась, пропуская римских солдат. Позади них, не спеша, на белоснежном коне ехал прокуратор. Легионеры кинулись к Иисусу, чтобы схватить смутьяна, но Луций в два удара сбил одного солдата с ног, поднял оброненный им меч и его рукоятью приложил второго. Легионер, схватился за переносицу и упал на колени, сквозь его пальцы хлестала кровь. Ученики в ужасе разбежались в стороны. Петра схватила толпа.

— Вот один из них! Он повсюду ходил за этим самозванцем!

Испуганный Петр замотал головой, уверяя, что впервые видит Иисуса, и вырвался из цепких рук.

— Я не знаю его! Не знаю!

Остальных учеников не было видно, только Иуда шептал что-то на ухо Каиафе. Понтий подъехал ближе, наблюдая, как Луций раскидывает стражу. Уже четверо солдат, искалеченных генералом, катались по земле. Над Иисусом сверкнуло лезвие меча, но в сантиметре от головы остановилось: Луций вовремя парировал удал. Теперь уже Иисус кричал, пытаясь остановить своего ученика, но в воздухе раздался свист гладия, и очередной солдат завопил, схватившись за отрубленное ухо.

— Остановись, Луций, не нужно! Они схватят тебя!

— Луций! — знакомый голос окликнул генерала.

Верхом на коне сидел Понтий — он постарел и странно выглядел, будто был не римским вельможей, а неживой куклой в его облачении.

— Рад снова тебя видеть, дружище! Если тебя не затруднит, перестань кромсать моих солдат и обернись!

Луций, тяжело дыша, медленно обернулся и оцепенел: в шаге от него стоял его брат — в черных доспехах, с висящем на поясе мечом с рукояткой в виде змеиной головы. Он злобно улыбался, глядя на генерала исподлобья.

— Маркус?!

— Здравствуй, брат.

Последним, что видел Луций, был огромный кулак, влетающий в его челюсть.

Мария протирала тряпкой медный тазик, в котором недавно была вода. Она разглядывала в его дне свое отражение, такое же искривленное, как и ее жизнь. Она уже час стояла над этим тазиком, словно над иконой, когда на улице послышался приближающийся топот. «Наконец-то вернулись», — пронеслось у нее в мыслях. Мария распахнула дверь, но увидела на пороге солдат. Один из них держал за волосы Марту и постоянно кашлял.

— Это она?! — Клементий встряхнул девушку так, что та схватилась за его руку и взвизгнула от боли. — Она, я спрашиваю?!

— Беги, Мария! Они пришли за тобой!

— Схватить сучку! Только живой!

Мария пришла в себя уже на бегу, когда изо всех сил мчалась в расположенный неподалеку от их дома сад. Ноги сами несли ее туда. Она слышала, как бряцают позади доспехи преследующих ее солдат. Выставив перед собой руку и пригибаясь, она пробиралась сквозь заросли. Ветки деревьев нещадно хлестали ее по телу, цеплялись за одежду, до крови царапали нежную кожу. Мария выскочила на поляну, осмотрелась по сторонам и прислушалась, но кроме щебетания местных птиц и стука ее собственного безумно бьющегося сердца ничего не было слышно.

— Мария, — послышался тихий голос. — Мария, иди сюда.

Из кустов появился человек.

— Иуда? А где остальные?

Но Иуда только приложил указательный палец к губам и подошел ближе.

— Где Иисус? Где Луций? Что с ними?

— Все в порядке, не волнуйся, — он провел рукой по ее волосам и улыбнулся.

— Где все, Иуда?

— Все хорошо, ты скоро с ними встретишься! — он резко схватил ее за прядь волос и повалил на землю.

— Что ты делаешь?!

— Заткнись! — удар пришелся в область живота, и девушка стала хватать воздух ртом. — Сюда! Она здесь! Сюда!

— За что?

— За тридцать сребреников, моя дорогая! За такую сумму я продам родную мать, не то что вас!

Он намотал ее волосы на руку и несколько раз ударил лицом о землю. Убедившись, что девушка уже никуда не денется, Иуда снова позвал солдат. Наконец, запыхавшиеся легионеры вышли с разных сторон на поляну.

— Неплохая работа, Иуда! — Клементий похлопал его по плечу.

— Рад стараться! Только вот благодарность совестная меня мало интересует.

— Любишь деньги?

— А кто же их не любит?

— Держи! Заслужил! — Клементий вытащил мешочек с серебром, подбросил его несколько раз на руке и, сплюнув в сторону кровь, протянул деньги Иуде.

— А что с той ведьмой? С Мартой? — пряча заработок за пазуху, поинтересовался Искарот.

— Ждет тебя связанная в доме.

— Прекрасно! — Иуда потер руки и улыбнулся.

— Только приberi за собой, когда закончишь! — Клементий вынул кинжал из ножен и протянул его предателю.

— Как скажешь! — принимая оружие, ответил Иуда и поспешно скрылся в кустах.

— Девку связать и отправить в резиденцию к прокуратору! Приставить к ней усиленную охрану!

— А охрану-то зачем усиливать, командир?

— Затем, что это женщина Луция Корнелия, тупица!

Глава 43 ОН ПРЕДАЛ СНОВА

Влажный воздух пропах плесенью и мышами. Свет тоненьким лучиком тянулся из небольшого продолговатого окошка, больше похожего на трещину в кладке стены. Грязная солома была разбросана по полу, в ней копошилась огромная крыса: она что-то искала, словно здесь могло оказаться съестное. Руки и ноги Луция были закованы в цепи, которые выходили из выложенного неровным булыжником пола. Уныло позвякивая железом, опираясь спиной на мокрую и прохладную стену, он медленно приподнялся. Крыса испугалась и юрко спряталась в норе. Голова гудела, а тело болело — видимо, удар Маркуса не был единственным. Все-таки генерал никак не мог привыкнуть к новому для него ощущению боли.

— Ну, вот и все, дружище. Недолго тебе осталось, — вздохнул он обреченно. — Живым меня отсюда точно не выпустят. Почему сразу не убили? Интересно, с Иисусом уже покончили или еще нет? А что с остальными? Что с Марией? Снова одни вопросы. И снова нет ответов!

Он улегся на бок, подгрел под себя солому и прикрыл глаза, но его спокойствие длилось недолго: тяжелая, скрипучая дверь отворилась, и в нее важной походкой, прикрывая рот окровавленным платком, вошел Клементий.

— Ну и вонища! — кривя лицо от запаха, пробормотал он и сплюнул в сторону красным. — Впрочем, тебе здесь самое место. Как говорится, яблоко от яблони недалеко падает. И встань, скотина, когда с тобой разговаривает римлянин! — он с размаху ударил лежащего Луция ногой меж ребер.

Боль вспышкой молнии пронеслась по организму. За первым ударом последовали другие. Луций пытался подняться, но Клементий снова и снова сбивал его с ног. Генерал только и успевал, что закрывать голову и лицо руками, кряхтя и принимая удары. Когда Клементий устал и, закашлявшись, отошел в сторону, генералу удалось кое-как встать.

— Поднялся, сын шлюхи и предателя?! Ну, ничего, скоро тебя приколотят к кресту, и я лично буду следить за тем, чтобы твоя агония была долгой. Ты станешь умолять меня о смерти!

Луций молчал и лишь скрипел зубами от злости. Теперь он понимал, почему ему не дали убить этого выродка.

— Значит, не хочешь говорить? Ладно. Когда я приколочу твою девку напротив тебя, думаю, твои речи будут куда более многословными! — Клементий вышел и запер за собой дверь.

Место заключения мгновенно сузилось для генерала до невероятных размеров, и, казалось, Луций и сам уменьшился вместе с ним. Даже та крыса, которая снова высунула свою мордочку из норы, имела власти и свободы больше, чем он. Сильнее всего Луций переживал не за себя и даже не за учителя, тем более, не за его учеников — он боялся за Марию. Генерал понимал, на что способен Клементий, так как знал, на что совсем недавно был способен он сам.

Иисус смиренно ожидал перед большой аркой, ведущей в покои дворца наместника Иудеи. Четверо солдат охраняли его, хотя он не оказывал ни малейшего сопротивления.

— Это дом Пилата? — спросил Иисус, обращаясь к одному из легионеров.

— Да! И заткнись!

На вилле слышались голоса. Старший по дому, по всей видимости, вольноотпущенный, подошел к одному из конвоиров и велел ввести подозреваемого.

— Давай, пошел, сын божий, мать твою! — толкая задержанного взащей, скомандовал стражник.

Иисуса ввели в роскошную комнату, пропитанную тонкими ароматами дорогих благовоний и обставленную в лучших римских традициях. Посреди нее, в кресле, украшенном серебряными орлами, восседал Понтий. Рядом с ним стоял огромного роста преторианец в черных доспехах, отделанных золотом. Маркус покручивал в ладонях плеть, отчего та еле слышно хрустела. Он окинул взглядом стоящего перед ним человека с блаженным выражением лица, презрительно хмыкнул, подошел ближе и ударил по ногам так, что тот рухнул перед прокуратором на колени.

— Я задам тебе вопрос, а ты подумай хорошенько, прежде чем ответить мне на него, — потер виски Понтий. — Кто ты?

Иисус промолчал.

— Ты смеешь мне не отвечать?! Разве не знаешь, что я властен вершить над тобой любой суд и даже распять тебя, если понадобится?! Но и отпустить тебя на все четыре стороны я также могу.

— Я знаю твою власть, но эта власть не больше, чем власть над птицей, которой запретили летать. Она все равно полетит: в этом ее жизнь, дарованная Богом.

— Птица не человек, боли не чувствует! А ты даже представить себе не можешь ту боль, которую я способен тебе причинить!

— Могу, — тихо ответил Иисус и тут же получил плетью по спине.

— Не смей перечить прокуратору! — прикрикнул на него Маркус.

Учитель, морщась, поднялся с колен.

— Разве я могу перечить тому, кто сейчас выше людей?

Маркус снова взмахнул плетью.

— Стой! — крикнул прокуратор, и преторианец послушно опустил кнут, недовольно качая головой.

— Я вижу, язык твой подвешен неплохо и голова твоя работает хорошо. А ты знаешь, что первосвященники требуют распять тебя? Фарисеи и иудеи недовольны тем, что ты разгромил храм. Народ жаждет твоей казни, так как ты называешь себя пророком, коим не являешься.

— Людям свойственно ошибаться. Тем более в моей ситуации от людей мало что зависит, и тебе это известно куда лучше, чем остальным.

— Не понимаю, о чем ты. Тебя будут судить по римским законам и вынесут справедливый приговор.

— Я не сомневаюсь в твоей искренности, Понтий. Каждый человек может быть неправ. Стоит ли его винить в этом? И я не виню тебя за то, что ты собираешься сделать.

— А ты мне нравишься. Не зря за тобой таскалась безмозглая чернь. Теперь я понимаю, почему. Я знаю еще одного человека вроде тебя. Он может убедить любого в чем угодно. Посмотри на моего друга. Его зовут Маркус. Как думаешь, он тоже неправ? Только смотри не ошибись с ответом: этот парень шутить не любит, — рассмеялся Понтий.

— Маркус сделал выбор, это право любого человека. Зайти в темноту может каждый, но

выйти из нее по силам единицам.

— Прикажи убрать его отсюда, пока я не переломал ему ноги! — подойдя к Понтию, прошептал ему на ухо преторианец.

Прокуратор взглянул на Маркуса: тот трясся, словно в ознобе, все крепче и крепче сжимая в руках плеть.

— Да что с тобой?

— Убери его, — снова злобно пробормотал брат Луция.

Понтий сделал жест рукой, и несчастного выволокли во двор.

— Да что случилось-то?

— Все нормально! — расправил плечи и похрустел шейными позвонками Маркус.

— На допрос с пристрастием это не очень похоже! — воскликнул Клементий, входя в зал, и отрывисто закашлял.

— Что ты имеешь в виду?

— Я, Понтий, имею в виду то, что нужно показать народу, что бывает с теми, кто называет себя богами, помимо императора Тиберия!

— И что ты предлагаешь? Распят? Так я его и так распну. Чего же более?

— С него нужно спустить шкуру! И с Луция тоже! Приколоти их напротив друг друга, пускай народ потешится! А девку Луция я отдам своим солдатам прямо у распятия! И это будет только началом отмщения!

— Я бы на твоём месте, Клементий, все же вел себя более сдержанно.

— С чего бы это?! — Клементий подошел ближе и небрежно шлепнул Маркуса по доспехам, давая понять, чтобы преторианец отошел в сторону. — Знаешь, Понтий, меня помиловал сам император. Он лично мне приказал заняться этими людьми, и я имею все полномочия делать с ними то, что захочу и когда захочу. Учти это! — ткнул он указательным пальцем в грудь прокуратора.

— Ты угрожаешь мне в моей же резиденции? Не слишком ли много ты на себя берешь, Клементий? — Понтий нахмурил брови и привстал со своего места.

— Предупреждаю. Сам понимаешь, в наше время доносы — дело непредсказуемое. Любой может всякую чушь написать императору.

— Я в курсе. Не первый год тебя знаю.

— Вот и прекрасно! И я бы... — Клементий снова закашлялся, а в это время преторианец в черных доспехах сделал пару шагов вперед, схватил его за горло и слегка приподнял так, что он только носками касался земли. Клементий судорожно пытался разжать хватку Маркуса, а тот спокойно и равнодушно смотрел в искривленное от ужаса и боли лицо своей жертвы. Охранники кинулись было на помощь, но Понтий жестом остановил их, и они разошлись по местам. Даже солдаты самого Клементия только мельком поглядывали друг на друга и недоуменно пожимали плечами, боясь что-либо предпринимать.

— Ну, и где сейчас твой император? — подтянул жертву ближе к себе преторианец. Клементий лишь что-то хрипел, брызгая кровавыми слюнями на руку Маркуса. — Ты — ничтожество. Такой же, как и твой отец. Думаешь, можешь поливать мою семью грязью безнаказанно? Нет! — он с отвращением покачал головой.

— Познакомься, Клементий: это Маркус, брат Луция, — произнес Понтий с нескрываемой радостью в голосе и сел, будто победитель, на свое место.

— Я не позволю никому издеваться над Луцием! Это право принадлежит только мне! —

пальцы преторианца разжались, и Клементий, обхватив горло, рухнул перед ним на пол и зашелся в кашле. Вдруг тяжелый удар повалил его на спину. Подбитая гвоздями подошва опустилась на грудь, заставляя Клементия хрипеть и дергаться, словно червь, в попытках выбраться из-под ноги, которая неподъемным прессом прижимала его все сильнее и сильнее к полу. Если бы он знал, как сейчас похож на своего отца в тот момент, когда его убивал Сципион. Вскоре послышался звук ломающихся ребер, и Клементий всхлипнул кровавой пеной. Даже многое повидавшие на своем веку солдаты морщились и отворачивались в сторону. Клементий дернулся в последний раз, а нога Маркуса с неприятным хрустом провалилась в грудную клетку. Понтий прикрыл лицо рукой и понурил голову.

— Боги всемогущие, что ты наделал?!

— Знаешь, Понтий, кое-кто устал от него. Он исполнил свое предназначение, теперь он не нужен.

— И что мне написать императору? Что тот, кто фактически занял место Луция, умер у меня на вилле?! Да я же тогда пойду следом за этим сумасшедшим на крест, если не раньше него!

— Хватит пороть горячку, Понтий. Тиберий — песчинка в этом ничтожном мире, впрочем, как и ты. Так что не стоит о нем беспокоиться.

— Я верен императору! Я отдам за него жизнь! — внезапно заорал Понтий, вскакивая с места и ударяя себя в грудь.

— Да, да, да. Естественно, отдашь. Все поняли, что ты верен ему и тому подобное. Сядь и успокойся. Через месяц никто и не вспомнит об этом выродке. А старому маразматiku отпиши, что его ставленник пал смертью храбрых, защищая интересы императора и Рима. Да ты ведь знаешь гораздо лучше меня, что там писать.

— А если...

— Думаешь, Марк не сможет это уладить? — Маркус ухмыльнулся. — Ты сидишь здесь, и тебя не трогают. Чего тебе еще нужно? Славы? Ты ее получишь. Денег? Они у тебя есть. Так что, Понтий, делай, что говорят, и не перечь тому, кто стоит выше любого императора, если не хочешь закончить свои дни так же нелепо, как Клементий.

Прокуратор дрожащей рукой вытер испарину со лба. Закусив нижнюю губу, чтобы она прекратила трястись, он откинулся на спинку своего кресла и безвольно развел руками.

— А дальше что?

— А дальше я хочу видеть своего брата. И прикажи убрать отсюда эту падаль.

Луций лежал на полу, чувствуя, как замерзает его тело. От дыхания пошел густой пар. Он сел и потер озябшие плечи.

— Давно ты не приходил ко мне, — выдохнул он на ладони теплый воздух.

— Не было необходимости.

— А сейчас что, есть?

— Я бы не сказал. Мне просто жаль тебя. А еще больше мне жаль того, кого Он послал к вам. Я просил тебя избавить его от пыток и издевательств, но ты не послушал меня. Теперь его заставят мучиться. Я готовил тебя к престолу, чтобы ты прекратил людские страдания, но ты предал меня. И где, позволь узнать, теперь Бог, в которого он просил так слепо верить? Его нет. А я есть, и я здесь. Знаешь, Он всегда прятался за мной. Помню, египтяне слишком уж мучили еврейский народ. Он послал им Моисея, представляешь? Царевича фараона. Конечно, вы потом перевернули все на свой лад, придумав нелепую историю о том,

что Моисея усыновил сам владыка Нила. Бред полный, но в него поверили. Вы склонны все приукрашивать. Ты наверняка слышал о том, что там произошло, так вот это сделал я. И саранча, и мухи, и мор, и кровавая река — все это моих рук дело. Знаешь, Моисей долго бродил, клянчил, просил, придумывал всякие учения вроде тех, с которыми выступали ты и твой новый учитель. Но на него не обращали внимания. А потом появился я и спросил у Моисея, на что он готов пойти ради спасения своего народа, и знаешь, что он мне ответил?

— Что?

— Что он готов на все. Понимаешь? На все! И тогда я предложил ему выбрать десять казней. А все потому, что он принял меня за другого. Меня часто принимают за Него, поскольку я тоже слышу ваши просьбы и знаю, кто вы и что вы. Вот так ради спасения одного народа пришлось уничтожить другой народ. И теперь Моисей — праведник, Бог — отличный парень, а я снова плохой.

— Так ведь не Бог это сделал, а ты.

— А почему тогда он не остановил меня? Знаешь, мне кажется, мой братец разочаровался в вас, в людях, подобно тому, как твой брат разочаровался в тебе.

— Маркус, — Луций прикрыл глаза и печально вздохнул. — Что ты с ним сделал?

— Ничего. Дал ему право выбора, вот и все. А твой Бог, Луций, он дал тебе право выбора?

Из-за спины Марка возникла тень, потянулась по стене и преобразилась в горбатого карлика с разноцветными глазами.

— Ты убьешь меня?

— Убить тебя? Зачем? Я не привык избавляться от того, что сам же и создал. Я надеюсь, ты одумаешься.

— Я не буду больше никого убивать.

— Посмотрим, — Марк потрепал его рукой по волосам, как ребенка.

Генерал с отвращением дернул головой. В этот момент Авера кошкой кинулся в сторону, с радостной улыбкой на лице поймал ту самую крысу, которая обитала в камере, и без колебаний откусил ей голову. По комнате разнеслись отвратительный хруст и чавканье: Грешник жрал добычу с нескрываемым удовольствием, тщательно работая челюстями и смакуя каждый кусок. Заканчивая трапезу, Авера втянул в свою пасть омерзительно длинный хвост и громко отрыгнул.

— Он прекрасен, не правда ли? Само совершенство!

— Боюсь, я не могу согласиться с тобой, Марк.

— Он создан из ваших грехов, генерал. Из всех ваших самых мерзких, самых пошлых и самых извращенных фантазий и желаний.

Заскрипела дверь, в комнате потеплело, и в нее ввалились четверо солдат. И Марк, и Авера мгновенно исчезли.

— Вставай, тварь! Прокуратор хочет тебя видеть, — стражник пнул Луция в бок.

— Прояви уважение. Он все же генерал Черного легиона, — попытался остановить его сослуживец.

— Отвали, Лонгин! Мне плевать, кто он и кем был прежде! Сейчас он заключенный, а значит, хуже скотины! — стражник снова ударил генерала, после чего схватил за волосы и потянул вверх. — А ну поднимайся!

Когда Луция вытащили на свет, он, прикрыв глаза рукой, потянул носом свежий воздух, услышал женский смех и пение птиц. Однако его тут же бесцеремонно толкнули в спину, и

генерал, путаясь в оковах, но не падая, пошел вперед. Вскоре конвой прибыл на небольшой двор, ворота за ним закрылись. Даже со спины Луций узнал стоящего посреди двора брата.

— Я думал, ты умер.

— Знаешь, Луций, а я и вправду умер, — неспешно поворачиваясь, ответил Маркус. — Я не ощущаю ни солнца, ни воздуха, ни боли — вообще ничего, — он развел руки в стороны. — Когда-то я видел в тебе бога. Теперь я сам им стал! Мой брат — лучший полководец, бесстрашный воин, не знающий поражений! Он один с сотней солдат и преданными друзьями сдержал варваров. Он выигрывал битвы, которые были обречены на поражение. Он был любимцем императора. Он. Он. И еще раз он! С самого детства я хотел быть похожим на тебя. А ты меня предал! Ты всех предал!

— Прости, Маркус. То, что я делал, было ужасно. Марк затмил мой разум.

— Правда? — преторианец подошел ближе. — А помнишь Рема? Нашу собаку? Скажи мне, что ты чувствовал, когда убивал его? Убивал беззащитное, преданное, тобой же воспитанное существо, которое, между прочим, спасло мне жизнь! Что смотришь? Да, я знаю об этом. Думаю, ты чувствовал то же самое, когда приказал убить Ромула. Мне было не очень-то легко сделать это, но я не мог послушаться тебя, великого Луция. Интересно, а что ты чувствовал, когда убивал меня? Когда бросил меня на растерзание варварам?!

— Хочешь знать правду?

— Хочу.

— Ничего. Ничего я не чувствовал. Власть — вот единственное, чего я хотел и что я любил в тот момент. Даже некогда столь желанная месть перестала существовать для меня!

— Прекрасно, — Маркус улыбнулся во весь рот. — Знаешь, я сначала не поверил Анатасу, а он, оказывается, говорил правду. Ты и впрямь был лучшим из лучших. Я заменю тебя. Я стану тем, кем не смог стать ты. Я хочу только одного, Луций, — чтобы ты убил мессию. Пускай тот, кто прикормил волка, умрет от его зубов. Интересно, что будет чувствовать Иисус, видя, что его палач — один из его учеников?

— Я никогда не пойду на это, Маркус! Я не такой судьбы хотел для нас!

— Ты думаешь, я хотел такой судьбы?! Нет! Разве я сам научился убивать людей?! Ты был хорошим педагогом. Помнишь ту девушку? Помнишь?! — заорал преторианец.

— Нет, я не помню. Их было слишком много — так много, что их лица не остались в моей памяти.

— Зато я помню! Помню в мельчайших подробностях, как холодное лезвие резало ее молодое горло! Помню твой ледяной взгляд, твои глаза, в которых не было ни капли сожаления, ни толики раскаяния.

— Я не сделаю того, чего хочет Анатас. Можешь убить меня прямо здесь и сейчас, но я не пойду на это.

— Анатас? Брось! Этого хочет не он — этого хочу я!

— Ты глупец. Я уже попадался на эти уловки. Ты думаешь, будто это твои мысли, твои желания, но это не так. Я не стану делать того, что он хочет. Он попросту старается получить власть над миром, чтобы Творец усомнился в людях, когда они прольют кровь праведника, его сына. Я не стану делать этого. Я не стану больше убивать!

— Станешь! Я тоже не хотел убивать тех детей!

— Каких?

— Ты забыл?! Конечно, ты забыл! А я помню, как смотрел на них, как не хотел делать это, но ты приказал! Ты, великий Луций, генерал Черного легиона, не знающий страха и

поражения. Разве я мог послушаться тебя?!

— Я пребывал во тьме и не осознавал того, что понимаю сейчас. Маркус, посмотри на меня! Посмотри! Остановись, прошу!

— Нет, Луций, ты и сейчас во тьме. Разве можно бросить все ради иллюзий? Люди прокляты с самого начала. А ты предал то, что сам же и создал.

— Ты не прав, тобой овладела ненависть и жажда величия. Я был там, на вершине мира. Поверь, это не лучшая судьба.

Преторианец схватил Луция за горло.

— Быть над миром гораздо лучше, чем пресмыкаться здесь. Ты создал меня, и я с достоинством займу твое место! А теперь ты убьешь того, кого считаешь спасителем!

— Я никогда не сделаю этого. Лучше прикончи меня, Маркус. Я был по обе стороны и теперь могу сравнивать и выбирать.

— Сделаешь! Еще как сделаешь! Я знаю, что пытки не дадут результата: они действуют лишь на человека, который не знал боли. Но ты забыл о самом главном из того, чему меня учил, — забыл о беспощадности! Помнишь свои слова Луций? Никогда, ничего и никому не прощай! — преторианец хлопнул брата по щеке. — Приведите Марию, да живее!

— Маркус, ты не посмеешь! Прощу, не надо! Умоляю, Маркус!

— Уже посмел! Что посеешь, то и пожнешь! Я научился от тебя многому и в первую очередь — безжалостности. Помню, удивлялся Ратибору, недоумеваю, почему он оставался таким спокойным ко всему, что творится вокруг? К тому, что делал ты, к тому, что делал он сам. Теперь я понимаю, почему. Тебе интересно? Просто ему было плевать на нас. Он из другой породы. Он изначально ставил себя выше всех, и помогал он тебе лишь потому, что хотел отомстить. Только проблема в том, что его с самого начала водили за нос. С учетом его характера нужно было задавать ему цели, которые по странному стечению обстоятельств совпадали с твоими. И он беспрекословно подчинялся тебе, тогда как на самом деле пребывал в поисках убийцы своего отца. Знаешь, кого он искал?

— Почему ты говоришь о нем в прошедшем времени? — сглотнул образовавшийся в горле ком Луций.

— Потому что я убил его. А ты думал, что он бросил тебя и умчался в свою Скифию?! Нет, наверное, тебя это разочарует, но все было совсем не так. Видел бы ты его глаза, когда он умирал! До последнего он оставался воином. Не то, что ты. Даже осознавая неизбежное, он все равно продолжал сражаться. Да, кстати, он так и не смог отомстить.

— Кого он искал?

— Александра, слугу Анатаса. О! Я узнаю этот взгляд! Да! Я вижу ненависть, я ее чувствую. Это хорошо!

Ворота распахнулись, и солдаты втоптали во двор женщину. Она не кричала, не сопротивлялась, ее лицо не выражало эмоций, одежда кое-где была порвана, на теле виднелись ссадины и кровоподтеки. Ее поставили на колени рядом с Луцием. Маркус медленно вытащил меч из ножен и приставил к ее лицу.

— Не надо, — еле слышно сказал генерал, и по его грязной щеке скользнула слеза. Он смотрел на Марию, а она смотрела на него.

— Прощу, не надо, она ни при чем.

— А разве при чем была жена Бартуса? А его дети? Разве при чем был Ромул? А при чем был наш пес? Убивай, не раздумывая! И никому ничего не прощай! К тому же не вижу иного способа заставить тебя сделать то, что от тебя требуется.

— Прошу, остановись!

Острое лезвие слегка ушло вверх, оставляя за собой кровавый след на нежной женской коже. Мария прикрыла от боли глаза, но не дернулась.

— Маркус, прошу, не надо.

— Так ты согласен?! Что-то я не пойму?

— Да! Да! Будь ты проклят! Да! Я сделаю то, что вы хотите!

— Нет, Луций! Пускай они убьют меня! Не делай этого! Он превыше всего! Я этого не стою! Никто этого не стоит!

— Уберите эту суку с глаз долой! — крикнул Маркус стоящим рядом солдатам.

Девушку схватили под руки и поволокли прочь. Она все кричала и кричала о том, чтобы Луций не шел у них на поводу. Даже когда ворота захлопнулись, голос Марии еще можно было разобрать за задорным хохотом местных служанок, которые прихорашивались на верхнем балконе виллы прокуратора.

— Теперь ты понял, в чем твоя слабость, — самодовольно произнес преторианец. — Если честно, я удивлен тем, насколько быстро ты согласился. Я готовился к худшему. Думал, придется резать ее нежное тело на куски и скармливать плоть собакам у тебя на глазах. Но ты — не знаю, к радости или к сожалению, — принял решение быстро. И, могу признать, правильное решение! — Маркус хлопнул брата по плечу.

— Я не позволю ему мучиться. Слышишь меня?

— Прекрасно слышу, Луций. Прекрасно.

— Я ненавижу тебя, Маркус, — сжимая кулаки, еле выдавил из себя генерал.

— Отлично! Значит, в нас есть что-то общее! Я тоже не особо рад тебя видеть. Ты предал — предал снова. Сначала то, за что боролся, потом друзей, следом меня, а теперь и своего учителя. Ты и только ты будешь принимать участие в казни. Ты лично приколотишь своего мессию к деревянной площадке!

— Прошу, не трогайте ее. Я все сделаю. Умоляю, Маркус, не причиняйте ей вреда.

— Хорошо, брат. Если, конечно, ты обещаешь, что сделаешь все, что надо, и так, как ты умеешь, и нам больше не придется тебя уговаривать.

— Да! Даю слово!

— Ты всегда исполнял свои обещания. Я верю тебе. Ее отпустят сразу же после того, как ты сдержишь слово. Я прикажу, чтобы она могла делать все, что ей заблагорассудится. Думаю, мы подарим ей твое имение, как прежде ты подарил мне владения Ромула. Пожалуй, это будет хороший подарок, особенно если учесть, что ей пришлось пережить.

— А что будет со мной?

— Ты заботишься о своей шкуре? На тебя непохоже.

— Просто любопытно.

— Могу пообещать только одно: ты исчезнешь.

— Убьете меня? Что же, справедливое наказание за все то, что я сотворил.

— Поверь мне, Луций, — Маркус подошел ближе, и в его глазах вспыхнул зловещий огонь. — Смерть — не самое страшное, что случается с человеком.

— Чего вы от меня хотите?! Вас нет, вы мертвы! — Понтий метался по темной круглой комнате. В ее центре стояли Ромул, Мартин и Ратибор. Они молча наблюдали, как прокуратор бегал по кругу и шарил руками по шершавым стенам, пытаясь нащупать выход. — Я устал! Оставьте меня! Я и так подвергаю себя опасности! Я не могу иначе! Не могу! — окончательно выдохшись, он упал на колени и закрыл руками лицо. — А-а-а-а! Ну, оставьте же меня в покое! Оставьте! Я и так помог ему! Не от меня все зависит! Не от меня!

Понтий почувствовал, как кто-то прикоснулся к его ладони, вздрогнул и открыл глаза. Пес, немного поскуливая, облизал руку и положил свою большую голову ему на колени. У прокуратора от виска по щеке стекал пот. Капля на мгновение зависла на подбородке и упала вниз.

— Душно сегодня, правда? — обратился он к собаке и потрепал ее по голове. Та умно смотрела на своего хозяина. — Ты один меня понимаешь, — Понтий вытер влажное лицо краем тоги. Пес ощетинился, сорвался с места и зарычал на дверь. — Тише. Тише. Все хорошо. Успокойся.

Дверь открылась. Сначала в пустом пространстве послышались тяжелые шаги, затем из воздуха материализовался Маркус. Пес, поджимая хвост, скуля и пятясь назад, улегся у ног хозяина, прикрыл морду лапами и затих.

— Зачем ты отправлял его к Ироду?! — преторианец остановился в нескольких метрах от прокуратора.

— Он назвался царем иудейским!

— И что из этого?! Ты вправе решать все сам! Господину не пристало спрашивать согласия у покоренного народа! Не играй с огнем, Понтий!

— Я просто...

— Свое «просто» засунь куда подальше! Ты хотел прославиться?! Так делай, что тебе говорят! И без самоуправства. А то прославишься посмертно! — Маркус развернулся на пятках и вышел. Пес вскочил и залаял ему вслед. Понтий дрожащей рукой снова вытер испарину с лица.

— Доволен?

— Кто здесь? — прокуратор осмотрелся по сторонам.

— Я думал, мой сын имеет свой разум, а он стал марионеткой, идущей на поводу, словно баран на убой.

— Ты мертв, тебя нет!

— Тебя тоже нет, Понтий. С тех самых пор как ты вышел с ипподрома. Не убивай праведника. Сделай хоть что-то хорошее в своей никчемной жизни.

— Тебя нет! Нет! Нет!

— Они прославят тебя так, что мало не покажется. Всех вас прославят.

— Тебя нет. Я сплю. Это сон, всего лишь дурной сон!

Понтий почувствовал, как кто-то прикоснулся к его ладони, вздрогнул и открыл глаза. Пес, немного поскуливая, облизал руку и положил свою большую голову ему на колени. У прокуратора от виска по щеке стекал пот. Капля на мгновение зависла на подбородке и упала вниз.

— Что-то мне совсем нехорошо, дружище, — собака только вильнула хвостом. — Нужен свежий воздух, а то как-то душно. Ты так не считаешь?

В Иерусалиме народ уже собрался, чтобы судить и казнить спасителя человечества. Солнце с самого утра пекло. Выходить из тени на душные, пыльные, переполненные людьми улочки было неприятно, но это не могло остановить толпу, которая жаждала развлечения. Терзание чужой плоти всегда доставляло удовольствие: то, что к дереву приколотили не тебя, а кого-то другого, уже само по себе было праздником. Приговоренных судили на главной площади, а потом вели через весь город к горе, которую местные жители называли Голгофой. Это был небольшой холм, якобы похожий на человеческий череп — по крайней мере, если смотреть на него с высоты. Так говорили.

— Можно подумать, что тот, кто так назвал эту гору, умел летать, — подумал Луций, когда с него снимали цепи.

Ночью его вымыли, побрили и постригли. Солдаты принесли и бросили к его ногам форму легионера.

— Чего смотришь? Одевайся! Ты сегодня за палача! — заржал стражник, ослабив свой наполовину беззубый рот.

— Пошел вон! — не поднимая взгляда, прорычал Луций.

— Что?! — тот резко перестал смеяться и занес над головой палку.

Однако генерал перехватил руку и отпихнул солдата в сторону.

— В следующий раз я тебе ее сломаю.

— Вот ублюдок! — стражник в гневе сплюнул в сторону, но усугублять положение побоялся. — Одевайся, тварь, через полчаса мы придем за тобой! Пошли, ребята! — скомандовал он, и дверь закрылась.

— А вдруг это и вправду он? — донеслось уже издалека до Луция.

— Заткнись, Лонгин! Генерал Луций Корнелий утонул при кораблекрушении! Это просто самозванец! Как и тот царь иудейский, сын, мать его, божий! Не мели чушь!

Луций неспешно наклонился, поднял пластинчатый панцирь и надел его на себя. Доспехи сидели неудобно, а может, он просто отвык от них. Генерал несколько раз ударил себя кулаком в грудь: послышался глухой звон железа. Следом он повязал пояс, закрепил ножны от меча и кинжала — самого оружия в них не было. Солдатские калиги на его ноги надели еще ночью. Шлем он взял под правую руку. Истерзанное шрамами тело снова было облачено в военную форму. Дверь открылась, и в нее вошел Маркус. Оглядев брата, он одобрительно кивнул головой. В правой руке он держал гладий.

— Доволен?!

— Более чем, — Маркус протянул Луцию меч рукояткой вперед, но тут же резко одернул его обратно. — Только без глупостей, братец! — предупредил преторианец, после чего отдал генералу гладий, а затем вынул из-за пояса и тоже передал Луцию кинжал.

— Пойдешь со мной как конвоир?

— Ну, что ты. Зачем? У меня есть твоя девка и твое слово. Я думаю, этого достаточно, чтобы не беспокоиться за тебя. Увидимся, когда все будет кончено.

— А Марк говорил, что не желает ему зла, — с грустью и обидой произнес Луций.

— Он и не желает. Это вы причиняете ему зло.

— Да, но по вашей прихоти!

— Откажись. У тебя есть выбор!

— Зато его нет у Марии! — Луций сделал шаг вперед и, толкнув брата плечом, вышел из комнаты в коридор, где его дожидались солдаты.

— Распни его! Распни! — гудела толпа.

С каждой секундой народ все громче требовал крови. Луций стоял позади Иисуса, опустив голову. Люди ликовали, всем было плевать и на чудеса, и на благодать, и на учения. Зачем что-то познавать, если это можно просто уничтожить? Так просто и так легко. Что-то, а разрушать люди научились в совершенстве. Где-то в середине толпы стоял Марк в темном, почти черном балахоне с накинутым на голову капюшоном. Толпа скандировала только одно: «Распни!». Люди прыгали, орали мерзости, швыряли в обвиняемого всякую дрянь. Марк стоял неподвижно, словно статуя. Его толкали в бока, напирали со спины, но он, не шелохнувшись, наблюдал за происходящим из глубины своего темного капюшона.

— Этот человек лечил людей в праздники, вопреки нашим законам! Подстрекал не платить податей! Разрушил храм! Называл себя царем иудейским! Называл себя сыном божьим, коим не является! Выдумал свои лжеучения! И что нам с ним сделать?! Подскажите мне, добрые и справедливые люди! — во всю глотку вопрошал с помоста Каиафа.

— Распять его! Распять! Распять! — хором скандировала толпа.

Первосвященник обратился к Понтию.

— Нам известно, что он развращает народ наш и запрещает нам платить подати Кесарю, а также называет себя царем! Ты знаешь, гегемон, что закон требует казни за это! Знаешь также, что Цезарь приказал немедленно приговаривать к смерти любого человека, который восстает против Рима! А он есть мятежник!

Прокуратор встал со своего места, успокаивая народ жестом руки. Когда толпа притихла, он повернулся к обвиняемому. Кто-то из солдат толкнул Луция в бок.

— Подойди к гегемону, учитель. Прошу, — шепотом, не поднимая взгляда, попросил генерал. Иисус сделал шаг вперед.

— Скажи мне, Иисус из Назарета, ты царь иудейский?

— Ты говоришь, прокуратор, не я.

Толпа снова взревела и полезла вперед. Полетели камни, один чудом не задел Понтия. Солдаты оттеснили толпу назад, особо не церемонясь с собравшимися.

— Пороть его! Тридцать девять плетей! — воскликнул прокуратор.

На скулах Луция заходили желваки, он стал нервно оглядываться по сторонам. Голоса окруживших их людей слились в один общий гул. Генерал только видел, как раскрывались сотни ртов, и слышал монотонный, однообразный звук. Его снова пихнули в бок, в этот раз Каиафа.

— ...не слышишь приказа?!...быстро! — доносились до него отдельные фразы первосвященника. Перед глазами, словно знамение, стоял образ Марии: «Ты не такой плохой человек, Луций. Не такой плохой. Не такой...»

— Вперед! — пересилив себя, генерал подтолкнул Иисуса в спину.

Солдаты сняли с приговоренного одежду и пристегнули его к столбу. Старший протянул Луцию римскую плеть флагрум, специально приспособленную для экзекуций: из короткой тяжелой ручки выходило десять кожаных ремней разной длины с вплетенными в них свинцовыми шариками. Генерал опустил ее, тихо позвякивая металлом.

— Тридцать девять ударов! — прокричали позади Луция.

Генерал поднял взгляд: перед ним раздетый донага человек, прикованный к столбу. Он

сам стоит, слегка покачивая плеткой, которая даже при малейшем движении посвистывает, разрезая воздух. Собравшиеся ржут, предвкушают наказание, делают ставки на то, выживет ли человек после порки. Да, деньги зарабатывались даже тут: приговор приговором, а развлечение никто не отменял.

— Тридцать девять ударов. Тридцать девять. Если твой Бог так милосерден, как ты говорил, надеюсь, ты умрешь после двадцатого, — тихо произнес Луций и занес плетку над головой. Наступила гробовая тишина, которую нарушил только мерзкий свист в воздухе и звонкий щелчок. Иисус вздрогнул всем телом и закричал. Толпа взорвалась радостью и аплодисментами, словно люди находились в театре.

— Раз! — сосчитал главный из стражников.

Плеть снова и снова со свистом хлестала преступника по плечам, по спине, по ногам. Закрепленные на ремнях свинцовые шарики сначала оставляли на коже огромные синяки, а через несколько ударов и вовсе разорвали ушибленные места. Из капилляров заструилась кровь. Тяжелые ремни врезались в подкожные ткани. Еще удар — и кровь захлестала уже из мышечных артерий, а кожа на спине повисла клочьями, неразличимыми в общем кровавом месиве.

— Тридцать девять! Все! — старший подошел к Луцию и хлопнул его по плечу. — Хорошая работа. Ты просто создан для этого. Пойду проверю, дышит ли он еще.

Генерал закусил губы и дрожащими руками сжал рукоять плети, с которой на землю капала вязкая и липкая кровь праведника. Он весь взмок, пот лился ручьями по его лицу и спине. Луций вытер лоб тыльной стороной ладони. Назойливая муха кружила рядом и мерзко жужжала.

— Живучий, паскуда! — ухмыльнулся солдат, отстегивая несчастного от столба.

Еще два стражника сплели из терновника венки и передали своему старшему. Тот, покрутив его в руках, с улыбкой возложил украшение на голову Иисуса. Шипы, распарывая кожу и вонзаясь в плоть, накрепко впились в тело.

— Радуйся, царь иудейский! Твои подданные собрались здесь, чтобы почтить тебя, о, великий! — он схватил бедолагу за волосы, смачно плюнул ему в лицо и с силой отпихнул от себя ногой.

Истерзанное, полуживое тело почти бесшумно повалилось на пыльную землю и застонало. Каиафа подошел к нему, также пнул ногой и плюнул. За ним потянулись остальные. Луций, скрипя зубами и дергая шеей, судорожно сжал рукоять плетки и отвернулся. Он только слышал брань и глухие удары, плевки и оскорбления.

— Прости меня. Прости. Знаю, что не прав, но не могу по-другому. Они просто убьют ее. Все знаю. Червь я, а не человек. Буду проклят чужими и забыт своими. Знал, что случится так, и не остановил тебя. Не помог, — пальцы все крепче впивались в рукоять плети, дабы не нащупать ручку гладия.

— Хватит! Довольно! — воскликнул Понтий. — Выведите его к народу вместе с другими осужденными на смерть! Сегодня праздник, и люди должны по обычаю помиловать одного из них, — он прошел мимо Луция с явной насмешкой в голосе. — Может, тебе повезет, и они освободят твоего спасителя?

Трясущееся, мало похожее на человека тело вывели к толпе и поставили рядом с тремя преступниками, которых доставил прокуратору Клементий. Одного из них Луций узнал, хотя и не помнил по имени — того самого, который пытался их ограбить, когда они заночевали в пути после переправы через озеро.

— Народ! Вот ваш мессия! Стоит перед вами! И вот рядом с ним три преступника! Дисмас, Гестас и Варавва! — указывая на каждого рукой, начал свою речь прокуратор. — Эти трое грабили, убивали и насиловали. Варавва был их главарем. Долгое время они терроризировали окрестности Капернаума, но от великого Цезаря, божественного Тиберия, никто не скроется, и никто не избежит расправы и справедливого наказания! По нашему обычаю на праздник Пасхи я отпущу одного из них. Хотите ли вы, чтобы я отпустил спасителя вашего, царя иудейского?

— Отпусти Варавву! — воскликнул Каиафа, и его голос утонул в реве толпы.

— Отпусти Варавву! Варавву! А этого распни! — бездумно, фанатично, все как один заорали зрители.

— Да будет так! Ваше право! — Понтий демонстративно вытянул вперед руки, а раб поспешно поднес кувшин с водой и полил ему на ладони. — Распять его! — он подошел к генералу и тихо добавил: — Сам видишь, нет крови его на мне.

— Его кровь будет на всех нас и на детях наших. Тебе не понять этого до самой своей смерти, друг Понтий. Знай одно: сейчас ты прославил имя свое, как никто из живущих. Никогда тебя не забудут!

На рваную спину Иисуса взвалили крест, и он упал под его тяжестью, однако стражники пинками заставили его подняться. Непонятно, откуда в нем было столько силы и столько воли. Когда он вышел за стены города, его лицо представляло собой месиво из слюны, крови и пыли. В него летели камни и помои, оскорбления и проклятия, а он все шел, таща на своих плечах смертельную поклажу. Петр, прячась в толпе, незримо следовал за своим учителем, проклиная себя за то, что трижды отрекся от него. Были среди зрителей и остальные ученики, и исцеленные им люди, но все они боялись открыто сочувствовать. Боялись потому, что не пришло пока время: страх смерти сковывал их и заставлял так поступать.

Дорога на Голгофу начала подниматься вверх. Иисус припал на одно колено. Он тяжело дышал, а шипы венка все глубже вонзались в его кожу. Солдаты снова стали его избивать, и тут уже Луций не выдержал. Он растолкал их в стороны, а они схватились за оружие.

— Ты что себе позволяешь?!

— Подумай сам, что сделает с вами прокуратор, если он помрет здесь, не дойдя до места казни? Посмотри на него: еще немного — и распятие ему не понадобится!

Старший взглянул на чуть живого приговоренного, потом на Луция и убрал руку с меча.

— Что предлагаешь?

— Эй, ты! Да, ты! Иди сюда! — недолго думая, подозвал к себе одного из зевак генерал.

— Я что ли? — удивленно осмотрелся по сторонам мужчина, указывая на себя пальцем.

— Да, ты! Иди сюда! Живее!

Толпа выплонула его из своих рядов, и мужчина оказался перед солдатами.

— Тебя как зовут?

— Симон Киринеянин, — еле слышно пробормотал человек, стараясь не смотреть в глаза Луцию.

— Помоги ему донести крест, Симон.

Мужчина недоуменно посмотрел на генерала. В его глазах читался простой человеческий вопрос: «Почему я?». Старший из стражников толкнул его в спину.

— Давай, пошел! Делай, что сказано!

Сухой ветер сносил с холма мелкую пыль. Она остро и больно била по телу своими едкими песчинками, которые скрипели на зубах, раздражали глаза и, казалось, даже

проникали сквозь кожу. И чем ближе процессия подходила к холму, тем хуже становилась погода.

— Поскорей бы закончить! Погода портится! — прикрывал лицо от пыли Лонгин.

— А тебе-то что?! Нам приказано стеречь их, пока не убедимся, что они подошли! — ответил старший, щуря глаза.

Когда процессия поднялась на Голгофу, погода снова успокоилась, настала тишина, нарушаемая чуть слышным хлопанием крыльев большого черного ворона, который одиноко парил в прозрачном небе. Тяжелый крест упал на сухую почву, подняв вверх столб пыли. Два других уже лежали неподалеку. Солдаты отгоняли зевак подальше от места казни.

— Держи! — старший поднял с земли молоток и протянул Луцию.

— А сам что?!

— А я не палач! — зажав одну ноздрю, солдат презрительно высморкался в сторону. — И давай не выделывайся, — ткнул он Луция инструментом в грудь. — Приступай. А то сам знаешь, что с ней будет!

Один из осужденных попытался вырваться, но его повалили на землю и избили. Он стонал и молил о пощаде, но тщетно: его втащили на крест первым, прижимая к дереву руки и ноги.

— Чего встал?! Приступай! — старший снова протянул генералу молоток и гвозди.

Луций схватил их и быстрым шагом подошел к приговоренному. Молот взмыл вверх и ударил по шляпке гвоздя. Раздался хруст и истошный крик. Легионеры, которые держали преступника, заржали, передразнивая несчастного и корча рожи. Луций вбивал гвозди, еще и еще. Затем солдаты схватились за веревки, и распятый взмыл к небесам. Дисмас, еле живой от боли, плакал, взывая к милосердию, но это еще никому не помогало.

«Таранка», — пронеслось в голове Луция.

И снова молот взлетел ввысь и упал обратно. Второй несчастный молча сжал зубы и закатил глаза. Солдаты, цокая языками, одобрительно закивали: что-что, а мужество в римской армии ценилось всегда, пусть даже и посмертно. Когда крест подняли, Гестас сделал глубокий вдох и изверг на своих палачей длинное проклятие, перемешанное с отборной руганью. Солдаты в ответ аплодировали и ржали что есть силы. Старший, красный от смеха, вытирал слезы, будто это была вовсе и не казнь, а какое-то безумное увеселение. Пока легионеры забавлялись, слушая брань распятого преступника, Луций подошел к Иисусу, который лежал, скрючившись, на земле и трясся всем своим истерзанным телом.

— Ты говорил, что твой отец милосерден. Почему тогда он допускает такое? Почему не избавит тебя от страданий? Почему твой отец позволяет истязать тебя своим же собственным созданиям? Попроси его истребить всех нас, ведь ты же его сын!

— Луций, Луций... Думаешь, я не могу умолить своего отца послать ко мне на помощь своих архангелов? Могу. Но не стану. Так нужно.

Ветер затих, а вместе с ним и толпа. Ворон камнем упал вниз, исчезнув в гуще зевак. Даже солдаты замолчали. Старший смачно сплюнул сквозь зубы и кивком в сторону приговоренного показал Луцию, чтобы тот не медлил.

— Вперед! — выдавил из себя солдат и подтолкнул ногой молоток к генералу.

— Прости меня, — наклонился тринадцатый над ухом учителя.

— Бог прощает, а я зла не держу.

Взмах молотка. Крест с табличкой «Иисус из Назарета. Царь иудейский» взмыл над землей.

Воины делили одежду казненных, бросая жребий, кому что достанется. Луций сидел напротив креста, кусал губы, раскачивался из стороны в сторону и скулил, словно пес. Зеваки ликовали: представление удалось на славу.

— Других спасал, а самого себя спасти не может. Если он Христос, царь израилев, то пусть теперь сойдет с креста, чтобы мы увидели это чудо, и тогда уверуем в него. Уповал на Бога, так пусть теперь отец избавит его от страданий, если он угоден ему. Ведь сам говорил: «Я божий сын», — насмеялся издали Каиафа вместе с книжниками, старейшинами и фарисеями.

— Давай! Ну же! Сойди с креста! — воины манили Иисуса к себе, показывая жестами, чтобы тот спустился.

— Да, мерзкий ублюдок, спаси себя и нас заодно! — орал Гестас, стараясь смеяться, несмотря на адскую боль. — Давай, божий сынок, сотвори чудо!

Рука Луция предательски потянулась к мечу, но воин, стоящий с ним рядом, подставил к его шее копьё.

— Я думаю, не надо этого делать, — тихо произнес он, и бывший генерал разжал руку и убрал ее с гладия.

Дисмас медленно открыл глаза, приподнялся, преодолевая боль, чтобы сделать вдох, и завис вверху.

— Успокойся, Гестас. Довольно сквернословить. Хотя бы последние мгновения проживи, как человек. Или ты не боишься Бога, когда и сам осужден? Но мы осуждены справедливо, потому что достойное наказание по делам нашим приняли, а он ничего худого не сделал, — Дисмас перевел взгляд на Иисуса. — Помяни меня, Господи, когда придешь в царство твое.

— Истину говорю: сегодня же со мной там будешь, — еле слышно пошевелил в ответ губами спаситель.

Вскоре на Голгофу прискакал всадник на черном коне. Спешившись у крестов, он передал поводья стоящему рядом воину и направился к Луцию — тот узнал в нем своего брата. Доспехи Маркуса не сверкали, они были матово-черными. Плащ такого же цвета мрачно развивался на ветру. На ходу преторианец снял шлем.

— Ну что, солдат, ты видишь, к чему привела твоя гордость? Ты сам учил карать предателей так, чтобы об этом помнили все остальные и боялись даже подумать о восстании против Кесаря.

— Я вижу, Маркус, ты обрел власть над Черным легионом? Тебе идут мои доспехи. Ты оказался хорошим учеником, слишком хорошим! Я чувствую, что ты превзойдешь меня. Но знай, что ты не сможешь остановиться. Кровь, она как вино: вкусив немного, тебе захочется еще и еще — до тех пор, пока не захмелеешь. Кровь, Маркус, вызывает привыкание. Увы, мне понадобилось слишком много времени, чтобы понять это. Знаешь, я рад, что ты выжил. Правда, рад. Прошу только одного: не верь Марку. Он не человек, Маркус. Он пережует тебя и выплюнет. Поскольку тебя поставили на мое место, ответь мне: что ты скажешь моим воинам, когда они спросят обо мне?

— Это уже лишнее, мой друг. Легион будет моим, и я уже знаю, как распоряджусь им! Поверь, моя слава затмит твою тысячекратно!

— Я выковал свою славу из страдания и ненависти. Ты видишь, к чему она меня привела. Я мечтаю о смерти, Маркус. Я не хочу топтать землю после того, что совершил. Остановись, пока не поздно, не повторяй моих ошибок!

— Ты глупец! Я пройду по миру с мечом и огнем! Меня будут бояться, как и тебя! Нет на свете такой силы, которая была бы способна остановить Черный легион! Тебе ли не знать этого? Я буду вырезать деревню за деревней, город за городом, народ за народом, пока не покорю всю землю!

— Ты становишься похожим на меня. Точнее сказать, ты становишься похожим на то чудовище, которое создал Марк. Я думал, ты умер, а ты выжил. Господь дал тебе второй шанс, а ты приговорил себя.

— Заткнись! — прокричал Маркус и ударил Луция по щеке. — Это ты себя приговорил! Не носи чушь, если не знаешь, о чем говоришь! Посмотри туда! Посмотри! Он висит на кресте, а ты сидишь здесь! Можешь избавить его от мук — я не стану тебе в этом препятствовать! Я же не лишил тебя оружия! Теперь решай, мучиться ему долго или умереть быстро! Считай, это мой последний тебе подарок, брат.

Маркус пнул Луция в живот ногой, и тот упал на лопатки.

— Решай: его жизнь теперь в твоих руках! Мне эта падаль ни к чему. Побудь теперь и ты палачом! Считай, что тебе передает привет Ромул. Да, кстати, может, ты припомнишь свои навыки и прикончишь всех тех, кто здесь распят?! Помню, раньше у тебя неплохо получалось убивать беззащитных людей: младенцев, женщин, стариков. Не верю, чтобы ты так быстро изменился, — Маркус взял поводья и вскочил на коня. — Да, Луций. Я, как и обещал, отпустил Марию. Только вот беда: некий Иуда Искариот написал донос первосвященнику о ее причастности к распятому. Как ты считаешь, что он с ней сделает, когда обнаружит это письмо у себя? Думаю, он придет домой гораздо раньше, чем умрет этот твой спаситель человечества. Смерть на кресте долгая, если, конечно, не ускорить ее!

Маркус ударил коня пятками в бока, и тот сорвался с места, поднимая за собой клубы пыли.

Луций лежал на земле бледный, как смерть, и смотрел в небо остекленевшим взглядом.

«Не убей! Не укради! Возлюби врага своего! Подставь щеку!» — словно команды, врезались в мозг слова того, кто сейчас был приколот к деревянной площадке.

— Пить, — послышалось сверху.

Луций вскочил, но легионеры оттолкнули его в сторону.

— Пошел вон, вражий прихвостень! Ты хочешь пить?! Лонгин, дай этому царю всех людей напиться!

— Конечно! — усмехнулся тот, окунул губку в чашу с уксусом, насадил на кончик копья и поднес к губам Иисуса.

— Свершилось, — вкусив уксуса, проговорил спаситель, посмотрел на солдат и остановил взгляд на Луции. — Помни заповеди мои. Помни о выборе. Последние грехи взял я ваши. Отче, в руки твои предаю дух мой!

— Может, перебить ему ноги? — повернувшись к старшему, спросил Лонгин.

— Прокуратор не велел.

— Нам что тут, несколько дней с ними торчать?!

— Хватит! Хватит! Довольно! — заорал Луций.

Его пытались остановить, но он раскидал солдат, как щенков. Один Лонгин остался стоять перед крестом. От ужаса, который вызывал в нем бешеный вид генерала, он даже не шелохнулся, когда Луций забрал у него копье и подошел ближе к Иисусу.

— Прости меня! Прости за то, что сделаю. Прости за все! Прости наш безумный мир Прости нас всех! — сказал он и пронзил грудь распятого.

Луция сбили с ног, скрутили и оттащили от креста, но поздно: тело приговоренного обмякло. Наступила полная тишина, солнце затянулось свинцовыми тучами, и крошечная тьма накрыла землю.

— Прости меня! Прости! — кричал обезумевший Луций, но его уже никто не слушал.

Раздались раскаты грома, небо озарили молнии, земля содрогнулась. Начался проливной дождь, взвыл ветер. Люди в ужасе стали разбегаться по домам. На проклятой горе остались лишь солдаты, да и те пятились назад от распятых.

— Простинас всех! — иступленно продолжал кричать Луций, сидя на земле.

Дождь хлестал его по лицу. Вдруг яркая молния разрежала небо и ударила в гору, потом еще раз. Небо содрогнулось от раскатов грома. Солдаты бросились врассыпную. Лишь только один легионер медленно подошел к бывшему генералу.

— Я прозрел.

— Что? — переспросил Луций, утерев лицо и посмотрев на него.

— Я верю тебе и ему, — задыхаясь от восторга и переполняющей его радости, проговорил воин. Это был Лонгин.

— Почему?

— Посмотри на мое лицо: оно в крови. Кровь твоего учителя попала на меня, когда ты избавил его от насмешек и мучений. Больше годанзад я получил в бою ранение, от которого один мой глаз перестал видеть, а сейчас случилось чудо: мое зрение вернулось ко мне. И это произошло именно в тот миг, когда его кровь попала на меня!

— Пошел прочь!

— Что?

— Убирайся! Я не хочу больше тебя слушать, уходи! Проваливай! — закричал Луций и машинально схватился за меч, но, одумавшись, поднялся с земли, обхватил голову руками и побрел прочь, хлюпая по грязи, не выбирая дороги.

Лонгине еще некоторое время стоял рядом с распятым. Он огляделся и, убедившись в том, что остался один, медленно поднял копье, пробившее тело Иисуса.

— Если уверовал я, поверят и другие. Я донесу до них учение твое!

Ручьи стекали с горы темными грязными потоками. Дождь поливал распятых. Двое еще шевелились, чуть приподнимаясь вверх на пробитых руках за живительным воздухом. В это время на опустевший холм тенью взошла мрачная фигура, одетая в черный балахон. Анатас скинул капюшон и осмотрел поникшее тело мессии.

— Помоги мне, — пробормотал ему Гестас.

— Хорошо, — спокойно ответил Анатас и сделал жест рукой. Огромный ворон, разрезая проливной дождь и переливаясь в свете молний сине-черным оперением, рухнул вниз и, коснувшись земли, обернулся человеком. — Абигор, помоги ему!

— Как прикажете, господин, — ответил он и в два удара переломил распятому ноги. Гестас вскрикнул, но его голос заглушил раскат грома, а на новый крик сил уже не хватило: распятый тихо похрипел и замолк.

— Интересно получается. Ты отдал сына на растерзание и поругание ради них? Должен признаться, Ты обыграл меня на этот раз. Оказывается, Ты не такой уж и милосердный, раз пошел на такое. Я создал для них отличное место, а Ты взял и все испортил. Принес свою плоть и кровь в жертву. Ты не придумал ничего лучше, чем взвалить грехи людей на сына и заставить его понести за эти грехи достойное наказание. Да, он рассказал им о Тебе. Они узнали истину, и многие поверят в нее. Но надолго ли Ты освободил этой жертвой их от

меня? Ты дал им огромную силу в виде веры в Тебя, думаешь, они сумеют ею правильно воспользоваться? Посмотрим, насколько их вера будет крепкой, если намекнуть им на то, что на ней можно зарабатывать. Если дать им не одного бога, а нескольких. Если позволить им трактовать слова Твоего сына на свой лад. Если разрешить им называть себя пророками. Если поставить тех, кто считает себя слугами Твоими, выше остальных. Устоят ли они перед таким искушением или зальют кровью землю ради новой веры?

— Господин, вот, — горбун вынырнул из-за спины Анатаса и протянул ему сумку Луция.

— Писание. Думаю, его стоит немного подкорректировать и отдать людям, чтобы они заново переписали его. Вот и все. Чего проще? Я уверен, каждый из них привнесет в него такое, на что даже моей фантазии не хватило бы. Кстати, Луций пролил кровь праведника. Теперь он мой! Уговор есть уговор. Да, и еще, мой милый Грешник, сделай так, чтобы о генерале не знал больше никто — как будто его никогда не было. Мне нужно, чтобы про него забыли. А все, что он творил и кем был, припиши его отцу Корнелию, а то и вовсе кому-нибудь постороннему. Люди должны знать только то, что мы позволим. Наш волчонок еще покажет им свои зубки в будущем, и забвение даст мне возможность показать ему лишь то, что он захочет увидеть. Ведь ты знаешь сам, правда никому не нужна. А когда придет время, я расскажу ему совсем другую историю.

Глава 45 ИСЧЕЗНОВЕНИЕ

Доспехи валялись в мутной жиже. Там же лежал меч. Дождь все еще продолжался, образовывая на луже крупные пузырьки. Луций сидел на сваленном молнией дереве, смотрел в землю и нервно грыз ногти. Вода ручьями стекала с его головы, приятной прохладой смывая грязь и пот с тела. Но не могла она смыть черноту с души генерала.

— Позволишь? — послышался рядом до боли знакомый голос, и дождь постепенно прекратился.

— Можно подумать, если я скажу нет, ты уйдешь, — тяжело вздохнул Луций.

— Что собираешься делать?

— Ты говоришь так, будто от меня что-то зависит. Ты добился своего: я убил того, на кого ты указал мне. Теперь люди в твоей власти.

— Ты так считаешь?

— Смешно слышать это от тебя.

— Я помогаю тебе с самого детства, и в конце такая вот благодарность? Удивительно.

— Ты испоганил всю мою жизнь, Марк. Или Анатас. Хотя какая теперь разница?

— Я? — протянул Анатас и удивленно развел руками. — Однако. Я спас тебя от мести брата, и только по моей воле ты сейчас сидишь здесь, а не лежишь с перерезанным горлом в какой-нибудь канаве. Я предупреждал тебя о смерти Иисуса, просил избавить его от мучений, но ты не послушал меня. В итоге ты изувечил его, подверг мукам и насмешкам и все равно убил. Я хотел поставить тебя во главе империи, чтобы дать людям нормального правителя. Теперь к власти придут такие монстры, по сравнению с которыми ты будешь выглядеть мелким пакостником. Императора Тиберия сменил его приемный сын Калигула — тот еще выродок, похлеще своего предшественника. А твой брат Маркус станет командиром гораздо хуже тебя, и воины взбунтуются. Знаешь, что они с ним сделают?

— Убьют, — сухо ответил Луций.

— Правильно. Да, я спас его, но ты не послушал меня, и теперь я не смогу помочь. Я же говорил тебе: нельзя научить волка жевать траву, словно баран. Рано или поздно нутро возьмет верх. Теперь Иуда будет отдыхать на свои тридцать сребреников. Твою Марию бросят солдатам в барак, и о смерти она будет только мечтать — Каиафа позаботится об этом, ты уж поверь мне. А Варавва продолжит грабить и убивать. И все из-за тебя, Луций! Все потому, что ты полез не туда, куда нужно, и стал не тем, кем тебя готовили.

— И что ты предлагаешь?

— Теперь уже ничего. Все кончено. Иисус умер.

— Его ученики остались. Они продолжают его дело!

— Кто именно? Не смей меня. Один предал, другой трижды отрекся, остальные попросту разбежались, спасая свои шкуры. А ты вообще убил его. Так что учения Иисуса канут в небытие, а мир погрузится в кровавую бойню. И во всем этом будет твоя вина. Ты подвел их всех. Жаль мне тебя, жаль Марию и Маркуса, — Марк поднялся и тихо, можно сказать, по-отечески, добавил: — Прощай, Луций. Я сочувствую, что тебе придется жить с этим. Теперь тебя ненавидят не только власти в Риме, но и чернь, которая верила в мессию.

— Постой!

— Да? Я слушаю тебя.

— Как все исправить?

— Он поверил? — спросил Маркус у своего хозяина, глядя, как удаляется его брат.

— Он сделал выбор. Они всегда делают выбор, когда их ставишь перед ним. Правда, не всегда правильный.

— Почему ты не дал мне расправиться с ним? Ведь ты обещал!

— Еще рано. Бессмертный не может сражаться с избранным, пока тот не поймет, для чего его создали. Пройдет еще не одно тысячелетие, пока все свершится. Править и управлять людьми — две разные вещи, как я ни пытался объяснить это своему брату.

— И когда он это осознает?

— Кто знает? Сначала он должен будет несколько раз переродиться: сменится много поколений, прежде чем наступит решающий момент. А потом он поможет нам завладеть чистой душой. Больше я не позволю брату посылать свою часть сюда, на эту грешную планету, в этот бессмысленный мир. Я заставлю людей пасть настолько, что Он будет вынужден дать им нового спасителя. Только вот на чьей стороне окажется будущий мессия, будет зависеть теперь не от нас, а от простых смертных. Пускай они думают, что победили. Сейчас Луций не принадлежит никому, но он будет действовать, основываясь на эмоциях.

— Но они же попытаются остановить его!

— Не попытаются, а остановят. Конечно, не своими руками, но все же остановят. Тем не менее, он совершит задуманное. Теперь его мысли не подконтрольны никому из нас. Каждое его перерождение будет отдалять его от цели, будет затмевать его разум. К сожалению, мы не сможем его найти, пока он сам не поймет, кто он и что он. Теперь он — проблема не только для нас, но и для них. Слишком большая власть сосредоточена в нем. Он побывал по обе стороны. Свет и тьма теперь разделяют его, и еще неизвестно, какую сторону он будет принимать в своих новых обликах. На их месте я бы убил его. Но разве Он осмелится сделать это? Ему не жалко только собственное дитя. Так что пусть пожинаяют плоды деяний своих. Не пойму только, почему Он все же именно Луцию доверил убить собственного сына?

— Говорят, ты искал меня. Зачем я тебе нужен? — спросил Иуда у стоящего рядом с деревом человека с закрытым тряпицей лицом.

— Я слышал, ты хорошо знаешь первосвященника Каиафу. Знаешь, как тайно можно проникнуть в его дом. А еще я слышал, что за хорошую плату ты готов предать не только мать родную, но и Бога, — незнакомец снял с пояса увесистый мешочек и подкинул несколько раз на ладони. У собеседника загорелись глаза, он жадно облизал губы. — Ну, так что? Верно про тебя говорят, или, быть может, мне стоит поискать другого информатора?

— Люди — мусор! А вот деньги делают из мусора королей жизни!

— Значит, ты согласен?

— Конечно! Только есть одна просьба.

— Я слушаю.

— Мне все равно, для чего ты пойдешь к первосвященнику, — это твое дело. Только я хочу, чтобы он после вашей встречи больше не увидел белого света.

— Перестраховываешься? А какие гарантии ты мне дашь, что после нашего с тобой разговора ты не побежишь к римлянам и не выдашь меня?

— Брось, я люблю деньги. А судя по тому, сколько ты хочешь мне предложить, я

спокойно исчезну. Уеду в Грецию или Египет, а может, и в Рим. Здесь мне нечего делать. После недавнего инцидента многие хотят поквитаться со мной. Надеюсь, ты не из их числа, — рассмеялся Иуда. — Покажи, что в мешке, и я расскажу тебе все, что знаю.

— Смотри, — человек медленно развязал кисет.

— Это что, шутка что ли?! — наклоняясь вперед, удивился Иуда.

— Да какие могут быть шутки? — незнакомец ударом в челюсть сбил Искарриота с ног.

Тело упало в одну сторону, мешочек полетел в другую, рассыпавшись на земле мелкими камушками с Галилейского озера. Луций размотал лицо и достал из-за пазухи длинную веревку.

— Луций! Ты?! Мерзкий ублюдок! — придя в себя, взорвался Иуда.

Он сидел на земле со связанными за спиной руками, на его шею была надета петля, перекинута через толстую ветку дерева.

— Я рад тебя снова видеть, — Луций пошарил по одежде Иуды и достал спрятанные в ней тридцать сребреников. — Недорого ты оценил сына Божьего, — усмехнулся генерал.

— Да брось, Луций! Я тебе все расскажу. Все, — Искарриот начал нервно тараторить о том, как проникнуть в дом первосвященника. Луций внимательно слушал, одобрительно кивал и даже приветливо улыбался. — Я все тебе рассказал! Все, что знал. Отпусти меня. Прошу! Скажи, что ты это несерьезно.

— К сожалению для тебя, дружище, я более чем серьезен. Знаешь, у меня отняли все. Вывернули мою душу наизнанку и втоптали ее в грязь. Так что сейчас я более чем серьезен.

— Ты ведь сам его распял, а затем прикончил! Ты ничем не лучше меня!

— Знаешь, у меня были на то свои причины.

— Да неужели?! Ты сделал это из-за той бабы, которую он приютил у Марты!

— Эту бабу зовут Мария. Кстати, я слышал, ты написал донос на нее. Это правда?

— Что за бред?! На кой она мне сдалась?! — Луций ударил Иуду в живот, и тот закашлялся. — Постой, постой. Прекрати. Да, я передал бумагу Каиафе. Донос у него.

— Я так и думал, — генерал взялся за веревку и начал медленно натягивать ее, приподнимая понемногу тело Искарриота. Иуда шипел, кашлял, краснел и высовывал язык. — Когда я воевал в Германии, я творил там жуткие вещи. Впрочем, я совершал зверства почти везде, где мне приходилось бывать. Представляешь, варвары называли меня Мара — это их бог беззакония и хаоса.

Он натянул веревку настолько, что Иуда едва касался земли кончиками пальцев ног. Он отрывисто дышал, из его рта текла слюна.

— Ты что-то сказал? Прости, показалось. Ну, так вот. Эти варвары придумывали такие мудреные пытки и казни, что палачи Рима могли бы только позавидовать их воображению.

Луций подставил под ноги Иуде небольшое бревнышко и заставил на него подняться одной ногой. Бедолага с трудом держал равновесие.

— Что ты собираешься делать?! Ты же был одним из его учеников. Ты записывал его учения! Ты милосерден!

— Я, Луций-ученик, — да. А вот Луций-генерал всегда был мерзким, кровожадным садистом и убийцей! Поверь, я хотел подавить его в себе, но, к сожалению, такие, как ты, не позволяют мне этого сделать. Я не пожалел собственного друга, Иуда. Думаешь, я пощажу тебя?

Генерал достал нож, разрезал одежду Иуды, перерезал путы на его руках и, наконец, вспорол ему брюхо. Тот орал от боли, падал с подставки, но Луций снова помогал ему на нее

взбираться. Зажав рану руками, Искарот еле держался на бревне.

— Фу, тяжелый ты, паскуда! А теперь подумай сам, что будет: попытаешься снять петлю с шеи — твои внутренности вывалятся наружу. Упадешь с бревна — веревка тебя удушит, и кишки все равно вывалятся наружу. Будешь стоять и держать равновесие — проживешь, возможно, час или два. Так что прощай, Иуда Искариот! — Луций сплюнул в сторону, подбросил на руке мешочек с тридцатью сребрениками и зашагал прочь.

— Будь ты проклят! Проклинаю тебя!

Пенек вывернулся из-под ноги, и веревка со звуком упругой тетивы мгновенно натянулась. Тело задергалось в предсмертных судорогах, подметая землю человеческими внутренностями.

— Я проклят и проклят уже давно, Иуда, — генерал спрятал мешочек за пазухой и удалился, не оглядываясь.

Каиафа вернулся домой и прошелся по комнатам. Странная тишина удивила его: нигде не было ни прислуги, ни рабов, даже старший по дому не встретил его.

— Эй, где вы, грязные животные?! Я прикажу надсмотрщику выпороть вас! Что за глупые шутки?! — первосвященник открыл дверь кабинета и вошел в темное помещение. — Хоть бы лампу зажгли что ли!

Внезапно дверь захлопнулась, и на нее самовольно опустился засов. Каиафа попятился в сторону и наткнулся на что-то свисающее с потолка, затем еще и еще на что-то. Пол почему-то был скользким. Первосвященник уперся в стол и поводил по нему руками в поисках лампы. Его ладони коснулись липкого и влажного.

— Кто здесь? — Каиафа бестолково вглядывался в темноту. — Кто здесь? Кто?

Щелчок огнива высек искры, и стоящая в углу жаровня осветила комнату. Хозяин дома побледнел, судорожно вытирая окровавленные ладони. Луций злое улыбкался. Языки танцующего пламени делали его лицо до безумия страшным. Обезглавленная прислуга, подвешенная за ноги к потолку, болталась, словно скот на бойне крестьянина. Головы были аккуратно сложены горкой на столе. Генерал в окровавленной одежде ровнял кинжалом нготь на большом пальце.

— Ну, здравствуй, Каиафа. Вижу, ты не особо рад меня видеть, — Луций достал мешочек с монетами и швырнул его в лужу крови, отчего на первосвященника попало несколько капель. Тот вздрогнул и отшатнулся. — Иуда Искариот просил вернуть тебе тридцать сребреников. Знаешь, он раскаялся. Когда я вешал его на дереве, он так искренне сожалел о содеянном, просил меня не отнимать у него жизнь. А ты, Каиафа, будешь каяться? Будешь меня просить?

Генерал подошел к первосвященнику, который сполз перед ним вниз. Луций схватил его за волосы, задирая голову. Тот только мычал, вертя обезумевшими глазами по сторонам, скудно подергиваясь и вяло пытаясь сопротивляться.

— Страшно умирать, а, первосвященник? Приговаривать к смерти куда интереснее, чем принимать ее самому. Тише, не дергайся, я постараюсь сделать все быстро, — клинок вошел в горло. Каиафа засучил ногами, цепляясь за руки Луция. — Тише, тише. Ну все, все, — шептал ему генерал, невозмутимо отрезая голову. Закончив, он поднял ее за волосы и, подойдя к столу, положил на самый верх ужасной пирамиды, после чего нашел свиток с доносом и сжег его в жаровне.

— Не убей! Так гласит закон Божий, Каиафа! А за грехи ваши — смерть!

Луций закрыл за собой дверь и прошел в большой зал, посреди которого находился небольшой водоем с рыбой. Не раздумывая, он погрузился в него, чтобы смыть с себя кровь. Немного понаблюдав за тем, как рыбы плавают в жиже багрового цвета, генерал надел новую одежду и ушел.

Перевернутый крест, вкопанный в землю, стоял на самом солнцепеке. Варавва, приколоченный вниз головой к деревянной площадке, делал последние вдохи. Кровь прилила к мозгу, и боль стала настолько сильной, что он только тихо поскуливал. Луций сидел неподалеку в тени, жевал грубый ячменный хлеб, запивал его водой и время от времени спокойно посматривал на умирающего. Вскоре Варавва глухо взвизгнул, тяжело выдохнул и покинул этот мир.

— Зачем ты это сделал?

— Что именно? — откусывая очередной кусок, ответил Луций, даже не поворачиваясь к собеседнику.

— Почему распял его вверх ногами?

— А, ты про это. Знал я одного хорошего человека, которого приговорили к смерти на кресте. А эта мразь не достойна умереть так, как он.

— Глубокий смысл. Я поражен. К сожалению, Луций, ты сотворил много разных дел, да и знаешь слишком много для простого смертного.

Луций впервые повернулся к незнакомцу, медленно дожевывая хлеб. Перед ним стоял человек с наполовину белыми и наполовину черными волосами.

— Надо же, а я думал, вы уже про меня и забыли вовсе, — усмехнулся генерал.

— Тебе больше нельзя топтать эту землю, Луций.

— Здорово. А раньше, значит, можно было? Ну, вам-то конечно лучше знать. Для вас это так, игрушечки. Ладно. Как там тебя?

— Падший. Меня зовут Падший.

— Почти так же, как и меня. Я готов. Давно уже жажду кануть в геенну огненную. Позволь только проститься с Марией, а затем можете делать со мной все, что хотите.

— Нет! — сухо ответил Падший и хлопнул в ладоши.

Земля под ногами Луция разверзлась, и он камнем полетел в бездну. В ту же секунду пролом затянуло землей.

— Зачем он вам после того, что сотворил с Иисусом и остальными смертными? Понять не могу, — удивленно произнес Падший.

— Чтобы противостоять Анатасу, Богу требуется свой дьявол! — спокойно ответил Михаил, пристально смотря на собеседника.

Анатас не спеша шел в толпе по узенькой улочке. Рядом с ним смиренно шагал человек. Мимо пробежал босой мальчик в рваных штанах и жилетке на голое тело. Народ что-то горячо обсуждал, продвигаясь нескончаемым потоком вперед. Под ногами шныряли крысы. С верхнего этажа высунулась косматая толстая женщина и закричала, что было мочи. Люди расступились, и она выплеснула на улицу ведро помоев. Плешивый монах, задрав рясу, шустро перепрыгнул мутную жижу и, расталкивая людей, исчез в живой массе. В углу безногий калека просил милостыню. От него все шарахались в сторону: видимо, прокаженный. Звеня доспехами, навстречу прошагал патруль, таща за ворот воришку и отвешивая ему тумачи. Чуть дальше спорили разряженные, словно павлины, иностранные купцы.

Анатас и его спутник вышли на площадь, в центре которой возвышался помост с установленным на нем столбом, обложенным хворостом. Палач в красной маске командовал подростками, которые беспрекословно поливали ветки маслом. По периметру стояли воины, чуть поодаль на деревянных трибунах сидели судьи и представители святой инквизиции.

— Ну и чего ты добился? — глядя на эшафот, спокойно спросил Анатас.

— Они не ведают, что творят.

— Ой, как я устал от этих речей. Правда, брось! Я не раз уничтожал их, когда Ты отворачивался, понимая, что они безнадежны. Но ведь люди как тараканы, как крысы — живучи до невозможности. И каждый раз Ты, будто безумная мать, потерявшая свое дитя, снова и снова прикладывал к груди мертвое тело в надежде, что ребенок оживет. Может, хватит?

— Они лучшее из того, что я создал.

— Ну, конечно, упрямый остолоп! Тебе хоть кол на голове теши.

— Ты видишь в них только плохое.

— Потому что они не делают ничего хорошего. Отдав своего сына на растерзание, Ты продлил им агонию. До сих пор не могу понять, почему Ты пошел на это? Я думал, Ты отвернешься от них. А Ты, оказывается, заранее знал, что Иисус умрет. И после этого Ты называешь меня жестоким?

— Он искупил их грехи перед тобой.

— Почему Ты всегда вмешиваешься? Возишься с ними, решаешь за них?

— Я хочу спасти их от тебя.

— А они хотят этого? Посмотри, во что они превратили Твои учения, Твою веру. Ты дал им благо, а они все перевернули и сделали из него оружие. Ты подумал, сколько их погибнет лишь потому, что они получили то, к чему не были готовы? Калигула, Клавдий, Камилл Скрибониан, Нерон, наконец. Скольких верующих в тебя они погубили?

— Но ведь вера жива.

— Конечно. И теперь в Твою честь они жгут людей на кострах. Как Тебе это нравится?

— Я ужасаюсь. Но рано или поздно они поймут, что неправы. Тем более, это происходит по твоей милости! Ты делаешь все, чтобы они извратили мое учение.

— А разве не Ты твердишь все время, что они совершенны? По-моему, даже глупцу понятно, что хорошо, а что плохо. И я не думаю, что хорошо убивать себе подобного лишь

потому, что он не верит в то, что ему навязывают.

— Тогда остановись.

— О-о-о-о, нет. Хватит. Я довольно насмотрелся на все это. Теперь я возьму реванш.

— Ты никогда не останавливался. Кстати, твою идею с индульгенцией я оценил.

— Правда, здорово? Я подсказал им, что грехи можно искупить, заплатив за бумажку с папской печатью. И ведь поверили! Знаешь, сделать из веры прибыльное дело оказалось не так уж и сложно. Что-что, а получать выгоду даже из самого святого Твои создания научились великолепно! Они торгуют даже распятием — зарабатывают на смерти твоего сына. Скоро праведников у тебя совсем не останется, так как они все переберутся ко мне, — усмехнулся Анатас.

— Посмотрим, — Он развернулся и, пробираясь через толпу, исчез.

— Беги, беги. Ты всегда бежал от них, а я всегда слышал их просьбы. Ступай, раз не желаешь досмотреть представление до конца.

Палачи привели на место казни ДжорданоБруно скляпомворту, привязали железной цепью к столбу и перетянули мокрой веревкой, которая под действием горячего воздуха от огня должна была стягиваться, врезаясь в тело. Кляп вытащили, и осужденный воскликнул:

— Я умираю мучеником добровольно и знаю, что моя душа с последним вздохом вознесется в рай. Сжечь меня не значит опровергнуть то, что я говорил.

— Ах, бедный Джордано, предупреждал я тебя: не стоит выносить свои открытия в народ. Слишком уж ты опередил развитие этого сброда. Не готовы они к такому, ох, не готовы, — покачал головой Анатас.

Факел поднесли к хворосту, пламя взмыло вверх, и черный дым устремился в небо. Толпа радостно обсуждала происходящее.

— Ничего не изменилось, — Анатас развернулся и стал пробираться через толпу, покидая площадь.

«Последнее, что помню, как провалился в яму. И все. Темно, тепло и мокро. Границы мира сузились. Неужели, это вся Вселенная? Почему такая маленькая? Ни рук, ни ног нет, но я чувствую, что существую. Странно. Болтаюсь на какой-то веревке, посреди маленькой сферы, заполненной водой. Кто я? Где я?».

— Можете одеваться, — доктор сел за свой стол и начал заполнять медицинскую карту.

— Так что вы скажете? — то ли со страхом, то ли с радостью спросила девушка.

— Все очевидно: вы беременны. Поздравляю!

— Спасибо, — робко поблагодарила она.

— Кого хотите? — поинтересовался доктор, передавая карточку девушке.

— Мальчика.

— Значит, будет мальчик, — странно ухмыльнулся врач. За окном на ветку присел большой черный ворон и завертел головой, его глаза поблескивали. Он будто изучал девушку. — Удачи вам, берегите себя и ребенка, — простучал пальцами по столу доктор и, сняв очки, жестом указал на дверь. — Пригласите следующую.

Больше книг на сайте - Knigolub.net